

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

2(40)'2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(40)'2012

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2012

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2012. – Вып. 2(40). – 279 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 2 (40)

Подписано в печать 15.06.2012. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. — 30,8. Тираж 500 экз. Заказ 3895.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2012

© Политическая лингвистика, 2012

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(40)'2012

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
--------------------------	----

ДИСКУССИИ

Федосюк М. Ю. Москва, Россия	Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира	11
Мельников Г. П. Москва, Россия	В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено	13

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Беляевская Е. Г. Москва, Россия	Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе (к методике анализа).....	21
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Советский конформизм в зеркале языка	27
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Драйв как средство адаптации к эпохе и политической ситуации: рекламные и предвыборные слоганы.....	33
Седых А. П. Белгород, Россия	Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель	39
Сергеева Е. В. Санкт-Петербург, Россия	К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.)	46
Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Дискурсивные характеристики политической коммуникации	53

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Белоусов К. И. Зелянская Н. Л. Оренбург, Россия	Образ мира политика (по данным частотного анализа лексики).....	60
Веснина Л. Е. Екатеринбург, Россия	Коммуникативная стратегия запугивания в текстах религиозной организации «Свидетели Иеговы»	66
Ермолаева Е. Н. Геворгян М. В. Кемерово, Россия	Особенности реализации медиатопика «Война» в современном новостном дискурсе (на материале англоязычных СМИ).....	71
Еременко А. Ю. Москва, Россия	Семантика термина «имидж» в политологии	75
Загоровская О. В. Заварзина Г. А. Воронеж, Россия	Инновации, связанные с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России	80
Иванова А. И. Севилья, Испания	Прагмалингвистический анализ личного местоимения «мы» как формы публичного обращения Барака Обамы в Интернете.....	84
Костылев Ю. С. Екатеринбург, Россия	Языковые средства создания образа врага в советской отраслевой кинематографической печати 1930-х гг.	88
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса	93

Майба В. В. Ростов-на-Дону, Россия	О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков).....	102
Малышева Е. Г. Омск, Россия	Концепт 'Олимпиада-2014' как новоидеологема современной России (на материале текстов СМИ).....	109
Матыгина Е. Б. Челябинск, Россия	Сказка о справедливой войне в официальных заявлениях Мадлен Олбрайт	114
Михалькова Е. В. Тюмень, Россия	Дискурсивные особенности текстов плакатов на митингах оппозиции в Москве, проведенных в связи с выборами в Государственную думу РФ 4 декабря 2011 г. и выборами президента РФ 4 марта 2012 г.	126
Немирова Н. В. Сыктывкар, Россия	Прецедентность концептосферы 'Украина' в современной российской политической картине мира (на материале российских СМИ 2004—2010 гг.).....	132
Нехорошева А. М. Тамбов, Россия	Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель).....	140
Онищенко М. С. Ульяновск, Россия	Отношения иерархии между концептами (на материале концептов <i>политик, президент, Медведев</i> в русском национальном сознании).....	145
Смирнова Т. П. Нижний Новгород, Россия	Основные тенденции развития европейской языковой политики и пути ее реализации	153
Соловьева Ю. А. Москва, Россия	Соотношение концептуально-метафорических репрезентаций и идеологических оснований политических концепций.....	157
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Когнитивно-дискурсивная модель «Будущее России» в американском политическом дискурсе (середина XIX — начало XX в.)	161
Таратынова Н. В. Москва, Россия	Тактики воздействия в политическом дискурсе (на примере выступлений Государственного секретаря США Х. Клинтон)	169
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Стереотипные образы афроамериканцев в американской графике	176

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Антонова Ю. А. Екатеринбург, Россия	Символика китайских чисел в рамках теории и практики межкультурной коммуникации	200
Ермоленко С. И. Валек Н. А. Екатеринбург, Россия	Диалог в ситуации «всеобщего обособления», или «лишний человек» «на rendez-vous» (роман В. А. Соллогуба «Через край»)	203
Лазарева Э. А. Горина Е. В. Екатеринбург, Россия	Интернет-издание как текстовой феномен	210
Гутрина Л. Д. Екатеринбург, Россия	Ностальгия по «Родному советскому» в поэзии Кати Капович («Весёлый дисциплинарий» (2005), «Свободные мили»(2007))	217
Добродомов И. Г. Москва, Россия	Из истории двух жаргонизмов: <i>пацан</i> и <i>шкет</i> на лексикографическом фоне	224

Чувильская Е. А. Дубив Н. В. Тюмень, Россия	Путешествие по постсоветской России Х. Шюле и В. Бюшера.....	239
Никитина Е. А. Екатеринбург, Россия	Визуальный образ французской истории XX века (на примере фильма Э. Сколы «Бал»)	243
Овчинникова М. Н. Верхняя Пышма, Россия	Пьесы-мистерии Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 30—40-х годов как вызов времени	248
Плотникова М. В. Екатеринбург, Россия	Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в «Балладе проклятий врагам Франции» Ф. Вийона	253
Проскурина Ю. М. Екатеринбург, Россия	Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 года в русской литературе и литературной критике	257
Симбирцева Н. А. Екатеринбург, Россия	Универсалии культуры и трансляция социально-исторического опыта: поиск стратегии анализа.....	260

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Джордж А. Л. Калифорния, США Пер. с англ. Н. В. Макаровой	Прогнозирование политических действий посредством анализа пропаганды	265
--	---	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Чудинов А. П. Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Болгарская политическая метафора	274
	<i>Рецензия на монографию Л. Цоневой</i>	

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	277
--	-----

CONTENTS

EDITORIAL 10

DISCUSSIONS

Fedosyuk M. Yu. Concept by G. P. Melnikov and discussion
Moscow, Russia of the Russian language world picture 11

Melnikov G. P. Peculiarities of the Russian language
Moscow, Russia and factors which determine them 13

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Beliaevskaya E. G. Frame “Politician” in English biographic discourse
Moscow, Russia (on methodology of analysis) 21

Kupina N. A. Soviet conformism as reflected in the language..... 27
Ekaterinburg, Russia

Ruzhentseva N. B. Drive as a means of adaptation to the epoch and political situation:
Ekaterinburg, Russia advertising and election slogans 33

Sedykh A. P. Emotive-emphatic components of phraseological discourse
Belgorod, Russia of V. V. Putin and A. Merkel 39

Sergeeva E. V. Some manipulative methods in the texts
St. Petersburg, Russia of pre-election propaganda (election campaign-2011) 46

Chudinov A. P. Discursive characteristics of political communication..... 53
Ekaterinburg, Russia

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Belousov K. I. Politician’s image of the world
Zelyanskaya N. L. (according to the frequency analysis of vocabulary) 60
Orenburg, Russia

Vesnina L. E. Communicative strategy of intimidation
Ekaterinburg, Russia in the texts of the religious organization «Jehovah’s Witnesses» 66

Ermolaeva E. N. Peculiarities of media topic “War” representation
Gevorgyan M. V. in contemporary news discourse
Kemerovo, Russia (on the basis of English-language mass media) 71

Eremenko A. Y. The semantics of the term “Image” in political science 75
Moscow, Russia

Zagorovskaya O. V. Innovations formation and functioning,
Zavarzina G. A. connected with the renewal of modern Russian
Voronezh, Russia state administration lexis 80

Ivanova A. I. Pragmalinguistic analysis of personal deictic pronoun “We”
Seville, Spain as a form of online public address by Barack Obama 84

Kostylev Yu. S. Linguistic means of constructing the image
Ekaterinburg, Russia of an enemy in the Soviet cinematic press in the 1930-s 88

Kushneruk S. L. Discursive and text worlds: possibilities
Chelyabinsk, Russia of level stratification of discourse 93

Mayba V. V. Rostov-on-Don, Russia	On the structure of the political correctness language (on the example of the English and the Russian languages)	102
Malysheva E. G. Omsk, Russia	'Olympics 2014' concept as new ideologem of modern Russia (on the material of the text media).....	109
Matygina E. B. Chelyabinsk, Russia	The fairy tale of the just war in Madeleine Albright's official rhetoric.....	114
Mikhalkova E. V. Tyumen, Russia	Aspects of discourse, found in the texts of posters at meetings held in Moscow over the elections to State Duma (4 december 2012) and Presidential elections (4 march 2012)	126
Nemirova N. V. Syktyvkar, Russia	Precedents in the conceptual sphere 'Ukraine' in the modern Russian political picture of the world (on the materials of the Russian Mass Media of 2004—2010)	132
Nekhorosheva A. M. Tambov, Russia	Mechanisms of forming a "Friend-Alien" cognitive matrix in the German political discourse (on the basis of Angela Merkel's speeches).....	140
Onishchenko M. S. Ulianovsk, Russia	Hierarchical relations between concepts (on the basis of concepts <i>politician, president, Medvedev</i> in Russian national consciousness)	145
Smirnova T. P. Nizhny Novgorod, Russia	The main tendencies of the development of European language policy and ways of implementation.....	153
Solovyeva Y. A. Moscow, Russia	The correspondence of conceptual-mataphorical representations and ideological foundation of political theories.....	157
Solopova O. A. Chelyabinsk, Russia	Cognitive discursive model «Future of Russia» in American political discourse (mid-19 th century – beginning of the 20 th century)	161
Taratynova N. V. Moscow, Russia	Techniques of influence in the political discourse (as exemplified by the US Secretary of State Hillary Rodham Clinton)	169
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Stereotypical African Americans in American graphic works	176

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Antonova Yu. A. Ekaterinburg, Russia	Symbolism of chinese numbers in the frames of theory and practice of intercultural communication	200
Ermolenko S. I. Valek N. A. Ekaterinburg, Russia	Dialogue in situation of «general isolation», or «a superfluous man» «at rendez-vous» (novel by V. A. Sollogub «Beyond Measure»).....	203
Lazareva E. A. Gorina E. V. Ekaterinburg, Russia	An Internet publication as a text phenomenon	210
Gutrina L. D. Ekaterinburg, Russia	Nostalgia for «Soviet, so dear» in poems by Katia Kapovich («Funny Disciplinary» (2005), «Free Miles»(2007))	217
Dobrodomov I. G. Moscow, Russia	From the history of two jargonisms (<i>pacan & šket</i>) on the lexicographical background.....	224

Chuvilskaya E. A. Dubiv N. V. Tyumen, Russia	Ch. Schuele & W. Buescher's travel around post-soviet Russia.....	239
Nikitina E. A. Ekaterinburg, Russia	The visual image of the French history of the XX century (on the basis of E. Scola film "Le Bal")	243
Ovchinnikova M. N. Verhnyaa Pyshma, Russia	E. Ju. Kuzmina-Karavaeva's plays-mysteries of the 30-40 th as a challenge of the time	248
Plotnikova M. V. Ekaterinburg, Russia	Precedent names with the source domain "Politics" in "Ballad against the enemies of France" by F. Villon	253
Proskurina Yu. M. Ekaterinburg, Russia	The main stages in understanding of the events of 1812 in Russian literature and literary criticism	257
Simbirtseva N. A. Ekaterinburg, Russia	Universal phenomena of culture and expression of social historical experience: search of the strategy for analysis.....	260

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

George A. L. California, the USA <i>Transl. by N. V. Makarova</i>	Prediction of political action by means of propaganda analysis	265
--	--	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Chudinov A. P. Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	BULGARIAN POLITICAL METAPHOR	274
	<i>The review of a book by Lilyana Tsoneva</i>	

Manuscripts requirements	277
--------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

У нас новость: все поступающие в редакции научных журналов УрГПУ статьи с мая 2012 г. тестируются в системе «Антиплагиат», что позволяет сделать немало интересных открытий. За первый месяц обнаружили две статьи, «авторы» которых более половины «своего» текста заимствовали в Интернете. Дословные совпадения следуют целыми страницами. Неужели лень было хотя бы фразы перестроить или синонимы поискать? Или это показалось излишне трудоемким?

Такие «исследования» возвращаем так называемым «авторам» с указанием источника заимствования и добрыми пожеланиями.

Еще обнаружили авторы, которые отнюдь не занимаются плагиатом, но посылают в наш журнал СВОИ СОБСТВЕННЫЕ исследования, ранее напечатанные в других изданиях. При этом в лучшем случае несколько редактируют текст, расширяют библиографию, включают дополнительный материал. Другие претенденты на публикацию относятся к собственной публикации как к Библии, то есть не меняют в них ни слова, оставляя в изначальном виде даже опечатки.

Подобные «исследования» также возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

Очень хочется в следующих номерах начать публиковать фамилии героев, но мы уверены, что все это происходит случайно, а поэтому пока воздержимся...

Во всем остальном мы сохраняем традиции и стремимся следовать основным принципам нашего журнала.

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакцион-

ная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в печатном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.2-3

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

М. Ю. Федосюк М. Yu. Fedosyuk
Москва, Россия Moscow, Russia

КОНЦЕПЦИЯ Г. П. МЕЛЬНИКОВА И ДИСКУССИЯ О РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Продолжение дискуссии о русской языковой картине мира. Предисловие к публикации лекции Г. П. Мельникова, вкратце характеризующее его концепцию «системной лингвистики», противопоставленной лингвистике структурной. Отрицается тезис Ф. де Соссюра о немотивированности языкового знака и устройства системы любого языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; лингво-нарциссизм; любительская лингвистика; структурная лингвистика; системная лингвистика; мотивированность языкового знака.

Сведения об авторе: Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, факультет иностранных языков и регионоведения.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 31/1.
e-mail: fedosyuk@tochka.ru.

CONCEPT BY G.P. MELNIKOV AND DISCUSSION OF THE RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE

Abstract. This article is the continuation of the discussion of the Russian language world picture. It is the forword to the publication of the lecture of G. P. Melnikov, characterising his concept of «systemic linguistics» in short, which is contrasted to structural linguistics. The thesis of F. de Saussure about the absence of motivation of the language sign and construction of any language system is rejected.

Key words: language world picture; linguistic narcissism; amateur linguistics; structural linguistics; systemic linguistics; presence of motivation on the language sign.

About the author: Fedosyuk Mikhail Yurievich, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Place of employment: Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Данная публикация представляет собой отклик на дискуссию, открывшуюся статьями, которые были опубликованы в № 4 (38) журнала «Политическая лингвистика» за 2011 г. (см.: [Павлова, Безродный 2012; Шмелев 2012]). Анализируя наблюдения ряда современных лингвистов над особенностями русской языковой картины мира, авторы первой из упомянутых статей, А. В. Павлова и М. В. Безродный, почему-то ставят эти наблюдения в один ряд, во-первых, с чисто эмоциональными высказываниями о родном языке русских писателей, во-вторых, с выступлениями некоторых шовинистически настроенных политиков и, наконец, в-третьих, с дилетантскими работами, написанными в жанре так называемой «любительской лингвистики» [см.: Зализняк 2010], и в результате квалифицируют подобные наблюдения как проявление «лингвонарциссизма». Точного определения слова «лингвонарциссизм» в статье А. В. Павловой и М. В. Безродного нет, однако можно понять, что работы о языковой картине мира оцениваются ими отрицательно.

Полемизируя с упомянутыми авторами, А. Д. Шмелев доказывает несправедливость этой негативной оценки. Он убедительно демонстрирует, что языковая картина мира представляет собой «совокупность презумпций единиц соответствующего языка» [Шмелев 2011: 28] и, следовательно, является объективно существующим феноменом, который постоянно обнаруживается при общении меж-

ду собой носителей разных языков и действительно требует изучения. При этом, однако, на мой взгляд, в начавшейся дискуссии пока еще остаются без ответов следующие два чрезвычайно важных вопроса: во-первых, каковы те причины, по которым у разных народов складываются совершенно разные языковые картины мира, и, во-вторых, о чем говорят те различия между языками, которые наблюдаются на уровне не лексики, а грамматики?

Представляется, что весьма убедительные, однако, к сожалению, недостаточно широко известные ответы на эти вопросы в свое время давал профессор Российского университета Дружбы народов Г. П. Мельников. То направление в языкознании, которое разрабатывал Г. П. Мельников, было названо им системной лингвистикой. Основоположниками системной лингвистики ученый считал В. фон Гумбольдта, И. И. Срезневского, А. А. Потебню и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Системная лингвистика противопоставляет себя лингвистике структурной, поскольку учитывает субстанцию языковых элементов языка и системные связи между ними. Она отрицает тезис Ф. де Соссюра о немотивированности языкового знака и соответственно о немотивированности устройства системы любого языка. Язык рассматривается системной лингвистикой не как средство мышления (оно у всех людей едино), а как средство передачи мыслительного содержания. При этом разные народы используют неодинаковые способы передачи мыслительного содер-

жания, поскольку эти способы находятся в тесной зависимости от специфики коммуникативных потребностей, возникающих в каждом из типов языкового коллектива. Как показывал Г. П. Мельников, инкорпорирующие языки складываются под влиянием коммуникативных потребностей небольших коллективов охотников-собирателей; агглютинативные языки характерны для коллективов животноводов-кочевников, где контакты между членами периодически прерываются в связи выпасом скота на летних пастбищах; флективные языки отвечают потребностям больших однородных оседлых коллективов земледельцев, которые остро заинтересованы в высокой помехоустойчивости языка, необходимого для многоступенчатого распространения социально значимой информации; наконец, изолирующие языки формируются в неоднородных языковых коллективах, где поддержание текущих контактов оказывается гораздо важнее помехоустойчивости [см.: Мельников 2000, 2003а].

Большая монография Г. П. Мельникова, в основу которой была положена его докторская диссертация, была выпущена уже после смерти ученого [Мельников 2003б]. Что же касается его прижизненных публикаций, то, к сожалению, в своем большинстве они носили характер либо малотиражных внутриуниверситетских учебных пособий, либо статей, напечатанных в малодоступных теперь лингвистических сборниках. При этом труды Г. П. Мельникова в области тюркологии получили гораздо более широкую известность, чем его исследования в области русистики [см.: Гузев, Насилов 2010]. Результатами этих последних ученый щедро делился со слушателями во время своих лекций в РУДН; кроме того, очень часто они ложились в основу не статей самого Г. П. Мельникова, а диссертаций, выполненных его аспирантами.

К счастью, у некоторых из коллег и учеников Г. П. Мельникова сохранился комплект аудиозаписей курса лекций по системной типологии языков, который ученый прочитал в 1993—1994 гг. в московском Музее-библиотеке выдающегося русского философа-космиста Н. Ф. Федорова. На мой взгляд, высокая ценность этих записей состоит в том, что данный лекционный курс (его объем — около 15 часов звучания) по существу представляет собой целостное, монографическое изложение концепции Г. П. Мель-

никова. При этом немаловажно то, что данный курс был адресован нефилологам. Это обусловило, во-первых, популярный, доступный широкому кругу специалистов характер изложения, а во-вторых, то, что в данном курсе лектор уделил большое внимание философским и культурологическим аспектам своей концепции, которые, к сожалению, почти не получили достаточного освещения в его печатных трудах.

Ниже публикуется текст одной из лекций Г. П. Мельникова. Она посвящена причинам своеобразия строя русского языка. Несмотря на то что эта лекция была прочитана без малого 20 лет назад, представляется, что она не утратила своей значительной научной новизны и актуальности.

Как выяснилось, неповторимую лекторскую манеру Г. П. Мельникова очень трудно передать в письменном тексте. Обычно он не читал лекции, а скорее свободно беседовал с аудиторией: увлеченно рассказывал ей о результатах своих исследований, при необходимости неоднократно возвращался к сказанному, постоянно задавал слушателям наводящие вопросы и незамедлительно отвечал на самые неожиданные вопросы, которые возникали у присутствующих. По этой причине приводимый ниже текст является не точной расшифровкой, а скорее пересказом лекции Г. П. Мельникова. Сделанная нами первоначальная расшифровка была отредактирована и приближена к стилю письменной научной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузев В. Г., Насилов Д. М. Г. П. Мельников и тюркология // *Российская тюркология*. 2010. № 2.
2. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М., 2010.
3. Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций. — М., 2000.
4. Мельников Г. П. Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики // *Вестн. Рос. ун-та Дружбы народов*. 2003а. № 4—5.
5. Мельников Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. — М., 2003б.
6. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единого: из истории лингвонарциссизма // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 11—20.
7. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 21—33.

УДК 811.161.1
ББК Ш141.2

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.11

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Г. П. Мельников
Москва, Россия

G. P. Melnikov
Moscow, Russia

**В ЧЕМ СОСТОИТ СВОЕБРАЗИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА И КАКИМИ ФАКТОРАМИ
ОНО ОБУСЛОВЛЕНО**

**PECULIARITIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE
AND FACTORS WHICH DETERMINE THEM**

Публикацию подготовили М. Ю. Федосюк,
Т. Л. Ляхнович, Т. В. Ващекина

The publication is prepared by
M. Yu. Fedosiuk, T. L. Liakhnovitch,
T. V. Vashchekina

Аннотация. Публикация лекции, в которой многие специфические особенности системы русского языка описаны как следствия его установки на описание любых ситуаций как развивающихся событий.

Abstract. A publication of a lecture, in which many specific features of the Russian language are described as a result of its aim at description of any situation as a developing event.

Ключевые слова: системная лингвистика; индоевропейские языки; русский язык; языковой коллектив; развивающееся событие; словообразование; синтаксическая метафора.

Key words: systemic linguistics; Indo-European languages; the Russian language; language group; developing event; word formation; syntactic metaphor.

Сведения об авторе: Мельников Геннадий Прокопьевич (1928—2000), доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания.

About the author: Melnikov Gennadij Prokopievich (1928—2000), Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics.

Место работы: Российский университет Дружбы народов.

Place of employment: Peoples' Friendship University of Russia.

Сведения о публикаторе: Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения (расшифровка аудиозаписи, её редактирование и подготовка предисловия).

About the author: Mikhail Yurievich Fedosyuk, Doctor of Philology, Professor, Chair of the Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Languages and Area Studies (decoding the audio recording, its editing and writing the Foreword).

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Контактная информация: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, Ломоносовский проспект, 31/1, 119192, Москва, Россия.

e-mail: fedosyuk@tochka.ru.

Сведения о публикаторе: Ляхнович Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка (расшифровка аудиозаписи).

About the author: Liakhnovitch Tatiana Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the English Language (decoding the audio recording).

Место работы: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия.

Place of employment: Belarusian State Agricultural Academy.

Контактная информация: кафедра английского языка БГСХА, ул. Мичурина, 5, г. Горки Могилевской области, 213407, Беларусь.

e-mail: vvkttl@mail.ru.

Сведения о публикаторе: Ващекина Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения (расшифровка аудиозаписи).

About the author: Vashchekina Tatiana Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Comparative Language Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies (decoding the audio recording).

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Контактная информация: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, Ломоносовский проспект, 31/1, 119192, Москва, Россия.

e-mail: vascjulia@yandex.ru.

Язык, как и любой инструмент культуры или техники, формируется под влиянием потребности использования в определенных условиях. Если конкретизировать этот тезис применительно к индоевропейским языкам, то зарождение их строя начинается в те времена, когда племена охотников-собираателей приступают к освоению культуры земледелия. Такое изменение образа жизни позволяет людям

обеспечить себе на сравнительно небольшой территории достаточно большой и надежный воспроизводимый источник пищи. В результате население постепенно разрастается, занимая все более обширную территорию, но при этом оно утрачивает ту возможность поддерживать непосредственные контакты между каждым из членов общества, которая существовала в микроколлективах охотников-собираателей.

© Мельников Г. П., 2012

© Федосюк М. Ю., Ляхнович Т. Л., Ващекина Т. В., публикация, 2012

Между тем для постоянного совершенствования способов хозяйствования земледельцам очень важно, чтобы каждый, кто изобрел что-либо новое в посадке, уборке, хранении урожая и т. д., делился своим опытом с другими. Следовательно, такое разрастающееся общество нуждается в существовании надежного способа многоступенчатой передачи от одного члена коллектива к другому социально полезной информации. Если в микроколлективе охотников-собирателей каждый способен передавать новую информацию всем и сразу, тем самым без существенных искажений и потерь, то в разрастающемся оседлом земледельческом коллективе информация распространяется путем большого количества ретрансляций. Поэтому постепенно должна сформироваться такая система языка, которая имеет значительное число механизмов, обеспечивающих предохранение сведений от ситуации «испорченного телефона».

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этих механизмов в русском языке, необходимо отметить одно важное отличие славянских языков, и прежде всего русского, от прочих индоевропейских. Оно состоит в том, что именно славянские языки последовательно развили те тенденции, которые задали направление формирования всех индоевропейских языков. Что касается других индоевропейских языков, то они с течением времени попадали в иные условия (например, в условия относительно быстрого смешения разных народов) и были вынуждены уже отработанную технику общения специализировать применительно к некоторым новым требованиям. Кроме того, в русском языке с его очень высокой численностью носителей исходные индоевропейские тенденции развития успели проявиться более полно, чем в других славянских языках.

Задумаемся: как можно сделать так, чтобы при многочисленных цепочках передач информации говорящий и слушающий были уверены в том, что содержание было понято правильно и что его можно передавать дальше?

Самый несложный вариант — это простое повторение чего-нибудь. Так на переправе обычно кричат на другой берег: «Лодку... Лодку... Давай... Давай...». Спрашивается: если ли в русском языке какие-либо элементы, когда некоторая информация повторяется? Да, и это проявляется постоянно. Когда мы произнесли *белая стена*, то мы показали, что слово *белая* имеет значения женского рода, единственного числа и именительного падежа. Но ведь и слово *стена* тоже. При этом прилагательные или, например, причастия в русском языке имеют такую форму, что мы легко можем отличить их от других частей речи. Таким образом, воспринимая, например, причастие *крашенная*, мы понимаем, что перед нами определение к некоему существительному, которое имеет жен-

ский род, единственное число и именительный падеж, и когда такое существительное обнаруживается, то у общающихся появляется уверенность, что они правильно понимают друг друга. А если я, например, услышу *крашенная...*, а потом *стул*, то сразу же будет замечена ошибка. То есть система построена таким образом, чтобы можно было любые возникшие сомнения немедленно обнаружить и, пока не закрепилась ошибка, выяснить их причину, исправить и только тогда двигаться дальше.

Но можно ли добиться того, чтобы была еще одна, дополнительная, как можно более глубокая проверка того, что информация воспринята правильно? Другой очень эффективный способ увеличения надежности общения состоит в следующем: говорящий должен строить свою речь таким образом, чтобы слушающий имел максимум возможностей предугадывать, что будет дальше. Собственно, уже и в примере с *белой стеной* мы видим предугадывание. Но предугадывание проявляется еще и в том, что изложение любого сюжета в индоевропейских языках стало строиться так, чтобы давать адресату возможность предсказывать, что будет дальше.

Подобное предугадывание возможно, если сюжет подается как описание картины развития с причинно-следственными связями. В этом случае, если нам ясно называют причину, мы уже сами начнем догадываться, к каким следствиям это может привести, а какие гипотезы о развитии ситуации надо отбросить. И когда подтверждается наша догадка, это дает нам основания быть уверенными, что мы всё правильно поняли. По этой причине любое содержание желательно представить собеседнику по схеме развивающегося события. И вот в индоевропейских языках возникает сложная грамматическая система, которая обеспечивает принцип наибольшей возможности для слушающего сделать максимум предсказаний относительно того, что будет в конце. Это обеспечивает процесс самопроверки: слушая, я предугадываю, потом убеждаюсь, что мои прогнозы совпали с тем, что сказал говорящий, и тогда я уверен, что всё правильно понял. В случае рассогласования схема трансформируется: я предугадывал одно, а мне было сказано другое, тогда я попытаюсь остановить собеседника и выявить причину. В результате ошибки при передаче информации не накапливаются.

Понятно, что легче всего говорящему обеспечить для слушателя самопредсказание и самопроверку в том случае, когда сюжет, о котором рассказывает говорящий, действительно представляет собой развивающееся событие. И наоборот, если описывается просто пейзаж, так сказать, открыточка — лес, поле впереди и т. д., — то изобразить его как развивающееся событие гораздо труднее. Но об этих трудностях мы поговорим позднее.

Что делает язык для описания развивающихся событий? Еще с праиндоевропейских пор языковые знаки расчленились на два класса: одни обозначают собственно действия как первый толчок события, а другие — различных участников события, определения, обстоятельства и т. д. Возникнув в праиндоевропейские времена, это противопоставление до сих пор сохранилось в нашем языке и сидит в нашем подсознании. Иногда по одному только корню, безо всяких грамматических показателей, мы легко можем отличить, в каком случае говорящий намекает нам на первый толчок, на действие, а в каком — на нечто, отвечающее на вопросы *кто?*, *какой?* и др.

Это противопоставление проявляется в том, что у нас до сих пор живет чередование внутри корня. Возьмем, например, корень *-нес-* // *-нос-* // *-наш-*: *нести*; *носить*; *нашивать*. Корень *-нес-* — глагольный, это древнейший праиндоевропейский намек на то, что речь идет именно о действии как о первом толчке события. А если перед нами корни *-нос-* или *-наш-*, то они в первую очередь указывают либо на субъекта, либо на инструмент, либо на результат, либо на качество, но только не на действие. Не случайно в слове с глагольным корнем *нес-ти* показатель инфинитива *-ти* добавляется к корню непосредственно, а в словах с именными корнями *нос-и-ть* и *наш-ива-ть* — лишь при посредничестве промежуточных элементов.

Чтобы продемонстрировать до сих пор не утраченную актуальность разграничения глагольных и именных корней, приведу пример. В современном русском языке есть такие сложные слова, у которых второй элемент состоит из одного корня, например *водонос*, *лесовоз*, *зверобой*. Подобные слова всегда обозначают предметы, а не действия, и среди них мы не найдем такого, у которого вторым корнем был бы корень типа *-нес-*, а не *-нос-*. Кто придумает слово, чтобы во второй части стояло *-нес-*, например **водонос*? Такое слово просто не укладывается у нас в голове.

Я специально дал своему аспиранту такую работу, он взял целый словарь, просмотрел много слов подобного типа, и в результате мы пришли к выводу, что если корень имеет чередование, то на втором месте может стоять только тот чередующийся вариант, который является исходно именным, и никогда эту позицию не займет глагольный. В принципе второй элемент может быть глагольным, но тогда нам придется добавлять суффиксы — нейтраллизаторы глагольности, например: *водо-при-нес-ени-е*.

Продолжим наши рассуждения. Если считать, что мы стремимся всякий сюжет прямо или метафорически изобразить как развивающееся событие, то можно определить, какие грамматические категории для этого необходимы.

Поскольку речь идет о развитии события, у нас должны быть какие-то ориентиры для описания этого события и должны быть четко отражены временные характеристики. Представим себе встречу двух людей: один с юга России, другой — с севера, мы в жизни друг друга не видели, но мы представители одной культуры, одного языка, одной манеры выражения, одной заинтересованности в глубоком взаимном понимании, и нам нужно теперь найти какую-то точку опоры для того, чтобы описать события, начиная с каких-то координат. В этой ситуации самая надежная точка отсчета — это момент общения. И поэтому в процессе формирования индоевропейских языков способы обозначения точки отсчета времени видоизменялись и в конце концов (а совсем не изначально, как утверждают многие лингвисты) стали опираться именно на момент говорения. Важно обозначить, происходило ли то, о чем мы рассказываем, до момента говорения, происходит ли в момент говорения или будет происходить после. Следовательно, категория времени — это категория, которая должна была в индоевропейском языке рано или поздно развиться. И наиболее последовательно она развилась именно в славянских языках.

И второй момент. Если мы описываем некий сюжет как событие, а наш адресат начинает прогнозировать это событие, то обнаруживается, что все события распадаются на два класса. Есть такие события, о которых говорящий знает, как они развивались и чем завершились. А есть события, по отношению к которым говорящий был очевидцем, видел, как это событие началось, но при этом не знает, чем оно кончилось. И для правильного прогнозирования собеседнику очень важно подсказать, какого класса это событие — событие, исчерпанное в том или ином виде, или неисчерпанное. По этой причине в славянских языках (и только в них) развилась категория совершенного/несовершенного вида. О ее существовании славистам долгое время было неизвестно. Только приблизительно сто лет назад А. А. Потехня первым сказал, что кроме всех прочих категорий существует еще и категория совершенности/несовершенности.

Далее, если у нас уже сами слова либо за счет своего корня, либо за счет дополнительных префиксов или постфиксов противопоставлены как имена и глаголы, то благодаря этому мы можем попытаться описать любой сюжет как развивающееся событие. Однако каким образом? Возьмем ситуацию «Брат кидает куклу сестре» и попытаемся представить разные ее стадии в атомарном виде, пользуясь только именами и глаголами. Тогда мы скажем: *Брат кидает, кукла летит, сестра ловит*. Получилась цепочка микрособытий. Однако чтобы не было громоздкости, язык с древних времен разработал следующий алгоритм: обозначение инициатора стоит в некоторой специ-

альной форме — именительном падеже: *брат*; его действие как первый толчок обозначено глаголом: *кидает*. Стадии, на которых в событие включаются все прочие его участники, можно не обозначать при помощи глаголов, а дать только алгоритм вычисления ролей этих участников в описываемом событии. Винительный падеж слова *куклу* указывает на то, что под влиянием действия «кидает» кукла летит, а дательный падеж существительного *сестре* — что сестра куклу ловит.

Эта система настолько тонко отработана, что она способна описывать и сюжеты, в которых есть участники, не принимающие прямого участия в развитии события, а лишь примыкающие к нему. Добавим, например, слово *сад*: *Брат кидает куклу сестре в саду*. *Сад* что-нибудь делает в связи с тем, что брат кинул куклу? Он ничего не делает, но в то же время, чтобы полностью описать это событие, надо посмотреть, чем оно «обстоит». Оно обстоит садом. *Сад* — это обстоятельство, обозначение места. Нам важно не перепутать непосредственных участников разных этапов развития события и таких участников, которые в само событие не вмешиваются, но тесно к нему примыкают. И вот в процессе развития славянских языков произошла следующая специализация средств: если перед нами участник, не производящий никаких действий, которые связаны с действием инициатора, он будет упомянут, однако с помощью более аналитического способа, а именно с помощью предлога.

Как объяснить, например, иностранцам, почему по-русски нельзя сказать **Я кидая ложку стене?* Дело в том, что здесь *стене* — форма беспредложного дательного падежа, а этот падеж обозначает того участника, который обеспечивает последнюю фазу в описываемом событии. В случае с глаголом *кидаю* последняя фаза — «ловить», а стена ловить не может, поэтому мы должны упомянуть ее только с предлогом: *Я кидая к стене / в стену*, но не **стене*. Мало того, если сестра вдруг закапризничает и я наверняка знаю, что она не будет ловить, то я тоже скажу: *Я кидая в сестру или к сестре*.

С этой точки зрения становится понятным ход развития языков. В своих более древних, но уже отраженных в летописях состояниях славянские языки были рассчитаны не на такое количество передач, описывали не столь сложные события, опасность «испорченного телефона» была меньше, и разница между обстоятельством и дополнением была не так важна. Поэтому говорили и писали без предлога: *Володимир княжил Кыеве; Князь пошел Кыеву*. Потом стало важным различать, что входит, а что не входит в событие, и теперь в подобных примерах совершенно обязательно перед *Киевом* ставить предлог.

Возьмем другой пример — конструкцию *Я хочу пить*. Почему «хочу» выражено здесь

спрягаемой формой глагола, а «пить» — инфинитивом? Если признать, что русский язык постоянно настраивался на событийность, то это легко объяснить. «Я хочу» — это моя интенция, это как бы действие. А вот буду я пить или не буду — это еще неизвестно. Следовательно, мое активное состояние входит в событие, а «питие» не входит. Всё, что входит в событие, описано по-индоевропейски, синтетически, а «пить» — это уже дополнительное аналитическое пояснение. Данная конструкция иллюстрирует следующую удивительную особенность строя русского языка как представителя славянских: всё, что является неразрывным с точки зрения развивающегося события, то по возможности и в языковых знаках представлено как тесно сплетенная, сомкнутая конструкция, а всё, что с точки зрения событийности оказывается менее тесно примыкающим, и на уровне знаков не столь тесно примыкает. Поэтому когда говорят, что славянские языки стремятся к синтетизму, — это, по-моему, неточная формулировка. Там, где сюжет с точки зрения события является целостным, там наши знаки стремятся увязаться, построиться по законам синтетизма. А там, где сюжет имеет разрыв в развитии события, и знаки стремятся разделиться, аналитизироваться. Поэтому выражение *Володимир княжил Кыеве* более синтетично, чем *в Кыеве*, но, язык пошел на аналитизм, чтобы подчеркнуть аналитичность самого сюжета. А всё, что в сюжете действительно синтетично, то и выражается синтетично.

Возьмем другие примеры: *Я слышу, что поют птицы* и *Я слышу, как поют птицы*. В русском языке здесь получается два куса, два события, хотя и связанных между собой союзным средством. А если мы возьмем английский, французский или немецкий язык, то там подобных двух центров нет. При буквальном переводе с этих языков получается примерно следующее: *Я слышу птиц петь*. Почему русский язык не терпит подобного соединения? Да потому, что перед нами два разных события, несопоставимых по своей инициативности. «Я слышу» — это слабая степень активности: я только позволил своим органам чувств работать. А чтобы запеть, нужна большая степень инициативности: надо напрягаться, надо думать, о чем петь, кому петь, какое выражать чувство.

Возьмем другой случай. Предположим, я дрессировщик и могу заставить птиц петь. В такой ситуации именно я инициатор сложного события, и потому по-русски это опишут простым предложением *Я заставил птиц петь*, совсем как по-английски или по-французски. Мы видим, что в западных индоевропейских языках чувствительность к степени событийности понижена: в свое время носители этих языков ушли с благодатных степных, лесостепных земледельческих угодий, им нуж-

но было приспособляться к новым условиям и пришлось пожертвовать многими достижениями индоевропейских языков, которые славяне продолжали развивать.

Теперь обратим внимание на высокую ориентированность русских сложных предложений на восприятие адресата, на то, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно и понимал, что говорящий обеспокоен тем, как понимаются его слова. Предположим, я начинаю предложение словами *Я слышу...* Естественно, что в голове у собеседника возникает вопрос: «что?». И с целью подтвердить, что я понял это ожидание адресата, я как бы повторяю его вопросительное слово, а после этого даю ответ: *Я слышу, что птицы поют.* Совсем не случайно многие средства связи в русских сложноподчиненных предложениях восходят к вопросительным местоимениям и наречиям, тогда как в западноевропейских языках в этой функции обычно используются указательные местоименные слова.

Если более подробно рассмотреть английский язык, то мы увидим, что в нем идет следующая процесс: многие конструкции, выглядящие стилистически староватыми, содержат подчинительные союзы, тогда как новейшие конструкции строятся вообще без союзов. По-английски, например, можно сказать: *Человек ты его видел вчера придет ко мне завтра.* В данном случае степень ориентированности на восприятие адресата, степень эмпатии падает, поскольку нет заботы о том, что полученная информация будет многократно передаваться.

Возьмем теперь сочинительные союзы, такие как *и, но, а.* В русском языке есть еще сочинительный союз *да.* Это наиболее древний, недифференцированный показатель связи, он указывает лишь на то, что вторая часть связана с первой. Поэтому говорят *мал, да удал.* Это противопоставление. А в словосочетании *Иван да Марья* никакого противопоставления нет. Но уже союз *и* ориентирован на восприятие адресата. Если я скажу: *Вчера я пришел к своему брату, и мы с ним выпили и поговорили,* — я тем самым поощряю адресата: «Молодец! Ты всё прогнозируешь правильно». А если я скажу: *Вчера я пришел к своему брату, но...*, — то я информирую адресата: «Молодец, ты правильно прогнозируешь, но ситуация-то была нестандартная, и твой прогноз не оправдался».

Теперь задумаемся: как перевести на английский язык предложения с союзом *но* и с союзом *а*, например *Я пришел, но...* и *Я пришел, а...?* Очевидно, что в английском языке в любом случае будет использован союз *but*: разницы между *но* и *а* в английском языке нет. Но ведь союз *а* обозначает особый случай. Предположим, я принес для вас кучу книг и говорю: «Вам я сделал такую надпись, ему — такую, ей — такую» и вдруг замолчал. И тогда вы спрашиваете: *А мне какую?* Что такое союз *а?* Это своего рода сигнал тревоги. Он означа-

ет, что ситуация разговора навела на тему, но передача информации почему-то прервалась. Этот сигнал может быть подан слушающим, который спрашивает: *А мне какую?*, — а может быть предугадан говорящим. И тогда я, не дожидаясь вашего вопроса, скажу: *А вам я красными чернилами написал признание в любви.* Говоря *а...*, я информирую собеседника о том, что я его понимаю и не просто подтверждаю его право на прогноз, но еще и догадываюсь о том запросе, который у него возник.

Поговорим теперь об интонации. Интонация, если мы возьмем славянские языки и особенно русский, удивительно многообразна. Есть основные типы интонации, и существует множество полутонов. Когда англичанин слушает разговор русских, он начинает раздражаться примерно так же, как мы, когда смотрим какой-нибудь итальянский фильм. Англичанина раздражает повышенная эмоциональность русской речи. Спрашивается: зачем нужна такая интонация? Оказывается, при помощи интонации мы еще раз дублируем передаваемую информацию. Предположим, я о чем-либо рассказываю. При этом я исхожу из того, что мой собеседник одного со мной мировоззрения, одной этики, и потому всё, что меня возмущает или радует, будет возмущать и радовать и его. И если моя интонация не совпадет с эмоциями адресата, это будет свидетельствовать, что произошел какой-то сбой в передаче информации и адресат что-то понял неправильно. Таким образом, интонация — это еще один способ поддержания уверенности, что информация передана точно.

Все знают, что в русском языке сравнительно поздно развилась так называемая редуция гласных. К примеру, мы пишем *молодой*, но четко произносим [о] только в последнем, ударном слоге. В русском языке достаточно многослоговых слов, но при этом мы почему-то достаиваем четкости произношения только один из слогов, а все остальные произносим очень серо. Почему это так? К сожалению, никто из фонетистов на этот вопрос не отвечает. Говорят: «Так исторически сложилось». Может быть, в этом проявляется экономия усилий? Но тогда спрашивается: почему среди индоевропейцев русские самые экономные, а другие народы нет? А дело в том, что редуция тесно связана с интонацией. Мы уже говорили, что, говоря по-русски, нам нужно всё интонационно подтвердить. Но интонацию-то надо на что-то положить, и если мы ее будем накладывать на четко произносимые гласные, то сама артикуляция гласных сломает интонацию. А если у нас серый вокалический фон, то на нем легко выразить и интонационный тон, и полутон, и четверть тона. Таким образом, в русском языке постепенно выработалась тончайшая система редуцированных гласных, которая обеспечила еще один канал для проверки точности передачи информации.

Как известно, многие языки устроены таким образом, что в них получает специальное выражение то, что неочевидно собеседнику, а на том, что очевидно, эти языки экономят. Что же касается русского языка, то это как бы язык с большими излишествами. И именно они обеспечивают высокую надежность коммуникации.

В русском языке очень богатая стилистика. Один и тот же предмет можно, например, называть и *деньги*, и *деньжата*, и *деньжищи*, и *денежки* и т. д. В отличие от других индоевропейских языков, славянские обладают богатейшим набором суффиксов, причем эти суффиксы распространяются не только на имена. *Спатьеньки хочешь?* — здесь уменьшительную форму имеет глагол. Это связано с тем, что не только интонация, но и суффиксы передают мнение говорящего об описываемом событии. Если моя оценка совпадает с оценкой собеседника, то это снова свидетельствует о нашем полном с ним взаимопонимании, и мой собеседник теперь с чистой совестью будет пересказывать услышанное другому, потому что уверен, что сам всё точно понял.

К сожалению, роль суффиксов эмоциональной оценки в грамматиках часто не понимают. Нередко говорят, что эти суффиксы обозначают, например, уменьшительность, увеличительность и т. д. Получается, что такие суффиксы оказываются как бы дубликатами прилагательных типа *маленький* и *большой*. Но я обычно привожу простой пример. Мальчик-с-пальчик попал в пещеру великанов. Он там себя хорошо вел, они тоже оказались люди хорошие. А потом он сказал: «Мне пора уходить», — и на прощание *поцеловал великанше ручку*. Кому-нибудь это режет слух? Он — мальчик-с-пальчик, она — великанша. И *ручку* он ей поцеловал не потому, что эта часть тела маленькая, а потому, что такое слово выражает и его, и нашу благодарность этой доброй женщине.

Между прочим, всё это говорит о важной особенности славянской души — «выворачивать себя наизнанку». Что значит *выворачивать наизнанку*? Это значит постоянно надеяться на то, что перед тобой человек, очень близкий тебе по духу, хотя, может быть, с точки зрения родства только пять тысяч лет назад у вас с ним были общие родственники. И это ощущение родства является необходимым условием того, чтобы громадный народ продолжал быть уверенным, что в нем существует единое представление о мире, об отношении к природе, о том, как люди друг к другу должны относиться, необходимым условием того, что такое громадное общество не развалится.

Как мы уже говорили, бывает очень удобно, когда сюжеты, которые мы излагаем собеседнику, укладываются в схему развивающегося события. Но ведь сюжеты бывают разные, и многие из них в эту схему могут не уклады-

ваться. Что тогда делать русскому языку? Делать то же, что делают и другие языки. У каждого языка есть, так сказать, «удобовыразимые» и «неудобовыразимые» сюжеты. И если сюжет не содержит никакой динамики, то мы можем идти двумя путями: либо выразиться как бы на языке иностранца, который без всякой грамматики скажет: «Моя твоя мал-мал понимать», — либо метафоризировать — использовать такую метафору, как будто мы рассказываем о развивающемся событии.

Возьмем простой пример: предположим, нам надо сообщить кому-нибудь о том, что Земля — спутник Солнца. Есть тут какое-нибудь движение? Есть какое-нибудь изменение? Есть какой-нибудь результат? Есть какой-нибудь инициатор? Ничего этого нет. Перед нами простая классификация. Тогда как ее выразить? Один вариант — это построить неуклюжую в контексте синтетического строя русского языка аналитическую фразу *Земля — спутник Солнца*, другой вариант — прибегнуть к метафоре. В этом случае можно сказать: *Земля является спутником Солнца*. Как будто бы она взяла и «явила» себя кому-то спутником Солнца. А можно — *Земля представляет собой спутник Солнца*. Как будто Земля — это актриса, которая что-то представляет.

А вот другой пример. Предположим, мы пошли в поход, поднялись на горку, и вдруг перед нами открылся пейзаж. Пейзаж красивый, но он не динамичен. Тихий день, на небе ни облачка, и ничего не шевелится. Но мы можем искусственно «зашевелить» этот сюжет, и тогда русская грамматика заработает. Допустим, мы видим перед собой речку. Мы видим, что внизу долина заросла лесом, и в одном месте лес вышел за пределы долины. И тогда мы скажем: *Течет и серебрится речка*. Уже тут появилась динамика: мы, может быть, даже не видим, что речка течет, но мы обязательно скажем *течет*. А потом скажем: *Рощица карабкается на склон холма*. Она, конечно же, не карабкается, но мы используем метафору, чтобы уложить нашу картину в приемы русской грамматики. И наш собеседник легко поймет, что перед ним метафора, у него на конечном уровне сознания получится статическая картина, но она была передана через промежуточные динамические образы.

Существуют такие сюжеты, которые связаны с состоянием дел. Но состояние дел не содержит в себе никакой динамики. И русский язык стремится любое состояние дел представить как нечто событийное. Например, если речь идет просто о времени года, о погоде, то что мы делаем? Мы вносим элемент динамики только ради того, чтобы воспользоваться стандартным механизмом русской грамматики. Например, мы говорим: *Стояла зима*. Где она стояла? На чем она стояла? Но наш собеседник легко понимает, что мы прибегли к метафоре, и легко воспринимает содержание наше-

го высказывания. Если мы хотим сказать, что состояние погоды — «снежное», то мы говорим: *Идет снег*. Разумеется, снег не может идти, у него нет ног. Просто таким образом мы преподносим статический параметр как параметр динамический.

Если наступают сумерки, мы говорим: *Вечерееет*. Дело в том, что сказать *Сумерки* — это статично, а когда мы говорим *Вечерееет*, то получается, что нечто действует, оно «вечерееет», оно становится все «вечереее» и «вечереее». Или, предположим, у меня внутри как-то неприятно. Как описать эту мою неприятность, если желательно изобразить ее как действие, как событие? В результате я говорю: *Меня мутит* или *Меня тошнит*.

Что касается грамматистов, то они уже не первый век ломают голову над тем, что такое безличное предложение. Здесь даже в самих терминах накопилась путаница. Принято говорить, что существует «безличный глагол», например *вечерееет* или *морозит*, и что он стоит в форме третьем лице единственного числа. «Безличный» — но в третьем лице! А следовало бы сказать, что в подобных предложениях мы вынуждены обойтись без подлежащего и, поскольку данное состояние некому приписать, изображаем состояние как псевдособытие. Бесконечные споры лингвистов возникают именно потому, что не уловлено главное: русский язык приспособлен для выражения событийных сюжетов и в результате пытается выразить событийные и несобытийные сюжеты. Там, где встречается этот конфликт, возникают некоторые нестандартные конструкции. Но вместо этого начинают говорить, что *Вечерееет* — это, по-видимому, реликт дохристианского мышления, когда человек приписывал природе какие-то потусторонние силы. Однако подобные странные обороты перестают быть странными, если мы понимаем, что перед нами всевозможные метафорические способы подгонки несобытийных сюжетов под событийные конструкции русского предложения.

Поговорим теперь о русском словообразовании. Почему, например, в русском языке так много суффиксов со значением участника события: и *-тель*, и *-щик*, и *-ник*, и *-ун*, и *-ыш*? В романских и германских языках подобных суффиксов значительно меньше. Оказывается, и здесь всё сделано таким образом, чтобы можно было легко описывать события, чтобы по самому слову уже можно было предположить, какова наиболее вероятная роль данного участника события и в какой мере она соответствует его фактической роли.

Посмотрим, к примеру, какова разница между суффиксами *-тель* и *-ун*. *Выключатель* — он что-то выключает, а *крикун* — кричит. Но обратите внимание на то, что слова с *-тель* чаще всего имеют приставку. Кроме слова *выключатель* можно придумать какое-нибудь *включатель*, *отключатель*, *переключатель*

и т. д. А вот если мы возьмем слова на *-ун* типа *бежун*, *крикун*, *болтун*, *прыгун* и т. д., то они почти все без приставок. В чем дело? А дело в том, что при описании сюжета как развивающегося события желательно подчеркнуть, кто делает первый толчок и на кого этот толчок переходит. Если, например, перед нами глагол *выключать*, то совершенно ясно, что кто-то или что-то является выключающим, а что-то — выключаемым. В то же время есть действия, которые создают событие, исчерпанное самим этим действием. К примеру, если я бегу, то я просто бегу и бегу. И этим дело кончено. В такое событие не втянут никто, кроме самого бегущего. Следовательно, при обозначении деятелей важно указывать, инициаторами каких событий они являются. Может быть такой инициатор, который своим действием начинает втягивать других, и в этом случае адресату удобно прогнозировать, кто еще появится при описании данного события. А может быть инициатор такого действия, которое исчерпывается лишь активностью самого инициатора, и тот факт, что дальше никто не появится, будет лишним подтверждением, что между говорящим и слушающим имеется полное взаимное понимание. Именно поэтому от бесприставочных глаголов чаще всего образуются существительные на *-ун*: *крикун* — он просто кричит, *болтун* без конца болтает, *бежун* бежит. И уже сама форма на *-ун* говорит о том, что действие не распространяется на других участников. И наоборот: если глагол имеет приставку, то к нему скорее всего будет добавлен суффикс *-тель*. Уже сама приставка заставляет ожидать, что в событии должно быть несколько участников, и на это специально указывает суффикс *-тель*.

А теперь о словах на *-ыш*. Это какие-нибудь *подкидыш*, *приемыш*, *заморыш*. Слова с этим суффиксом обозначают таких участников событий, которые не активны, не инициативны и чаще всего оказываются страдательной стороной. При помощи того же суффикса могут быть образованы слова и от прилагательных. И если мы скажем о ком-то, что он *крепыш*, т. е. вроде бы подчеркнем, что он крепкий, то мы никогда не будем иметь в виду большого и здорового мужчину. А вот про низкорослого человека или про ребенка мы можем сказать: *Он такой крепыш*, — и тем самым намекнуть на его потенциально пассивную роль в событийных ситуациях.

Еще один пример. В русском языке есть большая группа слов, которые вообще не оформлены как существительные. Это такие слова, как *столовая*, *закусочная*, *приемная*, *прачечная*, *котельная*, *бойлерная*. В предложениях они ведут себя как существительные, но формы существительных не имеют. Давайте подумаем, почему. Мы уже говорили, что если у нас развивается событие, то у нас, во-первых, есть инициатор, тот, кто дает первый

толчок, и к нему добавляется глагол, указывающий, каков этот первый толчок. А потом появляются участники, которые как бы подхватывают развитие события. Например: *Я кидаю мел*. Мел включился в событие: я кидаю, а он летит. Мел — это часть, это этап развития события. Представим другое предложение: *Я кидаю мел в аудитории*. Аудитория вошла в описание ситуации, но вытекает ли ее участие из моей инициативы? Нет. Следовательно, она только примыкает, только «обстоит» это событие. Она является партиципантом события, но не актантом, не действующим лицом. Так вот, оказывается, что в русском языке названия всевозможных объемов, площадей, мест, т. е. обозначения потенциальных обстоятельств действия, не предрасположены к обладанию характеристиками полноценного существительного. *Столовая* — это место, где едят, *приемная* — где принимают людей, *операционная* — где делают операции. Даже если мы говорим *Столовая открыта* или *Столовая закрыта*, она сама ничего не делает. И вот для подчеркивания неполноценной актантности того или иного предмета русский язык идет на то, чтобы не оформлять это слово как настоящее существительное. Разумеется, места могут быть названы и существительными: *ресторан, трактир, кабак*. Однако подобные существительные в своем подавляющем большинстве слова заимствованные.

Кроме того, в русском языке есть целая серия словесных пар, представляющих с одной стороны явного инициатора действия, а с другой того, кто имеет нулевую или даже отрицательную инициативу. Например, есть *судья*. А кто его антипод? *Подсудимый*. Есть адвокат. А его антипод — *подзащитный*. Есть *грабитель*. А его антипод — *пострадавший*. Есть *врач*, а его антипод — *больной*. И все эти пассивные антиподы «погон существительных» на себя не надели.

Может показаться странным, что иногда в русском языке субстантивированные прилагательные обозначают и вроде бы активных деятелей. Это такие слова, как *полицейский, городовой, постовой, городничий, десятский, сотский, кошевой, хорунжий*. Вспомним также слова *военный* и даже *главнокомандующий*. Почему всё это не полноценные существительные? Да потому, что настоящие существительные называют инициаторов действия. А перечисленные мною слова обозначают таких лиц, которые входят в некоторую надсистему, где им четко предписана определенная функция, и действовать по собственному произволению они не имеют права. Следовательно, фактически они не инициаторы.

Итак, мы теперь видим, что чувство событийности пронизывает весь строй русского языка и именно этим можно легко объяснить очень многие его, казалось бы, странные особенности.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111.1'42
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Е. Г. Беляевская
Москва, Россия

E. G. Beliaevskaya
Moscow, Russia

ФРЕЙМ «ПОЛИТИК» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (к методике анализа)

Аннотация. Рассматриваются принципы конструирования фрейма «Политик» как основа формирования образа политического деятеля в разных видах дискурса — в собственном дискурсе политика, в политическом медиадискурсе и в биографическом дискурсе. Предлагается новый фрейм «Политик», который может послужить основанием для реконструкции и изучения образа политического деятеля в любом виде дискурса.

Ключевые слова: фрейм «Политик»; реконструкция образа политика; политический дискурс; дискурс политика; биографический дискурс; автобиографический дискурс.

Сведения об авторе: Беляевская Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка, факультет гуманитарных и прикладных наук.

Место работы: Московский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38.
e-mail: hmuray@gmail.com.

FRAME “POLITICIAN” IN ENGLISH BIOGRAPHIC DISCOURSE (on methodology of analysis)

Abstract. The paper deals with the principles of frame construal with reference to the frame «Politician» underlying the image of a politician formed in different types of political discourse — in the discourse of a politician, in political media discourse and in biographies. A new framework structure is devised and described as a tool of studying the image of a politician irrespective of the type of political discourse it is realized in.

Key words: frame «Politician»; image construal; political discourse; political media discourse; the discourse of a politician; biographic discourse; autobiographic discourse.

About the author: Beliaevskaya Elena Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Stylistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences.

Place of employment: Moscow State Linguistic University.

Намеренное создание вербальными средствами оценочного (положительного или отрицательного) образа политического или общественного деятеля — сложная задача, которая с большим или с меньшим успехом решается средствами массовой коммуникации, политтехнологами и, конечно, самими политиками. Креативная составляющая этой проблемы, а именно конструирование образа политика с заданными параметрами, — комплексная задача, находящаяся на пересечении психологии, социологии, журналистики, риторики и др. С точки зрения лингвистики намного важнее аналитическая составляющая: во-первых, изучение языковых средств и способов репрезентации политика, во-вторых, разработка методов лингвистического анализа, которые могут обеспечить последовательное декодирование всего информационного комплекса, лежащего в основе образа политика. В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, насколько целесообразно при этом обращение к такому методу когнитивных исследований, как фрейм.

Прежде всего, нужно определить тот материал, на основании анализа которого можно делать заключение об образе политика. Составить представление о политике можно на основании:

1) дискурса самого политика, т. е. его официальных и неофициальных выступлений и заявлений, интервью и т. д.;

2) материалов СМИ, которые описывают деятельность политика, оценивают принимаемые

им решения и обсуждают перспективы развития событий;

3) биографических и политологических материалов, анализирующих деятельность политика.

Совершенно очевидно, что все перечисленные материалы будут объединяться общностью темы «X как политическая фигура», но в каждом конкретном случае будет выбираться разный ракурс рассмотрения материала и разные основания оценки политика. Иными словами, аналитик, составляющий для себя образ политика, будет иметь дело с некоторым информационным массивом, но каждый раз этот информационный массив будет иметь разную структуру. В когнитивной лингвистике информационные структуры или структурированное знание описывается при помощи фреймов, и не случайно поэтому в целом ряде исследований речь идет о фрейме «Политик». Это дает возможность систематизировать информацию о политике и создает предпосылки для объективного сопоставления информации о разных объектах (разных политиках) даже в разных языках.

Так, например, Е. И. Шейгал предлагает следующую конструкцию фрейма «Политик»: политик — это человек (1) определенного пола, (2) определенного возраста, (3) из определенного региона, (4) занимающийся политической деятельностью, (5) придерживающийся определенной политической ориентации, (6) принадлежащий к какому-либо политическому институту, (7) выполняющий какие-либо полити-

ческие функции, (8) обладающий необходимыми качествами. Среди качеств выделяются три группы:

8.1) *профессионально-деловые* (опыт/степень профессионализма; трудолюбие; коммуникативные способности);

8.2) *морально-этические* (честность; принципиальность; нравственность; патриотизм);

8.3) *психические* (интеллект; воля).

По мнению Е. И. Шейгал, центральными в этой структуре являются слоты (4), (5), (6), (7), фиксирующие конститутивные признаки исследуемого феномена. Именно в силу их ядерного статуса они облигаторно получают нейтральную (неэкспрессивную, безоценочную) вербализацию. Вербализация признаков, заданных слотами (1), (2), (3), (8), не является облигаторной для политического дискурса [Шейгал 2000: 91—95].

Фреймовая структура, представленная Е. И. Шейгал, составляет некоторую основу для разработки более конкретных фреймовых структур, подходящих для описания разных политиков и разных видов дискурса. В частности, предложенный набор слотов можно разделить на две группы: слоты, передающие фактуальную информацию, и слоты, получаемые на основании выводного знания. Первые семь слотов содержат фактические данные, которые могут представляться в вербальной форме и появляться как в дискурсе политика (его речах и заявлениях), так и в политическом медиадискурсе и в биографиях политика. Что касается качеств и характеристик политика, то они редко будут фиксироваться эксплицитно, но легко могут логически выводиться из описания различных действий и решений политика. Поскольку фрейм по определению фактуален, оценочность образа политика — его необходимая составляющая — формируется посредством фокусировки фрейма. Это означает, что в некоторых случаях автор речевого сообщения может формировать отрицательную, а в других — положительную оценку действий и решений политика за счет выделения тех аспектов происходящих событий, которые в соответствии с общими знаниями о мире обычно трактуются как положительные или отрицательные. Очевидно, что собственный дискурс политика будет всегда ориентирован на положительную оценку, медийный политический дискурс и жанр биографии могут ориентироваться как на положительную, так и на отрицательную оценку в зависимости от совпадения/несовпадения политической платформы автора речевого сообщения и рассматриваемого политика.

По-видимому, именно оценочность образа политика обуславливает тот факт, что фрейм «Политик» часто трактуется как основание концепта «Политик». Например, рассматривая концепт «Политик» в русском и французском политическом дискурсах, О. Е. Белкина говорит о содержании фреймового представления кон-

цепта «Политик» и выделяет те же слоты, что и Е. И. Шейгал, — пол политика, его возраст, региональную принадлежность, политическую деятельность, политическую ориентацию, политический статус, политические функции, качества политика и его внешние характеристики [Белкина 2004]. Аналогичным образом проводит свое исследование Н. В. Зайчикова, которая, анализируя материал американского политического романа как гибрид политического и художественного стилей, добавляет к общему списку слотов фрейма «Политик» слоты «Политические взгляды», «Политическое окружение», «Политическая цель/мотив», «Политические методы», «Политический имидж» и «Семья» [Зайчикова 2005].

При моделировании процесса формирования образа политика вербальными средствами можно понимать под некоторым событием и некоторым реальным объектом фрейм, или контекстуальную модель по Т. ван Дейку [Ван Дейк, Кинч 1988; Ван Дейк 1989]. Образ политика конструируется человеком (получателем информации) на основе языковых или визуальных данных, т. е. имеет *конструктивистское основание*. Он также имеет *интерпретирующее основание*, определяющее общее отношение автора конструируемого образа к политике. И, наконец, образ политика должен иметь *пресуппозиционное основание*, поскольку понимание и оценка политика возможны только на базе общего знания человека о политике, ее проявлениях и закономерностях. Это означает, что фрейм «Политик», организующий знание о политическом деятеле в концептуальную структуру, должен представлять информацию о политике таким образом, чтобы результирующая информационная «сеть» соответствовала известным фактам, основывалась на представлениях реципиента о политике и политической жизни, а также обеспечивала заданное в соответствии с прагматическими установками отношение к политике. Следовательно, представленная выше в виде фрейма «Политик» фиксация основных, почти «канкетных» данных политика со слотом «Качества политика», основания выделения которых являются неясными, явно недостаточна, если мы хотим смоделировать процесс формирования образа политика. Действительно, политика можно назвать *честным, правдивым, умным* или, напротив, *продажным, недальновидным, нерешительным* и т. д., но эти интерпретационные суждения могут противоречить логике реальных действий политика или же интерпретации разных реципиентов. Поэтому при конструировании фрейма «Политик» следует учитывать временной фактор — становление политика, развитие его политической карьеры, — а также все, что окружает политика и обуславливает его действия. С учетом всех указанных факторов фрейм «Политик» принимает вид, схематически изображенный на рис. 1.

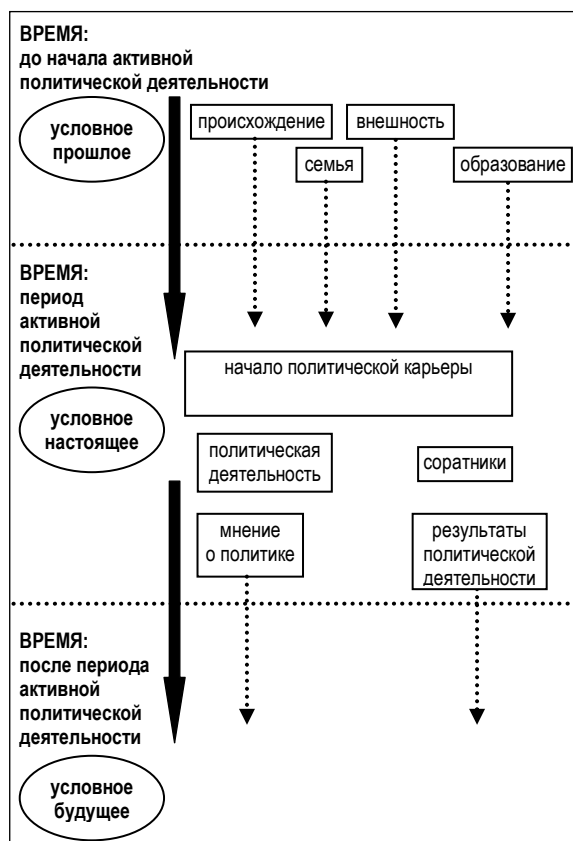

Рис. 1. Фактуальное основание фрейма «Политик» (без учета условий реализации в дискурсе)

Обращает на себя внимание тот факт, что мы включаем во фрейм «Политик» только фактическую информацию, т. е. все то, что является **знанием** о политике, а не **заключением (мнением)** о том, что он собой представляет. Пресуппозиционное основание модели «Политик X» будет для каждого получателя информации своим и его трудно прогнозировать, хотя можно считать, что если человек следит за политическими событиями и интересуется, даже в самом общем плане, историей политики, он будет иметь определенный объем пресуппозиций для адекватной фокусировки фрейма.

Но как быть с интерпретирующим основанием фрейма «Политик»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, **необходимо ввести** в предлагаемую нами модель формирования образа политического деятеля **фигуру интерпретатора**. Действительно, для того чтобы составить себе адекватное представление о том или ином политике, нужно быть не только знакомым с ним, но и общаться с ним достаточно тесно. Как реципиенты политического дискурса, мы получаем информацию о политике через **интерпретатора**, причем в

каждом из перечисленных в начале статьи видов дискурса интерпретатор будет разным. Поэтому фрейм «Политик» в том виде, в котором мы представили его выше, должен быть помещен в более широкий фрейм текстового сообщения, которое поступает реципиенту и на основании которого реципиент формирует образ политика.

Собственный дискурс политика вследствие своей множественности (он реализуется в виде многочисленных выступлений политика, его интервью, его полемики с политическими противниками и т. д.) представляет собой особый случай, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей статьи. Кроме того, собственный дискурс политика обычно посвящен не столько самому политику, сколько анализу происходящих событий и обоснованию действий, предпринимаемых политиком. Иными словами, он «работает» на формирование образа политика, но действует при этом косвенным образом. Можно заключить, что, анализируя собственный дискурс политика, читатель не получает фрейм «Политик» в готовом виде, но реконструирует его самостоятельно на основании операций логического вывода.

Далее мы рассмотрим три случая — представление фрейма «Политик» в политическом медиадискурсе, в текстах биографий и автобиографий.

В газетном (журнальном) политическом дискурсе образ политика формируется «квантами», т. е. целой последовательностью текстов, анализирующих действия политика, его поведение и т. д. Так, один медиатекст может быть посвящен удачным или неудачным переговорам, которые ведет политик, другой — обстановке в семье политика (например, в связи с делом Моники Левински), третий — команде политика и т. д. При этом каждый раз автор медиасообщения фокусируется на каком-либо одном из слотов фрейма, что графически изображено схемами на рис. 2. Получатель медиainформации реконструирует фрейм «Политик» самостоятельно, не получая его в целомом виде.

В биографическом дискурсе фрейм «Политик» реализуется в виде системы фреймовых структур, изображенной на рис. 3.

Отдельно следует рассмотреть автобиографический дискурс, который, с одной стороны, является собственным дискурсом политика, с другой — строится так же, как и биографический дискурс, претендующий на объективный анализ политика и его роли в политической и общественной жизни соответствующего государства. Схематически фреймовые структуры, лежащие в основе автобиографического дискурса, представлены на рис. 4.

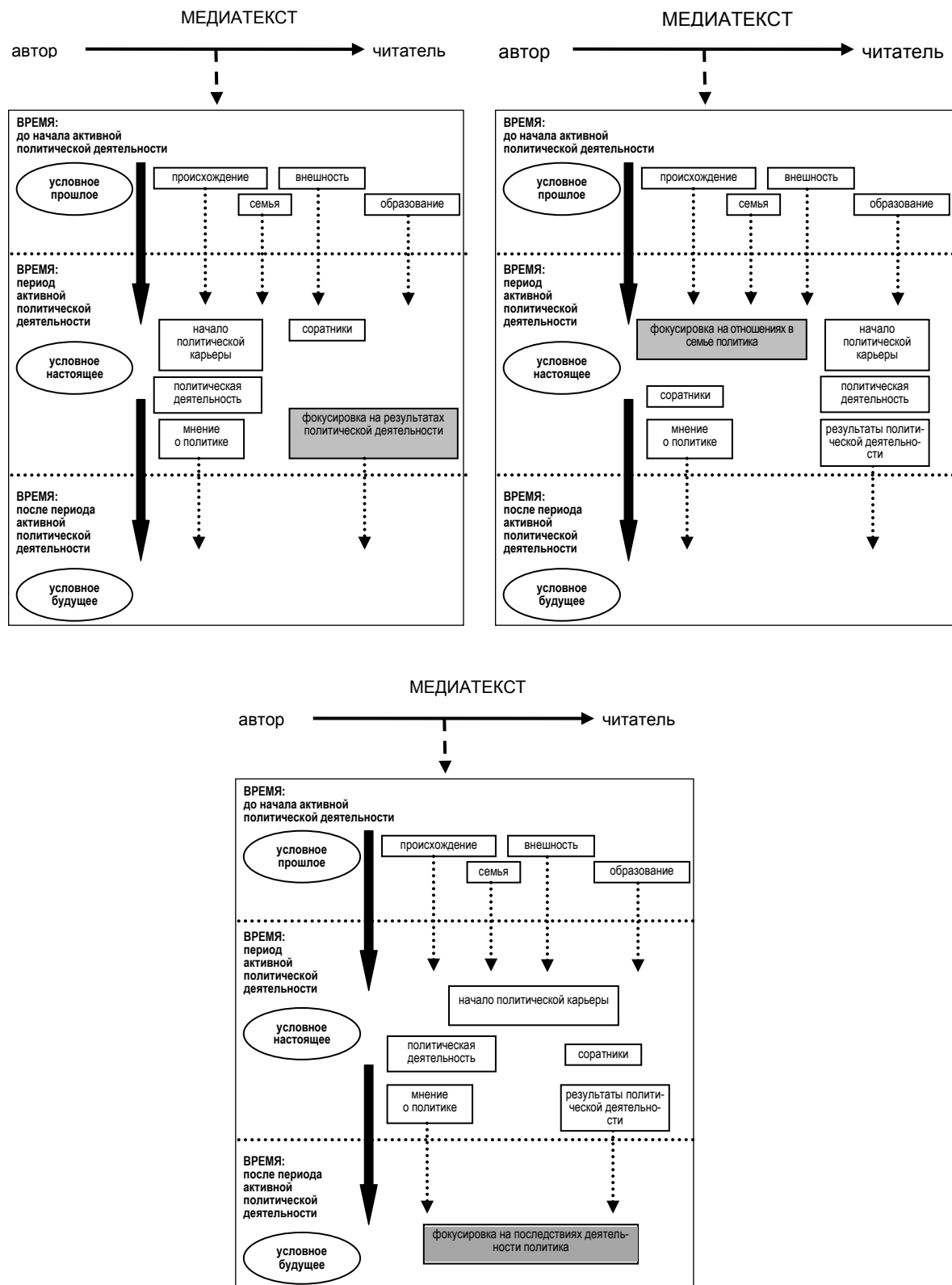

Рис. 2. Различные фокусировки фрейма «Политик» в медиадискурсе

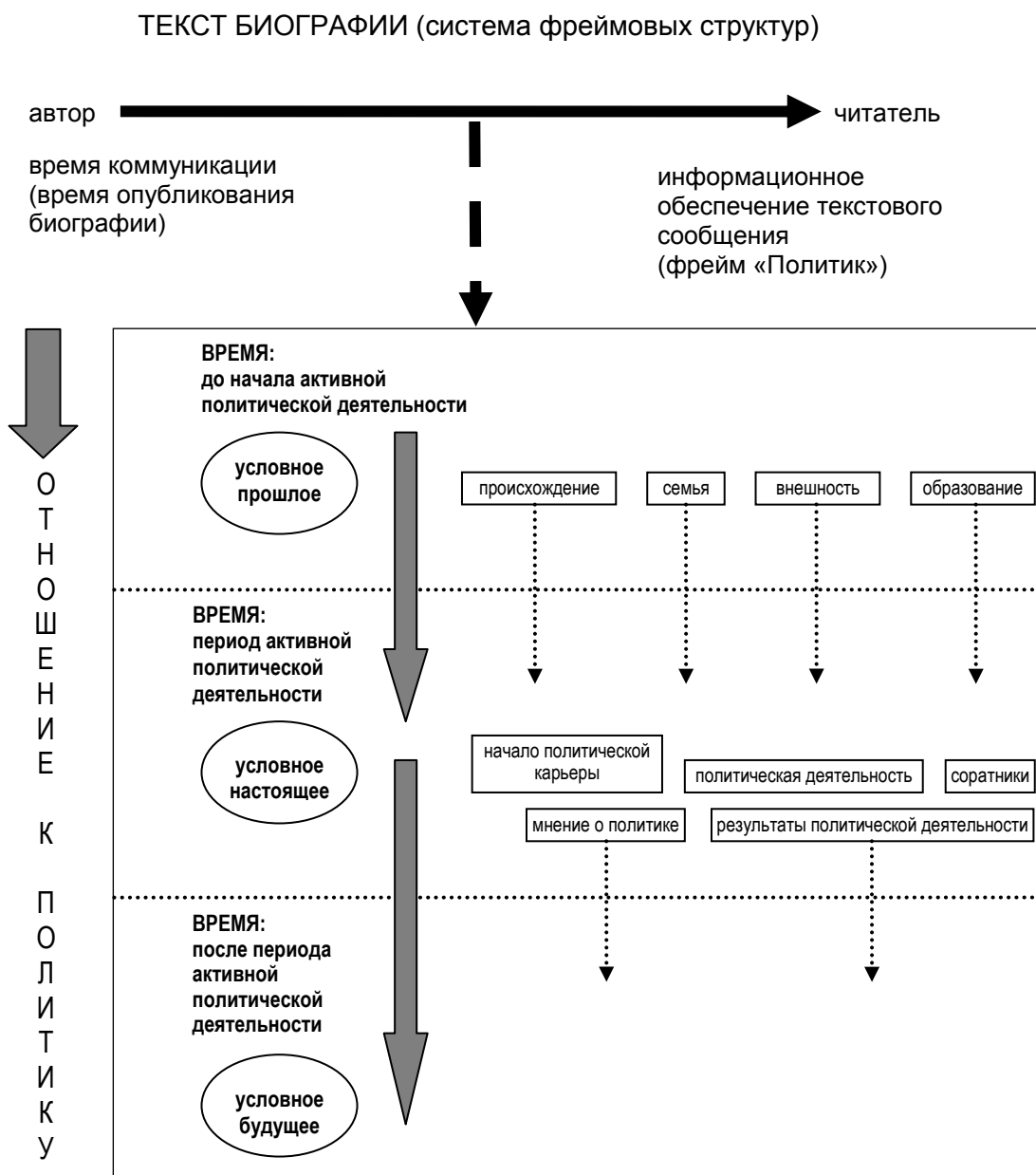

Рис. 3. Фрейм «Политик» в биографическом дискурсе

Как видно из приведенных схем, фреймовая структура биографического и автобиографического дискурса различаются, что не может не отразиться на языковых особенностях этих двух разновидностей дискурса. Однако эти различия практически не сказываются в структуре фрейма «Политик», включенного в дискурс. В обоих случаях присутствуют одни и те же слоты со сходным информационным наполнением, фрейм предоставляется читателю целиком, в определенной временной последовательности. Как в биографическом, так и в автобиографическом дискурсе декларируется

правдивость и объективность описываемых данных.

Представляется, что объединение или разграничение биографического и автобиографического дискурсов в исследовательском материале будет зависеть от конкретных задач исследования. В частности, рассмотрение гендерного аспекта фрейма «Политик», изучение языковых средств, обеспечивающих формирование отдельных слотов фрейма «Политик», не требует, по нашему мнению, жесткого разграничения двух указанных видов дискурса в ходе исследования.

ТЕКСТ АВТОБИОГРАФИИ (система фреймовых структур)

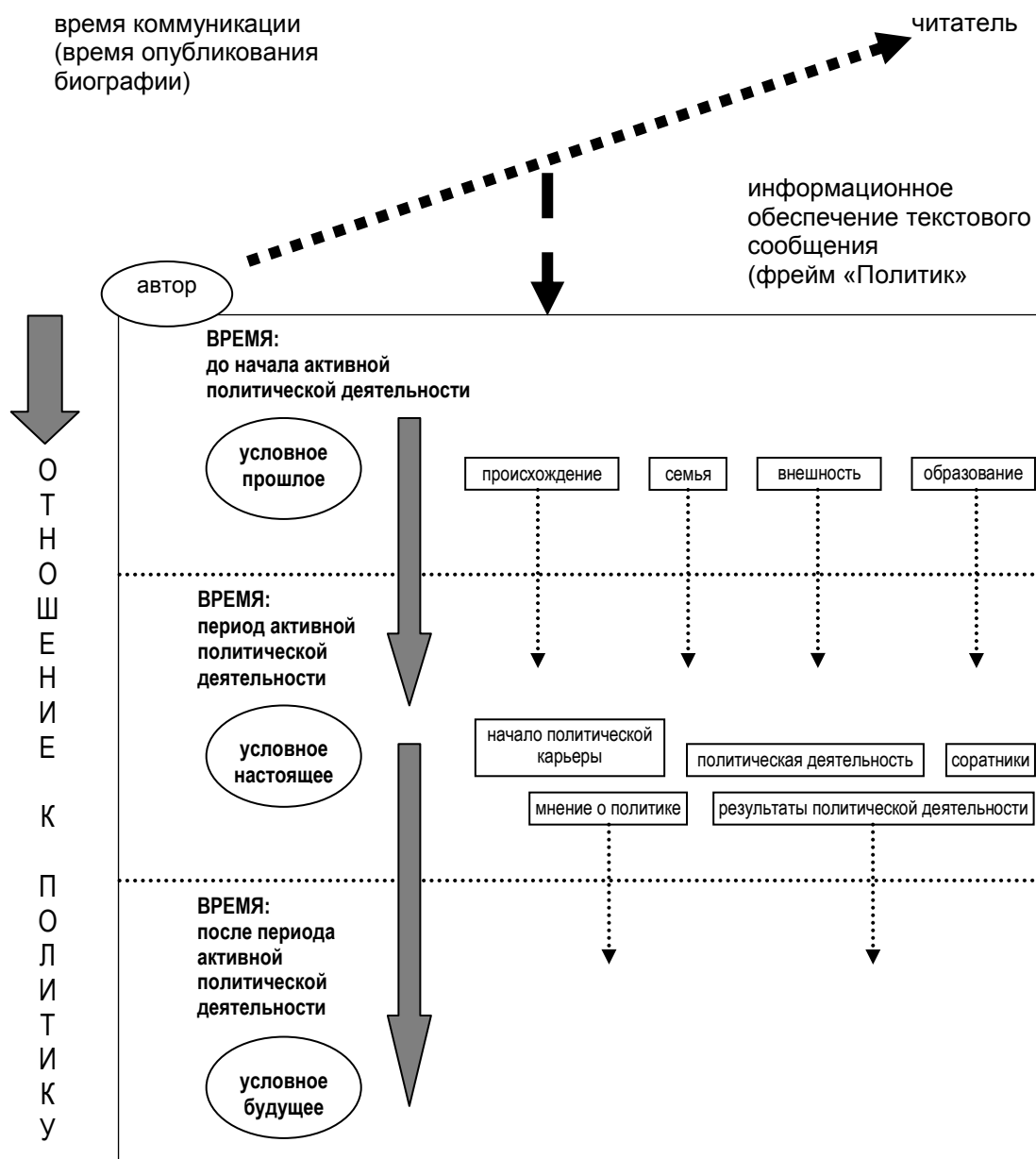

Рис. 4. Фрейм «Политик» в автобиографическом дискурсе

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкина О. Е. Русско-французская дискурсная практика (Реконструкция концепта «политик») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — М., 2004.
 2. Дейк, Т. А. ван. Эпизодические модели в обработке дискурса // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. С. 68—110.
 3. Дейк, Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153—211.

4. Зайчикова Н. В. Стереотипные и индивидуальные составляющие концепта «Politician» в гибридном жанре политического и художественного видов дискурса (на материале современного американского политического романа) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Владивосток, 2005.
 5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Пермена, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

СОВЕТСКИЙ КОНФОРМИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

SOVIET CONFORMISM

AS REFLECTED IN THE LANGUAGE

Аннотация. На материале политического языка советской эпохи рассматриваются институциональные практики конформизма и связанные с ними лингвистические технологии, предлагается типология выявленных политических практик, устанавливается их функциональный диапазон.

Abstract. The article investigates institutional practices of conformism and the linguistic technologies based on the Soviet time political language. The author presents typology of distinguished political practices and describes their functional range.

Ключевые слова: конформизм; конформность; идеологема; политические практики; лингвистические технологии; идентичность.

Key words: conformism; conform; ideologeme; political practices; linguistic technologies; identity.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetorics and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Слово *конформизм* в политическом языке советской эпохи не было идеологически востребованным. Оно не зафиксировано, в частности, толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСУ 1935, I] и четырехтомным «Словарем русского языка» [МАС 1983, II]. Отсутствует это слово во многих однотомных философских словарях, предназначенных для широкой аудитории. Например, словарь, вышедший после XXI съезда КПСС и имеющий «характер справочного пособия» [Философский словарь 1963: 3], не дает специальную справку о существовании конформизма. Тот факт, что слово *конформизм* не использовалось как актуальная идеологема, подтверждается его отсутствием в обобщающем лексикографическом издании — «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]. Вместе с тем уже на ранних стадиях формирования «языка революционной эпохи» [Селищев 1928] появились лексемы, передающие *неодобрительное, презрительное* отношение к человеку, «меняющему свои взгляды, привычки в зависимости от обстоятельств, к которым он приспособливается» [ТСУ 1939, III: 851]. Существительное лица *приспособленец* отмечается лексикографами как *новое*, собственно советское, имеющее синонимы *двурушник, конъюнктурщик, оппортунист, соглашатель, перерожденец*.

Негативной коннотацией охвачена также семантика отвлеченного существительного *приспособленчество*, выступающего в большинстве современных словарных дефиниций в функции идентификатора значения лексемы *конформизм* [Крысин 2005: 394; Толковый словарь русского языка 2008: 301]. Тот же идентификатор находим в философских словарных

дефинициях: *конформизм* — «*приспособленчество*, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений...» [Философский словарь 1987: 216]. Этимологические латинские и французские аналоги — *подобный, сообразный; принять надлежащую форму* — обнаруживают результат приспособленчества как процесса.

Эскизный анализ словарей убеждает нас в том, что заимствованное слово *конформизм*, в отличие от исконного синонима *приспособленчество*, не входит в активный идеологический лексикон тоталитарного языка [Купина 1995].

Словари синонимов русского языка выделяют номинации, обнаруживающие разное отношение к приспособленчеству и приспособлению. Так, прямооценочность отсутствует в семантике слов *приспосабливаться/приспособление, приравливаться*, а также *присоединяться/присоединение*. Напротив, неодобрительное эмоциональное отношение сопровождает семантику глагольных единиц, не имеющих в политическом языке отвлеченных именных производных (*пристраиваться, подстраиваться, приловчиться, подлаживаться, примазываться*), и семантику исконно русских фразеологизмов *держат нос по ветру, куда ветер дует* [Александрова 1968: 420; Словарь синонимов русского языка 1971, II: 266—267; Словарь синонимов русского языка 1975: 437 и др.]. Отмеченные словари не включают существительное *конформизм* и однокоренное прилагательное в состав синонимических рядов.

Конкуренция экспрессива *приспособленчество* (неодобр.) и нейтральной лексемы *приспособление*, существование эмоционально-оценочных и нейтральных номинаций, обра-

зующих поле «конформизм», демонстрирует зависимость отношения к конформизму от стратегической установки субъекта-действителя. Корысть, лицемерие, хитрость, маскировка истинных намерений, т. е. приспособленчество, осуждается. Не связанные с аморальными мотивами приспособление, присоединение находятся вне зоны эмоционального оценивания. Вот почему оправданной в лексикографической практике является замена идентификатора *приспособленчество* идентификатором *приспособление*, способствующая нейтрализации понятийного значения слова *конформизм*: «**приспособление** к общим настроениям, господствующим взглядам, мнениям...» [Бакеркина, Шестакова 2002: 131].

В языковой картине мира, которая представляет собой «совокупность презумпций единиц... языка» [Шмелев 1911: 28], прослеживается определенная закономерность: презумпция *приспособления* выступает как условие выживания. Действительно, можно ли было после революции 1917 г. жить в России, не приспособившись к новым социально-политическим реалиям? Ответ на этот вопрос очевиден. Социалистическая революция стимулировала образование особой социальной общности советских людей. Советский человек, будучи типичным представителем этой общности и носителем новояза, на базе которого формировались идеологические предписания, вырабатывались принципы идеологической поляризации, декларировалась безальтернативность ценностных предпочтений, вынужден был отвечать существующим идеологическим требованиям, приспосабливаться к институционально внедряемым поведенческим ориентирам, следовать пропагандируемым идеологическим образцам. В этом смысле можно говорить о закономерности личностных и групповых конформных реакций как социально-психологическом явлении, обусловленном институционально. Конформность свидетельствует о стремлении индивида освоить новые нормы, сориентироваться в институционально одобряемых ценностных предпочтениях, установках, стереотипах советской социально-политической системы.

Конформность и конформизм неразрывно связаны. Презумпция приспособления релевантна не только для рефлексирующего субъекта или групп субъектов, но и для политических институтов. Революционный переворот декларирует полное разрушение прошлого (истории, государственного строя, традиционного образа жизни, религии, культуры, искусства, морали, национального характера и др.), но фактически не может обойтись без наследия как надежного источника социально-политического согласия. Именно поэтому возникают отраженные в языке институциональные практики конформизма. Следует согласиться с А. П. Чудиновым [Чудинов 2006] в том, что ин-

ституциональность и личностность — объективная константная данность лингвополитического пространства.

Примером конформности как аспекта социализации, предполагающей усвоение индивидуом послереволюционных норм и ценностей, может служить тенденция формирования новой советской ономастики [Бондалетов 1983]. Личные имена типа *Энгелен* (из сочетания *Энгельс* и *Ленин*), *Марлен* (*Маркс* и *Ленин*), *Сталина*, *Сталий* (от *Сталин*) и т. п. отражают стремление следовать революционным образцам, идеалам; личные имена типа *Авиация*, *Тракторина* утверждают осознание ценностей технического прогресса.

Мифологизированное представление о магической пропускной силе онимов в мир хозяев жизни воплощено в романе В. Пелевина «Омон-РА»: *Омон* <...> *меня так назвал отец, который всю свою жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером.* — *Пойми, Омка, — часто говорил он мне, выпив, — пойдешь в милицию — так с таким именем, да ещё если в партию вступишь...Ср.: Пхадзер Владиленович Пидоренко* <...> *Его отец назвал сына по первым буквам слов „Партийно-хозяйственный актив Дзержинского района“.* *Кроме того, в именах Пхадзер и Владилен было пятнадцать букв, что соответствовало числу советских республик.*

Защитная конформная реакция, за которой стоит наивная вера в магию имени собственно, говорит о наличии стратегии презентации, направленной на маркировку «своего», «нашего», заслуживающего безусловного доверия и поощрения.

Проследим разновидности институциональных практик идеологического конформизма, воспользовавшись материалами «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1988], из которого методом сплошной выборки были извлечены слова и словосочетания, в значениях которых содержится семантическая доля «конформизм» («приспособление»/«приспособленчество»). В статье приводятся типовые иллюстрации.

1. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГЕМЫ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА К РЕАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА. Если диктатура предполагает ничем не ограниченную государственную власть господствующего класса, то проявлением конформизма следует признать идеологически правильные синтагмы, в которых равноправно соединены номинации двух разных классов: *союз рабочего класса и крестьянства, два дружественных класса — рабочий класс и крестьянство.* Сочинительная синтагма варьируется: *рабочие и крестьяне; представители рабочего класса и колхозного/трудового крестьянства.* При этом аномальной является обратный порядок слов: неправильным будет сочетание *крестья-*

яне и рабочие. Идеологически неправильным будет построенное по **аналогии** сочетание *крестьянский класс*. Лингвистическая технология: сочинительное словосочетание, усиленное лексемами, передающими идею единения: **нерушимый союз рабочего класса и крестьянства; смычка города и деревни** и др.

Компрессия идеологемы *рабочие и крестьяне* приводит к образованию частотного сложного двукорневого слова *рабоче-крестьянский*, ставшего неотъемлемым элементом политического языка: **Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА); Рабоче-крестьянский Красный Флот (РККФ)**; менее распространенная номинация — **Рабоче-крестьянская школа (РКШ)**. Лингвистическая технология: сочинительное словосочетание → сложное слово → аббревиатура: *рабочие и крестьяне* → **Рабоче-крестьянская инспекция** → РКИ.

Проявлением классового конформизма являются идеологические стандарты *рабоче-крестьянское государство, рабоче-крестьянская власть*, нейтрализующие идеологему диктатуры пролетариата. Все подобные соединения оправданы сходством, которое осно-

Рис. 1

вано на обязательном наличии смыслов «трудиться», «труд», «трудоустройство»: *трудоустройство, трудовой народ, трудящиеся* (но не *трудоустройство рабочий класс*). Не случайно символом союза рабочих и крестьян, символом власти трудящихся (но не диктатуры пролетариата) стала государственная эмблема СССР — *серп и молот* (рис. 1). Имплицитно конформизм проявляется здесь также в порядке слов (на первом месте — название орудия крестьянского труда). Символизация классового конформизма поддерживается произведениями монументального искусства. Яркий пример — скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница» (рис. 2).

Рис. 2

Отмеченное семантическое основание оправдывает стандартную трехчленную синтагму **союз рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции**. Атрибутивное сочетание *трудоустройство интеллигенция* может использоваться и самостоятельное, т. е. вне однородного ряда. «Подобие» интеллигенции и пролетариата образно передается сочетанием *пролетарий умственного труда*, которое может употребляться как в единственном, так и во множественном числе. Свидетельство классово-

го конформизма — сочетание *рабочий интеллигент* (о представителе рабочего класса, получившем высшее образование и занимающем руководящую должность). В то же время «подобие» рабочего класса и трудовой интеллигенции не символизируется.

Включение интеллигенции в состав трудового народа — вынужденный компромисс: без людей, обладающих «специальными знаниями в области науки, техники, культуры» [Мокиенко, Никитина 1998: 231], развитие страны было бы невозможным. Кроме того, собирательность семантики идеологем *трудоустройство народ, трудящиеся* не только редуцирует и нейтрализует идеологему диктатуры пролетариата, но и открывает перспективу развития идеи бесклассового общества и, следовательно, способствует развитию мифологемы коммунизма.

Лингвистическая технология регулярного использования синтаксической однородности, подкрепленная внедрением в стандартные высказывания слов с семой единения, обеспечивает структурирование коллективной идентичности нового типа. Представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции должны ощущать себя органической частью трудового народа. Конформизм, таким образом, оказывается на службе государственного строительства.

2. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ РЕАЛИЙ СВЕРГНУТОГО ЦАРСКОГО РЕЖИМА К ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. Данная разновидность конформизма свидетельствует об ограниченных социально-психологических возможностях революционного государственного переворота. Для внушения трудящимся ощущения собственной значительности используется трансформация смыслового наполнения лексических единиц, перешедших в группу историзмов. Лингвистическая технология — перевод прямых значений в переносные. Например: *династия* — «ряд последовательно правящих монархов» и *рабочая династия, трудовая династия* — перен. «о тружениках, передающих из поколения в поколение мастерство, трудовые традиции» [Словарь русского языка 2008: 198]; *знатный* — «принадлежащий к аристократии» и «известный, прославленный своим трудом, трудовыми успехами». Ср.: *знать* и *знатные люди советской страны, знатные люди транспорта* [ТСУ, I: 1109]. В речевом обороте находятся стандартные сочетания с конкретно-личностным значением и акцентированной семой «почетный(ая)»: *знатный забойщик, знатный животновод, знатная птичница, знатная доярка*. Вот типичное извлечение из газеты: *За долгую трудовую жизнь она заслужила звание знатного оленевода*.

Семантика отдельных сочетаний включает идеологические ограничители. Например: *Рабочая аристократия* — «в капиталистических государствах высокооплачиваемые категории рабочих, **оторвавшиеся от масс и**

находящиеся под влиянием буржуазной идеологии» [ТСУ, I: 56]. Отметим параллельно, что именно это сочетание вернулось в современный политический язык в период предвыборной агитационной кампании 2012 г. Комментируя идеи кандидата в президенты РФ В. В. Путина, изложенные им в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России», региональная газета на первой полосе публикует материалы под названием «Возрождается аристократия. Рабочая». Существовавшие в языке советской эпохи идеологические ограничители снимаются. Прагматически ориентированное сочетание *рабочая аристократия* приобретает положительную эмоционально-экспрессивную окраску: *Значимой проблемой Путин считает социальное самочувствие рабочих, которые „являются стеновым хребтом любой экономики“, и предлагает построить внутри рабочих профессий „социальные лифты“, воссоздать „рабочую аристократию“ — слой высокооплачиваемых квалифицированных работников, численность которого довести к 2020 году до 10 миллионов человек* (Областная газета. Екатеринбург. 2012. 13.02). Вторая волна конформизма подтверждает объективность идеологического приспособления современных реалий к реалиям прошлого.

Более частный случай рассматриваемой разновидности конформизма проявляется в приспособлении к советским условиям номинаций, выделяющих локусы, закрепленные за представителями свергнутых классов и за царской семьей. Ср.: *помещицья усадьба* и *музей-усадьба; дворец* («место пребывания монарха и его семьи») и *дворец труда, дворец здоровья, дворец бракосочетаний, дворец культуры, дворец молодежи* и др. Лингвистическая технология расширения значения формирует открытый ряд словосочетаний, семантика которых включает идеологическую добавку «предназначенный для народа».

Очевидна компенсаторная функция всех рассмотренных идеологических стандартов, в основе которых лежит идея «подобия».

3. Приспособление свойств стихийности и разрушительности революции к категориям закона и нравственности. Маскировка революционной стихии идеей законности — способ приспособленчества, оправдывающий жертвы переворота 1917 г. Ставшие стандартными сочетания *закон революции, революционная законность, по закону революционного времени, революционная целесообразность* — это идеологемы объяснительного характера: закон предстает как объективно действующий механизм управления стихийным взрывом. Закон не только мотивирует неизбежность жертв, но и предопределяет направление глобальных социально-политических изменений.

В ряду указанных сочетаний может быть рассмотрена метафора *алгебра революции*.

В основе тропа — образная аналогия между революционным процессом, а также марксистским учением о революции и законами математики: «Учение Маркса — современная алгебра революции» (Г. Плеханов).

Маскирует издержки революционного времени институциональное внедрение мифологии коммунизма. Например, культурно-фондовый смысл синтагмы *военный коммунизм* включает ряд императивов: *«запрещение частной торговли, введение обязательной продразверстки, всеобщая трудовая повинность»* [Мокиенко, Никитина 1998: 269]. Модальность долженствования акцентирует идею равноправия членов общества. Романтический орнамент (коммунизм — вдохновляющая мечта, великая цель, царство свободы) заслоняет суровую жизненную правду.

Оправдательная функция конформизма основывается на суггестивности отдельных лексем. Так, ключевое слово языка революции *красный*, внушающее эмоции гордости, победоносности, ликования маскирует террор как объективно осуществляемый метод угроз, насилия, устранения политических противников. Положительная эмоциональная окраска сочетания *красный террор* поддерживается идеей революционной законности и целесообразности.

Сочетания с существительными лица [Мокиенко, Никитина 1998: 165, 190] типа *красный юнкер* (о курсанте военного училища, который *перешел* на сторону советской власти во время революционных событий 1917 г.), *красный директор (буржуазный специалист, перешедший* на сторону советской власти) содержат смысл «принять надлежащую форму». Лингвистическая технология расширения значения, включающая идеологический оксюморон, — соединение политически противоположных понятий («белый» + «красный»; «буржуй» + «советский») — нейтрализует устойчивую дихотомичность: белые трансформируются в красных; «буржуи» — в советских граждан. Революционная романтическая символика надежно маскирует личностную конформность и институциональное приспособленчество.

Рассмотренная разновидность конформизма направлена на реализацию политико-дидактической функции: оправдание кровопролития, жертв гражданской войны, политического предательства социальными законами и личностными групповыми идейно-романтическими устремлениями способствует формированию коллективного (всенародного), отчасти наивно-романтического отношения к революции и сакрализации революции.

4. Приспособление советских политических ценностных ориентиров, идеологических установок и стереотипов к ментально-нравственным национальным традициям и ценностным предпочтениям. За счет атрибутивного сопроводителя, который избирается из лексико-семантической сферы политики и идеоло-

гии, расширяется сочетаемостный диапазон слова *мораль*: *советская мораль, коллективистская мораль, большевистская мораль, коммунистическая мораль*. Обладающая высокой частотностью в политическом языке двукорневая лексема *морально-политический* демонстрирует сращивание морали и политики и одновременно подавляет автономность сферы морали (нравственности). Ментальная категория соборности замещается идеологической категорией морально-политического единства: «*Морально-политическое единство советского общества основывается на марксистско-ленинской идеологии*» [Мокиенко, Никитина 1998: 343].

Идеологическая субституция — полная или частичная — обнаруживается в институционально закреплённых морально-политических нормах. Так, **моральный кодекс строителя коммунизма** представляет собой свод нравственных принципов, подчинённых коммунистическим догмам. Свод этот был спроецирован на задачи коммунистического воспитания, результатом которого становится социокультурный типаж [Карасик 2002: 14—15], соответствующий модели морально-политической устойчивости гражданина советской страны. В деловой документооборот входят заверенные тройкой (комиссией из трех человек) тексты положительных/отрицательных характеристик, в которые включались маркирующие благонадежность/неблагонадежность характеризуемого лица последовательно употребляемые стандартные сочетания *морально устойчивый, политически грамотный / морально неустойчив, политически безграмотен* [Мокиенко, Никитина 1988: 343]. Эти участки документа контролировали личностный результат воздействия институционально разработанной и повсеместно насаждаемой конформистской политической практики.

Идеологическая субституция и идеологическая ортология поддерживаются лингвистическими технологиями направленного расширения лексической сочетаемости, использования словообразовательных механизмов сложения, использования синтаксической однородности для сочетания номинаций идей из разных лексико-семантических сфер.

Обозначения отдельных нравственных понятий отличаются исключительной политической востребованностью. В их числе ментально ценностная категория долга. Устойчивыми становятся атрибутивные сочетания, характеризующие моральный облик строителя коммунизма: *патриотический долг, общественный долг, революционный долг, классовый долг, партийный долг, комсомольский долг, пионерский долг, профсоюзный долг, интернациональный долг, гражданский долг*. Эмоционально акцентированы сочетания с прилагательными, обладающие тональностью высокого: *священный долг, люди высокого долга*

и т. п. Морально-романтический орнамент облагораживает, а в отдельных случаях сакрализирует модальность долженствования, служит для оправдания особого пути страны и советского народа, а также для оправдания ментально не одобряемых поступков отдельного лица или группы лиц. Например, слово *сигнал* оправдывает донос о чьих-либо политических ошибках [Ильенко, Максимова 1968: 271]: *получен сигнал, по сигналу комсомольца, сигналы о политической диверсии* и т. п. Политическая технология доносительства, основанная на идеологической субституции, маскируется нравственной категорией долга.

Политический конформизм способствует формированию общенациональной советской идентичности, основанной на ментально ценностных категориях родства, братства, дружбы. Например, крылатым стало высказывание *Человек человеку друг, товарищ и брат*, составляющее гуманистическое ядро «Морального кодекса строителя коммунизма». Интимно-эмоциональная тональность охватывает идеологически значимые вербальные знаки идентичности с прилагательным *родной*: *родная партия, родной ленинский ЦК, родное государство, родное правительство*. Политические добавки получает концепт «Родина» в стандартных сочетаниях *Родина Ленина, Родина социализма, Родина Советов, советская Родина*. В формировании общенациональной идентичности особую роль играет идеологическая практика, основанная на политизации концепта братства: *братские республики СССР, народы-братья, братство народов СССР/социалистических наций*. Братство мыслится также как союз народов социалистических стран: *братская солидарность, братская помощь странам Варшавского договора*. Например: *Вместе с нами братские страны, страны социализма* [Мокиенко, Никитина 1998: 64]. Таким образом, идентичность общенациональная укрупняется: социалистический выбор государственного развития, общие политические цели и политические воззрения уподобляются семейно-родственным связям и отношениям. Ср.: *дружная семья братских республик СССР и чувство семьи единой* (о народах стран социализма). «Дети разных народов», воспитанные в духе социализма, составляют единую семью. Этническая идентичность растворяется в политико-идеологической.

Вопреки агрессивной антирелигиозности развиваются практики идеологического приспособления к ключевому концепту православной культуры «дух», который мыслится как сущностное начало социалистического мировоззрения: *дух коллективизма, дух коммунизма; в духе великих идей Маркса и Ленина/Коммунистической партии; в духе социалистической законности* и т. п. Духовность, или отрешенность от материальных интересов, жизнь во имя идеи, поглощенность идеями по-

строения коммунизма — приметы институционально сконструированного морально-политического облика советского человека.

Советская политическая ортология характеризуется ориентацией на нормы традиционной морали, которые приспособляются к нормам идеологическим. Политический конформизм, опирающийся на систему определенных лингвистических технологий, способствует формированию и развитию коллективной идентичности, основанной на интернационализме. Морально-политические мировоззренческие нормы выступают как регуляторы стереотипного идеологически «правильного» поведения граждан и отдельного человека. Советский конформизм не только отражается в языке. Он использует язык как средство приспособления к реальной политической ситуации.

Основанные на презумпции приспособления институциональные практики советского политического конформизма нельзя трактовать как пассивное принятие существующего порядка вещей. Советский институциональный конформизм направлен на активное искреннее идейное освоение народом и индивидом советского мира в духе социалистической морали. Приспособление и приспособленчество может осуществляться в пределах единого постреволюционного социально-политического пространства (классовый конформизм). Социальная сущность революции обуславливает необходимость разработки таких институциональных политических практик конформизма, которые приспособляют исторически сложившиеся реалии, традиции к новым социально-политическим условиям и тем самым способствуют социально-психологическому освоению новых идеологических установок. Наконец, приспособление и приспособленчество осуществляется на базе вневременных ценностных ментальных категорий, без которых советская коллективная идентичность не могла бы обрести свою определенность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. — М.: Просвещение, 1983.
2. *Ильенко С. Г., Максимова М. К.* К истории общественно-политической лексики советского периода // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1968. Т. 165.
3. *Карасик В. И.* Языковый круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
4. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Пермь: ЗУУНУ, 1995.
5. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. — М.: Работник просвещения, 1928.
6. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006.
7. *Шмелев А. Д.* Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвоархизмизма»? // Политическая лингвистика. 2011.4 (38). С. 21—33.

СЛОВАРИ

8. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. — М.: Сов. энцикл., 1968.
9. *Бакеркина В. В., Шестакова Л. Л.* Краткий словарь политического языка. — М.: АСМ: Астрель: Русские словари, 2002.
10. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2005.
11. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
12. *Словарь русского языка = МАС*: в 4 т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.
13. *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970—1971.
14. *Словарь синонимов русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1975.
15. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008.
16. *Толковый словарь русского языка = ТСУ*: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935—1940.
17. *Философский слов.* / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. — М.: Политическая литература, 1963.
18. *Философский слов.* / под ред. И. М. Фролова. — М.: Политическая литература, 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

**ДРАЙВ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ
К ЭПОХЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ:
РЕКЛАМНЫЕ И ПРЕДВЫБОРНЫЕ СЛОГАНЫ**

**DRIVE AS A MEANS OF ADAPTATION
TO THE EPOCH AND POLITICAL SITUATION:
ADVERTISING AND ELECTION SLOGANS**

Аннотация. Приводится определение понятия «драйв» применительно к двум сферам текстов — рекламной и политической слоганистике. Дана типология текстовых репрезентаций драйва как своеобразного адаптационного воздействующего механизма. Кроме того, представлена динамика политических слоганов за восемь лет с учетом изменения «драйвового» компонента высказывания.

Abstract. The article gives a definition of the notion “drive” which is used in two spheres of texts – advertising and political slogans. Typology of text representations of drive as a certain mechanism with adaptive influence is presented. Besides, dynamics of slogans for the last 8 years with regard to the change of “drive” component of the statement is given.

Ключевые слова: драйв; адаптация; слоган; рекламный слоган; политический слоган; быстрое реагирование; модель коммуникации; воздействие; манипуляция.

Key words: drive; adaptation; slogan; advertising slogan; political slogan; fast response; communication model; impact; manipulation.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

Английское слово *drive* имеет следующие переводы: 1) гнать; 2) везти, ехать (в машине, экипаже); управлять (машиной); 3) вбивать (гвоздь); 4) поездка (прогулка (в машине, экипаже)). Наиболее часто термин «драйв» используется применительно к музыке: «Драйв — энергичная манера исполнения в джазе, характеризующаяся рядом компонентов (приемов и средств выразительности), эффект мнимого нарастающего ускорения темпа» [Яндекс-словари]; «Драйв — энергичная манера исполнения в джазе, при которой достигается эффект нарастающего ускорения темпа, активной устремленности движения» [БСЭ; цит. по: Яндекс-словари]. В самом общем виде мы разделяем точку зрения, согласно которой драйв понимается как «мощное эмоциональное состояние, характеризующееся повышенной самоотдачей и эмоциональным запалом: воодушевление, энтузиазм, вера в успех, в силы свои и людей рядом и вообще готовность совершать любые глобальные дела в целом и осчастливливать человечество в частности» [Драйв].

В лингвистическом плане это понятие является в настоящее время малоизученным и неформулируемым. Вот что пишет о драйве известный литературовед Питер Вайль в эссе о Владимире Высоцком: *Как перевести на русский? — напор, надрыв, сырая эмоция? Но здесь нет присутствующего в английском слове вектора движения, идеи гона, пресле-*

дования, удара, атаки... Драйв — дело не русское, как сам термин. К нему не приспособлен наш язык с его многосложными словами и путаницей сложноподчиненных предложений. Быть может, нет на свете языка, более подходящего для передачи душевных хитросплетений, но завоевал мир английский — благодаря краткости, логике и энергии... Маяковскому пришлось строить из стихов лесенку, чтобы обратить внимание на разрыв с традицией. Цветаева изломала строки анжамбеманами, понаставила между словами тире — так, что ее стихи узнаются издали по графике. Они двое — по страстному драйву — предтечи Высоцкого в XX веке. Других образцов что-то не видеть [Вайль 2007: 526—528].

Не претендуя на обзор поэтического творчества, мы можем все же утверждать, что «другие образцы» во множестве встречаются в других видах дискурса — рекламном и политическом. Современная эпоха требует иных, чем прежде, способов речевого представления фактуальной информации — более динамичных, эмоциональных, побуждающих к действию, т. е. позволяющих воплотить в тексте энергетику пишущего или говорящего, дать своеобразный энергетический толчок, воодушевить адресата, вызвать и ускорить его реакцию. Драйв в рекламных слоганах резко усилился за последние 100 лет. В настоящее время рекламные слоганы могут репрезентировать драйв (*Не тормози. Сникерсни*), могут

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Руженцева Н. Б., 2012

быть и «бездрайвовыми» (*Все в восторге от тебя, а ты — от Мейбелин*), однако тенденция к созданию именно «драйвовых» слоганов является, на наш взгляд, совершенно очевидной; ср.: *Пейте Кока-колу; Насладитесь Кока-колой* (кон. XIX — нач. XX в.); *Кока-кола — пей легенду!*; *Кока-кола — есть контакт!* (кон. XX — нач. XXI в.).

Для нашего понимания драйва важно следующее замечание: *В молодежных кругах закрепилось ошибочное представление о драйве. Его однозначно отождествляют с физической активностью, проявляющейся в энергичных танцах, экстремальных видах спорта и других подобных занятиях. На самом же деле сутью драйва является то, что один человек своим поведением ВЕДЕТ другого, побуждая его, часто неосознанно, присоединиться к себе через подражание [Драйв].* Отталкиваясь от этого наблюдения, под драйвом в рекламных и политических (предвыборных) слоганах мы будем понимать репрезентированный в тексте вектор активного движения, инициированного внешним толчком и направленного к определенной цели — побудить адресата купить товар, воспользоваться услугой, отдать свой голос за того или иного кандидата или политическое объединение, т. е. ПОВЕСТИ АДРЕСАТА ЗА АДРЕСАНТОМ. Основным моментом при использовании драйва является тем или иным способом заложенная в текст ИДЕЯ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ на внешний активный энергетический толчок. Увеличение «драйвового» компонента в рекламном и политическом дискурсе обусловлено, как мы считаем, адаптационным механизмом — необходимостью приспособить текст к изменяющейся эпохе с усиливающейся динамичностью, мобильностью членов общества, возрастающей ролью молодежи, а отсюда — скоростью реакции человека на изменения окружающей среды и т. д.

В общем виде драйв является интересным способом речевого представления фактуальной информации в рамках асимметричной модели коммуникации. Для дальнейших рассуждений важно привести ее определение: «Асимметричная коммуникация — это коммуникация, в которой источник обладает преимущественными возможностями влияния на сознание и поведение аудитории и использует эти возможности в ходе взаимодействия... Это технология субъект-объектного типа, обеспечивающая максимально возможное влияние источника на получателя и максимально ограничивающая влияние аудитории на источник» [Гавра, Хубецова 2006: 214—215]. Д. П. Гавра и З. Ф. Хубецова выделяют четыре вида социально-коммуникативных моделей, соотносимых с асимметричной и симметричной коммуникативными технологиями. Мы считаем, что рекламная коммуникация реализует «модель мягкого манипулирования — асимметричную

двустороннюю модель. Эта модель ... отличается от односторонних моделей включением механизма обратной связи между источником и получателем коммуникативного сообщения. Эта обратная связь в виде реакций аудитории на сообщения и в целом на коммуникативную политику источника мотивирует последний к изменению своих коммуникативных практик в сторону придания им большей эффективности» [Там же: 217].

Эффективность рекламного сообщения достигается в настоящее время целым рядом речевых/текстовых способов репрезентации «драйвовых» смыслов. К репрезентантам относятся:

- глаголы движения, прежде всего движения вперед: *Куда летишь? В Арбат-престиж*;
- слова и выражения со значением побуждения, в том числе глаголы в повелительном наклонении, а также в изъявительном и условном в значении повелительного: *Расправь крылья!* («Рено»); *Засветись* («Нокиа»); *Владей* (Коньяк «Бастион»); *Финанс. Читай и взлетай!*; *Мама, ну купи-и-и...* (сеть магазинов «Глория Джинс»); *Оторвись по полной* (LG);
- существительные со значением «дорога», «путь» и семантическими компонентами движения: *Вектрум. Вектор вашего здоровья!*;
- местоимения «весь», «все»: *Сток-центр. Все к лицу! Все по карману!; Как сделать себя и как сделать всех* (телепрограмма о моде);
- прилагательные и словосочетания с указанием на высшую степень проявления признака: *Лимоннее лимонов!*; *Нежнее нежного* (мыло);
- лексика со значением будущего: *Вид на будущее* (жилой комплекс); *Выбери себе будущее; Настоящее будущее* («Опель»);
- лексика со значением желания: *Уже хочу!!!* (жевательный мармелад);
- лексика со значением результата действия: *Волшебная победа над жирной посудой* (Фэйри);
- лексика со значением новизны: *По-новому — вишневому!* («Кока-кола Cherry»); *Vagabond. На шаг впереди моды!* (обувь);
- лексика со значением возможности потери, утраты чего-либо: *Не теряя времени — теряй годы!* (косметика «Мирра Люкс»);
- лексика со значением долженствования (смыслы «нужно — «нельзя»): *Faberlic — необходимо, как воздух; Никаких гамбургеров!* (Сеть быстро LAIMA, Санкт-Петербург);
- специальная лексика типа «экстрим», «экстремальный», «атака», «удар», а также аналогичные слова и выражения, передающие идею напряжения, деятельности на пределе возможного, выброса эмоций: *Адреналин в четвертой стадии* («Субару»); *Starburst — фрукты в ударе* (жевательные конфеты);
- военная лексика: *Танки грязи не боятся* («Камаз»); *Lego. Сдавайся или атакуй* (конструктор «Лего»); *Убить стилем* (мобильный телефон «Sharp»);

– выражения, включающие антонимы (общезыковые и контекстуальные): *Хватит мечтать — пора обладать* (автосалон);

– фраземы и иные виды прецедентных феноменов, в том числе трансформированные: *Пришел. Увидел. БМВ; Раз и навсегда* («Ярославские краски»); *Музыканты всех стран, объединяйтесь!* (Израильское радио);

– вопросительные предложения: *Вы еще не в белом?* («Тайд»);

– номинативные предложения: *Gardex. Последний писк*;

– побудительные предложения с манифестацией приглашения, совета, распоряжения, приказа, команды: *„Вахтангури“. Заходи, дорогая!; Не откладывай жизнь на завтра* (Банк «Русский стандарт»); *Переходим на здоровое питание; Торговый центр „21 век“ — пора почувствовать себя человеком; Не дай себе засохнуть* («Спрайт»); *Заряжай мозг* (Батончик «Натс»); *Отмени границы* («Форд»); *Включите цвет*;

– парцелированные конструкции: *Все меняется. К лучшему!*;

– предложения, передающие резкую смену действия, признака, состояния: *Выпил — и уже завтра* (водка «Машина времени»); *Разогрел — и готово* (пицца);

– предложения с вектором движения, в том числе безглагольные: *В Россию с любовью* (обувь «Франческо Донни»);

– предложения, выражающие идею быстрого реагирования: *Кто успел — тот и съел* («Кириешки»); *При диарее „Смекта“ для быстрого эффекта; Safeguard и вы на защите семьи* (антибактериальное мыло);

– предложения с идеей несовременности, отставания в чем-либо и побуждением адресата изменить положение: *Все остальное — XX век* (ноутбуки Nec Versa); *Аккумуляторы Титан. Все остальное — батарейки!*;

– безальтернативные конструкции (догмы, аксиомы): *Пора пустить корни* (коттеджный поселок);

– графические выделения: *DOZАправься!* (энергетические коктейли).

(Примеры взяты из собранной в 2008 г. Э. Слободянюк коллекции лучших русскоязычных слоганов.)

Нам представляется интересным не только классифицировать и описать речевые способы репрезентации драйва, но и проследить динамику последних. Для решения этой задачи мы привлекли материал политических (предвыборных) слоганов. Предвыборные тексты реализуют в подавляющем большинстве случаев, согласно типологии Д. П. Гавры и З. Ф. Хубецовой, модель жесткого манипулирования (пропагандистскую модель). Указанные ученые характеризуют ее следующим образом: «Это модель односторонней асимметричной коммуникации. В ней главная цель источника — жесткое манипулирование сознанием аудитории (получателя) и трансформация его поведения

в требуемом направлении... Основная форма работы источника с сообщениями — производство (конструирование) с целью придания им наибольшей (или заданной) силы воздействия. Соотношение параметров сообщения с такими характеристиками, как достоверность и объективность, носит необязательный характер. Получатель сообщения (аудитория) не имеет возможности влиять на коммуникативную деятельность источника и фактически выступает исключительно в роли пассивного объекта коммуникативного воздействия... Эффект коммуникации, достигаемый в данной модели, состоит в изменении сознания и (или) поведения получателя сообщения (аудитории) без каких-либо изменений в источнике» [Гавра, Хубецова 2006: 215—216].

Пропагандистская модель коммуникации демонстрирует, что «драйв — эффективное средство воздействия на людей. Использовать его хорошо умеют групповые лидеры и манипуляторы. Наличие драйва — обязательное психологическое качество вождя. Умение заражать толпу своей энергией, поднимать ее на штурм чего-нибудь и составляет основу их власти» [Драйв]. Из сказанного следует, что употребление «драйвовых» слоганов в предвыборных кампаниях обусловлено необходимостью адаптации к достаточно жестким условиям предвыборной конкурентной борьбы. Есть шанс, что энергетический толчок, транслированный адресату посредством слогана, будет способствовать политическому выбору или изменению его в направлении, заданном адресантом.

В качестве материала мы использовали коллекцию политических слоганов К. В. Киселева. Мы сопоставили слоганы, употреблявшиеся в предвыборных кампаниях с 1993 по 2000 г. Сам К. В. Киселев уже отметил некоторые семантические тенденции в политической слоганистике, которые вкратце можно свести к следующим: постепенное уменьшение смысла слов (их обесценивание); возвышение «малого» до вечной истины, преодоление обычности; создание «нового большого», способного «объединить» и мобилизовать; соединение большого и малого; постепенное снижение уровня пафосности [Киселев 2002: 143—148]. В связи с последней тенденцией следует отметить, что понятие «драйв» отнюдь не тождественно понятию «пафос». В традиционном понимании пафос (при его определении употребляются такие термины, как «эстетические категории», «метафизические категории», «модусы художественности») — это «мировоззренчески значимые эмоции, которые присутствуют в искусстве в качестве „достояния“ либо авторов, либо персонажей... Подобные эмоции сопряжены с ценностными ориентациями отдельных людей и их групп. Они порождаются этими ориентациями и их воплощают» [Хализов 1999: 68]. Возможны героический, трагический, ирониче-

ский, романтический и другие виды пафоса [Там же: 68]. Драйв, как уже говорилось выше, это своеобразный энергетический толчок, призванный вызвать и ускорить заданную автором текста реакцию на то или иное высказывание.

(В скобках заметим, что анализировать систему политических слоганов сложнее, чем систему рекламных слоганов. Первую можно классифицировать по разным основаниям: слоганы «в поддержку» и протестные слоганы; слоганы прямые и отрицательные, слоганы с конкретной и обобщенной апелляцией и т. д. Особенно интересен и практически значим анализ репертуара коммуникативных тактик, реализованных в политических слоганах. Вообще политический слоган представляет собой иной тип высказывания по сравнению со слоганом рекламным. Это связано с тем, что пропагандистские модели (модели жесткого манипулирования) требуют более широкого репертуара средств речевого воздействия, чем модели мягкого манипулирования. Многие политические слоганы строятся в форме развернутого суждения — сложного предложения или цепочки простых предложений, в совокупности выражающих систему внутритекстовых отношений: перечислительных, причинно-следственных, условных, сопоставительных или противопоставительных и др. Ограниченный объем статьи позволяет нам обратиться лишь к динамике репрезентаций «драйвового» компонента в политических слоганах. Остальные вышеупомянутые аспекты составляют перспективу дальнейших исследований.)

Для сопоставительного анализа мы взяли примерно одинаковое количество политических слоганов, созданных в периоды 1993—1995 гг. и 2000—2001 гг.

Семантические и формальные особенности политических слоганов отличаются от слоганов рекламных. Отсюда «драйвовый» («толчковый», побуждающий к быстрому реагированию) компонент слогана имеет в политических слоганах несколько иные формы репрезентации, чем в слоганах рекламных. Анализ материала за 1993—2001 гг. позволил нам выделить в политических слоганах ряд инвариантных «драйвовых» компонентов.

Прежде всего политические слоганы объединяет такой «драйвовый» компонент, как побудительные глагольные конструкции (преимущественно с глаголом *голосуй/голосуйте*): *Голосуй ЗА!*; *Голосуй не за страх, а за совесть!*; *Голосуйте за нашего кандидата! Все на первые выборы губернатора!*

Возможны и более креативные варианты слоганов с прямым побуждением: *Мой руки перед едой. Стой за своих. Голосуй за КРО!*; *Чтобы жизнь прошла не даром, голосуйте за Гайдара!*; *Если не знаешь, с какой масти ходить — ходи с бубей. Если не знаешь, за кого голосовать — голосуй за ПРЕС!* (1993—1995 гг.). *Голосуй за будущее, голосуй за „Блок*

правых сил“!; *Голосуй за врача!*; *Голосуй правой!*; *Голосуй сердцем!* *Голосуй — это для тебя!* (2000—2001 гг.). Количество слоганов с репрезентантом «голосуй/голосуйте» осталось за исследованный период почти неизменным.

Вторым общим репрезентантом драйвового компонента являются глаголы *выбери/выберите*: *Выбирай, но помни: только он один будет вам товарищ, а не господин* (1995 г.). Количество слоганов с этими репрезентантами за исследованный период резко увеличилось: *Выберем в Думу достойнейшую!*; *Выбери будущее!*; *Выбери лучшего!*; *Выбери правду — выбери Кадочникова!*; *Выбираем Руденко!*; *Выбираем земляка — голосуй за Ковпака!* и т. д.

Третий общий компонент — это побудительные конструкции с частицей ЗА: *За великую Россию!*; *За здоровье человека, счастливую семью, чистую природу и сильную Россию!*; *За нашу советскую Родину!*; *За Россию, свободную от нищеты, невежества, бесправия!* (1993—1995 гг.). *За людей! За перемены!*; *За маму, за папу, за правое дело!*; *За Победу!*; *За Родину!* *За народ!*; *За победу патриотов!* *За Зюганова!*; *За светлый отчий дом!* *Настоящее дело. Реальная забота. Народный депутат. Голосуйте ЗА!* Количество слоганов с репрезентантом ЗА увеличилось почти вдвое.

Четвертый общий компонент — это лексема *время* (иногда в сочетании *пришло время*), репрезентирующая необходимость быстрых действий (семантический вариант — лексема *пора*): *Время быть русским!* *Время дилетантов должно подойти к концу!*; *Пришло время профессионалов!*; *Пришло время честных профессионалов!* (1993—1995 гг.). *Время братья за дело!*; *Время быть вместе!*; *Время, вперед!*; *Время выбрать достойных!*; *Время молодых. Выбери своего!*; *Время принимать решение!*; *Пришло время ввести городскую надбавку к пенсии!*; *Пришло время голосовать за Новый курс!*; *Пришло наше время!*; *Пришло новое время!*; *XXI век — время Российской империи!*; *Все сказано — пора заниматься делом!*; *Кончилось время, когда мы выживали поодиночке. Пора строить достойную жизнь для всех!* (2000—2001 гг.). Количество слоганов с репрезентантом «время» увеличилось более чем в два раза.

Пятый общий компонент — это репрезентант необходимости действия *нужно/надо* (в рамках высказывания этот репрезентант может опускаться, но семантика необходимости сохраняется): *Нам нужна Великая Россия!*; *Парень, в стороне не стой, не будь равнодушен, твой голос нужен!*; *Приелись митинги и демонстрации — нам нужны транспорт и коммуникации!* (1993—1995 гг.). *Все сказано — нужны результаты!*; *Городу нужен депутат!*; *Городу — мэру, закону — депутат!*; *За будущее надо бороться!*; *Нам нужна Новая Экономическая политика — НЭП-2000!*; *Нам нужен*

мэр, который станет отцом города!; Нам нужен такой депутат!; Нам нужен наш! и т. д. (2000—2001 г.). Количество слоганов с данным репрезентантом увеличилось по крайней мере в три раза.

Шестым общим компонентом является репрезентант запрета, отрицания негатива *нельзя*. Заметим, что запрет как речевой жанр требует во многих случаях немедленного поведенческого или речевого реагирования: *Мы многое не успели, и нам нельзя терять время!; Нет — безработице! Нет — дикой приватизации! Да — достойной оплате за хороший труд!; Нет — развалу аграрного сектора!; Товарищу Губернатору — Да. Господину Губернатору — НЕТ!* (1993—1995 г.). *Противостоянию — нет! Да — созиданию!* (2000—2001 г.). Количество слоганов с прямым запретом или отрицанием негатива уменьшилось примерно в два раза.

Седьмой общий компонент политических слоганов имеет аналог в рекламных слоганах и рекламных текстах, нацеленных на быстрое реагирование. Это репрезентант *только*, хотя число высказываний с ним, отмеченных за весь указанный период, невелико: *Уж если голосовать, то только за Галину Карелову* (1995 г.). *Только вместе мы изменим нашу жизнь!; У нас есть только один правильный выбор — кандидат Верх-Исетского района Андрей Выборнов!; Мы доверяем только Зяблицеву!* (2000—2001 г.). Ср. в рекламе: *Только до 20 марта предоставляется скидка!*

Восьмой общий «драйвовый» компонент выражает семантику победы: *Вместе — победим!; Россия победит!* (1993—1995 г.). *Вместе мы победим!; Ваше доверие — наша победа!; С нами победа!* (2000—2001 г.). Количество таких слоганов почти не изменилось.

Наконец, девятый общий «драйвовый» компонент — семантически субъектный вектор *дать благо* (в рекламных слоганах доминирует адресатный вектор — *получить благо*). Субъектный вектор репрезентируется разнообразными формами, чаще всего безглагольными эллиптическими конструкциями, в которых «драйвовый» компонент усиливается, как и в поэзии М. Цветаевой, графическим знаком — тире: *Безопасность, работу, достаток — каждому!; Мир и хлеб — каждому дому!; Польза — народу, честь — гражданину, слава — России!; Стране — сильную армию, а военнослужащим — достойный уровень жизни!* (1993—1995 г.). *Уральцам — достойную жизнь, крепость духа и тела, торжество закона и правопорядка!; Екатеринбург — достойный облик, горожанам — достойную жизнь!; Зрелости — стабильность, молодости — успех!; Моя цель — помощь старшим и дорога молодым!; Народу — работу, президенту — безработицу!; Неволин в Думе — тепло в доме!; Пожилым — заботу! Молодым — работу! Детям — бесплатное образование!; Пожилым — опору,*

молодым — успех!; Российские деньги — народу России! Есть такой закон!; Старой Сортировке — новую экономику!; Тепло и свет в каждый дом! Количество слоганов, эксплицирующих вектор *дать благо*, увеличилось за исследуемый период в несколько раз, так же, как и разнообразие средств варьирования связи «Я — благо» [см.: Федотовских 2004: 63—66], что является темой отдельного исследования.

Переходя к динамике политических слоганов, отметим выявленные отличия политических слоганов 2000—2001 г. от слоганов 1993—1995 г. Наш материал демонстрирует значительное расширение и вариативность форм высказывания в предвыборной политической ситуации. Увеличилось количество 1) развернутых слоганов с достаточно прозрачной аргументацией (*Знает, умеет, не обещает, а реально делает. Доверяйте принятие законов профессионалам. Голосуйте за Бурматова!; Сухнев — адвокат. Сухнев — человек. Сухнев хорош со всех сторон!*); 2) слоганов с внутренними условными отношениями (*Будет Дубинкин — будут и детские пособия!; Если мы сами не позаботимся о старшем поколении, больше о нем позаботиться будет некому!; Защитим детей — защитим семью!; Помог заводу, поможет нам!*); 3) слоганов с внутренними причинно-следственными отношениями (*У вас нет денег за границей! У Вас есть дети и родители здесь! Эти деньги должны быть здесь, а не в Европе!*); 4) слоганов, выражающих антонимические отношения (*Депутат обязан работать на благо города, а не представлять узкие интересы отдельных политических групп!; Не будьте созерцателями — берите свою судьбу в свои руки!; „Черные“ деньги — на белый свет!*); 5) слоганов в форме вопроса и вопросно-ответного комплекса (*Кто, если не мы!?! Люди! Очнитесь! Россия в беде! Где вы, Пожарские? Минины где? Можно ли платить за наши квартиры меньше? Да, можно!*); 6) слоганов, в которых авторский замысел передается посредством использования трансформированных прецедентных феноменов (*Ботаника — здесь будет город-сад!; Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по „одиночкам“!; НДСГ: Назвался депутатом — напряги голову!; Один за всех — все за одного!; Правой, правой, правой...; Правых в Думу, женщинам цветы!; ЧТО посеет, ТО и пожнем. ЧТО выберем, ТО и получим!*); 7) слоганов с прямым обещанием и с прямой конкретизированной апелляцией (*В Самарской области сделал — сделаю и в России!; Знаю наши проблемы и готов их решать!; Я не дам чиновникам жить спокойно!; Студент! Помни, что не имеют права голоса труп, умалишенный, малолетний, заключенный. Если ты не труп, не умалишенный, не малолетний, не заключенный, воспользуйся своим правом. Голосуй за*

Николая Овчинникова!); 8) слоганов в виде цепочки номинативов (*Молодость — энергия — забота!*; *Россия — ЛДПР — Жириновский!*). Стало больше и слоганов с повышенной степенью креативности, в том числе имеющих стихотворную форму (*Сегодня за здоровье наполняют рюмки, а надо наполнять бюджет!*).

Увеличилось и количество «драйвовых слоганов». Наиболее «драйвовыми», заряжающими адресата энергией мы считаем:

– протестные слоганы: *Внимание! Прохвосты!* (вариант: *Осторожно! Прохвосты!* — слоган кампании против А. Чернецкого и А. Буркова); *Не дай Бог!*; *Не допусти красной смуты!* *Голосуй за Ельцина* (против Г. Зюганова); *Не пустим жулика в депутаты!* *Долой депутатскую неприкосновенность!* (против В. Гусева); *Не пустим коррупционера во власть!* (против Н. Овчинникова); *Россию кепкой не накроешь!* (против ОВР и Ю. Лужкова); *Старье берем?* (против Г. Зюганова); *Хитрый мясник опять лезет во власть!* (против В. Гусева);

– альтернативные слоганы: *Выбор прост: или Зюганов, или Русь пустых карманов!*;

– инфинитивные слоганы (инфинитив — один из самых категоричных способов выражения побуждения, команды): *Вернуть Уралмашу доброе имя!*; *Заставить власть отчитываться за свои действия!*; *Решить проблему!*; *Разорвать порочный круг!*; *Экономить на людях нельзя!* *Экономить на здоровье граждан — разрушать державу!*

– слоганы, выражающие смысл «достаточно/довольно/хватит»: *Хватит жить бедно!*

Мир меняется быстро. Текстовые репрезентации драйва — это адаптационный ответ

на изменения эпохи, ср. высказывание Д. Медведева в одном из интервью: «Одной стабильностью развиваться нельзя, должен быть драйв». Увеличивающийся «драйвовый» компонент в слогане-высказывании — это также адаптация к изменяющему образу жизни и психологии молодого поколения: «От чего сама чувствую драйв, я бы выразила во фразе: „Зажигаем!“» [Драйв]. И рекламные, и политические слоганы призваны «зажечь» целевую аудиторию, привести ее к поставленной адресантом цели, оратор должен уметь «зажигать» слушателей. Именно поэтому исследование «драйвового» компонента высказывания так важно для целого ряда научно-практических областей, связанных с проблемами речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайль П. Стихи про меня. — М. : Колибри, 2007.
2. Гавра Д. П., Хубецова З. Ф. Типология социально-коммуникативных технологий // Основы теории коммуникации. — СПб. : Роза мира, 2006. Ч. 2.
3. Драйв // Психологический форум. URL: <http://psyche.biznet.ru/topic53302.html>.
4. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника / УрО РАН. — Екатеринбург, 2002.
5. Слободянюк Э. П. Настольная книга копирайтера. — М. : Вершина, 2008.
6. Федотовских Т. Г. Ситуация обещания: эксплуатация ключевых смыслов в предвыборных листовках // Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах / УрГУ. — Екатеринбург, 2004.
7. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999.
8. Яндекс-словари. URL: <http://slovari.yandex.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. Лассан

УДК 81'42
ББК Ш100.7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

А. П. Седых
Белгород, Россия

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ
КОМПОНЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В. В. ПУТИНА И А. МЕРКЕЛЬ**

**EMOTIVE-EMPHATIC COMPONENTS
OF PHRASEOLOGICAL DISCOURSE
OF V. V. PUTIN AND A. MERKEL**

Аннотация. Изучается языковая личность политика на материале речевых манифестаций В. В. Путина и А. Меркель. Дискурс политика исследуется на основе интерпретационного анализа фразеологии. Языковые данные вербализуют идеологическую составляющую стратегий и тактик речевого воздействия рассматриваемых политиков.

Abstract. The paper deals with linguistic identity of politician on the materials of statements of Vladimir Putin and Angela Merkel. Political discourse is studied through interpretive analysis of phraseology. Linguistic information verbalizes ideological components of strategies and tactics of the speech impact of these personalities.

Ключевые слова: языковая личность; институциональный дискурс; фразеология; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.

Key words: linguistic identity; institutional discourse; phraseology; strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет романско-германской филологии.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Associate Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный университет (БелГУ).

Place of employment: Belgorod State University (BSU).

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85, к. 5-13.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Когда-то В. И. Ленин сказал: «Без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [Ленин 1973: 237]. В применении к тематике нашего исследования можно сказать, что без человеческих эмоций не может состояться ни один политический лидер, а тем более политический дискурс.

Большинство фразеологических единиц представляет собой «вместилище» эмоций. По типу номинации они являются образными средствами языка. Идеальные образы, лежащие в основе фразеологической номинации, возникают в процессе речевого общения людей, оперирующих языковыми значениями как результатами когнитивной деятельности. Впоследствии эти образные языковые значения актуализируются в той или иной дискурсивной ситуации. Как отмечает Т. А. Новицкая, «фразеологические единицы служат наиболее эффективным средством выражения отношения человека к окружающей его действительности. Это отношение активного взаимодействия с окружающим миром, это стремление приспособить мир к своим потребностям, это целенаправленное преобразование мира в соответствии со своими ценностными представлениями» [Новицкая 2007: 102].

К эмоциям относят настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы. Это «чистые» эмоции. Они включены во все психические процессы и состояния человека. Благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность и общение.

В различных культурах отношение к конкретным эмоциям не совпадает, переживания и проявления отдельных эмоций наделены социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию. В свою очередь, эмотивность воздействует на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения языковых единиц, коррелирующих с эмоциональным состоянием человека.

Итак, «эмоция — одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства» [Шаховский 1987: 181]. Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается прежде всего в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов. Многозначность эмотивных лексических единиц, в том числе и междометий, не вызывает трудностей у носителей языка, так как разнообразные значения подсознательно усваиваются во время общения в социуме на фоне средств, обеспечивающих снятие полисемии в контексте. Эмоции универсальны, а структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, национально специфична.

Понятие «эмотивность» коррелирует с понятием «экспрессивность». Ряд лингвистов — О. И. Блинова, В. Н. Телия, М. Я. Поляков, Е. М. Галкина-Федорук, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский — предлагают рассматривать экспрессивность как более широкое явление, чем эмотивность. По их мнению, экс-

прессивность служит для большей выразительности и связана с формой высказывания, а эмотивность нужна для выражения чувственного образа и относится к содержанию. Мы трактуем понятия экспрессивности и эмотивности как синонимичные. При этом для институциональных лидеров нации экспрессия и эмоция идут «рука об руку», позволяют индивиду проявить себя яркой языковой личностью.

Неотъемлемым элементом речевого портрета политика выступает эмоционально-экспрессивная составляющая высказывания. На политической арене В. В. Путин отличается тем, что его речь изобилует единицами косвенно-производной номинации экспрессивного характера. Выражения, содержащие в своей семантической структуре эмотивную составляющую, типичны для идиостиля главы Российского государства. Ему пророчат войти в историю в том числе благодаря образным выражениям, которые становятся афоризмами, благодаря четко проявленной экспрессии.

Самыми яркими в идиостиле В. В. Путина являются словосочетания, в которых варьируются прямое и переносное значение, что создает экспрессию, делает политический дискурс более выразительным. Рассмотрим пример употребления оборота *ужинать без галстуков*, означающего неофициальный ужин в непринужденной обстановке. В. В. Путин употребил данное выражение на встрече с Ю. В. Тимошенко при ответе на вопрос о том, чем занимаются на ужине В. А. Ющенко и М. Н. Саакашвили: *Деву президентам лучше всего ужинать без галстуков. Галстуки нынче в цене. Не ровён час... Ну, вы меня понимаете...* [Комсомольская правда].

Ключевая сема здесь — «непринужденное общение», коннотативный эмоционально-экспрессивный макрокомпонент находится на уровне экстралингвистических данных. В рассматриваемом примере наблюдаем речевое обыгрывание семантики устойчивого словесного комплекса и буквального значения свободного сочетания слов. Внутренняя форма фразеологической единицы, ее образная составляющая переплетается с актуальным значением выражения, что создает комический эффект. В речевом образце содержится намек на известный эпизод, когда президент Грузии М. Н. Саакашвили жевал свой галстук перед миллионами зрителей.

Заслуживает интереса эмоционально-экспрессивное употребление фразеологической единицы *загнать/загонять кого-либо в угол*, которая тоже обыгрывается с использованием аналогичного лексического сочетания:

А. Колесников. *Помните, в книге «От первого лица» вы рассказывали о том, что однажды, когда еще были подростком, на лестнице подъезда загнали крысу в угол?*

В. Путин. *А, было, да! А потом она погналась за мной! Я еле убежал.*

А. Колесников. *И после этого вы поняли, что нельзя никого загонять в угол.*

В. Путин. *И очень хорошо понял. На всю жизнь.*

А. Колесников. *Скажите, а зачем же вы тогда загнали в угол Михаила Ходорковского?*

В. Путин. *Почему загнал в угол? — удивился премьер. — Он несет заслуженное наказание. Выйдет на волю — будет свободным человеком. Нет, я уж точно не загонял его в угол* [Коммерсантъ.ru].

В начале интервью, когда речь идет о крысе, корреспондентом употреблено свободное словосочетание *загонять в угол* в прямом значении. В дальнейшем данное сочетание приобретает образные экспрессивные характеристики, реализуя значение 'ставить кого-либо в тяжелое или безвыходное положение'. В последней реплике премьер-министр РФ дважды в одной фразе употребляет фразеологизм (с вопросительной и утвердительной интонацией). На восприятие его высказывания влияют также мимика и жесты.

Как видим, центральная сема «поставить в безвыходное положение» актуализируется на коннотативном фоне, отражающем общероссийскую ситуацию «наказание олигархов». Отметим прием аккумуляции образной составляющей (метафоро-метонимический контекст: крыса → олигарх → угол), способствующей поднятию эмоционально-экспрессивного тона диалога.

Эмоционально-экспрессивное употребление фразеологических единиц характерно для полемики между представителями той или иной партии, для выступлений на пресс-конференциях, для оценки деятельности различных служб и учреждений, для заявлений международных общественных организаций. Когда речь политического деятеля освобождается от регламентированных, обусловленных статусом норм поведения, от характерных для официального общения шаблонных высказываний, устойчивые выражения передают дополнительные эмоционально окрашенные коннотации, понятные большинству носителей национального языка.

Следующие высказывания В. В. Путина с фразеологизмами-глуттонимами обладают повышенным эмоционально-экспрессивным фоном: *И нельзя снимать сливки с нефтегазовой отрасли целиком и вбрасывать их в экологию!* [Коммерсантъ.ru]; *Пусть жену свою учат щи варить* [Газета.ru]; *У нас знаете, как говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанского. Но у нас риск осмысленный, продуманный и не выходит за рамки, когда мы не контролируем ситуацию* [Сайт Председателя Правительства]; *Но это всё-таки не блины печь!* [Арсеньевские вести].

Употребление в речи фразеологизмов с гастрономическими номинациями повышает эмоционально-экспрессивный фон высказыва-

ния. Глуттонимы *сливки, щи, шампанское, блины* широко известны представителям русского языкового сообщества. Семы «выгода», «риск», «самодостаточность» реализуют патристическую идеологию россиян. Коннотативный фон высказываний характеризуется устойчивой эмотивной окраской, связанной с национальной гордостью русофилов.

В качестве основополагающих эмоций, репрезентируемых фразеологической базой политических лидеров, выступают такие, как «гнев» и «радость». Указанные эмоции признаны большинством языковедов базисными не только для политического дискурса [Красавский 2008; Изард 1980; Симонов 1982].

Рассмотрим фразеологические способы вербализации эмоции «радость» в следующих высказываниях: *Футбол вдохнул искру жизни в молодых и старых* [Сайт Председателя Правительства]; *Поэтому это нас настраивало на победный лад* [Там же]; *Там уже нет такой остроты, потому что людям надоело это противостояние, это кровопролитие, и они уже почувствовали вкус к нормальной человеческой жизни, появились перспективы для людей* [Президент России]; *Видимо, потому, что руководители центральных каналов чувствуют себя людьми здоровыми и физически подготовленными на все сто* [Lenta.ru]; *Я думаю, после этого у всех работников предприятия этот камень с души свалится, и все отчетливо будут осознавать, что предприятие будет работать ритмично* [Комсомольская правда]; *Всё, чего Россия добила, было достигнуто напряженным, тяжелым трудом. У нас было много сложностей, много проблем и потерь, но в то же время Россия зарекомендовала себя как страна, твердо стоящая на ногах и интенсивно развивающаяся* [Президент России].

Фразеологизмы *вдохнуть искру жизни, почувствовать вкус к жизни, настроить на определенный* (в контексте *победный*) *лад, твердо стоять на ногах* реализуют ключевую сему «вера в будущее». Коннотативный фон высказываний отличается позитивной направленностью именно благодаря контекстному обогащению высказываний фразеонабором.

Гнев также является врожденной реакцией, это комплексное переживание психики человека. Проанализируем фразеологические способы вербализации эмоции «гнев»: *А вы хотите, чтобы мы в одночасье создали такое во всех отношениях сбалансированное государство!..* [Коммерсантъ.ru]; *И, поливая себя красной краской, говорить, что антинародная власть ведет себя недостойно и подавляет права человека* [Там же]; *ОБСЕ будет контролировать эти выборы с территории Иордании. Это просто фарс какой-то! Понимаете? Всё с ног на голову поставлено!* [Президент России]; *Мы с Вами знаем — а я тоже люблю очень историю, —*

как еще совсем недавно мы в учебниках читали вещи, от которых волосы дыбом могли встать, особенно при трактовках, скажем, результатов Второй мировой войны и всего, что с этим связано [Lenta.ru]; *При желании... Мне звонил ваш руководитель, в Словении трудное положение. Еврокомиссия должна знать, чьи интересы защищать? Как у нас говорят, „ноги в руки — и вперед“.* *Два часа в таких условиях — максимум им, а они сидят, „резьбу нарезают“!* *Мандата нет! Пускай получают* [Вести]; *Всем, кто хочет чего-то развития событий, мне бы очень хотелось прямо в камеру показать фигуру из трех пальцев, но не могу это сделать в силу воспитания* [Разговор с Президентом]; *Война шла между этими подразделениями „лоб в лоб“.* *Достаточно вспомнить танковое сражение под Прохоровкой. Просто там была танковая атака с двух сторон „лоб в лоб“* [Вести]; *Совершаются преступления — да, совершаются террористические акты — да. Всё это делается из-за спины, и, повторю, я уже об этом говорил, крупномасштабных боевых действий там не ведется* [Президент России]; *Согласен с Вами в том, что закон о монетизации вызвал столько эмоций — и, считаю, оправданных эмоций, — потому что, несмотря на то, что многие меры давно назрели и нужно было принимать адекватные складывающейся ситуации решения, тем не менее, к сожалению, как часто у нас бывает, такие вопросы решаются недостаточно продуманно. Не буду употреблять крепких выражений, не имею на это право, тем более в прямом эфире, но, в общем, вы понимаете, что я имею в виду* [Президент России]; *Но даже такие позитивные сигналы и шаги не остановили грузинское руководство от преступления, которое было совершено год назад. Но правду, как шила в мешке, не утаишь. Поэтому она будет пробивать себе дорогу* [Вести].

В приведенных высказываниях эмоция «гнев» вербализуется при помощи косвенных речевых средств. Как уже упоминалось выше, базовые эмоции чаще всего выступают как комплексные образования, но оттенки «гневных» проявлений чувств манифестируются в семантике устойчивых словесных комплексов. Устойчивые словесные комплексы *поставить с ног на голову, волосы дыбом встанут* содержат общие семы «негодование», «неприемлемость чего-либо», «позор», которые указывают на скрытое раздражение и взволнованность, граничащие с проявлениями гнева в более мягкой форме. Фразеологические единицы *фигура из трех пальцев, крепкое выражение (словцо)* обозначают ответную реакцию отрицательного характера, указывая на проявление гневных настроений премьер-министра Российской Федерации. Грубоватые единицы сниженной лексики *фиг, мат* заменены в вы-

ступлении на описательные и завуалированные варианты в силу статусных рамок, определяемых социальной ролью. Антонимичные фразеологизмы *лоб в лоб* и *из-за спины* также за счет своей семантики в определенной степени проявляют рассматриваемую эмоцию. Разница в том, что первое словосочетание манифестирует положительную оценку. Речь здесь идет о «дозированном» проявлении гнева, граничащего с храбростью при описании ужасов войны, о внутренней потребности выплеснуть соответствующие эмоции. Вторая фразеологическая единица в коннотативном плане имеет ярко выраженную негативную образную характеристику, выражает возмущение поступками боевиков и неприятие их действий.

Фразеологические сочетания как устойчивые языковые комбинации фиксируют в своей семантике мыслительные и культурные образы, отражающие наиболее значимые ценности. Употребление фразеологических единиц в институциональном дискурсе В. В. Путина демонстрирует особенности вербального осмысления эмоций в российском социуме. Народное понимание сущности эмоций отражается в пословично-поговорочных речениях (*утаить шило в мешке, лежать мертвым грузом*), с помощью которых председатель Российского правительства расставляет акценты, регулируя эмоциональное восприятие аудитории.

Язык политического дискурса В. В. Путина, как и у любого политика, ориентирован на широкий круг реципиентов. Чтобы довести свою идеологию до широких масс избирателей, политики используют в коммуникации словесные знаки, которые понятны любому представителю электората независимо от его социального статуса, материального положения, уровня образования и других факторов (ситуации, времени, пространства), т. е. любые речевые образования, имеющие отношение к сфере политики. Образные выражения выступают одним из способов добиться ответной реакции. Будучи председателем правительства, В. В. Путин активно использовал подобные языковые комплексы: *„Что касается различных слухов по поводу моего денежного состояния, я смотрел некоторые бумажки на этот счет. Это просто болтовня, которую нечего просто обсуждать. Чушь. Всё выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам“*, — сказал В. В. Путин на „большой“ пресс-конференции, отвечая на вопрос корреспондента одного из западных агентств об источниках богатства президента РФ, которое журналист назвал самым большим в Европе [Lenta.ru].

Когда мы слышим из уст В. В. Путина, представителя высших эшелонов власти, словесные комплексы типа *учить свою жену щи варить; пахать, как раб на галерах; сопли жевать; схватить за яйца; замучиться пылью глотать; оттащить от кормушки; опускаться ниже плинтуса; таять свою долю* [Разгов-

ор с Владимиром Путиным], то понимаем, что данные речевые манифестации приближают образ видного политика к образу среднестатистического представителя народных масс. Приведем примеры подобных высказываний: *Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на всё хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброжелательным* [Police-Russia]; *Пытался как-то цапать, но я как-то на это не заточился* [Салдарнасць]; *Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь* (о председателе правительства — А. С.) [Фонтанка.ру]; *Министр сразу начинает натягивать на себя административное одеяло* (о неудачной реформе правительства, проведенной в 2004 г. — А. С.) [Lenta.ru]; *Послушайте, вы чего? Хотите, чтобы я землю ел из горшка с цветами? Клялся на крови?* (о невозможности денонсации в России в долгосрочной или среднесрочной перспективе — А. С.) [Фонтанка.ру]; *Я не считаю, что мы должны посыпать голому пеплом, бить себя веригами и доказывать всем, что мы хорошие* (на просьбу убедить «опасающихся поляков, что мощная Россия не угрожает таким странам, как Польша» — А. С.) [Lenta.ru]; *Как у нас в некоторых местах говорили, „шило в стенку и на боковую залечь“* (о возможности покинуть политику — А. С.) [basik.ru].

Выражение *шило в стенку* на языке спецслужб означает 'закрывать дело'. Видимо, употребление данного выражения указывает на прошлое В. В. Путина. В иной стране такой пикантный набор слов, не всегда переводимых на другие языки, у главы правительства мог бы вызвать политический скандал и порицание. Однако у среднестатистического российского гражданина это только прибавляет уверенности, что у власти наконец-то «свой человек».

Для В. В. Путина, являющегося представителем русского этнического сообщества, в выборе знаковых структур косвенно-производной номинации наиболее предпочтителен сенсорный тип оценки эмоций, как позитивных, так и негативных. Это обусловлено преобладанием чувственного начала при освоении предметного эмоционального мира. Имплицитно в русском фразеологическом фонде содержится идея всемогущества божественных сил. В речах российского премьера часто применяются речевые структуры с религиозной тематикой, вербализующие специфические элементы национальной эмоциосферы:

Не нужно корчить из себя Господа Бога и решать за все народы все их проблемы [Президент России] — презрение; *И природа распорядилась, слава богу, так, что крупнейшие запасы пресной воды сосредоточены именно в нашей стране, в России* [Новости. Treli.ru.] — удовлетворение; *По поводу вашего последнего тезиса, что мы не заинтересова-*

ны в заборе, а мы — открытая экономика. У нас в народе в таких случаях говорят: **ваши бы слова да Богу в уши** [Сайт Председателя Правительства] — одобрение; У нас с „Опелем“ хорошие отношения, с GM хорошие отношения, **дай Бог!** [Там же] — надежда; Конечно, в будущих возможных, **не дай Бог**, конфликтах, которые, мы знаем, сегодня в мире имеют место, авиации принадлежит особая роль [Президент России] — осторожность.

В приведенных высказываниях фразеологические единицы воплощают культовые коннотации русского народа, для которого религиозный компонент мышления является неотъемлемой частью повседневного существования, в частности эмоциональной активности индивида.

Общеизвестно, что в европейской культуре не приветствуется открытое выражение сильных эмоций как в вербальном отношении, так и в соматическом. Особенно строго эти правила соблюдаются в политическом дискурсе, поскольку яркая, неконтролируемая манифестация гнева или же других смежных с ним эмоциональных состояний может навредить имиджу публичного деятеля. Ценится рационализм, умение сдерживать эмоции, особенно отрицательные.

По мнению исследователей, для немецкого языкового сообщества наиболее продуктивным является утилитарный тип оценивания окружающего мира и эмоциональной сферы [Красавский 2008: 236]. Считается, что немцы распрямляют эмоциональные концепты не так чувственно и образно, как русские [Там же]. Для немцев характерен действенный подход к проблемам; время, терпение помогают преодолеть любое угнетенное состояние. В немецких поговорках выражается неприемлемость проявления грусти и горести. Немцам свойственна практичность, они считают бессмысленным долго переживать по какому-либо поводу, высказывать сомнения и нерешительность. Немцы — приверженцы здоровой логики, они склонны к активным расчетливым действиям.

Некоторые лингвисты полагают, что фразеологизмы немецкого языка, обозначающие эмоциональные переживания и состояния человека, явно преобладают над отдельными лексемами с той же семантикой. По мнению С. М. Панкратовой, «во фразеологическом материале наблюдается большее многообразие оценки одного и того же явления, что объясняет численное превосходство ФЕ по сравнению с лексическими единицами в пределах одного поля» [Панкратова 1988: 105]. В этом выражается сниженный эмотивный диапазон семантики лексических единиц немецкого языка, что отражается и в политическом дискурсе национальных лидеров Германии.

Представители ХДС иногда упрекают А. Меркель в «эмоциональной бедности», но в политических кругах это качество воспринимается как положительное, поскольку выражается в

сдержанности и дипломатичности, свидетельствующими о профессиональной компетентности. Личные качества А. Меркель во многом определяют стиль ее политики: она убеждает не эмоциями, а бескомпромиссными аргументами, логикой. К природной эмоциональной сдержанности канцлера добавилась способность к самоконтролю. Вероятно, последовательность, обстоятельность и терпение на пути к завоеванию голосов избирателей позволили А. Меркель добиться стабильного и прочного авторитета.

Госпоже Меркель не чужды юмор и интеллектуальная ирония. Она иногда подшучивает и над собой. А. Меркель известна своей способностью проводить четкую грань между личными чувствами и интересами дела. Своей политической карьерой она обязана преданности делу, работе с полной самоотдачей. А. Меркель упрекают в том, что она ни разу не использовала в политической борьбе два «козыря»: то, что она женщина, и то, что она из ГДР. На это Ангела Меркель по-деловому отвечает, что подобное допустимо лишь на локальном уровне, для общегерманских интересов это не актуально.

Во внутрипартийной борьбе невзрачность А. Меркель послужила причиной того, что ее поначалу не принимали всерьез, называя «серой мышкой», «девочкой Коля». Смеявшиеся над непривычной в политических кругах непосредственностью будущего канцлера соратники недооценили ее внутренний эмоциональный потенциал.

Рассмотрим эмоционально-экспрессивную составляющую фразеологизированного дискурса Ангелы Меркель на примерах высказываний, отражающих основополагающие эмоции «радость» и «гнев». Начнем с анализа способов вербализации радости в следующих высказываниях:

Ihm schlug das Herz im Halse, тж. **das Herz pochte ihm bis in den Hals hinauf** (букв. 'ему ударило сердце в горло', тж. 'сердце стучило ему в горло' — ему от волнения сдавило горло) — *Je strittiger der Dialog ist, der im Petersburger Dialog stattfindet, je mehr Diskussionen es gibt und je breiter die Gesellschaft, auch die russische, darin repräsentiert ist, umso höher schlägt sein Herz und umso froher ist er* (Чем напряженнее диалог, который проходит в рамках Петербургского диалога, чем больше возникает дискуссий и чем шире представлено в нем общество, в том числе и российское, тем чаще бьется его сердце и тем радостнее у него на душе); *Aus (или von) ganzem (или vollem) Herzen*; тж. *aus Herzens Grund, von Herzen gern* (от всего сердца, с величайшей радостью) — *Wir können aus vollem Herzen sagen: Das Jahr 2010 lässt sich sehr viel besser an, als wir noch vor einem Jahr vermuten konnten* (С величайшей радостью мы можем сказать: 2010 год начался намного успешнее, чем мы могли предпо-

жить еще год назад); *J-m Mut machen*; тж. *zusp-rechen, einflößen* (подбодрить, приободрить кого-л.) — *Insofern nehme ich diese Prognose von 2,3 Prozent einfach als ein gewichtiges Zeichen, das uns **Mut machen**, das uns optimistisch stimmen kann* (Пока я принимаю этот прогноз в 2,3 процента просто как важный показатель, который может подбодрить нас и настроить на оптимистический лад); *J-m Flügel geben* (букв. 'дать крылья кому-либо' — подарить/дать надежду, окрылить кого-либо, подарить кому-либо крылья) — *Der Trainer hat ja immer wieder gesagt, dass man sich auf das konzentriert, was gerade anliegt und das finde ich sehr sympathisch an ihm. Und ansonsten hat er der Mannschaft geradezu **Flügel gegeben*** (Тренер ведь снова сказал, что нужно концентрироваться на том, какую задачу поставили перед тобой, и это в нем мне импонирует. А в остальном он прямо-таки окрылил команду); *Dazu gratuliere ich dir von Herzen. Dieser Preis soll dir Bestätigung und zugleich auch Ansporn sein, das weiter zu tun, was du seit so vielen Jahren **mit Leib und Seele** tust: für ein Europa zu arbeiten, das dem Wohl der Menschen dient, das der Freiheit dient* (Я поздравляю тебя с этим от всего сердца. Эта награда должна быть тебе подтверждением и одновременно также побуждением и далее делать то, что ты делаешь с душой уже много лет: работать для Европы, которая служит благосостоянию людей, служит свободе).

Как видим, эмоция радости вербализуется актуализацией сем «сердечность» и «оптимизм». Номинация «сердце» обладает специфическим коннотативным потенциалом в немецкой лингвокультуре и является функциональным эквивалентом русской лексемы «душа». При этом *душа* в немецкой философии направлена скорее к божественному началу и, соединяясь с телом, образует личность человека. Оптимизм немца основан на разуме и расчете; разум «властвует умом и способностями, творческим индивидуальным или коллективным сознанием, которое, собственно, и преобразует мир» [Рышкова 2006].

Рассмотрим несколько примеров с фразеологической вербализацией эмоции «гнев»: *Wenn wir das einander nicht zumuten, werden die Schwächsten **den** Ton in Europa **angeben**; und das wird nicht zum Wohle Europas sein* (Если мы не добьемся этого друг от друга, задавать тон в Европе будут самые слабые; и это не пойдет на благо Европе); *Es ist sehr bedauerlich, und das wird auch auf unseren Widerstand treffen, dass die SPD hier versucht, den Menschen **ein X für ein U vorzumachen*** (Очень прискорбно, и это встретит и у нас сопротивление, что СПГ пытается здесь провести людей); *Wir müssen nicht **in Sack und Asche gehen**, sondern haben sehr gute Voraussetzungen* (Мы не должны скорбеть, а иметь очень хорошие предпосылки); *Natürlich war klar, wir müssen in einen zweiten gehen und vielleicht einen dritten. Ich **habe***

*die Wahl sowieso nicht **auf die leichte Schulter genommen*** (Конечно, было ясно, что нам придется пойти на второй и, возможно, на третий <тур голосования>. К выборам я, так или иначе, не относилась легкомысленно); *Eine Europäische Union, die sagt „wir können unsere Verträge leider nicht mehr ändern, **komme, was da wolle**, und seien die Bedingungen, wie sie wollen“, ist eine erstarrte Union* (Европейский Союз, который говорит: «Мы, к сожалению, не можем больше менять наши договоры, будь что будет, а условия пусть будут такими, как они хотят», — это застывший (неразвивающийся) Союз); *Aber auf der anderen Seite hat es keinen Sinn, die ganze Zeit über eine Theorie zu diskutieren und **sich dabei die Köpfe heiß zu reden** und derweil Jahr um Jahr verstreichen zu lassen, ohne irgendetwas zu beginnen* (Но, с другой стороны, нет смысла все время вести теоретические дискуссии и при этом спорить до одурения и между тем терять время, не начиная ничего делать); *Auch ich sage: **Es geht verdammt langsam**; ja, das stimmt* (И я скажу: дела идут чертовски медленно; да, это так).

Приведенные выше речения манифестируют эмоцию «гнев» в большинстве своем косвенно. Это можно объяснить тем, что эмоция гнева «наиболее подвержена влиянию культуры, эволюционно развивающейся и вырабатывающей определенные этические нормы поведения того или иного сообщества, предписывающей его члену алгоритм реальных и вербальных поступков» [Красавский 2008: 291]. Как и в любой европейской культуре, в немецком социуме негативно относятся к открытым проявлениям гнева как в словесном выражении, так и в соматической его экспликации. В немецкой культуре в политических кругах принято скрывать проявления эмоций, особенно отрицательных. Госпожа А. Меркель достаточно хладнокровно и сдержанно ведет себя на публике, олицетворяя тем самым культуру поведения человека в развитом современном обществе, в котором достаточно сильны этические нормы. По мнению немцев, человек, который неспособен контролировать гнев, обречен на неудачу в отношениях, хотя есть и другое мнение: дозированные проявления гнева могут мотивировать человека на храбрые и мужественные поступки.

Эмоциональная семантика высказываний канцлера бывает связана с религиозной тематикой, например: *Leben bestand **Gott sei Dank** nicht nur aus dem Staat* (Жизнь состояла, слава богу, не только из государства); *Ein solch **umspannendes Netz gibt es weiß Gott nicht überall*** (Такая глобальная сеть есть — бог весть! — не везде); *Aus so etwas kann dann auch **gemeinschaftliches Denken im Sinne der Menschen werden, was in unserer hochentwickelten Gesellschaft eben an vielen Stellen unglaublich fragmentiert und damit, **weiß Gott**, nicht mehr zum Wohle des Menschen ist. Das sind nicht immer***

Fragen des Geldes (Из подобного потом может сформироваться общественное сознание в духе людей, которое в нашем высокоразвитом обществе как раз во многих местах невероятно фрагментарно и тем самым, знает Бог, не является больше благом человека).

В данных высказываниях реализуется ядерная сема «провидение». Коннотативный макрокомпонент формируется на основе исторического восприятия немцами Библии, переведенной Мартином Лютером с латинского языка на саксонский диалект. Библия вошла в каждый немецкий дом благодаря «вовремя» появившейся печатной версии И. Гутенберга. Протестантская этика Мартина Лютера с идеями божественного провидения и призвания в мирской профессии вошла в плоть и кровь немецкой нации.

В дискурсе канцлера нами отмечена фразеологическая единица пословично-поговорного типа, обусловленная эмоционально-экспрессивным форматом высказывания: *Ich weiß, dass das politisch nicht einfach ist, weil einem in einer Notsituation das Hemd näher ist als der Rock, wie man in Deutschland sagt* (Я знаю, что в политическом отношении это не просто, так как в трудной ситуации своя рубашка ближе к телу, как говорят в Германии). Фразеологизм *das Hemd ist mir näher als der Rock* представляет собой один из вариантов пословицы *das Hemd ist mir näher als der Rock, das Hemd ist einem näher als die Weste, jeder ist sich selbst der Nächste* — ‘своя рубашка ближе к телу’. Как известно, подобная пословица существует и в русскоязычном мире, но канцлеру было важно подчеркнуть чисто немецкую идею о важности сохранения национальных ценностей. Коннотативный фон высказывания основывается на актуализации семы «собственная безопасность». Данная идея очень близка и понятна немцам как нации, которой часто приходилось воевать не столько за свои, сколько за чужие территории.

Таким образом, как личность, играющая активную роль в общественно-политической жизни на государственном уровне, В. В. Путин придает особое значение эмоционально-экспрессивному компоненту коммуникации, активно используя в своем дискурсе фразеологические средства косвенно-производной номинации. Благодаря креативной деятельности Владимира Владимировича русский язык и узус пополнился рядом новых фразеологических единиц. Некоторые устойчивые языковые комплексы, изначально немотивные по семантике, приобретают эмоционально-экспрессивную окраску в контексте высказываний В. В. Путина.

Относительно эмоционально-экспрессивной составляющей политического дискурса федерального канцлера Германии можно сказать следующее. Несмотря на общенемецкие традиции сдержанности и нейтральности в комму-

никативном поведении, эмоционально-экспрессивный формат высказываний частично свойствен дискурсу А. Меркель. В политическом дискурсе канцлера фразеологические единицы приобретают эмоциональные коннотации в большинстве случаев в условиях контекстного употребления, связанных с исторически сложившимся отношением немцев к обыденной философии протестантизма и концепции вмешательства/невмешательства в экзистенциальный континуум других социумов.

Как видим, творческое, иногда резкое употребление эмоционально-окрашенных устойчивых сочетаний слов в дискурсном пространстве В. В. Путина и «эмоциональная бедность» языковой личности Ангелы Меркель находят свое отражение в речевых образцах рассматриваемых представителей русской и немецкой языковых культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. Эмоции человека. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.
2. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. — М. : Гнозис, 2008.
3. Ленин В. И. Полное собр. соч. : в 55 т. — М., 1973. Т. 20.
4. Новицкая Т. А. Фразеологические средства вербализации эмоционального концепта ‘СТРАХ’ во французском языке // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2007. Вып. 17. № 22. С. 102—106.
5. Панкратова С. М. Валентность единиц лексико-фразеологического уровня (на материале немецкого языка). — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
6. Рышкова Е. Язык немецкий. 2006. URL: http://samlib.ru/s/suhowa_e_a/10-a10-24.shtml.
7. Симонов П. В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопр. психологии. 1982. № 6. С. 44—56.
8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987.

ИСТОЧНИКИ

9. *Арсеньевские вести*. URL: <http://www.arsvest.ru>.
10. *Вести*. URL: <http://www.vesti.ru>.
11. *Газета.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru>.
12. *Коммерсантъ.ru*. URL: <http://www.kommersant.ru>.
13. *Комсомольская правда*. URL: <http://kp.ru/>.
14. *Новости.Treli.ru*. URL: <http://treli.ru>.
15. *Президент России*. URL: <http://archive.kremlin.ru>.
16. *Разговор с Владимиром Путиным* : спец. проект ВГТРК. URL: <http://www.moskva-putinu.ru>.
17. *Разговор с Президентом России* В. В. Путиным. URL: <http://www.ortrtr.ru>.
18. *Сайт Председателя Правительства РФ* В. В. Путина. URL: <http://premier.gov.ru>.
19. *Салдарнасць* : газ. URL: <http://www.gazetaby.com>.
20. *Фонтанка.ру* : петерб. интернет-газета. URL: <http://fontanka.ru>.
21. *Basik.ru*. URL: <http://basik.ru>.
22. *Lenta.ru*. URL: <http://lenta.ru/>.
23. *Police-Russia* : форум сотрудников МВД. URL: <http://www.police-russia.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. В. Сергеева
Санкт-Петербург, Россия

E. V. Sergeeva
St. Petersburg, Russia

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ
МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЕМАХ В ТЕКСТАХ
ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ
(на материале кампании 2011 г.)**

**SOME MANIPULATIVE METHODS
IN THE TEXTS
OF PRE-ELECTION PROPAGANDA
(election campaign-2011)**

Аннотация. Рассматриваются манипулятивные коммуникативные тактики и конкретные приемы их реализации в текстах российской предвыборной кампании 2011 года. Выделяются три основные тактики манипулятивного речевого воздействия, демонстрируется их реализация в конкретных текстах.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the manipulative communication tactics and the concrete methods of their realization in the political texts of the pre-election propaganda in Russia in 2011. The author enumerates three stages of these manipulative tactics and shows their specific role in the concrete texts.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; языковое манипулирование; тактика манипулятивной подачи информации; тактика манипуляции на чувствах и потребностях; тактика демагогии; манипулятивный прием.

Key words: communicative strategy; communicative tactic; language manipulation; tactic of manipulative representation of information; tactic of manipulation on the feelings and needs; tactic of demagoguery; manipulative method.

Сведения об авторе: Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, филологический факультет.

About the author: Sergeeva Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language, Philological Faculty.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Place of employment: Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Gertsen.

Контактная информация: 191000, Санкт-Петербург, В. О., 1-ая Линия, 52.
e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com.

Как наиболее значимые стратегии речевого воздействия убеждение и манипуляция часто используются в политическом дискурсе, поскольку персуазивность [см.: Чернявская 2006] — основа существования этой разновидности текстов. Под **стратегией речевого воздействия** (коммуникативной стратегией) в статье понимается заранее спланированная принципиальная установка коммуникации, определяющая ее глобальную цель, предполагающая какое-либо изменение экстралингвистической ситуации или сознания индивидуального/массового адресата вследствие одного коммуникативного акта или нескольких коммуникативных актов и осуществляемая с помощью целого комплекса речевых актов (ср. несколько иное определение: [Иссерс 2009]). Стратегия воплощается в конкретных тактиках. **Коммуникативная тактика** (тактика речевого воздействия) — это не просто «речевое действие» [Копнина 2007], это определенным образом организованный, объединенный частной задачей комплекс речевых актов, который направлен на реализацию стратегии, обладает набором специфических лингвистических и экстралингвистических характеристик и реализуется с помощью совокупности приемов.

Поскольку, когда речь идет о текстах предвыборной кампании, у объекта речевого воздействия обязательно должно сохраняться впечатление самостоятельности принятия решения о голосовании за определенного кандидата от определенной партии, а реальных убедительных доводов не хватает у всех участников, именно манипулирование становится ведущей стратегией в этой разновидности политического дискурса. (О политическом дискурсе как сфере реализации манипулятивного воздействия см.: [Михалёва 2005; Шейгал 2004].)

Манипуляция отличается от убеждения прежде всего тем, что при убеждении запланированный эффект предполагает добровольность, основан на воспринятых адресатом информации, разъяснений и доказательств, а манипуляция — это своеобразное «интеллектуальное насилие», совершаемое с помощью специфического приема или определенного набора приемов.

Под манипуляцией традиционно понимают воздействие, нацеленное на изменение активности человека в интересах манипулятора, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным манипулируемым [ср. Доценко 1997]. Следовательно, языковое манипулирование — это использование особенностей языка для скрытого воздействия на адресата в интересах говорящего [ср.: Быкова; Васильев].

Естественно, в рассматриваемой предвыборной кампании 2011 г. убеждение тоже использовалось. Так, передовую статью ноябрьского информационного бюллетеня КПРФ («Правда») предваряет тезис, подтверждаемый рассуждением, примерами (фактами, статистическими данными) и заканчивающийся промежуточным выводом: *Нынешняя администрация и законодательная власть города оказались неспособными переломить ситуацию... В частности, не выполнены двукратное увеличение к 2010 году ВВП, МРОТ, равного проживающему минимуму... В последний десятилетии наблюдается рост заболеваемости: детей — на 49 %, подростков — на 92 %...*

В первом квартале 2011 года в бюджетной сфере выявлено 696 нарушений... Смертность в 2010 году превысила рождаемость в городе в 1,2 раза. Приведенные факты свидетельствуют о неспособности и нежелании „Единой России“ и коррумпированных чиновников решать насущные проблемы и стремлении любым путем удержать власть. Жизненно необходимы перемены в интересах подавляющего большинства горожан и на благо города. Нужны решительные действия, способные обеспечить эти перемены. КПРФ и ее городская организация готовы взять на себя ответственность...

Целая страница «Российской газеты» была отведена предвыборной агитации партии «Яблоко», в которой убеждение в необходимости перемен, обещааемых этой партией, осуществлялось с помощью весьма остроумного развернутого образа: *Заканчивается фестиваль российской политической кухни. В который раз вас пытались накормить завтраками из советского прошлого с колбасными электричками и продуктами второй свежести. Вас истерично зазывали отведать якобы национальные блюда, от которых так пахнет жареным, что впору задуматься о качестве рецепта. И наконец, вам популярно объяснили, что леденцы будут выдавать только тем, кто еще двенадцать лет готов сидеть на уже опостылевшем всем овощном рационе. Надоели овощи? Выбирай „Яблоко!“*

Подобные примеры отнюдь не единичны. Однако значительная часть предвыборных текстов была ориентирована не столько на убеждение адресата, сколько на манипулирование им.

При манипулятивном воздействии происходит целенаправленное преобразование информации и/или воздействие на субъективную сферу коммуниканта за счет эксплуатации его чувств, потребностей, стереотипов, а также суггестивно-гипнотического воздействия личности адресанта, навязывающего свою картину мира [ср.: Копнина 2007; Михалева 2005]. Различие этих трех видов воздействий определяет манипулятивную тактику.

Первая тактика языкового манипулирования, связанная прежде всего со специфическим представлением информации, может быть названа **тактикой манипулятивной подачи информации**. Это комплекс речевых актов, основа которых — введение имплицитной, скрытой, явно не представленной информации, искажение этой информации, ее утаивание или селекция.

Прием искажения информации явно виден в предвыборной агитационной газете-плакате партии «Яблоко», где утверждается: *В 2006-м, когда петербургское „Яблоко“ начинало борьбу с 400-метровой башней „Газпрома“, немногие верили в победу. Когда мы начали бороться за отставку Валентины Матвиенко, многие считали это невозможным. Но „Ябло-*

ко“ сплотило вокруг себя десятки тысяч горожан — и вместе мы победили: нет Матвиенко и нет башни на Охте! В. Матвиенко в Петербурге нет, но вовсе не потому, что против нее боролась «Яблоко», а против «Охтацентра» активно выступали не только члены этой партии.

Аналогичный, хотя и требующий большей осведомленности для распознавания, пример искажения информации для доказательства тезиса «идея в Петербурге побеждает выгоду всегда» представлен в статье «Петербург как носитель государственной идеи» в предвыборной газете партии «Единая Россия»: *Строить вторую столицу в устье Невы, вообще строить большой город на болотах было делом крайне невыгодным. Но идея победила выгоду.* Географическое положение Санкт-Петербурга, как известно, было чрезвычайно выгодным в военном и торговом отношении.

Однако тактика манипулятивной подачи информации была не слишком распространена в декабрьской предвыборной кампании. Представляется, что в начале XXI в., века Интернета, использование традиционных способов искажения истины [ср.: Левин 1998] становится все более сложным делом (если это не касается истинности суждения), а разработки специалистов, связанные с воздействием на субъективную сферу, — все более изощренными, поэтому чаще используется манипулятивное воздействие, не связанное с подачей информации.

Вторая тактика манипулятивной стратегии связана не столько с содержанием высказывания, сколько с воздействием на личностные слабости людей. Ее можно назвать **тактикой манипуляции на чувствах и потребностях**.

При реализации этой тактики в текстах предвыборной агитации использовались прежде всего следующие приемы.

1. **НАПОМИНАНИЕ О КОНКРЕТНЫХ, БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ВАЖНЫХ, ЖИЗНЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ И ПОТРЕБНОСТЯХ.** Понятно, что в предвыборных заявлениях этот прием особенно актуален. Так, в предвыборной листовке партии «Единая Россия» используется манипуляция на жизненно важной потребности в повышении уровня жизни (материального и духовного): *Если ты хочешь, чтобы Петербург и дальше развивался, а не вымирал... промышленность нашего города продолжала поступательный рост... пенсии и зарплаты стабильно росли и выплачивались без задержек... уровень жизни рос, а бедность отступала... Петербург развивался как культурная и интеллектуальная столица России... получал поддержку федерального центра — голосуй за „Единую Россию!“* В предвыборной газете этой же партии в уже упомянутой статье «Петербург как носитель государственной идеи» автор использует сразу несколько приемов тактики манипуляции на чувствах и потребностях, в том числе и напоминание о выгоде для петербуржцев того,

что правящая верхушка страны — из Петербурга: После прихода к власти команды Путина для нашего города началась другая жизнь. Петербург взял реванш за долгие десятилетия прозябания, невнимания, невосприимчивости своих лучших представителей. Дамба и КАД, развязки и ЗСД совершенно изменили его инфраструктуру. Для городской элиты включились социальные лифты, исправно доставляющие петербуржцев к рычагам управления государством. Для бизнеса открылось широкое поле возможностей, поскольку в город пришли серьезные деньги. Поновому задышала петербургская культура — здесь и открытие новых театров, и громкие премьеры старых; всплеск интереса к музеям и создание частных галерей; впечатляющие достижения петербургского кинематографа, включая победу сокуровского „Фауста“ на фестивале в Венеции. Сокуров упомянут не случайно. Знаменитый режиссер помогает понять разницу отношений к Владимиру Путину в московской и петербургской „культурных тусовках“. Первая сочиняет пародии и, хихикая, складывает в кармане фигу. Вторая обращается к нему за помощью именно так, как обращаются только к „своим“. И, что характерно, эту помощь получает.

Таким образом, прямо утверждается, что возможность продвижения по социальной лестнице, значительные финансовые вливания в бизнес, вложения в культуру — все это результат нахождения у власти «команды Путина», а следовательно, многим петербуржцам крайне выгодно и просто жизненно необходимо, чтобы эта команда у власти оставалась.

2. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТЩЕСЛАВИЕ. Один из наиболее интересных примеров — опубликованная в 46-м номере газеты «Аргументы и факты» статья Н. Крышталъ «Власть ругать прилично и нужно», в которой используется целый комплекс манипулятивных приемов. Основной призыв — не быть таким как все, призыв «к гражданскому мужеству» (подзаголовок: «Хватит ли сил не стать человеком толпы») — соединяет прием воздействия на тщеславие с приемом, обратным приему эксплуатации потребности принадлежать какой-либо общности, который может быть назван приемом эксплуатации потребности доказать свою неординарность (принадлежность к избранным).

...Я для себя определяю эти выборы как некий экзамен на гражданское мужество. Потому что сегодня в массовом порядке в головы вбивается мысль о том, что, например, поддерживать открыто партию власти — неприлично. Говорить о том, что ты поддерживаешь коммунистов, эсеров, националистов, либералов, зеленых, коричневых — кого угодно — позволительно, сойдет за гражданскую позицию. А сказать в обычном общении нормальным голосом о том, что ты — за власть — сразу начнут шикать, как на ре-

бенка, который сказал нечто неприличное. Да, оппозиционность в России всегда считалась признаком хорошего тона — власть ругать было прилично и нужно. Но сейчас для того, чтобы высказаться в поддержку власти, надо обладать определенным мужеством — человеческим и гражданским. Кстати говоря, гораздо большим, чем выступить, например, за оппозицию. Потому что тебя тут же объявят прихлебателем, карьеристом, мерзавцем... ну и так далее, по списку, многократно растиражированному. Почему?! Почему человек, говорящий, например, что он поддерживает «Единую Россию», априори объявляется лжецом и негодяем? Кому дано право огромную часть населения страны вот так запросто обвинять в подлости?

Оказывается, что поддерживать власть — это «гражданское мужество», что поддерживать другие партии — это всего лишь «сойдет» за «гражданскую позицию», а не является ей, что оппозиционность — это только «признак хорошего тона». Таким образом, уже названный прием дополняется демагогическим приемом тенденциозного наименования, а также приемом эксплуатации потребности принадлежать какой-либо общности («огромную часть населения страны»), о котором речь пойдет ниже.

3. ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ ПРИНАДЛЕЖАТЬ КАКОЙ-ЛИБО ОБЩНОСТИ И АПЕЛЛЯЦИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ АВТОРИТЕТУ. В предвыборном плакате партии «Яблоко» заявляется об общности партии со всеми петербуржцами: *Мы доказали, что вместе с петербуржцами „Яблоко“ — сильная и смелая партия, добивающаяся побед в своей работе. Докажем это еще раз — 4 декабря... Найдите время! придите на выборы! проголосуйте за „Яблоко“! Это наш с вами шанс быть услышанными в течение следующих 5 лет!* Словосочетание «наш с вами» еще раз привлекает внимание к тому, что интересы адресанта и адресата совпадают.

Подобный же прием используется в предвыборном листке партии «Единая Россия» «Выбери Петербург», на первой странице которого в статье «Каждый выбирает для себя» подчеркивается общность партии и жителей города: *Но мы сейчас — о серьезном. О том, что так или иначе касается каждого. Потому что все мы — часть Петербурга. И стратегия развития нашего города — это сумма четырех с половиной миллионов личных стратегий петербуржцев. Поэтому мы призываем задуматься.* Местоимение «мы» относится сначала ко всем петербуржцам, а затем — к членам партии «Единая Россия». В этой же газете в статье «Петербург как носитель государственной идеи» слова «Скрытых сторонников национального лидера в Петербурге становится все больше» наводят на мысль о том, что быть сторонником Путина — значит принадлежать к «большинству». В этом отношении показателен также заголовок ста-

ты в предвыборной газете партии «Справедливая Россия»: *Им доверяет большинство.*

4. ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ И СТРАХА перед реальными или мнимыми опасностями. В уже упомянутой предвыборной листовке партии «Единая Россия» манипуляция осуществляется не только за счет эксплуатации потребности в повышении благосостояния, но и за счет использования присущего почти всякому гражданину России страха перед политическими и экономическими изменениями к худшему: *А может, ты хочешь... Покупать хлеб и мыло в гигантских очередях, по карточкам, читать единственную газету, смотреть единственный телеканал и ждать годами выездную визу? Дефолт, невыплату пенсий и зарплат, инфляцию, голодный бунт, стук касок об асфальт и скрипучий визг про справедливость и бесстрашие из каждого утюга? Жесткий взгляд, сапоги в Индийском океане и шутовское реалити-шоу вместо политики? Возврат надежды на 500 дней, а потом компот из политических фруктов второй свежести и пустую болтовню 20 лет подряд? 60-часовую рабочую неделю, пенсии после 70 лет (если доживешь), олигархов у власти, полное подчинение диктату МВФ и НАТО?*

Указание на неприятности и беды, которые могут быть связаны с приходом к власти любой партии, кроме «Единой России», призвано запугать избирателя и заставить его проголосовать так, как нужно заказчикам листовки. Как и во многих других примерах, основной прием, на котором строится текст, осложняется втростепенным — демагогическим приемом тенденциозного наименования: «скрипучий визг», «шутовское реалити-шоу», «компот из политических фруктов второй свежести», «пустую болтовню», «диктат».

5. ЭКСПЛУАТАЦИЯ СКЛОННОСТИ К ВОСПРИЯТИЮ УДАЧЛИВОСТИ И ТАЛАНТЛИВОСТИ КАК ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕХ СФЕРАХ ЖИЗНИ, прежде всего ссылка на авторитет неспециалистов в какой-либо области. Интервью с А. Мельниковой, «актрисой, известной всей стране», помещенное в уже упомянутой предвыборной газете «Выбери Петербург», внушает мысли о том, что если популярная актриса, которая «никогда в жизни не делала ничего плохого», согласилась войти в список партии «Единая Россия», то это и есть та партия, за которую надо голосовать: *...Я неожиданно поймала себя на мысли, что хочу в этом участвовать. Я никогда в жизни не делала ничего плохого. Нося папину фамилию, я просто не могла себе этого позволить. Мое лицо мелькает по телевизору, и люди, как мне кажется, мне доверяют. Поэтому когда мне предложили войти в список партии, я согласилась.*

Третья манипулятивная тактика, использованная в предвыборных изданиях — **тактика демагогии.**

Дефиниции лексемы «демагогия» в различных словарях не совпадают. По-видимому, это связано со значимостью оценочного компонента (безусловный «минус») и семы «для своей выгоды», что отодвигает на периферию часть значения, указывающую на то, из каких действий, собственно, состоит демагогия (не случайно в формулировке ИТСИС есть слова «и т. п.»), а также с тем, что демагогию смешивают с манипулированием в целом. Ср.: *Потворство инстинктам и страстям малосознательных масс для достижения своих целей (СУ); 1. Обман лживыми обещаниями, лестью и преднамеренным извращением фактов для достижения каких-л. целей. 2. Рассуждения или требования, основанные на грубо одностороннем осмыслении, истолковании чего-л. (МАС); 1. Не доказанное фактами сообщение, содержащее в себе сильный полемический заряд. 2. Необоснованные требования или рассуждения, основанные на одностороннем осмыслении, истолковании чего-л. // Высокопарные рассуждения ради личной выгоды (БТС); Преднамеренное искажение фактов, лесть, лживые обещания и т. п., используемые для достижения своих целей (ИТСИС).*

Под демагогией как специфической манипулятивной тактикой в политическом дискурсе следует понимать совокупность особых, некорректных приемов речевого давления на адресата, используемых для создания впечатления правоты, направленных на достижение победы любой ценой и основанных прежде всего на односторонней интерпретации информации, неправомысленных аналогиях и тенденциозных наименованиях.

К демагогическим относятся высказывания, запутывающие или неправильно интерпретирующие ту или иную проблему или отвлекающие внимание от насущных вопросов. Поскольку демагогия способствует внедрению в сознание адресата ложных представлений о действительности, искажает реальную картину мира, с ее помощью можно «убедить» адресата в чем-либо без реальных для того оснований, представить факты в свете, выгодном для адресанта.

Демагогические приемы, использованные в рассматриваемой избирательной кампании, достаточно разнообразны. Можно выделить несколько основных.

1. НЕОБОСНОВАННЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОБЕЩАНИЯ. Примеры использования этого приема весьма многочисленны. В одной из предвыборных листовок КПРФ партия «Справедливая Россия» бездоказательно характеризует следующим образом: *Усердно пудрит мозги обывателю вторая кремлевская партия, „левая нога режима“, так называемая „Справедливая Россия“. По сути, программа эсеров представляет собой набор благих намерений, рассчитанный на необразованность обывателя. «Социальный кодекс Санкт-Петербурга», опуб-*

ликованный незадолго до выборов и являющийся частью предвыборной агитации партии «Единая Россия», завершается резюмирующей частью под названием «Социальные проекты всероссийской политической партии „Единая Россия“»: *В центре партийных проектов — человек с его интересами, проблемами, устремлениями и надеждами. В результате реализации проектов обеспечивается развитие социальной инфраструктуры, укрепляется гражданское общество. Жизнь людей меняется к лучшему.*

Ничем не обосновано одно из ключевых положений в уже упомянутой статье «Петербург как носитель государственной идеи» в предвыборной газете партии «Единая Россия»: *Скрытых сторонников национального лидера в Петербурге становится все больше. Но признаться, что они за Путина, им просто неудобно.* Набор обещаний («Кардинально изменить ситуацию в Законодательном Собрании», «Изменить систему всей городской власти») представляет собой предвыборная агитация партии «Яблоко».

Центральной частью агитационной газеты партии «Справедливая Россия» является раздел «Что сделает для Петербурга Справедливая Россия уже завтра», в котором даются трудновыполнимые обещания: *Снести все этажи зданий, которые нарушают Высотный регламент... Остановить намывные работы в акватории Финского залива... Сделать невозможным влияние властей любого уровня на ход голосования.*

Разновидностью необоснованных обещаний являются указания на долженствования, состоящие из высказываний с соответствующей модальностью, которые, строго говоря, даже обещаниями не являются. Еще Ю. И. Левин указывал, что в качестве призывов, приказов и т. д. надо-высказывания лишены истинностного значения [Левин 1998]. Указания на долженствование (с использованием слов *надо, нужно, необходимо, должно, обязаны* и др.) воспринимаются как обещания какой-либо партии в целом или ее лидера, хотя таковыми не являются, ибо из того, что что-то надо сделать в принципе, совсем не следует, что это будет сделано. Например, в предвыборной листовке партии «Правое дело» читаем: *Если власть в Москве не может сделать профессию учителя достойной уважения в России, власть в Петербурге обязана сделать это в нашем городе.*

Наиболее удачным примером может служить высказывание В. В. Путина, предваряющее текст закона «Социальный кодекс Санкт-Петербурга»: *Нельзя откладывать хорошую жизнь на какую-то отдаленную перспективу. Нельзя, как это было еще в прежние, в советские времена, ждать прихода коммунизма, а сегодня из-за этого страдать. Нужно улучшать жизнь людей. Стараться, во всяком случае, это делать. Каждый день, каждую неделю,*

каждый год. И поэтому все наши действия должны быть социально ориентированными.

2. Выдача желаемого за действительное. Обратимся к фрагменту предвыборной листовки партии «Правое дело»: *Мы не верим в историческую неизбежность. Мы верим в эффективные решения. Нет проблемы, решение которой не могло бы быть найдено самостоятельными, образованными, свободными людьми.* К сожалению, отнюдь не все проблемы могут решить даже самые самостоятельные, образованные и независимые люди.

Аналогичный пример — утверждение в предвыборной газете партии «Яблоко», представляющее то, что очень хочется автору, как объективную действительность: *В парламенте нужна настоящая оппозиция — такая, как „Яблоко“. Только такая оппозиция остановит произвол власти. Только такая оппозиция помешает разворовывать миллиарды рублей... Теперь „Яблоко“ вернется в парламент благодаря народной поддержке. Для этого нужно, чтобы много людей пришли на выборы. И тогда никакие махинации нам не помешают.* В предвыборном буклете «Большая перемена» этой же партии есть весьма показательный фрагмент: *Мы, граждане, — хозяева города, а чиновники и депутаты — нанятые нами работники. Так должно быть и так будет!* Указание на долженствование дополняется здесь представлением желательного как того, что обязательно осуществится в будущем (будущее время, а не условное наклонение).

В информационном бюллетене КГРФ при перечислении составляющих программы партии употребляются исключительно конструкции с глаголами будущего времени, и это должно убедить читателя в том, что так не просто должно быть, но непременно будет: *Правительство народного доверия проведет национализацию природных ресурсов... Господдержка сельского хозяйства составит от 10 до 15 % расходной части федерального бюджета... Минимальный уровень зарплаты в России будет поднят...* В предвыборной газете партии «Единая Россия» «Выбери Петербург» — аналогичный пример: утверждение «Петербургское жилье будет доступным» в подзаголовке разворота «Санкт-Петербург — 10 лет с „Единой Россией“» (содержание раздела — информация об уменьшении количества коммунальных квартир и некотором сокращении очереди на жилье).

3. Обобщенные высказывания, в которых перечисляются отвлеченные достижения или недостатки и провалы без указания на конкретные факты. В качестве примера можно привести передовую статью сентябрьского информационного бюллетеня КГРФ («Правда»), которую предваряет тезис, подтверждаемый не конкретными примерами, а общими словами широкого значения, употреблением существительных во множественном числе без указания

на конкретные события и заключающийся выводом в виде названия статьи: *Двадцатилетие, прошедшее после разрушения СССР, принесло нашему народу множество бед, страданий и разрушений. И этот страшный маховик набирает обороты: горят леса, взрываются электростанции, тонут корабли, падают самолеты и ракеты. Страна катится по проложенной еще Ельциным и Гайдаром колее, по наклонной плоскости, ведущей к пропасти. Это крайне опасное движение нужно остановить. России нужен новый маршрут.*

4. НЕПРАВОМЕРНЫЕ АНАЛОГИИ — уловка, известная в риторике с древности. Характерная особенность этой демагогической уловки заключается в том, чтобы использовать в доказательстве аналогии, несоразмерные с рассматриваемыми фактами и проблемами. Среди примеров можно указать на образы, в которых используется сравнение принципиально различных явлений действительности, например в листовке депутата от КПРФ: *Если говорить образно, Россия сейчас напоминает тонущий корабль, где экипаж и пассажиры вместо того, чтобы его спасти, занимаются герметизацией своих приватизированных кают, попутно грабя друг друга.*

В уже упомянутой статье Н. Крышталъ используется аналогия между никак не связанными ни внешне, ни по сути актом голосования за определенную партию и переходом улицы на зеленый свет. Помимо этого, в контексте используется также манипулятивный прием указания на стереотипы (преходить улицу на зеленый свет — правильно, на красный — нет): *Мне приходит на ум зарисовка из жизни, которую многие наблюдают ежедневно: люди на перекрестке с горящим красным светофором. В машинах образуется просвет, и обязательно кто-нибудь решит, что ему всё можно, и рванет через дорогу. А следом за ним — второй, третий... и вот уже на красный валит толпа, выворачиваясь из-под колес, отрубиваясь от матерящихся водителей, ставя под удар свою жизнь и чужую... Скажите, положив руку на сердце, хватит ли у вас силы воли в такой ситуации дожидаться зеленого, не поддаваться стадному чувству? Хватит ли у вас сил не стать „человеком толпы“, отстоять свое право идти на зеленый?*

5. НЕКОРРЕКТНАЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ.

1) Непрямая подмена истинной причины ложной. Например, заголовок «Санкт-Петербург — 10 лет с „Единой Россией“» разворота газеты «Выбери Петербург», в которой перечисляются улучшения в различных сферах жизни города, заставляет читателя предположить, что все достижения связаны только с работой партии «Единая Россия».

2) Построение текста таким образом, что благодаря повтору (прежде всего, последних слов предыдущего предложения в начале сле-

дующего) создается впечатление того, что во втором по порядку предложении содержится следствие первого, в третьем — вывод из второго, и так далее. Фрагмент из предвыборной агитации партии «Правое дело»: *Богатство страны — это не размер запаса золота и нефти. Богатство страны — это богатство ее жителей. Страна, где граждане не владеют собственностью, не имеет права называть себя богатой. Быть уверенным в благополучии своих детей может только богатое общество. Богатое общество не может состоять из бедных людей. Основа любого общества — семья. Основа благополучия семьи — принадлежащая ей собственность, на которую никто не имеет права посягать. Собственность, которая служит основой благополучия будущих поколений.* В приведенном примере вследствие «цепочки» связанных повторами предложений создается впечатление, что частная собственность — это основа жизни человека и социума.

6. УКАЗАНИЕ НА СТЕРЕОТИПЫ, в том числе использование стереотипного восприятия прецедентных высказываний или их фрагментов. Например: «Мир домам — война тарифам» в предвыборной газете партии «Справедливая Россия» (ср. хорошо известное старшему поколению «мир хижинам — война дворцам»), «Вставайте, люди русские» (рефрен патриотической песни из фильма «Александр Невский») в информационном бюллетене КПРФ, «Встань и приди» (почти библейское) в предвыборной газете партии «Яблоко», «Каждый выбирает для себя» в газете «Выбери Петербург» с непосредственной ссылкой на автора — поэта Ю. Левитанского. Таким образом, почти на уровне подсознания внушается мысль о готовности «Справедливой России» постоять за малообеспеченных, о явном патриотизме КПРФ, о безусловной, чуть ли не Всевышним запрограммированной необходимости прийти на выборы и проголосовать за «Яблоко», о том, что выбрать депутата от «Единой России» — значит выбрать «для себя».

7. ВЫБОР ТЕНДЕНЦИОЗНОГО НАИМЕНОВАНИЯ (некорректный нейминг) — прием, чрезвычайно распространенный в политическом дискурсе вообще [ср.: Васильев 2006].

1) Употребление выгодного для демагога слова. Так, в предвыборной газете партии «Единая Россия» В. В. Путин назван не премьером, не потенциальным (или будущим) президентом, а «национальным лидером», что сразу же представляет его как лицо, однозначно воспринимаемое «главой, руководителем» (МАС) не просто правительства, партии или государства, а нации в целом: *Скрытых сторонников национального лидера в Петербурге становится все больше.* В предвыборной агитации КПРФ потенциальное будущее правительство, ориентированное на идеологию этой партии, называется *правительством народного доверия.*

2) Использование слов (словосочетаний), часто эмоционально окрашенных, имеющих положительную или отрицательную коннотацию, вместо нейтральных. Подобные наименования употребляются для дискредитации противников тезиса демагога или, напротив, для восхваления его сторонников. Так, в предвыборной листовке депутата КПРФ А. Голикова для характеристики политических противников используется лексема «упыри», обладающая ярко выраженной отрицательной коннотацией (бранно. О ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев [БТС]): *Только национализация богатейших природных ресурсов позволит использовать их на благо всего общества, а не на обогащение кучки упырей.* В предвыборной газете «Справедливая Россия» в заголовках, посвященных кандидатам от этой партии, употребляются лексемы, в семантической структуре которых явно присутствуют положительные оценочные семы: *Защитят бесстрашные, Герои дарят надежду, Героизм интеллигентного человека — в стойкости, бескорыстии и порядочности, Героическое Автово.* В предвыборном номере («информационном бюллетене») газеты «Правда» видим тот же прием: когда речь идет о сторонниках партии, дается заголовок «Подвижники русской культуры», при сопоставлении и противопоставлении экономического положения города прежде и теперь дается заголовок «Экономика Ленинграда и Петербурга: развитие и откат к пропасти» (ср.: пропасть — «тяжелое, гибельное состояние» [БТС]).

Этот прием очень часто дополняет другие манипулятивные приемы, о чем упоминалось выше («скрипучий визг», «гражданское мужество», «пудрить мозги», «страшный маховик», «по наклонной плоскости» и др.).

8. СОЗДАНИЕ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА. Этот прием связан с представлением образов добра и зла, своего и чужого, характерных для какой-либо культуры или социума. То, что связано с позицией демагога — добро и «свое», то, что связано с его противниками — зло и «чужое». Например, вся предвыборная листовка партии «Правое дело» построена на подобном противопоставлении «нас» и власти, «нас» и чиновников, «нас» и москвичей, «нас» и «чужих»: *Власть в России выбрала свой путь. Если кто-то думает, что для его стола хватит капель из нефтяной трубы, пусть не рассчитывает. Каждая капля нефти уже распределена, и мы чужие на этом празднике жизни... Пусть чиновники скупают квартиры в Европе, все равно, с такой властью нам не по пути... Пусть чужие выступают за величие власти и богатство чиновников. Мы выступаем за величие личности и благосостояние людей... Тот, кто уехал из Петербурга в Москву, выбрал свой путь. Пусть*

Москва живет своей жизнью. Мы остаемся в Петербурге.

В газете «Выбери Петербург» противопоставляются «питерские» и «москвичи»: *Все чаще и чаще у москвичей недовольство федеральной властью перерастает в недовольство „питерскими“ и Петербургом. То известный либеральными высказываниями радиоведущий, комментируя призыв Навального „Хватит кормить Кавказ“, завершает рассуждения лозунгом „Хватит кормить Питер“... Объективность, беспристрастность, понятия „хорошо“ и „плохо“ — все это отброшено москвичами за ненужностью. Плохо уже потому, что из Питера, от „питерских“.* Если следовать логике автора статьи, то получается, что В. В. Путин хорош уже потому, что он, *несомненно, остается абсолютно петербургским руководителем.*

Таким образом, анализ представленного материала демонстрирует, что манипулятивная стратегия речевого воздействия — ведущая коммуникативная установка предвыборного политического дискурса, а манипулятивные тактики и приемы, используемые авторами предвыборных текстов, многочисленны и весьма разнообразны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова О. Н. Языковое манипулирование. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070503.pdf. (дата обращения: 17.01.2011).
2. Васильев А. Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vasilyev-06.htm>. (дата обращения: 17.01.2011).
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо : Изд-во МГУ, 1997.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009.
5. Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.
6. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Ю. И. Левин. Избр. труды. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 594—602.
7. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : моногр. / Иркут. ун-т.— Иркутск, 2005.
8. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

СЛОВАРИ

10. Большой толковый словарь русского языка = БТС / гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, ИЛИ. — СПб. : Норинт, 2000.
11. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов = ИТСИС. — М. : Эксмо, 2011.
12. Словарь русского языка = МАС : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981—1984.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук И. А. Мартынова

А. П. Чудинов
Екатеринбург, РоссияA. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia**ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ****DISCOURSIIVE CHARACTERISTICS
OF POLITICAL COMMUNICATION**

Аннотация. Дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов – научных, художественных или педагогических текстов. Автор политического текста — это прежде всего человек, на которого ложится ответственность за его содержание. Политический текст по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов. Однако озвучивая или подписывая текст, политический лидер берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение политика, а не его помощников. И возможная критика содержащихся в документе положения, оценок и способов их выражения будет адресована политику, а не его помощникам.

Abstract. Discursive characteristics of political texts which make it possible to distinguish them from scientific or pedagogical ones are described in the article. Such parameters as authorship (officially the author of a political text is a politician, but in fact it is the result of work of a group of specialists), addressness, simplicity and mystery, ritual and information and others.

Ключевые слова: политическая коммуникация; авторство; адресность; общедоступность; эзотеричность; ритуальность; информативность; экспрессия; стандартность; институциональность; редукционизм; оценочность; агрессивность; толерантность; диалогизм.

Key words: political communication; authorship; addressness; simplicity; mystery; ritual; information; expression; standard; institutional character; reductionism; evaluation; aggression; tolerance; dialogue character.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Вопрос об объеме понятия *политическая коммуникация* относится к числу дискуссионных. В первом случае политической называется коммуникация, связанная с политическими проблемами [Баранов 2001]. При ином подходе политической называется коммуникация, субъектом которой являются политики (политические субъекты) или журналисты, которые пишут о политике [Шейгал 2004]. При широком подходе политическая коммуникация – это коммуникация, которая посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата [Чудинов 2006; Будаев 2010 и др]. Существуют следующие классификации продуктов политической коммуникации.

1. По характеру субъекта (автора, говорящего) выделяются следующие виды политической коммуникации:

- собственно политическая коммуникация (автор — политик);
- медийная политическая коммуникация (автор — журналист);
- непрофессиональная политическая коммуникация (автор — человек иной

профессии, «избиратель», «представитель народа»).

2. По характеру адресата различаются следующие виды политической коммуникации:

- адресат — политик или политический субъект (государство, партия и др.);
- адресат не относится к числу институциональных политических субъектов (читатель, зритель, «избиратель»).

Не менее важным является противопоставление индивидуального и массового адресата, а также обозначенного и необозначенного адресата. Как будет показано ниже, возможны случаи несовпадения обозначенного и реального адресата политического текста.

Еще одно важное противопоставление: тексты, обращенные к политическим единомышленникам, политическим оппонентам и «избирателям» (населению), которые не имеют единой политической позиции.

3. При сопоставлении устной и письменной речи выделяют: о жанрам:

- жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.);

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Чудинов А. П., 2012

- жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.).
- 4. При сопоставлении монологической и диалогической речи выделяют:
 - монологические жанры (радиообращение, статья в газете и др.);
 - диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.).
- 5. По функциям различают:
 - ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.);
 - ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения);
 - агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речовка);
 - информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).
- 6. По объему информации среди жанров различают:
 - малые жанры (лозунг, слоган, речовка);
 - средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.);
 - крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

7. По цели высказывания различают информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры.

Информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте. Например, в агитационной предвыборной листовке обычно содержится информация о кандидате, его положительная оценка и призыв оказать ему доверие. Вместе с тем существуют тексты, в которых заметно преобладает один из названных выше жанровых признаков. Примером преимущественно информативного жанра могут служить автобиографические книги политических лидеров.

Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, т. е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова). Особенно важны авторство текста и его адресность, время, место и цели его создания, стратегия и тактика автора.

Дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов — научных, художественных, медицинских или педагогических. Рассмотрим ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации.

Авторство политического текста. В истории литературы зафиксированы факты несовпадения официального автора текста с его подлинным создателем. Создатель текста, не желая выдавать или официально признавать свое авторство, может выступать под псевдонимом, представлять оригинальный текст как перевод, называть автором своего героя.

Известны случаи, когда писатель (например, Александр Дюма) или человек, мечтающий о литературной славе, представляет себя как автора произведения, хотя в действительности является только соавтором, редактором или заказчиком текста. Однако на современном этапе развития литературы в абсолютном большинстве случаев официальный автор текста и есть его подлинный создатель, права автора защищены законом, и человек, дорожающий своей репутацией, никогда не согласится поставить свою подпись под чужим текстом.

Случаи несоответствия между официальным автором текста и его реальным создателем известны и в научном дискурсе, хотя ученые значительно реже скрывают имя под псевдонимом или представляют свой текст без указания автора. Одним из ярких примеров подобного поведения могут служить первые публикации некоторых трудов М. М. Бахтина. Если не принимать во внимание криминальных (например, заказные диссертации) и полукриминальных ситуаций (например, навязывание соавторства), то в современном научном дискурсе официальный автор, как правило, действительно является создателем текста.

Совершенно иные отношения между официальным автором текста и его создателем существуют в политическом дискурсе: **тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором.** В штате крупного политического лидера, как правило, есть специалист по подготовке документов, в том числе выступлений и иных подобных текстов. Политическое послание президента или другой важный документ по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов. Однако озвучивая или подписывая текст, президент берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение президента, а не его помощников, и возможная критика содержащихся в документе положений и оценок, а также способов их выражения будет адресована президенту, а не его помощникам.

Многие политические документы формально вообще не имеют автора и обнародуются от имени государства или его структур, политических организаций и движений (конституция страны, устав партии или ее программа). Ответственность за содержание этих документов берут на себя правительство, парламент, политическая партия и другие подобные структуры. Формально анонимными (не имеющими официально указанного автора) часто являются листовки в поддержку кандидатов во время избирательной кампании, лозунги, используемые во время демонстраций, некоторые публикации в СМИ, однако у этих текстов тоже есть реальные создатели и заказчики.

В некоторых политических жанрах принято обозначать не только статусного автора тек-

ста, но и других людей, участвовавших в подготовке документа. Например, при публикации политических мемуаров указываются фамилии лиц, которые осуществляли «литературную обработку», «запись текста» или иным способом «помогали» автору. Однако так делают не все. Например, Александр Коржаков, бывший телохранитель президента Б. Н. Ельцина, даже не упомянул в мемуарах своих помощников. А вот в книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» на второй странице указаны авторы — Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова. Это издание в основном состоит из обстоятельных ответов В. В. Путина на вопросы, но он не представлен как автор и, следовательно, не несет ответственности за содержание книги.

Важная характеристика политического текста — институциональный статус автора, то есть его принадлежность к политическим институтам или иным институтам (а также роль в этих и институтах). Текст, подписанный псевдонимом, будет восприниматься совершенно иначе, чем текст, опубликованный за подписью президента страны, директора государственного банка, лидера оппозиционной партии или известного журналиста. Политические тексты, созданные в рамках исключительно личного дискурса, встречаются относительно редко. Очевидно, что институциональный статус автора может быть существенным и в художественном или научном дискурсе (вспомним стихи, написанные Великим князем или Генеральным секретарем ЦК КПСС, некоторые монографии, подписанные научными менеджерами), однако подобные произведения мало типичны.

Адресность политического текста. Организация текста в значительной степени зависит от его адресата. В истории литературы известны случаи, когда в качестве адресата художественного текста обозначался конкретный человек. Например, оды нередко адресовались властителям, философская проза оформлялась как письма к другу или родственнику, а Д. Н. Мамин-Сибиряк создавал свои сказки для дочери. Однако современные художественные тексты, как правило, создаются в расчете на массового адресата или хотя бы на определенный круг читателей.

Научные тексты рассчитаны на специалистов, способных их понять. Более широкому кругу читателей адресованы научно-популярные и научно-учебные тексты. Трудно представить реальный научный текст, адресованный лишь одному человеку.

Для политической коммуникации наиболее характерен массовый и групповой адресат. На массового получателя информации ориентированы ритуальные (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом часто относят обращения, листовки, выступления на митингах.

Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом, например телеграммы и письма граждан к политику или в СМИ, а также ответы на эти обращения.

В политической коммуникации выделяются три основных разновидности адресата в зависимости от политической позиции: политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население), не имеющие единой политической позиции.

Особое место в политической коммуникации занимают тексты со смещенным адресатом. В этом случае текст, формально адресованный одному адресату, реально предназначен для более широкой аудитории. Типичный пример подобного смещения — жанр «открытого письма». Уже сам факт обозначенной «открытости» свидетельствует о том, что текст предназначен не только тому, кому номинально адресован.

В зависимости от условий различают непосредственное обращение к адресату и коммуникацию с использованием средств массовой информации (печати, радио, телевидения и Интернета).

Итак, в политической коммуникации различают:

- тексты, ориентированные на индивидуального адресата;
- тексты, ориентированные на группового адресата;
- тексты, ориентированные на массового адресата;
- тексты со смещенным адресатом.

Общедоступность политической коммуникации и ее эзотеричность (понятность только специалистам). Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступны народу: политики постоянно говорят о своей близости к народу, о том, что выражают его интересы. Чтобы народ поддерживал политическую партию, речь ее лидеров должна быть понятна избирателям. Однако подлинный смысл многих политических текстов понятен только специалистам, учитывающим не только сказанное политиком, но и то, как было сделано заявление и о чем политик умолчал.

Например, политик призывает сократить налоги. Обычно это означает сокращение государственных расходов, в том числе расходов на образование, охрану здоровья, строительство жилья и дорог. И наоборот, если политик призывает увеличить зарплаты и пенсии, то придется увеличивать налоги.

Высказывания политика часто отличаются смысловой неопределенностью. По словам знаменитого французского дипломата князя Талейрана, слова нужны дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм в полной мере применим к политикам.

Политические лидеры во многих случаях вынуждены изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и выраже-

ния, которые различные адресаты понимают по-своему. Например, призывы М. С. Горбачева к перестройке были поддержаны подавляющим большинством населения страны, в том числе коммунистами, во многом потому, что первоначально не были конкретизированы цели перестройки и пути ее осуществления. Иная ситуация сложилась бы, если бы М. С. Горбачев сразу сказал, что цель перестройки — ликвидация тоталитарной системы.

Существуют политические понятия и лозунги с максимально обобщенным содержанием. Так, призывы к свободе, демократии, социальной справедливости, патриотизму готовы поддержать все крупные политические партии в цивилизованных странах. Но многие из этих партий по-своему объясняют сущность политической свободы, демократии, социальной справедливости и патриотизма. Например, советские руководители уверяли весь мир (и, возможно, сами в это верили), что Советский Союз — это самая свободная страна в мире, но в выступлениях многих зарубежных лидеров говорилось о поработанных народах России. Различное понимание смысла одних и тех же слов служит сокрытию подлинного смысла политического текста.

Ритуальность и информативность политической коммуникации. По общему правилу, политические тексты должны быть максимально информативными, т. е. реализовать коммуникативную функцию. Однако политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, характеризующейся фиксированной формой и отсутствием установки на новизну содержания.

Например, в Свердловской области ежегодно вручают губернаторские премии лучшим профессорам, доцентам и преподавателям. Всегда дается 12 премий (по гуманитарным, естественным, техническим и психолого-педагогическим наукам).

Ритуал неизменен. Сначала выступает губернатор со вступительным словом, в котором говорится об успехах вузов. Затем зачитывается текст указа. Далее помощник передает губернатору диплом, который вручается руководителем области профессору, красивая девушка дополнительно преподносит цветы. Профессора фотографируют рядом с губернатором. Профессор благодарит губернатора и родной вуз. Заканчивая церемонию, губернатор приглашает на фуршет.

Основная задача ритуальной коммуникации — фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли. В данном случае церемония демонстрирует, что губернатор заботится о науке, а ученые благодарны власти. В реальности благодарность могут испытывать не все ученые, но вручение премий — это не место для дискуссий. Описанное мероприятие можно сравнить с тостом на юбилее: о виновнике

торжества говорят только хорошее. С этой точки зрения ритуал противопоставлен диалогу как свободному обмену мнениями.

В Советском Союзе существовали стабильные традиции проведения партийных мероприятий. Все знали, кто, что, когда и в какой форме должен сказать, а также кто и как должен отреагировать на слова выступающего (бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.).

Современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуализированной, но сейчас изменились ритуальные правила и роли. К современным ритуальным ролям относятся такие, как «патриот», «центрист», «рыночник», «ортодоксальный коммунист», «народный заступник», «поборник прав человека», активист движения зеленых и др. Например, если намечается строительство нефтепровода для экспортных операций, то можно заранее предположить, что одни политики будут говорить о загубленной природе, другие — о продаже сырьевых ресурсов и превращении России в сырьевой придаток Запада, третьи — о выгодах экономического сотрудничества, а четвертые — о том, что полученные за проданную нефть деньги разделят бюрократы и олигархи, а народ останется обездолженным.

Ритуальность может проявляться в различной степени: существуют ситуации, когда политическая коммуникация абсолютно ритуальна, но во многих других случаях ритуальность минимальна и коммуниканты стремятся сделать свое выступление нестандартным по форме и максимально информативным по содержанию.

Институциональность и личностный характер политической коммуникации. Разграничивают два ведущих вида дискурса: персональный (личностный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность, демонстрируя все индивидуальные характеристики и особенности. Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института и носитель определенного социального статуса. Это предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм.

Политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит не между конкретными людьми, а между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем».

В каждом социальном институте существует определенный стандарт поведения. Принадлежность к социальному институту диктует

человеку правила поведения для каждой формы политического коммуникативного взаимодействия (митинг, парламентская полемика, работа в парламентских комитетах, интервью, встреча с избирателями, поздравление, награждение и др.).

В институциональном общении, в отличие от личного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга).

Социальный институт предопределяет строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения в тех или иных ситуациях, и эти предписания имеют иной характер, чем при личном общении. Например, если политическое обращение адресовано «Министру образования и науки Российской Федерации А. А. Фурсенко», то ответить на него в той или иной форме может не только сам министр, но и его заместитель, поскольку в данном случае социальный статус важнее личного. Совсем иначе обстоит дело в личной коммуникации: на личное письмо родственников к А. А. Фурсенко в каких-то ситуациях от имени семьи может ответить жена или сын министра, но этого не будет делать его заместитель.

В каждом языке существуют специальные языковые средства, сигнализирующие об институциональном или личном характере коммуникации, о ситуации и социальных ролях коммуникантов. Например, в русской речи очень показателен выбор обращения: в зависимости от ситуации политический лидер обращается к «дорогим товарищам», к «господам», к «россиянам», к «соотечественникам» или к «уважаемым избирателям».

Уровень институциональности снижается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личного и политического дискурса, особенно при отражении политических проблем в СМИ в рамках специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем часто даже политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по внешним признакам к бытовому диалогу. Примером может служить следующий фрагмент из парламентского выступления писателя-депутата Чингиза Айтматова: *Вот здесь сидит мой друг Алесь. Я к Адамовичу обращаюсь. Мы с тобой, Алесь, старые друзья, мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Поэтому не время сейчас, Алесь дорогой, терзать собственные души и вводить какую-то смуту...*

Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренно-

сти, позволяет сказать больше, чем позволяет официальная обстановка.

Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. Политическая действительность редко может быть объективно охарактеризована с использованием только черных и белых красок. У любой партии можно найти как достижения, так и неудачи, среди партийных лидеров встречаются не только кристально чистые и талантливые люди, но и политики с изъянами в моральной, деловой или волевой сфере. В прошлом нашей страны были и блестящие победы, и обидные неудачи.

Однако в политической коммуникации, особенно в периоды обострения политической борьбы, нет места детальному объективному анализу. Особенно показательны тексты, созданные в периоды избирательных кампаний. Один и тот же кандидат в депутаты изображается то безупречным рыцарем со светлой головой и большим опытом, то преступником, рвущимся к власти в корыстных целях и не способным осознать, какую ответственность он пытается взвалить на свои слабые плечи. В одних публикациях советское прошлое нашей страны предстает как «сплошной ГУЛАГ», а в других — как победный марш энтузиастов, руководимых мудрыми вождями. Рассматриваемую особенность политической коммуникации называют редукционизмом политического дискурса, бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации.

Редукционизм — естественная черта политической коммуникации. Политическая речь рассчитана на массового адресата, в идеале текст листовки, предвыборный слоган и другие подобные материалы должны быть понятны всем читателям. Между тем еще древние риторы говорили, что излишняя детализация способна затуманить суть проблемы, особенно в сознании малоподготовленного человека. Хорошо известно, что в науке и искусстве вопрос об истинности теорий и гениальности их создателей не должен решаться голосованием, особенно если в таком голосовании принимают участие профаны. В политике судьбоносные для государства решения принимаются как раз путем всеобщих выборов, большинство участников которых не являются профессиональными политиками.

Степень редукционизма в значительной степени зависит от жанра текста, от его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень редукции характерна для малых жанров (слоган, тезисы, листовка, плакат); максимально взвешенным и многоаспектным изложение должно быть в аналитических материалах для внутрипартийного пользования. Степень редукционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов. Редукционизм политической коммуникации особенно усиливается в периоды обострения

политической борьбы. Замечено, что наиболее категоричны в своих высказываниях политики крайне левых и крайне правых взглядов.

Редукционизм проявляется в политической коммуникации самых различных стран, но, возможно, он особенно характерен для России. Академик Д. С. Лихачев справедливо отмечал следующие черты русского менталитета: тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных, лишенных оттенков и нюансов характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм.

Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации. Еще полвека назад В. Г. Костомаров указал на постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта как на основную черту газетного языка [Костомаров 1971]. Это характерно и для политической коммуникации.

Экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает текст интересным для адресата, придает сообщению эстетическую значимость. К числу выразительных средств относят разнообразные стилистические фигуры (антитезу, инверсию, эллипсис, сравнение и др.), средства экспрессивного синтаксиса, окказиональные слова, трансформацию фразеологизмов и др. Сюда же относятся метафорические и метонимические обозначения, особенно в случаях яркой образности, необычности словоупотребления.

Стандартность высказываний обеспечивает доступность их восприятия для самого широкого круга читателей и слушателей. При восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий для уяснения смысла. В подобных текстах используется преимущественно общеупотребительная высокочастотная лексика; слова употребляются в значениях, зафиксированных толковыми словарями; применяются «стертые», потерявшие образность метафоры, превратившиеся в штампы. Тексты, насыщенные подобными средствами и лишенные выразительности, часто воспринимаются как «серые», «безликие», малоинтересные.

Соотношение экспрессии и стандарта на разных этапах развития политической коммуникации может быть неодинаковым. Так, среди типичных признаков советского «новояза» называли его высокую стандартизованность и осторожное использование выразительных средств. Для современного политического языка характерно противоположное соотношение экспрессии и стандарта: мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, что особенно характерно для текстов, создаваемых левыми и правыми экстремистами.

Важно подчеркнуть, что сами по себе стандартизованность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества: вполне стандартные выражения есть в очень эмоциональных текстах, элементы экспрессивности присутствовали даже в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Различается только соотношение между стандартностью и экспрессией, зависящее от политической эпохи, жанра, индивидуальности автора и множества других дискурсивных характеристик.

Диалогичность и монологичность политического текста. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами. Автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие. Политик, в отличие от литератора, не может писать только «для избранных», «для интеллектуалов» и с презрением отвергать «чернь». Талантливый политик способен вступать в диалог со всеми слоями общества.

Существуют по меньшей мере три ведущих формы диалогичности. Первая из них — это собственно диалогичность, при которой в создании текста участвует несколько говорящих. Если советские лидеры предпочитали монологический стиль общения и постоянно выступали с длительными речами и докладами, то современные политики значительно большее внимание уделяют речевому общению в виде бесед, интервью, пресс-конференций или дебатов с политическими оппонентами.

Вторая форма диалогичности — диалоги «на расстоянии»: в этом случае политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания иных политиков, дает оценку существующим точкам зрения. Диалог становится более престижным, а поэтому диалогичные по форме фрагменты все чаще встречаются в устных и письменных монологических текстах (публицистических книгах, предвыборных программах и др.).

Третьей формой диалогичности политической речи является интертекстуальность, представляющая диалог культур во времени и пространстве. Современный политический текст часто оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с опорой на фоновые знания из различных областей культуры. Использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вписывает текущие события в общеисторический и культурный контекст. Подобные куль-

турные знаки делают сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно вводят в изложение элементы языковой игры, предлагают читателям решить для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений. Одновременно это показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, компонентов предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Явная и скрытая оценочность в политической коммуникации. Политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий. Это объясняется тем, что основная цель политической коммуникации состоит не в объективном описании ситуации, а в убеждении адресата и побуждении его к политическим действиям. Ведущим средством этого побуждения служит оценка субъектов политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий.

Оценка в политическом дискурсе может проявляться в прямой или скрытой форме. Оценка дифференцируется по следующей шкале: положительная оценка (в большей или меньшей степени), нейтральная оценка и отрицательная оценка (со множеством нюансов).

Агрессивность и толерантность в политической коммуникации. Политическую деятельность демонстрирует диалектическое взаимодействие агрессивности, решительной борьбы за свои идеи и толерантности, терпимости к идеям и поступкам политических единомышленников, союзников и соперников.

С одной стороны, политик не может действовать в одиночку, а следовательно, он должен быть терпимым к инакомыслию, с другой стороны, политическая деятельность — это

всегда борьба с оппонентами за достижение и удержание власти. В тоталитарном обществе политических оппонентов уничтожают физически, лишают их гражданских прав и возможности заниматься политической деятельностью. В демократическом обществе политических соперников стремятся отстранить от власти путем их дискредитации в социальном сознании.

Агрессивность политической коммуникации резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (во время выборов, референдума, политических демонстраций и др.). Агрессивность заметно снижается, когда политические соперники вынуждены действовать совместно (например, при работе в парламенте, при необходимости бороться со стихией или противостоять давлению из-за рубежа). Коммуникативная (вербальная и невербальная) агрессивность обычно растет параллельно увеличению социального напряжения.

В настоящей статье рассмотрены далеко не все типичные свойства политического дискурса, отличающие его от дискурса научного, художественного или бытового. Не меньший интерес представляет и сопоставление политического дискурса с иными видами дискурса (бытовым, педагогическим, медицинским, журналистским и т. п.). Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования специфики политической коммуникации в ее соотношении с иными типами коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Будаев Э. В. Методология политической лингвистики // Политическая лингвистика. — 2010. № 1.
3. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. — М. : Изд-во МГУ, 1971.
4. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. — Москва : Флинта : Наука, 2006.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27
ББК 103.1

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

К. И. Белоусов
Н. Л. Зелянская
Оренбург, Россия

K. I. Belousov
N. L. Zelyanskaya
Orenburg, Russia

ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА

(по данным частотного анализа лексики)

Аннотация. Реконструируется образ мира политического деятеля по материалам его выступлений — неподготовленных речевых самопрезентаций. Реконструкция осуществлялась на основе центральных смыслов образа мира политика, эксплицированных с помощью частотного анализа лексики.

Ключевые слова: лингвистическая реконструкция; политика; картина мира; образ мира; частотный анализ.

Сведения об авторе: Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13.

e-mail: belousovki@gmail.com.

Сведения об авторе: Зелянская Наталья Львовна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13.

e-mail: zelyanskaya@gmail.com.

POLITICIAN'S IMAGE OF THE WORLD

(according to the frequency analysis of vocabulary)

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of statesman's image of the world on the material of his untrained speech self-presentations. Reconstruction was carried out on the basis of the central meanings of politician's image of the world explicated by frequency analysis of vocabulary.

Key words: linguistic reconstruction; politics; the picture of the world; the image of the world; frequency analysis.

About the author: Belousov Konstantin Igorevich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Orenburg State University.

About the author: Zelyanskaya Natalya Lvovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Orenburg State University.

1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ОБРАЗА МИРА. Традиционно проблематика образа мира мыслится как психологическая, относящаяся к сфере индивидуального мировосприятия и миромоделирования [Леонтьев 1983; Артемьева 1999; Зинченко 1983; Сычев 2008 и мн. др.]. А. Н. Леонтьев, развивая понятие образа мира, связывал его в рамках деятельности парадигмы в психологии с деятельностью субъекта: «...в психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности ... иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира — мира, в котором они живут, действуют, который они сами передают и частично создают; это — знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире» [Леонтьев 1983: 254] (ср.: «...образ мира, являясь идеальным, сам из себя (вне системы деятельностей) не формируется и не раскрывается» [Серкин 2009: 110]).

Образ мира — феноменом индивидуально-мировосприятия и миромоделирования, а потому, несомненно, социально обусловлен,

о чем справедливо пишет Е. А. Тарасов: «Самой существенной онтологической характеристикой ОМ, которая никогда не должна ускользать от внимания исследователя, является его сконструированность: ОМ — это социально сконструированная реальность» [Тарасов 2008: 10]. Не противоречит сказанному понимание образа мира как индивидуального эмоционально-смыслового преломления социальной картины мира в сознании отдельного человека [Мазлумян 2009: 103]. Образ мира тесно связан с понятием картины мира, которая в большей степени «поверхностна» и обусловлена знаковой природой отражения мира в сознании индивида. В концепции Е. Ю. Артемьевой образ мира предстает в виде системы из нескольких уровней (слоев): поверхностным, модальным слоем является перцептивный, далее следует семантический (который номинируется как *картина мира*), и, наконец, наиболее глубокий (образ мира в узком понимании) — слой амодальных структур, образующихся при «обработке» семантического слоя [Артемьева 1999: 21]. Этот «наиболее глубокий» слой образуют структуры, имеющие дихотомичную природу: опасный / неопасный и др. [Там же: 21]. Дихотомичности осевой структуры (с двумя полюсами) образа мира в психосемантике

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Министерства образования и науки (Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/9306).

© Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., 2012

соответствует метод ее измерения — метод многомерного шкалирования Ч. Осгуда [Осгуд 1972].

В то же время феномен образа мира как интериоризированной картины мира, на наш взгляд, может изучаться и вне экспериментального поля — на материале речевой / текстовой деятельности субъекта (ср.: «Так как КМ — это этноязыковая модель отражения мира на определенном уровне развития сознания, то при описании ее у разных культурно-языковых и даже социальных общностей исследователей интересуют главным образом содержательные различия на дискретном языковом уровне. Континуальность же внутренних отражений („чувственная ткань“ и „личностные смыслы“ по А. Н. Леонтьеву <...>) <...> может проявляться только в текстах — речевых и еще больше — поведенческих» [Мазлумян 2009: 103].

Методом реконструкции образа мира субъекта на материале его речевой деятельности может быть метод контент-анализа.

Метод контент-анализа может пониматься очень широко, как «...любая техника, предназначенная для получения выводов путем объективной и систематической регистрации определенных характеристик сообщений» [Holsti 1969: 14]. Такая трактовка контент-анализа свойственна для зарубежной методологии анализа текстов, однако при таком понимании контент-анализ уравнивается с методом анализа текстов вообще (с той оговоркой, что результаты анализа должны быть воспроизводимы). Существует и узкое понимание метода контент-анализа как квантитативного исчисления тех или иных единиц в анализируемом тексте: «Количественный контент-анализ — это систематическое и воспроизводимое исследование коммуникативных знаков, которым присваиваются количественные показатели в соответствии с валидными правилами измерения <...>, чтобы описать коммуникацию и сделать выводы относительно ее значения (смысла), либо выйти за пределы содержания коммуникации к контексту ее порождения и протекания» [Riffe 1988: 20].

Таким образом, цель контент-анализа — за наблюдаемыми характеристиками текста выявить имплицитную информацию о принципах построения самого текста, о характере коммуникации, в рамках которой транслируется текст, об особенностях мышления, мировидения, личностных качеств автора и образа адресата текста. Метод контент-анализа — это один из многих существующих сегодня методов анализа содержания сообщения, и сам он может осуществляться в двух «режимах» работы: «ручном» и автоматизированном (вообще метод контент-анализа широко применяется сегодня в социальных и гуманитарных науках, в том числе и при обращении к анализу политической реальности [Krippendorff 2004; Holsti 1969; Будаев, Чудинов 2006]. Ресурс

eLibrary.ru по запросу на ключевое слово «контент-анализ» показывает более 100 статей, в которых использовался данный метод). В «ручном» режиме составляется частотный словарь категорий, которые не могут быть выявлены с помощью простого подсчета слов (например, проявление иронии в тексте). Автоматизированный режим основывается на работе с лексемами и другими единицами, которые повторяются и могут быть представлены в словарях (например, фразеологическом словаре, разного рода перечнях устойчивых выражений и клише). Контент-анализ, осуществляемый на основе частотного словаря анализируемого текста (текстового массива), позволяет реконструировать семантическую структуру текста, выявить доминантные / периферийные направления смыслообразования, установить неосознаваемые (не высказанные прямо), но значимые для автора текста концепты и мн. др.

На сегодняшний день известны программы контент-анализа А. Н. Чуракова и ВААЛ В. И. Шалака; а также ряд программ построения конкорданса текста (MonoConc/ParaConc, WordSmith Tools, AOT А. Сокирко и др.). В нашем исследовании для осуществления частотного анализа использовалась информационная система «Семограф» [Система графосемантического моделирования]. Заметим, что частотный словарь продуцированных текстов, построенный с учетом актуализированных значений слов и частотности употребления их в речи, а также группировки лексем по лексико-семантическим полям, отражает картину мира, а пропорции распределения семантических полей, принципы организации семантического пространства выражают индивидуальное миромоделирование, т. е. образ мира.

2. ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ. Реконструкцию образа мира политика можно проводить на основе многих источников, из которых наиболее важный — это речь самого политика, то, как он откликается на окружающие события и мнения о нем. Речь наиболее ярко и достоверно свидетельствует о внутренних установках и мировидении.

Для публичного человека речь — это средство создания и управления действительностью, способ убеждения целевой аудитории в своей правоте (адекватности своей модели мира) и привлечения ее на свою сторону. Однако в процессе говорения политик проговаривается (мы подразумеваем неподготовленную речь): по тому, что и как человек говорит, можно понять, как он мыслит, что его настоящему волнует и какие смыслы в его картине мира являются доминантными. Поэтому в ходе исследования речи политического деятеля можно реконструировать наиболее значимые, транслируемые им фрагменты собственной картины мира и стоящего за ней образа мира.

Образ мира В. Путина реконструировался на основе двух подборок ответов на вопросы, собранных во время второго президентского срока. Материал составили пресс-конференции с отечественными и иностранными журналистами и ежегодное телеобщение с жителями страны. Общий объем материала (вопросы ведущих и слушателей в анализ не включались) — более 4 печатных листов (около 160 тыс. знаков).

Описание образа мира следует начать с обсуждения онтологических категорий — «координат бытия», пространства и времени.

Наименования пространства в речи В. Путина составляют 1259 случаев (здесь и далее приводится количество случаев на 26 558 словоупотреблений, встретившихся во всех проанализированных текстах), или 4,74 % от всех словоупотреблений (далее данные будут приводиться в сокращенном виде: 1259; 4,74 %), что больше, чем у любого другого из проанализированных нами политиков (Г. Зюганова, Б. Немцова, Э. Лимонова, Г. Каспарова) [См.: Белоусов 2011: 40—59]. В то же время пространство в картине мира политика весьма специфично. Так, наибольшее число слов данного смыслового поля приходится на **абстрактные наименования пространства** (519; 1,9 %): *страны (110), регион (42), область (18), республика (18), зона (13), район (7), город (21), территории (27), пространство (18)* и мн. др. То есть пространство В. Путина очень абстрактно, общо, часто лишено конкретики.

Пространство России (219; 0,8 %) представлено в основном общим наименованием — «Россия» (124), все остальные упоминания отечественного пространства в сумме встречаются реже (95), т. е. и российское пространство также большей частью абстрактно. Из всех названий городов, краев и т. п. наиболее часто встречаются следующие: *Москва (18), Петербург (4), Кавказ (11), Сочи (7)*. Интересно, что как однопорядковые в речи В. Путина упоминаются *Ботлих (4), Каспийск (1), Сочи (7) и Сибирь (4)*, не сопоставимые ни по размерам, ни по значимости. Из сибирских или уральских городов не упомянут ни один. Из других пространственных «объектов» называются *Владивосток (3), Калининград (2), Казань (1), Адлер (1), Грозный (1)*, а также ряд областей, краев и республик: *Московская область (1), Татарстан (3), Дагестан (2), Приморский (2)* и нек. др. Таким образом, пространство России для В. Путина абстрактно, в целом лишено конкретики. Конкретизация является либо в связи с обращением к «проблемным» регионам, в которых требуется постоянно подтверждать российское влияние (Владивосток, Калининград, Чечня, Дагестан), либо в связи с функционированием военных баз (Ботлих, Каспийск), либо в связи с «элитарностью» пространства (Москва, Петербург, Сочи). **Вся остальная Россия для В. Пути-**

на абстрактна, слабо дифференцирована, а следовательно, не является настолько важной, чтобы стать предметом заинтересованного обсуждения; она исключена из речевого пространства политика.

Данный вывод подтверждается и тем, что пространство зарубежья по количеству упоминаний «обгоняет» российское (298 против 219). Зарубежье представлено странами СНГ, Европой и США, Азией, Австралией и Африкой, причем степень дифференцированности здесь достаточно высока. Например, из европейских стран упоминаются следующие: *Германия (8), Франция (6), Великобритания (9), Косово (4), Болгария (3), Сербия (3), Латвия (3), Чехия (2), Италия (3), Литва (2), Румыния (2), Испания (1), Австрия (1), Шотландии (1), Черногория (1)*, что превышает количество упоминаемых В. Путиным субъектов РФ; также встречается *Каталония (1), Берлин (1), Мадрид (1), Гамбург (1), Хайлигендамм (1)*. Аналогично «строится» и остальное пространство зарубежья.

Время (453; 1,71 %) представлено общими наименованиями времени и его отрезков: *времен (39), срок (12), возраст (7), даты (5)*. Наиболее часто встречаются слова, обозначающие **настоящее** время: *сейчас (58), сегодня (27), теперь (22), сегодняшнего (11), современной (7), текущего (6)*, что вполне традиционно. Некоторая особенность состоит в довольно частом обращении к **прошедшему** времени: *прежде (34), раньше (9), 90-е (7), недавно (6), вчера (1), 95—98-х (2)*. Очевидно, это связано с критикой В. Путиным социально-экономической политики ельцинской эпохи. На фоне неудач этого периода политик демонстрирует свои достижения. Из **временных отрезков** самым частотным является *год (104)*. Значит, **ритм времени В. Путина умеренный**. Для сравнения: ритм времени Г. Зюганова малодифференцированный, неспешный (частое использование слов *век, столетие, (несколько) лет*); временной ритм Б. Немцова умеренный (наиболее частотное слово — *год*); ритм Г. Каспарова наиболее быстрый (самые частотные подобные слова у него — названия месяцев).

Люди (606; 2,28 %) так же, как и у других политиков, представлены многоаспектно. Встречаются абстрактные слова, называющие человека или группу лиц: *люди (74), граждане (35), население (20), человек (19), народ (16), общество (6)*. Очень частотны слова, обозначающие **национальную и/или территориальную** принадлежность человека: *татары (4), осетины (2), албанцы (1), баски (1), сербы (1), японцы (1), прибалты (1), иностранцы (3), россияне (2), казахстанцы (1), немцы (1)* и др. Встречается и обозначение человека по его родственным связям: *семья (12), родители (2), матери (2), отец (2), жена (1), сестра (1)*. Интересно, что В. Путин редко (на фоне проанализированных речей других политиков) [См.: Бело-

усов 2011: 40—59]) называет человека по его политической принадлежности: *демократ (2), беспартийный (1), политик (15)*. Наиболее часты в речи В. Путина наименования профессий: *тренер (2), журналист (2), госслужащий (3), врач (1), дипломат (1), бюджетник (3), водитель (1), рабочий (2)* и мн. др., — а **характерной особенностью его речи является обращение к людям военных профессий: военнослужащий (9), контрактники (4), офицеры (2), бойцы (1), воины (1), командиры (1), матросы (1), солдаты (1), моряки (1) и др. По количеству употреблений «мирные» профессии превышают военные всего в 1,4 раза, что **свидетельствует об особой значимости для В. Путина военной сферы**. Кроме того, в ответах встречаются наименования властных должностей: *президент (30), премьер-министр (2), губернатор (3), мэр (2), руководитель (8)* — с **очевидной жестко выраженной иерархией должностей**.**

Данная иерархичность проникает и в область **личных имен**, т. е. имен известных людей (35; 0,13 %). **Эта группа слов наиболее показательна, поскольку, на наш взгляд, вскрывает принципы, по которым организуется картина мира В. Путина**. Из всех людей, когда-либо живших или живущих в России, он называет только девять имен: *Луговой (4), Литвиненко (2), Ельцин (1), Зубков (1), Лужков (1), Шаймиев (1), Миронов (1), Потанин (1), Вексельберг (1)*. В речи В. Путина нам не встретились имена деятелей культуры, известных ученых, общественных деятелей. Политические деятели также представлены крайне избирательно, неполно и во многом случайно (все по одному разу). **Очевидно, что здесь мы имеем дело со стратегией замалчивания (умолчания)**. В то же время В. Путин относительно часто обращается к именам людей, находящихся с ним в одной социальной «нише»: *Назарбаев (3), Лукашенко (1), Тони (3), Гордон Браун (2), Шрёдер (2), Абэ (1), Пырванов (1), Саркози (1), Солана (1), Меркель (1), Хусейн (1), Махатма Ганди (1)* и др.

Таким образом, мышление В. Путина предельно иерархизировано, он четко делит мир на достойную его внимания часть (это проявляется и в наименованиях пространства России) и недостойную такого в силу меньшей элитарности (низший должностной ранг, пространственная отдаленность, провинциальность и т. п.).

Показательным в этом отношении является и обращение В. Путина к проблемам социальной и военной сфер. Так, **оборона и военные силы** (327; 1,23 %) представлена широко и детально: *безопасность (27), оборона (19), вооружение (16), противоракетная (16), ПРО (4), ракеты (11), оружие (7), флот (4), армия (3), войска (2), Тополя (2), автоматы (2), крейсера (2), штурмовики (2), автоматы (1), ТУ-160 (1), Тополь-М (2), Искандер-М (1), гра-*

натометы (1), локатор (1), пулеметы (1), РВСН (1), СУ-34 (1), ружья (3) и мн. др. Предельная конкретность при обсуждении военной сферы может быть проиллюстрирована следующим примером: *Мы заканчиваем в этом году „Юрий Долгорукий“, он уже на стапеле стоит, и в конце года начнутся уже испытания на воде. Продолжится работа по строительству атомных подводных крейсеров стратегического назначения „Владимир Мономах“ и „Александр Невский“*. Как видно, политик не только упоминает о строительстве военных судов, но и перечисляет их «поименно».

Лексемы **социальной сферы** (138; 0,5 %), к которой мы отнесли слова, имеющие отношение к образованию, здравоохранению, ЖКХ, льготам, пенсионной реформе, зарплатам, демографии и экологии, в сумме упоминались почти в 3 раза меньше, чем наименования **военной сферы**. Очевидно, что по значимости для общества (и по охвату количества людей) эти сферы не являются сопоставимыми, значимость социальной сферы для человека и общества неизмеримо больше. В то же время В. Путина эта сфера интересует гораздо меньше. Вполне возможно, что **политик, как и многие его российские предшественники, при возникновении противоречий между интересами человека и государства стоит не на стороне человека**. Каковы бы ни были истинные причины такого противоречия общественных и государственных интересов, наш материал и в этот раз показывает избирательный и элитарный характер мышления В. Путина.

Социальная сфера в основном представлена **здравоохранением**. Касаясь проблем здравоохранения, В. Путин говорит о *здравоохранении (8), заболеваниях (3), лекарствах (2), диагнозах (2), протезировании (2), медицине (2), больницах (1), здравницах (1), поликлиниках (1), клиниках (2), лечении (1), препаратах (3)*. Проблемы же образования и науки обсуждаются с употреблением таких слов, как *образование (5), школы (5), университет (1), наука (2)*, т. е. предельно общо, без погружения в детали, мимоходом. Так же обсуждаются проблемы ЖКХ, зарплат, демографии, пенсионной сферы (за исключением пенсий военных специалистов) и экологии.

Мы уже отмечали слабую представленность в картине мира В. Путина собственно политической реальности (слов, обозначающих отнесенность людей к той или иной партии, имен известных политиков). Та же тенденция заметна и по отношению к названиям **политических партий, объединений, течений** и т. п. Наиболее частотными оказались абстрактное наименование *партия (6)* и *Единая Россия (6)*. В. Путин произносит также слова *либеральный (2), демократический (2), лейбористский (2), многопартийный (1)*. Парадоксально, но, по всей видимости, данная сфера находится на

периферии сознания В. Путина. Вероятно, он не относит себя к какой бы то ни было политической силе, а свою деятельность оценивает в другой системе координат (в противном случае, при его внимании к собственной деятельности, мы имели бы иную картину). Показательно, что в его речи отсутствуют названия других политических партий. В некотором смысле **политический процесс (политические партии, политическая борьба, выборы и пр.) предстает как необходимая деятельность для собственной политической активности**, которая развивается в других, более масштабных сферах.

Одним из самым масштабных смысловых полей картины мира В. Путина является **экономическая сфера** (899; 3,39 %). Несмотря на большую частотность, данная сфера уступает по встречаемости аналогичной смысловой сфере Г. Зюганова [См.: Белоусов 2011: 46—51]. Как и у Г. Зюганова, экономическая сфера в речевом пространстве В. Путина состоит из нескольких смысловых блоков — **общие понятия: экономика (37), цены (21), доход (19), рынок (19), хозяйство (12), бюджет (8), производство (8), долг (7), лицензия (7), конкуренция (6), субсидирование (6), ВВП (6)** и мн. др.; **ресурсы: ресурсы (16), деньги (14), доллары (14), газ (12), рубль (10), золотовалютные резервы (8), нефть (7), энергоресурсы (2), биотопливо (1), зерно (3), лес (1)** и мн. др. Среди актуальных для В. Путина **отраслей** экономики встречаем такие, как **отрасли (16), энергетика (12), нефтяная промышленность (4), электроэнергетика (2), атомная промышленность (4), капитала (11), строительство (10), сельское хозяйство (10), сельхозпроизводства (1), авиастроение (9), самолетостроения (1), судостроение (3), животноводства (1), автомобилестроения (1), торговли (1)**, т. е. доминирует добывающая сфера (энергетика). **Инфраструктура** относительно значима и проявляется в упоминании **инфраструктуры (16), аэропортов (3), портов (2), транспорта (6), канализации (2), водоснабжения (1), магазинов (1), виадуков (1), а также поездов (3), самолетов (3), авиации (3) и троллейбусов (1)**. Отдельный интерес в «экономическом блоке» представляет упоминание **компаний: Газпром (13), БИ-ПИ (13), Лукойл (3), Рургаз (3), ТНК (2), Боинг (2), Аэрофлот (2), Роснефть (1), Ниссан (1), Коноко-филипс (1), Юкос (1), Эйрбас (1), EADC (2), Тойота (1), Шелл (3), Буиг (2)**. Видно, что практически в равной степени упоминаются как российские, так и зарубежные компании. **Это может свидетельствовать о большой заинтересованности В. Путина в технологиях и капиталах европейского и азиатского бизнеса, а также о намеренной демонстрации равноправия российского и зарубежного бизнеса в России (и требование того же равноправия для российского бизнеса за**

рубежом). Это хорошо показывает, что для В. Путина произнесение имени является актом политическим и отнюдь не случайным.

Эмоциональная сфера (88; 0,3 %) свидетельствует об относительной значимости для В. Путина эмоциональной оценки, переживания какого-либо события. Часто это переживание выдается за сопереживание с собеседником, с которым В. Путин выстраивает взаимодействие на глазах всей страны (например, в ежегодных телемостах). В то же время он часто выражает свое отношение к предмету речи (ср. словоформы *удивление, понравилась, удручающий, прискорбие, сожалеть* и мн. др.). Эмоциональная сфера поддерживает прежде всего фатический элемент коммуникации, предшествующий выражению позиции политика при непосредственном контакте с собеседником. Место, которое занимают слова, относящиеся к данной сфере, указывает на второстепенность выражения собственных эмоций и на четкий контроль и подчинение эмоциональных импульсов другим компонентам образа мира В. Путина.

Сферы, составившие реконструированный образ мира В. Путина, образуют цельное иерархизированное пространство, отражающее распределение ценностных установок политика. Отметим, что данное распределение приоритетов, отражаясь в речи, демонстрирует скрытые мотивировки интересующего нас субъекта политической жизни и потому обладает объяснительным потенциалом по отношению к его деятельности (образ мира, формируясь в деятельности, в деятельности и проявляется).

Непроизвольно выраженные доминанты аксиологической шкалы, скорее всего, обуславливают стратегию поведения данного политика и позволяют предсказать сценарии развития тех областей общественно-политической или экономической жизни, за которые он несет ответственность. Так, мы считаем, что полученный в процессе исследования результат о явном преобладании в образе мира В. Путина военной сферы над социальной (милитаризованность образа мира) в некоторой степени объясняет направленность актуальной бюджетной политики, в которой можно наблюдать рост государственных расходов на ВПК и силовые структуры за счет уменьшения финансирования образования и здравоохранения. Очевидно, что аналогичный анализ речевой деятельности современных политиков способен прояснить степень влияния конкретных личностей на социополитическое состояние страны и то, в какую сторону оно может измениться при активизации других агентов политической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемяева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. — М.: Наука: Смысл, 1999.

2. Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Картина мира современного российского общества: концептуальный анализ. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2011.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 75—94.
4. Зинченко В. П. От генезиса ощущений к образу мира // А. Н. Леонтьев и современная психология. — М. : Изд-во МГУ, 1983. С. 141—149.
5. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. — М. : Педагогика, 1983. Т. 2.
6. Мазлумян В. С. Картина мира и Образ мира // Мир психологии. 2009. № 4. С. 100—108.
7. Осгуд Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. — М., 1972. С. 278—297.
8. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. №4. С. 109—119.
9. Система графосемантического моделирования / Д. А. Баранов, К. И. Белоусов, И. В. Влацкая, Н. Л. Зелянская. — М. : Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. — Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.
10. Сычев О. А. Проявление особенностей образа мира в прогнозировании // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 76—2. С. 254—258.
11. Тарасов Е. Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6—10.
12. Riffe D., Lacy S., Fico F. G. Analysing media messages: Using quantitative content analysis in research. — Mahwah, NJ : Erlbaum, 2005.
13. Holsti O. R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. — Reading, MA : Addison-Wesley, 1969.
14. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Л. Е. Веснина
Екатеринбург, Россия

L. E. Vesnina
Ekaterinburg, Russia

**КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ЗАПУГИВАНИЯ В ТЕКСТАХ РЕЛИГИОЗНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»**

**COMMUNICATIVE STRATEGY
OF INTIMIDATION IN THE TEXTS
OF THE RELIGIOUS ORGANIZATION
«JEHOVAH'S WITNESSES»**

Аннотация. Рассматривается коммуникативная стратегия запугивания в текстах религиозной тоталитарной секты «Свидетели Иеговы». Стратегия реализуется посредством тактик апелляции к тексту Библии, учению об Апокалипсисе, создания образа врага и др.

Abstract. Communicative strategy of intimidating in the texts of religious totalitarian sect «Jehovah's Witnesses» is examined in the article. The strategy is realised via tactics of appealing to Bible, Apocalypse, creating the image of an enemy and others.

Ключевые слова: речевое воздействие; коммуникативные стратегии и тактики; стратегия запугивания; секты тоталитарного типа.

Key words: verbal influence; communicative strategies and tactics; strategy of intimidating; sect of totalitarian type.

Сведения об авторе: Веснина Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Vesnina Liudmila Evgeniivna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: levesna@ya.ru.

В современном мире, в котором очень развиты информационные технологии, человек как никогда подвержен такой опасности, как манипулятивное речевое воздействие. Исследованием темы воздействия на человека вербальными средствами занимаются специалисты различных областей знания: лингвисты, психологи, социологи, политологи и др. Предметом значительной части работ, посвященных изучению речевого воздействия, являются тексты СМИ, реклама, PR, политический дискурс. На наш взгляд, интересный объект для изучения в данном аспекте представляют также тексты сект тоталитарного типа.

тчному отношению к любой информации, воспрепятствует принятию ее на веру без глубокого анализа. В настоящий момент, на наш взгляд, несмотря на остроту вопроса о целостном рассмотрении средств речевого воздействия в таких организациях, он изучен недостаточно.

Секты существуют на земле с древнейших времен, среди них выделяются секты тоталитарного типа, как правило, имеющие деструктивный характер. Для таких организаций характерны специфические способы речевого воздействия, исследование которых позволит объективно взглянуть на вербальные механизмы влияния на человеческое сознание, попытаться объяснить привлекательность подобных сообществ для людей. Несмотря на всеобщую осведомленность об опасности членства в различных неофициальных религиозных организациях тоталитарного толка, по данным полиции, численность и распространенность на территории России сект тоталитарного типа, представляющих угрозу разного рода, неуклонно возрастает. Понимание того, с помощью каких вербальных средств авторы текстов из подобных организаций воздействуют на адресата, будет способствовать более кри-

Объектом для исследования мы выбрали одну из самых крупных и распространенных на территории РФ секту — «Свидетели Иеговы», точнее тексты ее участников, пропагандирующие учение организации.

Авторы миссионерско-апологетического проекта «К истине» в статье «Свидетели Иеговы: Их плата за рай» отмечают, что организация «Свидетели Иеговы» была классифицирована как деструктивная религиозная организация (тоталитарная секта, деструктивный культ) в следующих источниках:

1. Аналитический вестник Государственной думы РФ «О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций» 1996 г.

2. Итоговое заявление Международного христианского семинара «Тоталитарные секты в России» (Москва, 16—20 мая 1994 г.).

3. Постановление Государственной думы РФ «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» от 15.12. 1996.

4. Информационный материал Министерства здравоохранения и медицинской промышлен-

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность

© Веснина Л. Е., 2012

ности Российской Федерации «К докладу о социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье личности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим» 1996 г.

Кроме того, в письме Минобразования РФ от 12 июля 2000 г. № 549/28-16 содержится просьба довести до руководителей и педагогических коллективов образовательных учреждений сведения о нетрадиционных религиозных объединениях и разработать мероприятия, препятствующие проникновению подобных организаций в образовательные учреждения Российской Федерации. В данном письме сказано: «Поступающие в правоохранительные органы Российской Федерации материалы свидетельствуют об активной деятельности на территории России нетрадиционных религиозных объединений, наносящих ущерб личности, российскому обществу, государству. Под влияние различных сект фактически попало значительное число граждан нашей страны. Например, „муниты“ и „саентологи“ объединяют десятки тысяч человек, „иеговисты“ — сотни тысяч» [Цит. по: Секта «Свидетели Иеговы»].

Под прицелом нашего внимания оказались тексты организации «Свидетели Иеговы», предназначенные как для внутреннего, так и для внешнего пользования: периодические издания «Пробудитесь!» (электронная версия журнала), «Сторожевая башня» (начиная с 1995 г.); книги «Организованы проводить наше служение» (1990 г.) и «Человечество в поисках Бога» (2006 г.); брошюра «Бодрствуйте!» (2004); некоторые письма руководства рядовым членам организации. При анализе обозначенных текстов мы исходили из их функциональной направленности: основная задача таких текстов — максимальное воздействие на адресата с целью изменения его системы ценностей, модели поведения, само- и мировосприятия, поскольку «конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата» [Иссерс 2008 : 109]. Эта задача реализуется посредством использования самых различных стратегий вербального воздействия на адресата: запугивания, дискредитации, подчинения и др.

Как отмечает исследователь коммуникативных стратегий и тактик русской речи О. С. Иссерс, «стратегия базируется на интерпретации — именно она лежит в основе речевого воздействия. В первую очередь интерпретация необходима при операциях над знаниями партнера, над его ценностными категориями, эмоциями, волей. По наличию либо отсутствию установок на интерпретацию можно разграничить речевые стратегии и иные речевые действия. Стратегии предполагают мотив (чаще мотивы), связанный с желанием, волей субъекта. По своей сути речевые стратегии связаны с типичными мотивами человеческого поведения: уберечься от плохого, сохранить

хорошее, добиться лучшего. ... Существуют ситуации, где сообщение как бы не предполагает субъекта-индивида, с его желаниями и волей» [Иссерс 2008: 103]. В случае с вербальным воздействием в сектах тоталитарного толка ключевыми понятиями являются *цель* и *мотивы* субъекта речи.

Одной из основных стратегий, используемых в текстах «Свидетелей Иеговы», является **стратегия запугивания**.

В толковом словаре русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой слово «запугивание» определяется как «существительное, производное от глагола запугивать»; в свою очередь, «запугивать — внушая постоянный страх, делать робким, боязливым» [Ефремова]. В словаре С. И. Ожегова глагол «запугать» имеет два значения: «1. Постоянными окриками, угрозами сделать робким, пугливым. 2. Заставить бояться кого-чего-н.» [Ожегов 2003: 216]. Таким образом, ключевым в определении данной стратегии является понятие *страха*.

Чувство страха — одно из ведущих человеческих чувств, базирующихся на одном из основных инстинктов — инстинкте самосохранения. Согласно мнению ученых, страх бывает нескольких видов: биологический, социальный, экзистенциальный [Щербатых, Ноздрачев 2000; Щербатых 2006]. К первой группе относятся страхи, непосредственно связанные с угрозой жизни человека, вторая представляет боязни и опасения за изменение своего социального статуса, третья группа страхов связана с самой сущностью человека, характерна для всех людей. Один из самых сильных экзистенциальных страхов, присущих каждому, — страх смерти. Так, на понимании этого строится ажиотаж вокруг пророчеств о конце света племени майя, а также всемирно известных прорицателей Ванги, Нострадамуса и др. Стратегия запугивания, реализуемая в текстах «Свидетелей Иеговы», чаще всего основана именно на страхе большинства перед смертью и внезапным концом света, а также на внушении неуверенности в других сферах жизни человека (по отношению к обществу, семье и др.).

Цели стратегии запугивания в рамках рассматриваемого языкового материала таковы: во-первых, внушить адресату мысль о грядущем страшном конце света, ведь если не следовать за истинным спасительным учением, каковым считается только учение организации, все погибнут; во-вторых, открыть адресату глаза на то, как страшна и жестока окружающая действительность; в-третьих, если адресат уже является членом организации, он обязан должным образом исполнять все требования, предъявляемые к нему руководством секты, иначе его ждет наказание.

Мотив, положенный в основу стратегии, — увеличить количество членов организации с целью извлечения руководством материальной и духовной выгоды.

Обратимся к основным тактикам, вербализующим **стратегию запугивания**.

ТАКТИКА АПЕЛЛЯЦИИ К БИБЛИИ, ИЛИ «ТАК ГЛАСИТ ЗАКОН БОЖИЙ». Для всех христиан мира главной, самой авторитетной книгой, истинность содержания которой не подвергается сомнению, является Библия. Обозначенную тактику можно определить также как тактику апелляции к авторитетному источнику. Практически любое высказывание, любая мысль в текстах «Свидетелей Иеговы» подкреплены ссылками на Ветхий и Новый Заветы. Чаще всего это вырванные из контекста или искаженные цитаты из Библии, а также ссылки на библейские стихи, нередко тематически не имеющие отношения к мысли, которую с их помощью пытаются обосновать. Иными словами, используется прием фальсификации, т. е. «подделывание, изменение вида или свойства чего-л. с корыстной целью, чтобы выдать изделие за что-л. другое» [Ефремова].

Так, запрет на переливание крови членам организации, даже в случае крайней необходимости, подкрепляется ссылкой на новозаветный стих: *Будьте уверены, что это наше горячее желание помочь всем нашим братьям повиноваться Божьему закону „Воздерживаться от ... крови“ (Деяния 15:28, 29)* [Сторожевая башня. 1.12.1995]. Вольная и удобная для руководства «Свидетелей Иеговы» интерпретация приводит к искажению смысла слов апостолов, приведенных в каноническом Новом Завете применительно к отказу принимать кровь в пищу: *Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы* [Библия. Деян. 15: 28—29]. Кроме того, предписывающий характер речи создается посредством использования глагола *повиноваться*, т. е. «подчиняться чьим-н. приказам, беспрекословно слушаться» [Ожегов 2003: 529]. Возникает эффект оксюморонности речи — *помочь повиноваться*, — подтекст которой прозрачен: в случае неповиновения «Божьему закону» последует наказание, поскольку слова Библии обладают непрерываемым авторитетом.

Другой пример. Верность утверждения, что все затраты в случае болезни принимает на себя больной, доказывается аргументами из Нового Завета: *Расходы на медицинское лечение несет больной и его семья (Галатам 5:6; Римлянам 13:8). Однако когда расходы превышают возможности больного и его семья, тогда близкие и дальние родственники, такие как родители, дедушки, бабушки, дети, внуки, тети, дяди, двоюродные братья и сестры и др., — могут помочь (Сравни 1 Тимофею 5:4).* <...>. **Не следует выпрашивать денег у собрания для подобной цели** [Сто-

рожевая башня. 1995] (графически выделили последнее предложение авторы письма). В послании же к галатам, на которое ссылаются авторы «Сторожевой башни», говорится: *Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью* [Библия. Гал. 5:6]. Тематически цитата из новозаветного стиха не соответствует мысли, которую она призвана доказать, используется банальное искажение смысла. В послании к римлянам речь идет о том, чтобы никому ничего не быть должным, кроме любви к людям, но этот смысл становится ясным лишь в контексте нескольких стихов: *Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон* [Там же. Рим. 13:7—8]. Дальше руководство организации дает свое позволение (*могут помочь*) на помощь больному родственникам, вновь доказывая обоснованность такого решения тематически несколько неуместной ссылкой на Новый Завет: *Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу* [Там же. 1 Тим. 5:4]. Система приведенных в тексте письма аргументов подытоживается графически выделенным жирным шрифтом и подчеркнутым выводом. Как правило, графически выделяется в тексте фрагмент, на который автор хочет обратить особое внимание читателей. В данном случае это прямой запрет на выражение просьбы о помощи, причем запрет в пренебрежительной форме, поскольку глагол «выпрашивать» подчеркивает многократность совершения действия, ассоциируется с попрошайничеством, мольбой.

Подобные манипуляции библейскими стихами и их фальсификация рассчитаны на читателя, который в большей степени доверяет авторам писем, а не словам Библии, на которые авторы текстов ссылаются.

ТАКТИКА АПЕЛЛЯЦИИ К ИДЕЕ ОБ АПОКАЛИПСИСЕ, ИЛИ «КОНЕЦ УЖЕ БЛИЗОК». Ср.: *„Сторожевая башня“ напоминает нам, что конец уже близок* [Сторожевая башня. 1995].

Обращение к идее скорого конца света и уверенность в том, что в «адовом огне» спасутся лишь адепты организации — один из излюбленных приемов нагнетания чувства страха и тревоги. Укрепившаяся в сознании действующих членов организации мысль о приближающемся Армагеддоне и невозможности спастись вне «Свидетелей Иеговы» — мощный способ удержания в секте. Для внешнего адресата (человека, не являющегося членом организации) подобные «страшилки» — повод задуматься на тему, так активно муссируемую в СМИ.

Если раньше руководство организации периодически указывало точные даты конца све-

та, то теперь конкретные цифры не называются, лишь утверждается, что «последние дни порочного мира» уже наступили: *Приведение суда в исполнение ознаменует апогей „последних дней“, в которые мы сейчас живем. <...> Если мы заметили, что нам в чем-то из этого нужно улучшиться, давайте действовать без промедления. <...> Сейчас нельзя с этим медлить. Предупреждая нас о внезапности конца, Библия говорит: „Стремительно будет сброшена великая столица Вавилон, и никогда уже не найдут ее“ [Бодрствуйте! 2004. С. 12—13].* Здесь содержится прямой призыв активно самосовершенствоваться и свидетельствовать об истинности учения об Иегове и приближающемся Апокалипсисе, нагнетается атмосфера ужаса. Спасутся, по мнению «Свидетелей Иеговы», только избранные, ср.: *Иегова одержит победу и не позволит скрывать ни одному из своих врагов... Тогда будет завершено уничтожение Вавилона великого, мировой державы ложной религии [Сторожевая башня. 2000.01.02].*

Таким образом, идея об Армагеддоне, с одной стороны, вселяет чувство страха в адептов, а с другой — придает им убежденность в правоте и правдивости учения, в которое они верят, возвышает их над всеми остальными людьми.

ТАКТИКА УГРОЗЫ, ИЛИ «ПОВИНУЙТЕСЬ НАСТАВНИКАМ ВАШИМ». Чаще всего целевой аудиторией обозначенной тактики являются члены организации, поступки которых не соответствуют нормам поведения, принятым в ней. Например, интересен такой фрагмент из «Писем рядовым Иеговистам», составляемых Управленческим центром региональной религиозной организации «Свидетели Иеговы» (г. Санкт-Петербург): *Ему следует предоставить шесть месяцев времени для того, чтобы он мог провести изменение. Если он не предпримет никакого изменения, то он не был бы пригодным для особого служебного преимущества и для особой ответственности в собрании. Но быть милиционером, без необходимости носить оружие само по себе не означает, что такая работа не приемлема для христиан. И если кто-то носит оружие и желает принять крещение, мы не должны удерживать его от крещения лишь на одном этом основании. Конечно, он не будет занимать никакой примерной позиции в собрании [Сторожевая башня. 1995].* Смысловое противоречие внутри высказывания создается с помощью столкновения сослагательного наклонения, элемента уступки, условности (т. е. рекомендательного характера речи) с утверждением *конечно* в сочетании с отрицанием, придающим речи предписывающий характер. С одной стороны, деятельность, связанная с ношением оружия, не является причиной исключения из организации и отказа от обряда крещения, с другой стороны, такой

адепт становится изгоем и будет наказан отсутствием «примерной позиции в собрании», что для членов организации «Свидетели Иеговы» является суровым наказанием, поскольку в секте жесткая иерархия.

В следующем примере тактика реализуется уже без обиняков, более явно: *Не думай, что ты сможешь всегда поступать по своей воле. <...> Тебе придется отодвинуть на задний план твои личные желания и склонности <...>, чтобы быть в состоянии исполнять поручаемые тебе служебные задания [Письмо кандидату на служение в Вефиль].* Предложение начинается с отрицания-рекомендации не думать, т. е. с прямого запрета на критический анализ ситуации. В дальнейшем местоимение *ты* создает эффект доверительности, интимности, неформальности отношений, в то же время придавая речи в общем контексте назидательный характер, как бы передавая интонацию наставника. Предписывающий тон письму сообщают глаголы со значением принудительности совершаемых действий: *придется отодвинуть, быть в состоянии исполнять*. Таким образом, письмо не оставляет права выбора за адресатом.

ТАКТИКА ПРЯМОГО И КОСВЕННОГО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА, ИЛИ «НЕ ВСЕ РЕЛИГИИ ВЕДУТ К БОГУ». В качестве врагов адептов «Свидетелей Иеговы» регулярно выступает «враждебно настроенный мир», а также все официально признаваемые религии (православие, католичество, ислам и др. вероучения).

С помощью особой синтаксической конструкции — сложноподчиненного предложения с придаточным уступки — образ врага создается как бы ненамеренно: *Хотя мир и становится все более насильственным, мы не можем больше рассматривать брата примерным, который продолжает работать там, где требуется быть вооруженным [Сторожевая башня. 1995].* Дополняется портрет врага скрытой антитезой: «примерный брат», т. е. тот, кто верно исповедует учение «Свидетелей Иеговы», чит законы организации, противопоставляется всем тем, кто не гнушается деятельностью, связанной с ношением оружия (военным, полицейским и др.). Работа последних тем самым изображается как антигуманная, неверная, недостойная последователей учения «Свидетелей Иеговы» (отношение организации к воинской обязанности — отдельная тема для разговора).

Особого внимания с точки зрения применения данной тактики заслуживает книга 2006 г. «Человечество в поисках Бога» (решением Ростовского областного суда от 11.09.2009 и определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2009 признана экстремистской), ряд глав которой посвящен непосредственно характеристике различных религий. Так, в главе 5 «Индуизм. Поиски освобождения»

критикуется индуизм и оскорбляются христиане, почитающие крест, ср.: *крест — фаллический символ* (С. 102). Примечательно, что сами сторонники учения «Свидетелей Иеговы», вопреки всем историческим фактам, креста не признают, а верят в то, что Иисус был распят на столбе.

Уже в самом названии 6-й главы «Буддизм. Поиски просветления, минуя Бога» с помощью приема парадокса подчеркивается ложность вероучений буддизма. В тексте главы реализуется речевой ход косвенного обвинения традиционных церквей в распушенности и вседозволенности: *Так все больше и больше людей знакомятся с буддизмом. <...> Многим претит дух вседозволенности традиционных церквей, поэтому они обращаются в эту „новую веру“* (С. 129). Сочетание *дух вседозволенности традиционных церквей* в рамках контекста обладает негативной коннотацией, поскольку *многие против* (прием обобщения) этого; но и буддизм, по мнению авторов текста, в качестве спасительной религии не годится, поскольку завышенное определение «*новая вера*» ставит под сомнение ее истинность. В результате утверждается, что лишь одна вера спасает — вера в учение «Свидетелей Иеговы».

Обвинение, и даже оскорбление, в адрес исповедующих «иную» религию содержится в следующем примере: *Прихожане церкви и даже священники позволяют себе вести распутную жизнь, прелюбодействовать, драться, пьянствовать, жадничать, лгать, заниматься спиритизмом и идолопоклонством* [Сторожевая башня. 1993. 01.06].

В результате образ врага, Сатаны для членов секты имеет вполне конкретные очертания: современный бездуховный мир и ложные, с точки зрения «свидетелей», вероучения, следование которым ведет к гибели, а не к спасению.

Без преувеличения можно сказать, что практически в каждом тексте любого периода существования организации «Свидетели Иеговы» стратегия запугивания является ведущей. Выше была представлена попытка объектив-

ного научного исследования указанной стратегии с опорой на конкретные языковые факты. Анализ текстов позволяет заключить, что взаимоотношения внутри организации строятся не на любви и уважении, которые являются основой христианской веры, а на постоянном чувстве страха — перед руководителями, старейшинами, современной жизнью, концом света, Иеговой. При чтении подобных текстов необходимо помнить, что каждый человек обладает правом решать — подчинить свой разум и волю чужому выбору или сделать выбор самостоятельно.

В статье представлены далеко не все тактики, реализующие стратегию запугивания в текстах религиозной организации «Свидетели Иеговы» (например, не рассмотрены тактика создания чувства вины, апелляция к общечеловеческим ценностям, тактика отрицания и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные тактики и речевые приемы при описании теракта (на примере событий в Беслане в сентябре 2004 г.) // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 55—60.
2. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. — М. : Библейская Лига, 2002.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : (онлайн-версия). URL: <http://www.classes.ru>.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2003.
6. Руженцева Н. Б. Адаптационная стратегия и фактор адресата в газетно-журнальном и политическом дискурсах: заголовочный комплекс и основной комплекс // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 51—56.
7. Секта «Свидетели Иеговы» // К истине : миссионерско-апологетический проект. URL: http://www.kistine.ru/sects/iegova_witness.
8. Щербатых Ю. В., Ноздрачев А. Д. Физиология и психология страха // Природа. 2000. № 5. С. 61—67.
9. Щербатых Ю. В. Психология стресса и его коррекция : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.111.1'42
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Е. Н. Ермолаева E. N. Ermolaeva
М. В. Геворгян M. V. Gevorgyan
Кемерово, Россия Kemerovo, Russia

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕДИАТОПИКА «ВОЙНА»
В СОВРЕМЕННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале англоязычных СМИ)**

Аннотация. Исследуются лексические, грамматические и стилистические особенности репрезентации медиатопика «ВОЙНА» в современном новостном англоязычном дискурсе, способствующие реализации информативной (фактуальной) и воздействующей (идеологической) функций СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации; новостной дискурс; новостной медиатекст; медиатопик; идеологическая модальность.

Сведения об авторе: Ермолаева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №2, факультет романо-германской филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6404.
e-mail: enermolaeva@yandex.ru.

Сведения об авторе: Геворгян Мариам Вардановна, соискатель кафедры английской филологии №2, факультет романо-германской филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6404.
e-mail: mariamgevorgian@gmail.com.

**PECULIARITIES OF MEDIA TOPIC “WAR”
REPRESENTATION IN CONTEMPORARY
NEWS DISCOURSE**

(on the basis of English-language mass media)

Abstract. The article focuses on the analysis of lexical, grammatical and stylistic features of media topic “WAR” representation in contemporary English-language news discourse that contribute to implementing informative and ideological functions of mass media.

Key words: mass media; news discourse; news text; media topic; ideological modality.

About the author: Ermolaeva Elena Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English Philology №2, Department of Romance-Germanic Philology.

Place of employment: Kemerovo State University.

About the author: Gevorgyan Mariam Vardanovna, Post-graduate Student of the Chair of English Philology №2, Department of Romance-Germanic Philology.

Place of employment: Kemerovo State University.

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным развитием СМИ и усилением их влияния: СМИ формируют глобальную культуру и глобальное информационное пространство. Ежедневно человек получает огромное количество информации посредством радио, телевидения, прессы, Интернета. Исследователи отмечают: «Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на мировосприятие, на тип культуры сегодняшнего дня» [Володина 2008: 17].

СМИ, будучи средствами разъяснения и передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации массовому адресату с целью воздействия на него [Кубрякова, Цурикова 2008: 184], влияют на картину мира каждого человека, играют решающую роль в создании определенного образа страны на международной арене, регулируют общественное отношение к тем или иным событиям. Все это обуславливает неугасающий интерес ученых к всестороннему исследованию СМИ. Сформировалась отдельная научная дисциплина, занимающаяся изучением СМИ — медиалогия, характеризующаяся полипарадигмальностью и междисциплинарностью методологических установок. При этом

© Ермолаева Е. Н., Геворгян М. В., 2012

особое место отводится лингвистическому ракурсу рассмотрения СМИ, поскольку необходимым проявлением природы человека служит язык; именно язык фиксирует социальные и политические изменения окружающей действительности, отражаемые в СМИ. Множество работ посвящено изучению особенностей функционирования, стилистических средств, языковых приемов, различных аспектов языка средств массовой информации. Наука, занимающаяся исследованием языка СМИ, получила название медиалингвистики.

Термин «язык СМИ» возник не так давно и подразумевает, по словам Т. Г. Добросклонской, «весь корпус текстов, производимых и распространяемых средствами массовой информации; устойчивую внутриязыковую систему, которая характеризуется определенным набором лингвистических свойств и признаков; особую знаковую систему смешанного типа с определенным соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации: печати, радио, телевидения, Интернета» [Добросклонская 2008: 25].

Любой текст в СМИ создается с какой-либо целью и рассчитан на определенное воздействие. Информационная ориентация текстов

СМИ связана с документальностью, объективностью, фактуальной насыщенностью изложения, официальностью, логичностью и аргументированностью. Воздействующая направленность проявляется в побудительности, оценочности, выражении авторского отношения к содержанию высказывания, изобразительности, образности [Сметанина 2002: 45]. Соответственно и язык СМИ отражает и реализует их коммуникативные и прагматические задачи.

Наиболее значимые для общества и обсуждаемые в СМИ темы получают название медиатопиков и повсеместно освещаются в медиадискурсе и медиатекстах разных жанров — от новостей до аналитики, очерков, хроник и т. п. При этом наблюдается влияние социально-политических и информационных процессов, происходящих в стране, на функционирование языка СМИ и обратное влияние языка СМИ на восприятие нацией указанных процессов и даже на их течение.

В современном мире одной из актуальных медиатем, безусловно, является политический медиатопик «ВОЙНА». Обращение к данной проблематике стимулировано очевидным фактом: СМИ призваны откликаться на острые вопросы современности, реагировать на неоднозначность и нестабильность социальной и политической ситуации в мире с постоянными столкновениями противоречивых ценностей, интересов и целей групп людей и отдельных индивидов.

В контексте основной задачи СМИ — информирования населения о происходящих событиях — медиатопик «ВОЙНА» находит свое отражение в первую очередь в текстах новостного характера. Традиционно под новостными текстами понимаются базовые тексты массовой информации, наиболее полно реализующие информативную функцию, имеющие совершенно определенный формат, отличный от формата прочих типов текстов массовой информации, характеризующиеся устойчивой макро- и микроструктурой, устойчивыми лингвистическими признаками, что позволяет выделить их в отдельный тип дискурса [Добросклонская 2008: 81; Дейк 2000].

К основным лингвистическим особенностям новостных медиатекстов можно отнести клишированность и тематическую связанность лексических структур, наличие терминологии, тщательный подбор лексики для моделирования семантики новостных сообщений, использование постоянных текстообразующих элементов (фраз-связок, ссылок на источники информации, фраз для введения цитат) [Добросклонская 2008: 81].

При освещении медиатопика «ВОЙНА» наблюдается проявление всех указанных черт новостного дискурса. Так, прибегая к шаблонным оборотам и клише, журналисты, опираясь на стандартную схему и структуру текста, дают читателям информацию деловым, «сухим»

тоном, подчеркивая значимость и негативность события, однозначно придавая ему статус «hard news»: *Iraq Conflict: 7 U.S. soldiers killed, 2 others wounded in Central Baghdad [CNN]; The United Nations says violence linked to Syria's crackdown on the revolt has killed more than 9,000 people [Voice of America]; A series of bombs struck close to a dozen Iraqi cities as people went to work Tuesday morning. The greatest number of casualties occurred in Karbala because a second bomb exploded after police and rescue workers arrived [Voice of America].*

«Военная» топикализация новостного текста реализуется за счет введения в него значительного количества тематически узкоспециализированных или терминологических лексем и словосочетаний: *India and Pakistan exchanged fire from armoured vehicles ... in their latest conflict over Kashmir [Internews]; The plan urges both sides to start a cease-fire and a dialogue but does not call for Mr. Assad to step down as part of a political transition [Voice of America]; U.S. Secretary of State Hillary Clinton has called for tough U.N. sanctions to be imposed on Syria if it fails to implement a U.N.-backed peace plan aimed at resolving the country's year-long uprising [Voice of America].*

Новостные тексты отличаются особой динамичностью, ведь их главная цель — передать информацию о событиях, происходящих в городе, стране, мире. В связи с этим в новостных текстах появляются различные неологизмы: *Eurabia* (политический неологизм с отрицательной коннотацией, номинирующий процесс заселения Европы мигрантами арабского происхождения и вызванный к жизни недовольством коренного населения и неослабевающими спорами политиков по поводу ужесточения правил въезда на территорию Евросоюза), *Islamofacism* (неологизм, проводящий параллель между идеологическими характеристиками экстремистских исламистских движений и фашизмом), *Eco-terrorism* (неологизм, обозначающий акты насилия и саботажа, организуемые в защиту экологии) [FEW].

Несмотря на имманентную ориентацию новостного дискурса на объективность, полноту и фактуальность репрезентируемой информации, новостные тексты, освещающие медиатопик «ВОЙНА», характеризуются имплицитной идеологической модальностью, которая проявляется прежде всего в тщательном отборе лексики для описания различных событий политической важности: «В зависимости от точки зрения на мировую политику одни и те же действия могут быть подведены либо под категорию проявлений сепаратизма, либо под категорию борьбы за национальное самоопределение. Кроме того, одна и та же ситуация может быть подведена под категории разной степени конкретности / обобщенности» [Кобозева 2008: 230].

Известный социолог С. Г. Кара-Мурза упоминает в своей книге «Манипуляция сознанием» о специально созданном в США языке для прессы, который был разработан во время войны во Вьетнаме, вследствие чего получил название «вьетлийского» (Vietlish, Vietnam English). В результате этого проекта были созданы огромные словари с лексемами, которые производили на читателя нужное впечатление: «Создание искусственного языка идет по двум направлениям. Ищется приемлемое по денотации слово. То есть выбираются слова, в диапазоне смыслов которого имеется и такой, что может быть притянуто к обозначению данного явления. Пусть даже это один из многих смыслов слова, третьестепенный и малоупотребительный. Но он существует, и не является прямой ложью его использование. „Умиротворение“ и „война“ где-то чуть-чуть перекрываются, так вместо слова „война“ берется „умиротворение“. Второе воздействие слова — коннотация, то есть те ассоциации, которые пробуждает произнесение или прочтение слова» [Кара-Мурза 2000: 156].

Тактика манипуляции лексикой, которая воспроизводит наиболее выгодную картину событий, активируя определенные положительные либо отрицательные образы у читателей, очень часто используется в СМИ при освещении медиатопика «ВОЙНА». Так, из существующих для номинирования конфликта синонимов журналисты выбирают те единицы, которые соответствуют идеологическим установкам и взглядам издания или телеканала. Например, один и тот же политический конфликт может быть номинирован различными лексемами и словосочетаниями: *war, conflict, warfare, blitzkrieg, campaign, crusade, guerrilla, belligerency, militancy, fighting, separatist movement, liberation movement, freedom fight* и т. д. Очевидно, что у данных слов и конструкций есть общая семантика, но в то же время каждое из них обладает собственной коннотативной аурой и ассоциируется на подсознательном уровне с определенной картиной. Т. Г. Добросклонская называет данное явление «войной терминов», одним из важнейших приемов ведения «информационных войн», суть которого заключается в тщательном подборе политической лексики для того, чтобы выгодно расставить идеологические акценты [Добросклонская 2008: 153].

В связи с этим стоит отметить, что в современном англоязычном медиадискурсе наблюдается очевидная тенденция к синонимизации лексем *conflict* и *war*, хотя дефиниционно они должны демонстрировать гиперо-гипонимические отношения: значение полисеманта *conflict* 'armed fighting, war, warfare' занимает следующее после значений 'opposition, antagonism' и 'confrontation, open clash' место в семантической структуре данного имени. Значение имени *war* актуализирует содержательный минимум понятия войны: «armed fighting be-

tween nations» [LDCE: 1185]; «open armed conflict between two or more parties, nations, or states» [CCDEL: 1338]. Однако в СМИ происходит модификация взаимоотношений данных лексем: из иерархических они трансформируются в равностатусные, и указанные лексемы становятся взаимозаменяемыми — имя *conflict* выступает политическим эвфемизмом по отношению к лексеме *war*, а лексема *war* используется для обозначения любого конфликта (не только вооруженного, как требует словарное значение) с целью гиперболизации значимости или влияния данного конфликта: *In a message in February, Osama bin Laden had described the conflict as a war against Islam* [The Daily Telegraph]; *According to one estimate, five and half million people have died in war during the 1990s. The vast majority of these conflicts occur in the developing world* [Development Outreach]; *One answer... is to give young people that have been drawn into these conflicts an alternative to going to war... these wars, while often internal conflicts, affect neighboring countries as well* [Development Outreach]; *Bekarovski is one of 60,000 workers in Macedonia who have lost their jobs as a result of the conflict in Kosovo; The Commons foreign affairs select committee said that attempts by al-Qa'eda to exploit the Iraq conflict could encourage further terrorist attacks against British and American forces* [The Daily Telegraph]; *In 1995, 33 of 34 conflicts in the world were civil wars* [Development Outreach].

Грамматико-синтаксическими особенностями новостных текстов, реализующих исследуемый медиатопик, являются пассивизация речи (пассивные формы глагола используются в случае, если информация передается без ссылки на источник или важно не указывать реального «деятеля» (зачинщика) ситуации), наличие безличных конструкций, наличие в предложениях детерминирующих обстоятельств места и времени, занимающих семантическую позицию темы (а не традиционной для них ремы). Все это объясняется стремлением авторов медиатекстов к созданию у реципиентов объективной картины происходящего: *Heavy fighting was reported from the important town of al-Zawiya, 35 miles west of Tripoli, while armoured units commanded by Gaddafi's son Khamis and other loyalist forces were deployed eastwards along the coastal road towards Misurata, the country's third largest city and a major port — said to be in the hands of rebels who are now equipped with heavy weapons* [The Guardian]; *Before the war, Macedonia industries imported more than 70% of their raw materials from Serbia and Kosovo* [Development Outreach].

Важным признаком текстов новостей является и большое количество глагольных словосочетаний, что позволяет воспроизводить динамику военных событий. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, «в новостных текстах происходит усиление роли глагольной синтагматики, поскольку

содержание новостного текста сводится главным образом к перечню различных событий, имевших место в действительности: talks were held, president arrived, government was formed, space-ship has been launched. Глагол же несет в себе предикацию, т. е. служит способом выражения связи высказываемого с действительностью» [Добросклонская 2008: 107]. Приведем примеры: *Syrian activists report government forces are pounding a rebel-held section of the central city of Homs, the latest violence to grip a nation already losing its hold on an ever shakier cease-fire* [Voice of America]; *China, which has blocked stronger U.N. action against the Syrian regime, said it was ready to do more to uphold the truce — saying it is willing to contribute observers to the U.N. mission* [Voice of America].

К наиболее заметным стилистическим особенностям новостных текстов, освещающих медиатопик «ВОЙНА», можно отнести наличие ссылок и цитат, которые представляют информацию как максимально достоверную и объективную, а кроме того, помогают создать определенный образ ситуации, повлиять на мнение читателя о представленном событии. По этому поводу Г. Я. Солганик пишет: «„Вырванные“ из контекста цитаты позволяют манипулировать общественным сознанием, так как в них может не быть правды, но всегда есть правдоподобие. Журналисты сокращают цитаты, интерпретируют их, расширяют с помощью журналистского комментария, пересказывают в соответствии со своим коммуникативным намерением» [Солганик 2003: 488]. Приведем примеры цитирования: *The Commons foreign affairs select committee said that attempts by al-Qa'eda to exploit the Iraq conflict could encourage further terrorist attacks against British and American forces* [The Daily Telegraph]; *United Nations Secretary-General Ban Ki-moon also expressed grave concern about the latest escalation in violence between Gaza and Israel, saying civilians were paying a “terrible price.” In remarks to the Security Council Monday, he said rocket fire on Israeli civilians is “unacceptable,” and he also urged Israel to exercise “maximum restraint”* [Voice of America].

Кроме того, при освещении военных событий в новостных текстах часто встречаются метафоры и образные сравнения, например уподобляющие войну и какие-либо негативные явления и события болезни: *Sporadic outbreaks of fighting were the outbreaks of a catching disease; Conflict in Kashmir: as war fever mounts, Pakistan's leader is negotiating a potentially deadly sequence of domestic constraints* [The Economist]; *War has spread and become endemic in Sierra Leone* [Development Outreach].

Таким образом, определенный подбор лексических, грамматических и стилистических конструкций позволяет наиболее выгодным для определенного СМИ образом репрезентировать медиатопик «ВОЙНА» и тем самым создать тот или иной образ данного события или мнение о нем у реципиентов новостных медиатекстов. При этом, с одной стороны, выполняется информативная функция СМИ — адресат получает информацию, — а с другой стороны, реализуется воздействующая функция: от способа подачи информации зависит восприятие и оценка адресатом сообщаемых фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. д-р филол. наук, проф. Володина М. Н. — М. : Изд-во МГУ, 2008.
2. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 2000.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М. : Флинта, 2008.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000.
5. Кобозева И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. д-р филол. наук, проф. Володина М. Н. — М. : Изд-во МГУ, 2008.
6. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. д-р филол. наук, проф. Володина М. Н. — М. : Изд-во МГУ, 2008.
7. Солганик Г. Я. Язык печати // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. д-р филол. наук, проф. Володина М. Н. — М. : Изд-во МГУ, 2003.
8. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. — СПб., 2002.
9. Danuta R. The Language of Newspaper. — N.Y. : Routledge, 2002.
10. Development Outreach: inform. magazine / The World Bank Institute. — Washington DC, 1999— 2010. (Quarterly).
11. Internews : inform.-analyt. magazine. URL: <http://www.internews.com>.
12. LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English : in 2 Vol. — Longman, 1992.
13. MWOD = Merriam—Webster's Online Dictionary. URL: www.merriam-webster.com.
14. The Daily Telegraph : quality newspaper / Daily Telegraph Limited. — L. : Daily.
15. TFD = The Free Dictionary. URL: www.thefreedictionary.com/.
16. The Guardian : daily newspaper. URL: <http://www.guardian.co.uk>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. В. Будаев

УДК 81'27
ББК Ш1003

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 23.00.02; 10.02.19

А. Ю. Еременко
Москва, Россия

A. Y. Eremenko
Moscow, Russia

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА «ИМИДЖ» В ПОЛИТОЛОГИИ

THE SEMANTICS OF THE TERM "IMAGE" IN POLITICAL SCIENCE

Аннотация. Термин «имидж» широко используется в современном научном дискурсе. В контексте большинства научных публикаций в рамках отечественной политологии понятие функционирует как синонимом таких, как «бренд», «репутация», «образ». В результате анализа сущностного содержания предложенных понятий устанавливается собственная семантика многогранной категории «имидж».

Abstract. The term "image" is a category, which is represented in modern scientific sphere. In the context of the most scientific publications "image" is used as a synonym for "brand", "reputation" and "stereotype". So there is a negative impact on the development of a theoretical framework of imageology because of the absence of a unified approach to the meaning of "image". The author believes that such complex category as "image" has its own semantics.

Ключевые слова: политический имидж; бренд; образ; репутация; стереотип.

Key words: political image; brand; image; reputation; stereotype.

Сведения об авторе: Еременко Анна Юрьевна, аспирант 2 года обучения кафедры политического анализа.

About the author: Eremenko Anna Yurievna, Post-graduate Student of the Chair of Political Analysis.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Place of employment: Moscow State University name after M. V. Lomonosov.

Контактная информация: 119234, г. Москва, Воробьевы Горы, 1-й корп. гуманитар. ф-тов, к. 421.
e-mail: annae.msu@inbox.ru.

Термин «имидж» в советской науке появился в 80-х гг. прошлого века. Несмотря на активное употребление этого термина в научных работах различных направлений, в настоящий момент нет единого подхода к его пониманию.

Актуальность данной статьи продиктована недостаточной разработанностью понятия «имидж» — базового концепта политологических исследований в области построения имиджа государства и его отдельных институтов. Определение ключевых понятий требует дальнейшей концептуализации.

В российских научных публикациях, посвященных построению эффективного имиджа государства, его отдельных институтов и политических лидеров, используются определения «имидж», «образ», «репутация» и «бренд». При этом в контексте большинства работ данные термины предстают некими метаструктурами, которые по своему значению и смысловой нагрузке либо синонимичны, либо находятся в одном смысловом поле. Как правило, авторы не акцентируют внимание на проблеме смешения близких понятий. Между тем это не совсем правильно: слово «имидж» обладает собственной семантикой. Расхождения в его трактовке обусловлены многозначностью лексемы «image» в английском языке: чаще всего она употребляется в значении «образ», но имеет и другие переводы — «идол», «подобие», «икона», «изображение», «картинка» и пр.

В словаре иностранных слов приводится следующее определение интересующего нас понятия: «Имидж — целенаправленно формируемый (средствами массовой информации, литературой и др.) образ какого-либо лица,

предмета, явления, призванный оказать на кого-либо эмоциональное и психологическое воздействие с целью рекламы, популяризации и т. п.» [Васюкова 1998: 195].

А. И. Соловьев отмечает, что под имиджем в политологии подразумевается сознательно сконструированный образ (индивида, партии, государства) [Соловьев 2003: 473]. Другие авторы утверждают, что это — воображаемый образ объекта у граждан страны и зарубежья, причем имидж — специально моделируемое отражением, т. е. отражение созданного профессионалами на основе некоторой реальности образа [Влияние политического имиджа...].

В трактовке А. Ю. Панасюка имидж объекта — это мнение об объекте, возникшее в психике определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного в результате либо прямого восприятия тех или иных характеристик объекта, либо косвенного (восприятия уже оцененного кем-то образа, восприятия мнения, сформированного в психике других людей) [Панасюк 2012].

Согласно другим определениям, имидж — это имеющая характер стереотипа эмоционально окрашенная совокупность представлений о каком-либо объекте [Терминологический словарь]; искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия [Зайцев]; индивидуальный облик, или ореол, создаваемый СМИ, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к нему внимания, также имеет место в современном дискурсе о сущностном значении данного понятия [Шепель]; целенаправленно форми-

руемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и пр. [Политический словарь].

С. В. Лавров в своем выступлении привел в качестве русского аналога западному термину «имидж» лексему «образ» [Пресс-конференция по итогам...]. Такая точка зрения широко распространена, поскольку на Западе не различают слова «образ» и «имидж»: лингвистические особенности германских и романских языков не предполагают разграничение данных понятий.

Таким образом, определений понятия «имидж», в том числе противоречивых, достаточно много, и среди нет общепринятого.

При трактовке имиджа в отечественной науке ключевым часто выступает понятие образа. Следует учитывать, что в русском языке слово «образ» тоже имеет несколько значений («облик», «внешность», «представление» и пр.). В целом под образом подразумевается субъективное отражение действительности в психике человека. Чтобы понять, что такое «образ» и как он пересекается с «имиджем», обратимся к психологии.

В научном дискурсе термин «образ» определяется по-разному: как непосредственное или опосредованное отражение реальности в форме целостной невербальной структуры [Психологический словарь]; как субъективная представленность предметов окружающего мира, обусловленная чувственно воспринимаемыми признаками, а также гипотетическими конструктами. Являющийся основой для реализации практических действий по овладению окружающим миром, «образ» также определяется характером этих действий, в ходе которых исходный образ видоизменяется, все более удовлетворяя практическим нуждам [Там же]. П. Я. Гальперин предлагает называть образами все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира [Гальперин 2008: 275].

В психологии решается задача разграничения понятий «отражение» и «образ». Проблематичным является вопрос о том, какое именно «отражение» («интегральное» или «все, всякое») формирует «образ». Способность психики отражать реальную действительность пронизывает все уровни психической организации (от сенсорно-перцептивного уровня сознания до интеллектуального). При этом каждому уровню отражения реального мира в психике человека может соответствовать специфичный образ, выполняющий определенные функции в психической организации. Тем самым выстраивается иерархия. Так, сенсорно-перцептивные образы служат основой для возникновения более сложных по своей структуре и функциям образов, так называемых вторичных (представление, образы памя-

ти, образы воображения). Главной характеристикой последних является то, что они формируются не извне, под непосредственным воздействием объектов реального мира, а путем трансформации чувственных образов, сохранившихся в памяти [Полищук].

Проще говоря, образ связывает внешний и внутренний мир, характеристики реальности (время, последовательность и проч.) трансформируются в характеристики внутреннего психического поля, порождая образы.

Если учитывать, что имидж — это сознательно сконструированный извне образ, очевидно, что он как некий эмоционально-окрашенный элемент в психике человека возникает в массовом сознании путем применения инструментов массовых коммуникаций. В дальнейшем первичные эмоциональные образы, возникшие в психике человека, могут трансформироваться (с учетом влияния шумов, кросс-коммуникаций, интеллектуальной деятельности человека и реальной практики) в образы другого уровня. Стоит отметить, что, согласно одному из подходов к природе имиджа, он может формироваться и естественным образом, путем рациональной эволюции того или иного объекта, имея рационально-рассудочную окраску.

Наряду с *имиджем* в научных работах используются такие понятия, как *репутация* и *бренд*. Часто эти термины преподносятся абсолютными синонимами, что неверно. По мнению И. М. Дзялошинского, имидж, репутация, бренд являются результатом коммуникационного процесса. Главное различие между этими образами заключается в том, что они воспринимаются, хранятся и используются разными «комплексными» человеческого сознания [Круглый стол...].

При сопоставлении сущностных черт понятий *имидж* и *репутация* следует отметить ряд важных моментов. Имидж представляет собой упрощенное восприятие объекта в массовом сознании, сводится к некой формуле, способной обеспечить быстроту восприятия и внутреннюю классификацию объектов действительности («хорошо — плохо», «подходит — не подходит»). Репутация определяет меру доверия к чему-либо со стороны окружающих. Другими словами, репутация есть отражение в специализированном (профессиональном) сознании индивида или социальной группы характеристик объекта, определяющих возможность сотрудничества (взаимодействия) с этим объектом. Репутация базируется на прошлых впечатлениях об объекте, которые, в свою очередь, основаны на личном опыте работы с объектом. Репутация способствует распространению того или иного мнения об объекте — суждения, выраженного в конкретных речевых модулях.

Таким образом, репутация — поступательно-рассудочная категория, определяющая от-

ношение, которое возникает в результате осознанного выбора, рационального аргументированного сравнения, а имидж дает иллюзию качеств и свойств, но вместе с тем может выступать базой для построения репутации. Репутация определяется прошлым взаимодействием с объектом и имеет свойство распространяться самостоятельно. Проще говоря, имидж основан на эмоциональном базисе, представляет из себя одновекторную заданную внешнюю коммуникацию. Репутация обладает рассудочной природой, оценочным знанием, приобретенным путем многосторонней коммуникации.

Прежде чем сопоставить понятия *имидж* и *бренд*, приведем несколько определений последнего. Бренд — это разновидность положительного имиджа с элементами уникальности и оригинальности, совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики объекта [Важенина 2012]. Согласно другому определению, бренд — это совокупность представлений, ассоциаций, образов, идей и обещаний, которые складываются в умах людей о конкретном продукте или компании.

Ф. Котлер и К. Келлер рассматривают бренд как «предложение ценности от известного источника, где ценностью является все то, что может быть предложено покупателю для удовлетворения его потребности» [Цит. по: Мильберт 2008: 193]. Ученые исходят из того, что ценность для потребителя сочетает осязаемое и неосязаемое, а воплощением потребительской ценности товара является комбинация продукции, услуг, информации и впечатлений.

Обращаясь к сущностным чертам понятий «имидж» и «бренд», видим очевидное сходство целей бренда и имиджа, а именно: формирование положительного отношения к объекту (организации, личности и проч.). Сближает эти явления также ментальность их природы.

Вместе с тем данные понятия следует разводить. Бренд — термин, который чаще всего используется в сфере маркетинга. В политологии также существует брендинговый подход к построению имиджа государства и его отдельных территорий, институтов.

Представляя собой символическое воплощение комплекса информации относительно конкретного объекта, бренд обычно включает в себя название, логотип, товарный знак и другие визуальные элементы (шрифты, цветовые схемы и символы). Брендом может быть и здание, и услуга, и событие, и территория, и человек, и партия, — другими словами, целенаправленно созданное, устойчивое и целостное представление о некотором объекте, существующее в сознании его потребителей.

В процессе брендинга условно можно выделить некоторые характерные этапы. Этап

«впечатления» — первый период контакта с брендом, опосредованный эмоциональной и информационной составляющей. Далее следует «предвкушение», что подразумевает переживание «обладания», «присвоения» бренда, в структуре чего просматриваются два компонента. Первый компонент — переживание эмоций от «обладания» брендом. Второй компонент обладает социально-психологической природой: это впечатление, производимое на окружающих, собственный статус после «получения» бренда. В рамках данной модели формирования бренда имидж следует интерпретировать как элемент первого этапа — «впечатления» от контакта с брендом. Более того, бренд возникает как результат длительных отношений субъекта с объектом, в ходе которых бренд демонстрирует реальные качества и характеристики позитивного толка. Имя и атрибуты бренда требуют юридической защиты, формальной регистрации. Поэтому можно сказать, что имидж по сравнению с брендом — феномен более неоднозначный и многогранный. Так, имидж, обладающий большими регуляторными свойствами, при этом может быть неустойчивым и противоречивым. Бренд — устойчивый уникальный образ объекта, получивший признание и укоренившийся в сознании целевой аудитории, который не формируется самостоятельно и требует постоянного управления, в то время как имидж может формироваться и существовать стихийно.

Таким образом, *имидж*, *репутация* и *бренд* — связанные между собой и дополняющие друг друга грани одного явления. Данные категории объединяет коммуникационное пространство существования, ментальный характер, а также одна общая задача, а именно: формирование позитивного отношения к некоторому заданному объекту (государству, территории, организации и проч.).

Обратим внимание на другое важное понятие, имеющее отношение к проблематике имиджа — *стереотип*.

Стереотип чаще всего рассматривается как весьма упрощенная, но в то же время устойчивая психическая категория, основанная на обобщении личного опыта, предвзятых представлениях, стремлении быстро понять смысл и сущность явления [Мельник].

Стереотип обладает двойственной природой: он является и оценкой, и психологической установкой. Стереотипные оценки и установки основаны на эмоциях (на симпатиях, культурных особенностях социальных групп и проч.) и не аргументированы. Таким образом, стереотип обладает мощной регулирующей силой для индивидов. И имидж, и стереотип влияют на сознание человека, очерчивая определенные границы поведения индивида. Под этим углом зрения имидж обладает характерными чертами стереотипа, но не является его полным синонимом.

Основное отличие заключается в характере формирования образов. Стереотип генерализирует явление в виде минимального набора характеристик, некоторые из которых чрезмерно упрощаются: в результате индивид получает сжатое утрированное представление о некой категории. Имидж способен наделить объект или явление выгодными характеристиками, которые могут не соответствовать реальным возможностям объекта. Имидж — более гибкая и изменчивая категория, которая оперативно откликается на изменения внешней обстановки. Стереотип, напротив, сохраняется неизменным на протяжении долгого времени.

Таким образом, имидж — независимая категория, которая, хотя и разделяет некоторые свойства с такими понятиями, как «бренд», «репутация» и «стереотип», обладает рядом сущностных черт.

Во-первых, имидж представляет собой идеальную ментальную структуру, возникающую в сознании людей. Имидж трудноуловим, его можно оценить только при изучении реакции целевой аудитории, ее выбора, поведения и т. д., т. е. имидж возникает всегда в группе людей. Во-вторых, имидж — это мнение об объекте, явлении, сложившееся на основе образа. В-третьих, имидж является следствием прямого или опосредованного восприятия внешних или внутренних характеристик объекта. Имидж — целостная категория, имидж направлен на упрощение и обобщенное представление. При этом имидж может характеризоваться неустойчивостью, вызванной сложностью содержания имиджа. Таким образом, данный феномен требует подкрепления и управления со стороны субъектов, которые его формируют.

Следует отметить, что имидж, являясь конструктом иллюзорного мира человека, вместе с тем не оторван от реальности: «наигранное», чрезмерное приукрашивание вызывает недоверие и неустойчивость формируемого имиджа. В то же время имидж не может транслировать только жесткие, неизменные установки, ему требуется гибкость, чтобы соответствовать целям и задачам меняющейся действительности в соответствии с установками субъекта управления.

Другими словами, имидж — это целенаправленно формируемый образ об объекте у некоторой аудитории на основе базового психического образа, возникшего через прямой или опосредованный контакт с объектом.

Имидж является многосоставной категорией, формируется сознательно, а также обладает характером стереотипа. Имидж создается инструментами массовой коммуникации с целью манипуляторного управления массовым сознанием целевой аудитории относительно того или иного объекта — организации, государства, институтов, лидеров и др. Очевидно, такие явления, как образ, стереотип, репута-

ция, имидж, находясь в едином смысловом поле, образуют иерархию в сознании группы индивидов. Под влиянием статичных стереотипов в сознании человека формируется образ объектов. Имидж при этом выступает направленно формируемым образом, внедряемым инструментами манипуляторного характера с использованием стереотипов и образов, сформированных в сознании под влиянием последних. Репутация — продукт сложившегося в сознании группы людей мнения относительно определенного объекта.

При формировании имиджа личности, института или такого глобального актора, как государство, следует учитывать специфику всех разобранных понятий и четко представлять себе суть их происхождения, особенностей формирования и функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Важенина И. С.* Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // *Управленец*. 2010. №5—6.
2. *Васюкова И. А.* Словарь иностранных слов. — М.: Аст-пресс, 1998.
3. *Влияние политического имиджа государства на экономический рост.* URL: <http://lucky.ucoz.ua/publ/29-1-0-37> (дата обращения: 10.04.2012).
4. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. — М.: Директ-Медиа, 2008.
5. *Дагаева Е. А.* Сравнительный анализ понятий «имидж», «деловая репутация» и «бренд». URL: <http://proactiveclub.ru/index.php/biblioteka/10-statya/39-2011-01-29-13-36-13> (дата обращения: 17.04.2012).
6. *Зайцев А.* Искусственный образ. URL: <http://www.nppress.ru/component/content/article/141-iskusstvennyj-obraz.html> (дата обращения: 11.04.2012).
7. *Круглый стол* на тему «Имидж. Репутация. Капитализация». URL: <http://www.pr-line.ru> (дата обращения: 16.04.2012).
8. *Логунцова И. В.* Технология брендинга в государственной политике России // *Вестник Моск. ун-та. Управление (государство и общество)*. Сер. 21. 2007. № 4.
9. *Мельник Г. С.* Стереотип, формирование стереотипов в процессе массовой коммуникации. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype1.htm> (дата обращения: 29.03.2012).
10. *Мильберт И. П.* Эволюция брендов и роль брендинга в постиндустриальной экономике // *Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2008. № 67.
11. *Михайленко Т. А., Лебедева Т. П.* Имидж государства в мировом политическом пространстве: структурные модели формирования // *Вестник МГУ. Сер. «Управление»*. URL: <http://tm-communications.ru/article/12/imidzh-gosudarstva-v-mirovom-politicheskom-prostranstve-strukturnye-modeli-formirovaniya> (дата обращения: 29.03.2012).
12. *Московский психол. журн.* URL: <http://magazine.mospsy.ru> (дата обращения: 04.04.2012).
13. *Ольшанский Д. В.* Политический PR. — СПб.: Питер, 2003.
14. *Панасюк А. Ю.* Имидж : энцикл. слов. — М.: РИПОЛ классик, 2007.
15. *Панасюк А. Ю.* Имидж: определение центрального понятия имиджологии. URL: <http://www>.

academim.org/art/pan1_2.html (дата обращения: 15.04.2012).

16. *Политический словарь*. URL: http://mirslovarei.com/content_pol/politicheskij-imidzh-1269.html (дата обращения: 14.04.2012).

17. *Полицук Е. А.* Подходы к пониманию категории образа в психологии. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2010/psih11.html> (дата обращения: 12.04.2012).

18. *Пресс-конференция* по итогам деятельности российской дипломатии в 2010 году. URL: <http://www.rusconshanghai.org.cn/archives/1> (дата обращения: 10.04.2012).

19. *Психологический словарь*. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 11.04.2012).

20. *Соловьев А. И.* Политология. Политическая теория, политические технологии. — М. : Аспект Пресс, 2003.

21. *Терминологический словарь*. URL: <http://ayp.ru/library/psikhologiya-massovoi-kommunikatsii/4924> (дата обращения: 10.04.2012).

22. *Фролов Е. В.* Политический имидж институтов государственной власти России. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/frolov.html> (дата обращения: 17.04.2012).

23. *Чумиков А. Н., Бочаров М. П.* Связи с общественностью: теория и практика. — М. : Дело, 2003.

24. *Шенель В. М.* Введение в имиджологию. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/19.htm> (дата обращения: 12.04.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. полит. наук, доц. Е. В. Андрюшина

О. В. Загоровская, Г. А. Заварзина
Воронеж, Россия

O. V. Zagorovskaya, G. A. Zavarzina
Voronezh, Russia

**ИННОВАЦИИ,
СВЯЗАННЫЕ С ОБНОВЛЕНИЕМ
ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА,
В ЯЗЫКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**INNOVATIONS FORMATION
AND FUNCTIONING,
CONNECTED WITH THE RENEWAL
OF MODERN RUSSIAN STATE
ADMINISTRATION LEXICS**

Аннотация. Анализируются слабые инновации, связанные с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России. Описываются механизмы создания собственно семантических неологизмов, среди которых наиболее продуктивными являются метафорические, метонимические и родо-видовые (сужение, расширение значения, семантический сдвиг) переносы. Отдельно исследуется развитие новых производных значений в плане содержания словесных знаков тематической сферы «Государственное управление», сопровождающееся качественными и количественными изменениями на уровне отдельных семантических компонентов.

Abstract. The presented article deals with the problem of weak innovations' formation and functioning, connected with the renewal of modern Russian state administration lexis. The paper introduces the description of proper-semantic neologisms creative methods. The most productive ones are the following: metaphorical, metonymical and gender-aspect transfers (narrowing / broadening of meaning, semantic displacement). Special attention is given to the investigation of new derivatives development processes in the content of word signs in the "state administration" sphere. These processes are followed by qualitative and quantitative changes at the level of separate semantic components.

Ключевые слова: собственно семантические инновации; слабые неологизмы; тематически переориентированные семантические неологизмы; метафорические, метонимические, родо-видовые переносы; денотативный, эмотивный, собственно языковой компоненты значения.

Key words: proper-semantic innovations; morphological neologisms; thematically re-orientated semantic neologisms; metaphorical, metonymical, gender-aspect transfers; denotative, emotive, language components of the meaning.

Сведения об авторе: Загоровская Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и современной русской и зарубежной литературы.

About the author: Zagorovskaya Olga Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language and Modern Russian and Foreign Literature.

Место работы: Воронежский государственный педагогический университет.

Place of employment: Voronezh State Pedagogical University.

Контактная информация: 394611, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86а.
e-mail: olzagor@yandex.ru.

Сведения об авторе: Заварзина Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и современной русской и зарубежной литературы.

About the author: Zavarzina Galina Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Modern Russian and Foreign Literature.

Место работы: Воронежский государственный педагогический университет.

Place of employment: Voronezh State Pedagogical University.

Контактная информация: 394611, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86а.
e-mail: zga1311@mail.ru.

Сфера государственного управления, являющаяся одной из важнейших сфер общественной жизни, в современную эпоху глобальных социально-политических и экономических перемен в России претерпевает серьезные трансформации, отражающиеся в лексической системе русского языка, в ее активном пополнении за счет инноваций семантического характера. Собственно семантические инновации, по мнению профессора О. В. Загоровской, характеризуются изменениями в семантической структуре слова в целом или изменениями в содержании денотативного и эмотивного компонентов отдельного значения словесного знака. При этом трансформации в семантиче-

ской структуре словесных знаков могут проявляться в увеличении или уменьшении количества семем. Новации в содержании денотативного и эмотивного компонентов значения словесных знаков исследуемой тематической сферы в новейший период чаще всего предстают как снятие так называемых «идеологических наслоений» в семантике языкового знака или «переориентация» номинаций [Загоровская 2001: 10].

Как показывают исследования, основными типами семантических изменений, приводящих к возникновению семантических неологизмов в рамках внутрисловной семантической деривации, являются семантические (метафориче-

ские, метонимические и родо-видовые) переносы, приводящие к перекатегоризации известного понятия.

Как показал анализ, самым продуктивным семантическим механизмом образования собственно семантических неологизмов в тематической сфере «Государственное управление» является *метафоризация*, способствующая формированию ассоциативных связей между относящимися к различным областям человеческого опыта предметами и явлениями. Учитывая особенности механизма образования метафорических номинаций тематической сферы «Государственное управление», мы выделили наиболее яркие модели метафорического переноса: 1) метафорический перенос, основанный на сходстве функций, а также характера, способа, результата действия: *настройка правительства, распечатывание госгарантий, зависающий законопроект, продавить законопроект, проштамповать поправку, раскатать сектор* и др.; 2) метафорический перенос, основанный на сходстве принципа внутреннего устройства, количества составляющих элементов: *вертикаль, вертикальный, верхние этажи власти, барьеры административные, рычаги принятия государственных решений* и др.; 3) метафорический перенос, основанный на сходстве внешнего вида, размеров и величины предметов: *пакет инициатив, пирамида из ветвей власти, бюрократический коридор* и др.; 4) метафорический перенос, основанный на сходстве значимости признаков или общего впечатления от предметов: *прозрачная вертикаль, замятое поручение, рамочный документ, мягкие трансформации госуправления* и др.

При образовании семантических неологизмов тематической сферы «Государственное управление» путем метонимизации используются следующие семантические модели: 1) содержащее — содержимое: *Охотный ряд* в значении «Государственная дума РФ», *Белый дом, Кремль, портфель поручений, левые инициативы, свободный микрофон* и др.; 2) признак объекта — признак другого объекта, как-либо связанного с первым объектом, изготовленного из него или использующего его: *тандемный* в значении 'входящий в тандем Путина — Медведева' и 'рекомендованный тандемом', *нечестные методы, карманный госорган* и др.; 3) действие — результат действия: *наработки* и др.

Родо-видовые трансформации связаны с расширением (напр., *знаковый* в значении 'отличающийся особой важностью', *институт президентской власти* и др.) или сужением (ср.: *площадка* для решения административно-государственных вопросов, *тандем, зачистка* и др.) исходного значения производящего слова. Наблюдается также семантический сдвиг, прежде всего в так называемой переориентированной лексике, именующей органы госу-

дарственной власти и представителей власти (ср.: *парламент, президент, премьер, премьер-министр, мэр, мэрия, вице-мэр, вице-президент, вице-премьер, вице-спикер, сенат, сенатор, спикер, экс-премьер-министр, экс-президент, экс-премьер, экс-мэр, экс-министр, префект, префектура, департамент, нижняя/верхняя палата, центр, лобби, омбудсмен, муниципалитет, госслужащий* и др.), а также управленческие мероприятия и негативные тенденции в органах государственной власти (ср.: *разделение властей, бюрократизм, бюрократия, бюрократ, валоризация, вертикальная концентрация, вето, коррупция, коррупционный, кризис, протекционизм, праймериз, лоббировать* и др.). Семантический сдвиг проявляется в исчезновении в плане содержания названных словесных знаков идеологизированных денотативных сем, указывающих на отнесенность той или иной реалии к «буржуазному миру» или «эксплуататорскому/капиталистическому обществу».

Безусловно, процесс развития новых производных значений в плане содержания словесных знаков, соотносимых с обозначениями понятий сферы государственного управления, проявляется прежде всего в количественных и качественных изменениях на уровне денотативного компонента значения словесных знаков. Вместе с тем в некоторых случаях названное явление сопровождается изменениями, затрагивающими *эмотивный, или эмоционально-оценочный, и собственно языковой компоненты* значения слов, относящихся к тематической сфере «Государственное управление».

Как показало исследование, большинство слов, выступающих в качестве производящей базы в процессе внутрисловной семантической деривации, имеет в составе эмотивного компонента значения нейтральные в оценочном отношении семы. В процессе развития нового значения во многих случаях в эмотивном компоненте значения никаких изменений не происходит (ср.: *площадка, парламентаризм, мэрия, сенат, президент, префектура* и др.).

Отдельные словесные знаки, именуемые понятиями из сферы «Государственное управление», в настоящее время являются отрицательно или положительно окрашенными. В первую очередь это относится к лексемам, обозначающим негативные (*коррупция, бюрократия* и др.) или позитивные (*прозрачный* и др.) явления и понятия. В то же время некоторые семантические неологизмы (ср.: *лобби, протекционизм* и др.), обозначавшие ранее отрицательно оценивавшиеся понятия, обнаруживают изменения в эмоционально-оценочном компоненте значения, связанные, как правило, с трансформациями в содержании денотативного компонента значения словесных знаков рассматриваемой сферы, т. е. с разрушением идеологизированных семантических компонентов, содержащих информацию о

принадлежности явлений к буржуазному или капиталистическому обществу.

Изменения в *собственно языковом* компоненте плана содержания словесных знаков анализируемой тематической сферы проявляются в трансформациях на *парадигматическом и синтагматическом* уровнях структуры значения. Появление семантических инноваций, безусловно, обуславливает формирование новых синонимических и антонимических отношений словесных знаков, а также расширение возможностей их лексической и семантической сочетаемости. Примером может служить расширение содержания парадигматического микрокомпонента в значении слова *премьер-министр* за счет формирования синонимического ряда: премьер — *глава правительства — председатель правительства*. Аналогичные случаи: президент — *глава РФ*; мэрия — *администрация города*; правительство — *кабинет министров*; парламент — *Федеральное собрание; Сенат — Совет Федерации — верхняя палата Федерального собрания*; Государственная дума — *нижняя палата Федерального собрания*; парламентарий — *член Федерального собрания*; вице-премьер — *зампред правительства*; муниципалитет — *орган местного самоуправления*. Отмеченное явление свидетельствует «о постепенном закреплении в неофициальном языке некоторой новой системы наименований должностей, органов власти и территорий, во многом не совпадающей с официальной терминологией, но значительно более упорядоченной и последовательной. Возможно, система наименований, возникающая в СМИ, — прообраз естественно возникающей унифицированной системы официальных административных терминов» [Шмелев 2004: 6].

В настоящее время происходят изменения и в антонимических отношениях лексических единиц сферы нового российского государственного управления. Так, например, как антонимы в настоящее время выступают лексические единицы *поручения — команды, приказы*: *К главе Минздравсоцразвития Татьяне Голиковой у президента не было претензий. Тем более что она расширила перечень поручений президента губернаторам* (Коммерсантъ, 02.2010); *...управление в СССР осуществлялось на началах, не стимулирующих предприятия к высокопроизводительному труду, экономически не интересовавшихся их в эффективных итогах своей работы, которые достигались преимущественно путем „приказов“, „команд“ и т. п.* [История государственного управления... 2002: 45].

Подобные изменения синонимических и антонимических связей, охватывающих лексику тематической сферы «Государственное управление», свидетельствуют о динамике развития данной сферы и трех направлениях изменений, обусловленных внеязыковыми

факторами и проявляющихся в вестернизации административного языка, в актуализации некоторых лексических единиц дореволюционной и советской действительности, а также в использовании самобытных номинаций (ср. *хурал, суглан* и др.).

Появление семантических инноваций обуславливает также формирование новых синтагматических связей. Ср.: *кампания избирательная, предвыборная, президентская* (вместо привычной сочетаемости с определениями *уборочная, посевная, разъяснительная, пропалочная, учетно-урожайная, хлебозаготовительная*); *поручение президента, премьера, правительственное* (вместо прежнего *пионерское, комсомольское, партийное*); *правительство российское, путинское* (вместо *советское, рабочее, рабоче-крестьянское* и др.).

Как показало настоящее исследование, достаточно большую группу лексических единиц образуют так называемые *тематически переориентированные семантические неологизмы* (термин проф. О. В. Загоровской), представленные словесными знаками, пришедшими из других сфер: *из сферы экономики* (ср.: *пул — экон.* 'Временное объединение предпринимателей или компаний, при котором прибыль всех участников поступает в общий фонд и затем распределяется между ними согласно заранее установленной пропорции' [Крысин 1998: 577]; в контексте — 'совокупность государственных решений': *При этом, вообще говоря, можно было предположить, что будет разработан некий стандартный пул инструментов адресной помощи компаниям и, что еще более важно, пул стандартных (и гласных — хотя это уже из области мечтаний) условий и процедур доступа к такой помощи* (Эксперт, 02.2010)); *из компьютерной сферы* (ср.: *формат — информ.* 'О способе расположения и представления данных в памяти компьютера...' [ТСРЯ 2008: 1036]; в цитате — 'способ общения представителей государственных структур': *К сожалению, 18 регионов оказались аутсайдерами в подготовке нового формата оказания государственных услуг* (Российская газета. 2011. Март); *В формате „тройки“ внимание сфокусировано также на конкретных аспектах, связанных с полномасштабным функционированием самого Таможенного союза* (Известия. 2011. Июнь)); *из военной сферы* (ср.: *война (закон)* — 'противоречия между законодательными актами': *Большое внимание на слушаниях было отведено войне законов* (Российская газета. 2008. Февр.), *наращивать (расходы): Нарращивать государственные расходы можно в пределах уровня роста экономики, не больше 4 % в год* (Коммерсантъ. 2011. Июнь)); *из сферы медицины* (ср.: *перекрыть кислород* — 'лишить жизненно необходимых средств, пресечь какую-нибудь деятельность, обычно как мера силового давления' [ТСРЯ 2008: 457]; *синдром*

(путинский, путинско-медведевский) — ‘совокупность черт известной личности или признаков общественного явления, обычно имеющего негативные последствия; комплекс психологических реакций общества на эти события’ [ТСРЯ 2008: 913]; *нестерильный* (о выборах) — ‘нечестный, сопровождавшийся нарушениями закона’; *иммунитет* (депутатский, бюджетный, межрегиональный); *левая точка* и др.); *из сферы спорта* (ср.: *ралли* (предвыборное) — ‘о напряженной конкуренции в чем-либо; о быстром изменении, развитии чего-нибудь’ [ССЖП: 835]; *скамейка запасных* — ‘резерв кандидатов на замещение значимых государственных должностей’ [Там же: 129]: *Как известно, „скамейку запасных“ при Путине пополняли два источника, во многом совпадавших — „литерцы“ и „чекисты“* (Коммерсантъ. 2010. Февр.); *из сферы искусства* (ср.: *кулуары* — ‘о помещении вне зала заседаний в парламенте, на съезде для неофициального обмена мнениями’ [ТСРЯ 2008: 523]; *сценарий* (развития экономики, политики): *„Чтобы реализовать инновационный сценарий развития экономики, нужно смириться с сокращением расходов и дефицитом бюджета“*, — заявила министр экономического развития Эльвира Набиуллина (Известия. 2011. Февр.); *ангажированность*: *Так, Владимир Жириновский заявил о политической ангажированности бюджета, Геннадия Зюганову не понравилась чрезмерная зависимость от конъюнктуры цен на нефть* (Газета. 2009. Ноябрь.); *из текстильной сферы* (ср.: *ткань* (управленческая), *нити* (госуправления): *В итоге управленческая ткань, в которой раньше доминировали нити горизонтальные и не хватало вертикальных, теперь перенасыщена вертикальными нитями и страдает от недостатка горизонтальных* (Известия. 2007. Март.).

Следует отметить, что при формировании собственно семантических инноваций в системе интернациональной лексики возникают определенные сложности в решении вопроса о

происхождении нового значения. В данном случае развитие новых лексико-семантических вариантов может быть результатом семантического калькирования. Так, например, слово *секвестр*, соотносимое в русском языке с финансовой сферой и имевшее значение «ограничение или сокращение расходной части государственного бюджета» [Крысин 1998: 628; ТСРЯ 2008: 894], в настоящее время расширяет область своего использования и получает обобщенное детерминологизированное значение «сокращение чего- или кого-либо»: *Это только начало секвестра чиновничьих рядов, и в будущем плановые сокращения будут продолжены* (Известия. 2011. Янв.).

Очевидно, что появление семантических неологизмов в лексике тематической сферы «Государственное управление» в современном русском языке обусловлено различными причинами: с одной стороны, стремлением к однословному обозначению реалий, имеющих в языке описательное выражение, с другой — необходимостью в обозначении новых реалий, явлений или понятий, появление которых связано с изменениями в сфере госуправления российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Загорская О. В.* Лексические инновации в русском языке новейшего периода // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX—XXI веков. — Воронеж, 2001. С. 10—11.
2. *История государственного управления России* : учебник / отв. ред. В. Г. Игнатов. — Ростов н/Д : Феникс, 2002.
3. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иностранных слов /Л. П. Крысин. — М. : Рус. яз., 1998.
4. *Моченов А. В.* [и др.] ССЖП = Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
5. *Толковый словарь русского языка начала XXI века.* Актуальная лексика = ТСРЯ / под ред. Г. Н. Складчиковой. — М. : Эксмо, 2008.
6. *Шмелев В. А.* Казенный хаос и неофициальная система в наименовании российских органов власти // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 14—19.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

А. И. Иванова
Севилья, Испания

A. I. Ivanova
Seville, Spain

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ»
КАК ФОРМЫ ПУБЛИЧНОГО ОБРАЩЕНИЯ
БАРАКА ОБАМА В ИНТЕРНЕТЕ**

**PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS
OF PERSONAL DEICTIC PRONOUN “WE”
AS A FORM OF ONLINE PUBLIC ADDRESS
BY BARACK OBAMA**

Аннотация. Анализируется личное местоимение «мы» как форма публичного обращения Барка Обамы в Интернете на материале сообщений, опубликованных президентом на его официальном твиттер-аккаунте. С помощью методов корпусной лингвистики (составление и анализ списка слов корпуса, составление и контекстуальный анализ колокационных линий для заданной лексической единицы) определяются типы и подразумеваемые референции личного местоимения «мы». В употреблении Обамы эта лексема характеризуется как мультииндексная форма обращения к публике в Твиттере.

Abstract. This paper deals with the analysis of a deictic personal pronoun “we” as a form of public address by Barack Obama on the Internet. As an object of our study we collected a corpus of messages published by the president on his official Twitter account. Mainly, the study focuses on defining the types and implicit references of the deictic “we” using Corpus Linguistics techniques such as compilation and analysis of corpus word list together with the compilation and content analysis of collocation lines of the chosen node. The paper concludes by classifying Obama’s “we” as a multiple-indexing form of public address on Twitter.

Ключевые слова: Барак Обама; дейктическое местоимение «мы»; Твиттер; политический онлайн-дискурс.

Key words: Barack Obama; personal deictic pronoun “we”; Twitter; political discourse online.

Сведения об авторе: Иванова Анна Игоревна, аспирант филологического факультета (кафедра английского языка).

About the author: Ivanova Anna Igorevna, Postgraduate Student of the Philological Faculty, Chair of the English Language.

Место работы: Университет Севильи.

Place of employment: University of Sevilla.

Контактная информация: C/Asunción 3, 6 Izq 41011 Sevilla, España.

e-mail: ivanova.re@gmail.com.

1. ВВЕДЕНИЕ. Начиная с официального слогана президентской кампании Барака Обамы в 2008 г. «Yes We Can» личное местоимение *мы* в его употреблении стало символом единения и надежды для американской нации, подчеркивающим, что каждый ее гражданин одинаково значим для президента. Слыша *мы* из уст президента, каждый житель страны интуитивно становится частью предвыборного движения, где все они, кого Обама объединил в *мы*, были связаны единой целью достижения светлого будущего, в котором все должно получиться. Именно поэтому нам представляется интересным исследовать, кого действительно подразумевает Барак Обама, употребляя свое ставшее почти культовым слово *мы*.

лено, что местоимение *мы* способно выполнять мощную убеждающую функцию «благодаря своему потенциалу групповой кодировки и идентификации» [Zupnik 1994: 340], за счет включения или исключения определенных групп [Seidel 1975; Connor-Linton 1988; Fairclough 1989; Wilson 1990]. Так, И. Зупник [Zupnik 1994] демонстрирует важную роль «нечетких» дейктических референций на примере телевизионного политического дискурса, указывая на наличие нескольких потенциальных референций местоимения *мы*. Предполагаемый адресат имеет право выбора включить себя в аудиторию *мы* или исключить из нее, что облегчает достижение основной цели политического дискурса — убедить слушателя принять точку зрения оратора.

Как дейктическое личное местоимение, *мы* является предметом анализа лингвистов, принадлежащих к различным направлениям, в том числе занимающихся исследованием политического дискурса. В их работах было установ-

Наиболее ясно способность личного местоимения *мы* включать потенциального слушателя в аудиторию или исключать из нее представлена А. Рисом на схеме (см. рис. 1).

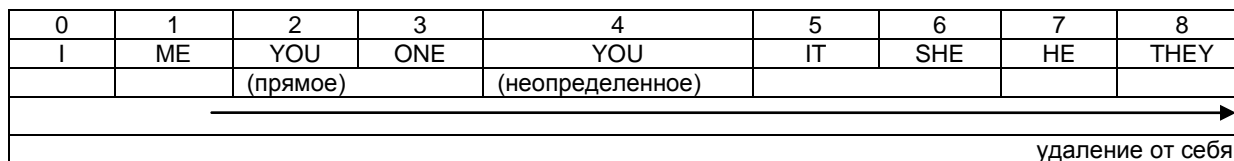

Рис. 1. Схема личных референций для политического дискурса [Rees 1983: 16]

Как показано на рисунке 1, А. Рис классифицирует личные местоимения, начиная с

дейктического центра *я* и заканчивая удаленным *они*. Таким образом он представляет дви-

жение от ближнего к дальнему в политическом дискурсе с помощью использования личных референций [ср.: Adenntunji 2006].

Г. Урбан [Urban 1988], исследуя дискурс Каспера Вейнбергера (бывшего министра обороны Соединенных Штатов Америки), уделяет особое внимание личному местоимению *мы*, выделяя шесть его типов:

- 1) *мы* — президент;
- 2) *мы* — министерство обороны США;
- 3) *мы* — администрация Рейгана;
- 4) *мы* — правительство США;
- 5) *мы* — США;
- 6) *мы* — США и СССР.

Позднее, в 1990 г., Дж. Уилсон провел анализ чередования в употреблении личных местоимений *я* и *мы* в президентских дебатах США между Д. Фордом и Д. Картером. Ученый пришел к выводу, что данное чередование напрямую зависит от а) «намерения кандидата снять с себя груз ответственности» и б) «боязни кандидата быть неправильно понятым зрителями и/или своим оппонентом» [Wilson 1990].

Личные местоимения рассматривались и в рамках исследования британского политического дискурса. К примеру, И. Иньиго-Мора анализировала стратегии употребления личных местоимений первого лица множественного числа (*we, our, us*) во время сессии вопросов в палате общин британского парламента. Исследовательница выделяет четыре типа указателей в зависимости от связи приближения или удаления с целью политика [Iñigo-Mora 2004]:

- 1)исключающий тип: я + моя политическая группа;
- 2)включающий тип: я + мы;
- 3)парламентское общество: я + парламентское общество;
- 4)общий тип: я + весь народ Великобритании.

Как видно, рассмотрение личных местоимений в сфере политического дискурса заключается в определении подразумеваемых референций дейктических слов, раскрывает реальные публичные референции того или иного политического деятеля. С опорой на опыт подобных исследований в дальнейшем проанализируем использование Бараком Обамой местоимения *мы* в популярной социальной сети «Твиттер» (выбор объекта исследования продиктован особым местом данного местоимения в политическом дискурсе Барака Обамы) с целью установить, кого имеет в виду президент, выбирая *мы* как одну из главных форм публичного онлайн-обращения.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для достижения поставленной задачи исследования *мы* собрали корпус сообщений (твитов), опубликованных на официальном твиттер-аккаунте Барака Обамы (@BarackObama) с января 2009 г. по май 2011 г., в период его президентского правления в Соединенных Штатах Америки. Данный корпус состоит из 1094 сообщений и включает 20 466 слов.

В ходе исследования предполагается решить следующие задачи:

- 1) выделить личное местоимение *мы* из общего лексического потока твитов Барака Обамы;
- 2) определить потенциальные референции каждого отдельно взятого личного местоимения;
- 3) создать общую классификацию публичного обращения президента через личное местоимение *мы* в онлайн-дискурсе.

Для повышения точности анализа и облегчения машинной обработки материалов корпус твитов был переведен в txt-формат. Для обработки текстов *мы* использовали специальную компьютерную программу «WordSmith v.5», широко применяемую в корпусной лингвистике. Нам оказались полезны такие функции этой программы, как автоматическое составление списка слов, начиная с самых частотных слов и заканчивая самыми редкими в корпусе, и автоматическое составление коллокационных линий для выбранного слова в корпусе. Это позволило выделить контексты с местоимением «*мы*» и проследить и определить дейктические референции. Рассмотрим результаты исследования.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Первая фаза анализа корпуса заключалась в составлении общего списка слов, употребляемых Бараком Обамой в «Твиттере». Компьютерная программа «WordSmith v.5» дала результаты, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

20 самых частотных слов в «Твиттере» Барака Обамы

№	Слово	Количество в корпусе
1	THE	988
2	TO	789
3	L	758
4	#	519
5	A	392
6	AND	382
7	OF	355
8	IN	340
9	AT	306
10	ON	272
11	FOR	245
12	WE	238
13	H	226
14	WATCH	219
15	LIVE	199
16	ET	193
17	OUR	188
18	THIS	184
19	REFORM	179
20	YOU	171

Как видно из таблицы 1, *мы* — самое употребляемое личное местоимение, к тому же оно входит в число двадцати самых частотных слов Б. Обамы в «Твиттере». Следует отметить, что в интересах исследования к местоимению *мы* были отнесены все его производные формы, а именно: *нам* (англ. *us*), *себя/себе* (англ. *ourselves*), *наш* (англ. *our, ours*).

Ниже приведена сводная таблица всех отобранных форм местоимения *мы* (см. табл. 2).

Таблица 2

Формы личного местоимения «мы» и их частотность в «Твиттере» Барака Обамы

Форма личного местоимения	Количество в корпусе
<i>we</i>	238
<i>us</i>	35
<i>ourselves</i>	1
<i>our</i>	188
<i>ours</i>	1

Таблица 2 ярко демонстрирует значительную частоту употребления президентом форм личного местоимения *мы*. Однако определение их потенциальных референций вызывает значительные затруднения. Другими словами, отсутствует стопроцентная уверенность в том, кого именно подразумевает Б. Обама, используя слово *мы*.

Для ответа на этот вопрос на следующем этапе исследования были составлены коллокационные линии для каждой формы личного местоимения *мы*. Это позволило разрешить проблему подразумеваемых референций путем отслеживания смежных с местоимением слов на каждой коллокационной линии. Требовалось вычитать вышеупомянутые линии, а в случае особого затруднения — весь текст сообщения (твита). В результате были выделены три основных типа значения личного местоимения *мы* в зависимости от фактора включения/исключения потенциальной публики:

- 1) включающий тип;
- 2) исключающий тип;
- 3) мультииндексный тип [ср.: Adenntunji 2006]

Далее в каждом типе были выделены подтипы в соответствии с потенциальными референциями, как показано в таблице 3.

Таблица 3

Типы и подтипы употребления слова «мы» в «Твиттере» Барака Обамы

Тип личного местоимения	Подтипы личного местоимения
Включающий	Общий (В-О) Обама + американский народ (В-ОН)
Исключающий	Обама + его кабинет министров (И-ОК) Обама + правительство США (И-ОП) Обама + его семья (И-ОС)
Мультииндексный	Обама + (?)американский народ + (?)правительство США (М-ОНП)

При первом (включающем) типе употребления местоимение *мы* включает в свой спектр потенциальную публику, т. е. говоря *мы*, Обама имеет в виду себя и свою аудиторию, которая представлена через референции, относящиеся:

- а) к людям в целом: *We're putting Americans to work producing clean energy that will lower our reliance on foreign oil and protect our planet;*
- б) к американскому народу: *America prevailed because we chose to move forward as one nation.*

Again, we are tested. And again we must answer history's call.

При втором (исключающем) типе, напротив, потенциальная публика не включается в президентское *мы*, которое в этом случае обозначает:

а) Обаму и/или его кабинет министров: *We will continue to work hand in hand with state & local authorities on every front until we put this tragic ordeal in the Gulf behind us;*

б) Обаму (и/или его кабинет министров) и правительство США: *I am proposing that starting this year, we freeze annual domestic spending for the next five years;*

в) Обаму и его семью: *Michelle and I cast our ballots early.*

Третий (мультииндексный) тип характеризуется менее четкими границами между включенной и исключенной аудиторией. Потенциальные референции личного местоимения *мы* могут с одинаковым успехом относиться к президенту, американскому правительству, американскому народу или людям в целом. Ни анализ коллокационных линий, ни разбор самих сообщений (твитов) не дали однозначного результата о референциях местоимения *мы*, которое, таким образом, можно интерпретировать и как включающее, и как исключающее потенциальную аудиторию: *We are not going back — we are moving forward.*

Количественный анализ продемонстрировал почти одинаковую дистрибуцию включающих (170) и мультииндексных (153) типов употребления местоимения *мы* в «Твиттере» президента (см. диагр. 1).

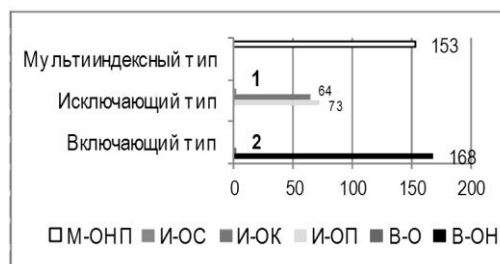

Диаграмма 1.

Количественное распределение типов личного местоимения «мы» в «Твиттере» Барака Обамы

Употребление каждой отдельной формы рассматриваемого местоимения специализировано; как правило, президент употребляет:

- а) *мы* и *нам* как мультииндексные и исключающие местоимения;
- б) *наш* как включающее местоимение.

Таким образом, при обращении к своей твиттер-публике Б. Обама, используя личное местоимение *мы*, не ассоциирует себя напрямую с читателями, предпочитает выбирать менее четкое мультииндексное обращение. Напротив, с помощью референции формы *наш* президент совершенно открыто ассоциирует себя с американским народом.

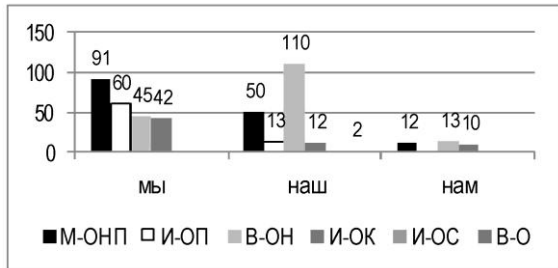

Диаграмма 2.

Количественное распределение подгрупп личных местоимений «мы», «наш» и «нам» в «Твиттере» Барака Обамы

В результате исследования мы выявили реальные референции, скрывающиеся под характерным для Барака Обамы личным местоимением первого лица множественного числа. Читая *мы* в «Твиттере» президента, большинство людей автоматически включают себя в его состав. При этом на практике *мы* в дискурсе президента далеко не всегда охватывает потенциального читателя, скорее создает иллюзию всеобщей включенности в президентский круг.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Настоящая статья продолжает политические исследования с особым акцентом на политическом онлайн-дискурсе [Иванова 2011]. На этот раз особое внимание было уделено прагмалингвистическому анализу ставшего почти культовым личного местоимения *мы* как средства обращения американского президента Барака Обамы.

Корпусный анализ текстов сообщений с официального твиттер-аккаунта Барака Обамы выявил достаточно высокую частотность употребления президентом личного местоимения *мы* и его производных форм *нам*, *наш*, что позволяет считать его наиболее распространенной формой публичного онлайн-обращения президента. Контекстуальный анализ коллокационных линий исследуемого местоимения выделил три основных типа его использования: включающий, исключающий и мультииндексный. Общий подсчет показал явное количественное преобладание включающего и мультииндексного типов. Этот результат положительно характеризует *мы*-обращение Б. Обамы в Твиттере, свидетельствует о прямой ассоциации президента со своей потенциальной публикой. Однако более глубокое исследование каждой отдельно взятой личной референции в корпусе показало, что *мы* чаще используется Б. Обамой с исключающей или мультииндексной референцией, а форма *наш* — со включающей. Мы считаем, что это довольно интересный результат, раскрывающий, кого на

самом деле подразумевает Барак Обама, употребляя слово *мы*. Местоимение *мы* в текстах Б. Обамы не включает аудиторию «Твиттера», относится скорее к президенту и его правительству или президенту и его кабинету министров, чем к президенту и народу. Мультииндексное употребление личных референций в определенной степени дифференцирует функцию включающего типа, предоставляя читателю «Твиттера» выбор: ассоциировать или разграничивать себя с президентом. Тем самым президент не включает читателя открыто в одну общность с собой, оставляя выбор за ним. Как следствие, мультииндексное употребление является достаточно удачным ходом публичного обращения в «Твиттере» с его огромной онлайн-аудиторией. Мы утверждаем, что данное употребление вполне может считаться формулой публичного обращения Барака Обамы в Сети.

Для уточнения сделанных выводов мы предполагаем продолжить исследование употребления форм личного местоимения *мы* Барак Обамой как в Сети, так и в оффлайн-режиме. Это позволит подтвердить или опровергнуть данные настоящей статьи об основных типах употребления форм личного местоимения *мы* в речи американского президента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова А. И. «Мы и Россия сегодня»: лингвистический анализ твиттер-платформы президента Дмитрия Медведева // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 104—107.
2. Adenuntunji A. Inclusion and exclusion in political discourse: Deixis in Olusegun Obasanjo's Speeches // Journal of Language and Linguistics. 2006. Vol. 5. № 2. P. 177—191.
3. Connor-Linton J. Author's style and world-view in nuclear discourse. A quantitative analysis // Multilingua. 1988. Vol. 7. № 1/2. P. 95—132.
4. Fairclough N. Language and Power. — L.: Longman, 2003.
5. Iñigo-Mora I. On the use of the personal pronoun we in communities // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 1. P. 27—52.
6. Rees A. Pronouns of person and power: a study of personal pronouns in public discourse: unpubl. Master's thesis. — Sheffield, 1983.
7. Seidel G. Ambiguity in political discourse // Political language and oratory in traditional society. — L.: Academic Pr., 1975. P. 205—228.
8. Urban G. The pronominal pragmatics of nuclear war discourse // Multilingua. 1988. Vol. 7. №1/2. P. 67—93.
9. Wilson J. Politically speaking: the pragmatic analysis of political language. — Oxford: Blackwell, 1990.
10. Zupnik Y. J. A pragmatic analysis of the use of person deixis in political discourse // Journal of Pragmatics. 1994. Vol. 21. P. 339—383.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. Тереза Лопес-Сото

Ю. С. Костылев
Екатеринбург, Россия

Yu. S. Kostylev
Ekaterinburg, Russia

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКОЙ
ОТРАСЛЕВОЙ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ 1930-Х ГГ.**

**LINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING
THE IMAGE OF AN ENEMY
IN THE SOVIET CINEMATIC PRESS
IN THE 1930-S**

Аннотация. Рассматриваются особенности представления образа врага в советской отраслевой кинематографической печати 1929—1939 гг., анализируются языковые средства, использованные при создании этого образа, и приписываемые врагу специфические черты и особенности.

Abstract. The author describes how the image of an enemy was presented in Soviet cinematic press during the period of 1929—1939. While analyzing the means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics that became enemy's descriptions in 1929—1939.

Ключевые слова: лексикология; образ врага; пропаганда; кинематограф; советская отраслевая печать.

Key words: lexicology; image of the enemy; propaganda; cinema; the Soviet branch press.

Сведения об авторе: Костылев Юрий Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Kostylev Yury Sergeevich, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Place of employment: Ural Federal Univrsity n. a. B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Ленина, 51, к. 309.
e-mail: kubkrok@mail.ru.

В качестве культурных элементов, относящихся к сфере кинематографа, можно рассматривать не только собственно производство, использование и восприятие кинофильмов, но и различные формы анализа и рефлексии по их поводу: рецензии, отзывы, разборы кинематографических произведений и многое другое. Если учесть значительную роль кинематографа в деле пропаганды 1920-х—1930-х гг., нельзя пройти мимо текстов, созданных по поводу фильмов и подвргающих их анализу с определенных политических и идеологических позиций, т. е. являющихся в свою очередь средством пропаганды (контрпропаганды) того или иного политического лагеря, группы или объединения. При этом враг, представленный в печати данного профиля, может быть обозначен двояко. Во-первых, таковым может быть военный и идеологический противник, показанный зрителю на экране, во-вторых, врагами и идеологическими противниками выступали кинематографисты зарубежных стран, анализ работы которых был представлен в советской отраслевой кинематографической печати. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать языковые средства, при помощи которых создаются образы врагов обеих групп.

Материалом для анализа образа врага, представленного на советском экране, послужили рецензии на советские пропагандистские киноновинки 1938—1939 гг., опубликованные в газете «Кино» за эти годы. В конце 1930-х гг. пропагандистский кинематограф в СССР активно развивается. Это связано как с технологическим ростом этой сферы культуры, так и с активной внешней политикой СССР в данный

период. Создается множество фильмов, посвященных вопросам взаимодействия Советского государства с внешним врагом, развиваются новые кинематографические жанры (такие, например, как «оборонное кино», рассматривающее характер прямых вооруженных действий против Советского Союза со стороны внешнего врага). Такое развитие, естественно, вызвало к жизни рецензии и рекомендации по поводу того, как надо снимать пропагандистские фильмы. Газета «Кино» являлась официальным отраслевым органом печати, поэтому можно предположить, что она отражала официальную точку зрения на вопросы создания фильмов и реализации в них агитационно-пропагандистского потенциала кинематографа. При этом следует учитывать, что данная газета ориентировалась на широкий круг читателей, поэтому в ней довольно слабо отражалась точка зрения профессионалов на технологию создания пропагандистского культурного продукта, в связи с чем следует разделять публично выраженную позицию пропагандиста и его представления об инструментарии, при помощи которого он осуществляет свою деятельность и который по понятным причинам (таким, как нежелательность овладения пропагандистской технологией и противником, и адресатом пропаганды) должен скрываться или, во всяком случае, быть не столь заметным. Фактически материалы открытой печати, посвященные разбору пропагандистских фильмов, сами по себе являются пропагандистским продуктом, и в них реализуются те же, что и в прочих подобных произведениях, языковые средства воздействия на адресата. В частности, это касается создания образа врага.

Так, при описании действий противников, представленных в сценарии фильма, авторы используют уже проверенное и усвоенное как пропагандистским аппаратом, так и адресатом слово *провокация* и сочетания типа *наглая провокация*. Противник называется *военщиной*, *агрессором* и т. п. Ср.: *Он* (фильм «Морской пост» — Ю. К.) *показывает героизм наших дальневосточных морских пограничников и их повседневную борьбу с наглыми провокациями японской военщины* (11 января 1939 г.). Авторы рецензий часто как саму собой разумеющуюся представляют интеллектуальную ущербность противника. Нередки сравнения врага с животным, а также указания на его *коварство* и прочие моральные недостатки, низкий уровень культурного развития, что должно служить делу идеологической мобилизации адресата и вместе с тем прививать ему чувство морального превосходства над врагом. Ср.: *Задолго до первого выстрела агрессоры применяют шпионаж, диверсию и другие коварные средства* (23 февраля 1939 г.); *В „Семье Оппенгейм“ фашизм раскрывается как носитель средневекового варварства, как враг культуры и мысли* (31 июля 1938 г.); *Мы видим основную линию произведения в столкновении озверелой тупой реакции с передовыми прогрессивными силами человечества* (31 июля 1938 г.). Активной стороной конфликта, *агрессором* в фильмах (что вызывает одобрение рецензентов), естественно, становится противник, но при этом он сразу же теряет инициативу: *Наша часть успешно разбивает противника на его же территории в первые часы будущей войны, которую фашисты навязывают Советскому Союзу* (23 мая 1939 г.).

Вместе с тем (это является специфической чертой, отличающей пропагандистские тексты, относящиеся к сфере кинематографа и содержащие рекомендации по созданию фильмов) критику вызывает как чрезмерное «оглупление» противника, так и столь же чрезмерное подчеркивание высокого уровня рефлексии и психологической неоднозначности действий и рассуждений советского бойца: *Неправдоподобно, что штаб фашистов не знает о советских танках, производящих глубокую разведку в тыл противника* (17 февраля 1939 г.); *Бессюжетность, растянутость композиции монтажа и так называемые „психологические переживания“, замедляющие действие во имя драматичности фильма, в оборонной картине вредны и неуместны* (23 февраля 1939 г.). Очевидно, это вызвано стремлением придать некоторую степень достоверности фильму и соблести законы жанра произведения массовой культуры. При этом для описания интеллектуальной состоятельности противника используются стилистически не маркированные языковые единицы, тогда как в общем пропагандистском контексте эпохи умственная несостоятельность врага описывает-

ся, как правило, при помощи стилистически сниженных единиц. Это можно объяснить тем, что авторы пропагандистских текстов склонны подчеркивать скорее ущербность, чем полноценность противника, а значит, эта сфера стилистически более разработана, а указания на необходимость правдоподобия воспринимаются как обыкновенное «рабочее» замечание, не преследующее цели более детально разработать образ врага.

Таким образом, в текстах рецензий на советские пропагандистские фильмы в открытой печати мы видим реализацию как общих для советской пропаганды того периода языковых средств создания образа врага, так и специфических для этого жанра средств, использование которых вызвано, очевидно, спецификой анализируемого авторами рецензий материала, необходимостью соблюсти законы кинематографического жанра, требованиями правдоподобия, легкостью восприятия зрителем и т. п. В целом же можно сказать, что образ врага в представленных текстах вполне традиционен для советской массовой печати того периода.

Более интересную картину представляет собой рефлексия советских киноспециалистов по поводу буржуазного кинематографа. Поскольку конфликт здесь целиком разворачивается в чисто идеологической сфере, можно предположить, что средства, задействованные в нем, должны значительно отличаться от средств, использованных при описании вооруженного столкновения.

В качестве материала была выбрана серия статей Михаила Кокорина, опубликованная в № 4—10 журнала «Кино и культура» за 1929 г. (в дальнейшем при цитировании дается ссылка на номер выпуска журнала), посвященная анализу действий зарубежных кинематографистов в сфере пропаганды и агитации. Поскольку в тот период как враждебное оценивалось практически любое зарубежное государство, в диалоге с которым требовалось отстоять свою политическую позицию, следует указать, что в данном случае мы имеем дело с пропагандистской борьбой, а рассматриваемые тексты являются фактом контрпропаганды. Можно предположить, что статьи М. Кокорина отражают позицию официальных кругов Советского Союза, поскольку опубликованы они в органе центральной печати, посвященном вопросам кинематографа, и выдержаны в духе советских официальных текстов того периода.

Основными языковыми метафорами, избранными автором для объяснения сущности пропагандистской борьбы, являются единицы кулинарной сферы — создание фильма сравнивается с приготовлением блюда (при этом творчески переосмысливается кулинарная лексика, что углубляет воздействие метафоры на читателя) — и метафора прямого физического насилия (вооруженной борьбы): *Правда, киноповара стали умнее, но их изобрета-*

тельность пока что ограничивается подправкой **гарнира**. Од ним же **гарниром** едва ли повысить „идеологическую **калорийность**“ (№ 4); Об этом „**рецепте**“ прекрасно осведомлены некоторые лондонские кинопредприниматели (№ 7—8). Обращаясь к осмыслению сомнительных с точки зрения морали действий зарубежных кинематографистов, М. Кокорин широко разворачивает сравнение зарубежной киноиндустрии с кухней: ...такой масштаб **кулинарного агитационного искусства**. **Соус** „клевета“, **подливка** „преувеличение“, **гарнир** „маскировка“, **салат** „лицемерие“ — излюбленные **приправы** к основным идеологическим **блюдам**, которые предназначены для **питания** общественного „мнения“. <...> **Надо отдать справедливость ловкости рук и организаторским талантам хозяев этой гнусной кухмистерской**. <...> ими подобран огромный и прекрасно знающий свое дело кадр политических „**нарпитчиков**“ (№ 9—10). Очевидно, основой разворачивания данной метафоры стало гнездо с элементами «стряпать», «состряпать» и т. п. в значении «сделать, изготовить» с явно сниженной стилистической окраской, так что основной целью использования метафоры является выражение общей сниженной оценки деятельности политических противников.

Метафора вооруженной борьбы проявляется, в частности, в таких контекстах: **Кино как орудие буржуазии** (№ 4); „**Военная служба**“ буржуазного кино (№ 4); ...**кино как одно из мощных и дальнбойных орудий классовой капиталистической пропаганды** (№ 5—6); **Как организовать „мобилизацию мнений“?** (№ 9—10); **В особенности же рекомендуется „бить его** (большевика; здесь цитируется французский политический деятель Пьер Теттенже, организатор антикоммунистического союза «Патриотической молодежи». Обращаясь к словам политического противника, М. Кокорин подчеркивает жизненность и очевидность метафоры вооруженной борьбы в сфере пропаганды — Ю. К.) **словом, листовкой, плакатом...**“ (№ 9—10) и т. п. Следует указать на то, что осмысление идеологической борьбы как борьбы в прямом — физическом — значении достаточно распространено в сфере пропаганды, а актуализация этого значения в рассматриваемых текстах призвана представить усилия противника как относящиеся непосредственно к сфере материальной деятельности и способные нанести в том числе прямой материальный ущерб, а тем самым мобилизовать читателя, привлечь его к борьбе.

Очевидно, важнейшей целью контрпропагандистской деятельности является нейтрализация усилий противника в сфере агитации посредством характеристики представленной им информации идеологического характера как недостоверной, противоречащей действительности, попросту лживой. С этой целью М. Ко-

корин использует соответствующие лексические средства.

Высокой частотностью обладают лексемы **клевета**, **клеветнический** и **однокоренные**: **Эти трагедии и эту ненависть буржуазия использует для себя при помощи клеветы...** (№ 4); <буржуазные пропагандисты> **широко развернули клеветническую деятельность за пределами нашей страны** (№ 5—6); **Клеветнические приемы классового врага в борьбе против побеждающей революции** (№ 5—6); **Заслуживает пальму клеветнически-глупого первенства нашумевшая американская картина „Мир и его женщина“** (№ 5—6). Эти лексемы представляют информацию, распространяемую врагом, не только как не соответствующую действительности, но и как злонамеренно наносящую ущерб репутации противника, что может вызвать только негативную оценку читателя с позиций морали.

Частотными являются и актуализирующие эту же идею лексемы с негативной оценкой **ложь**, **обман**, **подлог**, **фальсификация** и **однокоренные**; результат деятельности пропагандистов-противников характеризуется как **одурачивание**, **одурманивание** и т. п.: <Кино>, **не требуя для себя сложных приспособлений, допуская импорт и... подлог, естественно привлекало самое серьезное внимание организаторов буржуазного обмана, привлекало к себе симпатии всех капиталистических специалистов по части народного одурачивания** (№ 2); **Фильмы в дальнейшем стали фальсифицироваться** тоньше, умнее (№ 2); **Этой самой „общественности“ совершенно ни к чему знать, что для киноодурачивания почтеннейшей публики...** и т. д.; <Буржуазия> **может подменивать, фальсифицировать действительную жизнь** (№ 5—6); **Тогда внушительный трест кинолжи превращается в грозный киногазетный комбинат, основная задача которого — народное одурачивание** (№ 5—6); **Буржуазия во время войны (так же, как впрочем, и сейчас) станет своей гнилой ложью одурманивать рабочих и крестьян** (№ 9—10) и т. д. Естественно, целью советских усилий в области кинематографа представляется донесение до адресата правды и верного представления о действительности: **Очень не поздоровится нашим врагам от правдивой советской фильмы** (№ 2); **Мы здорово начинаем шпарить пресловутую „гидру империализма“ четкой, классовой большевистской правдой** (№ 9—10). Такое противопоставление методов деятельности в сфере киноискусства должно не только убедить читателя в истинности отстаиваемой автором точки зрения, но и показать изначальную проигрышность позиции противника, убедить читателя в скорой победе над противником, привить ему чувство морального превосходства над врагом.

Перед автором встает проблема идеологической мобилизации адресата, поскольку ука-

зания на слабость противника могут привести к прямо противоположному результату: возникновению ощущения уже свершившейся победы в этой области, а значит отказу от дальнейшей борьбы. С этой целью автор, не ослабляя чувства морального превосходства над врагом, указывает на его техническую мощь, превосходство в области технологического обеспечения агитационной деятельности: «В буржуазных странах» **тщательно изучаются, всесторонне пересматриваются и улучшаются методы и формы политического воздействия на массы. Но как бы ни была совершенна пропагандистская техника — толку не получится** (№ 9—10); **Техника буржуазной политработы была неизмеримо сильнее и богаче по сравнению с нашими примитивными средствами агитации и пропаганды** (№ 5—6); Он (Джесси Ласки, американский киномагнат — Ю. К.) **выступает с технологически-квалифицированной кинофаальшивкой** (№ 5—6) и т. п. Описывая деятельность Польши в сфере кинематографа, автор все же обращает внимание на низкий технологический уровень врага, в иронических формах подчеркивая несоответствие запросов и возможностей Польши: **Производственные и финансовые возможности государства в очень незначительной степени могут удовлетворить размахистые милитаристские желания** «...» **кинорынок крайне жалкий** (№ 4). Это, очевидно, делается для того, чтобы в очередной раз подчеркнуть материальную необоснованность и невозможность претензий Польши на ведение борьбы, будь то вооруженная борьба или пропагандистская. Следует заметить, что традиция изображения Польши как государства с неумеренными политическими аппетитами, не способного при этом самостоятельно, без поддержки других европейских стран, бороться с Советским государством, берет начало во времена Советско-польской войны 1919—1921 гг. Причину материальной ограниченности польского кинематографа автор видит в низком уровне жизни населения Польши, пролетариата, угнетаемого собственным правительством — небольшой группой лиц: **Основная причина кроется в низкой покупательной способности большинства населения. Полуголодному пролетарию не до зрелищ** (№ 4). Такое указание, как и во времена Советско-польской войны, дает автору основания для актуализации мысли о классовом родстве и дружественном в массе Советскому Союзу польском населении, что предоставляет моральное право бороться с Польшей за освобождение угнетенного пролетариата, причем борьба кажется автору делом сравнительно легким в силу материальной ограниченности противника.

Примечательно, что в обзорах М. Кокорина практически не встречается хорошо освоенная советской пропагандой в межвоенный период

идея провокации как враждебного по отношению к Советскому государству действия. Собственно, слово *провокация* встретилось в текстах всего один раз и то не при описании агитационной деятельности врага, а в контексте его подготовки к будущему военному вторжению: *Франция и Англия уплачивают разницу застрельщикам будущей провокации против СССР* (№ 4). Это можно объяснить тем, что, несмотря на крайне широкую и неопределенную семантику лексемы *провокация*, присвоенную ей советской пропагандой, за этой лексемой закрепился смысл, относящийся к сфере именно прямого вооруженного столкновения, а не борьбы в психологической и идеологической сфере.

Следует обратить внимание на авторскую иронию как стилистическое средство характеристики врага. Формально эта ирония выражается, например, в широком использовании такого пунктуационного знака, как кавычки. Так, автор постоянно берет в кавычки сочетание «общественное мнение», подчеркивая тем самым, что в буржуазных странах общественное мнение попросту отсутствует и является результатом «оболванивания» и «одурачивания»: *мы постараемся проследить роль кино в организации „общественного мнения“* (№ 2); *Политическая обработка „общественного мнения“ по опыту войны 1914—1918 гг.»* (№ 9—10) и т. п.

Автор часто подчеркивает нерентабельность буржуазного пропагандистского кинематографа, используя кавычки: *Правда, для демонстрирования кинокартин религиозного и им подобного „нерентабельного“ свойства армейская администрация вынуждена устраивать бесплатные сеансы* (№ 4); *Опасную и „нерентабельную“ в финансовом отношении роль хитроумного Улиса сменил на более доходную службу* (№ 5—6; имеется в виду Томсон Бьюкенен, автор сценариев антибольшевистских пропагандистских фильмов — Ю. К.). Тем самым у читателя развивается чувство морального превосходства над населением буржуазных государств, в которых важнейшим фактором жизни являются деньги, в то же время обращает внимание на то, что, несмотря на нерентабельность подобного производства, буржуазные правительства вкладывают огромные средства в техническое развитие враждебной пропаганды.

Вообще частое употребление кавычек преследует двоякую цель: с одной стороны, автор выражает общую сниженную оценку действий противника, с другой — уличает его в несоответствии декларируемого положения вещей с реальным, что опять же прививает адресату чувство морального превосходства. Так, в следующих контекстах: *С таким пропагандистским „шедевром“<...> может сравниться, пожалуй, только лаконичное высказывание некоего мистера Хэля...* (№ 9—10); *То, чему*

„*учит*“ фильма, запечатлевается у него в душе огненными буквами (№ 5—6); Поэтому и концерт для начала организовал выпуск скромных, безобидных („аполитичных“) культурфильм (№ 5-6); „*Героика*“ многообразной, длительной и обширной антибольшевистской практики мирового кинематографа (№ 5—6); *Искать* подходящего „эксперта“ долго не пришлось (№ 5—6), — автор подчеркивает, что, несмотря на противоположное мнение идеологических противников, их продукт шедевром являться не может, научить ничему не способен, культурно-просветительские фильмы в их исполнении не бывают аполитичными, настоящие эксперты в этой сфере не работают и т. д., т. е. хотя буржуазные деятели кинематографа утверждают, что производят качественный идеологический продукт, это ложь.

Таким образом, в сфере контрпропаганды советская агитация использовала примерно те же методы, что и в сфере «прямой» пропаган-

ды, касающейся, например, ведения боевых действий: с одной стороны, указывалось на техническое превосходство противника (с целью идеологической мобилизации адресата), с другой — подчеркивалось идейное превосходство Советского государства над противником (для того чтобы представить победу над последним делом недалекого будущего). Однако конкретная лексика, при помощи которой реализуются эти идеи, значительно различается, поскольку в данном случае речь идет о борьбе в иной — идеологической — плоскости. Техническое превосходство противника выражалось в силе его производственного аппарата, а идейное превосходство Советского государства — в высоком качестве конечного идеологического продукта по сравнению с тем, что делает противник. В языковом отношении обращает на себя внимание более богатая метафорика текста и такие специфические средства, как, например, ирония.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

S. L. Kushneruk
Chelyabinsk, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЙ И ТЕКСТОВЫЙ МИРЫ:
ВОЗМОЖНОСТИ УРОВНЕВОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ ДИСКУРСА**

**DISCOURSIIVE AND TEXT WORLDS:
POSSIBILITIES OF LEVEL STRATIFICATION
OF DISCOURSE**

Аннотация. С точки зрения теории текстовых миров выделяются такие уровни языкового общения, как дискурсивный и текстовый миры, и дается их подробная характеристика. Теоретические положения подкреплены примерами современных рекламных текстов.

Abstract. From the point of view of text worlds theory such levels of verbal communication are singled out as discursive and text worlds, their detailed characteristic is given. Theoretical propositions are supported by examples found in contemporary advertising texts.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивный мир; текстовый мир; фрейм; дейксис; субмир; теория текстовых миров.

Key words: discourse; discursive world; text world; frame; deixis; subworld; text worlds theory.

Сведения об авторе: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Современная лингвистика все больше отмежевывается от известного соссуровского требования изучать язык в себе и для себя, декларируя необходимость обращения к экстралингвистическим факторам для более целостного осмысления языковых феноменов. В подтверждение приведем слова Н. Н. Болдырева о том, что для объяснения устройства языка необходимо выйти за пределы языковой системы и «связать ее с тем, что мы знаем о восприятии, о памяти, о поведении человека» [Болдырев 2001: 12]. Познавательная активность человека манифестируется языковыми формами, что обуславливает исследовательский интерес к способам репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях.

Инкорпорирование сведений из различных областей знания в рамках одной исследовательской программы согласуется с холистическим подходом к интерпретации дискурсивных практик, являющихся основой «организации, категоризации, архивирования и интерпретации человеческого праксиса в целом» [Кашкин 2005: 337].

К настоящему времени накопился солидный опыт в изучении дискурса — одного из «наиболее туманных» лингвистических понятий, которое включает представления не об абстрактной языковой системе, а о живой речи в условиях реального общения. Многочисленны исследования дискурса как сферы анализа типов общения. Активно изучается политический дискурс (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Купина, П. Серю, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал), рекламный дискурс (О. К. Денисова, О. С. Домовец, Н. А. Красавский, О. А. Ксензенко, Ю. К. Пиго-

рова), а также научный, педагогический, религиозный, спортивный, массмедийный и др.

Несмотря на пресловутую неопределенность термина, понятие дискурса и принципы дискурсивного анализа описываются многими авторитетными учеными [Дейк 1989; Дейк, Кинч 1988; Макаров 2003; Кашкин 2005]. Систематизируя разноплановые работы, посвященные исследованию дискурса, М. Л. Макаров, вслед за Д. Шифрин, объясняет принципиальную возможность интерпретации дискурса в трех аспектах — формальном, функциональном и ситуативном [Макаров 2003: 85—87]. В формальном плане дискурс понимается как языковой уровень выше предложения. Речь может идти о двух или более предложениях, связанных по смыслу.

Функциональная интерпретация в широком понимании охватывает употребление языка, т. е. речь во всех ее разновидностях. В более узком смысле дискурс рассматривается как совокупность «функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [Карасик 2004: 228]. Ситуативный аспект предполагает учет социально, психологически и культурно значимых условий общения. Контекст считается неотъемлемым признаком дискурса, который акцентирует внимание на ситуации взаимодействия.

На фоне многообразия работ, выдвигающих на передний план тот или иной аспект в изучении дискурса, мы ставим задачу обозначить такую теорию, которая рассматривает дискурс как интегральную сферу изучения языкового общения и предполагает не только учет собственно формальных и функционально-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Кушнерук С. Л., 2012

ситуативных параметров, но и возможность уровневой стратификации. Считаем, что решение такой задачи должно согласовываться с реализацией ключевых идей и экспансионистских принципов современной лингвистики. Тогда это позволит расширить сложившиеся представления о дискурсе и наметить перспективы для дальнейших исследований дискуссионных вопросов.

Поставленная цель обусловила наш интерес к концепции, известной в зарубежной лингвистике под названием *теории текстовых миров* [Кушнерук 2008, 2009, 2010, 2011]. В работах группы ученых (П. Верт, Д. Гевинс, Л. Идальго Даунинг, Э. Лахей, Е. Семино, П. Стоквелл) проявлена тенденция к противопоставлению дискурса и текста по критерию *динамичности — статичности*, что свидетельствует о функционально ориентированной направленности исследований. *Дискурс*, с точки зрения сторонников указанной теории, является сложным социопсихолингвистическим феноменом, который включает процесс языковой деятельности, вписанной в определенный социальный контекст, и ее результат, вербально-знаковую форму, — текст. Если дискурс динамически разворачивается во времени, отражая изменения в характере коммуникации, то текст — статический компонент, «квинтэссенция» дискурса. По метафорическому высказыванию П. Верта, текст — это «язык в сердце дискурса» [Werth 1999: 149—150].

Очевидно, что понятия текста и дискурса демонстрируют причинно-следственную связь: текст создается в дискурсе и является его «детисцем». Однако если текст в принципе можно анализировать как завершенное языковое произведение в отрыве от дискурсивной, т. е. социально обусловленной деятельности, то дискурс обязательно изучать с учетом культурологических и социально-исторических данных.

При таком подходе рассмотрение коммуникации предполагает не только анализ текста-как-продукта, но и выход на уровень контекста социальной ситуации, для того чтобы проследить связи текста с иными текстами, дискурсивными и общественными практиками. В таком случае понятие дискурса мыслится как родовая категория по отношению к понятию текста; этой широкой трактовки мы придерживаемся в настоящей работе.

Нельзя не согласиться с М. Л. Макаровым в том, что дискурс обращен, с одной стороны, «вовне»: к ситуации или внешнему контексту высказываний, различным типам деятельности, включающим антропологические, этнографические, социологические, психологические, языковые и культурные переменные, с другой — обращен «внутри», или к внутреннему контексту — ментальной сфере коммуникантов, «отображающей в том числе и факты внешнего контекста, так как только став частью внутреннего мира человека, они могут влиять

на его деятельность и общение» [Макаров 2003: 147].

Придерживаясь данной позиции, будем говорить о взаимодействии лингвопрагматической составляющей, предполагающей анализ языковых явлений в контексте, и когнитивной составляющей исследования, акцентирующей внимание на том, с каким видением мира мы имеем дело, что именно и по какой причине должно привлечь внимание человека, а также на том, какие фрагменты человеческого опыта отражаются в дискурсе. Отметим, что указанные подходы к изучению дискурса являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Комплексная природа дискурса требуют учитывать целый ряд многообразных факторов, оказывающих влияние на порождение и интерпретацию смыслов.

Дискурс мыслится как динамическая субстанция, которая не имеет четкого контура и объема [Ревзина 2005]. В концептуализации дискурса выделяются два взаимодополняющих уровня. Говоря об уровнях, мы подразумеваем не уровни языка (фонологический, морфологический, лексический, синтаксический), а уровни языкового общения. Такое разграничение имеет смысл и оказывается методологически полезным для выделения **дискурсивного мира** и **текстового мира** как элементов, вступающих в отношения включения и демонстрирующих неравнозначные аспекты дискурса. Указанная дифференциация позволяет учитывать, что процессы понимания и порождения высказываний предполагают сложное взаимодействие информации, идущей от разных уровней. Конечно, подобное деление не лишено условности, поскольку фиксированный порядок следования между воспринимаемыми данными и их интерпретацией не установлен. Т. ван Дейк отмечает, что интерпретации могут быть сначала сконструированы и только потом сопоставлены с воспринимаемыми данными. Это отражает способность человека к гибкому использованию различных видов информации [Дейк 1988: 157].

Дискурсивный и текстовый миры представляют собой абстрактные конструкты, реализующиеся в дискурсе в качестве ментальных репрезентаций, благодаря которым происходит осмысление поступающей информации. Ментальная репрезентация — это знаковая сущность, представляющая некое символическое отражение окружающей нас действительности [Кубрякова 2001: 283].

Идея о том, что любое знание существует в виде ментальных репрезентаций, находит все больше сторонников. В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова полагают, что репрезентации составляют важную часть нашего сознания: «...мы всегда, когда нам это кажется нужным, можем представить себе на внутреннем „экране“ любой объект, любую ситуацию — как из числа реальных окружающих нас предметов

или лиц, так и из числа воображаемых событий» [Кубрякова, Демьянков 2007: 14—15]. Ментальные репрезентации, таким образом, осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений. Ментальные репрезентации позволяют человеку представлять все аспекты повседневной жизни, включая те ситуации, в которых он не принимал непосредственного участия.

Прежде чем перейти к характеристике выделенных уровней языкового общения, мы воспользуемся обозначениями Е. В. Лозинской и сформулируем, что под *миром* в целом понимается коммуникативное лингвистическое событие, включающее элементы как текстуального, так и контекстуального характера. Такой целостный мир иерархичен по структуре: высший уровень представлен дискурсивным миром, в котором есть участники, «различные аспекты перцепции ими непосредственной ситуации и общие предпосылки» [Лозинская 2007: 23]. Участники далее создают мир второго уровня — текстовый.

1. Дискурсивный мир

Дискурсивный мир объединяет те элементы, которые воспринимаются коммуникантами. Как минимум, дискурсивный мир включает участников и то, что они видят и слышат, а также содержание, которое участники вырабатывают в результате перцепции. П. Верт приводит следующий пример. Вы стоите под большим тенистым деревом. Вы точно знаете, что это дерево. Однако вы ни на секунду не можете увидеть его целиком. Перед вами, по всей вероятности, крупным планом предстают кора, ветки, листья, вы также чувствуете запах дерева и слышите звуки. Чтобы интерпретировать и понять данную информацию, нужно осуществить категоризацию объектов восприятия. Для этого естественно воспользоваться более общими знаниями о деревьях, полученными в результате прошлого опыта. Очевидно, что участники должны быть способными распознавать характеристики как чувственно воспринимаемые, так и не видимые глазу, и делать выводы об отношениях между объектами (в том числе на основе хранящихся в памяти представлений).

Любая ситуация мыслится как когнитивная основа дискурса. Интерес к ситуации обусловлен тем, что языковое событие имеет место внутри нее. Понимание ситуации П. Верта близко трактовке **модели ситуации** Т. ван Дейка [ван Дейк 1989: 46]. Согласно последнему, модель ситуации формируется конкретным индивидом на основе его личных знаний, опыта, установок, чувств, эмоций, мнений и используется адресатом при понимании текста. Она индивидуальна, динамична, стратегически подвижна и комплексна, поскольку приводит в действие все уровни и структуры [Селиванова 2002: 53].

Присутствию участников в той или иной ситуации отводится не просто важная, но решающая роль. Ситуации должны быть четко определены не просто как набор сущностей, находящихся в определенном месте в заданное время, а как «положение дел, осознаваемое участниками» [Werth 1999: 84]. Ситуации не возникают в концептуальном вакууме: статус ситуации дается им по волеизъявлению человека. Мы можем представить ситуации, в которых вообще нет людей, но нельзя представить ситуации, непостижимые человеческим сознанием, не существует таких ситуаций, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта. **Ситуация** представляет собой некоторое положение дел, сложную совокупность обстоятельств, характеризующую местом, временем, набором сущностей, находящихся в определенных отношениях друг с другом.

Всякий дискурс соотносится с непосредственной ситуацией производства и интерпретации. Вместе с тем, чтобы коммуникация была успешной, необходим общий пресуппозиционный фонд (*common ground*), элементы которого вносятся коммуникантами в языковое событие. В таком взаимодействии каждая сторона принимает участие в совместном процессе конструирования смыслов, который, наряду с интерпретацией непосредственно воспринимаемых данных, предполагает использование участниками внутренней когнитивной информации.

Названная модель коммуникации получила название интеракционной [ср.: Макаров 2003: 38—39]. Интерпретация здесь становится главной целью коммуникации и критерием успешности процессов понимания, которое, по мнению Т. ван Дейка и В. Кинча, не ограничивается пассивным конструированием репрезентации языкового объекта. Это часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего [Дейк, Кинч 1988: 161]. На пути к достижению intersубъективности как психологического переживания общности интересов и действий участники непрерывно договариваются о значении. Их взаимодействие описывается **принципами дискурса**, выделенными П. Вертом [Werth 1999: 49—50] по аналогии с принципами речевого общения, описанными Г. П. Грайсом [Grice 1975: 45—46]. Охарактеризуем принципы дискурса.

Коммуникативность (информативность) предполагает, что дискурс всегда должен служить определенным целям и быть эффективным для их достижения, если нет доказательства противного. **Связность**, кроме патологических случаев, отвечает за необходимое и достаточное наличие составляющих элементов (объектов, событий, пропозиций). **Кооперация** проявляется в том, что говорящий передает слушающему ту информацию, которая необходима для достижения намеченной им

цели. При этом оба не вводят друг друга в заблуждение, отказываясь от информации, не имеющей отношения к делу. Развитие общения происходит по модели согласия: участники договариваются, активируя общий фонд знаний.

В большинстве случаев при устном общении участники вступают в прямой контакт, разделяя условия дискурсивной ситуации (время, место, объекты). Однако чаще возникают обстоятельства, при которых участники взаимодействуют на расстоянии друг от друга одновременно или в разное время. Примером может служить разговор по телефону: временной отрезок общения двух людей совпадает, а местонахождение — нет. Такой дискурсивный мир называется *расщепленным* [Gavins 2007: 26]. В письменной коммуникации дискурсивный мир всегда расщеплен. Поэтому непосредственное материальное окружение дискурса приобретает вторичную значимость по сравнению с текстовыми элементами, формирующими область контакта между участниками. Иными словами, при письменной коммуникации текст оказывается в фокусе коммуникативного акта.

Можно также представить следующую ситуацию: человек присутствует на футбольном матче. В результате понимания происходящего на основе визуальных и вербальных данных у него конструируется ментальное представление, которое остается в памяти (дискурсивный мир). Если позже болельщик-очевидец расскажет другому любителю футбола о прошедшем матче, у последнего также возникнет некоторое ментальное представление, но уже вербализованной версии говорящего (текстовый мир). Из этого вытекает, что и дискурсивный, и текстовый миры являются когнитивными конструктами, формирующими концептуальные репрезентации разных сторон действительности. Если дискурсивный мир — это контекст ситуации вокруг речевого события, то текстовый мир — это когнитивный коррелят знания, активируемого текстом в употреблении.

II. Текстовый мир

Трудности определения текстового мира соотносимы с трудностями определения текста, до сих пор не имеющего единого толкования. Нельзя не вспомнить слова Е. С. Кубряковой о «естественных» категориях, к которым она относит текст. Автор настаивает на том, что, если людям ясна общая идея, положенная в основу категории, то в ее понимании они довольствуются гибкими и подвижными границами [Кубрякова 2001]. Еще раньше мысль о том, что пользователи языка часто обрабатывают информацию не полностью и неточно, но при этом чувствуют, что понимают текст, была высказана в работе Т. ван Дейка и В. Кинча [Дейк, Кинч 1988]. В этом мы видим причину того, что отсутствие однозначного определения текста не мешало развитию лингвистики текста, а также проведению лингвис-

тического анализа текстов самой разной функциональной направленности.

Сходным образом жесткое определение текстового мира как уровня дискурса невозможно в силу того, что его наполнение принадлежит когнитивному сознанию, границы которого оказываются размытыми. Тем не менее существование текстового мира ощущается вполне реально, например когда человек читает следующую рекламу: *Я вертелась у зеркала на шпильках, примеряя очаровательные шортики для летнего отдыха, дочка-первоклассница активно участвовала в процессе. Вдруг она сказала: „Мама, а что это у тебя на ноге сзади? Давай заклеим пластырем, а то некрасиво!“. Извернувшись, я стала разглядывать ноги и — ужас! — действительно увидела под колготками несколько выступающих вен и тонкие змейки красно-синих сосудов. Сомнений не было, это варикоз. Как я раньше не заметила? Появился? И что теперь делать? На следующий же день я обратилась за советом к знакомой, которая хорошо знает проблему. „Сейчас в аптеках есть много хороших антиварикозных средств. Одно из самых эффективных — гель ГЕЛЕНВЕН ФОРТЕ. Его венотонизирующий комплекс укрепляет стенки вен и повышает упругость клапанов... Только ухаживать за ногами нужно ежедневно!“. Прошло три месяца, и я снова примерила „предательские“ шортики. „Ну, как?“ — спросила я у мужа. „Отлично! А ножки — просто супер!“* (КП, 6—13 мая 2010). Комбинируя эксплицитно выраженную текстовую информацию и фоновые знания, читатель естественным образом создает некую ментальную «картинку». Ее моделирование, в частности в рекламе, подчинено утилитарно-приземленным целям — как можно эффективнее и быстрее побудить реципиента к выгодному для производителя действию. Ментальная репрезентация, конструируемая в процессе обработки имеющегося дискурса, и есть текстовый мир.

П. Верт определяет **текстовые миры** как «концептуальные сценарии, содержащие достаточную информацию для понимания высказываний, с которыми они соотносятся» [Werth 1999: 7]. Текстовый мир выступает как гештальт, т. е. когнитивная структура, являющаяся одновременно и целостным, и по мере необходимости расчленимым знаком, структура, разложимая более чем одним способом, в зависимости от принимаемой точки зрения [Кубрякова 2001: 287]. Учитывая, что текстовый мир мыслится как когнитивное содержание, стоящее за определенными языковыми формами, попробуем выделить значимые составляющие и определить диапазон характеристик, которые позволят составить представление об его устройстве.

Согласимся с мнением Е. С. Кубряковой относительно того, что любая языковая форма

сигнализирует не только о том, что в ней реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу [Кубрякова 2001]. В свете этого будем разграничивать следующие элементы, существенные для описания миров:

- **текстовая база** — языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе;
- **когнитивная база** — знания и представления коммуникантов.

Совокупность языковых форм, служащих «упаковкой» передаваемых смыслов, образует **текстовую базу**. Термин «текстовая база» фигурирует у Т. ван Дейка и В. Кинча и понимается несколько иначе — как семантическое представление воспринимаемого текста в эпизодической памяти [Дейк, Кинч 1988: 164]. Они акцентируют внимание на том, что понимание текста подразумевает не только представление текстовой базы в эпизодической памяти, но также активацию, обновление и другие способы функционирования так называемой ситуационной модели. Фактически это то, что в принятой нами терминологии названо текстовым миром, ассоциируемым с когнитивным представлением событий, действий, лиц, ситуаций, о которых идет повествование.

Текстовую базу можно рассматривать как акт фиксации языковыми (поверхностными) формами определенной концептуальной структуры [ср.: Кубрякова 2001: 284]. Основная функция текстовой базы заключается в том, чтобы помочь реципиенту сконструировать некую ментальную модель, которая может долго сохраняться в памяти. Незамысловатый сюжет со счастливым концом, предложенный в вышеприведенной рекламе геля, призван не столько информировать потребителей о товаре, сколько акцентировать внимание на продукте как неотъемлемом элементе образа жизни человека.

В свете этого становится очевидным, что один и тот же фрагмент дискурса может пониматься по-разному в зависимости от объема хранимой информации в памяти каждого из реципиентов. При этом интерпретационные различия появляются именно на уровне текстового мира — той модели, которую нужно построить на основе текстовой базы. Мы считаем, что текстовый мир не имеет жестких границ, и любой читающий/слушающий создает индивидуально окрашенную модель происходящего. Однако этот процесс имеет определенные ограничения, накладываемые самой текстовой базой. Думается, что текстовый мир является результатом деятельности реципиента по интерпретации текстовой базы, создаваемой с конкретной целью. Текстовая база представляет собой речевое сообщение с выраженной авторской интенцией, ориентированное на адресата. С этих позиций рекламные произведения типа «Ремонт приборных панелей и электроники иномарок. Тел.» обла-

дают информационной самодостаточностью, имеют своего адресата и преследуют вполне ясные цели. По замыслу отправителя, они должны оказать воздействие на реципиента и его дальнейшее поведение. Моделируемый мир выступает когнитивной основой для выполнения последующих действий. Вместе с тем текстовый мир можно рассматривать как некоторое семиотическое пространство, определяемое дейктиками, которые являются его *конструктивными элементами* (world-building elements), а также *пропозициями, обеспечивающими функциональное развитие* (function-advancing propositions).

Конструктивные элементы устанавливают время, место, сущности и отношения между ними [Werth 1999: 187]. В понимании зарубежных ученых дейктиками являются «все лингвистические средства, осуществляющие референцию к составляющим элементам ситуационного контекста, в котором происходит коммуникация» [Semino 1997: 31]. Дейксис организован по трем основным осям: субъект, место и время. Соответственно различают три вида дейксиса — субъектный (person deixis), пространственный (place deixis) и временной (time deixis). *Субъектный дейксис* передает роли участников в каждом индивидуальном высказывании внутри коммуникативного события. Местоимение первого лица относится к речеотправителю, второго лица — к адресату, третьего лица — к любому другому лицу или сущности.

Пространственный дейксис указывает на локализацию дискурса в пространстве с позиции говорящего. Для пространственного дейксиса также существенна фигура наблюдателя. В русском языке в ситуациях, обозначаемых классическими дейктическими словами *здесь — там, сюда — туда, этот — тот, вот — вон* говорящий и наблюдатель совпадают в одном лице [Апресян 1986: 11]. В английском языке указательные местоимения и наречия *this* и *here* указывают на близость к говорящему, *that* и *there* предполагают удаленность от него. Этот же тип дейксиса выражается наречиями *away* и *opposite*, а также глаголами *come* и *go*. В последнем случае позиции говорящего и наблюдателя не совпадают.

Временной дейксис устанавливает временные точки или периоды по отношению ко времени производства высказывания. Ю. Д. Апресян описывает временной дейксис с помощью трех понятий: время речи (speech time), время события (event time) и точка отсчета во времени (reference time) [Апресян 1986: 9—10]. Временные отношения могут устанавливаться с помощью различных времен, наречий времени (*now, then, soon, lately*), иных обозначений времени (*yesterday, last month, next Thursday* etc.).

Прототипическими членами категории дейксиса называют личные и указательные местоимения, а также видовременные формы

глагола. Дейктики несут определенное значение, однако, в отличие от определенного артикля, они идентифицируют значимые референты, соотнося их с текущим местоположением говорящего [Лайонз 2003]. Кроме названия объектов, дейктики могут передавать информацию об отношениях между ними. К одному и тому же человеку можно обратиться *господин Иванов, профессор Иванов, Сергей Сергеевич, Сережа, папа* и т. д. Выбор формы обращения определяется типом социальной информации, которая передается в каждом конкретном случае.

На фоне концептуального ландшафта, определяемого конструктивными элементами, действуют единицы, ведущие дискурс вперед. Это **пропозиции**, или мыслительные субъектно-предикатные структуры, отражающие некоторые ситуации и конфигурации их элементов [Алефиренко 2005: 183]. Пропозиции определяют динамику дискурса и обеспечивают его функциональное продвижение. К ним относятся действия, события, аргументы, а также любые утверждения о сущностях, населяющих текстовый мир [Gavins 2007: 59—61].

Демонстрируя отличия конструктивных элементов от пропозиций, обеспечивающих продвижение дискурса, П. Верт приводит следующие примеры [Werth 1999; Hidalgo Downing 2000: 88]:

- *While the news was on, John finished his dinner* (Когда шли новости, Джон закончил обедать).
- *While John was eating his dinner, the phone rang* (Когда Джон обедал, зазвонил телефон).

В данных примерах функциональное продвижение обеспечивается за счет указания на совершение действия: *Джон закончил обедать и зазвонил телефон*. Временная параметризация текстового мира устанавливается конструктивными элементами — придаточными предложениями времени (*когда шли новости; когда Джон обедал*).

Текст содержит в себе единицы, достаточные и необходимые для построения на его основе правильной и осмысленной модели. Это называется *принципом текстовой обусловленности* (the principle of text-drivenness). Данный принцип выполняет функцию контрольного клапана, стоящего на большой емкости личных знаний и представлений, которые каждый участник вносит в дискурсивную ситуацию. Текстовая база обеспечивает адресату выход за пределы непосредственно данного в самом тексте и дает сигналы относительно того, какой тип текстового мира нужно сконструировать. Так, прочитывая рекламное сообщение, человек активирует только те знания, которые референциально востребованы. В рекламе стоматологических услуг это могут быть знания об особенностях лечения полости рта, порядке приема пациентов, удаления зубов, протезирования и пр. Представления, скажем, о хоккее

или о том, как настроить гитару, оказываются ненужными и неуместными. Они просто не возникают, если в тексте отсутствуют соответствующие указания.

Конструктивные элементы текста активируют те кластеры опыта, которые необходимы для того, чтобы дискурс имел смысл; происходит сличение с имеющимися знаниями, которые как системно упорядоченный набор сведений хранятся в **когнитивной базе**. Наше понимание *когнитивной базы* складывается под влиянием работ В. В. Красных, которая дает ей следующее определение: «Когнитивная база — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которым обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2003: 61]. Отмечая некоторую категоричность заявления о «всех носителях», мы придерживаемся мнения о том, что в когнитивную базу входят знания и представления, которыми обладает большинство представителей лингвокультуры. Кроме того, она также включает ресурс индивидуальных представлений, которыми располагает каждая языковая личность.

Когнитивная база формируется знаниями и представлениями не только об экстралингвистической реальности, но и знанием языка и сведениями о языке. У каждого человека имеется свой когнитивный фонд, наполнение которого зависит как от личностных особенностей индивида, так и от культурно детерминированных параметров коммуникации. Использование знаний в понимании и порождении дискурса означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся когнитивной структурой, на основе которой и создается текстовый мир. Когнитивные структуры, представляющие собой «свернутую» форму кодирования информации, называют *фреймом, схемой, скриптом, сценарием, планом, когнитивной моделью* и др.

Хотя данные термины различаются в содержательном плане, их обобщенно можно определить как организованные структуры представления знаний, возникающие в результате схематизации опыта и предопределяющие наше восприятие окружающей действительности. Иными словами, когнитивная база содержит хорошо организованное знание, структурированное по схемному принципу. По справедливому замечанию В. З. Демьянкова, в процессе интерпретации схемы служат тому, чтобы конкретные переживания и действия соотнести с ментальными репрезентациями: «...мир, в той мере, в какой он вообще воспринимаем и воспроизводим, представляет собой „функцию“, реализацию схем интерпретации» [КСКТ 1996: 179—181].

Мы, в свою очередь, полностью разделяем мнение о том, что человек воспринимает про-

исходящее сквозь призму ранее приобретенных структур знаний и делаем выбор в пользу термина *фрейм*, обозначающего ментальную структуру представления концептуального содержания. Непротиворечивой выглядит позиция Н. Д. Арутюновой, согласно которой «жизненный контекст дискурса моделируется в форме „фреймов“ (типовых ситуаций) или „сценариев“ (делающих акцент на развитии ситуации)» [ЛЭС 1990: 137]. **Фрейм** — «когнитивная структура закрепленных культурой представлений и ожиданий, проистекающих из прошлого опыта поведения в подобных ситуациях» [Downing 2000: 35]. Активируемые фреймы помогают концептуализировать и понимать дискурс. Они используются как основа для построения ментальных репрезентаций, которые позволяют представлять самые разные аспекты повседневной жизни.

III. Производные миры

В пространстве одного текстового мира могут одновременно возникнуть несколько ментальных репрезентаций, задающих векторы смысловой интерпретации. Альтернативы в рамках текстового мира называются *субмирами*. Приставка *sub-*, используемая П. Вертом (*subworld*), в значительной степени дискредитирует избранный термин, дает неверное представление о его семантике. Возникает впечатление, что каждый появляющийся текстовый мир является подчиненным (*subordinate*) по отношению к базовому, а это не всегда справедливо. Критикуя Верта, Д. Гевинс [Gavins 2005] предлагает термин *переключение мира* (*world-switch*), который отражает изменение установленных параметров текстового мира, но не называет новое концептуальное пространство. Рабочий термин в данном случае, как нам кажется, должен обозначать текстовый мир, образованный от другого. По этой причине целесообразно ввести в обиход термин *производный мир*. Коммуниканты обладают способностью без серьезных когнитивных усилий создавать несколько производных миров одновременно, а также легко «переключаться» с одного на другой. В числе новообразованных текстовых миров выделяют три основных типа.

- *Дейктические производные миры* возникают в результате отклонений от основных параметров текста по инициативе участников или персонажей. Изменения концептуализируются как происходящие в том же текстовом мире, но с другим местоположением или в другое время либо с акцентом на других сущностях. Отклонение от любого из базовых параметров (время, место, действующие лица, объекты) ведет к созданию производного дейктического мира.

Приведем пример из рекламы медицинского препарата: *Чего нам больше всего хочется в жаркий летний день, когда ноги горят, гудят и стонут от усталости? Конечно, сбросить ставшую тесной обувь и опустить ноги в прохладную воду! Именно такое ощу-*

щение свежести и прохлады создаст вашим ногам крем-гель СОФЬЯ — экстракт пляеки с охлаждающим эффектом! Вы наносите гель на измученные ноги, и живительная ментоловая прохлада обволакивает натруженные вены, усталость и тяжесть уходят, вы чувствуете легкость, свежесть и бодрость (КП, 3—10 июня, 2010).

Базовый текстовый мир проектируется во временной зоне настоящего, выстраивается вокруг проблемы, связанной с усталостью ног. Пространственно-временные характеристики эксплицированы: *в жаркий летний день хочется, горят, гудят, стонут*. В производных мирах темпоральная характеристика дважды меняется. Об этом свидетельствуют формы глагола в будущем (*создаст*) и настоящем (*наносите*) времени. Варьирование временного параметра сопровождается детализацией базового текстового мира введением новой сущности (*крем-гель СОФЬЯ*). Взаимопроникновение временных пластов настоящего — будущего — настоящего, а также соположение действующих лиц (которые объективируются формами местоимений *нам, вашим ногам* и др.) и рекламируемого объекта (*крем-гель*) демонстрируют стремление найти решение заявленной проблемы и стимулировать посткоммуникативную деятельность реципиента.

Примером одновременного варьирования параметров времени и места может быть следующая реклама автомобиля: *В дождь или жаркий день, в тесном городском переулке или на скоростной магистрали — KIA Sportage задает тренд, с которым нельзя не считаться!* (РР. 2012. № 14).

- *Аттitudные производные миры* включают в дискурс три области когнитивной активности — желания, убеждения и намерения. Миры убеждений открываются глаголом *believe* — *думать, полагать*. Они возникают, когда участник выражает определенную степень веры сказанному. Миры намерений включают обещания, предложения, команды, просьбы, имеющие отношения к выполнению действий в будущем. Строительными элементами мира желаний являются глаголы *wish* 'хотеть', *want* 'желать', *hope* 'надеяться', *dream* 'мечтать'. В широком смысле предикаты, выражающие желания, выстраивают более или менее удаленные миры, либо просто описывающие желаемое, либо предписывающие условия, которые необходимо выполнить, чтобы желаемое осуществилось. Именно этот тип производных миров, как нам представляется, наиболее часто конструируется в рекламных произведениях: *Я очень хочу этот Polo! Я хочу, чтобы в нем были мои вещи — очки, жвачки, запасные кроссовки в багажнике. Хочу слушать прогрессив-хаус на полную! Хочу, чтобы капли дождя текли вверх по стеклу, когда я буду мчаться по городу. Я даже готов — да что там, я хочу! — стоять*

в этих... пробках! Это мой Polo!!! И я так хочу! (РР. 2012. № 14).

- Эпистемические производные миры охватывают события, удаленные от исходного текстового мира или гипотетически в нем представленные. Поэтому основными строительными элементами выступают конструкции, содержащие условия, косвенная речь, модальные глаголы *must, could, might*, а также глаголы *think* 'думать' и *suppose* 'допускать' [Gavins 2000: 20—22]. Ср.: **Был бы Рябчик, а охотники найдутся!** Водка с лесной душой (Деньги. 2012. № 15).

Дальнейшее разграничение текстовых миров связано с выделением двух типов в зависимости от того, кто инициирует изменение дейктических параметров базового текстового мира — участники дискурса или персонажи. Соответственно выделяются миры, которые доступны участникам (*participant-accessible*), и те, которые доступны персонажам (*character-accessible*). В отличие от вторых, первые подчиняются обозначенным выше принципам дискурса. Поскольку люди сознательно включаются в коммуникацию, нормой считается, что участники обмениваются достоверной информацией, т. е. говорят друг другу правду. В большинстве дискурсивных ситуаций ложь расценивается как патологическое поведение. Отношения с собеседником, как правило, исключают преднамеренный обман. Хотя ложь существует в дискурсе, она не является движущей силой коммуникативного акта. Истинность содержания текстового мира, создаваемого участниками, можно оценить на основе дискурсивных факторов. А в условиях контакта лицом к лицу появляются дополнительные подсказки, такие как особенности окружения, тон и тембр голоса, манера поведения и пр. Кроме этого, участники имеют возможность задавать друг другу вопросы для уточнения отдельных аспектов дискурса.

Это приводит к заключению о том, что если один участник дискурсивного мира устанавливает текстовый мир или производный мир, другие участники ожидают, что он несет ответственность за содержание, которое они априори признают достоверным и истинным. Для наглядности П. Верт сопровождает свои рассуждения примером из судебной практики.

Свидетелю разрешается говорить о том, что он или она видел и разговаривал с неким человеком, но все ссылки на то, что описывал или рассказывал этот человек, должны игнорироваться как слухи. Почему закон делает такое различие? Потому что в судебном деле свидетель, судья, обвинение, защита и присяжные соприсутствуют: они все участники. Следовательно, свидетелям можно задавать вопросы по тому, что они говорят, — это предполагается установленным порядком. Более того, они находятся под присягой, что соответствует приведению в действие принципа коо-

перации. В терминах дискурсивного мира суда отсутствующий информант не участник, а персонаж. В отличие от свидетеля, ему нельзя задать вопросы, он не приведен к присяге. Это не удовлетворяет принципам дискурса [Werth 1999: 214].

Понятно, почему нельзя использовать идентичные критерии, оценивая текстовый мир, созданный персонажем. О достоверности этого мира можно судить лишь по текстовой информации. Конечно, представления о персонажах основаны на опыте общения с реальными людьми в реальном мире, что дает основания приписывать им те же эмоции, реакции, способности и поведение. Вместе с тем есть четкое осознание того, что эти субъекты существуют вне онтологических границ реального мира. Если персонаж выстраивает производный мир, например вспоминая какое-либо событие, правдоподобность такой информации не является абсолютной, поскольку он не несет за нее ответственности. Любое отступление, сделанное персонажем, непредсказуемо и не может быть выверено из-за отсутствия модели согласия.

Возможности исследования дискурса с позиций уровневой стратификации, представленной в настоящей статье, открывают новые исследовательские ориентиры когнитивно-дискурсивного направления. Выделение дискурсивного, тестового и производного миров как уровней анализа носит комплексный характер. Теоретическую базу такого разграничения составляют лингвокогнитивные положения в сочетании с данными смежных областей знания — социолингвистики, прагмалингвистики, психологии, семиотики и философии.

Изучение специфики дискурсивного мира выводит на первый план социально-интерактивный аспект, который предполагает учет взаимодействия коммуникантов в социальной среде, их целей, стратегий, установок. Все дискурсивные миры создаются сознательно и намеренно. Для любого коммуникативного акта общим мотивационным фактором является необходимость и желание участников передать или получить некоторое знание. Дискурсивный мир является более широкой когнитивной областью по отношению к текстовому миру, представляющему уровень концептуализации ситуации, вокруг которой осуществляется взаимодействие. В когнитивно-интерпретационном отношении отклонение от любого из базовых параметров текстового мира ведет к созданию многочисленных производных миров, в которых осуществляется детализация. Это связано с тем, что текстовый мир конструируется из дискурса и, подобно ему, последовательно разворачивается.

Дискурсивные, текстовые и производные текстовые миры имеют разное функциональное предназначение, но обнаруживают сходство в формально-семантическом плане: конст-

руктивными элементами, устанавливающими координаты миров, являются дейктические средства, которые указывают на участников, обстановку, временную и пространственную локализацию фактов, объекты и сущности. Выделенные уровни отражают природу взаимопроникновения конститутивных элементов дискурса. При этом решающую роль играет корреляция элементов текстовой и когнитивной базы, активация которых ведет к созданию ментальных моделей, на основе которых осуществляется понимание дискурсивной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке. — М. : Флинта : Наука, 2005.
2. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика : сб. науч. статей. — М., 1986. Вып. 28. С. 5—33.
3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001.
4. *Дейк, ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989.
5. *Дейк, ван Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. — М. : Прогресс, 1988. С. 153—211.
6. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
7. *Каишкин В. Б.* Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 337—353.
8. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003.
9. *Краткий словарь когнитивных терминов* = КСКТ / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М., 1996.
10. *Кубрякова Е. С.* О связях когнитивной науки с семиотикой // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова. — М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 283—291.
11. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1. С. 72—81. URL: <http://philology.ru>.
12. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8—16.
13. *Кушнерук С. Л.* Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рекламе //

Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 36 (137). Филология. Искусствоведение. Вып. 27. С. 85—89.

14. *Кушнерук С. Л.* Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры : материалы междунар. конф. (19—21 июня 2009 г.). — М. ; Ярославль : Ремдер, 2009. С. 254—258.
15. *Кушнерук С. Л.* Образ президента — визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 87—92.
16. *Кушнерук С. Л.* Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 45—51.
17. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: введение. — М. : Языки славянской культуры, 2003.
18. *Лингвистический энциклопедический словарь* = ЛЭС. — М., 1990.
19. *Лозинская Е. В.* Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX—XXI веков : анализ. обзор. — М., 2007.
20. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003.
21. *Ревзина О. Г.* Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66—78.
22. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монограф. учеб. пособие. — Киев : Фитосоцицентр, 2002.
23. *Gavins J.* Absurd Tricks with Bicycle Frames in the Text World of *The Third Policeman* // Nottingham Linguistic Circular. 2000. № 15. P. 17—33.
24. *Gavins J.* (Re)thinking Modality: A Text-world Perspective // Journal of Literary Semantics. 2005. № 2 (34). P. 79—93.
25. *Gavins J.* The Text World Theory: An Introduction. — Edinburgh Univ. Pr., 2007.
26. *Grice H. P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. — N.Y. : Acad. Pr., 1975.
27. *Hidalgo Downing, Laura.* Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. — Stamford, CA : Ablex Publishing Corporation, 2000.
28. *Semino E.* Language and World Creation in Poems and Other Texts. — L. ; N. Y. : Longman, 1997.
29. *Werth P.* Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. — L. : Longman, 1999.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

В. В. Майба V. V. Mayba

Ростов-на-Дону, Россия Rostov-on-Don, Russia

**О СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
(на примере английского
и русского языков)**

**ON THE STRUCTURE OF THE POLITICAL
CORRECTNESS LANGUAGE
(on the example of the English
and the Russian languages)**

Аннотация. Предлагается двухуровневая концепция языка политкорректности. На основании функциональной нагрузки предлагается различать идеологемы политкорректности, которые выражают установки и ценности данной идеологии, и собственно политкорректную лексику, которая является непосредственной практической реализацией данной идеологии.

Abstract. The two-level concept of language of political correctness is offered in the article. On the basis of functional meaning it is offered to distinguish political correctnesses ideologems which express guidelines and values of the given ideology, and political correctness lexicon itself, which is a direct practical realization of the given ideology.

Ключевые слова: политическая корректность; идеологема; метаконцепт.

Key words: political correctness; ideologeme; meta-concept.

Сведения об авторе: Майба Вита Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

About the author: Mayba Vita Victorovna, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Ростовский государственный университет путей сообщения.

Place of employment: Rostov State Transport University.

Контактная информация: 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.

e-mail: ur_del@rgups.ru.

1. Язык ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Будучи идеологией, политкорректность не знает границ, кроме границ идеологических. Представитель любой культуры вправе принять принципы политкорректности либо не принимать их. Поэтому мы считаем возможным говорить о политкорректности как интернациональной, надкультурной идеологии, различая при этом национальные языки политкорректности. Между ними могут наблюдаться более или менее существенные различия. В частности, одним из таких различий является степень развитости, которая особенно заметна, например, при сопоставлении русской и английской лингвокультур. Кроме того, имеются лингво- и социокультурные предпосылки, которые способствуют либо, наоборот, препятствуют формированию языка политкорректности [Майба 2011а, в]. Однако идеология политкорректности на современном этапе развития мировой культуры в целом является «легко переводимой», как, впрочем, и любая другая идеология.

В современной отечественной и зарубежной науке единодушно признается существование языка политкорректности. К настоящему моменту сложилось понимание языка политкорректности как преимущественно эвфемистического. Точно так же в целом устоялась классификация политкорректной лексики по смысловому признаку. Фактически в ее основе лежит выделение типов дискриминации, который преодолевает та или иная лексема: по половому и сексуальному признаку, по национальному признаку, по религиозному признаку, по признаку возраста, состояния здоровья, внешности, социального статуса и т. д. (см.,

напр.: [Асеева 1999; Болдырева 2006; Калинин-ченко 2010; Маматкулов 2011; Панин 2004; Савватеева 2008; Шабанова 2008; Шеина 2010; Шляхтина 2008]).

Под языком политкорректности естественно понимать словарь. Это явление и исследователями, и создателями описывается как «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном социальном положении [Тер-Минасова 2000: 216]. Однако реформы, предложенные при создании языка политкорректности в английской лингвокультуре, оказались несколько шире. Они затрагивают некоторые аспекты грамматического строя, прежде всего использование местоимения *he* в качестве обобщенного наименования человека (независимо от пола), а также суффиксы, служащие для образования наименований лиц по профессии (ср. неологизм *actron* вместо *actor* и *actress* [Панин 2004]). Это делает язык политкорректности особым политическим языком, который, в силу своих лингвистических особенностей, стоит особняком по отношению к большинству существующих «политических диалектов», создаваемых различными политическими силами.

2. СОСТАВ ЯЗЫКА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА. Представляется, что структура языка политкорректности не так однородна, как принято считать. В нем целесообразно выделить два пласта лексики, которые выполняют в языке политкорректности качественно различные функции:

1) собственно политкорректная лексика, которая включает в свой состав «правильные»,

«допустимые» наименования социальных явлений. Этот пласт политкорректной лексики очень подробно описан и изучен, в том числе и в отечественной науке. Поэтому в данной статье он рассматриваться не будет;

2) лексика, которая используется для непосредственного формирования политкорректной картины мира. Эта лексическая группа фиксирует основные ценности политкорректности, а также то «зло», которое противопоставляется данным ценностям, поскольку не соответствует им. Отличие этого пласта политкорректной лексики заключается в том, что она задает и закрепляет установки и принципы. И если идеологемы политкорректности *выражают* принципы и установки политкорректности, то собственно политкорректная лексика (см. п. 1) непосредственно *реализует* эти принципы и установки.

При характеристике данного лексического пласта целесообразно использовать лингвистическое понятие «идеологема». Понятие идеологемы широко используется при описании политического языка и политических языков (т. е. политических диалектов, которые обслуживают потребности различных политических сил в рамках одной культуры). Идеологема — слово или выражение, смысловое содержание которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2003]; ср. также: [Журавлев 2004; Купина 1995; Малышева 2009] и другие работы.

Идеологема в значительной степени «замкнута на себе». Основная ее функция заключается не столько в категоризации действительности (т. е. в выделении особой группы явлений), сколько в выражении оценки и, шире, в утверждении ценности. Категоризация в этом случае также имеет место, однако она вытесняется на периферию. Вообще для политического языка характерно преобладание оценки над информативностью [см., напр.: Шейгал 2000: 60]). Обусловлено это тем, что идеологема является прежде всего средством воздействия, манипулирования. Для идеологического и политического дискурса характерно намерение убедить людей и направить их действия в нужном направлении. Преобладание оценочности способствует достижению этой цели.

Данный лексический пласт уже рассматривался исследователями [Болдырева 2006: 61—62; Калиниченко 2010: 53; Шляхтина 2008: 243], но в одном ряду с остальной политкорректной лексикой, т. е. не выделялся в качестве самостоятельного. Другими словами, функциональной нагрузке подобных лексем до сих пор не было уделено должного внимания, а сами они включались в состав политкорректного языка

на тех же основаниях, что и собственно политкорректная лексика.

3. ИДЕОЛОГЕМЫ КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА. Какие лексические средства следует отнести к группе идеологем политкорректности?

А. Политкорректность как идеология предлагает полярную картину общественной жизни, выделяя в ней «хорошее» («правильное», «добро») и «плохое» («неправильное», «зло»). Следовательно, на самом абстрактном уровне мы имеем понятия, которые задают базовые ценности политкорректности, а также их «антиподы», т. е. нежелательные, недопустимые явления и установки, которые должны быть искоренены из социальной жизни.

Это можно изобразить при помощи следующей схемы (которая, впрочем, не претендует на исчерпывающую характеристику идеологии политкорректности). В левой колонке перечисляются положительные ценности, в правой — отрицательные явления, которые, с точки зрения политкорректности, необходимо преодолеть.

+	↔	-
Единство в разнообразии	↔	Hierarchy/Иерархичность
Equality/Равноправие	↔	Discrimination/Дискриминация
Tolerance/Терпимость	↔	Intolerance/Ненависть
Respect/Уважение	↔	Humiliation/Унижение
Inclusiveness	↔	Exclusiveness

Последние два термина нуждаются в дополнительном истолковании, поскольку не имеют точных эквивалентов в русском языке. Термин *inclusive* часто используется сторонниками политкорректности в значении ‘not excluding any particular groups of people’, т. е. ‘не исключающий никакую особую группу людей’ [Collins 2006], и может употребляться в сочетаниях типа *inclusive speech* или *inclusive society*. Идея включения, которая лежит в основе данного термина, предполагает, что человек должен не исключать различные социальные и культурные явления как «чужие», а, наоборот, стремиться принять их как «свои». В частности, идея «включающих» образовательных программ состоит в том, что, во-первых, в них представлены достижения других культур (это позволяет избежать утверждения господства одной культуры), а во-вторых, учащемуся в идеале дается разносторонняя информация, которая лишена оценочности.

Типичной идеологемой является и сам термин *политкорректность*. Во-первых, он в сжатом, компрессированном виде выражает совокупность ценностей, принципов и установок, которые составляют суть данного движения. Во-вторых, положительная оценка политкорректности обнаруживается либо у сторонников данного движения, либо у людей, которые ему сочувствуют (в строгом научном дискурсе соответствующее слово используется нейтрально, и это естественно). В речи людей,

которые не принимают идеологию политкорректности, данное слово приобретает ярко выраженные негативные коннотации: *How the BBC's dark forces of political correctness threaten the Christian era* [The Guardian. 2011. 25.09] / *Как темные силы политической корректности BBC угрожают христианской эре* (заголовок статьи). Аналогичные употребления достаточно характерны и для русской лингвокультуры: *Я абсолютно не политкорректен. И не люблю политкорректность. Но каждый век имеет свою форму мракобесия, когда черное называют белым, а белое — черным. Мракобесие XXI века называется политкорректностью* [М. Веллер // Новые известия. 2008. 22.05]. Само наличие полярных оценок явления, которые переносятся на слово, свидетельствует о том, что мы имеем дело с типичной идеологемой.

Б. Перечисленные выше термины формируют ядро языковой репрезентации идеологии политкорректности. Однако картина останется неполной, если не учесть лексический пласт, именуемый разновидностью «зла», которым противостоит политкорректность. К этому пласту относятся, например, наименования видов дискриминации, образованные при помощи суффикса *-ism*:

- *ableism* — ‘discrimination against disabled or handicapped people’ / ‘дискриминация людей, страдающих болезнями или обладающих ограниченными физическими и умственными возможностями’ [Collins 2006], ср. *handicappism, diseaseism*;

- *sexism* — ‘discrimination on the basis of sex, esp the oppression of women by men’ / ‘дискриминация на основе половой принадлежности, особенно притеснение женщин мужчинами’ [Collins 2006], ср. *genderism*;

- *heterosexism* — ‘a system of attitudes, bias, and discrimination in favor of opposite-sex sexuality and relationships’ / ‘система установок, предубеждений и дискриминация в пользу разнородной сексуальности и отношений’ [Wikipedia];

- *sizeism (sizism)* — ‘discrimination on the basis of a person’s size, esp against people considered to be overweight’ / ‘дискриминация на основе габаритов человека, особенно в отношении людей, рассматриваемых как полные’ [Collins 2006], ср. *heightism, fattism, weightism*;

- *elitism* — ‘the belief that society should be governed by a select group of gifted and highly educated individuals’ / ‘вера в то, что общество должно управляться избранной группой одаренных и хорошо образованных людей’ [Collins 2006];

- *classism* — ‘the belief that people from certain social or economic classes are superior to others’ / ‘вера в то, что люди из некоторых социальных и экономических классов превосходят других людей’ [Collins 2006];

- *lookism* — ‘discrimination against a person on the grounds of physical appearance’ / ‘дискриминация людей на основе физического облика’ [Collins 2006].

Ряд слов, которые принадлежат к идеологемам политкорректности и образованы по той же модели, достаточно широк, приведенный список не является исчерпывающим. Не все из них толкуются в словарях английского языка; кроме того, указанные слова в некоторых случаях являются общественно-политическими (возможно, научно-практическими, но вряд ли в строгом смысле научными) терминами, т. е. еще не стали общераспространенными. Тем не менее модель работает и эффективно обслуживает идеологию политкорректности. Стоит также указать на то, что данная словообразовательная модель сама по себе не навязывает оценок. В частности, в английском языке имеются термины *feminism* и *multiculturalism*, которые с точки зрения идеологии политкорректности утверждают положительные ценности.

В этом же ряду следует упомянуть сложные существительные с частью *-phobia*: *xenophobia* — ‘неприятное отношение к иностранцам’; *islamophobia* — ‘проявление ненависти и враждебности по отношению к мусульманам и арабам в целом’; *homophobia* — ‘неприятность к гомосексуалистам, убежденность в том, что гомосексуализм аморален и ненормален, часто опирающаяся на религиозные представления’; *gerontophobia* — ‘боязнь старости, ненависть или неприятность к пожилым людям’; *negrophobia* — ‘ненависть к чернокожим’ и др.

Наконец, близкую функцию выполняют сложные слова с компонентом *-free*, которые указывают на свободу от определенных предрассудков: *gender-free* (свободный от гендерных предрассудков), *cruelty-free* (свободный от жестокости) и другие. Правда, семантическая модель, лежащая в основе данных сложных слов, предполагает утверждение «от обратного»: в них указывается разновидность «зла», от которого тот или иной субъект является свободным. Негативный компонент в этом случае отрицается, хотя и содержится в семантике слова.

Значительная часть перечисленных слов известна и в русском языке, ср. *расизм, сексизм, гетеросексизм, ксенофобия, гомофобия* и т. д. Однако в русском языке число подобных номинаций заметно меньше, чем в английском, что свидетельствует о меньшей степени развития идеологии и языка политкорректности в русской лингвокультуре. Возможно, именно по идеологемам политкорректности (а не по собственно политкорректной лексике) следует судить о том, насколько политкорректность укоренилась в той или иной культуре.

При изучении идеологем политкорректности обнаруживается интересная закономерность, особенно характерная для английского языка: лексика, обозначающая виды нарушений принципов политкорректности, гораздо более многочисленна, чем лексика, описывающая политкорректное поведение (как речевое, так и неречевое). Другими словами, кар-

тина «зла» оказывается более разработанной, чем картина «добра». Подобная ситуация представляется естественной. В частности, аналогичное положение мы находим в языке при осмыслении здоровья и болезни. Как справедливо указывает С. Г. Тер-Минасова, «одна из причин такого соотношения понятий „здоровый“ — „больной“ в том, что здоровье — нормальное состояние человека, а болезнь — отклонение от нормы, состояние гораздо более разнообразное, так как отклонений от нормы может быть очень много» [Тер-Минасова 2000: 124—125].

Эта аналогия не кажется абсолютно абстрактной. Более того, у нее имеются не только узкоспециальные лингвокогнитивные основания, связанные с особенностями категоризации. Дело в том, что многочисленные формы дискриминации естественно воспринимать как болезни, которые нарушают целостность общества. А русское слово *исцелять* и его производные, равно как и английское слово *health*, восходят к индоевропейскому корню **kai-lu-*: **kai-lu-*, который выражает идею целостности [Черных 2002; Harper 2001; ср. также: Кирилленко 2005: 67—68]. Следовательно, избавление от дискриминации неизбежно приведет к оздоровлению общества, т. е. восстановлению его целостности.

4. СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ. Идеологема очень часто употребляется в обобщенном смысле. Так, в примере *Like racism, sexism hurts* [The New Yorker. 2009. 13.04] / *Как и расизм, сексизм ранит* содержится скрытое суждение «Сексизм — это плохо». Очевидно, что в этом обобщающем суждении речь идет о сексизме вообще, и приведенное высказывание направлено либо на формирование у адресата убеждения (если он такового не имеет), либо на достижение с ним контакта (за счет выражения идеи, с которой адресат заведомо согласен).

Отрицательная окраска идеологемы далеко не всегда присуща выражающему ее слову изначально. В частности, как уже указывалось, словообразовательная модель, по которой образуются слова типа *sexism*, *fattism*, *racism* и т. д., не предполагает ни положительной, ни отрицательной оценки. Оценка обычно создается контекстом, т. е. типичными окружениями, в которых употребляется соответствующее слово. Если эти контексты становятся воспроизводимыми и типичными, можно утверждать, что оценка закрепилась за идеологемой. Другими словами, то, что изначально выступает в качестве средства формирования оценки, впоследствии может превратиться в средство ее поддержания и выражения, а слово просто перестанет использоваться в других контекстах.

Средства формирования/выражения оценки явления на уровне высказывания чрезвычайно многообразны. Их изучение может стать объектом самостоятельного исследования.

В данной статье мы ограничимся всего несколькими несистематичными иллюстрациями.

(1) *In typical Braggfashion, before singing, he gives a long and personal intro about taking a stand against racism and sexism* [The New Yorker. 2008. 4.02] / *Как обычно, Брэгг предвзял исполнение песен длинным и личностным вступлением о занятии позиции против расизма и сексизма.* В данном примере идеологема политкорректности *racism* и *sexism* используются с предлогом *against* ‘против, вопреки’, что само по себе передает идею противостояния, борьбы. Борются только с негативным, отрицательным, нежелательным.

(2) *Am I Guilty of Ageism, Ableism, Lookism?* [The New York Times. 1991. 18.01] / *Виновна ли я в дискриминации по возрасту, состоянию здоровья, внешнему виду?* (надпись на обложке). В этом примере представления о видах дискриминации связываются с идеей виновности, что подчеркивает предосудительность данных явлений.

(3) *...a lot of people felt disillusioned because they found that America is not free of racism, sexism, or poverty* [The New Yorker. 2008. 5.11] / *...многие люди ощутили, что утрачивают иллюзии, так как обнаружили, что Америка не свободна от расизма, сексизма или нищеты.* В данном случае негативные коннотации формируются и/или поддерживаются при помощи ряда средств. Во-первых, это идея несвободы, которая, бесспорно, сама по себе является чем-то нежелательным. Во-вторых, это идея потери иллюзий в результате столкновения с реальностью. Наконец, в-третьих, это постановка в один ряд таких явлений, как расизм, сексизм и нищета. Если по поводу первых двух явлений между людьми могут быть расхождения в оценках, то последнее однозначно оценивается как негативное независимо от идеологий. Эта однозначная оценка распространяется на остальные члены ряда, объединенные сочинительной связью.

(4) *I realized belatedly that I was picturing all the characters as de-facto males. Whether this was because of the use of the male pronoun, or because most of the characters occupied roles — politician, officer of the secret police — that are stereotypically “male” (thus betraying my own sexism?), ...I’m not sure* [The New Yorker. 2009. 29.06] / *Я с запозданием поняла, что представила себе всех персонажей де-факто как мужчин. Я не уверена, было ли это из-за использования мужского местоимения, или от того, что все герои занимали роли — политика, офицера секретной службы, — которые стереотипно являются «мужскими» (тем самым я приподняла завесу над собственным сексизмом?).* Глагол *betray* ‘выдавать, открывать (тайну, секрет)’ предлагает осмысление сексизма как представлений, которые находятся в скрытом, непроявленном, неочевидном состоянии. Коннотации, связанные с предосу-

длительностью, в данном примере достаточно очевидны, поскольку человек предпочитает держать в тайне, в том числе от себя самого, то, что является зазорным, неприемлемым. Открытое признание таких «секретов» требует от человека усилия, может рассматриваться как Поступок и в любом случае подобно высвечиванию «темных» областей человеческой психики.

Оценка конкретных идеологем осуществляется с точки зрения основных, ядерных ценностей политкорректности. Одного факта, что мы имеем дело с видом дискриминации, пожалуй, достаточно для того, чтобы признать соответствующие слова или действия непolitкорректными. Однако эта оценка получает выражение и/или подкрепление в других компонентах текста, что делает ее эксплицитной, явной, а следовательно, доступной для исследования.

5. ИДЕОЛОГЕМЫ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ФУНКЦИИ МЕТАКОНЦЕПТОВ. Второй лексический пласт языка политкорректности, т. е. совокупность его идеологем, естественно осмыслять не только при помощи понятия «идеологема», но и при помощи понятия «метаконцепт». При этом понятие идеологемы является основным, тогда как понятие метаконцепта позволяет выявить некоторые дополнительные лингвистически значимые свойства. Дело в том, что оба понятия (хотя и в разной степени) обладают преимуществами, которые делают их удобными для выявления лингвистически существенных признаков и функций описываемых языковых единиц. Однако каждое из этих понятий в отдельности не дает возможности наиболее полно охарактеризовать рассматриваемые единицы.

Термин «метаконцепт» используется в современной лингвистике в разных значениях. Например, его применяют для обозначения единиц высшего уровня обобщения вроде «предмет», «объект» [Махова 2007], а также для концептов, которые могут использоваться в различных типах дискурса, т. е. не привязаны к конкретному типу дискурса (например, научному или политическому) [Прибылова 2011]. Согласно определению Г. Г. Слышкина, «метаконцепты образуются в результате осмысления продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.). В метаконцептах реализуется рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом и/или субъектом которой он является» [Слышкин 2004: 8—9; ср.: Белозерова 2007. С этой точки зрения метаконцепт соотносится не с внеязыковой реальностью, а с самим языком, а также с его реализациями в речи. Именно это понимание, тесно связанное с логической и лингвистической традицией употребления приставки «мета-», будет считаться основным в данной ра-

боте (ср. *метаязык* — «язык, средствами которого исследуются и описываются свойства другого языка, называемого предметным, или объектным» [Ивин, Никифоров 1997]).

Данное понятие представляется достаточно важным при лингвистическом изучении языка политкорректности. Идеологемы политкорректности, примененные к языковой системе или тексту, приобретают характер метаконцептов, которые позволяют осмыслить и оценить конкретные языковые явления и факты с точки зрения закрепленных в идеологеме принципов. В этом отношении идеологемы политкорректности в целом могли бы претендовать на роль метаязыка, выражающего определенный взгляд на язык-объект. И действительно, в идеологии политкорректности имеется мощная лингвистическая составляющая, которая оформляется в ориентированной на практику теории общественных коммуникаций.

Однако такой подход не охватывает политкорректность в целом. Дело в том, что идеологемы политкорректности применяются не только к продуктам речевой деятельности, но и к сообщениям, принадлежащим к другим знаковым системам (т. е. изображениям), а также поступкам, действиям [ср.: Майба 2011б]. Об этом свидетельствует следующий пример: *Anthony Lane, in his 2002 "Mondo Bond" essay... put a different pin on Bond's sexism: "A faint mystery drifts around the Bond women, who fall into his bed but somehow stay beyond his reach; I sometimes picture them making contact over the Internet, getting together for coffee, and giggling over his crummy pickuplines"* [The New Yorker. 2008. 30.05] / Энтони Лэйн в своем эссе 2002 года „В высшей степени Бонд“... прибегаю к другому маневру, изображая сексизм Бонда: „Какая-то тайна парит вокруг женщин Бонда, которые падают в его постель, но иногда оказываются вне пределов его досягаемости; иногда я представляю себе, как они знакомятся через Интернет, отправляются вместе выпить кофе и хихикают над дешевыми приемчиками, к которым он прибегает во время съема“. Выражение *Bond's sexism* служит для обозначения отношения Джеймса Бонда к женщинам (который, по мнению автора, видит в них только сексуальный объект), а также его поведения, нацеленного на то, чтобы покорить женщину; это поведение оценивается пренебрежительно, как заслуживающее смеха. Отрицательная оценка такого поведения налицо. Однако в данном случае следует обратить внимание на то, что оценке подвергается не речевая продукция, а типичное поведение «самца». Оно в принципе способно выражаться в комплиментах и других словесных методах, но автор имеет в виду нечто большее — комплекс действий, к которым прибегает мужчина, желающий покорить женщину.

Следовательно, называть идеологемы политкорректности метаконцептами мы можем

только при условии, что данные идеологемы используются как средства категоризации языковых и речевых явлений. И недооценивать этот аспект политкорректности невозможно. Ведь именно он стал причиной того «обвала» нововведений, о которых было кратко упомянуто в начале данной статьи. Более того, в нем можно увидеть специфичную черту политкорректности. Далеко не все идеологии настолько же чувствительны к языковому коду, даже несмотря на то, что любая идеология укоренена в языке и создает свой собственный язык.

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на еще один момент. Отличительная черта идеологием политкорректности заключается в том, что сами по себе они могут быть непolitкорректными. Идеология политкорректности, будучи проведенной последовательно, требовала бы терпимого отношения к проявлениям национализма, расизма, сексизма. Дело в том, что люди, которые разделяют подобные представления, являются «иными», а следовательно, их права и интересы также нуждаются в защите. Однако этого не происходит.

Именно в этом проявляется идеологическая природа политкорректности, которую многие сторонники данного движения пытаются отрицать. В частности, А. Колаковская выражает эту идею достаточно четко: политкорректность «обладает некоторой абстрактной моделью мира, которую хотела бы реализовать, но когда в заботе о судьбе и правах отдельных групп выделяет их как нуждающихся в привилегированном отношении, то забывает об универсализме, в который уходит корнями, вследствие чего поведение, которое она хочет навязать, часто вступает в противоречие с принципами модели, во имя которой якобы она действует» [Колаковская 2004]. Если раньше дискриминации подвергались женщины, люди с небелой кожей, представители сексуальных меньшинств, то теперь пришло время задуматься, не следует ли отнести к дискриминируемым группам сексистов, расистов и гомофобов.

Чтобы избежать оценочных суждений, уместных в публицистическом или общественно-политическом, но не научном тексте, добавим, что с моральной точки зрения ответ нетерпимостью на нетерпимость, по всей видимости, является допустимым или, по крайней мере, может быть оправдан. Но в данном случае любые оценки политкорректности не являются принципиально важными. Во-первых, существенно то, что идеологемы политкорректности в зависимости от контекста их использования способны приобретать противоположные оценочные коннотации. Именно эта черта, поддающаяся формальному лингвистическому описанию, служит доказательством, что данные единицы являются идеологемами.

Во-вторых, указанная черта — непolitкорректность идеологием политкорректности —

по всей видимости, служит еще одним доказательством того, что собственно политкорректная лексика и идеологемы политкорректности принадлежат к качественно различным уровням языка политкорректности. Идеологемы политкорректности формируют метаязык (язык описания языка), а потому сами не обязательно подчиняются тем принципам и установкам, которые они выражают.

Таким образом, язык политкорректности представляет собой двухуровневое явление, которое включает 1) собственно политкорректную лексику и 2) идеологемы политкорректности. Если собственно политкорректная лексика представляет собой пример «правильного», «очищенного» языка, то идеологемы политкорректности задают стандарты для оценки разнородных культурных явлений, к которым относятся как речевые произведения и языковые единицы, так и поведение. Установки и принципы, заложенные в идеологемах политкорректности, реализуются при создании политкорректной лексики. При этом в тех случаях, когда идеологемы политкорректности используются для оценки речевой продукции, они выступают в качестве метаконцептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асеева Ж. В.* Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 1999.
2. *Белозерова Е. В.* Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2007.
3. *Болдырева С. И.* Политически корректный язык в аспекте глобализации // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2006. № 2. С. 59—63.
4. *Журавлев С. А.* Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2004.
5. *Ивин А. А., Никифоров А. Л.* Словарь по логике. — М. : Туманит : ВЛАДОС, 1997.
6. *Калиниченко Э. Б.* Современная лингвистическая парадигма на примере политкорректности // Преподавание иностранного языка: проблемы и перспективы : материалы 2 Всерос. науч.-практ. конф. / ФГОУ ВПО «Саратов. ГАУ». — Саратов, 2010. С. 53—55.
7. *Кириленко Е. И.* Концепт здоровья в русской языковой традиции // Бюл. сибир. медицины. 2005. № 3. С. 66—75.
8. *Колаковская А.* Imagine... Интеллектуальные истоки политкорректности // Новая Польша. 2004. № 3 (51). URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=200>.
9. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь, 1995.
10. *Майба В. В.* Межкультурные различия в языке политкорректности (к постановке проблемы) // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. / КМГУ. — Казань, 2011а. С. 255—260.
11. *Майба В. В.* Политкорректность и лингвистические аспекты ее изучения // Современная наука: теория и практика : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / СКГТУ. — Ставрополь, 2011б. С. 102—108.

12. *Майба В. В.* Рецепция политкорректности в русской лингвокультуре // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность : тр. 2 Междунар. науч. конф. / ПГЛУ. — Пятигорск, 2011в. С. 202—207.
13. *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—41.
14. *Маматкулов А. Л.* 'Le politiquement correct' (политическая корректность) как социолингвистическая проблема // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 10 (225). Филология. Искусствоведение. Вып. 52. С. 82—84.
15. *Махова А. А.* Семантизация метаконцептов ВЕЩЬ, ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ: словообразовательный аспект // Ломоносов : материалы докл. 14 Междунар. конф. студ., аспирантов и молодых ученых. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/mahova_aa.doc.pdf (дата обращения: 24.01.2012).
16. *Панин В. В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук. —Тюмень, 2004.
17. *Прибылова А. В.* Вербальная репрезентация концепта «терроризм» в институциональных дискурсах США // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. №8 (223). Филология, искусствоведение. Вып. 51. С. 109—111.
18. *Савватеева Л. В.* Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 10. С. 27—32.
19. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и мета-концепты: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2004.
20. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Слово, 2000.
21. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М. : Русский язык, 2002.
22. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.
23. *Шабанова Э. А.* Трансформации языка в условиях современной политической ситуации // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2008. № 1. С. 121—126.
24. *Шеина И. М.* «Политическая корректность» и ее проявление в современном американском варианте английского языка как пример взаимодействия языковых и когнитивных механизмов // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Лингвистика». 2010. № 2. С. 74—78.
25. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
26. *Шляхтина Е. В.* Способы образования политкорректных единиц в английском языке // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2008. № 8. С. 241—249.
27. *Collins* Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. — Harper Collins, 2006.
28. *Harper D.* Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 24.12.2012).
29. *Wikipedia.* URL: <http://www.wikipedia.org/> (дата обращения: 24.12.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.161.1'27
ББК 141.2-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Е. Г. Малышева Е. G. Malysheva
Омск, Россия Омск, Russia

**КОНЦЕПТ 'ОЛИМПИАДА-2014'
КАК НОВОИДЕОЛОГЕМА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(на материале текстов СМИ)**

**'OLYMPICS 2014' CONCEPT
AS NEW IDEOLOGEM OF MODERN RUSSIA
(on the material of the text media)**

Аннотация. Исследуются репрезентации новоидеологемы 'Олимпиада-2014' в текстах СМИ и являются национально маркированные и идеологически релевантные когнитивные признаки в структуре изучаемого концепта.

Abstract. The article is devoted to the study of the representation 'Olympics 2014' new ideologem in Mass Media texts. National bulleted and ideologically relevant cognitive characteristics in the structure of the concept are identified.

Ключевые слова: новоидеологема; концепт; медиатекст; идеологический дискурс; медиадискурс.

Key words: new ideologem; concept; mediatext; ideological discourses; mediadiscourses.

Сведения об авторе: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, факультет филологии и медиакommunikаций.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology and Mediacommunication.

Место работы: Омский государственный университет.

Place of employment: Omsk State University.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Впервые употребивший слово «идеологема» философ языка и литературовед М. М. Бахтин этим термином называл как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы» (выделено мной. — Е. М.), некие «гипотезы смысла» [Бахтин 1975: 105 и далее].

В современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, политологии, социологии и истории) «всплеск» интереса к феномену *идеологема* связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи [Купина 1995; Гусейнов 2004; Торохова 2006; Одесский, Фельдман 2008; Нахимова 2011 и др.]. Однако и в названных, и в целом ряде других исследований термин *идеологема* трактуется по-разному.

На наш взгляд, под *идеологемой* целесообразно понимать единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах.

Идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной ак-

сиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в первую очередь языковой.

Употребление вербальных маркеров идеологемы — ключевого слова, клише, устойчивых метафор и под. — является одним из основных способов ее языковой реализации.

Идеологемы репрезентируются не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, массовоинформационном, публицистическом), но и в других типах дискурсов: рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, бытовом; впрочем, даже в рамках большинства дискурсов, для которых идеологема не является концептуальной доминантой, названная когнитивная универсалия реализует свою важнейшую суггестивную функцию — «целенаправленное воздействие со стороны адресанта (отправителя речи) на сознание адресата (получателя речи)» [Клушина 2003: 269].

Подчеркнем: в разряд идеологем в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак. Сравним, например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов 'господин' и 'товарищ' или идеологическую «нагруженность» концептов 'советский балет', 'советский ученый', 'советское языкознание'.

По признаку актуальности/неактуальности идеологемы в современной идеологической картине мира и в соответствующих типах дискурсов мы выделили 1) идеологемы-историзмы (*советский народ, социалистическое*

соревнование, КПСС, царь); 2) новоидеологемы (финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность); 3) реактуализованные идеологемы (губернатор, дума); 4) универсальные идеологемы (Родина, флаг, гимн, патриотизм).

В качестве **новоидеологем** рассматриваются идеологемы, актуальные для большинства носителей языка, общеупотребительные, активно функционирующие в политическом и других дискурсах постсоветской России, такие как *правовое государство, стабилизация экономики, национальное самосознание, национальный проект, модернизация* и под. Подчеркнем, что, по нашему убеждению, состав новых идеологем неоднороден и непостоянен, граница между этим и другими видами идеологем крайне подвижна и исторически изменчива.

Справедливости ради еще раз следует заметить, что содержательная специфика и оценочные смыслы, присущие идеологемам разного вида, определяются прежде всего особенностями существующего в стране общественно-политического строя, «типологией» субъектов власти, геополитической и экономической обстановкой в мире.

Одним из чрезвычайно актуальных для медиадискурса и для коррелирующих с ним политического, идеологического дискурсов является концепт **'Олимпиада-2014'**, когнитивная структура которого позволяет говорить о нем как об общеупотребительной новоидеологеме.

На наш взгляд, анализируемый концепт изначально был идеологическим феноменом со смешанным аксиологическим модусом, по-разному понимаемым и диаметрально противоположно оцениваемым носителями языка в связи с их политическими, идеологическими взглядами на специфику современного социально-экономического положения России, на пути развития нашей страны.

Таким образом, уже на «старте» функционирования анализируемого концепта и его репрезентации в текстах, прежде всего в медиадискурсе и политическом дискурсе, «спортивная составляющая» в содержательной структуре данного когнитивного феномена не была определяющей: в ядре концепта выделились прежде всего идеологически маркированные признаки, такие как **'политическая победа России'**, **'свидетельство политической мощи России'**, **'подтверждение авторитета России'** (право проводить Олимпиаду 2014 года в Сочи — это политическая победа России и повышение ее политического веса в мире [Время // Первый канал, 8.07. 2007]; победа русской заявки — это укрепление имиджа державы, возвращающейся на мировую арену в качестве крупного игрока [Time. 2008. 6 июля — статья под «говорящим» названием «Олимпиада в Сочи: победа Путина»]); **'национально значимый проект'** (эта заявка

воспринята с огромным энтузиазмом всей Россией... миллионы граждан России объединены олимпийской мечтой — речь В. В. Путина на сессии МОК, Гватемала, 04.07.2007).

Заметим, что в текстах СМИ отражен еще один, весьма значимый и специфический, когнитивный признак изучаемого концепта — **'политическая победа президента России'**. Действительно, практически все медиатексты, связанные с оценкой шансов олимпийской заявки Сочи на победу, эксплицируют мысль о том, что для Владимира Путина это голосование являлось *очень важным моментом в его политической карьере. Выигрыш права провести Игры станет своего рода наградой, причем всемирной, признанием правильности курса, проводившегося господином Путиным на протяжении последних семи лет* [Владимир Путин прибыл за наградой // Коммерсантъ. 2007. № 115 (3691). 4 июля].

Подчеркнем, что на самом деле идея проведения зимней Олимпиады в Сочи крайне неоднозначно оценивалась (и, добавим, оценивается до сих пор) представителями разных слоев российского общества, что подтверждает анализ текстов СМИ, посвященных этой теме.

Интересно, что в период, предшествовавший объявлению столицы Олимпийских игр 2014 г., в массовом сознании россиян (и особенно жителей Краснодарского края) была отчетливо проявлена отрицательная оценка самой идеи проведения Олимпиады в Сочи, неверие в возможность воплощения данного проекта и даже уверенность в его провале. Таким образом, в структуре концепта 'Олимпиада-2014' были сформированы когнитивные признаки с отрицательным аксиологическим модусом **'ненужный, вредный проект'**, **'невыполнимая задача'**, **'способ незаконного обогащения'**. Так, накануне оглашения результатов голосования МОК журналист газеты «Коммерсантъ» М. Зыгарь провел опрос мнения жителей Сочи, который отразил в репортаже, содержательно диссоциирующем с выступлением на сессии МОК российской делегации и президента В. В. Путина. Примечательно, что репортажи о результатах голосования членов МОК и об отношении жителей Сочи к возможному проведению Олимпиады на их территории размещены в одном номере газеты (2007. № 116 (3692). 5 июля).

Процитируем репортаж из Сочи: *Если мировое сообщество хочет подложить нам свинью, они, конечно, дадут нам провести эту Олимпиаду,— говорит мне москвичка Ирина, владелица дома в Красной Поляне и квартиры в Сочи.— Вы посмотрите, что в городе делается. С дорогами, с аэропортом, со всем остальным. Это просто ужас. За семь лет построить новый город невозможно. Я много общалась с местными чиновниками. Те деньги, которые могли, они уже сперли. Поэтому для них, если Сочи*

проиграет, будет оптимально. А победа будет для них страшным шоком. Никто не готов. Я сама, например, была бы счастлива, если бы Олимпиада прошла в Сочи. Но нереально это.

Впрочем, и тональность событийного репортажа, в котором сообщаются подробности презентация Сочи как будущей столицы Олимпиады-2014 и оцениваются заслуги «модератора» олимпийской заявки Сочи президента России В. В. Путина, также весьма иронична и даже критична. Журналист А. Колесников основное внимание уделяет характеристике эмоционального состояния В. В. Путина и его «команды», описанию поведения президента России и членов российской делегации до, во время и после выступления на сессии МОК; в тексте с повышенной оценочностью эксплицируется не только соответствующее отношение к самой идее проведения Олимпиады в условиях современной России, но и отношение к позиционированию места современной России в мире, которое предложено в речи В. В. Путина: *Владимир Путин сильно артикулировал губами, и если бы он вежливо не улыбался ими при этом, я бы подумал, что он повторяет членам МОК избранные места из своей мюнхенской речи*, — комментирует автор статьи, проводя параллель между резким и жестким выступлением российского президента о недопустимости однополярного мира на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10.02.2007) и презентацией сочинской олимпийской заявки. Обратив внимание на оценку тональности речи российского президента, который своим речевым поведением оказывает агрессивное воздействие на адресатов, не позволяя им усомниться в силе и мощи государства, которое он представляет.

Впрочем, как констатирует А. Колесников, *это все-таки была речь мирного человека, который, правда, понимал, что готовится к Олимпиаде придется в условиях военного времени, — слышком много подвигов придется совершить*. Посредством контекстной антонимии (*мирный человек — в условиях военного времени, подвиг*) иронически подчеркивается чрезвычайность и даже авантюристичность, с точки зрения журналиста, стремления российского руководства проводить Олимпиаду в нашей стране, и эта мысль далее в статье развивается: Он (Путин. — Е. М.) закончил на французском, вкратце повторив участникам сессии, что их решения ждут миллионы россиян. *Надеюсь, это не прозвучало как угроза. ... Председатель правления российского заявочного комитета Елена Аникина поподробнее рассказала о русской душе (этот международный термин эксплуатировался на презентации особенно беспощадно): „Русская душа“ сформировалась как сочетание уникального географического*

положения нашей страны и ее многовековой истории... На нее оказала влияние и волшебная, мистическая русская зима! Сердца русских наполнены сентиментальностью, прагматизмом и щедростью! Мы научились полагаться друг на друга, чтобы пережить долгую русскую зиму... Мы научились доверять друг другу. Доверие — основа любых отношений... И я могу заверить вас, дамы и господа, что вы можете доверять России и положиться на нее в том, что она примет эти игры на высшем уровне. Вы можете положиться на нашу русскую душу! Вот тут я на месте членов МОК был бы поосторожнее.

Авторская позиция по отношению к описываемому событию вербализуется в своеобразных «ремарках» (*Надеюсь, это не прозвучало как угроза; Вот тут я на месте членов МОК был бы поосторожнее*), которые характеризуют иронический настрой адресанта относительно преимуществ проведения Олимпиады в России, среди которых на первое место ставилось желание «миллионов россиян» принять у себя Олимпиаду и опора на пресловутую «русскую душу», иронично названную А. Колесниковым «международным термином».

Особенно частотной в материалах СМИ, посвященных выбору Сочи в качестве столицы Олимпиады 2014 г., является экспликация прямой связи между этим событием и выборами президента России в 2012 г., а именно возможностью возвращения В. В. Путина на этот пост. Чрезвычайно специфичным и детерминированным общественно-политическими условиями современной России является вербализованный в этих текстах когнитивный признак новоидеологемы 'Олимпиада-2014' 'повод для возвращения к власти'. Например, в статье под «говорящим» заглавием «Гватемала не покажется», основанным на языковой игре и уже оценивающим «политические перспективы» сочинского олимпийского проекта, журналист Шамиль Идиатуллин анализирует истинные причины возникновения идеи проведения Олимпиады 2014 г. в нашей стране и скрытые политические мотивы решения о ее проведении, политическую и идеологическую подоплеку «олимпийского проекта». На наш взгляд, данный текст заслуживает обширного цитирования, тем более что сегодня он выглядит пророческим: *Борьба России за Олимпиаду была построена по правилам народной сказки или голливудского боевика (заменившего сказку современным детям), согласно которым герой сперва должен пострадать, упасть на одно колено — а потом всех победить. Первая часть этого сюжета была реализована с ошеломляющим рвением. На комиссию МОК сильное впечатление произвел абсолютно неготовый к состязаниям Сочи, на спортсменов — возможность, почти не отходя от лыжни, искупаться в стильном море, на сочинцев — обещания отобрать*

дома и участки в обмен на бессмысленные в местных условиях хоккейные арены, а на большинство россиян — игнорирование обширных полузаброшенных территорий Сибири, Севера и еще примерно двух третей страны, куда менее освоенных и куда более пригодных для зимних Игр.

Проект „Сочи-2014“ был необходим по двум причинам, не имеющим никакого отношения к спорту. Мы должны были взять Олимпиаду, чтобы она не досталась неказистым врагам, ввергнув нас в пучину депрессии и паранойи... Вторая причина была еще существеннее, особенно сейчас, в разгар массовой ностальгии по микроэпохе брежневского изобилия, пик которой пришелся на 1980-й, когда все, кто его помнит, были молодыми или маленькими и когда мы, несмотря на Америку, Афганистан и смерть поэта, отгрохали праздник себе и всем на зависть, а потом светло плакали — а мишка олимпийский улыбался и улетал. Не плакал тогда лишь тот, кто еще не родился. Но теперь-то он родился и тоже хочет вытирать счастливые слезы. Тем более что в Москве была XXII Олимпиада. И в 2014 году будет XXII, только зимняя. И что это, если не судьба?

Вторая причина все и решила. Потому что сограждане который месяц живут как 3 августа 1980 года, готовясь к тому, что кумир вот совсем уже скоро, меньше чем через год, улыбнется и улетит в известный только ему сказочный лес, оставив за тапливающую сердце нежность и пожелание новой встречи друзьям. А плоды всех его стараний достанутся кому-то другому.

Но законы сказки, по которым строилась российская олимпийская концепция, не предусматривают несчастливого конца. Герой должен победить, дурак — жениться на принцессе, а мишка — вернуться. Лучшие из соотечественников поняли это довольно быстро, ведь полномочия президента, избранного в 2008 году, истекут в 2012-м. И в этом 2012 году никто не помешает Владимиру Путину снова стать президентом. Ведь теперь у него будет серьезный повод.

Конечно, есть вероятность, что за свой второй срок решит вдруг побороться и никому не известный пока человек, избранный в 2008 году. Но странно даже думать о том, что этот неизвестный сможет отбить у всеми любимого Путина право открытия и проведения Олимпиады, собственноручно Путиным и добытой.

14 июня президент России любезно дал намек тем, кто еще не понял текущего момента: он сообщил королю Швеции Карлу XVI, что будет рад видеть его в качестве почетного гостя сочинской Олим-

пиады. Судя по рейтингам олимпийских соискателей, намек был понят не только в Швеции и России. О том же, впрочем, свидетельствуют и итоги гватемальского голосования.

Так что теперь он вернется. (Журнал «Власть». 2007. № 26(730). 9 июля.)

Итак, автор статьи точно указывает на то, о чем мы говорили выше и что соответствует нашим представлениям о структуре когнитивного феномена 'спорт' вообще: проект «Сочи-2014» не имеет «никакого отношения к спорту». Причины, по которым В. В. Путин и его «команда» так активно боролись за проведение Олимпиады в Сочи, лежат в области идеологии и политики. Кремлевские идеологи, по мнению автора (и мы разделяем эту точку зрения) точно «диагностировали»: в конечном итоге ничто так не объединяет разрозненную и нестабильную в экономическом, политическом, идеологическом и прочих отношениях нацию, как грандиозные, масштабные спортивные победы, тем более что в них базовые для массового сознания россиян когнитивные категории 'советское прошлое/постсоветское настоящее' оказываются не оппозитивными, а сопоставленными, объединенными семантикой преемственности, традиции: *...сейчас, в разгар массовой ностальгии по микроэпохе брежневского изобилия, пик которой пришелся на 1980-й, когда все, кто его помнит, были молодыми или маленькими и когда мы, несмотря на Америку, Афганистан и смерть поэта, отгрохали праздник себе и всем на зависть, а потом светло плакали — а мишка олимпийский улыбался и улетал. Не плакал тогда лишь тот, кто еще не родился. Но теперь-то он родился и тоже хочет вытирать счастливые слезы.* Несомненно, что уже эта «идеологическая» сверхзадача и ее активная трансляция в разнообразных дискурсивных практиках журналистов, политиков привносит в когнитивную структуру феномена 'Олимпиада-2014' уникальные, национально специфические признаки и слои.

Впрочем, еще более уникальной является важнейшая политическая составляющая олимпийского сочинского проекта, верно «считанная» и российским, и мировым сообществом: Олимпиада-2014 — это символический «знак» того, что В. В. Путин в год проведения в России его политического «детиса» — Олимпийских игр в Сочи — будет президентом России. Ироническая параллель «Путин — олимпийский Мишка» в сочетании с трансформированной цитатой из русской анимационной версии сказки А. Линдгрена о Карлсоне («Он улетел. Но он обещал вернуться... Милый... Милый») придает анализируемому тексту ироническую модальность, позволяет ему оказать на адресата сильный перлокутивный эффект, тем более что финальное предложение текста — вывод автора о политическом «сценарии» будущего

России, в реальности которого адресант не сомневается: **Так что теперь он вернется.**

Таким образом, на фоне многократно высказанной нами мысли о том, что мегаконцепт 'спорт' является универсальной идеологемой, объединяющей советский и постсоветский политический, идеологический и медиадискурсы и идеологические картины мира [см., напр.: Малышева 2009], не будет ошибочным вывод о несомненно идеологическом и национально специфическом, уникальном характере концепта 'Олимпиада-2014', который мы квалифицируем как новоидеологему и в котором, на наш взгляд, выделяются такие противопоставленные по аксиологическому модусу когнитивные признаки, как, с одной стороны, **'политическая победа России', 'свидетельство политической мощи России', 'подтверждение авторитета России', 'национально значимый проект', 'политическая победа президента России', 'повод для возвращения к власти'**, а с другой — **'ненужный, вредный проект', 'невыполнимая задача', 'способ незаконного обогащения'**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Художественная литература, 1975.
2. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2004.
3. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 269—289.
4. Кутина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции (Документы. Материалы. Комментарии). — Екатеринбург ; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
5. Малышева Е. Г. Универсальная идеологема 'Спорт' в спортивно-идеологическом и политическом дискурсе СССР и современной России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. Вып. 1(46—47). С. 330—337.
6. Нахимова Е. Н. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 152—156.
7. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109—123.
8. Торохова М. В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946—1948 гг. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Н. Белозерова

Е. Б. Матыгина
Челябинск, Россия

E. B. Matygina
Chelyabinsk, Russia

СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЯХ
МАДЛЕН ОЛБРАЙТ

THE FAIRY TALE OF THE JUST WAR
IN MADELEINE ALBRIGHT'S
OFFICIAL RHETORIC

Аннотация. Рассматривается одна из базовых метафорических моделей, используемых во внешне-политическом дискурсе США, — «сказка о справедливой войне», — в дискурсе Мадлен Олбрайт во время проведения операции «Союзная сила» на территории бывшей Югославии. Обсуждаются действующие лица «сказки» и сценарий ее развития, указываются те стороны реальности, которые скрывает данная метафорическая модель.

Abstract. The article deals with the problem of one of the basic metaphorical models used in framing the USA's foreign policy, that is 'The Fairy Tale of the Just War'. The model is studied within Madeleine Albright's discourse while the Operation Allied Force in former Yugoslavia was carried on. The characters of the fairy tale and its scenario are discussed, the aspects of the reality hidden by the metaphorical model are pointed out.

Ключевые слова: внешняя политика; метафорическая модель «сказка о справедливой войне»; действующие лица; сценарий «сказки»; США; Югославия; риторика Мадлен Олбрайт.

Key words: foreign policy; the metaphorical model 'the fairy tale of the just war'; the cast of characters; the scenario of the tale; the USA; Yugoslavia; Madeleine Albright's rhetoric.

Сведения об авторе: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Matygina Ekaterina Borisovna, Post-graduate Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, 285.
e-mail: katerinamatygina@mail.ru.

*"This is not my war.
This is America's fight for our values."
Madeleine Korbelt Albright*

Исследователи отмечают: «Любое политическое действие готовится, сопровождается, контролируется языком и претерпевает на себе влияние языка» [Schaffner 1996]. Язык играет очень важную роль в обосновании внутренней и внешней политики. Внешняя политика государства зачастую оказывается сосредоточенной на военных вторжениях во внутренние дела других суверенных государств. В конце XX — начале XXI в. примером такого внешне-политического курса являлась политика Соединенных Штатов. США провозглашали себя единственной супердержавой, устанавливающей «новый мировой порядок», согласно которому допускается нарушение принципа национального суверенитета в целях защиты мирного населения другой страны от массового истребления своим же правительством.

Одним из примеров нарушения национального суверенитета и применения принципов «нового мирового порядка» стало вторжение НАТО под предводительством США в Югославию весной 1999 г. Это вторжение получило название «операция „Союзная сила“» (*Operation Allied Force*). «Духовным покровителем» и архитектором данной операции была госсекретарь США Мадлен Олбрайт. Госпожа Олбрайт — первая женщина-госсекретарь США, одна из самых влиятельных представи-

телей администрации Билла Клинтона, называемая в прессе первым госсекретарем, «умеющим работать на публику со времен Генри Киссенджерера», «холодным воином», «рулевым в государстве», «железной леди», «Тайгер Вудсом внешней политики». Она была сторонницей жесткого курса США в международных отношениях, выступала за усиление позиций США в НАТО, за всемерную защиту интересов США, в том числе с применением военной силы, что было продемонстрировано на Балканах. В прессе Косовский кризис получил название «Войны Мадлен», а саму госсекретаря называли «Мадам Войной».

По словам одного из редакторов журнала «Международная политика», «в наши дни госсекретарь должен убедительно изложить политику президента прессе, общественности и Конгрессу» [Dobbs 1997]. Секретарь Олбрайт почти ежедневно в своих выступлениях перед прессой и по телевидению рассказывала о том, как жестокость господина Милошевича укрепила союз НАТО, насколько необходимо решение продвигаться вперед, и особенно часто, — насколько морально справедлива позиция Соединенных Штатов.

Когда речь идет об обосновании внешней политики государства, в частности правительства США, то на первый план выходят вопросы

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Матыгина Е. Б., 2012

фрейминга. О важности стратегического фрейминга во внешней политике США говорил известный американский ученый-когнитолог Джордж Лакофф. В своих работах Лакофф описал систему метафорических моделей, характерных для представления внешнеполитических событий и обоснования внешнеполитического курса США. Для нашего исследования наибольший интерес представляет метафорическая модель «сказка о справедливой войне». Сказка — это классическая повествовательная форма, используемая для оправдания войны с целью убеждения как избирателей, так и мировой общественности. В каждой сказке есть герой, преступление, жертва и злодей. Структуру и варианты метафорической модели «сказка о справедливой войне» мы подробно рассматривали в нашей предыдущей статье [Матыгина 2009].

В данной статье остановимся на основных характеристиках действующих лиц сказки, а также описании сценария, по которому она разворачивается.

Характеристики действующих лиц обобщены в табл. 1.

Таблица 1
Действующие лица сказки

Герой	Жертва	Злодей
1) поступает благородно; 2) получает всеобщее признание; 3) его благодарят жертва и общество в целом; 4) смелый и порядочный; 5) не может вести переговоры со злодеем, должен низвергнуть его	1) невинная; 2) слабая; 3) безупречное поведение	1) хитер и расчетлив 2) иррациональный демон; 3) порочен от природы; 4) аморален и труслив

Внутренним планом нашего анализа является сценарий «сказки»:

1) злодей совершает преступление против невинной жертвы (обычно речь идет о вооруженном нападении, краже или похищении); правонарушение происходит из-за дисбаланса сил, в результате чего возникает моральный дисбаланс;

2) герой либо собирает помощников, либо решает выступить в одиночку;

3) герой идет на жертвы; он сталкивается с трудностями, как правило, предпринимая тяжелое героическое путешествие, иногда по морю, к предательской территории;

4) злодей порочен от природы, возможно, даже является чудовищем, и поэтому разговаривать с ним не имеет смысла;

5) у героя не остается другого выбора, как вступить со злодеем в битву;

6) герой побеждает злодея и спасает жертву или успешно защищает себя, если он сам являлся жертвой, и спасает общество от угрозы, исходящей от злодея;

7) моральный баланс восстановлен; победа достигнута;

8) герой, который поступает благородно, доказал свое мужество и достиг славы; его лишения оказались не напрасными; герой получает признание, равно как и признательность жертвы и общества в целом.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать, как метафорическая модель «сказка о справедливой войне» реализуется в официальной риторике Мадлен Олбрайт для обоснования операции «Союзная сила».

Изучив корпус текстов, в который вошли 20 официальных выступлений госпожи Олбрайт в период с января 1999 г. по июнь 2000 г., мы пришли к выводу о том, что в публичных выступлениях Мадлен Олбрайт доминирует один из сценариев сказки — сценарий спасения. Рассмотрим, как же реализуется данный сценарий в дискурсе госсекретаря Олбрайт. Начнем с характеристики основных действующих лиц.

ЖЕРТВЫ — это в первую очередь косовские албанцы, ратующие за свою независимость от Сербии, и в некоторой степени сам сербский народ. Приведем примеры: 1) *We have all seen the resulting images of families uprooted and put on trains, children crying for parents they cannot find, refugees recounting how loved ones were separated and led away, and ominous aerial photos of freshly-upturned earth. ... Behind these images is a reality of people no different in their fundamental rights or humanity than you and me — cut off from their families, robbed of their dreams. And make no mistake, this campaign of terror was the cause, not the result, of NATO action. It is a Milosevic production.* / Мы все видели явившиеся результатом этого картины семей, насильно выселенных с места жительства, посаженных на поезда, детей, зовущих потерянных родителей, беженцев, рассказывающих, как разлучали и уводили их родных и близких, и зловещие аэроснимки недавно перевернутой земли. ... За этими картинами стоят реальные люди, имеющие такие же основные права или человеческие качества, как вы и я, дети, такие же, как ваши или мои, — разъединенные со своими семьями, лишённые своей мечты. И, несомненно, эта кампания террора была причиной, а не результатом действий НАТО. Это дело рук Милошевича; 2) *Many refugees streaming out of Kosovo have reported Serb war crimes and crimes against humanity. These reported abuses include the widespread and systematic destruction of entire settlements, the burning of homes, the seizure of*

civilians for use as human blood banks, the rape of ethnic Albanian women and girls, and systematic separation and execution of military-aged men. / Многие беженцы, хлынувшие из Косово, сообщили о военных преступлениях сербов и преступлениях против человечества. Описанные издевательства включают широкомасштабное и систематическое разрушение целых поселений, сожжение домов, захват гражданского населения с целью создания банка человеческой крови, изнасилование женщин и девушек албанского происхождения, систематическое разъединение с семьями и казнь мужчин призывного возраста; 3) *There are terrible reports about men being separated from women and children, then being taken off and executed; of villages being torched; of people arriving across the border, in the snow, with no shoes. Hundreds of thousands of refugees are pouring into the neighboring countries of Albania, Macedonia, Hungary and Montenegro. This is not just oppression. It is barbarism.* / Существуют внушающие ужас свидетельства того, как мужья были разлучены с женами и детьми, затем увезены и казнены; того, как поджигались деревни; того, как люди пересекали границу по снегу без обуви. Сотни тысяч беженцев ринулись в соседние страны: Албанию, Македонию, Венгрию и Черногорию. Это не просто притеснение. Это варварство.

ЗЛОДЕИ — это президент Союзной Республики Югославия Слободан Милошевич, а также сербские правящие круги, сербский режим, сербские лидеры, Белград, политика Белграда. Ключевые преступления — истребление и притеснение косовских албанцев, их принудительная высылка с территории Косово, убийства, террор и нестабильность в Европе: 1) *He is a stubborn man, who is only interested in maintaining himself in power; he does not care about the Serbian people, with whom we have no fight, no struggle.* / Он — упрямый человек, заинтересованный исключительно в сохранении собственной власти; он не печется о сербском народе, с которым мы не ведем ни сражения, ни борьбы; 2) *He initiated a more extensive and violent campaign of repression against ethnic Albanians in Kosovo. One result was a humanitarian crisis, as tens of thousands of people fled their homes. A second consequence — unforeseen by him — was the strengthening of the Kosovar Liberation Army (KLA), which contributed to the unrest by committing provocative acts of its own.* / Он инициировал еще более широкомасштабную и ожесточенную кампанию подавления этнических албанцев в Косово. Первым результатом был гуманитарный кризис, поскольку десятки тысяч людей покинули свои дома. Вторым результатом, который он не предвидел, стало укрепление Армии освобождения Косово (АОК), которая содействовала беспоряд-

кам, совершая свои провокационные акции; 3) *I think that all he cares about is his own power. He has based his power on jingoistic nationalist statements. He is a man who does not care about his people. He has propagandized them — he keeps saying to his people, and to anybody that talks to him, that nothing is going on; that the Serb forces are doing nothing in Kosovo. You have just reported that fighting has intensified. He has only one concern: his personal power.* / Я думаю, то единственная, что заботит его — это его собственная власть. Его власть базируется на шовинистических заявлениях. Он — человек, который не заботится о своем народе. Он занимается пропагандой; он продолжает говорить своему народу и любому, кто говорит с ним, что ничего не происходит, что сербские войска ничего не делают в Косово. Вы только что сообщили, что борьба обострилась. Единственная вещь, которая его заботит — его личная власть.

КЛАССИЧЕСКИЕ ГЕРОИ — это НАТО и Соединенные Штаты Америки, ратующие за свободу и демократию. НАТО под предводительством США выступает как защитник безопасности Евро-Атлантического региона, противостоит «кровавому неистовству» Милошевича.

Цели, которые ставит перед собой герой, благородны и отвечают интересам мирового сообщества, но прежде всего входят в сферу национальных интересов самой Америки и представляют собой задачи НАТО — остановить этнические конфликты, способствовать интеграции Балкан в Европу и освободить сербский народ: 1) *As members of the international community, we have a moral obligation to stop the genocide and ethnic cleansing which has been taken place in Yugoslavia's civil war.* / Как у членов международного сообщества, у нас есть моральное обязательство остановить геноцид и этнические чистки, которые имеют место в гражданской войне в Югославии; 2) *I think it's important that the new Yugoslavia be a country that follows the rule of law, that is well integrated into democratic structure of Europe, and that we want to do everything we can to help it be a normal country.* / Я считаю важным то, что новая Югославия будет страной, следующей правовым нормам, благополучно интегрированной в демократическую структуру Европы, и что мы намерены сделать все возможное, для того чтобы помочь ей стать страной стандартного образца; 3) *In addition to our desire to stop the suffering of innocent civilians, the United States has important national interests in the Bosnian conflict. Our primary national security goal in Europe is to support the actions of NATO members, like France and Great Britain, who previously attempted to mediate this conflict. As the remaining world superpower, we are the only nation which can provide leadership to*

promote order amidst chaos in Bosnia and other regions of the former Yugoslavian state... / Наряду с нашим желанием прекратить страдания невинного мирного населения, у Соединенных Штатов есть важные национальные интересы в боснийском конфликте. Наша первостепенная цель, связанная с национальной безопасностью в Европе, — поддерживать действия членов НАТО, таких, как Франция и Великобритания, которые в прошлом предпринимали попытки содействовать соглашению между сторонами. В качестве сохранившейся мировой супердержавы мы являемся единственной нацией, способной обеспечить руководство для поддержания порядка среди хаоса в Боснии и других регионах бывшей Югославии...

В целом в риторике Мадлен Олбрайт выстраивается следующий сценарий, оправдывающий военные действия на Балканах:

1. Предыдущие мировые войны и национальные конфликты служат, по словам Мадлен Олбрайт, примером тому, что нужно было действовать быстрее и решительнее, в результате таких действий человеческих жертв и страданий было бы намного меньше. Европа является стратегическим партнером Соединенных Штатов и поэтому может рассчитывать на поддержку и помощь США. Политика жестокости и подавления, проводимая Милошевичем на территории Косово, должна быть остановлена, так же как и прекращен поток беженцев из Косово на соседние территории. Такое положение дел недопустимо в конце XX в., поэтому должны быть предприняты шаги для предотвращения гуманитарной катастрофы. Приведем примеры: 1) *We do not want to harm the Serb people. We have no secret agendas. NATO has no wish to conquer your country and expand eastward. We have recognized Kosovo as part of your country. But our nations cannot stand by while thousands of innocent people are killed or driven from their homes.* / Мы не хотим причинить вред сербскому народу. У нас нет скрытых намерений. НАТО не стремится завоевать вашу страну или расшириться на восток. Мы признаем Косово как часть вашей страны. Но наши страны не могут остаться в стороне в то время, как гибнут или подвергаются выселению из своих домов тысячи невинных людей; 2) *Clearly, Kosovo fits with the fact that here there is an ethnic conflict, which has created huge numbers of displaced people and refugees, an overly large number of massacred people with slit throats. I believe that it is an appropriate thing for NATO to be doing. (From our estimation, the biggest threat that we have now is the threat of chaos and instability, which comes about as a result — a variety of reasons — but one is ethnic tensions, border disputes...)* / Очевидно, что в Косово действительно имеет место этнический конфликт, результатом которого

стало огромное количество вынужденных мигрантов и беженцев и чрезмерно большое количество зверски убитых людей. Я полагаю, что НАТО предпринимает уместные действия. (По нашим оценкам, самая большая угроза, с которой мы столкнулись сегодня, — это угроза хаоса и нестабильности, которая возникает в результате множества причин, одна из которых — это этническая напряженность, споры из-за государственных границ...); 3. *Milosevic has been trying to end the rights of the Kosovar people. He has systematically expanded this; he has killed people; he has moved this ethnic cleansing. We have tried to have a peaceful approach to this. He has now moved even further. And if you remember Racak just a few weeks ago, where there were massacres — dozens of people with their throats split — it has been a systematic expansion of this whole atrocity. What we have done — before he was doing it with impunity — we are now making sure that he pays a very heavy price.* / Милошевич пытается покончить с правами косовского народа. Он систематически подробно излагал это; он убивал людей; он привел в движение эту этническую чистку. Мы пытались использовать мирный подход. Теперь он пошел еще дальше. И если вы помните Расака всего несколько недель назад, где произошли массовые убийства, — десяткам людей перерезали горло — это и было планомерным распространением всех этих бесчинств. Что мы сделали: до этого он делал это безнаказанно, — мы намерены убедиться, что он дорого заплатит за это; 4) *Well, I think that what we need to do is to stay firm here. I believe that it is important for us all to remain strong and united and make clear that this kind of treatment of Kosovar Albanians or anybody — he has ethnically cleansed other parts — is unacceptable at the end of the 20th Century, a century that has been marked by extremes in terms of killing people who are not of the same religion or ethnic background. I think we cannot end the century this way. I think we must take steps in order to stop this humanitarian catastrophe. We will use our military force, and we are always prepared to engage with diplomacy.* / Что ж, я убеждена, что мы должны сохранять твердую позицию в этом вопросе. Я полагаю, что всем нам важно оставаться сильными и сплоченными и убедиться, что такого рода обращение с косовскими албанцами или кем бы то ни было — он проводил этнические чистки и в других регионах — неприемлемо в конце XX века, века, который был ознаменован крайностями в вопросе истребления людей иной веры или иного национального происхождения. Я думаю, что мы не можем завершить этот век таким образом. Я полагаю, что нам необходимо предпринять шаги для того, чтобы остановить эту гуманитарную катастрофу. Мы используем нашу

военную силу, и мы всегда готовы перейти к дипломатии.

2. Соединенные Штаты выступают против кровавого диктатора и тирана Слободана Милошевича, заручившись поддержкой всех участников НАТО. Кроме того, достигнуто соглашение с Россией по поводу ультиматума, вынесенного режиму Милошевича, поскольку Россия — исторический союзник Сербии. Совместно союзники будут оказывать гуманитарную помощь беженцам и помогать Косово строить демократическое общество: 1) *When I met with Foreign Minister Ivanov last week, he was clear about Russia's opposition to the NATO air campaign. But we **did agree on the need for an end to the violence and repression in Kosovo; the withdrawal of Serb forces; the return of refugees and internally displaced persons; and unimpeded access for humanitarian aid...** By opposing Solobodan Milosevic's murderous rampage, NATO is playing its rightful role as a defender of freedom and security within the Euro-Atlantic region. / Во время нашей встречи с министром иностранных дел Ивановым на прошлой неделе он занял четкую позицию несогласия России с воздушной кампанией НАТО. Но мы все же пришли к соглашению о необходимости прекращения насилия и репрессий в Косово, о выводе сербских войск, о возвращении беженцев и вынужденных переселенцев и о беспрепятственном доступе к гуманитарной помощи... Противостоя кровавому беспределу Слободана Милошевича, НАТО выступает в справедливой роли защитника свободы и безопасности внутри Евро-Атлантического региона; 2) **...the unity of the allies is something that I think is to be applauded and is really remarkable. I think we should all be very proud of that. / ...единство всех союзников — это то, что, по моему мнению, заслуживает аплодисментов и является действительно поразительным. Я думаю, что мы все должны гордиться этим; 3) But the Alliance is united in knowing that we have to attain our objectives — those that I said: deter and damage seriously. We're all talking to each other. Yesterday Secretary General Solana said that the Alliance was strong and united. Everyone would like to end this in a peaceful way, but we are all together. / Но Альянс объединяет знание того, что мы должны достигнуть наших целей — тех, о которых я говорила: обуздать и нанести значительный ущерб. Все мы ведем переговоры друг с другом. Вчера Генеральный секретарь Солана заявил, что Альянс крепок и сплочен. Всем бы хотелось прийти к мирному урегулированию конфликта, во всяком случае, мы все вместе; 4) Because our cause is just, we are united. And because we are united, we are confident that in this confrontation between barbaric killing and necessary force; between vicious intolerance and respect for human rights; between tyranny and***

democracy; we will prevail. / Поскольку наши основания справедливы, мы сплочены. Поскольку мы сплочены, мы уверены, что в этом противостоянии варварских убийств и вынужденной силы, жестокой нетерпимости и уважения человеческих прав, произвола и демократии мы одержим победу.

3. Герой последователен, решителен, уверен в себе, своих союзниках и в своей правоте. НАТО во главе с Соединенными Штатами выдвигает ультиматум и ждет безоговорочного его выполнения: сербское руководство должно вывести свои войска с территории Косово. Таким образом, война превращается в азартную игру с высокими ставками, ведущуюся с холодным расчетом. Расчет игроков таков: нескольких недель бомбардировок будет достаточно для того, чтобы Милошевич принял выдвинутый ультиматум; жертвы мирного населения — это те издержки, которые стоят поставленных целей — свободы и демократии. Действия американских пилотов демонстрируют профессионализм и новые военно-технические достижения, вызывающие восхищение и гордость. Америка не посылает свои сухопутные войска на недружественные и немирные территории. Сухопутная армия ступит на территорию Косово только в качестве миротворческих сил. Эти мысли иллюстрируют следующие контексты: 1) **Milosevic must stop military operations and withdraw his military, paramilitary and police forces from Kosovo. He must allow all refugees and displaced persons to return with full access for humanitarian assistance. And he must permit the deployment of an international security presence. / Милошевич должен прекратить военные операции и вывести свои войсковые, военизированные и полицейские подразделения из Косово. Он должен позволить вернуться всем беженцам и вынужденным переселенцам с возможностью получения гуманитарной помощи в полном объеме. И он должен разрешить использование международного присутствия по безопасности; 2) ... NATO would continue its bombing campaign until its five demands are accepted. Those are an end to the violence against the ethnic Albanians, a verifiable withdrawal of Serbian forces from the province, the safe return of refugees, an international military presence in Kosovo and the opening of discussions on the province's political future. / НАТО продолжит свою бомбардировку до тех пор, пока не будут приняты пять требований, выдвинутых им. Речь идет о прекращении насилия над этническими албанцами, контролируемом выводе сербских войск из провинции, безопасном возвращении беженцев, международном военном присутствии в Косово и открытии дебатов о политическом будущем провинции; 3) It is evident that the efforts of our courageous military forces are having a significant impact on Milosev-**

ic's options and abilities. But that impact is not yet sufficient. **We must maintain the pressure until an acceptable outcome is achieved.** / Очевидно, что усилия наших доблестных вооруженных сил оказывают существенное воздействие на средства, к которым прибегает Милошевич, и его возможности. Но данное воздействие все же не является удовлетворительным. Мы должны продолжать давление до тех пор, пока не будет достигнут приемлемый результат; 4. Today, our values and principles, our perseverance and our strength, are being tested. We must be united at home and with our Allies overseas... **The stakes are high.** Its stability directly affects the security of our Greek and Turkish allies to the south, and our new allies Hungary, Poland and the Czech Republic to the north. Kosovo itself is surrounded by small and struggling democracies that are being overwhelmed by the flood of refugees Milosevic's ruthless policies are creating. Today, **this region is the critical missing piece in the puzzle of a Europe whole and free.** That vision of a united and democratic Europe is critical to our own security. And it cannot be fulfilled if this part of the continent remains wracked by conflict. / Сегодня наши ценности и принципы, наша стабильность и наша сила подвергаются испытанию. Мы должны быть едины у себя дома и с нашими союзниками за рубежом... Ставки высоки. Ее стабильность оказывает прямое воздействие на безопасность наших греческих и турецких союзников на юге и наших новых союзников — Венгрию, Польшу и Чешскую республику — на севере. Само Косово окружено малыми и борющимися с трудностями демократиями, которые переполнены потоком беженцев, созданным бесчеловечным политическим курсом Милошевича. Сегодня этот регион — крайне необходимый фрагмент в головоломке целостной и свободной Европы. Такое видение объединенной и демократической Европы является крайне важным для нашей безопасности. А это несомненно, если эта часть континента поражена войной.

4. Слободан Милошевич представляется в образе варвара, диктатора, тирана, человека, заботящегося только о собственной политической власти, ответственного за «человеческую катастрофу» и нестабильность в Европе. Он планирует кампании этнических чисток, устраивает резню и кровопролитие, заставляет косовских албанцев покидать родные места и сражаться за независимость. В начале военной операции делались многочисленные заявления о том, что дипломатические каналы открыты и Слободан Милошевич, приняв соглашение, предложенное на переговорах в Рамбуйе, может положить конец бомбардировкам и страданиям невинных сербских людей. В ходе операции данная линия была сведена к тому, что никто не собирается вступить в перего-

воры с югославским лидером. Ответственность за начало военных действий лежит исключительно на нем, его окружении и его режиме. Приведем примеры: 1. **Slobodan Milosevic first vaulted to prominence by exploiting the fears of ethnic Serbs in this province. A decade ago, he catered to those fears by robbing Kosovo Albanians of their cherished autonomy.** For years thereafter, the Kosovo Albanians sought to recover their rights by peaceful means. / Слободан Милошевич впервые достиг признания, спекулируя на страхах этнических сербов в провинции. Десять лет назад он подпитывал эти страхи, лишая косовских албанцев желанной независимости. В последующие годы косовские албанцы пытались возместить свои права мирными путями; 2) **Even while blocking our plan for peace, Milosevic was preparing a plan of barbarism; a plan for the ethnic cleansing of the entire Kosovo Albanian community. First, his security forces threatened and then forced the withdrawal of the OSCE mission. Then, a new rampage of terror began.** / Даже препятствуя нашему плану по мирному урегулированию, Милошевич готовил варварский план, план этнической чистки всего сообщества косовских албанцев. Сначала его силы безопасности угрожали, а потом и форсировали отмену миссии ОБСЕ. Затем началось новое буйство террора; 3) **Slobodan Milosevic is a cruel dictator and he doesn't care about his people, and he certainly doesn't care about the Kosovo Albanians. We believe that this is the right way to go about ending a human catastrophe.** / Слободан Милошевич — это жестокий диктатор, он не заботится о своем народе и абсолютно точно не заботится о косовских албанцах. Мы полагаем, что это верный способ прекращения гуманитарной катастрофы; 4. **I think that the point here is that we are not going to negotiate with him. We believe that the Serb people would be better served by having a democratically-elected government that represents their values.** / Я думаю, что главное здесь — это то, что мы не собираемся вести переговоры с ним. Мы полагаем, что для сербского народа было бы благоприятным демократически избранное правительство, представляющее их ценности.

5. Дипломатические меры отвергнуты самим югославским президентом, он лжет, не выполняет соглашения, не идет на встречу, блокирует дипломатические пути разрешения конфликта, продолжает свои карательные действия, этнические чистки на территории Косово, поэтому неизбежным является демонстрация силы до победного конца, т. е. до того момента, пока не будут приняты все требования НАТО и США. США как государство-лидер, единственная супердержава, не могут остаться в стороне. Ожидание или более мягкие меры в этом вопросе — ошибка: 1) *For more than*

a year **Kosovo has been visited by destruction and death. Fear and fight have become a daily reality. Too many people have died and too many hopes have been squandered. It is now clear that as the Kosovar leaders were saying yes to peace at Rambouillet, Mr. Milosevic was planning a new campaign of expulsions and executions in Kosovo. He started carrying out the plan as the talks ended, increasing our sense of urgency that the air strikes NATO had threatened for some time must begin.** / Вот уже более года Косово поражено разрушением и смертью. Страх, боевые действия стали ежедневной реальностью. Слишком много людей умерло, и слишком много надежд потрачено впустую. Теперь уже ясно, что в то время как косовские лидеры говорили «да» мирному соглашению в Рамбуйе, господин Милошевич планировал новую кампанию принудительных выселений и казней в Косово. Он начал приводить в действие свой план в тот момент, когда закончились переговоры, усиливая наше ощущение крайней необходимости в осуществлении воздушных бомбардировок со стороны НАТО; 2) **For ten years, the international community has tried to resolve the crisis without military action. ... I believe the Serb people have not been accurately informed about what that plan would mean for them. It would help build democracy and protect the rights of everyone in Kosovo while leaving Kosovo within Serbia. And NATO-led force would protect both Serb and Albanian civilians.** / В течение десяти лет международное сообщество пыталось разрешить кризис без военных действий... Я полагаю, что сербский народ не был правильно информирован о том, что этот план означал бы для него. Он бы помог построить демократию и защитить права каждого жителя Косово, оставляя Косово в составе Сербии. И силы под руководством НАТО защитили бы как сербских, так и албанских мирных жителей; 3) **Last October, President Milosevic agreed to a ceasefire, to the withdrawal of most of his security forces, and to the entry of a verification mission from the OSCE. It soon became clear, however, that Milosevic had never intended to live up to this agreement. Instead of withdrawing, his security forces positioned themselves for a new offensive. Early this year, they perpetrated a massacre in the village of Racak. And at Rambouillet, Belgrade rejected a plan for peace that had been accepted by the Kosovo Albanians, and that included provisions for disarming the KLA, and safeguarding the rights of all Kosovars, including ethnic Serbs.** / В октябре прошлого года президент Милошевич принял соглашение о прекращении огня, выводе большей части своих сил безопасности и о вводе контрольной миссии ОБСЕ. Однако вскоре стало ясно, что Милошевич вовсе и не намеревался соблюдать данное соглашение. Вместо ухода, его силы безопасности под-

готовились к новому наступлению. В начале этого года они учинили кровавое побоище в деревне Расака. И в Рамбуйе Белград отверг план о мирном соглашении, принятом косовскими албанцами и включающем положения о разоружении Армии освобождения Косово, и защищающем права всех жителей Косово, включая этнических сербов; 4) **The United States and our partners in the international community have tried everything to bring about a peaceful solution that protects the legitimate rights of all Kosovo's people. We pressed Belgrade to end its offensive actions in Kosovo and urged both sides to refrain from using force and stop targeting innocent civilians. But the continued brutality and repression by the Serb forces further underscores the need for NATO to persevere.** / США и наши партнеры в международном сообществе предприняли все усилия для вынесения мирного решения, защищающего законные права всего косовского народа. Мы настояли на том, чтобы Белград прекратил свои наступательные действия в Косово, и призвали обе стороны воздержаться от применения силы и прекратить обстрел невинных гражданских лиц. Но непрерывные зверства и карательные меры со стороны сербских сил также подчеркивают необходимость того, чтобы НАТО продолжило свое дело.

6. Правитель-варвар остановлен. Его резервы подорваны: разгромлен военный, хозяйственный, экономический потенциал. Его ждет трибунал по военным преступлениям, он должен понести наказание за свои бесчинства и неповиновение. Косовские албанцы, равно как и сербы, могут жить по демократическим порядкам. Беженцы могут вернуться домой. Кризис преодолен: 1) **The Yugoslav Army announced today that it had completed its operations against the insurgent Kosovo Liberation Army and had begun a partial withdrawal of military and police forces from Kosovo.** / Армия Югослави объявила сегодня, что она завершила все свои действия, направленные против повстанческой Армии освобождения Косово, и начала частичный вывод военных и полицейских сил из Косово; 2) **I think that what is evident from all the information that I've seen and that has been reported is that his military, generally, is being weakened while our air campaign is strengthening. There has been a serious degradation of his military, its ability to operate. We have hit command and control centers; his oil refineries are not working; his ammunition supplies are down and the ammunition production facilities have been seriously damaged. So, systematically, there is a way of wearing down his military while at the same time our air campaign is strengthening.** / Я думаю, что из всей информации, которая была мной просмотрена и мне сообщена, очевидно то, что его войска большей частью ослаблены, в то

время как наша воздушная кампания набирает силу. Имеет место серьезное ослабление его военной силы, ее дееспособности. Мы нанесли удар по командным пунктам и центрам управления; не работают его нефтеперерабатывающие заводы; снижены его поставки боеприпасов, и серьезно повреждены объекты по производству оружия. Таким образом, существует возможность методичного ослабления его военной силы, в то время как наша воздушная кампания набирает обороты; 3) *In my meetings last week with the front-line states, it is evident to all of them that he is creating instability in the region. We believe that he is responsible for all the things that are going on, in terms of the burning of the houses and ordering people to execute people and rape. The War Crimes Tribunal is being provided with all kinds of information. We are being helpful; so are the other countries... But we are saying, as the President has said, he is responsible for what is going on.* / На прошлой неделе на моих встречах с государствами передовой линии очевидным стало то, что он создает нестабильность в регионе. Мы убеждены, что он несет ответственность за все, что происходит, что выражается в сожжении домов и отдаче приказов одним людям убивать и насиловать других людей. Вся соответствующая информация передается в трибунал по военным преступлениям. Мы готовы помочь, так же как и другие страны. ... Но мы говорим, как это и было сказано президентом: он несет ответственность за все происходящее; 4) *I am no prophet. Certainly, the scars of the past are still visible. Certainly, the wounds opened by the current devastation will take much time to heal. But the evidence is there in the testimony of average people whether in Zagreb or Tirana, Sarajevo or Skopje, that they are far more interested in plugging into the world economy than in slugging it out with former adversaries.* / Я не пророк. Безусловно, все еще видны шрамы прошлого. Безусловно, потребуются долгое время для излечения ран, открытых теперешним разрушением. Но факт — в свидетельствах обычных людей, будь то в Загребе или Тиране, Сараево или Скопие, и он состоит в том, что они гораздо больше заинтересованы в использовании возможностей мировой экономики, нежели чем в борьбе с бывшими противниками.

7. США на мировой арене выступают как государство-герой, которое стоит на защите собственных интересов и интересов европейского сообщества как своего основного стратегиче-

ского партнера, а также ратует за объединение мира на принципах демократии. Освобожденная нация вкушает плоды демократии: 1) *And the United States will continue to welcome efforts to strengthen the European pillar of our Alliance in a way that bolsters overall effectiveness and unity.* / И Соединенные Штаты продолжат приветствовать усилия, направленные на укрепление европейского столпа нашего Блока, что найдет выражение в содействии всеобщей эффективности и сплоченности; 2) *Seeing democracy established across all of Europe — as well as in Asia, Africa and the Americas — matters very much when we seek partners in promoting peace and freedom around the world. And fighting for justice matters tremendously to our chances of bequeathing safer, freer, better lives for our children.* / Будение того, что демократия установилась по всей Европе, так же как и в Азии, Африке и Северной и Южной Америке, — имеет большое значение при поиске партнеров по поддержанию мира и свободы по всему миру. И борьба за справедливость чрезвычайно повышает наши шансы завещать более безопасную, более свободную и лучшую жизнь нашим детям; 3) *First of all, I think that this area of Europe is of great interest to the United States. It's near the Middle East; it's near the center of Europe. We believe that it is good for America to have a stable, secure, free and open Europe.* / Прежде всего, я полагаю, что эта часть Европы представляет огромный интерес для Соединенных Штатов. Она расположена рядом с Ближним Востоком; рядом с центром Европы. Мы верим, что Америке выгодно иметь стабильную, безопасную, свободную и открытую Европу; 4) *And if you only could see the gratitude of the people of Kosovo to what we have done, out of Washington, with our allies in NATO, I think people would understand that this is worth doing. And just imagine... how we would feel if we had done nothing, and the ethnic cleansing would have continued.* / И если бы вы только могли видеть благодарность людей в Косово за то, что мы делали из Вашингтона с нашими союзниками в НАТО, я думаю, что люди бы поняли, что игра стоит свеч. И только представьте ... как бы мы себя чувствовали, если бы ничего не предприняли, и этнические чистки бы продолжались.

Подводя итог вышесказанному, охарактеризуем действующих лиц сказки в выступлениях госсекретаря (см. табл. 2 и 3).

Действующие лица сказки
в оригинальных выступлениях М. Олбрайт

Герой NATO and the USA	Жертва The Kosovo Albanians	Злодей Slobodan Milosevic
<ul style="list-style-type: none"> – NATO is playing its rightful role as a defender of freedom and security within the Euro-Atlantic region; – a military campaign to reduce President Milosevic's ability to make war on the people of Kosovo; – a NATO operation is the Euro-Atlantic Community's last option to oppose killing, terror and instability; – struggling to save lives, maintain health and restore hope; – supporting justice and opposing terror in Kosovo; – concern themselves with the future of the region; – to begin the vital work of returning, reuniting and rebuilding in Kosovo; – to transform the Balkans from the continent's primary source of instability into an integral part of the European mainstream; – to build a solid foundation for a new generation of peace; – to stop the killing and achieve a durable peace that prevents further repression and provides for democratic self-government of Kosovar people; – not to harm innocent Serbs but to stop the attacks in Kosovo; – promoting peace and freedom around the world; – fighting for justice; – to deter Milosevic from continuing his kind of aggressive activities against the Kosovar people; – to damage Milosevic's military capability; – strong and united coalition; – to address humanitarian concerns, respond to fears, prevent unpleasant surprises; – the remaining world superpower; – the only nation to provide leadership to promote order amidst chaos in Bosnia ; – a moral obligation to stop the genocide and ethnic cleansing; – the gratitude of the people of Kosovo to what we have done; – to end this cycle of violence by diplomatic means; – courageous military forces; – to maintain the pressure until an acceptable outcome is achieved; – to adhere to international standards of human rights for everyone, regardless of ethnicity; – diplomacy backed by the threat of NATO air strikes 	<ul style="list-style-type: none"> – a humanitarian crisis; – a massacre in the village of Racak; – a new ram page of terror; – Milosevic's campaign of ethnic cleansing; – violence and repression in Kosovo; – Milosevic's depredations in Kosovo; – the veil of propaganda and ignorance; – Milosevic's murderous rampage; – Kosovo has been visited by destruction and death; – fear and fright have become a daily reality; – too many people have died; – too many hopes have been squandered; – renewed attacks; – the brutality of the Serb regime; – extermination of Kosovo Albanians; – persecution; – the cycle of vengeance and sorrow; – images of families uprooted and put on trains; – children crying for parents they cannot find; – refugees recounting how loved ones were separated and led away; – ominous aerial photos of freshly-upturned earth; – people and children cut off their families, robbed of their dreams; – homeless people inside Kosovo; – Serb war crimes, crimes against humanity; – abuses including the widespread and systematic destruction of entire settlements; – the burning of homes; – the seizure of civilians for use as human shields and human blood banks; – the rape of ethnic Albanian women and girls; – the systematic separation and execution of military-aged men; – killings and mass burials; – victims tortured and burned to death; – not just oppression, it's barbarism; – refugees pouring into the neighboring countries; – atrocities against ethnic Albanians in Kosovo; – Kosovo as a victim to turbulence and bloodshed; – policies of ethnic polarization and hate mongering in Kosovo; – police repression and human rights abuses throughout Yugoslavia; – the devastating conflict in Bosnia; – terrorized civilians 	<ul style="list-style-type: none"> – Miloshevic's murderous assault on Kosovo; – never intends to live up to his agreements; – exploits the fears of ethnic Serbs; – caters to those fears by robbing Kosovo Albanians of their cherished autonomy; – the primary instigator in three wars, attacking Slovenia and Croatia, triggering a devastating and prolonged conflict in Bosnia; – the initiator of a more extensive and violent campaign of repression against ethnic Albanians in Kosovo; – rejects a plan for peace at Rambouillet; – blocks the plan for peace; – prepares a plan for barbarism; – prepares a plan for the ethnic cleansing of the entire Kosovo Albanian community; – creates a humanitarian disaster; – refuses a diplomatic settlement ; – sets in motion a strategy of violence and ethnic cleansing; – plans a new campaign of expulsions and executions in Kosovo; – harasses the people and kills them in Kosovo; – keeps going on with his aggressions; – makes defiant statements; – a stubborn man; – is only interested in maintaining himself in power; – does not care about the Serbian people; – cleanses Albania; – gives orders to massacre people; – the man that has created human catastrophe and instability in this part of Europe; – a cruel dictator; – doesn't care about his people and doesn't care about the Kosovo Albanians ; – bases his power on jingoistic nationalist statements; – Milosevic's worthless word; – Milosevic's ruthless policies

Таблица 3

Действующие лица сказки
в переводных выступлениях М. Олбрайт

Герой НАТО и США	Жертва Косовские албанцы	Злодей Слободан Милошевич
<ul style="list-style-type: none"> – НАТО выступает в своей законной роли защитника свободы и безопасности в Евро-Атлантическом регионе; – военная кампания по снижению способности президента Милошевича вести войну с народом Косово; – операция НАТО — это последний выбор Евро-Атлантического сообщества в противостоянии убийствам, террору и нестабильности; – в борьбе за сохранение жизней, за поддержание здоровья и возрождение надежды; – поддерживая справедливость и противостоя террору в Косово; – занимаясь будущим региона; – начать крайне необходимую работу по возвращению, воссоединению и восстановлению в Косово; – превратить Балканы из первостепенного источника нестабильности в нераздельную часть европейского большинства; – заложить твердую основу для нового поколения, живущего мирно; – остановить убийства и достичь длительного мира, предотвратить дальнейшие репрессии и обеспечить автономность косоваров; – не причинить вреда невинным сербам, но прекратить бои в Косово; – продвижение мира и свободы во всем мире; – борьба за справедливость; – удержать Милошевича от его агрессивных операций, направленных против косоваров; – нанести ущерб военным возможностям Милошевича; – сильная и сплоченная коалиция; – направлять силы на гуманитарные проблемы, откликаться на страхи, предупреждать неожиданные действия; – сохранившаяся в мире супердержава; – единственная страна, обеспечивающая лидерство для поддержания порядка посреди хаоса в Боснии; – моральное обязательство остановить геноцид и этнические чистки; – благодарность жителей Косово за то, что мы сделали; – закончить этот виток насилия дипломатическими средствами; – отважные войска; – сохранить давление до получения надлежащего результата; – придерживаться международных стандартов прав человека для каждого, в независимости от этнической принадлежности; – дипломатия, подкрепленная угрозой авиационных ударов со стороны НАТО 	<ul style="list-style-type: none"> – гуманитарный кризис; – кровавая расправа в Расаке; – новое буйство террора; – устроенная Милошевичем кампания этнических чисток; – насилие и карательные меры в Косово; – бесчинства Милошевича в Косово; – завеса пропаганды и невежества; – кровавое неистовство Милошевича; – в Косово поселились разрушение и смерть; – страх и ужас стали повседневной реальностью; – слишком много людей умерло; – слишком много надежд было рассеяно; – возобновившиеся нападения; – жестокость сербского режима; – истребление косовских албанцев; – гонения; – период возмездия и скорби; – картины семей, насильно выселенных с места жительства и посаженных на поезд; – дети, зовущие своих родителей, которых они не могут найти; – беженцы, рассказывающие, как родные и близкие были разлучены и уведены; – зловещие аэроснимки только что взрытой снарядами земли; – люди и дети, разлученные со своими семьями, лишенными надежд; – бездомные люди на территории Косово; – военные преступления сербов против человечества; – нападения, включающие широкомасштабное и систематическое разрушение целых поселений; – поджог домов; – захват мирного населения для использования в качестве живых щитов и банка человеческой крови; – изнасилование женщин и девушек албанского происхождения; – систематическое разделение с семьями и казнь мужчин призывного возраста; – убийства и массовые захоронения; – не просто угнетение, а варварство; – беженцы, прибывающие в большом количестве в соседние страны; – зверства над этническими албанцами в Косово; – Косово — жертва беспорядков и кровопролития; – политический курс этнической поляризации и разжигание ненависти в Косово; – полицейские расправы и нарушение человеческих прав по всей Югославии; – опустошающий конфликт в Боснии; – запуганное мирное население 	<ul style="list-style-type: none"> – кровавое вооруженное нападение Милошевича на Косово; – совсем не собирается жить в соответствии со своими соглашениями; – использует в своих целях страхи этнических сербов; – подпитывает эти страхи путем лишения косовских албанцев желанной независимости; – главный зачинщик трех войн, нападающий на Словению и Хорватию, инициирующий опустошающий и затяжной конфликт в Боснии; – инициатор более обширной и жестокой кампании подавления этнических албанцев в Косово; – отвергает план мирного соглашения в Рамбуйе; – препятствует плану мирного соглашения; – разрабатывает план варварских действий; – готовит план этнических чисток всего сообщества косовских албанцев; – создает гуманитарную катастрофу; – отказывается от дипломатического решения проблемы; – пускает в ход стратегию насилия и этнических чисток; – планирует новую кампанию принудительного выселения и казней в Косово; – подвергает нападкам людей и убивает их в Косово; – продолжает совершать свои агрессивные действия; – делает демонстративные заявления; – упрямый человек; – его интересует только сохранение собственной власти; – не заботится о сербском народе; – «вычищает» Албанию; – отдает приказы о массовых убийствах людей; – человек, создавший человеческую катастрофу и нестабильность в этой части Европы; – жестокий диктатор; – не заботится о своем народе и не заботится о косовских албанцах; – основывает свою власть на шовинистских заявлениях; – ничего не стоящее слово Милошевича; – бесчеловечные политические принципы Милошевича

Рассмотрев, как реализуется метафорическая модель «Сказка о справедливой войне» в официальных заявлениях Мадлен Олбрайт, обратимся к тому, какие стороны реальности «затемняет» данная модель в речах госсекретаря.

Согласно современным теориям метафоры, метафорические модели скрывают важные аспекты реальности, освещая одни стороны события, высвечивая одни возможности решения ситуации, при этом скрывая и «затемняя» альтернативные. Таким образом, метафорическая модель позволяет человеку видеть только те альтернативы, которые совместимы с данной моделью и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия.

Какие же стороны, альтернативы скрывает обсуждаемая метафорическая модель?

Во-первых, описывая этнические чистки на территории Косово и варварский режим Слободана Милошевича, признаваясь в любви к сербскому народу, говоря о вынужденном характере бомбардировок на территории Югославии, госсекретарь Олбрайт не акцентирует внимание на жертвах среди мирного населения, разрушении важных для жизни всей страны и соседствующих с ней стран объектов. Госпожа Олбрайт не отрицает того, что США напрямую заинтересованы в стабильной Европе, но напрямую не говорит о важном для США расширении блока НАТО и военном присутствии США в Восточной Европе, получении рычагов давления на другие европейские страны, «раскачивании» европейской финансово-экономической системы, создании американской военной базы за рубежом. Также «затемняются» корыстные цели США, например доступ к трансбалканскому нефтепроводу, который должен был соединиться с нефтяными коридорами между Черным морем и Каспием — регионом, где находятся самые большие неразработанные запасы нефти.

Во-вторых, из поля зрения ускользает статус Освободительной армии Косово (ОАК), считавшейся террористической в самой Югославии. Не обсуждается тот факт, что кровопролитие в небольшом местечке Расак, которое послужило принятию решения о начале бомбардировок в Югославии, было ответным шагом сербских властей на действия ОАК. Нет упоминаний того, каким притеснениям подвергались сербы на территории самого Косово.

В-третьих, в речах госпожи Олбрайт Слободан Милошевич предстает как кровавый варвар и тиран, истребитель своего народа и косовских албанцев, но замалчивается тот факт, что он — нежелательный партнер для США, поскольку не контролируется Западом и стремится к построению на Балканах единого сербского государства. За полем зрения остается проблема «метафизического Косова». Косово — это не просто географическая территория, это еще и «колыбель сербского наро-

да», часть «косовского мифа», что, возможно, не принималось всерьез американской администрацией и самой Мадлен Олбрайт, убежденной, что для свержения Слободана Милошевича понадобится трех-/пятнадцатидневная воздушная операция, в реальности растянувшаяся на 11 недель и не остановившая «гуманитарную катастрофу» в регионе.

Мы приходим к следующему выводу: «сказка о справедливой войне», в упрощенной форме представляющая борьбу добра со злом и оправдывающая действия и поступки одних стран, намеревающихся начать военные действия против других, находит отражение в виде одного из своих сценариев («сказка о спасении») с набором всех составляющих (герой, жертва, злодей, преступление) в риторике Мадлен Олбрайт в период подготовки и проведения операции «Союзная сила» на Балканах. Перспективой данной работы является проведение сравнительно-сопоставительного исследования военно-политических дискурсов госсекретарей США Мадлен Олбрайт и Кондолизы Райс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Т. Амба Косову // Российская газета (Федеральный выпуск). URL: <http://www.rg.ru/printable/2008/03/01/kosovo.html> (дата обращения: 01.03.2012).
2. Матыгина Е. Б. Сказка о справедливой войне в официальных заявлениях Кондолизы Райс // Политическая лингвистика. 2009. № 1(27). С. 72—84.
3. Мурадян И., де Факто И. «Балканская модель» и роль Пентагона в политике США. 29.08.2009. URL: <http://geopolitica.ru/Articles/725/> (дата обращения: 02.02.2012).
4. Олбрайт М. Мы выиграли эту войну. URL: http://www.portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1142172718&archive=&start_from=&ucat=6&category=6 (дата обращения: 26.04.2010).
5. Степанова Е. Политика США в отношении косовского конфликта. URL: <http://propagandist.narod.ru/yugoslav/book/chapter4.htm> (дата обращения: 22.02.2012).
6. Тексты выступлений Мадлен Олбрайт. URL: http://1997-2001.state.gov/www/statements/1999_index.html (дата обращения: 02.05.2011).
7. Хохлышева О. Особенности миротворчества США, НАТО и Запада в целом на Балканах (к вопросу об уроках косовского кризиса). URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/balk/010.htm> (дата обращения: 12.02.2012).
8. Чукин Н. Я. Косово глазами постороннего. URL: http://zhurnal.lib.ru/c/chuksin_n_j/kosovo.shtml, http://zhurnal.lib.ru/editors/c/chuksin_n_j/kosovo_1.shtml, http://zhurnal.lib.ru/editors/c/chuksin_n_j/kosovo_2.shtml, http://zhurnal.lib.ru/editors/c/chuksin_n_j/kosovo_4.shtml (дата обращения: 13.04.2011).
9. *After Kosovo*: implications for U.S. Strategy and Coalition Warfare. 16—17.11.1999. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ndu/summary-after-kosovo.html> (дата обращения: 15.01.2012).
10. Alexander K. A. NATO's intervention in Kosovo: the legal case for violating Yugoslavia's national sovereignty in the absence of security council approval. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_hb3094/is_3_22/ai_n28777833/ (дата обращения: 20.04.2010).

11. *Archive: Madame Albright and Kosovo*. URL: <http://www.srpska-mreza.com/guest/sirius/Albright-Kosovo.html> (дата обращения: 05.05.2010).
12. *Bardos G. N. Balkan History, Madeleine's War, and NATO's Kosovo*. URL: http://www.serbianstudies.org/publications/pdf/Vol15-1_Bardos.pdf (дата обращения: 29.02.2012).
13. *Beck S. NATO bombing of Yugoslavia and the Lessons of the 20th Century*. URL: <http://www.san.beck.org/NATOBombingLessons.html> (дата обращения: 22.02.2012).
14. *Buckwalter D. T. Madeleine's War: Operation Allied Force*. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/navy/rmi/oaf.pdf> (дата обращения: 06.03.2010).
15. *Burton L. A. Kosovo: To Bomb or Not to Bomb? The Legality is the Question // Annual Survey of International and Comparative Law*. 2010. Vol.7 Iss. 1. Art. 5.
16. *Corry J. Madeleine's War*. URL: <http://www.unz.org/Public/AmSpectator-1999jul-00050> (дата обращения: 07.04.2011).
17. *Dobbs M. Albright Reshapes Role of Nation's Top Diplomat // Washington post*, 15.06.1997. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/govt/admin/stories/albright061597.htm> (дата обращения: 24.06.2011).
18. *Felberg T. R. Inhabiting the Theatre of War: The Discourse Models of the NATO bombing of Yugoslavia in Milosevic's address to the nation and Dukanovic's address to the citizens of Montenegro // Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines 1(1): 124-147*. URL: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD1-1-Felberg-2007-Inhabiting_The_Theater_Of_War.pdf (дата обращения: 05.04.2011).
19. *Guraziu R. Is humanitarian military intervention in the affairs of another state ever justified?—2008*. URL: <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Is%20humanitarian%20military%20intervention%20ever%20justified.pdf> (дата обращения: 01.03.2012).
20. *Johnstone D. Humanitarian War: Making the Crime Fit the Punishment*. 23.06.2000. URL: <http://emperors-clothes.com/articles/Johnstone/crime.htm> (дата обращения: 22.07.2010).
21. *Kahn P. W. War and Sacrifice in Kosovo*. URL: www-personal.umich.edu/~elias/Courses/War/kosovo.html (дата обращения: 13.01.2012).
22. *Kuusisto R. Just war, cruel slaughter and humanitarian bombings?* URL: www.lausti.com/focus/2000/kuusisto.html (дата обращения: 20.07.2008).
23. *Lakoff G. Metaphor and War, Again*. URL: www.alternet.org/story/15414.html (дата обращения: 03.08.2009).
24. *Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. -1999*. URL: http://www.frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphorical_thought.pdf (дата обращения: 30.09.2008).
25. *Lakoff G., Chilton P. Foreign Policy by Metaphor*. URL: <http://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/foreign-policy-by-metaphor-lakoff-and-chilton-1989.pdf> (дата обращения: 12.01.2012).
26. *Latawski P., Smith M. A. The Kosovo crisis and the evolution of post-Cold War European security*. URL: <http://www.oopen.org/download?type=document&docid=341388+The+Kosovo+crisis+and+the+evolution+of+post-Cold+War+European+security.&sa=X> (дата обращения: 15.03.2012).
27. *Paris R. Kosovo and the Metaphor War*. URL: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Metaphor.pdf> (дата обращения: 27.08.2011).
28. *Perlez J. Crisis in the Balkans: the Secretary; An Embattled Albright Tries to Fend off her Critics*. 09.04.1999. URL: <http://www.nytimes.com/1999/04/09/world/crisis-balkans-secretary-embattled-albright-tries-fend-off-her-critics.html?pagewanted=all&src=pm.html> (дата обращения: 13.01.2012).
29. *Roberts A. NATO's 'Humanitarian War' Over Kosovo*. 01.10.1999. URL: <http://ics-www.leeds.ac.uk/papers/vp01.cfm?outfit=pmt&folder=4&paper=816> (дата обращения: 02.10.2010).
30. *Schaffner Ch. Editorial: Political Speeches and Discourse Analysis*. 1996. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13520529609615471> (дата обращения: 12.01.2012).
31. *Woman on Top of the World; The Democrats' Foreign Policy Expert Madeleine Albright, Making Her Mark on Eastern Europe*. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1P2-1042874.html> (дата обращения: 05.05.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Э. В. Будаев

Е. В. Михалькова Е. V. Mikhalkova
Тюмень, Россия Tyumen, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТЕКСТОВ ПЛАКАТОВ
НА МИТИНГАХ ОПОЗИЦИИ В МОСКВЕ,
ПРОВЕДЕННЫХ В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ
4 ДЕКАБРЯ 2011 Г. И ВЫБОРАМИ
ПРЕЗИДЕНТА РФ 4 МАРТА 2012 Г.**

**ASPECTS OF DISCOURSE,
FOUND IN THE TEXTS OF POSTERS
AT MEETINGS HELD IN MOSCOW
OVER THE ELECTIONS
TO STATE DUMA (4 DECEMBER 2012)
AND PRESIDENTIAL
ELECTIONS (4 MARCH 2012)**

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные особенности самодельных плакатов, созданных людьми для выражения гражданской позиции на митингах в Москве относительно предвыборной кампании и выборов в Государственную думу 4 декабря 2011 г. и выборов Президента РФ 4 марта 2012 г.

Abstract. The article considers special features of discourse, found in the texts of self-made posters, created by people to express their political views at the protests held in Russia over the elections in State Duma (04.12.2011) and Presidential elections (04.03.2012).

Ключевые слова: дискурс; лозунг; дискурсивная тема; семантика дискурса; коммуникативное пространство.

Key words: discourse; slogan; discourse topic; semantics of discourse; sphere of communication.

Сведения об авторе: Михалькова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Институт гуманитарных наук.

About the author: Mikhalkova Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of the English Language, Institute of the Humanities.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.
e-mail: evrog@gmail.com.

Предлагаемая статья является независимой публикацией, мнение автора не отражает позицию организации, в которой он состоит. Автор стремился к беспристрастному анализу ситуации без солидаризации с какими-либо исследуемыми политическими взглядами.

Первой крупномасштабной протестной акцией в Москве, посвященной выборам в Государственную думу, был митинг 10 декабря на Болотной площади (далее — Болотная-1). По официальным данным, «общее число участников митинга на пике не превышало 25 000 человек. 20 000 человек находилось непосредственно на площади, еще 5 000 на прилегающих улицах...» [Forbes 2012a]. Далее последовал митинг на площади Сахарова, оценки численности которого сильно разошлись: «Правоохранители заявили о 29 тыс., организаторы — о 120 тыс.» [Кособокова]. Наконец, 4 февраля состоялась еще одна крупномасштабная акция — шествие по Большой Якиманке до Болотной площади (далее — Болотная-2) [Митинги в Москве и Петербурге].

транспорантов, я не опять таки не видел. Фотографы осатанев носились по Большой Якиманке с очевидной задачей сделать „самый полный дайджест самых клевых плакатов с болотной — 2“» [Мы вернулись. Болотная — 2]. В связи с креативностью плакатов, созданных простыми гражданами, в СМИ даже появился термин «креативный класс» (см., напр., блог А. А. Вассермана [Вассерман 2012]). Правда, автору данной статьи представляется, что такое употребление словосочетания нетерминологично: в работе Р. Флорида «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее», откуда пришло выражение, оно обозначает представителей творческих профессий, создающих культурное пространство города, формирующих ценности обитающих в его среде людей.

Как отмечали авторы Forbes в преддверии акции на Сахарова, «митинг на Болотной запомнился в том числе плакатами в руках людей. Проспект Сахарова, очевидно, не станет исключением» [Forbes 2012b]. Шествие также отличалось креативными плакатами. Константин Бочарский, заместитель главного редактора журнала «Секрет фирмы», спецкорреспондент газеты «Коммерсант», высказал следующее мнение в своем блоге (в цитате сохранены авторский синтаксис и орфография): «Такого количества дико клевых, смешных плакатов,

Плакаты, флаги, транспаранты и растяжки с митингов можно разделить на две группы. Первую представляют материалы, подготовленные системной оппозицией (партиями «КПРФ», «ЛДПР», «Правое дело» и т. д.), организованными оппозиционными группами (анархисты, националисты), организаторами митингов (оргокомитетом). Для них характерна стилистическая конвенциональность, повторяемость символики и лозунгов, растиражированность (например, целый ряд одинаковых флагов или

множество наклеек с одной и той же надписью). Ко второй группе относятся созданные отдельными гражданами и, следовательно, носящие индивидуальный характер плакаты и их трансформации, в том числе костюмы с надписями. В основном это плакаты на ватмане или простой бумаге формата А4 с распечатанными или нанесенными краской лозунгами, а также с графическими образами, выполненными вручную или распечатанными. Эти материалы часто отличаются креативным, творческим подходом, юмором, игрой слов, окказиональными словами и переинтерпретациями привычных значений. Такие агитационные объекты не подчиняются конвенциям, сложившимся в среде организованной оппозиции, хотя, безусловно, испытывают влияние этих конвенций. Так, в подобных материалах встречается лозунг «За честные выборы» и его вариации.

Предметом данного исследования стали дискурсивные особенности текстов с плакатов второй категории, так как именно в таких креативных материалах происходит формирование новых значений в протестной идеологии. Кроме того, своим появлением на акциях за честные выборы люди, не принадлежавшие к системной или организованной оппозиции, создали особую сферу коммуникации. Благодаря особенностям Web 2.0 три митинга (в исследовании не вошли другие акции кампании «За честные выборы», например, «Белое кольцо» и митинг на Пушкинской 6 марта 2012 г., но их тоже можно считать частью описываемых здесь коммуникативных процессов) были использованы протестующими как поэтапная модель для расширения коммуникативного пространства и обсуждения понятий, стоящих за ключевыми словами. Каждый раз после акции в блогах и социальных сетях появлялись фотографии плакатов, в комментариях к постам и фотоальбомам шло активное обсуждение текстов, понравившиеся плакаты получали множество «лайков». Следующая акция проходила уже как продолжение предыдущей с переосмыслением ее значений и ценностей.

Материалом для данного исследования послужили фотографии плакатов с трех митингов, выложенные в социальных сетях (www.vk.com, www.livejournal.com) и на новостных порталах. Далее мы рассмотрим следующие дискурсивные особенности текстов лозунгов: дискурсивные темы, семантику ключевых слов, жанровую принадлежность.

1. ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕМЫ

Тема дискурса — это предмет коммуникации в абстрактном выражении, к которому отсылает (осуществляет референцию) ряд сообщений, принадлежащих данному дискурсу. Для дискурсивной темы характерен свой набор ключевых слов. В исследуемом корпусе тек-

стов есть как дискурсивные темы, повторяющиеся от события к событию, так и темы уникальные, характерные только для одного из трех событий. Рассмотрим в первую очередь повторяющиеся темы.

Плакаты с трех публичных мероприятий затрагивают ряд общих тем, которые условно можно обозначить как «честные выборы» (ключевые слова: *Чуров, ЦИК, проголосовать, голос, подсчитать, пересчет*), «власть» (*власти, верхи, Кремль, Путин, Медведев, «Единая Россия», царь, править, вести*), «оппозиция» (*митинг, Навальный, Явлинский, собираться, приходиться, изменить*). Условность выделения данных тем вызвана неоднородностью предмета коммуникации и разной степенью абстракции, которую мы допускаем при уточнении темы. Так, например, следующий протестный лозунг на тему «фальсификация выборов» на более абстрактном уровне затрагивает тему воровства в целом: *Мой голос украли!* [Митинги в России 10.12.11 «Болотная»] Некоторые лозунги объединяют в себе несколько частных подтем, например: *Мёрзну бесплатно* [Мирное шествие за честные выборы 4 февраля]. Этот лозунг, во-первых, является ответом на высказывание В. В. Путина о том, что оппозиционерам приплачивают [Разговор с Владимиром Путиным] (тема «продажность оппозиции»), а во-вторых, — на слова Геннадия Онищенко о том, что митинги из-за холодной погоды опасны для здоровья [Онищенко: митинги 4 февраля опасны для здоровья] (тема «холодная погода»). С учетом этих особенностей можно построить схему тем и подтем, общих для трех рассматриваемых мероприятий, на которой конкретизируются более абстрактные формулировки темы (см. рис.).

Рассмотрим теперь различия в дискурсивных темах, принимая во внимание экстралингвистический контекст митингов, рассматриваемых как коммуникативные события.

Болотная-1, состоявшаяся через 6 дней после выборов в Государственную думу, была прямой реакцией на результаты выборов. Не случайно поэтому самой актуальной темой на ее плакатах стали честные выборы и подтемы фальсификаций при подсчете голосов, украденного голоса, обмана. 10 протестных лозунгов в выборке из 55 текстов посвящены темам воровства и лжи (*Хватит врать и воровать!* [Митинги в России 10.12.11 «Болотная»]), что, вероятно, является скрытой референцией к прозвищу, данному А. А. Навальным партии «Единая Россия» — «партия жуликов и воров» — в передаче «Сухой остаток» на радиостанции «Финам FM» [Финам FM 02.02.2011]. В некоторых лозунгах эта референция не завуалирована: *„Единая Россия“ — партия жуликов и воров!* [Электорат вышел на улицы].

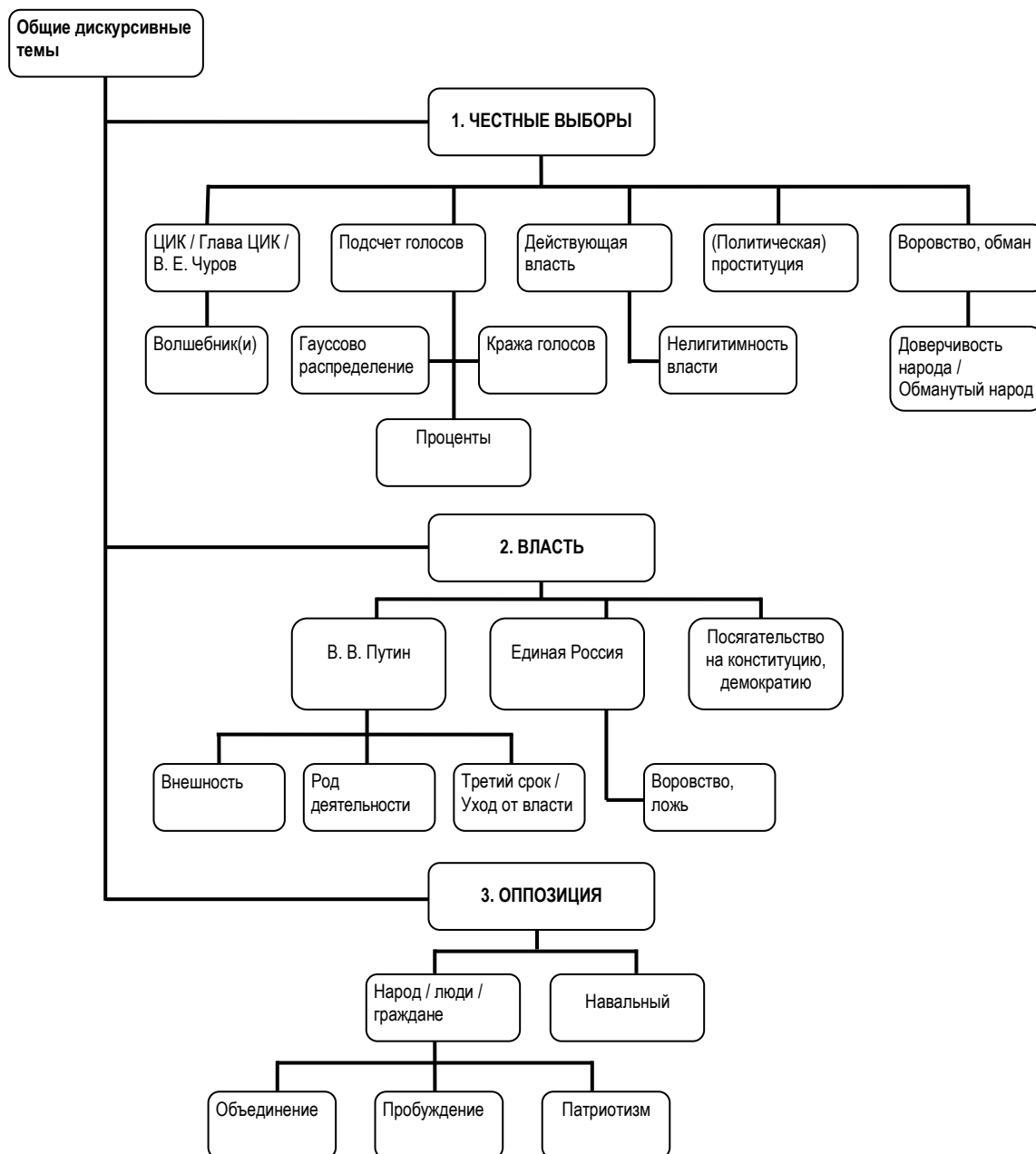

Рисунок. Темы лозунгов протестных акций

В преддверии президентских выборов 4 марта, в лозунгах на Сахарова тема «Единой России» отходит на второй план, уступая место другим представителям власти. Здесь активно обсуждается бывший на тот момент кандидатом в президенты В. В. Путин. Затрагиваются не только род его деятельности, готовность выбираться президентом на третий срок, предвыборная кампания, но и внешность (рост: *Политических пигмеев...* [Митинги в России 24.12.11] — в сочетании с изображением), манера говорить (*нас уконтраПутить не получится!* [Митинги в России 24.12.11] — об употреблении Путиным субстандартных слов и выражений, например, «уконтрапупить» [Путин: Уконтрапупить коррупционеров]) и хобби («*белая лента*» *против черного пояса!* [Митинги в

России 24.12.11] — увлечение дзюдо). Также упоминается рост Д. А. Медведева. Что примечательно, в немногочисленных лозунгах, посвященных Медведеву, он соседствует с В. В. Путиным, причем подчеркивается зависимое, второстепенное положение первого, например: *Putin and teddy escape!* [Митинги в России 24.12.11] (обыгрывается фамилия Медведева: *teddy(-bear)* — англ. 'игрушечный мишка').

Характерной чертой лозунгов на Сахарова является их диалогичность. 16 экземпляров (17 %) из выборки (всего 92 текста) — это ответы на высказывания В. В. Путина относительно оппозиции из программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». Три из 16 затрагивают тему подкупа оппозиционеров американцами (*Ищу пункт выдачи Госдепом*

„небольших денежек“ [Митинги в России 24.12.11]); девять лозунгов обыгрывают сравнение белой ленточки — символа кампании «За честные выборы» — с контрацептивом (*В третий раз все тот же презик?! [Митинги в России 24.12.11]*); четыре воспроизводят сравнение оппозиционеров с бандар-логами (*мы не бандерлоги, мы мангусты! [Митинги в России 24.12.11]*). Наконец, на Сахарова заметна авторефлексия оппозиции как единого целого с активным проявлением коллективного «мы» и лозунгами, посвященными деятельности оппозиции, призывающими людей примкнуть на сторону оппозиции: *Мы проснулись!; Вместе мы сможем!; Мы не бандерлоги, мы мангусты!* [Митинги в России 24.12.11].

На шествии этот процесс рефлексии достигает апогея: она отражена в 37 лозунгах (29 %) из 127 в нашей выборке. Все больше лозунгов, сформулированных как требования: *Выметайтесь из Кремля!; Отдайте власть народу!* [Митинги в России 04.02.12]. В целом же шествие тиражирует темы, уже затронутые на Сахарова, акцентируя внимание на одном из кандидатов предвыборной гонки — В. В. Путине (ему посвящены 53 лозунга из 121, т. е. 43,8 %).

Особняком стоят микротемы «на злобу дня». Они обыгрываются в лозунгах, апеллирующих к отдельным случаям, ситуациям — например, к неприянтому закону (*Единая Россия имея 2/3 % голосов в Госдуме не могла принять закон о противодействии педофилии?* [Шествие по Б. Якиманке]) или нерешенной бытовой проблеме (*За что? Мои дети бомжи — Калмыкова И. Л.* [Мирное шествие за честные выборы 4 февраля]). Такие темы есть на всех трех мероприятиях.

2. СЕМАНТИКА ДИСКУРСА

Одна из самых ярких семантических особенностей протестного дискурса на рассматриваемых мероприятиях состоит в присвоении новых значений привычным словам. Так, на Болотной-1 возникает метафора потерянному или украденному голосу: *Верните наши голоса!* [Митинги в России 10.12.11. Часть 2]; *мы не немцы* [Электорат вышел на улицы]. Голос, поданный за кандидатов, ассоциируется с живым человеческим голосом, поэтому с его потерей наступает немота (отсюда на лицах протестующих маски). Здесь возникает пересечение с другой концептуальной метафорой — «народ = стадо (немое, не обладающее речью)»: *Если вы полагаете, что имеете дело со стадом баранов, то вы глубоко заблуждаетесь!* [Митинги в России 10.12.11 «Болотная»]. Эта семантическая коллизия проявляется и в развитии другой параллели: украсть голос может только человек со сверхъестественными способностями, волшебник. Глава ЦИКа В. Е. Чуров сравнивается с волшебником, гипнотизером, циркачом: *В цирке открыта вакансия волшебника! Чуров, иди работать по*

специальности! [Митинги в России 10.12.11. Часть 2]. На ЦИК также возлагается ответственность за то, что зима была недостаточно снежной: *Верните снежную зиму! Верните честные выборы!* [Электорат вышел на улицы]. Метафора поддерживается за счет визуальных образов, в том числе одежды: один протестующий оделся в костюм Гарри Поттера, надев маску с надписью «честные выборы» [Митинги в России 24.12.11]. На шествии волшебник трансформируется в обманщика, мошенника: *кручу-верчу, запутать хочю!* [Все-российская акция «За честные выборы»], *Чуров — Жулье* [Шествие по Б. Якиманке].

Антитезой «волшебству» становится гаусово распределение, использовавшееся после 4 декабря 2012 г. рядом интернет-пользователей для математического доказательства фальсификаций на выборах: *Чурову не верим! Верим Гауссу!* [Митинги в России 10.12.11 «Болотная»]. Другое логическое доказательство неверного подсчета (явка 146,47 %, «цифры, выданные со ссылкой на ЦИК» на канале «Вести 24» [146,47 % процентов избирателей]) послужило почвой для появления новой метафоры: после выхода данного новостного ролика выражение «146 процентов» используется для обозначения фальсификаций.

Целый ряд метафор основан на высказываниях и личности В. В. Путина. В лозунгах проводятся параллели между Путиным и героем романов о Гарри Поттере домовым Добби (*Освободите Добби от непосильной работы* [МИТИНГИ 4 ФЕВРАЛЯ]), Гитлером (отсюда неологизм «Путлер»: *Путлер кагут* [Митинги в России 04.02.12]) и даже английской королевой при намеке на длину прогнозируемого срока правления (*Еще 12 лет? Королева* [Мирное шествие за честные выборы 4 февраля]). Примечательно, что почти никто из лидеров оппозиции не стал героем сложного метафорического образа с графической поддержкой. Исключение составляет А. А. Навальный. На одном из плакатов он сравнивается с героем трилогии «Матрица»: *Матрица — еще 12 лет; Правда — уже сегодня* [Черкасов 2012] (Навальный изображен в виде Нео, протягивающего две таблетки — для сна и для пробуждения).

Некоторые лозунги основаны на так называемых путинизмах (этим термином «западные и российские СМИ называют острые, колкие и малопривятные для оппонентов афоризмы, фразы и высказывания Владимира Путина» [ru.wikipedia.org]). Например, ранее упомянутое сравнение оппозиционеров с бандар-логами развивается в комплексное предствление о Путине как о змее Каа, а об участниках политических действий — как о героях «Книги джунглей» (отсюда морфологическое образование «пуу»: *Мы пришли к тебе пуу!* [Митинги в России 24.12.11]). Сравнение символа кампании «За честные выборы» — белой ленточки — с контрацептивом становится семантиче-

ским перевертышем: *кто обзывается, сам так и называется* [Митинги в России 24.12.11]. В лозунгах на шествии есть апелляция к еще одному высказыванию В. В. Путина — «как раб на галерах» [ru.wikipedia.org]: *Свободу рабу на галерах!* [Шествие по Б. Якиманке]; *Вова, суши весла!* [Всероссийская акция «За честные выборы»]. Хотя это высказывание интернет-источники относят к 2008 г., т. е. оно являлось прецедентным уже во время проведения митингов, отсылка к нему встречается только на шествии. Очевидно, к этому моменту коллективный образ В. В. Путина все больше подвергается метафорическому осмыслению, становится объектом городского фольклора и, если можно так выразиться, интернет-фольклора. Этот образ, как в случае с Каа и бандар-логами, развивается, получая новые объекты для семантизации. Оппозиция предстает рабами, соратниками по труду: *на пуй с моей галеры!* [Шествие по Б. Якиманке].

3. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Самым ожидаемым жанром на митинге как политической акции, по нашим представлениям, является лозунг. Ранее в данной статье мы использовали термин «лозунг» для обозначения любого высказывания с плакатов. Тем не менее прагматические особенности собранных текстов свидетельствуют о том, что их жанровая природа неоднозначна.

Часть текстов отвечает традиционным представлениям о лозунгах. Они сформулированы как требование за или против какого-либо острого социального, политического и т. п. феномена: *Мы за честные выборы!* [Электорат вышел на улицы]. В то же время ряд высказываний выбивается из общей картины, так как они не являются ни требованиями, ни призывами. Это, скорее, обращения, жалобы, цель которых — привлечь внимание к проблеме (пусть даже вполне бытовой, индивидуальной): *спасите наших детей от членов партии „Единая Россия“ Груздева В. С., Громова Б. В.; „Единая Россия“ Груздев В. С., Громов Б. В. Сносить жильё дома с детьми — хуже чемledoфилия!* [Митинги в России 24.12.11]; *За что? Мои дети бомжи — Калмыкова И. Л.* [Мирное шествие за честные выборы 4 февраля], *Моя мать — инвалид ВОВ; и я сын фронтовиков, внук репрессированного, за диктаторов голосовать не можем!* [Шествие по Б. Якиманке]. Подобные призывы отличает употребление неизвестных (малоизвестных) личных имен, которые встречаются единожды, предоставление частной информации об адресанте (имя, родственники). Также эти тексты длинные, не лаконичны, не такие броские и легко читаемые, как обычные лозунги; на плакатах отсутствует визуальная поддержка.

Некоторые тексты в рамках отмеченной попытки диалога с властью становятся ответами ради ответа: они не призывают к чему-либо, а в ироничной форме парируют намеки и обви-

нения, прозвучавшие в СМИ. Например: *Хиллари Клинтон заплатила мне натурой!* [Всероссийская акция «За честные выборы»] — шутовское признание в связях с Госдепом. Характерными особенностями данных текстов являются комический модус и графические образы (в некоторых случаях зависимость от картинки настолько велика, что текст без нее не понятен). Стоит отметить, что часто на митингах в комическую форму обращены и обычные требования. Например, текст *Я не голосовал за этих сволочей! Я голосовал за других сволочей! Требую пересчёта голосов!* [Митинги в России 10.12.11 «Болотная»]. сочетает в себе критику властей и оппозиции с требованием честных выборов. Комический эффект создается за счет пейоративного представления всех участников предвыборной кампании, в которой, по мнению протестующего, отсутствует выбор. Следовательно, создается абсурдная ситуация, в которой честные выборы становятся самоцелью: важно, чтобы был произведен правильный подсчет, но неважно, кто при этом победит.

Часть текстов содержит иножанровые включения. Встречаются лозунги в форме стихов: *Здесь типо демократия, на самом деле — царство. Я так люблю свою страну и ненавижу государство!* [Митинги в России 24.12.11]; частушек: *Не летает ныне „Фобос“, Запустили воры, космос... заплатить валютой в NASA! И послать Володю... к Марсу!* [Шествие по Б. Якиманке]; объявлений: *распил, гипноз и другие фокусы. Спросить Вову. КФС, ФСБ, Кремль, Зоопарк* [Митинги в России 10.12.11. Часть 2]; переименования известных цитат (рекламных слоганов, песен, стихов и т. д.): *Вы все еще в Кремле? Тогда мы идем к вам!* [Мирное шествие за честные выборы 4 февраля], *Я другой такой страны не знаю, где так больно дышит человек* [Митинги в России 24.12.11], *А вы друзья как ни садитесь, все в музыканты не годитесь* [Черкасов 2012]. Прецедентными текстами и источниками при цитировании и аллюзиях являются мультфильмы («Вовка в тридевятом царстве», серия мультфильмов о Чебурашке, Винни-Пухе, городке Саус-парк), фильмы («Кин-дза-дза», «Иван Васильевич меняет профессию», серия фильмов о Гарри Поттере, трилогия «Матрица»), видеоигры («Марио»), литературные произведения («Книга джунглей» Р. Киплинга, басни И. А. Крылова, «Мертвые души» Н. В. Гоголя). Что интересно, почти все цитаты и аллюзии на видео-продукцию сопровождаются изображениями ее персонажей.

Характерной особенностью цитирования в лозунгах является упоминание и переименование так называемых интернет-мемов: «A meme: an idea, behavior, style, or usage that spreads from person to person within a culture» [Meme] / «Мем: идея, поведение, стиль или употребление, распространяющееся от человека к чело-

веку внутри культуры» (перевод наш. — *Е. М.*). Интернет-мемы передаются с помощью социальных сетей, блогов, форумов, т. е. таких ресурсов Интернета, которые позволяют пользователям общаться друг с другом. Именно на таких ресурсах за мемами закрепляется определенное значение, которое тиражируется в дальнейшей коммуникации. Мемами в исследуемых лозунгах являются, во-первых, упомянутые ранее «путинизмы» и высказывания в адрес оппозиции (раб на галерах, бандар-логи, небольшие денежки), во-вторых, устойчивые фразы, возникшие во время предвыборной кампании (146 %, амфора — из новостных видеороликов; «мы стали более лучше одеваться»; «это большое достижение очень хорошее» — цитаты из выложенного на YouTube интервью с активисткой движения «Сталь» Светланой Курицыной [Нашистка Света]), в-третьих, единицы, чье происхождение не связано с выборами (FUUUU — распространенный в сети способ написания англ. *fuck*).

Как было показано, дискурсивные особенности текстов рассматриваемых плакатов не укладываются в стандартную модель агитационных текстов. Во-первых, в проанализированных призывах просматривается стремление к диалогу с адресатом, выразившееся в отдельных жанрах — ответах на критику, прозвучавшую из официальных СМИ, обращениях с личными просьбами. Во-вторых, для значительной части текстов характерен комический модус, в котором критическое отношение проявлено ко всем сторонам в общественном процессе (протестующим, системной оппозиции, властям). В-третьих, лозунги характеризуются значительным количеством интертекстуальных связей, отсылками к медиапродукции (фильмам, мультфильмам, видеоиграм) и интернет-мемам, что свидетельствует о влиятельной роли виртуального и медиадискурсов. В-четвертых, значительная смысловая нагрузка ложится на визуальную часть плаката, без которой текст не всегда эксплицитен.

Представляется, что данные дискурсивные особенности в первую очередь свидетельствуют о влиянии, которое оказала на протестный дискурс современная медиа- и интернет-культура. Отсюда стремление к визуализации, аллюзии на продукты указанной культуры, а также характерная для социальных сетей интерактивность, проявившаяся в попытке создать отдельную сферу коммуникации посредством плакатов. Второй важный аспект — это комический модус. Он свидетельствует о влиянии карнавальной, площадной культуры, которое выразилось в игре слов, переосмыслении понятий, обращении к семантике «низа» и использовании (в зашифрованном виде) нецензурной лексики.

ИСТОЧНИКИ

1. 146,47 % процентов избирателей // Эхо Москвы. 2011.05.12. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/projects/goryachaya-tema/146-47-protentov-izbirateley-.html>.
2. Балашова Ю. 10 декабря. Болотная площадь. Лица // Новая газета. 2011.10.12. URL: <http://www.novayagazeta.ru/photos/49994.html>.
3. Вассерман А. А. Разница между творчеством и мусором. К возможной потере Россией креативного класса. 2012.22.03. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_16894/.
4. Википедия : электр. энцикл. URL: ru.wikipedia.org.
5. Всероссийская акция «За честные выборы» // Газета.ru. 2012.04.02. URL: http://www.gazeta.ru/photo/politics/vserossiiskaa_akcia_za_cestnye_vybory.shtml?photo=3987413.
6. Кособокова Т. Митинг на проспекте Сахарова собрал больше 70 тыс. недовольных граждан // РБК daily. 2011.26.12. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/26/focus/562949982384798>.
7. Мирное шествие за честные выборы 4 февраля // casuals.livejournal.com : блог. 2012.04.02. URL: <http://casuals.livejournal.com/169507.html>.
8. МИТИНГИ 4 ФЕВРАЛЯ. ЧАСТЬ 2 // НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ : группа Vkontakte. URL: http://vk.com/album-364976_151953076.
9. Митинги в Москве и Петербурге: хроника событий (фото, видео) // Росбалт. 2012.04.02. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/02/04/941700.html>.
10. Митинги в России 04.02.12 «Шествие по Москве» // НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ : группа Vkontakte. URL: http://vk.com/album-364976_151777323.
11. Митинги в России 10.12.11 «Болотная» // НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ : группа Vkontakte. URL: http://vk.com/album-364976_148272298.
12. Митинги в России 10.12.11. Часть 2 // НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ : группа Vkontakte. URL: http://vk.com/album-364976_148296355.
13. Митинги в России 24.12.11 // НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ : группа Vkontakte. URL: http://vk.com/album-364976_149014405.
14. Мы вернулись. Болотная — 2 // bocharsky.livejournal.com. 2012.05.02. URL: <http://bocharsky.livejournal.com/479467.html>.
15. Нашистка Света // YouTube. 2011.07.12. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=An17cCj-HvQ>.
16. Онищенко: митинги 4 февраля опасны для здоровья // Русская служба BBC. 2012.02.02. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/02/120202_onishchenko_demo.shtml.
17. Путин: Уконтрапунить коррупционеров — самое простое, что я мог бы сделать // АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ. 2011.15.12. URL: <http://www.argumenti.ru/politics/online/2011/12/144245>.
18. Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение // Россия 1, Россия 24, РТР-Планета, Маяк, Вести FM, Радио России. 2011.15.12.
19. Черкасов Г. Лозунги Болотной: от крысы в лодке до красного кумача // МК.ru. 2012.04.02. URL: http://www.mk.ru/photo/politics/3765-lozungi-bolotnoy-ot-kryisyi-v-lodke-do-krasnogo-kumacha.html?page=1&img_id=60454#photo.
20. Шествие по Б. Якиманке и митинг на Болотной площади в деталях // snimaetmoskva.livejournal.com : блог. URL: <http://snimaetmoskva.livejournal.com/578.html>.
21. Электорат вышел на улицы // Газета.ru. 2011.13.12. URL: http://www.gazeta.ru/photo/politics/Elektorat_vysel_na_ulicy.shtml?photo=3922678.
22. Forbes 2011a = Митинги протеста 10 декабря 2011 года : онлайн-трансляция Forbes 10 дек. 2011 10:57. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/77345-10-dekabrya-2011-hronika-sobytii-onlain-translyatsiya-forbes>.
23. Forbes 2011b = Голошапов А. (фото), «Митинг на Сахарова: что говорят плакаты» // Forbes. 2011.24.12. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/77957-miting-na-saharova-plakaty-v-rukah-lyudei>.
24. Meme // Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/meme>.

Н. В. Немирова
Сыктывкар, Россия

N. V. Nemirova
Syktyvkar, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
'УКРАИНА' В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале российских СМИ 2004—2010 гг.)**

**PRECEDENTS IN THE CONCEPTUAL SPHERE
'UKRAINE' IN THE MODERN RUSSIAN
POLITICAL PICTURE OF THE WORLD
(on the materials
of the Russian Mass Media of 2004—2010)**

Аннотация. Прецедентные феномены — репрезентанты концептосферы 'УКРАИНА' рассмотрены через призму речевых стратегий политического дискурса.

Abstract. Precedent phenomena are considered as representatives of the conceptual sphere of the 'Ukraine' through the prism of speech strategies of political discourse.

Ключевые слова: прецедентные феномены; концептосфера, политическая картина мира; речевые стратегии; политический дискурс.

Key words: precedent phenomena; conceptual sphere; political picture of the world; speech strategies; political discourse.

Сведения об авторе: Немирова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и коми языков.

About the author: Nemirova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian and Komi Language.

Место работы: Коми государственный педагогический институт.

Place of employment: Komi State Pedagogical Institute.

Контактная информация: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.
e-mail: nvnemirova@yandex.ru.

Концептосфера 'УКРАИНА' — одна из центральных в современной российской политической картине мира. Политическая картина мира — «сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу» [Чудинов 2007: 43].

В. Мироненко, анализируя новейшую историю взаимоотношений России и Украины, показывает их сложность и противоречивость: «За двадцать лет ... маятник российско-украинских отношений совершил несколько полных циклов колебаний, амплитуда которых постоянно увеличивалась. От совместной борьбы против союзного центра в 1989—1991 гг. — до споров вокруг „советского наследства“ при Л. Кравчуке. От явно завышенных ожиданий после победы в 1994 г. Л. Кучмы — до разочарования в нем. От нового сближения, начавшегося в 2001 г. и достигшего своей наивысшей точки летом 2004 г., — до замораживания политических контактов на высшем уровне в годы президентства В. Ющенко» [Мироненко].

В центре нашего внимания — газетные публикации, отражающие особенности исследуемой концептосферы в 2004—2010 гг., в период президентства В. А. Ющенко.

М. В. Пименова, исследуя многокомпонентность «структуры концепта 'житель Украины'», приходит к следующему выводу: «Образы, формируемые признаками этого концепта, многолики. Они сопрягаются с различной оценкой. Столкновение культур приводит к негативной оценке современных реалий. При этом российские СМИ не упускают факт нашего национального родства, общей истории и культуры» [Пименова 2007: 52].

«Оранжевая революция», произошедшая на Украине, высказывания украинских политических лидеров, их оценка, «пересмотр» исторических событий неоднократно освещались в российской прессе.

Концептосфера, по определению Д. С. Лихачева, — это «совокупность концептов» [Лихачев 1997: 286]. Концептосфера языка является, по сути своей, макроконцептосферой. Д. С. Лихачев термин «концептосфера» применяет и для характеристики текста: автор, размышляя о «богатстве всех сфер языка», заключенных в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, говорит о «необычайном богатстве концептосферы этого произведения» [Лихачев 1997: 284]. Л. Г. Бабенко понимает под описанием концептосферы текста «обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова — носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе и образных» [Бабенко 2003: 61].

Концептосфера обладает структурой, определяющей взаимодействие концептов, их системность внутри данного объединения. Поиск структурообразующего параметра концептосферы является особенно важным, так как концептосфера так же, как и концепт, «имеет структуру, системную организацию, навязываемую в конечном счете структурой отражаемого мира и глубиной его (концепта — Н. Н.) разработанности в опыте, в совокупном содержании и суммарной структуре вещественной и духовной деятельности общественного человека» [Никитин 2003: 266].

Иерархический характер концептов, а также их параллельное существование в тексте, безусловно, играет положительную роль в

формировании концептосферы текста, поскольку отражает различные способы передачи концептуальной информации — дедуктивный и индуктивный.

Понятие концептосферы применимо и к языку, и к тексту, и к совокупности текстов [Немирова 2010: 510]. Важно подчеркнуть, что концептосферы языка не существуют изолированно друг от друга: они вступают в отношения контаминации с другими концептосферами.

Концептосфера текста — это реализованная в концептах содержательно-концептуальная информация текста, которая может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Наиболее распространенный способ передачи содержательно-концептуальной информации — эксплицитный, однако вне зависимости от интенций адресанта у адресата возникает свой круг ассоциаций, порождающий имплицитный смысл.

Текст обладает рядом универсальных признаков: по мнению Т. ван Дейка, таковыми являются «основная» информация, «макропозиция (тема)», «контекстная модель», отражающая «важнейшие параметры коммуникативного контекста» [Дейк 1989: 185].

Структуры когнитивных моделей текста, по мнению Т. ван Дейка, являются «многоуровневыми и категориальными»; в них присутствуют такие категориальные элементы, как Обстановка, Обстоятельства, Участники, Событие, Действие. Процесс образования и использования модели находится под контролем Системы Управления, которая наряду с «основной» информацией содержит макропозиции (темы), и Контекстную Модели, отражающую важнейшие параметры коммуникативного контекста» [Дейк 1989: 185].

Понятие когнитивной модели, применяемое к анализу концептосферы [Немирова 2010: 510], позволяет показать взаимосвязь процессов концептуализации и категоризации, первый из которых «направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном представлении, второй — на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующиеся как тождественные в более крупные разряды» [Кубрякова 1996: 93].

Рассмотрим особенности когнитивной модели анализируемой концептосферы через призму прецедентности и речевых стратегий политического дискурса.

Политическая интерпретация является прецедентной, так как анализируемые события относятся к числу национально значимых явлений политической действительности: политические события (политические сценарии) представляются как совокупность прецедентных ситуаций, имена политических деятелей — как прецедентные имена, высказывания политиков — как прецедентные высказывания; кроме того, используются и другие прецедентные

феномены, не относящиеся к политической сфере, но характеризующие лиц, события и т. п. в политическом дискурсе.

Т. ван Дейк приводит следующее определение речевой стратегии: «...стратегия в общих чертах — это характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на события (последующие) действия» [Дейк 1989: 274].

В. Г. Борботько определяет «процесс развертывания» дискурса» как «динамическое представление в виде линейно следующих друг за другом речевых действий, образующих языковые выражения разных уровней — от слова до фразы и группы фраз». Исследователь подчеркивает, что «в динамике речь идет о некоем операторе, связывающем речевые сегменты» [Борботько 2009: 88]. Ученый противопоставляет операции порядковой размерности и операции полярной размерности. Отношения порядка — «следование высказываний друг за другом, которое определяется линейностью развертывания дискурса во времени» [Борботько 2009: 89]. К операциям «порядковой размерности» ученый относит операции ввода, ординации, повторения, перечисления, разложения, сложения, ранжирования, объединения, вычитания, импликации, антиимпликации, экспликации, антиэкпликации, аксиализации, факторизации, фокализации, протракции и ретракции [Борботько 2009: 89]. Операции полярной размерности — это «дискурсивная поляризация ... смыслов» [Борботько 2009: 101]. К этому типу операций В. Г. Борботько относит операции конъюнкции, дизъюнкции, антидизъюнкции, уподобления, сравнения, контрапозиции [Борботько 2009: 101].

Главным политическим событием Украины стала «Оранжевая революция»: концепт «Оранжевая революция» объективирует первый категориальный элемент картины мира анализируемой концептосферы — «Политические события», пересекающийся с категориальным элементом «Политическая обстановка (ситуация)».

Е. Воронина в статье «„Оранжевая революция“ как проекция постмодерна в мире политики» подчеркивает, что она соответствует «многим канонам» эпохи постмодернизма: 1) «театрализация» («освещение события становится важнее самого события»); 2) «доминирование символов» («одним из таких символов является «оранжевый цвет, ставший практически главным атрибутом в имидже избирательной кампании»); 3) «сведение политики к игровому принципу»; 4) «симуляция активного участия населения»; 5) «симуляция серьезных изменений в жизни общества» [Воронина 2011: 54].

«Оранжевая революция» широко освещались в российской прессе.

П. Толочко в аналитической публикации «Два взгляда на украинские события, их движущие силы, цели и последствия» с подзаголовком «Выборы как революция» так описывает события 2004 г.: «Однако народ тогда безмолвствовал, выражаясь словами поэта, „покорствуя бичам“, а нынешние вожди оранжевых спокойно правили им, не испытывая угрызений совести за его ужасающую бедность. Парадокс, но конец „народному“ терпению пришелся на время экономического подъема страны, когда впервые за годы независимости определились положительные тенденции в социальной сфере и жить народу стало легче.

Не знай мы, что здесь не обошлось без внешнего воздействия на украинскую жизнь, впору было бы вносить кардинальные коррективы в марксистское определение революционной ситуации. Оно, как известно, заключено во фразе: „Верхи не могут, а низы не хотят“. Объективно такого на Украине нет. Верхи в последние два года правили страной лучше, чем их предшественники во все предыдущие, а низы были благодарны им за повышение зарплат, пенсий, стипендий, других социальных выплат и революционного нетерпения не выказывали» [Толочко 2005]. В анализируемом контексте использованы следующие логические операции: 1) ввода, объективированного прецедентным высказыванием «Народ безмолвствует», источником которого являются финальные строки трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» [Пушкин 1993: 255]; 2) протракции («развертывание содержания» [Борботько 2009: 97]), представленной прецедентным высказыванием «Покорствуя бичам», источником которого является стихотворение А. С. Пушкина «Деревня»: «Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам, // Здесь Рабство тощее влачится по браздам // Неумолимого Владельца» [Пушкин 1993: 371]; 3) антиимпликации («антипод импликации» [Борботько 2009: 95]), проявляющейся в использовании прецедентного высказывания «Верхи не могут, а низы не хотят», восходящего к статье В. И. Ленина «Маевка революционного пролетариата» [Душенко 2002: 227].

Наименование украинской революции становится прецедентным: ср. заголовок статьи Г. Степанова «Возможна ли в Киргизии „оранжевая революция“» [Степанов 2005]; оно послужило основанием для обобщенного наименования «цветные революции» — ср. заголовок интервью К. Семина, данному журналисту «Литературной газеты» А. Кондрашову: «Фишки цветных революций» [Кондрашов 2009].

Структурообразующим параметром концептосферы 'УКРАИНА' в политическом дискурсе российских СМИ является разновидность оппозиции «Мы — Они» [Дейк 1989: 183] — 'русские' — 'украинцы', — проявляющейся в

концепте «Политико-экономические отношения России и Украины».

В статье Н. Троицкого «Синдром независимости» [Троицкий 2009] для характеристики российско-украинских отношений анализируемого исторического периода использована операция уподобления: *Украина очень молодое суверенное государство. Вот и ведет себя как подросток, почувствовавший себя взрослым: норовит оторваться от опостылевшего „старшего брата“ (читай — России) и пуститься во все тяжкие — пить-курить с „большими дядями“ (читай — США, НАТО, Евросоюз), которые внушают юнцу, что ему теперь можно все, а на самом деле хотят использовать его в своих целях. С другой стороны, „старший брат“ никак не может смириться с тем, что „младшенький“ отделился, пытается на него воздействовать при помощи газовой трубы... В ответ получает отпор с элементами государственного „юношеского максимализма“. Все по третьему закону Ньютона: сила действия равна силе противодействия.* Контаминация прецедентных высказываний в данном контексте создает мифологический образ взаимоотношения двух государств: прецедентное высказывание «Старший брат» восходит к прессе 30-х гг. XX в. (первоначально использовалось для наименования русского народа по отношению к другим народам СССР) [Душенко 2002: 558]; прецедентное высказывание «юношеский максимализм» — к определению этого периода в жизни человека: «...психологические особенности личности, часто присущие людям в возрасте 14—20 лет. В этот жизненный период, помимо собственно максимализма, личность воспринимает себя излишне значимой, способной изменить мир» [Юношеский максимализм]; прецедентное высказывание «сила действия равна силе противодействия» — формулировка третьего закона физики И. Ньютоном. Автор использует следующие логические операции: протракции («старший брат»); экспликации, создающей выражения «разного рода объяснений и мотивировок» [Борботько 2009: 94] («юношеский максимализм» и «сила действия равна силе противодействия»).

Одной из самых острых проблем российско-украинских отношений является «газовый вопрос»: несмотря на утверждение Д. А. Медведева, в 2008 г. председателя совета директоров «Газпрома», в котором использована логическая операция исключения: «...газовый вопрос не испортит российско-украинские отношения», — приведенное в аналитической публикации И. Шестакова «Россия и Украина: будем дружить или как?» [Шестаков 2008], проблема оплаты газа, поставляемого Россией в Украину, является одной из самых сложных во взаимоотношениях двух государств. Контекст проецируется на прецедентное высказывание «Квартирный вопрос только испортил их

(„обыкновенных людей“), восходящее к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков 1991: 306].

Операцию импликации можно выявить в следующем контексте публикации, посвященной «газовому вопросу»: *Прежде всего Украина впервые подписала на поставки по принципу „бери и плати“* [Павлов 2009]. (Ср.: если заплатишь, то заберешь). В данном контексте использовано прецедентное высказывание, источником которого является название кинофильма «Иди и смотри» (авторы сценария А. Адамович и режиссер фильма Э. Климов) [Душенко 2002: 12]. В этой же публикации использована и операция уподобления: *...на злополучном воровстве газа поставлен жирный крест. Условия тут просто драконовские. Стоит лишь Украине хотя бы раз затянуть с оплатой, и „Нафтогаз“ переведут на 1000 %-ную предоплату всех поставок газа. Причем на весь срок вплоть до 2020 года. Прилагательное «драконовские», образованное от прецедентного имя «Дракон» («в греческой мифологии чудовищный змей или чудовище с чертами змея» [Гусейнов 1991: 196]), в анализируемом контексте объективирует когнитивный признак ‘очень жесткие’.*

Важной проблемой во взаимоотношениях двух государств является и пребывание Черноморского флота в Крыму: *...есть и реальная проблема — Севастополь и Черноморский флот ... украинская Конституция не допускает пребывания иностранных войск на незаленной территории, хотя для российского флота сделано исключение — до 2017 г. Потом его придется из уютной севастопольской бухты выводить. Или не придется? ...В политике между словами и делами — дистанция огромного размера. Заявлять „Севастополь — русский город“ — это вовсе не значит выслать десант для захвата военноморской жемчужины Крыма* [Троицкий 2009]. Здесь использовано прецедентное высказывание «дистанция огромного размера», восходящее к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Берков 2005: 142] и объективирующее логическую операцию контрапозиции («контрастного сопоставления» [Борботько 2009: 104]).

Общая история наших государств, конкретные исторические события получают диаметрально противоположную интерпретацию в современных газетных публикациях.

В интервью В. С. Черномырдина, в 2008 г. посла России на Украине, которое он дал корреспонденту газеты «Аргументы и факты» [Нетребя 2008], критически оцениваются действия политической власти Украины: *Сейчас нужно думать о том, как спасти экономику, как выжить в нынешней ситуации, а не устраивать массовые кампании по поводу голодомора, со свечками и крестами по стране ходить. Нельзя вбивать исторический клин между нашими народами, которые в равной степени*

пострадали и от голода 1932—1933 гг., и в Великой Отечественной войне. В контексте использованы операции контрапозиции, отрицания и обобщения, спроецированные на прецедентные ситуации — политические сценарии «Голодомор 1932—1933 гг.» и «Великая Отечественная война».

В анализируемой концептосфере важным является категориальный элемент «Участники политических событий». В концептосфере ‘УКРАИНА’ значима, как и у всех концептосфер, отражающих государственное устройство, оппозиция «народ — власть».

В плане анализа концепта «Народ Украины» представляется интересным формирующее прецедентное высказывание, восходящее к заглавию книги Л. Кучмы «Украина — не Россия» (2003 г.). Историк Рой Медведев в интервью, данном С. Нехамкину, корреспонденту газеты «Аргументы недели», подчеркивает: *Кучма исходит из того, что государство Украина есть, а украинцы как нация по большому счету еще не сформировались ... История же Украины сложна и запутана. В итоге — ... в разных регионах — разная ментальность, разная политическая ориентированность* [Нехамкин 2009].

Е. А. Пименов по поводу различия в ментальности, а главное в политических взглядах жителей разных регионов Украины, отмечает: *Российская публицистика наблюдает над реалиями нового времени, отображая те политические тенденции, которые актуальны в данный момент. Появилась новая „национальность“ — „западный украинец“* [Пименов 2007: 50]. Кроме того, по данным российских СМИ, следует выстроить оппозицию ‘украинцы, живущие на востоке и юге Украины’ — ‘украинцы, живущие на западе Украины и в ее центре’. Логическая операция дизъюнкции пронизывает весь текст аналитической статьи И. Являнского «Мазепа — предатель или герой?». Эту операцию репрезентируют в том числе прецедентные имена: *Имя Мазепы в России однозначно ассоциируется с предательством. Напомню: до того, как изменить царю, он с такой же легкостью предал турецкого султана. А вот на Украине мнения разделились. Восток и юг страны считают его Иудой. На западе и в центре, а главное — у нынешнего политического руководства страны, его „подвиг“ вызывает умиление* [Являнский 2008]. Указанная выше логическая операция в данном контексте осложняется операциями уподобления и ординации («линейное упорядочение компонентов дискурса» [Борботько 2009: 92]).

Суперконцепт «Власть» (под суперконцептом мы понимаем глобальный многокомпонентный концепт высокой степени абстракции) представлен концептами «Президент Украины» и «Премьер-министр Украины».

Одной из особенностей политического дискурса, отраженной в концептосфере ‘УКРАИ-

НА', является «феномен полиномии, т. е. множественность имен, прозвищ, кличек, которые принадлежат одному агенту или одной институции», которая «является вместе с полисемией слов или выражений, обозначающих фундаментальные ценности группы, явным отпечатком борьбы за власть номинаций, которая осуществляется в недрах любого социального универсума» [Бурдые].

Особенно ярко «феномен полиномии» проявляется в «множественности имен» премьер-министра Украины Ю. В. Тимошенко, занимавшей эту должность с февраля по сентябрь 2005 г. и с декабря 2007 г. по март 2010 г. Часть из этих имен носит прецедентный характер. Полиномия реализуется в использовании операции уподобления.

А. Щуплов в политическом фельетоне «Оранжевое с голубым» приводит наиболее распространенные имена Ю. Тимошенко: *В центре общественного внимания оказалась „Фурия революции“ — Юлия Тимошенко. Фонд ее кличек пополняется день ото дня: „Газовая принцесса Юлия“, „Единственная мужчина в украинской политике“, „Леди Ю“, „Железная леди Украины“...* [Щуплов 2005]. Ряд имен Ю. Тимошенко носит прецедентный характер: прецедентное имя 'Леди Ю' восходит к имени принцессы Дианы (леди Дианы, «леди Ди»), первой жены принца Уэльского Чарльза, наследника британского престола [Диана, принцесса Уэльская]; прецедентное имя 'Железная леди Украины' — к прозвищу премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер (прозвище «The Iron Lady» было принято самой М. Тэтчер) [Душенко: 531]. В анализируемом контексте проявляется такая черта современной российской политической коммуникации, как использование метафор, восходящих к «зарубежному политическому дискурсу (...Маргарет Тэтчер...» [Нахимова 2010: 121].

Прецедентным является и заголовок «Пятеро смелых» с подзаголовком «Кандидатов в премьеры Украины все больше, а президента пока нет» [Петров 2005]. Среди кандидатов названа и Ю. Тимошенко, которой предсказано поражение в этой политической «гонке». Прецедентное высказывание «Семеро смелых» восходит к названию художественного фильма, поставленного в 1936 г. режиссером С. Герасимовым.

В контексте газетной публикации: *Ну а сколько добрых и красивых слов было сказано про прокаженное лицо Ющенко и его подругу Жанну д'Арк — Тимошенко, и не сосчитаешь* [Легостаев 2005], — использовано прецедентное имя 'Жанна д'Арк' — имя национальной героини Франции, которая возглавила французские войска в Столетней войне. Попав в плен, она была сожжена на костре; причислена Католической церковью к лику святых [Жанна д'Арк].

В заголовке статьи В. Краснухина «Три звоночка для украинской „Золушки“» [Красну-

хин 2009] использовано прецедентное имя 'Золушка', восходящее к имени героини западноевропейской сказки в редакциях Шарля Перро, братьев Гримм и др. [Золушка].

В информационном материале интернет-портала «Материк», озаглавленном «Тимошенко видит себя в украинской политике „голубем мира“», приводится цитата из выступления Ю. Тимошенко: *Сжав клюв, как на картине Пикассо, я буду держать в клюве эту оливковую ветвь мира, несмотря ни на какие шторма* [Тимошенко 2008]. Высказывание Ю. Тимошенко относится к разряду антиэкспликаци.

В. Ющенко и Ю. Тимошенко уподобляются в период предвыборной кампании 2004 г. Красавице и Чудовищу в публикации М. Ростовского «Красавица и Чудовище» [Ростовский 2004]. Прецедентное высказывание «Красавица и Чудовище» — название сказки Жанны-Мари Лепренс [Красавица и Чудовище].

А. Воронцов в статье «Гоголь, Украина и Россия» использует прецедентное имя, связанное с прецедентной ситуацией, восходящей к повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы», для того чтобы показать особенности политической ситуации на Украине: *Украинцы, идущие за Ющенко и Тимошенко, действительно подобны Петру Безродному из „Ночи накануне Ивана Купалы“, поверившему Басаврюку и его подружке-ведьме. Петру пообещали золотой клад, а украинцам — золотые горы после вступления в НАТО и Евросоюз* [Воронцов 2007].

В статье Н. Троицкого «Синдром независимости» также использована логическая операция уподобления: *Виктора Ющенко свои же политологи называют „хромой уткой“, то есть политиком, не имеющим шансов на продолжение карьеры* [Троицкий 2009]. Здесь использовано прецедентное высказывание «Хромая утка» — это «в американской политической системе президент, который покидает свой пост, — фигура, от которой мало что зависит, а всё внимание общественности сосредоточено на кандидатах» [Хромая утка].

Категориальный элемент «Участники политических событий» пересекается с другими категориальными элементами. Так, отношения между президентом, премьер-министром и министром иностранных дел Украины описываются в категории «Действия политиков». Например, концепт «Действия В. Ющенко» вербализируется в статье Я. Соколовской «А не посол бы Ющенко?» [Соколовская 2009]. Операция уподобления использована автором публикации для характеристики политической ситуации на Украине: *...Ющенко сделал Огрызко (главу МИД Украины — Н. Н.) мальчиком для российского битья*. Поводом для скандала стало интервью В. С. Черномырдина газете «Комсомольская правда», цитаты из которого приводятся в анализируемой статье: *Об отношениях Виктора Ющенко и Юлии Тимошен-*

ко: *„Собачатся между собой, кроют друг друга... В открытую, по телевидению! Вот, пожалуйста, она подписала нужное же для Украины, а он сейчас придирается: где деньги, Зин?“*. В контексте использована операция контрапозиции. Здесь употреблено два прецедентных высказывания: «мальчик для битья», источником которого является повесть М. Твена «Принц и нищий» [Берков: 261], и «Где деньги, Зин?», восходящее к песне В. Высоцкого «Диалог у телевизора» [Душенко 2002: 88—89].

В этой же публикации объективирован концепт «Действия В. С. Черномырдина». Операция ранжирования («упорядочения ... от наиболее существенного к менее существенному — в порядке убывания ... или, наоборот, в порядке возрастания» [Борботько 2009: 92—93]) реализована в следующем контексте: *И вот настал „момент истины“ — вызов на ковер в украинский МИД, где бывшему российскому премьеру фактически пригрозили высылкой из страны* [Соколовская 2009]. Прецедентное высказывание «момент истины» актуализировано «благодаря Э. Хемингуэю („Смерть после полудня“»)» [Душенко 2002: 542]; это прецедентное высказывание объективирует когнитивный признак 'критический момент'. Операция уподобления усматривается нами в следующем контексте: *Услышав это, Черномырдин хлопнул дверью и вернулся в посольский кабинет чернее тучи, закрылся в кабинете и никого не принимал* [Соколовская 2009].

Концепт «Действия Ю. Тимошенко» представлен в контексте в виде прогноза: *Но выборы Тимошенко не может проиграть. Поскольку или она станет президентом, или ее поведут к прокурору*. В публикации В. Краснухина «Три звоночка для украинской „Золушки“» [Краснухин 2009] реализована логическая операция дизъюнкции, создаваемая прецедентным высказыванием — цитатой из кинофильма Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» [Кавказская пленница]: *Или яведу ее в ЗАГС, или онаведет меня к прокурору*.

Категориальный элемент «Обстановка на Украине», реализующийся с помощью операции факторизации («разбиение на подбласти» [Борботько 2009: 96]), представлен в подзаголовке статьи Н. Киени «Форос усталого скитальца», в которой использована объективирующая концепт «Крым» обобщенная прецедентная ситуация, характеризующая особенности быта советских людей: «Как правильно выбрать город, маршрут и тактику общения в путешествии по Крыму» [Киения 2009]. Автор описывает Крым 2009 г.: *Крым был и остается страной разбитых „пазиков“, крохотных „Продуктовых“ со счетами вместо кассы и пресных советских котлет*.

Соединение операций экспликации и импликации обнаруживается в следующем кон-

тексте, характеризующем политическую обстановку на Украине: *Чудна мечта — независимость. При тихой политической погоде. „Когда же пойдут горами синие тучи“ — страшной действительностью может обернуться желаемое! Митингами на майданах сильные государства не создаются* [Поляков 2006]. Источник — прецедентное высказывание из повести Н. В. Гоголя «Страшная месть»: *Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои ... Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр!* [Гоголь 1984: 223—224].

Итак, основными признаками концептосферы 'УКРАИНА' являются идеологичность, политическая ангажированность, поляризованность, мифологичность, прецедентность, эмоциональность, инвективность.

Идеологичность проявляется прежде всего в интерпретации «Оранжевой революции» как события, навязанного Украине извне, не имевшего реальных социально-политических предпосылок.

Политическая ангажированность анализируемой концептосферы проявляется в том, что в современной российской прессе отстаиваются интересы России (например, это демонстрирует освещение сквозь призму прецедентности проблем поставок газа на Украину или пребывания Черноморского флота в Севастополе).

Поляризованность проявляется прежде всего в структурообразующем параметре концептосферы «русские — украинцы»; в оппозициях «народ Украины — власть Украины», «украинцы, живущие на востоке и юге Украины — украинцы, живущие на западе Украины и в ее центре»; этот признак реализуется и в использованных авторами логических операциях контрапозиции и дизъюнкции.

Прецедентность является основой мифологичности. Мифологичность — одна из необходимых составляющих политической коммуникации, так как достаточно часто в массовом политическом сознании «...знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них» [Кравченко 2001: 580]. Прецедентные феномены, использованные в функции мифологем, могут в определенной степени завуалировать такую черту мифа, как неverifiedность, так как создают иллюзию доказательной базы основного тезиса, принимаемого на веру в массовой политической коммуникации. В данном случае используется выделенная О. Дюкро в качестве «основания для принятия довода» «апелляция к авторитету»: «говорящий как бы вводит в дискуссию еще один голос — еще одного незримого участника, который с этого момента становится гарантом еще

одной точки зрения (на нее-то и предлагается опереться адресату)...» [Демьянков 1989: 27]. Наиболее ярко эта особенность проявляется в использовании законов физики для характеристики политических закономерностей («Сила действия равна силе противодействия»). Однако следует отметить, что каждый прецедентный феномен обрастает микромифом, который необходим автору публикации, чтобы имплицитно выразить истинное отношение к изображаемому явлению или лицам политической действительности или, наоборот, завуалировать его.

Эмоциональность проявляется прежде всего в том, что общая тональность публикаций, отражающих особенности концептосферы 'УКРАИНА' в современном российском политическом дискурсе, носит снисходительно-иронический характер.

Инвективность — одна из «форм проявления агрессии в современном отечественном политическом дискурсе», суть которой состоит в «оскорблении политических противников» [Чудинов 2007: 66—67]. Инвективность анализируемой концептосферы проявляется в именах, присваиваемых политическим деятелям Украины — В. Ющенко и Ю. Тимошенко (например, «Басаврюк и его подруга-ведьма»).

Таким образом, анализ концептосферы 'УКРАИНА', отраженной в российских СМИ 2004—2010 гг., показывает особенности российско-украинских отношений, выявляет проблемы межгосударственного взаимодействия и сложность поиска приемлемых для каждой из сторон решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум. — М. : Флинта : Наука, 2003.
2. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шележкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. — М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005.
3. *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 3-е, испр. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
4. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // М. А. Булгаков «Я хотел служить народу...» : проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. — М. : Педагогика, 1991. С. 223—491.
5. *Бурдые П.* Социология политики. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/burde_soc1/01.aspx (дата обращения: 29.11.2011).
6. *Воронина Е. Ю.* «Оранжевая революция» как проекция постмодерна в мире политики // Власть. 2011. № 7. С. 52—54. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/07/Voronina.pdf> (дата обращения: 29.11.2011).
7. *Воронцов А.* Гоголь, Украина и Россия // Литературная газета. 2007. № 10.
8. *Гоголь Н. В.* Страшная месть // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. — М. : Правда, 1984. Т. 1. С. 198—237.
9. *Гусейнов Г. Ч.* Дракон // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М. : Советская энцикл., 1991. С. 196.
10. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989.

11. *Демьянков В. З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. — М. : ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13—40. URL: <http://www.infoplex.ru/P048.html> (дата обращения: 29.11.2011).
12. *Диана*, принцесса Уэльская. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%E0%ED%E0_%EF%F0%E8%ED%F6%E5%F1%F1%E0_%D3%FD%EB%FC%F1%EA%E0%FF (дата обращения: 29.11.2011).
13. *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. — М. : Эксмо, 2002.
14. *Жанна д' Арк*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C6%E0%ED%ED%E0_%E4%92%C0%F0%EA (дата обращения: 29.11.2011).
15. *Золушка*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Золушка> (дата обращения: 29.11.2011).
16. *Кавказская пленница*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кавказская_пленница,_или_Новые_приключения_Шурика (дата обращения: 29.11.2011).
17. *Киеня Н.* Форос усталого скитальца // Известия. 2009. 18 февр.
18. *Кондрашов А.* Фишки цветных революций // Литературная газета. 2009. № 22.
19. *Кравченко И. И.* Миф политический // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН. — М. : Мысль, 2001. Т. 2. С. 580—581.
20. *Красавица и Чудовище*. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%C6%F0%E0%F1%E0%E2%E8%F6%E0_%E8_%D7%F3%E4%EE%E2%E8%F9%E5_\(%EC%F3%EB%FC%F2%F4%E8%EB%FC%EC\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%C6%F0%E0%F1%E0%E2%E8%F6%E0_%E8_%D7%F3%E4%EE%E2%E8%F9%E5_(%EC%F3%EB%FC%F2%F4%E8%EB%FC%EC)) (дата обращения: 29.11.2011).
21. *Краснухин В.* Три звоночка для украинской «Золушки» // Аргументы недели. 2009. № 41.
22. *Кубрякова Е. С.* [и др.] Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : МГУ, 1996. С. 93—94.
23. *Легостаев И.* Вам и рейтинг в руки. Выборы // Московский комсомолец. 2005. 2005. 19—26 янв.
24. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. — М. : Academia, 1997. С. 280—287.
25. *Нахимова Е. А.* Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 118—124.
26. *Немирова Н. В.* Категория прецедентности в современных газетных текстах // Когнитивные исследования языка. Вып. 7 : Типы категорий в языке / гл. ред. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 508—518.
27. *Нетреба Т.* Виктор Черномырдин: «Не о деле думают, а о теле» // Аргументы и факты. 2008. № 51.
28. *Нехамкин С.* Удобной истории не бывает // Аргументы недели. 2009. № 27.
29. *Никитин М. В.* Основания когнитивной семантики : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
30. *Павлов А.* Украина погорела на газе // Аргументы недели. 2009. № 4.
31. *Петров Г.* Пятеро смелых // Московский комсомолец. 2005. 19—26 янв.
32. *Пименов Е. А.* Концепт «украинец» в российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 48—52.

33. *Пименова М. В.* Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 52—60.
34. *Поляков В.* Прагматизм и трезвость // Литературная газета. 2006. № 28.
35. *Пушкин А.* Золотой том. Изд. испр. и доп.— М. : Имидж, 1993.
36. *Ростовский М.* Красавица и Чудовище // Московский комсомолец. 2004. 26 нояб.
37. *Семеро смелых.* URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E5%EC%E5%F0%E0_%F1%EC%E5%EB%FB%F5 (дата обращения: 29. 11. 2011).
38. *Соколовская Я.* А не посол бы Ющенко? // Известия. 2009. 29 сент.
39. *Степанов Г.* «Возможна ли в Киргизии „оранжевая революция“» // Известия. 2005. 21 февр.
40. *Тимошенко* видит себя в украинской политике «голубем мира» / Интерфакс-Украина. 04.06.2008. URL: <http://www.materik.ru/index.php?section=news&id=30698> (дата обращения: 29.06.2008).
41. *Толочко П.* Два взгляда на украинские события, их движущие силы, цели и последствия // Литературная газета. 2005. № 6.
42. *Троицкий Н.* Синдром независимости // Мир новостей. 2009. № 36.
43. *Хромяя утка.* URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%F0%E0%EC%E0%FF_%F3%F2%EA%E0 (дата обращения: 29. 11. 2011).
44. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
45. *Шестаков И.* Россия и Украина: будем дружить или как? // Аргументы и факты. 2008. № 9.
46. *Щуплов А.* Оранжевое с голубым // Литературная газета. 2005. № 1.
47. *Юношеский максимализм.* URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158072> (дата обращения: 29. 11. 2011).
48. *Являнский И.* Мазепа — предатель или герой? // Известия. 2008. № 38.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

А. М. Нехорошева А. M. Nekhorosheva
Тамбов, Россия Tambov, Russia

**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В НЕМЕЦКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

(на примере выступлений Ангелы Меркель)

Аннотация. Рассматривается концептуализация «своего» и «чужого» в немецком политическом дискурсе, представленном выступлениями федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Выявлены ядерные и периферийные компоненты когнитивной матрицы «свой — чужой» и механизмы их взаимодействия.

Ключевые слова: когнитивная матрица «свой — чужой»; политический дискурс; когнитивные механизмы; интеграция; инференция; генерализация; конкретизация; фокусировка; концептуальная метафора.

Сведения об авторе: Нехорошева Аlesia Михайловна, аспирант кафедры немецкой филологии.

Место работы: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина.

Контактная информация: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
e-mail: nechall@yandex.ru.

**MECHANISMS OF FORMING
A “FRIEND-ALIEN”
COGNITIVE MATRIX**

IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE

(on the basis of Angela Merkel's speeches)

Abstract. The article touches upon the problem of “friend” and “alien” conceptualization in the German political discourse (in Angela Merkel's speeches). The central and peripheral elements of “friend-alien” cognitive matrix and mechanisms of their interaction are suggested.

Key words: “friend-alien” cognitive matrix; political discourse; cognitive mechanisms; integration; understatement; generalization; specification; focusing; conceptual metaphor.

About the author: Nekhorosheva Alesia Mikhailovna, Post-graduate Student of the Chair of German Philology.

Place of employment: Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

Феномены «свой» и «чужой» активно изучаются с позиций различных подходов современного языкознания: логического (Н. Д. Арутюнова, С. Л. Сахно), культурологического (Э. Бенвенист, Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов), прагматического (И. Ю. Безукладова, Е. В. Милосердова, Е. В. Харченко), когнитивного и когнитивно-дискурсивного (Е. А. Баженова, Е. В. Бакумова, И. С. Выходцева, Л. И. Гришаева, А. Н. Дудецкая, О. С. Иссерс, Е. В. Кишина, Н. А. Красильникова, В. В. Красных, О. Л. Михалева, Л. А. Нефёдова, В. В. Судакова, Е. И. Шейгал и др.).

В русле когнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов данные феномены рассматриваются преимущественно как концептуально простые форматы знания — единый многослойный концепт или два концепта, двухмерный или многомерный концепт-схема. В отдельных работах «свой» и «чужой» осмысляются как более сложные форматы знания, как иерархии с высоким, базовым и низким когнитивными уровнями.

В рамках настоящего исследования феномены «свой» и «чужой» трактуются как многоаспектное знание, структурируемое конкретным субъектом познания в концептуально сложный формат — частную когнитивную матрицу как систему осмысления ядерных компонентов в различных концептуальных областях (подробнее см.: [Болдырев 2009]).

Основу материала исследования составили тексты пресс-конференций с участием Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель 2005—2012 гг. Проведенный анализ позволил выявить ядерные и периферийные концепты матрицы «свой — чужой», а также меха-

низмы их взаимодействия в дискурсе Ангелы Меркель — главы государства.

Ядро когнитивной матрицы «свой — чужой» формируют концепты ZUGENÖRIGKEIT и NICHTZUGENÖRIGKEIT, в качестве характеристик которых определены: 1) интегративность и дезинтегративность (процесс и результат объединения частей в целое / разделение целого на части), 2) приближение и дистанцирование (перемещение на более близкое / дальнее расстояние), 3) сходство и различие (наличие общих / различных черт). Объективация данных концептов, позволяющая канцлеру манипулировать сознанием адресата, навязывать ему свое видение мира, осуществляется за счет ряда языковых средств, систематизированных в таблице.

Как видно из таблицы, наиболее распространенным языковым средством актуализации данных концептов являются личные местоимения. Однако в рамках одного высказывания канцлер, как правило, использует несколько языковых средств, нацеленных на достижение манипулятивного эффекта. Для Ангелы Меркель наиболее предпочтительными оказываются местоимения *wir*, *unser*, *alle* и прилагательные, наречия с интегративной семантикой: *Wir sind in Europa nur gemeinsam erfolgreich oder wir sind überhaupt nicht erfolgreich. Das bestimmt unser Denken. Jeder von uns muss sich anstrengen, und wir wissen, dass wir letztendlich alle miteinander verbunden sind ... wir glauben, dass es uns allen gemeinsam besser geht, wenn wir zusammenhalten* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Portugiesischen Republik,

José Sócrates, 02.03.2011) / *Только сообща мы успешны в Европе или же мы вообще не успешны. Это определяет наше мышление. Каждый из нас должен приложить усилия, ведь мы знаем, что мы, в конце концов, все друг с другом связаны ... мы верим, что нам всем только на пользу пойдет, если мы будем держаться вместе.*

Периферия когнитивной матрицы «свой — чужой» представлена такими концептами, как TERRITORIUM, POLITIK, RELIGION, ALTER, GESCHLECHT, объективация которых осуществляется лексическими средствами. Наиболее актуализируемыми являются концептуальные области TERRITORIUM и POLITIK. Концепт TERRITORIUM представляет собой уровневую иерархию характеристик суперординатного, базового и субординатного уровней (подробнее см.: [Болдырев 2009]). Концептуальная характеристика суперординатного уровня представляет знание о территории в самом общем виде: ограниченное зе-

мельное пространство. Среди характеристик данного концепта на базовом уровне выделяются: 1) регион, 2) страна, 3) часть света, 4) континент, 6) весь мир. Концептуальные характеристики субординатного уровня предполагают еще большую степень детализации: 1) старые и новые земли Германии, 2) Германия, Франция и др., 4) Европа, Азия и т. д., 5) Евразия, Африка, Северная Америка и т. д.

Содержательный план концепта POLITIK также включает набор иерархически организованных характеристик. Характеристикой данного концепта на суперординатном уровне является деятельность государственной власти. На базовом уровне различаются характеристики по масштабу политики: 1) партия, 2) коалиция, 3) правительство, 4) международное объединение — и по направлению политики: 1) экономика, 2) безопасность, 3) экология, 4) наука, 5) культура и др. Дальнейшая многоаспектная конкретизация осуществляется на субординатном уровне.

Таблица

Языковые средства репрезентации концептов ZUGEHÖRIGKEIT / NICHTZUGEHÖRIGKEIT

Языковые средства	Концептуальные характеристики			
	интегративность / дезинтегративность	приближение / дистанцирование	сходство / различие	общее количество единиц
Лексический уровень				
1) существительные	+ / +	+ / +	+ / +	597 (7,9%)
2) глаголы	+ / +	+ / +	+ / +	228 (3%)
3) прилагательные	+ / —	+ / +	+ / +	926 (12,3%)
4) наречия	+ / —	+ / +	— / —	359 (4,8%)
5) предлоги	+ / +	+ / +	— / —	234 (3,1%)
6) личные местоимения	+ / —	+ / +	— / —	3412 (45,5%)
7) притяжательные местоимения	+ / —	+ / +	— / —	550 (7,3%)
8) указательные местоимения	— / —	+ / +	— / —	31 (0,4%)
9) неопределенные местоимения	+ / +	— / +	— / —	164 (2,2%)
10) модальные глаголы	— / —	+ / +	— / —	21 (0,3%)
11) модальные слова	— / —	+ / +	— / —	37 (0,5%)
12) отрицательные частицы	+ / +	+ / +	— / —	57 (0,8%)
Фразеологический уровень				
1) фразеологические сочетания	+ / +	+ / —	— / —	102 (1,4%)
Морфологический уровень				
1) префиксы	+ / +	+ / +	— / —	311 (4,1%)
2) временные формы глагола	— / —	+ / +	— / —	16 (0,2%)
3) пассивная форма глагола	— / —	— / +	— / —	5 (0,1%)
4) формы конъюнктива I и II	— / —	— / +	— / —	14 (0,2%)
5) сравнительная степень прилагательных	— / —	+ / —	— / —	16 (0,2%)
6) артикль	— / —	+ / +	— / —	4 (0,1%)
Синтаксический уровень				
1) обращение	— / —	+ / +	— / —	84 (1,1%)
2) семантико-синтаксический параллелизм	— / —	— / —	+ / —	14 (0,2%)
3) конструкции с соединительными союзами	+ / —	— / —	— / —	75 (1%)
4) конструкции с противительными союзами	— / +	— / —	— / —	19 (0,3%)
5) конструкции со сравнительными союзами	— / —	— / —	+ / +	204 (2,7%)
6) конструкции с уступительными союзами	— / —	— / —	+ / +	22 (0,3%)

В одном высказывании, как правило, реализуется несколько периферийных концептов матрицы «свой — чужой». Так, в следующем примере концепт ZUGEHÖRIGKEIT, актуализируемый с помощью местоимения *wir*, получает осмысление в рамках двух концептуальных областей — POLITIK и GESCHLECHT, — реализуемых с помощью лексем, обозначающих занимаемую должность политиков (с суффиксом женского рода), что позволяет канцлеру указать на свою принадлежность к женщинам-политикам, занимающим высокие руководящие посты: *Neulich war die slowakische Kollegin hier, und jetzt ist es die finnische. Wir sind jetzt also schon drei Ministerpräsidentinnen und noch einige Präsidentinnen* (Pressestatements von A. Merkel und der finnischen Ministerpräsidentin Kiviniemi, Mi, 01.09.2010). / *На днях здесь была словацкая коллега, а теперь и финская. Таким образом, нас теперь уже трое женщин-премьер-министров и еще несколько женщин-президентов.*

Представленные средства актуализации «своего» и «чужого» в политическом дискурсе ранее уже систематизировались по языковым уровням [Михалева 2004], по соотношению общезыковых и специализированных политических средств [Шейгал 2004], по способу номинации [Баженова, Мальцева 2009], а также по доминирующим сферам-источникам концептуальных метафор [Чудинов 2001; Красильникова 2004; Друлак 2006; Вайс 2006; Будаев, Чудинов 2006; Осборн 2006]. Однако до настоящего времени описание данных средств на базе задействованных когнитивных механизмов формирования смысла еще не проводилось, поэтому подробнее остановимся на этом вопросе.

Когнитивные механизмы формирования смысла, т. е. механизмы взаимодействия характеристик ядерных концептов с характеристиками областей их осмысления, служат основой для реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» в виде конкретных смыслов. В качестве таких когнитивных механизмов выявлены следующие: интеграция, инференция, генерализация, конкретизация, фокусировка концептуального содержания, концептуальная метафора (подробнее о когнитивных механизмах формирования смысла см.: [Langacker 2008; Лакофф, Джонсон 2004]).

Интеграция концептуального содержания является наиболее распространенным когнитивным механизмом, предполагающим интеграцию характеристик ядерных концептов матрицы и характеристик периферийных компонентов. Использование данного механизма позволяет канцлеру однозначно выразить свое согласие или несогласие с адресатом, третьими лицами по тому или иному вопросу.

В большинстве случаев ядерный концепт ZUGEHÖRIGKEIT интегрируется с концептами TERRITORIUM и POLITIK. Так, местоимение

wir чаще всего сочетается с лексемами *Deutschland* и *Europa*, что полностью оправдывает закрепленное за канцлером прозвище «Europakanzlerin»: из 300 рассмотренных контекстов в 120 высказываниях (40 %) местоимение *wir* относится к Европе, в том числе ЕС, далее следуют Германия (70 высказываний, 23,3 %), Германия и другая страна (70 высказываний, 23,3 %), правительство Германии, правящая коалиция и партия в том числе (20 высказываний, 7 %), континент Евразия (10 высказываний, 3,3 %), весь мир (10 высказываний, 3,3 %).

С целью отграничения позиции Европы от остальных стран по вопросу выхода из экономического кризиса концепты ZUGEHÖRIGKEIT и NICHTZUGEHÖRIGKEIT, актуализируемые характеристиками «интегативность» и «различие» с помощью лексем *wir* и *ander*, интегрируются с концептом TERRITORIUM, репрезентируемым лексемами *Europäer* и *Länder*. *Ich glaube, es verfestigt sich der Eindruck, dass wir Europäer dazu eine positivere Einstellung haben, aber dass andere Länder dabei nicht mitmachen werden* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel nach der ersten Arbeitssitzung des G8-Gipfels, Sa, 26.06.2010). / *Я думаю, все сильнее складывается впечатление, что мы, европейцы, настроены на позитивное развитие, но другие страны помогать при этом никак не будут (не хотят).*

Стремление канцлера выразить свою принадлежность или отсутствие ее к объекту восприятия по разным основаниям осуществляется за счет интеграции ядерных концептов с характеристиками нескольких концептуальных областей в рамках одного высказывания. Так, описывая взаимоотношения Германии и Объединенных Арабских Эмиратов, Ангела Меркель интегрирует концепт ZUGEHÖRIGKEIT, реализуемый характеристикой «интегативность» с помощью лексем *wir*, *Kooperation*, *gesamt*, *miteinander*, *verbinden* и префикса *zusammen*, с концептами TERRITORIUM и POLITIK. Концепт TERRITORIUM актуализируется с помощью лексем *Deutschland* и *Vereinigte Arabische Emirate*, а концепт POLITIK объективируется характеристиками направления политики за счет лексем *wirtschaftlich*, *außenpolitisch*, *Bildung*, *Infrastruktur*. *Wir sehen ... ein sehr, sehr breites Feld von Kooperationen zwischen Deutschland und den Vereinigten Arabischen Emiraten ... Dies gilt sowohl für die wirtschaftliche Zusammenarbeit als auch für die Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Bildung, aber natürlich auch für die Bereiche, die uns außenpolitisch miteinander verbinden ... Dazu gehört ... die Zusammenarbeit im gesamten Infrastrukturbereich* (Pressestatements von A. Merkel und dem Premierminister der Vereinigten Arabischen Emirate, Scheich Mohammed bin Rashid al-Maktoum, 7.02.2008). / *Мы видим ... очень, очень широкое поле для сотрудничества Германии и Объединенных Арабских Эмиратов ... Это*

касается как экономического **сотрудничества**, так и **сотрудничества** в области образования и, конечно же, в тех областях, которые нас по внешнеполитическим вопросам друг с другом связывают ... К тому же и ... **сотрудничество** в области развития **совместной** инфраструктуры.

Когнитивный механизм **инференции**, предполагающий развитие концептуального содержания с опорой на знание контекста, также является одним из способов реализации когнитивной матрицы «свой — чужой». Использование данного когнитивного механизма позволяет политику, опуская периферийные характеристики концептов, создавать определенную недосказанность, но при этом выражать свою принадлежность или непринадлежность к объекту восприятия.

В силу занимаемой должности Ангела Меркель старается избегать каких-либо отсылок к существовавшему ранее делению Германии на западную и восточную зоны, не желая провоцировать конфликт. Однако журналисты нередко обращаются к этой теме. Так, в следующем примере актуализируется такая характеристика концепта NICHTZUGEHÖRIGKEIT, как «дистанцирование», за счет использования местоимения 3 л. мн. ч. *sie*. При этом информация об области осмысления данной концептуальной характеристики опускается. Знание более широкого контекста (*они — граждане старых земель Германии, бывшего ФРГ*) позволяет развить концептуальное содержание ядерного концепта за счет восстановления области его осмысления — концепта TERRITORIUM (характеристика «старые и новые земли Германии»): *Erst mal haben sie eine interessante Bundeskanzlerin bekommen; die hätten sie ohne die deutsche Einheit nicht* (Wir haben längst eine gesteuerte Zuwanderung ermöglicht, Sa, 30.10.2010). / *Прежде всего, у них появилась интересная женщина-канцлер; ее бы у них не было без объединения Германии.*

Для выражения несогласия с отдельными решениями российского руководства и нежелания идти на конфликт актуализируется концепт ZUGEHÖRIGKEIT с помощью местоимения *wir* вне области его осмысления. Более широкий контекст проливает свет на область осмысления ядерного концепта — противопоставление демократического режима ряда европейских стран и политической ситуации в России: *Wir haben in Russland längst nicht so eine vielfältige Parteienlandschaft* (Pressekonferenz von Angela Merkel und George W. Bush, 13.07.2006). / *Такого богатого партийного ландшафта у нас в России давно уже не было.*

Область осмысления концепта ZUGEHÖRIGKEIT может быть представлена имплицитно. Так, в следующем примере область осмысления концепта ZUGEHÖRIGKEIT, реализуемого характеристикой «интегративность» за счет местоимения *wir*, на первый взгляд не опреде-

лена. Однако знание контекста (27 — число стран — членов ЕС) позволяет восстановить концептуальную область — концепт POLITIK (характеристика «международные объединения»): *Auf der Ebene der 27 sollen wir das versuchen* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem Ministerpräsidenten der Italienischen Republik, Mario Monti, Mi, 11.01.2012). / *Нам необходимо это попробовать на уровне 27.*

Реализация когнитивной матрицы «свой — чужой» осуществляется также на основе использования когнитивных механизмов **генерализации и конкретизации**, представляющих собой процессы расширения и сужения содержания периферийных концептов матрицы за счет актуализации их характеристик суперординатного, базового или субординатного уровней. Эти механизмы позволяют канцлеру указать на свою принадлежность или непринадлежность в выгодном свете.

Стремясь убедить адресата в правомерности своей позиции, канцлер расширяет содержание концептуальной области TERRITORIUM за счет актуализации характеристики базового уровня, что позволяет выразить принадлежность ко всему миру: *Ich glaube, ... dass wir uns in einer immer weiter zusammenwachsenden Welt nur dann konstruktiv und vernünftig entwickeln können, wenn wir gemeinsame Spielregeln einhalten* (Pressekonferenz von Angela Merkel und dem Ministerpräsidenten Wen Jiabao, 27.08.2007). / *Я думаю, ... что мы можем конструктивно и рационально развиваться как все более интегрированный мир только в том случае, если мы соблюдаем общие правила игры.*

Напротив, желая дистанцироваться от действий остальных стран и солидаризироваться с Францией, канцлер конкретизирует содержание концептуальной области TERRITORIUM за счет реализации характеристики субординатного уровня, репрезентируемого лексемами *Deutschland* и *Frankreich*: *Wir, Deutschland und Frankreich, haben gestern die Gelegenheit genutzt, den Rat der nächsten Woche vorzubereiten* (Pressekonferenz Merkel, Sarkozy und Medwedew in Deauville, Di, 19.10.2010). / *Мы, Германия и Франция, вчера воспользовались возможностью подготовить Совет следующей недели.*

Когнитивный механизм **фокусировки** концептуального содержания, заключающийся в выдвижении на передний план той или иной характеристики периферийных концептов, также является одним из способов реализации когнитивной матрицы «свой — чужой». Так, находясь на пресс-конференции в Екатеринбурге, Ангела Меркель фокусирует внимание адресата на такой характеристике концепта TERRITORIUM, как «континент» (а не на концептуальной характеристике «часть света»), что нетипично для нее как для «Europakan-

zlerin». Подобное фокусирование используется с целью показать стремление Германии к сотрудничеству с Россией: *Wir leben auf einem Kontinent, obwohl wir hier schon auf der asiatischen Seite sind* (Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel in Jekaterinburg, Mi, 14.07.2010). / *Мы живем на одном континенте, хотя здесь мы уже на азиатской стороне.*

Концептуальная метафора как когнитивный механизм, позволяющий осмыслить концепты матрицы «свой — чужой» в терминах концептов физических объектов, более доступных и понятных рядовому носителю языка, также активно используется канцлером. В ходе анализа языкового материала был выявлен ряд концептуальных метафор со сферами-источниками «физиология», «родство», «война», «школа», «спорт», «театр», «дом» и др. Наиболее употребимой в дискурсе Ангелы Меркель является антропоморфная метафора со сферой-источником «физиология», позволяющая канцлеру представлять население Германии, соседних стран и стран Европы как единый, слаженно функционирующий организм: *Europa muss und wird ... mit einer Stimme sprechen* (Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und EU-Kommissionspräsident Barroso, Fr, 11.06.2010). / *Европа должна и будет ... говорить одним голосом.*

Таким образом, анализ языкового материала показал, что феномены «свой» и «чужой» в дискурсе Ангелы Меркель правомерно рассматривать как сложное многоаспектное знание матричного формата, как когнитивную матрицу, ядро которой образуют концепты ZUGEHÖRIGKEIT и NICHTZUGEHÖRIGKEIT, осмысляемые в рамках таких концептуальных областей, как TERRITORIUM, POLITIK, RELIGION, ALTER, GESCHLECHT. На функциональном уровне данная когнитивная матрица реализуются в виде конкретных смыслов на

базе различных когнитивных механизмов: интеграции, инференции, генерализации, конкретизации, фокусировки концептуального содержания и концептуальной метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А., Мальцева И. В. Имидж политика в аспекте оппозиции СВОЙ — ЧУЖОЙ // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 28—33.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25—77. (Когнитивные исследование языка. Вып. 4).
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
4. Вайс Д. Паразиты. Падашь. Мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16—22.
5. Друлак П. Метафора как мост между рациональным и художественным // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 19. С. 115—130.
6. Красильникова Н. А. Метафорическое представление «СВОИХ» и «ЧУЖИХ» в дискурсе американского движения «зеленых» // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2004. Т. 12. С. 43—60.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
8. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004.
9. Осборн М. Архитипические метафоры в риторике: сфера образов «свет-тьма» // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 182—191.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2003.
12. Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. — Oxford Univ. Pr., 2008. P. 55—89.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Ушкова

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Kod BAK 10.02.19

М. С. Онищенко **M. S. Onishchenko**
Ульяновск, Россия Ulianovsk, Russia

ОТНОШЕНИЯ ИЕРАРХИИ МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ

(на материале концептов *политик, президент, Медведев* в русском национальном сознании)

Аннотация. Рассматриваются существующие и предлагаются новые подходы к исследованию иерархических связей между концептами в концептосфере. Демонстрируется применение трех подходов к построению иерархии концептов ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ и МЕДВЕДЕВ в современной русской общественно-политической концептосфере. Полевая организация исследуемых концептов смоделирована на основании данных свободного ассоциативного эксперимента и их когнитивной интерпретации. Изложены выводы о специфике иерархии концептов в концептосфере.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; общественно-политическая концептосфера; когнитивный признак; иерархия концептов; системные связи между концептами.

Сведения об авторе: Онищенко Марина Сергеевна, кандидат филологических наук.

Место работы: ЗАО «Авиационная компания „Полёт“».

Контактная информация: 432032, г. Ульяновск, проспект Создателей, д.42.
e-mail: m.onishchenko@mail.ru.

HIERARCHICAL RELATIONS BETWEEN CONCEPTS

(on the basis of concepts *politician, president, Medvedev* in Russian national consciousness)

Abstract. This paper gives an overview of existing and suggests new approaches to the study of hierarchical relationships between concepts in the conceptual sphere. It demonstrates the use of three approaches to modelling a hierarchy of concepts POLITICIAN, PRESIDENT, MEDVEDEV in the contemporary Russian sociopolitical conceptual sphere. The field structure of the concepts is modeled on the basis of free association experiment and the cognitive interpretation of its results. The paper also presents conclusions about the specificity of the hierarchy of concepts in the conceptual sphere.

Key words: concept; conceptual sphere; the sociopolitical conceptual sphere; a cognitive feature; system relations between concepts.

About the author: Onishchenko Marina Sergeyevna, candidate of Philology.

Place of employment: CJSC «Aircompany „POLET“».

Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [Попова, Стернин, 2007: 26]. В данной работе анализируются подходы к анализу иерархических межконцептуальных отношений и рассматривается специфика иерархических связей в русской общественно-политической концептосфере на материале концептов ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ и МЕДВЕДЕВ в русском языковом и когнитивном сознании. Под *иерархией концептов* понимаем иерархию по значимости соответствующих концептов и их когнитивных признаков в сознании испытуемых, поскольку, по нашему мнению, не только содержание концепта может быть организовано по полювому принципу, но и концептосфера, состоящая из концептов, включает в себя ядерные, наиболее значимые для сознания концепты, и концепты менее значимые. При этом когнитивные признаки разных полевых зон самостоятельны. Принципом построения иерархии концептов в концептосфере по значимости является выделение критериев и признаков, по которым связаны концепты разных уровней значимости, а также степень их связанности и взаимодетерминированности. Проводя построение иерархии исследуемых концептов, изучим, какой из них является более значимым для русского национального сознания и какова степень связанности высшего в иерархии данных концептов с остальными.

© Онищенко М. С., 2012

Важно разделять проблемы моделирования иерархии концептов в когнитивной лингвистике и ряде прикладных областей, таких, как математическое моделирование, искусственный интеллект, объектно-ориентированное программирование, машинный перевод и т. п. [см.: Рябова, Козополянская 2010; Каширин 2008; Лебедев 2009; Леонтьева 2006; Тыгу 1984 и др.]. При наличии общего понятия «иерархия концептов» сам термин «концепт» понимается в когнитивной лингвистике и данных областях по-разному, построение иерархии осуществляется принципиально различными методами и с разными целями. В прикладных областях иерархии концептов, называемые также концептуальными графами и таксономиями, строятся в основном с целью формализации и автоматизации семантических данных при решении задач анализа текстовой информации и автоматической обработки текста. Строятся кластеры, ассоциации, анализируются особенности текстов, подобие текстов и т. д. с целью извлечения знаний из текстовых данных [Богатырев, Тютин 2009: 31]. В когнитивной лингвистике отношения между концептами вообще и иерархические связи в частности исследуются с целью моделирования концептосферы или ее части в сознании носителя того или иного языка и с целью дальнейшей интерпретации полученных результатов. Выявление иерархических связей между концептами в лингвоконцептологии не преследует

цели автоматизации, а потому следует не по пути схематизации и упрощения, а, напротив, позволяет вскрыть дополнительные, неочевидные, множественные связи между концептами на разных иерархических уровнях. Занимается построением иерархии и когнитивная поэтика [см., напр.: Кортювенкова 2009; Тарасова 2009]: «Интересным представляется системно-структурный аспект описания концептосферы писателя. <...> внимание исследователя сосредоточивается на реконструкции самой концептосистемы посредством выявления иерархии концептов и установления взаимосвязи между ними» [Тарасова 2009: 262].

В рамках концептологического исследования анализ иерархических связей между концептами представляет интерес прежде всего в той мере, в которой позволяет выявить процент родовых и видовых когнитивных признаков в содержании концепта, а следовательно, интерпретировать и моделировать структуру концепта с учетом степени детерминированности когнитивных признаков нижележащего концепта когнитивными признаками концепта, расположенного иерархически выше. Поскольку сущность концептов динамична и не поддается непосредственному наблюдению, определения «нижележащий» и «расположенный выше» являются условными, а построение однозначной и четкой иерархии в концептосфере — задача, выполняемая лишь частично, так как концепты разных уровней иерархии одновременно с отношениями подчиненности могут вступать в отношения включенности, смежности, противоположности, пересечения и другие, соответственно направление детерминирования когнитивных признаков одного концепта признаками другого может в ходе концептуализации и реконцептуализации меняться на обратное.

Существуют различные подходы к исследованию иерархии концептов, среди которых, на наш взгляд, выделяются два основных. Согласно первому из них, который условно можно назвать лексико-семантическим, «иерархия концептов отражается в языке в виде иерархии языковых значений. Иерархия значений, в свою очередь, есть результат и условие иерархии их непосредственных семантических составляющих, сем» [Шафиков 2007: 7]. Так, именно исходя из языковых значений лексем «политик» и «президент» и логических оснований, согласно которым Д. А. Медведев является президентом, а следовательно, и политиком, мы составили схему для анализа иерархических связей между соответствующими концептами. Однако при таком подходе остается открытым вопрос об учете когнитивных признаков, не закрепленных в языковом значении, которые относятся к концепту так же, как коммуникативно-релевантная часть к ментальному целому [Попова, Стернин 2007: 65]. Бесспорно, анализ языковых значений лексем,

являющихся ключевыми номинациями концептов, позволяет представить распределение этих концептов по уровням иерархии, но такое распределение будет лишь приближительным.

В рамках того же подхода существует дополнительный, или уточняющий метод ранжирования с опорой на определенные шкалы, вычленимые при помощи толковых словарей, тезаурусов и словарей синонимов. Так, исследуя иерархию концептов DATA, INFORMATION, KNOWLEDGE, Е. Б. Китова предлагает ранжировать их по следующим шкалам: «низкая/высокая степень упорядоченности»; «низкая/высокая степень ценности для индивида»; «маленький/большой объем, полнота», — а также другим, что является предпосылкой для рассмотрения иерархии концептов как ценностной иерархии. Изучение понятийного минимума концептов DATA, INFORMATION, KNOWLEDGE по данным толковых словарей, тезаурусов и словарей синонимов указывает на наличие отношений подчинения между их ядерными компонентами [Китова 2006].

Что касается выявления высших концептов в определенной иерархии, данная задача может выполняться посредством семантического анализа ключевых номинаций концептов, как было показано выше, либо логически и интуитивно, как, например, продемонстрировано в исследовании Л. Буяновой, где без предварительного анализа принимается следующее справедливое утверждение: «В иерархии философских, этических и психологических концептов первое место принадлежит аксиологическим концептам ДУША, ЛЮБОВЬ и СЧАСТЬЕ» [Буянова 2002].

В рамках второго подхода, лингвокогнитивного, существуют два пути исследования иерархии концептов: 1) методом концептуально-таксономического анализа (разработан Н. Н. Болдыревым), теоретической базой которого являются представления о том, что языковые единицы передают определенное содержательное содержание, иерархически организованные структуры знания, причем таксоны связаны отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему [Болдырев 2009], и 2) с помощью совокупности лингвокогнитивных методик, позволяющих получить доступ к когнитивным признакам концепта, не закрепленным в лексическом значении, например на основании результатов ассоциативных экспериментов. Главное отличие второго способа от первого заключается в том, что он допускает наличие не только последовательных, но и параллельных связей между элементами иерархии, сколь бы абсурдным не казалось такое системное устройство: концепты в конкретной концептосфере могут под влиянием различных факторов перемещаться с одного уровня иерархии на другой, в нарушение классических правил инклюзивности и распределе-

ния по уровням иерархии от нижележащего к лежащему выше.

Лингвокогнитивный метод, подразумевающий использование совокупности лингвокогнитивных методик и сопоставительный анализ содержания концептов, представляется нам наиболее эффективным для исследования иерархии концептов в концептосфере, позволяющим не принимать за основу иерархию языковых значений лексем. Конкретные методы и алгоритмы анализа иерархических связей концептов в семантико-когнитивных исследованиях не разработаны, поэтому в дальнейшем мы предложим, рассмотрим и апробируем три варианта такого анализа.

Перейдем к анализу иерархических отношений концептов ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ И МЕДВЕДЕВ. Для этого сначала представим ассоциативные поля и полевую организацию исследуемых концептов.

Концепт ПОЛИТИК. В результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2011 г., от 100 испытуемых было получено 448 ассоциатов. Сформированное ассоциативное поле выглядит следующим образом.

Политик — власть (28), выборы (19), Жириновский (17), государство (16), деньги (13), умный (12), человек (11), коррупция (10), президент (10), Госдума (7), Дума (7), закон (7), богатый (6), политика (6), депутат (5), образованный (5), ответственность (5), партия (5), страна (5), ложь (4), мужчина (4), правительство (4), управление (4), взятка (3), вор (3), жадный (3), законы (3), костюм (3), Морозов (3), наглый (3), народ (3), неприкосновенность (3), парламент (3), Путин (3), толстый (3), хитрый (3), Америка (2), беспредел (2), большой живот (2), бюллетень (2), взятки (2), властвующий (2), вранье (2), дебаты (2), деятель (2), дурак (2), женщина (2), ЛДПР (2), люди (2), машины (2), мэр (2), обещания (2), обман (2), обманщик (2), Обама (2), партия (2), полтинник (2), Россия (2), связи (2), телевизор (2), алчный, бандит, бессовестный, богач, болтливый, буржуин, властный, влияние, влиятельный, врун, выбор, Ельцин, жадность, зоопарк, корысть, красиво говорит, леун, лжец, лживый, лицемер, личная выгода, лысьи, льготы, мания величия, Медведев, мигалки на машинах, министр, мошенник, напористый, серьезный, сильный, скандалы, скупость, слова, собрания, собранный, солидный, строгость, харизматичный, хитрость, холеный, хороший, циник, черный костюм, Чубайс, шофер и др.

Полевая организация концепта ПОЛИТИК представлена ниже. Рядом с каждым когнитивным признаком в угловых скобках приведен индекс его яркости в сознании испытуемых, который здесь и далее равен доли испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте, от общего числа испытуемых. Таким образом, индекс 1,00 имел бы признак, объективированный ста процентами испытуемых. Здесь и далее списки когнитивных признаков дальней и крайней периферии концепта даются в сокращении.

ЯДРО: входит в органы государственной власти <0,41>; имеет власть <0,37>.

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: процветает в финансовом плане <0,22>; является выборным лицом <0,21>; совершает преступные действия <0,20>.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: это Жириновский <0,17>; имеет высокий уровень ума <0,14>; это человек <0,13>; в своей деятельности имеет дело с законами <0,10>; лжет <0,10>; принадлежит какой-либо партии <0,07>; не знает чувства стыда <0,06>; о нем говорят СМИ <0,06>; участвует в дебатах <0,06>; участвует в политике <0,06>; это ответственная деятельность <0,06>; это плохой чело-

век <0,06>; является жадным <0,06>; имеет избыточный вес <0,05>; имеет лидерские качества <0,05>; много говорит <0,05>; является хитрым <0,05>; имеет низкий уровень интеллекта <0,04>; носит деловые костюмы <0,04>; стремится прежде всего к личной выгоде <0,04>; это мужчина <0,04>; это В. Путин <0,03> и др.

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: занимается экономической деятельностью <0,02>; имеет выгодные знакомства <0,02>; имеет машину с мигалкой <0,02>; имеет обязательства <0,02>; имеет отношение к Америке <0,02>; имеет отношение к России <0,02>; имеет права <0,02>; имеет привилегии <0,02>; похож на обитателя зоопарка <0,02>; это Б. Обама <0,02>; это женщина <0,02>; это представитель ЛДПР <0,02>; это слово, созвучное слову «полтинник» <0,02>; является лысым <0,02> и еще 33 единичных когнитивных признака.

Концепт ПРЕЗИДЕНТ. В результате свободного ассоциативного эксперимента от 100 испытуемых было получено 510 ассоциатов. Сформированное ассоциативное поле концепта выглядит следующим образом.

Президент — власть (41), Путин (28), Медведев (27), государство (21), правительство (19), выборы (16), глава (18), политика (12), глава государства (11), страна (11), деньги (9), ответственность (9), Кремль (8), умный (8), Госдума (7), Ельцин (7), закон (7), мужчина (7), ум (6), глава страны (5), Москва (5), сила (5), главнокомандующий (4), главный (4), партия (4), Россия (4), управление (4), человек (4), честность (4), богатый (3), лидер (3), люди (3), Медвед (3), народ (3), руководитель (3), серьезность (3), управляющий (3), Белый дом (2), Буш (2), В. В. Путин (2), верность (2), галстук (2), демократия (2), дом (2), Единая Россия (2), костюм (2), Красная площадь (2), кризис (2), лицо государства (2), парламент (2), серьезный (2), солидность (2), справедливость (2), управленец (2), хитрый (2), авторитет, балабол, благоразумный, большая зарплата, влиятельный, вождь, возможности, война, высокомерный, гордыня, Д. А. Медведев, дача на Гавайях, деловитость, депутат, диктатор, Дмитрий, достойный, Дума, дурак, дуэт, жадность, забота, избиратели, избранник народа, исполнительная власть, кандидат, Конституция, коррупция, лимузин-мерседес, лицемерный, лицо нации, ложь, марионетка, Медведь, Мерседес, министр, мудрость, мужик, наглый, надежда, нанотехнологии, не Жириновский — но хочет, Новый год, Обама, обещания, образование, обязанности, отец, отец нации, папа-мама, партии, пафос, перспектива, пиджак, подкуп, популярность, Превед Медвед, приемник, премьер-министр, разруха, решать, спокоействие, справедливый, стресс, суверенитет, телевизор, требователен, уважаемый, управляющий страной, флаг, хороший чувак и др.

Полевая организация концепта ПРЕЗИДЕНТ выглядит следующим образом.

ЯДРО: имеет власть <0,63>; это глава страны <0,52>.

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: это Медведев <0,34>, это Путин <0,30>; является выборным лицом <0,23>; имеет свою администрацию <0,21>; это государственный деятель <0,21>.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: имеет высокий уровень ума <0,17>; является очень богатым <0,14>; осуществляет политическую деятельность <0,13>; взаимодействует с парламентом <0,11>; на нем лежит ответственность <0,11>; его резиденцией является Кремль <0,10>; он честный <0,09>; это мужчина <0,08>; его выбирает народ <0,07>; подписывает законы <0,07>; это Ельцин <0,07>; имеет силу <0,06>; он серьезный <0,06>; взаимодействует с партией <0,05>; дает обещания <0,05>; живет в Москве <0,05>; носит деловые костюмы <0,05>; он лицемерен <0,05>; он высокомерный <0,04>; при нем в стране кризис <0,04> и др.

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: выступает на заседаниях <0,02>; ездит на «мерседесе» <0,02>; ему сопутствуют государственные символы <0,02>; он за коррупцию <0,02>; правит в дуэте с премьер-министром <0,02>; проводит совещания <0,02>; работает в Белом доме <0,02>; это Буш <0,02>; это Обама <0,02>; умеет добиваться целей <0,02>; у него есть дом <0,02>; это плохой человек <0,02>; это хороший человек <0,02>; является диктатором <0,02>; является независимым <0,02>; является представителем «Единой России» <0,02> и еще 30 единичных когнитивных признаков.

Концепт МЕДВЕДЕВ. В результате свободного ассоциативного эксперимента от 140 испытуемых было получено 372 ассоциата. Сфор-

мированное ассоциативное поле концепта вы-
глядит следующим образом.

Медведев — Путин (18), президент (17), Россия (8), Прези-
дент Российской Федерации (7), медведь (6), политика (4), i-phone,
высокомерие, галстук, костюм, нанотехнологии, Питер, Превед
Медвед, шмель (3), берлога, веселый гном, власть, водка, выборы,
Единая Россия, Интернет, кризис, Курилы, лес, либерал, малень-
кий, Медвед, наноклоун, нанопрезидент, образование, образован-
ный, ставленник, Твиттер, терпение, человек (2), баловень; бе-
лый медведь; бестолковый гном; боксер; видеоблог; визы; Влади-
мир Владимирович Путин; вроде живой, а манекен; видевиженец из
клана внешней разведки; двуглавый орел; Дмитрий Анатольевич;
доброжелательность; доверие; долуй с поста; домьслы; доста-
ток; игрушки; интеллигентность; как-то совершенно не на своем
месте; красавчики; лживость; лицемерие; люблю и уважаю; ма-
лыш; мальчик; марионетка; Маша; мед; микроблоггер; мишка;
Мишка бурый; модернизация; молодой; молодежь; мужчина моей
мечты; нанотех; низкого роста; олигархи; отклонения в воспри-
ятии реальности; очень амбициозный; очень симпатичный; пафос;
пешка; плечи; плечи меньше головы; преемник; преемник ПУТИНА;
протееже; Салтыков-Щедрин «Медведь на воеводстве»; саммит;
самовар; самодовольство; самонадеянность; статист; тетка;
телевизор; уверенность; улыбка; умный; часовые пояса; честный;
чиновник; шкура; энергосберегающие лампочки медведя и др.

Полевая организация концепта МЕДВЕДЕВ
выглядит следующим образом.

ЯДРО: это президент РФ <0,22>; это преемник/помощник Пу-
тина <0,16>.

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: ассоциируется с медведем <0,12>;
действует по воле других <0,09>.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: имеет низкий рост <0,07>; он рус-
ский <0,07>; имеет высокий уровень ума <0,06>; поддерживает
развитие нанотехнологий <0,06>; много и впустую говорит <0,05>;
у него есть свой блог <0,05>; это плохой человек <0,05>; является
высокомерным <0,05>; имеет власть <0,04>; носит деловые костю-
мы <0,04>; сторонник инноваций <0,04>; вызывает неприятные
ассоциации, которыми опасно делиться <0,04>; имеет прозвище
«Медведь» <0,04>; не действует в интересах страны <0,04>; осуще-
ствляет политическую деятельность <0,04>; отстаивает Курилы
у Японии <0,04>; психологически еще ребенок и воспринимает свою
деятельность как игру <0,04> и др.

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ: является сторонником либерализ-
ма <0,02>; ассоциируется с курьезом в Омске (снятая перед визи-
том президента афиша детского театра «Ждем тебя, веселый
гном») <0,02>; дает надежду <0,02>; занимается/интересуется спор-
том <0,02>; имеет большую голову <0,02>; имеет привлекательную
внешность <0,02>; имеет прозвище «шмель» <0,02>; молод <0,02>;
правит во время кризиса <0,02>; при нем в стране беспре-
дел <0,02>; родился в Санкт-Петербурге <0,02>; состоит в неразде-
лимом тандеме с Путиным <0,02>; у него есть тетки <0,02>; являет-

ся выборным лицом <0,02>; ассоциируется с каким-либо сказочным
героем <0,02>; вызывает любовь и уважение <0,02> и еще 79 еди-
ничных когнитивных признаков.

Перейдем к установлению иерархических
отношений данных концептов в русской кон-
цептосфере. Возможны три варианта проведе-
ния анализа иерархических связей между
концептами: 1) выявление общих для всех иссле-
дуемых концептов когнитивных признаков и
сопоставление их яркости в сознании испы-
туемых для каждого концепта; 2) выявление
общих когнитивных классификаторов и их объ-
ема в категориальной структуре концептов;
3) сопоставление яркости исключительно тех
когнитивных признаков, которые вербализуют-
ся лексемами, являющимися ключевыми но-
минациями исследуемых концептов. Приведем
результаты использования трех методов и
оценим их эффективность. Все три метода,
предлагаемые нами, основываются на выяв-
лении общих компонентов в исследуемых кон-
цептах, поскольку логично предположить, что
иерархия выстраивается не из разрозненных, а
из совпадающих признаков, а уровень в иерар-
хии определяется яркостью соответствующего
компонента в структуре концепта и в сознании
носителя лингвокультуры.

1. МЕТОД ПЕРВЫЙ. ВЫЯВЛЕНИЕ ОБЩИХ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ

Признаки, выявленные в содержании всех
трех исследуемых концептов в русском нацио-
нальном сознании, с указанием яркости в соз-
нании испытуемых, приведены в табл. 1. Ко-
гнитивные признаки выявлены посредством
когнитивной интерпретации ассоциатов, полу-
ченных в ходе свободного ассоциативного экс-
перимента.

Признаки, выявленные в содержании двух
из трех исследуемых концептов в русском на-
циональном сознании, также с указанием ярко-
сти, представлены в табл. 2.

Таблица 1

Общие когнитивные признаки концептов

Когнитивные признаки	Концепты		
	ПОЛИТИК	ПРЕЗИДЕНТ	МЕДВЕДЕВ
Имеет власть	0,37	0,63	0,04
Является выборным лицом	0,21	0,23	0,03
Имеет высокий уровень ума	0,14	0,17	0,06
Процветает в финансовом плане	0,22	0,14	0,03
Лжет	0,10	0,01	0,05
Он мужчина	0,04	0,08	0,01
Это плохой человек	0,06	0,02	0,05
Осуществляет политическую деятельность	0,06	0,13	0,04
Имеет силу	0,01	0,06	0,01
Носит деловые костюмы	0,04	0,05	0,04
Дает обещания	0,03	0,05	0,02
Много и впустую говорит	0,05	0,01	0,05
О нем говорят СМИ	0,05	0,01	0,01
Имеет государственную символику	0,01	0,02	0,01

Таблица 2

Общие когнитивные признаки двух из трех исследуемых концептов

Когнитивные признаки	Концепты		
	ПОЛИТИК	ПРЕЗИДЕНТ	МЕДВЕДЕВ
Входит в органы государственной власти	0,31	0,53	–
Это Путин	0,30	0,03	–
На нем лежит ответственность	0,06	0,11	–
Работает в Кремле	0,01	0,10	–
В своей деятельности имеет дело с законами	0,10	0,07	–
Взаимодействует с партией	0,07	0,05	–
Это хороший человек	0,03	0,02	–
Является солидным	0,03	0,03	–
Имеет выгодные знакомства	0,02	0,01	–
Он русский	–	0,04	0,06
Действует по воле других	–	0,02	0,09
Он высокомерен	–	0,04	0,05
Является чьим-то преемником	–	0,01	0,04
Представляет «Единую Россию»	–	0,02	0,03
Руководит во время кризиса	–	0,04	0,02
Вызывает уважение	–	0,03	0,02
Правит в «тандеме» с В. Путиным	–	0,02	0,02
Он честный	–	0,09	0,01
Совершает преступные действия или не препятствует им	0,20	–	0,02

Таблица 3

Общие когнитивные классификаторы трех концептов, %

Когнитивные классификаторы	Концепты		
	ПОЛИТИК	ПРЕЗИДЕНТ	МЕДВЕДЕВ
Сфера деятельности	17,85	18,75	10,21
Наличие власти	10,06	12,35	1,61
Способ получения должности	6,47	6,47	2,69
Личностные качества	7,81	6,08	9,68
Уровень ума	5,58	3,53	2,15
Уровень материального состояния	5,58	3,93	1,08
Место нахождения	1,10	3,53	1,08
Содержательное наполнение деятельности	2,23	2,15	0,81
Пол	1,34	1,57	0,54
Внешний вид	2,46	1,18	6,45
Вызываемые зрительные образы	0,45	1,37	5,38
Вызываемые чувства	0,20	0,22	4,03
Взаимодействие с партией	2,45	1,37	1,08
Национальная принадлежность	1,34	0,78	2,42
Общая личностная оценка	2,01	1,17	1,88
Символ	0,44	0,59	1,08
Возраст	0,22	0,20	0,81
Биологическая принадлежность	2,90	0,20	0,54

Данный метод позволяет выявить общность и связанность исследуемых концептов друг с другом и степень их прямой сопряженности или сопряженности «через концепт». Результаты, приведенные в таблице 2, демонстрируют, что концепт ПОЛИТИК с концептом МЕДВЕДЕВ очевидно связан через концепт ПРЕЗИДЕНТ, а не напрямую. Это свидетельствует, во-первых, о значимости концепта ПРЕЗИДЕНТ в современном русском национальном сознании, а во-вторых, о взаимном детерминировании содержания концептов ПРЕЗИДЕНТ и МЕДВЕДЕВ. При этом определяемые и определяющие признаки, на наш взгляд, следует разграничивать, исходя из яркости: детерминирует содержание других тот концепт, в котором совпадающий признак имеет наибольшую яркость, соответственно верх-

ним концептом в иерархии концептосферы следует признать тот, в содержании которого выявлено максимальное число признаков с наибольшей по сравнению с другими концептами яркостью. Поясним данное положение. В таблице 1 даются сведения о признаках, имеющихся в содержании всех трех концептов. Жирным шрифтом для каждого признака выделена максимальная яркость. По статистическим данным получается, что верхним в иерархии концептом следует признать концепт ПРЕЗИДЕНТ, поскольку в нем выявлено 9 признаков с максимальной яркостью из 14 обнаруженных. Уровнем ниже расположен концепт ПОЛИТИК (5 признаков с максимальной яркостью). Концепт МЕДВЕДЕВ, не содержащий максимально ярких признаков, в иерархии концептосферы находится на следующем уровне.

2. МЕТОД ВТОРОЙ. ВЫЯВЛЕНИЕ ОБЩИХ КОГНИТИВНЫХ КЛАССИФИКАТОРОВ

Когнитивный классификационный признак (когнитивный классификатор) — это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта [Попова, Стернин 2007: 89]. Когнитивные классификаторы, выявленные в содержании всех трех исследуемых концептов в русском национальном сознании, приведены в табл. 3 (там же указывается процент объективаций когнитивных признаков, объединенных данным когнитивным классификатором, от общего совокупного числа объективаций когнитивных признаков концепта всеми участниками эксперимента).

Построить иерархию, исходя из предположения об обусловленности наличия когнитивных классификаторов в структуре одного концепта их наличием в структуре концепта другого, высшего, — очень непростая задача: в отличие от дифференциальных признаков, отражающих очевидные конкретные представления о референте концепта, выявленные когнитивные классификаторы, которые категоризируют представления о референтах разных концептов, могут совпадать случайно. Таким образом, устанавливать иерархию концептов с опорой на общие когнитивные классификаторы целесообразно только в том случае, когда точно (путем логических умозаключений либо с помощью первого предлагавшегося метода) установлено, что исследуемые концепты являются гомогенными и входят в одну иерархию.

Поясним. Под **гомогенными концептами** мы понимаем концепты, имеющие логически подобные референты, из которых можно выстроить цепочку или дерево по принципу «от общего — к частному». Гомогенными можно признать концепты ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ, ДЕПУТАТ, МИНИСТР и т. п. В то же время нельзя признать гомогенными, например, концепты ПОЛИТИК, ОТЕЦ, УМНИК, ПРЕДАТЕЛЬ, ГОРОЖАНИН, поскольку они принадлежат разным частным концептосферам. Если концепты ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ, ДЕПУТАТ, МИНИСТР входят в общественно-политическую концептосферу, то концепты ПОЛИТИК, ОТЕЦ, УМНИК, ПРЕДАТЕЛЬ, ГОРОЖАНИН вербализуются лексемами, относящимися к совершенно разным семантическим полям, и сами концепты относятся к различным частным концептосферам. Однако при этом следует учитывать, что все частные концептосферы в совокупности образуют общую концептосферу, следовательно, концепты из разных частных концептосфер могут в содержательном плане образовывать друг с другом множественные связи и пересечения (ПОЛИТИК может быть и УМНИКОМ, и ПРЕДАТЕЛЕМ, и ГОРОЖАНИНОМ и т. п.), но иерархия при этом отсутствует.

Итак, использовать метод выявления общих когнитивных классификаторов целесообразно только в том случае, когда исследуются гомогенные концепты, поскольку, например, такие классификаторы, как *пол*, *возраст*, *внешний вид* и большинство других могут быть выявлены и в структуре гетерогенных концептов, что приведет не к построению иерархии, а к механическому объединению несвязанных ментальных сущностей. Очевидно, в данной работе в качестве верифицирующего метода можно использовать выявление когнитивных классификаторов.

Данные таблицы 3 демонстрируют, что наиболее ярким когнитивным классификатором всех трех концептов является *сфера деятельности*, причем наибольшую яркость (18,75 %) данный классификатор имеет в категориальной структуре концепта ПРЕЗИДЕНТ. Тот факт, что классификатор *сфера деятельности* объединяет наибольшее количество когнитивных признаков во всех трех концептах, позволяет установить критерий определения частной концептосферы, включающей в себя исследуемые концепты, определив ее как политическую. Остальные общие когнитивные классификаторы являются максимально яркими в категориальной структуре лишь у двух из трех концептов. Так, следующий по яркости когнитивный классификатор *наличие власти* также имеет наибольший объем (12,35 %) в категориальной структуре концепта ПРЕЗИДЕНТ, но в структуре концепта МЕДВЕДЕВ объединяет всего 1,61 % когнитивных признаков.

Когнитивные классификаторы *личностные качества*, *внешний вид*, *вызываемые зрительные образы*, *вызываемые чувства*, *национальная принадлежность* имеют наибольшую яркость в категориальной структуре концепта МЕДВЕДЕВ. Эти статистические данные подтверждают, что представления о конкретных персоналиях в сознании классифицируются с опорой не на абстрактные понятия, а на конкретные сведения. Иными словами, проще описать внешний облик и личностные качества определенной персоналии, в данном случае Д. А. Медведева, чем ПОЛИТИКА или ПРЕЗИДЕНТА вообще.

Когнитивные классификаторы *уровень ума*, *уровень материального состояния*, *содержательное наполнение деятельности*, *взаимодействие с партией*, *общая личностная оценка*, *возраст*, *биологическая принадлежность* имеют наибольшую яркость в категориальной структуре концепта ПОЛИТИК, когнитивные классификаторы *сфера деятельности*, *наличие власти*, *место нахождения*, *пол* — в категориальной структуре концепта ПРЕЗИДЕНТ. Когнитивный классификатор *способ получения должности* имеет одинаковую яркость в категориальной структуре концептов ПОЛИТИК и ПРЕЗИДЕНТ. Как показано, два наиболее абстрактных когнитивных классификатора

с максимальной яркостью относятся к концепту ПРЕЗИДЕНТ, что в очередной раз подтверждает предположение о его верхнем положении в иерархии исследуемых концептов.

В таблице 4 приведены когнитивные классификаторы, выявленные в содержании двух из трех исследуемых концептов в русском национальном сознании.

Данные таблицы 4 подтверждают сделанные выше выводы о том, что концепты ПОЛИТИК и МЕДВЕДЕВ связаны друг с другом опосредованно, через концепт ПРЕЗИДЕНТ, поскольку прямых связей между ними на уровне дифференциальных и классификационных когнитивных признаков не выявлено. Следовательно, ведущим в иерархии оказывается концепт ПРЕЗИДЕНТ.

Таким образом, хотя логически можно предположить следующую последовательность в организации исследуемых концептов: «ПОЛИТИК — это ПРЕЗИДЕНТ», а «ПРЕЗИДЕНТ — это МЕДВЕДЕВ», — в сознании представлена другая последовательность: «ПРЕЗИДЕНТ — это ПОЛИТИК» и «ПРЕЗИДЕНТ — это МЕДВЕДЕВ». Соотношение концептов МЕДВЕДЕВ и ПОЛИТИК на данном этапе исследование остается не проясненным и может быть уточнено с помощью следующего предлагаемого метода.

3. МЕТОД ТРЕТИЙ. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯРКОСТИ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ, ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ КЛЮЧЕВЫМИ НОМИНАЦИЯМИ ИССЛЕДУЕМЫХ КОНЦЕПТОВ

Из всех предложенных данным метод является наиболее простым и позволяет получить более однозначные результаты. Сопоставляется яркость когнитивных признаков, вербализуемых ключевыми номинациями исследуемых концептов. Так, в ходе экспериментального ассоциативного исследования концепта «президент» 10 % испытуемых дали реакцию «президент» и только 1 % — «Медвед». Наглядно полученные результаты представле-

ны на рисунке. Большая или меньшая толщина линий соответствует большей или меньшей прочности связей между концептами, обусловленной яркостью соответствующих когнитивных признаков.

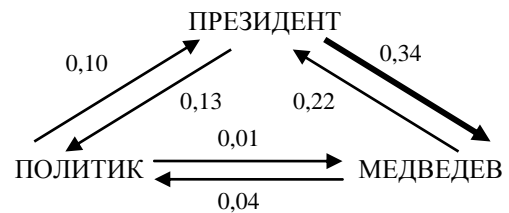

Рис. Система связей концептов ПРЕЗИДЕНТ, ПОЛИТИК, МЕДВЕДЕВ в русской общественно-политической концептосфере

Как видно, исследуемые концепты выстраиваются в иерархию, в которой вершинным оказывается концепт ПРЕЗИДЕНТ. Последний в сознании прочнее и значимее связан с концептом МЕДВЕДЕВ, а менее прочно и значимо — с концептом ПОЛИТИК, причем более прочной является связь «ПРЕЗИДЕНТ — это МЕДВЕДЕВ», чем «МЕДВЕДЕВ — это ПРЕЗИДЕНТ», и «ПРЕЗИДЕНТ — это ПОЛИТИК», чем «ПОЛИТИК — это ПРЕЗИДЕНТ», т. е. концепт ПРЕЗИДЕНТ можно считать условно управляющим по отношению к двум другим. Наименее прочные связи имеют концепты ПОЛИТИК и МЕДВЕДЕВ, вследствие чего их можно считать в данной иерархии относительно независимыми друг от друга.

Проведенное исследование доказывает, что логическая иерархия и иерархия концептов в концептосфере не всегда совпадают, во всяком случае, иерархия концептов в концептосфере далека от однозначно определяемой. Концептосфера — это система, существующая по своим законам, диктуемым не столько формальной логикой, сколько субъективными внешними и внутренними факторами и обстоятельствами, воздействующими на языковое и когнитивное сознание носителя той или иной лингвокультуры.

Таблица 4

Общие когнитивные классификаторы двух из трех концептов, %

Когнитивные классификаторы	Концепты		
	ПОЛИТИК	ПРЕЗИДЕНТ	МЕДВЕДЕВ
Типичный представитель	7,34	15,30	—
Наличие ответственности	0,45	2,16	—
Типичное поведение	4,91	1,38	—
Класс деятельности	0,44	0,20	—
Популярность в СМИ	1,34	0,99	—
Общая оценка деятельности	1,56	0,40	—
Степень независимости в осуществлении управления	—	0,78	10,85
Способность решать проблемы	—	1,77	1,08
Поддерживаемые сферы науки и техники	—	0,20	4,57
Эффективность управления страной	—	0,78	3,23
Демократичность деятельности	—	1,37	0,81
Образ жизни	0,44	—	0,81
Созвучные слова	0,45	—	0,54

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырев М. Ю., Тухтин В. В.* Построение концептуальных графов как элементов семантической разметки текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). 2009. Вып. 8 (15). С. 31—38.
2. *Болдырев Н. Н.* Методологические проблемы когнитивных исследований в лингвистике // Филология и культура : мат-лы 7 Междунар. науч. конф. (14—16 окт. 2009 г.). — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 35—41.
3. *Буянова Л. Ю.* Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации. URL: http://www.relga.rsu.ru/n80/cult80_1.htm (дата обращения: 15.02.2011).
4. *Каширин Д. И.* Алгоритмы структуризации и унификации для моделей знаний в технологии Semantic WEB на основе синтеза OWL-онтологий : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.11. — Рязань, 2008.
5. *Китова Е. Б.* Иерархия концептов Data, Information, Knowledge в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Иркутск, 2006.
6. *Кортювенкова Т. В.* Способы языковой репрезентации концептуального пространства в художественном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Калининград, 2009.
7. *Леонтьева Н. Н.* Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. — М. : Академия, 2006.
8. *Лебедев А. С.* Редактор расширенных сетей переходов с графически интерфейсом пользователя // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). 2009. Вып. 8 (15). С. 284—290.
9. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж : Истоки, 2007.
10. *Рябова Н. В., Козопольская А. С.* Построение иерархии концептов на основе лингвистического анализа текстовых коллекций и метода FCA. URL: http://megaling.crimea.edu/publications/2010_Ryabova_Kozoplyanskaya.rtf (дата обращения: 10.03.2011).
11. *Тарасова И. А.* Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (5-е Березинские чтения). — М. : ИНИОН РАН : МГЛУ, 2009. Вып.15. С. 262—267.
12. *Тыгуз Э. Х.* Концептуальное программирование. — М. : Наука, 1984. (Сер. «Проблемы искусственного интеллекта»).
13. *Шафиков С. Г.* «Концепты и категории в лингвистике» // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3—16.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

Т. П. Смирнова Т. P. Smirnova

Нижний Новгород, Россия Nizhny Novgorod, Russia

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
И ПУТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ****THE MAIN TENDENCIES
OF THE DEVELOPMENT
OF EUROPEAN LANGUAGE POLICY
AND WAYS OF IMPLEMENTATION**

Аннотация. Анализируются основные тенденции развития языковой политики в Европе и конкретных действий Европейского союза в этом направлении.

Abstract. This article analyzes the main tendencies in development of language policy in Europe and actions of the European Union in this area.

Ключевые слова: Европейский союз; языковая политика; мультилингвизм; иностранный язык; развитие.

Key words: the European Union; language policy; multilingualism; foreign language; development.

Сведения об авторе: Смирнова Татьяна Павловна, ведущий экономист в главном управлении Центрального Банка Российской Федерации по Нижегородской области; аспирант.

About the author: Smirnova Tatiana Pavlovna, Leading Economist at the Central Board of Bank of Russia in Nizhegorodsky Region; Post-graduate Student.

Место работы: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Place of employment: Nizhny Novgorod State University n. a. Lobachevsky.

Контактная информация: 606502, Нижегородская обл., г. Городец, ул. Ленина, д. 9.
e-mail: tatyanasemenycheva@yandex.ru.

С учетом уровня интеграции современного общества разноязычие препятствует политическому, экономическому, социальному развитию. Люди, владеющие иностранными языками, имеют явное преимущество во всех сферах, начиная со свободного передвижения и заканчивая трудоустройством и адаптацией за рубежом. По новейшим данным, мультилингвизм является распространенным социокультурным феноменом, так как около 75 % населения земного шара владеют в той или иной степени двумя или более языками [Арынгазиева 2009; Wright 2008]. Примерно в четверти стран признаются официальными два языка, а в нескольких странах — три и более языков, хотя во многих государствах фактическое количество сосуществующих языков существенно больше [Крючкова 2010]. В Европейском союзе (ЕС), надгосударственном образовании, основной целью которого является благополучие в составляющих его странах, в полной мере проявилась проблема регулирования языковых барьеров [Крючкова 2010; Аммон 2006; Pfromm 1989]. В результате был принят целый ряд законодательных, административных и организационных мер, направленных на изменение или сохранение существующего функционального распределения языковых образований, на введение новых и консервацию употребляемых языковых норм, т. е. была разработана определенная **языковая политика**.

В данной статье анализируется **реализация наиболее известных документов, разработанных в рамках европейской языковой политики**, направленных на решение основных проблем, связанных с коммуникациями внутри ЕС.

Языковая ситуация в ЕС совсем не однозначна. Следует обратить внимание на то, что равноправие всех языков в сообществе нико-

гда не обсуждалось. В момент создания ЕС особый статус в нем получили лишь отдельные языки (Европейский союз производителей угля и стали в 1951 г. официальными и рабочими языками организации объявил французский, немецкий, итальянский и нидерландский) [Крючкова 2010; Смокотин 2010; Pfromm 1989]. В настоящее время, как известно, в ЕС 23 официальных языка [Официальный сайт ЕС].

Политическим лозунгом и программой действий ЕС является концепция мультилингвизма. В одном из докладов Европейской комиссии заявлено: «Языки находятся в сердце европейского проекта: они отображают разные культуры и вместе с тем являются ключом к пониманию этих культур» [Пелагеша 2008]. Соответственно цель языковой политики ЕС — сохранение языкового разнообразия сообщества.

О возрастании веса языковой политики свидетельствуют изменения в структуре Еврокомиссии: раньше языковые вопросы находились в ведении комиссара ЕС по образованию, тренингам, культуре и мультилингвизму, а с 1 января 2007 г. для их решения создана отдельная должность комиссара ЕС по мультилингвизму, которую в то время занял Леонар Орбан из Румынии.

Следует уточнить, что под **мультилингвизмом** понимается возможность сообществ, групп, институтов и граждан владеть на постоянной основе более чем одним языком и применять их в повседневной жизни. Также термин мультилингвизм используется для объяснения сосуществования различных языковых сообществ на одной географической, геополитической территории или в рамках политического образования. Изучение жителями европейских государств второго языка в дополнение к родному должно помогать людям стать более открытыми для других взглядов и куль-

тур, совершенствовать познавательные способности и укреплять знание своего родного языка, а также свободно выбирать место работы или обучения в другой стране — члене ЕС [Коржакова 2010; Смирнова 2007; Final Report 2007].

Согласно современным представлениям, функционирование языков в ЕС происходит на четырех уровнях [De Swaan 2007; Dr Richard 2006]:

1. Публичный институциональный уровень, который включает пленарные сессии Европарламента и работу различных комиссий с гражданами ЕС.

2. Закрытый институциональный уровень, к которому относятся встречи парламентских комиссий, чиновников высокого ранга и т. п.

3. Уровень общения между гражданами внутри родной страны.

4. Уровень европейского гражданского общества, охватывающий общение между гражданами ЕС, проживающими в разных странах.

Очевидно, что на первом уровне многоязычие является обязательным. Титульные языки государств, входящих в ЕС, являются основополагающим признаком их национальной идентичности и самостоятельности. Все 23 официальных языка ЕС равноправны во время заседаний Европейского парламента, кроме того, на них граждане стран — членов ЕС имеют право обращаться в различные европейские инстанции и получать ответы на свои запросы. Право членов ЕС выступать на заседаниях Европарламента на родном языке является принципиально важным не только с идеологической точки зрения. Безусловно, в таком случае оратор четче и ярче выражает свои мысли, а также тратит значительно меньше времени на выступление, чем на неродном языке [Weydt 2003]. Естественно, во время выборов в европейские структуры политики выступают в средствах массовой информации на языках своих стран и апеллируют к местному электорату. Непризнание языков может затронуть чувство национального достоинства людей. Наряду с этим ограничение в использовании языков на официальных заседаниях и в документах ЕС, в делопроизводстве и т. п. может ослабить позиции страны и в других проявлениях. Наконец, языки, как и флаги стран ЕС во время публичных мероприятий, выполняют знаковую функцию [Dr Richard 2006; Van Els Th 2001].

Второй уровень касается общения чиновников и членов различных комитетов на закрытых встречах, рабочих совещаниях и т. п. С одной стороны, в этом случае должно проявляться уважение к национальному языку. С другой стороны, в подобной ситуации общение происходит чаще всего на английском, французском или немецком языках. Так, вся деятельность вспомогательных служб — секретариатов, групп референтов и т. п. — осуществляется только на английском языке [Офи-

циальный сайт ЕС; Grin 2004; Wright 2008]. Очевидно, что связано это с организационными и финансовыми проблемами. Например, синхронный перевод с одного языка на 22 других и обратно требует усилий 506 переводчиков (при условии, что каждый переводчик переводит только с какого-то одного языка на другой, но не обратно) [Алпатов 2000; Dr Richard 2006]. По мере расширения ЕС и увеличения количества официальных языков задача упорядочения языковой жизни сообщества пыталась решить ученые. Например, проводилась работа над исследовательским проектом «Language dynamics and management of diversity» (DYLAN) при участии 18 европейских университетов. Предлагались такие пути решения указанных проблем, как использование в качестве языка-посредника на заседаниях Европарламента латыни или эсперанто [Grin 2004], а также запрет парламентариям выступать на родном языке [Van Els Th 2001].

На третьем уровне общения проблема не так проста, как кажется на первый взгляд. Иностраный язык, чаще всего английский, занимает заметное место при коммуникации, в частности в бизнесе, в сфере высоких технологий, в научно-исследовательской деятельности и соответственно в научных публикациях, в образовании, в спорте, на отдыхе и т. п. Родной язык становится все менее востребованным. Например, в Дании, Швеции, Нидерландах, Люксембурге и др. странах Европы 80 % населения владеют иностранным языком [Dr Richard 2006; Wright 2008].

Наконец, на четвертом уровне общения второй, третий и т. д. язык необходим для того, чтобы обеспечить продвижение по социальной лестнице, при этом выбирается тот язык, который, как ожидается, будут учить все и который будет распространен повсеместно [Пелагеша 2008; Смокотин 2010; Dr Richard 2006; Riagain 2006]. Благодаря этому продолжается распространение английского языка, и данный процесс трудно остановить, поскольку он является результатом не политических решений, а добровольного выбора миллионов граждан по прагматическим соображениям [Крючкова 2010; Pfromm 1989; Theo 2005; Theo 2005].

В связи с этим в языковой политике ЕС особое внимание уделяется модернизации технологий изучения европейских языков. Благоприятствование изучению иностранных языков уже давно стало отдельным направлением деятельности Еврокомиссии, получившим название «Language Learning Policies — политика в сфере обучения иностранным языкам». Первая программа такого рода, «Lingua», была введена в 1989 г. [Pfromm 1989]. Мероприятия в языковой области интенсифицировал европейский Год языков, прошедший в 2001 г., по завершении которого Европейский парламент и Европейский совет приняли резолюции, призывавшие Европейскую комиссию разработать

и ввести ряд мер, направленных на благоприятствование изучению иностранных языков. По данным Евробарометра, 67 % европейцев считают политически приоритетным преподавание иностранных языков, а 29 % определяют это как абсолютную необходимость. При этом 84 % европейцев полагают, что каждый в ЕС должен владеть как минимум одним языком кроме своего родного [Мансилла 2007; Смирнова 2007; Пелагеша 2008; Rigain 2005; Weydt 2008].

В 2002 г. на Барселонском саммите Европейского совета главы государств и правительств объявили о внедрении в образовательные системы стран-членов принципа «родной язык плюс два иностранных» и «индикатора лингвистической компетентности». Такое важное и символическое решение предусматривает изучение по меньшей мере двух иностранных языков с раннего возраста в учреждениях школьного, университетского и профессионально-технического образования ЕС. В Еврокомиссии в соответствии с этим принят план действий под названием «Благоприятствование изучению иностранных языков и лингвистическому разнообразию в 2004—2006 гг.», акцентирующий внимание на трех стратегических направлениях: изучение иностранных языков в течение жизни, улучшение преподавания иностранных языков, создание благоприятной среды для изучения языков. Этот же план включал 47 конкретных предложений по деятельности Европейской комиссии на протяжении 2004—2006 гг.

В рамках реализации вышеупомянутых решений проводились общеевропейские научные исследования, конференции, семинары и информационные кампании, посвященные языковым проблемам; спонсировались посещения студентами курсов языковой подготовки; предоставлялись гранты учителям иностранных языков, был реконструирован языковой портал «Европа» (<http://europa.eu/languages/en/>) и т. д. Для благоприятствования изучению иностранных языков были значительно углублены программы «Socrates» и «Leonardo», их реальное воплощение потребовало инвестиций в размере около 150 млн евро, что на 66 % больше по сравнению с 2000—2002 гг. Языковая политика стала одной из приоритетных в новых программах ЕС на 2007—2013 гг. [Коржакова 2010; Мансилла 2007; De Swan 2007; Outcomes 2007; Wright 2008].

Хотелось бы более подробно остановиться на одном из первых документов, определяющих направление развития европейского мультилингвизма, под названием «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (Common European Framework of Reference — CEF) [A Common 2003]. Это результат научных исследований и широких консультаций, представляющий собой практический инструмент

как для определения четких стандартов, которые должны выполняться на каждом уровне изучения языков, так и для оценки результатов по международной системе. Кроме того, этот документ предлагает критерии взаимного определения уровня владения языком для всех европейских языков и одновременно стимулирует образовательную и профессиональную мобильность, являясь основной частью проекта «Изучение языков в контексте европейского гражданства», действовавшего с 1989 по 1996 г. В частности, документ включает в себя систему аттестации по пяти навыкам: чтение, письмо, аудирование, устный диалог и устная презентация (монологическая речь). С использованием данной шкалы было выделено шесть уровней владения языком: A1 — уровень выживания / прорыв (Breakthrough), A2 — предпороговый / промежуточный уровень (Waystage), B1 — пороговый уровень (Threshold), B2 — пороговый продвинутый уровень (Vantage), C1 — уровень профессионального владения (Effective Operational Proficiency) и C2 — уровень владения в совершенстве (Mastery). В ноябре 2001 г. в резолюции ЕС рекомендовалось использовать CEF для создания систем подтверждения языковой компетенции [Коржакова 2010; Мансилла 2007; Пелагеша 2010].

Не менее важным является второй инструмент — Европейский языковой портфель. При его разработке ставилась следующая задача: научить студентов изучать язык(и) автономно, в течение всей жизни, реалистично оценивать собственный уровень владения различными языковыми навыками и объяснять это учреждениям, в которых они будут продолжать образование, работодателям и другим заинтересованным лицам. Существует несколько вариантов языкового портфеля, при этом каждый включает в себя три компонента и базируется на шести уровнях и пяти навыках, прописанных в Общеевропейских постулатах. Перечислим три компонента [Коржакова 2010; Language 2005; Riagain 2006]:

I. Паспорт — фиксирует формальные и неформальные языковые навыки и опыт. Здесь же указывается оценка уровня владения языком с точки зрения уровней и навыков по Общеевропейским компетенциям. Оценку может выставить сам владелец паспорта, преподаватель и образовательное учреждение или экзаменационная комиссия. В паспорте должно быть указано, на каких основаниях, когда и кем проводилась аттестация.

II. Языковая биография — данная часть «портфеля» помогает изучающему язык участвовать в планировании и осознании собственного учебного процесса, оценке своих успехов, а также побуждает фиксировать, на что он/она способен на каждом из языков и включать информацию о лингвистическом и культурном опыте, полученном в рамках формального и неформального образовательного контекста.

III. Досье — в этот раздел студент включает работы, которые лучше всего демонстрируют его/ее языковые возможности. Отбор производят, исходя из конкретной ситуации, чтобы подчеркнуть необходимые для определенного случая умения и навыки. В досье также можно поделиться опытом межкультурного общения.

Европейский языковой портфель призван стимулировать изучение иностранных языков, а также сделать этот процесс более прозрачными для самого учащегося. Благодаря этому студенты сами могут выстраивать стратегию усвоения языка, определять для себя цели и планы дальнейших занятий. Важна и отчетная функция «портфеля»: он позволяет заинтересованным людям (работодателям, преподавателям и т. д.) получать четкую, достоверную и сопоставимую с другими источниками информацию о том, насколько учащийся владеет языком и каким опытом межкультурного общения обладает [Мансилла 2007].

По последним данным, количество граждан ЕС, владеющих по крайней мере одним иностранным языком, в 2001—2005 гг. выросло с 47 % до 56 %. Половина европейцев соглашается с политическими целями ЕС, соответствующим которым каждый гражданин ЕС должен владеть, кроме своего родного, еще двумя языками. Последнее исследование «Европейцы и языки», проведенное Евробарометром в 2006 г., свидетельствует, что уже сегодня *lingua franca* для европейцев может стать английский язык, остающийся самым распространенным языком в Европе. Им как родным (13%) или как иностранным (38%) владеет 51 % европейцев. За ним идут французский и немецкий (по 14 %), испанский и русский (по 6 %). 77 % европейцев согласны с тем, что в качестве первого иностранного языка их дети должны изучать английский. 90 % учащихся средних школ всей Европы сегодня изучают английский [Мансилла 2007].

Вследствие глобализации, вступления новых стран в ЕС, притока иммигрантов из стран Восточной Европы и бывших колоний актуальной становится проблема европейской языковой политики мультилингвизма. Данная проблематика обсуждается в рамках ЕС и его институтов, а также других международных организаций. В период модернизации европейского сообщества необходимо постоянно совершенствовать стратегии развития и воплощения европейской политики мультилингвизма, так же как и нормативно-правовую базу, регламентирующую данную область взаимодействия стран — членов ЕС и различных международных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтаев В. М. 130 языков и политика: 1917—2000. — М. : Крафт+ : Ин-т востоковедения РАН, 2000.
2. Арынгазиева Б. Б. Мультилингвизм как условие диалога культур // Вестник Рос. филос. о-ва. 2009. № 2 (50). С. 72—75.
3. Коржакова М. А. Мультилингвизм в образовательной политике Евросоюза // Образование и воспитание. 2010. № 9. С. 72—75.
4. Крючкова Т. Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. 2010. № 34. С. 30—34.
5. Мансилла П. У., Ръехос А. М. Общоевропейские компетенции владения иностранным языком: пилотный образец межкультурной стратегии. 2007. URL: http://logosbook.ru/educational_book/pdf/2-3_07/08.pdf (дата обращения: 15.12.2011).
6. Официальный сайт Европейского союза. URL: www.europa.eu.int.
7. Пелагеша Н. Э. Языковая политика ЕС: язык родной и два иностранных // Зеркало недели. 2008. № 25. URL: http://zn.ua/EDUCATION/yazyk_rodnoy_i_dva_inostrannyh-54180.html (дата обращения: 15.12.2011).
8. Смирнова О. А. Европейский мультилингвизм // Иностранные языки в школе. 2007. № 3. С. 94—100.
9. Смокотин В. М. Новый этап в развитии принципа многоязычия в Европе: построение многоязычного и поликультурного общества // Вестник Том. гос. ун-та. 2010. № 333. С. 61—66.
10. A *Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment* — 2003. URL: eur-op.eu.int (дата обращения: 15.12.2011).
11. Annon U. Language conflicts in the European Union // *International Journal of Applied Linguistics*. 2006. V. 16. № 3. P. 319—338.
12. De Swaan A. The language predicament of the EU since the enlargements // *Sociolinguistica*. 2007. № 21. P. 1—21.
13. Grin F. Coûts et justice linguistique dans l'élargissement de l'Union européenne // *Panoramiques*. 2004. № 69. 4-e trim. P. 97—104.
14. *High level group of multilingualism. Comission of the European Communities. Final Report*. 2007.
15. *Language Planning and Policy in Europe* / ed. by R. B. Baldauf Jr., R. B. Kaplan. 2005. V 1—3.
16. *Outcomes of the European Commission's public consultation on multilingualism*. 2007.
17. Pfromm R. Einleitung // *Nationalsprachen und die Europaeische Gemeinschaft. Probleme am Beispiel der deutschen, französischen und englischen Sprache*. — München : Olzog Verl., 1989. S. 3—5.
18. Riegain D. *Voces Diversae: Lesser-Used Language Education in Europe*. Ser. Belfast Studies in Language, Culture and Politics. 2006. V. 15.
19. TheoV.-E. Multilingualism in the European Union // *International Journal of Applied Linguistics*. 2005. V. 15.3. P. 264—281.
20. Weydt H. The inferiority of non-native speaker and its political consequences // *Language: Issues of Inequality / Universidad Nacional Autonoma De Mexico*. — Mexico, 2003. P. 173—188.
21. Wright S. Language Networks in European Parliament: the Rise of English // *The 15th Congress of Applied Linguistics. Multilingualism: Challenges and Opportunities*. — Essen, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. И. В. Рыжов

Ю. А. Соловьева
Москва, РоссияY. A. Solovyeva
Moscow, Russia

СООТНОШЕНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Аннотация. Рассматривается соотношение между концептуально-метафорическими репрезентациями и идеологическими основаниями политических концепций. Доказывается, что основные политические теории репрезентируются посредством метафоризации. Это позволяет произвести их классификацию и установить закономерности репрезентации.

Ключевые слова: англоязычный политический дискурс; политические концепции; политические теории; метафоризация.

Сведения об авторе: Соловьева Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук.

Место работы: Московский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: Москва, 119992, ул. Остоженка, д.38.
e-mail: Julynew84@yandex.ru.

THE CORRESPONDENCE

OF CONCEPTUAL-METAPHORICAL
REPRESENTATIONS AND IDEOLOGICAL
FOUNDATION OF POLITICAL THEORIES

Abstract. The present article reveals the correspondence of conceptual-metaphorical representations and ideological foundation of political theories. The author proves the fact that the main political theories are represented with the help of metaphorization. Thus the theories can be classified with certain regular features of their representation.

Key words: English political discourse; political concepts, political theories; metaphorization.

About the author: Solovyeva Yulia Andreevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Sciences.

Place of employment: Moscow State Linguistic University.

Посредством концептуально-метафорической репрезентации формируются целые зрительные картины, результатом осмысления которых является определенное представление о том или ином политическом феномене. В каждой такой «метафорической картине» присутствуют следующие базовые метафорические концепты: верх — низ, равновесие, движение, контейнер, объективизация, а также вытекающая из них количественная оценка по шкале «хорошо — плохо».

Например, метафорический концепт «Человек» формирует общее дометафорическое представление об активном деятеле, который совершает какой-либо вид деятельности: ведет переговоры, принимает участие в судебном процессе, соревнуется в гонке и т. п. Метафорический концепт «Строения» коррелирует с метафорическим концептом «Селение», «Город», который, в свою очередь, пересекается с метафорическим концептом «Человек», так как страны персонифицируются в образе жителей соседних городов. Метафорический концепт «Движение» расширяется до метафорического концепта «Путешествие» и тем самым тоже наслаивается на определенную область концепта «Человек». Кроме того, так как путешествуют чаще всего люди, метафорический концепт «Движение» пересекается с метафорическим концептом «Деятельность человека», так как часто политические феномены репрезентируются в образе машин, механизмов, созданных и управляемых человеком. Таким образом, политические концепции основываются на целом динамичном поле

концептуальных метафор, взаимодействующих друг с другом и формирующих единую картину, описывающую сложные абстрактные политические концепты через призму простых и понятных представлений. Поэтому логичней говорить о том, что политические концепции основываются на едином концептуально-метафорическом базисе. Один метафорический концепт или связка концептов зависит от прогнозируемой объяснительной силы концепции, значит, чем шире концепция, тем более широкую концептуальную базу она должна иметь.

Даже самое общее ознакомление с теми теориями, которые рассматриваются в современной политологии, показывает, что они, как правило, выстраиваются на метафорической основе. Достаточно вспомнить «политику кнута и пряника», «политику канонеров» и т. д.

Обращение к концептуальным метафорам позволяет по-новому систематизировать политические теории. Как показало проведенное исследование, все концепции политической сферы можно разделить на те, которые основываются на метафорических концептах, использующих представления об окружающем человеке мире (растения, животные, природные явления), и теории, которые основываются на представлениях о механизмах и строениях — продуктах человеческой деятельности. Иными словами, часть метафорических концептов организована вокруг представлений о природных явлениях и силах, в то время как у другой части концептуальный центр составляют представления о человеке, его деятельности и о созданных человеком артефактах.

Сначала рассмотрим политические концепции, которые основываются на представлениях о строениях и механизмах. В концепции элит В. Парето общество представляет собой пирамиду, на вершине которой находится элита — социальный слой, руководящий жизнью всего общества. Марксистская концепция государства видит в государстве инструмент (т. е. машину) угнетения масс. Производственные отношения людей составляют экономическую структуру общества, реальный **базис** (фундамент), на котором возвышается общественная **надстройка** — система общественных идей, соответствующих этим идеям организаций и учреждений и идеологических отношений, в которые вступают люди, руководствуясь определенными идеями и используя для этого известные организации и учреждения.

Теория социальных систем и теория функционирования политических систем Д. Истона характеризует политическую систему как вечный двигатель; политический процесс вырождается в простое воспроизводство политической системой своих параметров.

Представление о власти как о конкретизированном предмете отражено в концепции бюрократии Моска и леволиберальной концепции элит Р. Миллса. Идея «власти в руках группы людей» и «перехода/передачи власти» показывает, что в данной концепции присутствует концептуальная метафора предмета, созданного руками человека и переходящего от одного человека (группы людей) к другому. Леволиберальная концепция элит Р. Миллса во многом схожа с концепцией бюрократии Моска; согласно первой, право на владение предметом (властью) отдается узкому кругу элиты, массы не допускаются к участию в реальной политике.

Наряду с вышеперечисленными концепциям, в политике существуют другие теории, основанные на представлениях о живой природе. Такие воззрения можно разделить на три группы: 1) концепции, основанные на представлениях о человеке, 2) концепции, основанные на представлениях о животном мире, и 3) концепции, основанные на представлениях о растении.

Самую многочисленную группу составляют концепции, основанные на представлениях о человеке. Здесь можно обнаружить три подгруппы: концепции, основанные на представлениях о человеке как о живом организме, концепции, основанные на представлениях о человеческой деятельности, и концепции, основанные на представлениях о семье (или людях, проживающих на одной территории).

К концепциям, основанным на представлениях о человеке как о живом организме, относится органическая концепция возникновения государства, базирующаяся на идее о том, что общество — это живой организм, а государство — часть организма, в частном случае его мозг, который выполняет четко заданные функции. Таким образом, общество описыва-

ется в терминах естественного строения человеческого организма.

В концепции структурного функционализма Т. Парсонса ведущим является такой политический концепт, как противоречие, конфликт в обществе. Конфликт рассматривается как аномалия, болезнь общества, которую необходимо преодолеть.

Концепция структурного функционализма Э. Майо обнаруживает по основной идее сходство с концепцией Т. Парсонса.

М. Вебер выделяет в качестве одного из типов власти харизматичную власть, основанную на характеристиках сильной личности, таким образом власть наделяется характеристиками человека, владеющего ей.

Вторую подгруппу составляют концепции, трактующие политические события в терминах человеческой деятельности. К таким, например, относится концепция гражданского общества Дж. Локка, основанная на идеи общественных взаимоотношений и отношений человека с властью. В гражданском обществе, по Дж. Локку, каждый должен отказаться от естественной власти быть судьей в собственном деле в пользу общества. Таким образом, общество становится третейским судьей, человек обращается за защитой к закону, к людям, получившим от общества полномочия проводить в жизнь правила общежития. Соответственно проводится аналогия между обществом и судом как разновидностью человеческой деятельности.

В концепции использования силы К. Боулдинга описывается три способа влияния: силовое воздействие (палка), взаимовыгодный обмен (сделка) и создание доверительных отношений (поцелуй). Тем самым реализуется три вида человеческой деятельности: война, переговоры и любовь.

В либеральной концепции государства государству отводится роль арбитра в спорах между соревнующимися социальными группами, таким образом метафорически реализуется представление о спортивной деятельности человека.

К третьей подгруппе мы отнесли политические концепции, основанные на параллелях между политическими теориями и образом «семьи», а также на представлении о человеке как о части некоего сообщества, занимающего определенную территорию. Сюда входят концепция пространства Ф. Ратцеля, концепция большого пространства К. Хаусхофера, концепция «мировой державы», концепция геополитики Р. Челлена, концепция экономической глобализации, концепция гражданского общества Гегеля, концепция этнической фузии, патриархальная концепция возникновения государства, а также договорная концепция возникновения государства.

В концепции пространства Ф. Ратцеля государство описывается как живой социальный организм (человек), стремящийся к экспансии.

Пространство вокруг государства — природные рамки, в которых происходит экспансия народов и соответственно осуществляется развитие государств.

В концепции большого пространства К. Хаусхофера внимание концентрируется на расширении территориальных границ государств, на особой роли сверхдержав на геополитической карте мира, в частности таких, как Германия и Россия. К. Хаусхофер рассматривает государства как людей, «актеров», принимающих участие в развитии международных отношений. Он пишет: «Германия, распространив свое влияние на Восточную Европу, могла бы договориться с Россией об общем господстве над Мировым Островом...». Таким образом, К. Хаусхофер не только наделяет страны человеческими характеристиками (они могут договариваться друг с другом), но и фиксирует их стремление к расширению территориальных границ, т. е. к распространению своей власти на другие страны и народы.

Концепция «мировой державы» проводит прямое соответствие между размером страны и ее стремлением к экспансии. Данная концепция, как и концепция К. Хаусхофера, наделяет государства способностью принимать решения, обсуждать интересы, отстаивать позиции на пути к единой цели — территориальной экспансии.

В концепции геополитики Р. Челлена государство предстает как живой организм, подобный человеку, наделенный способностью чувствовать и мыслить, стремящийся к расширению своего места обитания.

Концепция экономической глобализации основана на отличной от предыдущей идее — идее пагубного влияния экономической глобализации на жизнь государств. В соответствии с данной теорией, экономическая глобализация — страшное стихийное бедствие, огромная волна, способная погубить национальные экономики или разрушить сферу обитания государств — жителей планеты. В то же время волна экономической глобализации может вынести национальные экономики далеко вперед, на новые территории, которые могут оказаться более плодородными и выгодными с точки зрения условий существования.

В концепции гражданского общества Гегеля проводится аналогия между государством и семьей, акцентируется тот факт, что в основе общества лежит принцип универсального эгоизма, в основе семьи — принцип избирательного альтруизма, а в основе государства — принцип универсального альтруизма. Концепция этнической фузии описывает процесс слияния нескольких ранее самостоятельных народов, родственных по языку и культуре, в единый, новый, более крупный этнос. Эта теория основана на идее объединения нескольких людей, живущих на разных территориях, в одну группу людей, проживающую на единой территории. Таким образом, можно провести

параллель между группой объединившихся людей и семьей.

Патриархальная концепция возникновения государства лучше всего иллюстрирует реализацию метафорического концепта «семья». В соответствии с данной теорией, основа любого государства — крепкая семья. Несколько семей, объединяясь, образуют селение, несколько селений, расположенных на одной территории, образуют государство. Главными задачами государства — большой семьи — являются организация порядка на подвластной территории и защита селян (членов семьи) от любых внешних агрессий. Данная концепция соотносится с идеей Аристотеля о том, что государство — необходимая и вечная форма человеческого общежития, без которой люди не могут обходиться, и с идеей Конфуция о том, что власть государства — продолжение власти отца в семье, никем и ничем не ограниченной.

В договорной концепции возникновения государства также ставится акцент на возникновении государства в результате договора между людьми, проживающими на одной территории. Таким образом, объединение людей в институт государства аналогично объединению людей в институт семьи.

Концепции второй группы представляют политические события в терминах животного мира. К теориям, основанным на параллелях между политическими явлениями или событиями и миром животных, растений и природных явлений, относятся концепция политики М. Вебера, концепция власти Н. Макиавелли, концепция государства Т. Гоббса, концепция цивилизаций А. Дж. Тойнби.

В концепции политики М. Вебера за властью признается роль самого сильного и желанного ресурса, за получение которого идет постоянная борьба индивидов и групп. Желание овладеть данным ресурсом настолько сильно, что М. Вебер сравнивает его с основными биологическими потребностями человека (в еде, жилище, продолжении рода), уподобляя общество миру животных, где действуют законы природы, где выигрывает тот, кто сильнее и выносливее. Таким образом, концепция М. Вебера основывается на следующих концептуальных метафорах: власть — природный ресурс, общество — животный мир.

В концепции власти Н. Макиавелли между обществом людей и животным миром проводится прямая параллель. Все руководители, по Н. Макиавелли, разделяются на львов (часть элиты, тяготеющая к использованию силы) и лис (часть элиты, предпочитающая хитрость и изворотливость).

Концепция государства Т. Гоббса основана на сравнении государства с неким чудовищем, зверем Левиафаном, который представлен как гигантский устрашающий монстр.

В концепции цивилизаций А. Дж. Тойнби цивилизации сравниваются с хищниками и

жертвами, причем роль агрессивного хищника приписывается западным цивилизациям, а роль жертвы — остальному миру. Как мы видим, представления о содержании политических концепций как о мире животных воплощаются в целом ряде политических теорий.

Наконец, третья группа теорий включает в себя концепции, основанные на представлениях о политических явлениях и событиях как подобных растениям. В эту группу входит теория стадийного развития.

Теория стадийного развития основывается на описании цивилизации в терминах развития любого живого организма (животного или растения). Цивилизация — единый процесс прогрессивного развития человечества, в котором выделяются отдельные стадии, или этапы. Данная теория предполагает поступательный переход от первобытно-общинного общества к рабовладельческому и далее к феодальному, капиталистическому и т. д. Можно провести аналогию между теорией социального развития и теорией эволюции. Социальное развитие подобно развитию организмов в природе, которые эволюционируют от простейших форм к сложнейшим.

Таким образом, концептуально-метафорический базис различных политических теорий составляют образы живой и неживой природы, образы природных явлений, а также образы артефактов, созданных человеком (строение, механизм, предмет). Промежуточное положение занимают концептуально-метафорические репрезентации, связанные с человеком. С одной стороны, человек выступает в них как часть природы (он развивается, болеет, выздоравливает и т. д.), с другой — является источником формирования таких явлений, как суд, торговля, война, спорт и др.

По-разному могут быть классифицированы и сами политические теории. Так, можно выделить теории буржуазные и марксистские, теории, основанные на идеологии демократии (в разных формах) и на идеологии тоталитаризма (также всегда различные по деталям и направлениям). Однако строгая классификация всех политических теорий — сложная задача, так как даже сами авторы теорий и политологи, изучающие эти теории, предпочитают воздержаться от однозначных ярлыков «правых» и «левых» движений.

Однако анализ политических концепций в зависимости от их концептуально-метафорических репрезентантов позволяет установить некоторые закономерности. Так, например, социал-дарвинистические и национал-социалистические теории основаны на представлении о человеке как о живом организме. Буржуазные, капиталистические движения имеют своим концептуальным центром либо представление о человеке как об источнике формирования таких явлений, как суд, война, спорт

и т. д., либо опираются на представление о семье. В ряде случаев они апеллируют к метафорическому концепту «живой природы». Импералистические движения в основном сфокусированы только на представлениях о семье. Либеральные, республиканские теории, а также теория марксизма концентрируются на представлениях о мире вещей, созданных руками человека, т. е. на представлениях об артефактах, в частности машинах или механизмах.

В заключение следует отметить: для описания социал-дарвинистических, буржуазных, капиталистических и импералистических взглядов по преимуществу используются метафорические концепты, основанные на представлениях о человеке, животном мире и живой природе, а для описания либеральных и марксистских идей чаще используются метафорические концепты, которые основываются на представлениях о мире вещей, сделанных руками человека. Это объясняется тем, что у представителей взглядов первой группы в центре внимания находится человек, подчиненный законам природы и испытывающий на себе влияние ее стихийных процессов. Представители взглядов второй группы, напротив, приписывает первостепенную роль человеку у власти, которому подчинена некая система, механизм, управляющий деятельностью других людей (не стоящих у власти) и контролирующей их поступки. Иными словами, политологи, являющиеся сторонниками капитализма, стремятся представить основные концепты политической науки как «естественные», природные явления, появление которых обусловлено самой природой. Из этого вытекают определенные следствия. Природные явления невозможно, а следовательно, не нужно менять. При таком подходе и государство, и власть, и структура общества, существующие в рамках капитализма, объявляются соответствующими законам природы и природе человека. Напротив, политологи социалистической и коммунистической ориентации тяготеют к репрезентации политических явлений в виде механизмов и машин, которые можно создать, «собрать», отрегулировать и заставить работать в нужном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляевская Е. Г.* Концептуальная метафора как фактор смысловой и структурной организации текста // *Германистика: состояние и перспективы развития*. — М., 2005.
2. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // *Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии*: сб. науч. тр. к 100-летию профессора И. И. Чернышевой. — М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13—30.
3. *Киселев С. Г.* Политология. — М.: Проспект, 2008.
4. *Чудинова И. М.* Основы политологии: учеб. пособие / КГПУ. — Красноярск, 1995.
5. *Heywood A.* Key Concepts in Politics. — Hampshire: Palgrave Macmillan, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Г. Беляевская

УДК 811.111.1'27(09)
ББК Ш143.21-0

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

О. А. Солопова

Челябинск, Россия

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ
«БУДУЩЕЕ РОССИИ» В АМЕРИКАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)**

Аннотация. Исследуется модель будущего Российской империи в американском политическом дискурсе. Материалом для анализа служат аналитические статьи американских СМИ середины XIX — начала XX в.

Ключевые слова: модель будущего; параметры модели; внутренняя политика; внешняя политика; политический дискурс; образ будущего.

Сведения об авторе: Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей лингвистики.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

O. A. Solopova

Chelyabinsk, Russia

**COGNITIVE DISCOURSIIVE MODEL «FUTURE
OF RUSSIA» IN AMERICAN POLITICAL
DISCOURSE (MID-19TH CENTURY – BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY)**

Abstract. The present paper focuses on the model of the Russian Empire's future foreseen in American political discourse. The material for the analysis is exploratory forecasts made by authors of political texts in American mass media (the mid-19th century – the beginning of the 20th century).

Key words: model of future; parameters of the model; domestic policy; foreign policy; political discourse; image of future.

About the author: Solopova Olga Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: South Ural State University.

Образ России — знаковая модель, которая определяет представления о государстве через доступные обыденному сознанию понятия и суждения и не всегда соответствует объективным показателям национального развития. Неотъемлемым компонентом образа государства является отображение будущего. Образ действительности, создаваемый зарубежными СМИ, непосредственно связан с моделью будущего страны, поскольку будущее представляет собой пролонгированное настоящее.

Исследование образного представления будущего актуально, потому что объективная реальность существует как восприятие этой реальности, характеризующееся национальными и индивидуальными особенностями: «...любая входящая информация преломляется через призму ценностной системы и согласно общим закономерностям восприятия» [Крашенинникова 2007: 20]. Адресат воспринимает модель политического мира или его фрагмент (модель будущего), структурированные определенным образом средствами массовой информации, их языком и логикой. Следовательно, объективный политический мир неразрывно связан с его субъективным отражением. Субъективная реальность в значительной мере обуславливает поведение человека, а значит, основной движущей силой его поступков являются образы, которым присуща функция управления действиями.

Г. Лассвелл отмечает возможность прогнозирования политической ситуации с опорой на данные языка: «Первый вклад исследователя — представление всестороннего образа будущего для того, чтобы показать, какому

воздействию вероятнее всего подвергнутся основные целевые установки, в случае если будет продолжен нынешний политический курс» [Lasswell 1956: 977—978]. Ожидания формулируют устойчивую оценку страны, они же формируют образ будущего.

В данной статье проводится когнитивно-дискурсивное исследование модели будущего России в политическом дискурсе США середины XIX — начала XX в. Это предполагает анализ закономерностей репрезентации будущего России в политическом дискурсе, выявление внутренней логики модели. Проводимое исследование позволяет систематизировать материал и описать фрагмент политического мира будущего России с учетом общественно-политической ситуации конкретного исторического периода, характеристик политических реалий определенного временного отрезка, политологических особенностей рассматриваемого явления и других дискурсивных факторов.

Наша задача — взглянуть сквозь текст на часть прошлой реальности, которая лежит за этим текстом, и на модель будущего, конструируемую им, что подразумевает необходимость изучения «не только того, откуда идет история, но и куда она направляется» [Ключевский 1989: 133] или могла бы направляться.

Выбор указанного исторического периода (середина XIX — начало XX в.) в качестве хронологического среза для анализа модели будущего России в американском политическом дискурсе обусловлен несколькими причинами.

В лингвистике, в зависимости от соотношения времени наличия объекта и времени

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ. Проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»

© Солопова О. А., 2012

познания, различают ретрогностику, направленную на познание прошлых состояний объекта, онтогностику, направленную на познание современного состояния объекта, и футурогностику, направленную на познание будущего состояния объекта [Кретов 2006: 9]. На наш взгляд, исследование современной модели будущего невозможно без изучения ее репрезентации в политических текстах минувших лет, поскольку любой исторический момент — это та точка, «откуда веером расходятся возможные пути в будущее» [Голубчиков 2006: 11].

Для современной политической лингвистики очень значима оппозиция «прошлое — настоящее — будущее», поскольку она является особой категорией политического дискурса, позволяющей осуществляться его ключевым функциям. Временные горизонты «прошлое», «настоящее», «будущее» существуют в неразрывном единстве, дополняют и уточняют друг друга; настоящее — граница совмещения двух временных пластов, прошлого и будущего. Граница между прошлым и настоящим, которое рождает будущее, проходит «по времени, по социальному пространству и по качеству» [Старостенков 2008: 6].

В соответствии с этим одним из этапов комплексной методики хронологического дискурсивного таргетирования метафор в политическом дискурсе является когнитивно-дискурсивная ретроспекция, взгляд на будущее «глазами прошлого». На данном этапе анализируется история объекта прогнозирования (в настоящем исследовании — образа будущего в политическом тексте) в представлении СМИ с целью получения его систематизированного описания и выявления тенденций развития. В качестве метамоделей в данном направлении используется матрица «методология прогнозирования и ретроспективных моделей» [Мэтьюз 2003: 65], которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы.

В настоящей статье представлена статическая матрица — синхронная модель, которая дает «застывшую „фотографию“ объекта исследования в каждый момент времени (определенный исторический период)» [Солопова 2011: 126]. Синхронная матрица, созданная для анализируемого хронологического среза, представляет собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого.

Итак, наша цель — исследовать закономерности формирования образа будущего России в рамках модели статической матрицы. Материал исследования получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов средств массовой информации США и составляет более 3100 контекстов. Источниковую базу составляет американская пресса 1850—1905 гг.

Основными принципами изложения в настоящей работе являются системность, анализ основных тенденций и процессов; историзм (тенденции и процессы изучаются в динамике); междисциплинарность (использование понятий, концепций и методологии когнитивной лингвистики, политической прогностики, социологии, истории).

Заголовки статей в американской прессе середины XIX — начала XX в. свидетельствуют о том, что СМИ проявляют устойчивый интерес к событиям в России, а будущее Российской империи относится к актуальным темам: *The Future of Russia; Russia's Far-Sighted Design; The Rise of Russia; What Russia is doing; The Eastern Giant; Russia as it is and Russia as it will be; Russia's Aim in Future; The Eastern Puzzle* и др.

При моделировании будущего России в политических текстах американских СМИ удельный вес контекстов, репрезентирующих параметр «внешняя политика» (2141 контекст, 67,8%), превышает количество контекстов, задействованных в представлении будущего «внутренней политики» России (1017 контекстов, 32,2%). Это демонстрирует повышенное внимание американских СМИ к международным аспектам политической деятельности Российской империи.

«Внешняя политика». Среди подмножеств, составляющих параметр «внешняя политика», наиболее востребованным является подпараметр «отношения со странами Европы» (49,3%). Наряду с данным подмножеством на передний план в качестве главных факторов, влияющих на формирование модели будущего страны, выдвигаются отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (37,9%), отношения с США (12,4%). Самым малочисленным является подпараметр, который в исследовании современного хронологического среза [Солопова 2011: 174] обозначен как «страны ближнего зарубежья» (0,4%; см. рис. 1).

Отношения со странами Европы (1055 контекстов). В XIX в. Россия обладает значительными возможностями для эффективного решения внешнеполитических задач по защите собственных границ и расширению территории в соответствии с национальными, геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами страны. Рост международного влияния Российской империи после разгрома Наполеона выражается в расширении ее участия в делах Европы. В политическом дискурсе США за Россией признается роль державы будущего, *the power of tomorrow*, страны, доминирующей на Европейском континенте: ***Europe is setting down under Russian rule or under Russian influence in her methods of government. There is no questioning the fact that Russia dominates the continent of Europe*** (Aspen Daily Times. 1898. 28.04).

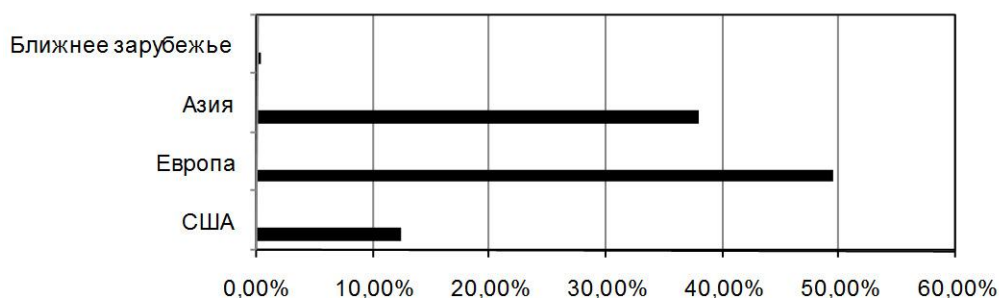

Рис. 1. Соотношение подпараметров «внешней политики»

На протяжении XIX в. главными мировыми политическими центрами, где принимались решения, касавшиеся геополитических проблем, были Лондон, Париж, Петербург и Вена. С середины века к числу таких центров присоединяется Берлин [История России 2012: 192]: *To be sure the other first-class powers of Europe — Austria, Germany and France — realize the overpowering weight and expansiveness that will come to their semi-Asiatic neighbor when once the bear has his paws securely placed on the banks of the Bosphorus, and the czar of all the Russians dictates his ukases from the city of Constantinople, that unrivalled seat of empire at the junction of three continents* (Aspen Daily Times. 1897. 19.02).

Усиление международного влияния России не может остаться незамеченным для главных фигурантов мировой политики, в первую очередь для Великобритании, Германии и Франции, поэтому идея всемерного ослабления России находит отражение в текстах, моделирующих отношения России и европейских держав в будущем: *We may confidently assume that Bismarck is not averse to war between England and Russia, because he wants Russia weakened* (Wellsboro Agitator. 1885. 28.04).

Отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (812 контекстов). Для России, обращенной к Европе и Азии, европейский и азиатский векторы внешней политики равноценны. Герб царской России изображает двуглавого орла, который смотрит и на Запад, и на Восток, что «символизирует одновременно главные направления геополитических угроз и „двойную“ ориентацию страны» [Лозанский 2007: 11]: *Russia has a great mission before her in Asia, she has one quite as great to work out in Europe — and this without taking into account the mere question of territorial expansion, which the logic of circumstances will sooner or later settle for her* (New York Times. 1870. 26.12).

В результате непрерывного поступательного продвижения России в Азию к середине 1870-х гг. большая часть Средней Азии входила в состав русских владений. Присоединение

среднеазиатских народов к России сопровождается, по мнению СМИ, многими прогрессивными явлениями: *The essential nature of Russia's progress across Asia is quite overlooked. There, where for centuries nothing but chaos and desolation have reigned, she has established law, order, and trade. Every native tribe living in this immense territory has been treated with the greatest consideration, and no small nationalities have been extinguished* (The New York Times. 1903. 02.08). Средняя Азия постепенно втягивается во внутривосточный хозяйственный оборот: *The social changes that Russia is working out among the most untamable hordes of Asia are quite remarkable* (Aspen Daily Times. 1885. 27.06).

Внешняя политика Российской империи XIX в. концентрируется на событиях, происходящих на южных рубежах страны. Россия обеспокоена решением восточного вопроса, связанного с наметившимся распадом Османской империи. Восточный вопрос для России в XIX в. сводится к борьбе за Константинополь: *Russia is willing to wait until the fruit is so ripe that it will fall into her hands without the shaking of the tree. She is already the power behind the throne of Constantinople. She wants dominion in an undivided empire. That is the dream of Holy Russia, and the Christian world hopes it will be reality some day* (Aspen Tribune. 1897. 09.07).

Во второй половине XIX в. ареной острого политического соперничества становится бассейн Тихого океана. Дальневосточная политика Российской империи основана на взаимоотношениях с Японией, Китаем, США и европейскими державами, преследующими собственные колониальные цели: *Of supreme importance the struggle between Russia and Japan in the Far East derives its true and more profound significance and interest from being the outgrowth of the policy carried forward for more than two centuries, steadily, without interruption, and with the impelling force of history and tradition toward the realization of a supreme ideal — Russia's dream of a world empire* (The New York Times. 1904. 21.02).

Отношения с США (265 контекстов). Будущее России часто связывается и сравнива-

ется с будущим США, таким образом, сопоставление России и Америки имеет давнюю традицию. Такому сопоставлению способствует сходство между странами: обе географически находятся на периферии европейской христианской цивилизации, для обеих характерны обширные пространства, разнообразие природных условий, длительная колонизация земель [Супоницкая 2010: 11].

Огромная территория, стремление к экспансии, близость психологии, вера в особую миссию своего народа ведут к «сближению» двух систем, столь характерному для XIX в.: **Russia, so far as development is concerned, is the youngest and most virile nation in Europe. She is developing along the lines that have given the United States prosperity, influence and strength. Her policy of development is at every point in sympathy with that of the United States** (Aspen Tribune. 1898. 29.07).

Отношение со странами ближнего зарубежья (9 контекстов). В середине XIX — начале XX в. страны, составляющие сейчас ближнее зарубежье и соответствующий подпараметр при анализе современного хронологического среза СМИ, находились в границах Российского государства и рассматривались в американском дискурсе как часть Российской империи, поэтому характеристика этих территорий относится к параметру «внутренняя политика»: *The situation of the entire population is extremely critical. The Kiev Lanin, published in Kieff, considers the condition of the peasants desperate. Already immersed in poverty, indebted to the state, while their taxes, which they are unable to pay, continue to accumulate. By next spring the entire Russian peasantry will probably be bankrupt* (Aspen Daily Chronicle. 1891. 05.08).

В рамках «внешней политики» среди индикаторов, наиболее востребованных в политических текстах при апелляции к образу будущего, на первый план выступает подпараметр «отношения со странами Европы». У Российской империи, мировой державы, были политические, стратегические и экономические интересы в различных точках земного шара, но первостепенное значение для нее имела Европа, где геополитическая ситуация постоянно менялась и не всегда была благоприятна для России. Помимо этого, в центре внимания политики Российской империи оказывались Ближний, Средний и Дальний Восток, где интересы Российского государства часто сталкивались с амбициями других европейских держав, что отражается на страницах СМИ середины XIX — начала XX в. при моделировании вероятного будущего Российской империи.

«Внутренняя политика». При создании модели вероятного будущего России параметр

«внутренняя политика» насчитывает 1017 единиц, т. е. 32,2 % общего корпуса проанализированных текстов (рис. 2).

Среди подмножеств, составляющих указанный параметр, наиболее востребованным является подпараметр «народонаселение» (36,3 %). Наряду с данным подмножеством на передний план в качестве главных факторов, влияющих на формирование модели будущего страны, выдвигаются политико-экономическая ситуация (31,7 %), военные силы (25,8 %), природные ресурсы (6,2 %).

Народонаселение (369 контекстов). Данный индикатор включает демографический, территориальный и социально-культурный факторы.

Территория является имманентной частью государства, защита ее целостности, от которой зависит политическая и экономическая независимость страны, — борьба за самосохранение. Россия, страна с огромной территорией, раскинувшаяся на просторах Евразии, уже благодаря своему географическому положению постоянно сталкивается с вызовами на западе, востоке и юге и в наши дни, и в царскую эпоху. Поэтому огромное внимание в текстах СМИ рассматриваемого периода уделялось территориальному и демографическому факторам: **The czar rules over a territory more than 9,000,000 square miles in extent. That is twice as much as China, two and a half times as much as the United States, five times as large as Europe, forty-one times as large as Germany, and fifty times as large as France. Russia's population is more numerous than that of any two European powers outside their colonies and Russia's population increases much faster. At the end of the century it will be greater than that of the triple alliance. Russia follows the expansive force within her, and aims at the rule of the world. The czar regards himself as the king of kings, and the same view is held by his people** (Aspen Tribune. 1896. 10.01).

Территориальная экспансия России не мотивируется финансово-экономическими устремлениями, поиском рынков сбыта и сырья; главные факторы складывания Российской империи — стратегические интересы и территориальная безопасность: **Russia is powerful, strong in resources, and equal to France. It is neither her wish nor perhaps her policy to extend her frontier, but on the contrary to seek to maintain peace in order to insure a continuance of progress. She bears no ill will to other powers of Europe, but does not wish to see either of them claim particular preponderance in influencing its affairs, nor will she allow another to arrogate such a position** (Rocky Mountain News. 1867. 01.05).

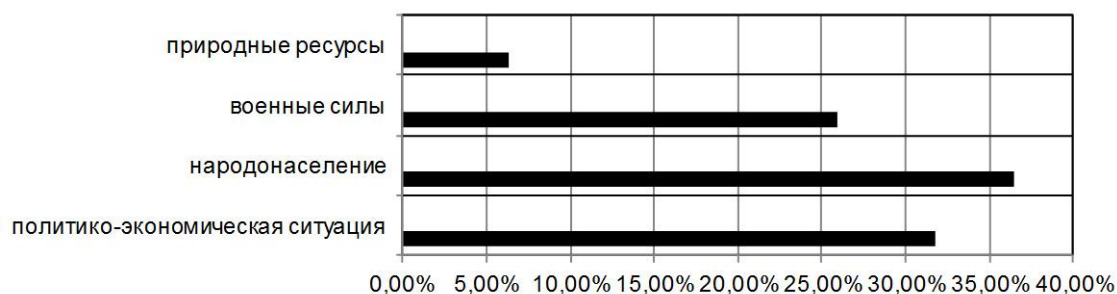

Рис. 2. Соотношение подпараметров «внутренней политики»

В то же время американские СМИ подчеркивали, что в России, в отличие от Америки, пространства будут тормозить развитие страны, русские будут побеждены обширными территориями, которыми владеют и которые тем самым являются благом и проклятием одновременно: *The population of the United States is supplied by the world, while that of Russia is purely esoteric. To the slow natural increase of a northern climate there cannot be any acceleration, otherwise than by conquest. But as conquest adds surface as well as souls, the momentary gain is an eventual loss* (New York Times. 1852. 19.03). В действительности, как отмечают исследователи, российская колонизация носила экстенсивный характер, представляла собой «движение вширь без качественного преобразования пространства» [Супоницкая 2010: 109], что замедляло модернизацию страны в настоящем и будущем.

Не меньшее внимание уделялось демографическому фактору, который оценивался положительно. Уровень рождаемости в царской России — один из самых высоких в мире: *A few years ago England, France, Russia, Austria and Germany were ahead of us in population and wealth, but we have outstripped them all in population except Russia* (Aspen Weekly Times. 1884. 01.01). В перспективе ожидается неуклонный рост численности населения страны: *It is to be ignorant not to appreciate the physical power of Russia. Russia holds one-sixth of the surface of the world, and is credited with a population of 135,000,000, which population is to be doubled in the next seventy years* (New York Times. 1903. 19.12).

Огромная территория Российской империи, ее демографический потенциал формируют представление о месте и роли страны в мире будущего, которое зарождается вместе с российским монархизмом: Москва — Третий Рим, преемница Византии, единственное православное государство. Россия объявляется оплотом христианства, а русский царь — царем над царями, поэтому задача России — возглавить все народы на пути к истине. Мессианская идея тесно связана с идеей державности, могущества государства российского и оправдывает его экспансионизм: *At this time Russia has been dreaming of universal empire in the East. It is her ambition to control Constanti-*

nople, to occupy Jerusalem. She bides her time: she punishes those who oppose her will; but she never forgets her dream (Pagosa Springs News. 1987. 09.07).

Политико-экономическая ситуация (323 контекста). Общество подчинено абсолютной власти монарха — «самодержавной и неограниченной»: *Russia is ruled by an iron hand* (Aspen Daily Chronicle. 1891. 12.06).

Православное миросозерцание наделяет царя особым ореолом, которого не имеет никто из прочих смертных: *Russia possesses one element of vitality that can hardly be predicated of the government of the United States. We mean the religious element. The fact is unquestionably of immense importance to the existence and coherence of that wide empire. As the head of the Church, the Czar is the object of an intense veneration, which no title of right or legitimacy or custom could secure for him. The mass of people view him in this aspect, as in immediate contiguity with themselves. No rank or birth or priestly order intervenes between the serf and the vicegerent of God. As an object of faith, his claim to absolute obedience is incomparably higher, than as a participant in a simply political system. And so throughout the whole system — a system upon which the immense fabric of Russian power is destined to rest so long as it has an existence* (New York Times. 1852. 19.03). С одной стороны, это дает огромной империи жизненные силы к существованию, делает ее цельнооформленной, с другой стороны, по мнению американских СМИ, именно в этом коренится причина тех сложных коллизий, которые сопутствуют попыткам реформировать верховную власть в либерально-правовом духе: «...на пути подобных устремлений всякий раз вставала непреодолимая преграда: не подлежащий реформированию религиозный авторитет» [История России 2012: 214]. Православно-государственный элемент в значительной степени цементирует существующую систему.

Государство играет решающую роль, инициируя реформы, проводимые для укрепления политического режима и могущества Российской империи: *Reforms are needed in Russia, and reformations are appointed to visit that land. It must be remembered that political reformations succeed only by mingling the blood of*

martyrs and the opposers of the Right (Colorado Antelope. 1881. 01.04). Именно поэтому реформы продвигаются с трудом: ***There is not the slightest improvement in Russia, as regards internal security, religious toleration, finance or industry*** (Dolores News, 1881. 06.08), — а Россия остается тиранией, где правят бал кнут, розга и плеть: ***Russia is par excellence a home of the whip and the rod, the Russians having been governed from the time immemorial by the use of the lash*** (Aspen Weekly Times. 1890. 24.05).

Первая половина XIX века ознаменована не только ратными подвигами российской императорской армии, но и успехами в других сферах — в науке, литературе, искусстве: ***Its social development has been coincident with its growth in the political power; its contests in the Realms of Science, and Art, and Learning, have surpassed the vast achievements of its armies. In the rapidity of its progress it has outstripped every nation in Europe, and only the United States can present a parallel to its wonderful career*** (New York Times. 1853. 21.05).

Тем не менее до середины XIX в. Россия остается аграрной державой, отставая в индустриальном развитии от ведущих стран Западной Европы и пользуясь их техническими достижениями. Это отставание становится особенно заметно в ходе Крымской войны, закончившейся поражением Российской империи: ***But she discovered her weakness and nakedness in the recent war, and now she is laboring to acquire that wealth, and to possess herself of those agencies, which will enable her, at a future period, to turn to more complete account her Titanic force*** (New York Times. 1856. 19.07).

Правительство стремится к форсированной индустриализации страны. Значительный импульс развитию экономики дает железнодорожное строительство, оно является движущей силой модернизации России. Развитая транспортная сеть связывает страну в единый рынок, стимулирует развитие всех отраслей производства. Железные дороги ускоряют освоение Сибири и Дальнего Востока, стимулируют развитие тяжелой промышленности, рост городов: ***With the completion of this road a new era will begin, travel and commerce will follow an unbroken route from the west of Europe to Japan, the ideas of civilization elsewhere prevalent will be introduced and take root, and gradually those changes will occur which will make Asiatic Russia a sharer in the common progress of humanity*** (Aspen Daily Times. 1899. 29.01). Страна занимает первое место в Европе по протяженности железнодорожных путей.

Вооруженные силы (262 контекста). В XIX в. Российская империя провела в войнах более тридцати лет. Участие страны в военных кампаниях не может не привлекать вни-

мания зарубежных СМИ, что обуславливает частотность обращения к рассматриваемому подпараметру в рамках моделирования образа будущего. Об этом свидетельствуют заголовки статей, тематикой которых являются настоящее и будущее Российской империи в целом и ее вооруженных сил в частности: *Russia Preparing for War; Russia Ready; Russia Ready for Action; Military Strength of Russia; Russia Will Act; Russia Will Surely Act; Russia Wants More Pie; Great Bear at Hand; Europe's "War Lord"; Of Martial Nature; Russia's War Spirit* и др.

В XIX в. российская императорская армия была крупнейшей армией в Европе, что позволяло России играть одну из ведущих ролей на международной арене: ***Russia is credited with having the largest army*** (Herald Democrat. 1893. 16.08). Армия хорошо экипирована и обучена, в ее составе не только «полчища полудиких солдат», это армия «отлично вымуштрованных дисциплинированных воинов», поэтому Россия всегда находится в боевой готовности и ничто не может стоять на ее пути, стоит ей только наметить желанную цель: ***Russia is ready — in fact, Russia is always ready. She stands prepared for anything that may arise to aid her pursuit of vast power. There seems to be nothing which can stand in her way when once she has made up her mind what she wants. Russia is full of unknown possibilities. She has hordes of half savage soldiers as well as hosts of perfectly disciplined troops. She has vast areas to draw from. She has money in plenty*** (Colorado Transcript. 1899. 12.01).

Российская империя, огромная континентальная держава, постоянно ведет борьбу за выход к морю. Конечно, не имея островных колоний, Россия неуязвима со стороны моря: ***Russia has no need for a navy. She has conducted expansion ideas along rational lines and has no exposed colonies to protect. Russia can raise, equip, and sustain the greatest army the world ever saw, and the combined nations cannot whip her on her own soil. American expansionist should profit by the example of Russia*** (New Road. 1899. 01.04). В то же время американские СМИ пророчат России будущее великой морской державы: ***The completion of this line (railway) will at once give the great Slavonic empire ready access to the Indian ocean, as she has already to the Atlantic, and she will blossom forth into a great naval power within the next few years*** (Ouray Herald. 1899. 31.08).

Ресурсы (63 контекста). Природные ресурсы, их количество, качество и сочетание определяют природно-ресурсный потенциал территории и являются главным условием размещения на ней производительных сил. В политическом дискурсе американских СМИ середины XIX — начала XX в. отмечается, что Россия имеет мощный и разнообразный при-

родно-ресурсный потенциал: *It would not be safe to pronounce Russia a country absolutely without resources, as many do who ought to know better. On the contrary, she is possessed of such resources as few existing Empires can equal, and which would undoubtedly place her in the foremost rank of European nations could she but turn them to account. This, however, is precisely what — for the present, at least — she cannot possibly do* (New York Times. 1880. 22.08).

Российская империя находится на первом месте в мире по запасам большинства природных ресурсов, в том числе природного газа, каменного угля, железных руд, ряда цветных и редких металлов, а также занимает ведущее место по запасам земельных, водных и лесных ресурсов: *It (Siberia) produces every kind of European grain and fruits, even grapes, and has an abundance of all metals, iron, gold, silver, copper, lead, zinc, etc., coal, graphite, porphyry and precious stones, and it is, or has been, the home of all kinds of mamalian animals. The rivers and lakes are crowded with all kinds of fish and the Arctic sea abounds with whale and seal* (Herald Democrat. 1892. 09.01).

Прогнозные запасы природных ресурсов, находящихся на территории России, велики, постоянное ведутся работы по их обнаружению и изучению: *Political rivalry has not inspired any other European power to emulate the energy with which Russia has for nearly twenty years pushed forward her work of geographical research and aggrandizement. It is within bounds to say that no country in recent times*

has profited so much as Russia by geographical exploration, and no country has been better served by its explorers (Aspen Daily Times. 1893. 13.06).

Природные богатства Российской империи — один из факторов, который обеспечит ей достойное будущее как во внутривнутриполитической деятельности, так и на мировой арене: *Russia above all other countries is cursed with an intellectual proletariat. With her vast resources and the many good qualities of her people, Russia will eventually emerge into a great, prosperous and well-governed nation, which will contribute much to the common good of humanity* (New York Times. 1905. 19.08).

Таким образом, среди подпараметров «внутренней политики» наиболее частотным является индикатор «народонаселение», включающий демографический, территориальный и социально-культурный факторы. Частотность обращения к данному подпараметру в рамках синхронной модели рассматриваемого хронологического среза прежде всего обусловлено компонентом «территориальный фактор»: огромные размеры Российской империи, ее медленное, но неуклонное расширение на юг и восток вызывали беспокойство и неудовольствие других мировых держав. Именно поэтому будущее Российской империи, ее стран-соседей, европейских держав, всего мирового сообщества связывается с возможным дальнейшим территориальным расширением страны.

Схематично статическая матрица, созданная при анализе фактического материала в политическом дискурсе США середины XIX — начала XX в., представлена на рисунке 3.

Рис. 3. Когнитивно-дискурсивная матрица (середина XIX — начало XX в.)

Вероятное будущее Российской империи выстроено следующим образом. На огромных, постоянно расширяющихся просторах существует мощная государственная структура, самодостаточная и развивающаяся. Для ее функционирования используются такие специфические средства, как самодержавие и тоталитаризм. Эта социальная система обеспечивает стратегическую независимость и безопасность России, охраняет страну от внешней агрессии и распада. Идет процесс совершенствования экономических, политических и иных социальных механизмов с точки зрения критериев западной цивилизации, следствием которого является превращение России из аграрного военизированного общества в индустриальное. Экономическая модернизация подкрепляется политическими и административными реформами. Одним из ключевых факторов интенсивного общественного развития является природно-ресурсный потенциал. Россия идет по пути развития, занимает одно из ведущих мест в мире, вызывая как уважение, так и неприязнь. Российская империя — страна, с участием которой решаются судьбы всего мира.

Конструируемый образ будущего отражает представления американского общества середины XIX — начала XX в. о Российской империи. Статическая матрица, созданная для рассматриваемого хронологического среза, представляет собой модель развития, воплощающую прогрессивность и неповторимость исторического пути Российской империи. Влияние на формирование образа будущего страны за ее пределами, безусловно, оказывает характер представлений самой России о себе и своем

месте в мире. Следовательно, сама Россия осознавала себя как целостную систему, устремленную в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубчиков Ю. Н.* Будущее России. Четыре сценария. — М. : Капитал инфо, 2006.
2. *История России* с древнейших времен до наших дней : учеб. : в 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков ; под. ред. А. Н. Сахарова. — М. : Проспект, 2012. Т. 2.
3. *Ключевский В. О.* Собр. соч. : в 9 т. Т. 6 : Специальные курсы. — М. : Мысль, 1989.
4. *Крашенинникова В.* Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. — М. : Европа, 2007.
5. *Кретов А. А.* Основы лексико-семантической прогностики / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2006.
6. *Лозанский Э.* Россия между Америкой и Китаем. — М. : Междунар. отношения, 2007.
7. *Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З.* Новая матрица, или Логика стратегического превосходства. — М. : Олма-пресс : Ин-т эконом- стратегий, 2003.
8. *Солопова О. А.* Методика когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом тексте // Ом. науч. вестн. 2011. Сер. «Общество. История. Современность». №6 (102). С. 124—128.
9. *Старостенков Н. В.* Российская цивилизация в социальном измерении: методология социально-гуманитарного знания / Н. В. Старостенков, Г. Ф. Шилова. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
10. *Супоницкая И.* Россия и США: сравнение систем. — М. : Рос. политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010.
11. *Lasswell H. D.* The Political Science of Science: An Inquiry into the Possible Reconciliation of Mastery and Freedom // American Political Science Review. 1956. Vol. 50. № 4 (Dec.). P. 961—979.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.41.21

Код ВАК 10.02.19

Н. В. Таратынова N. V. Taratynova
Москва, Россия Moscow, Russia

**ТАКТИКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере выступлений**

Государственного секретаря США Х. Клинтон)

Аннотация. В рамках когнитивной гендерной лингвистики рассматривается специфика воздействия американских политиков на примере выступлений Госсекретаря США Х. Клинтон. Анализируются коммуникативные тактики, являясь продуктом «политических технологий», используются в официальных выступлениях и заявлениях для обоснования правильности действий политика.

Ключевые слова: политический дискурс; политические выступления; тактики воздействия; когнитивистика; языковая картина мира; гендерная лингвистика; концепт.

Сведения об авторе: Таратынова Наталья Владимировна, атташе Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России; аспирант кафедры английского языка (второго).

Место работы: Военный университет Министерства обороны России (Москва).

Контактная информация: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.
e-mail: natasha_taratynova@yahoo.com.

**TECHNIQUES OF INFLUENCE
IN THE POLITICAL DISCOURSE
(as exemplified by the US Secretary
of State Hillary Rodham Clinton)**

Abstract. The article analyses the characteristic aspects of the discourse influence of the American politicians on the basis of the US Secretary of State Hillary Rodham Clinton addresses. It holds the analysis of the various techniques, which are the products of the “political techniques” and are used in the official statement and public speaking for the grounding of the soundness of the actions. The research is done within the framework of the cognitive science and gender linguistics.

Key words: political discourse; techniques of influence; cognitive science; language world view; gender linguistics.

About the author: Taratynova Natalia, Attaché of the Department of Press and Information of the Russian Ministry of Foreign Affairs; Post-graduate Student.

Place of employment: Military University, Moscow.

Активно развивающаяся в последнее время область лингвистических исследований — анализ индивидуальных речевых особенностей политиков [Будаев 2006, 2008, 2009; Чудинов 2004, 2005, 2006, 2009; Шустрова 2010; Седых 2011 и др.]. Речевые репрезентации тактик воздействия в выступлениях Государственного секретаря США Х. Клинтон представляют, на наш взгляд, интересный материал для комплексного когнитивно-гендерно-концептуального исследования политического дискурса начала XXI в.

Хиллари Клинтон — американский политик, сенатор США от штата Нью-Йорк (2001—2009), член Демократической партии США. Первая леди США в 1993—2001 гг. (жена 42-го президента США Билла Клинтона). С января по начало июня 2008 г. боролась, наряду со своим основным внутрипартийным конкурентом Бараком Обамой, за выдвижение своей кандидатуры на пост Президента США от Демократической партии. С 21 января 2009 г. Х. Клинтон занимает должность Государственного секретаря США.

Х. Клинтон — одно из главных лиц американской политики и носитель политической языковой культуры. Ее речь включает широкий арсенал коммуникативных средств воздействия на слушателя. Целый характер ее языковой личности базируется на своеобразных стратегических установках, тактических ходах

и системе языковых средств, придающих речи Х. Клинтон идиостилевую специфику.

Вслед за Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым полагаем, что источниками исследования политического языка являются политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях [Будаев, Чудинов 2006: 6]. Вместе с тем существуют тексты, в которых совмещаются признаки политического дискурса с характерными чертами художественного, бытового или научного дискурсов.

В условиях меняющейся внешнеполитической ситуации обоснование правильности политических действий играет важную роль во взаимоотношениях между мировым сообществом и отдельными государствами. Политическая сфера формирует определенный миропорядок, отражает государственное устройство, влияет на институты власти. Успех внешнеполитической кампании не в последнюю очередь зависит от того, как о ней говорят политические деятели с учетом общей (коллективной) картины мира определенной нации. Существование коллективной картины мира означает наличие общих представлений, культурных

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Таратынова Н. В., 2012

установок, ценностей, идеалов, определяющих взаимопонимание между людьми [Там же: 42].

Картина мира представляет собой глубокий слой миропонимания, поскольку возникает и формируется у человека в актах мировидения и миродействия и помогает ему эффективно ориентироваться в окружающей действительности [Попова 2003: 43].

Одним из основных аспектов картины мира и человеческой культуры является противопоставление «мужского» и «женского». Социальные и культурные различия в языке, поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин зафиксированы во многих гендерных исследованиях. Несмотря на то, что понятие гендера до сих пор вызывает значительные дискуссии, оно прочно вошло в научную лингвистическую терминологию. Вслед за Т. Г. Поповой мы придерживаемся мнения, что «гендер — прежде всего социальный конструктор, результат воздействия на человека многообразных социальных инструментов» [Попова 2007: 43]. Такое понимание позволяет предположить, что при исследовании гендера и гендерной картины мира необходимо учитывать следующие компоненты: культурологический, включающий в себя набор культурных традиций, символов, мифологем; нормативный, который задает нормы их считывания через религиозные, правовые, педагогические и политические системы; социальный, состоящий из больших и малых социальных групп и организаций, в которых происходит как гендерная идентификация, так и реализация гендерного сценария; индивидуально-личностный, который также конструирует параметры самоидентификации личности.

Для данного исследования методологически важным является мнение профессора Т. Г. Поповой о том, что «гендерные отношения находят отражение в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, которые накладывают отпечаток на речевое поведение личности, в том числе и на процессы ее социализации и адаптации» [Попова 2007: 45]. С опорой на это положение можно предположить, что тактики воздействия в политическом дискурсе также пронизаны гендерными отношениями, т. е. «соответствуют гендерным стереотипам, принятым в данном обществе. Тот факт, что стереотипы могут фиксироваться языком или иным семиотическим кодом (зрительными образами, кинесикой), дает возможность предположить, что гендерные стереотипы проявляются и в невербальной коммуникации» [Там же].

Одна из основных задач официальных заявлений политиков — донести до общества политические взгляды и обосновать правильность выбранного внешнеполитического курса. Политические тексты являются эффективным сознательным и подсознательным средством воздействия на установки личности и общест-

ва, так как в них максимально проявляются закономерности вербальной мифологизации: эмоционально-личностное отношение к событиям, богатство используемых языковых приемов, ориентация на глубокие, первичные слои подсознания.

Переходя непосредственно к теме данного исследования, отметим, что в политической лингвистике отсутствует четкое и однозначное определение коммуникативных стратегий и тактик, а также их единая классификация. По мнению О. С. Иссерс, «исчерпывающая классификация частных стратегий представляется весьма затруднительной в силу многообразия самих коммуникативных ситуаций» [Иссерс 2008: 18]. О. С. Иссерс также выделяет класс прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий, к которым относятся: с типологической точки зрения — общие и частные стратегии; с функциональной точки зрения — основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Общая стратегия обычно реализуется через частные, в то время как основная стратегия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательная стратегия способствует эффективной организации речевого взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. О. С. Иссерс также считает, что основной целью описания стратегий является выделение типовых тактик, реализующих ту или иную стратегию: «...именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц — по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [Иссерс 2008: 20]. Выбор тех или иных коммуникативных стратегий и тактик позволяет говорить о наличии у коммуниканта определенного коммуникативного стиля (доминантного, демонстративно-эмоционального, абстрактно-лаконичного, адаптирующегося, поучительного, ироничного).

Опираясь на классификацию О. С. Иссерс [Иссерс 2008: 121], выделяем в рамках семантической стратегии речевого воздействия в политическом дискурсе следующие основные виды тактик: тактику констатации проблемы, тактику указания на путь решения проблемы, тактику дискредитации оппонента на фоне позитивной самопрезентации и тактику учета ценностных ориентиров.

Каждая тактика реализуется определенным набором языковых средств, а именно концептов. Под концептом вслед за Т. Г. Поповой мы понимаем оперативную ментальную единицу лексикона, некий «квант» знания, который отражает результат познавательной деятельности человека [Попова 2003: 60]. Концепт, отражая интенции автора и будучи опосредованным воплощением мотива при порождении текста, задает коммуникативную целенаправленность последнего. Логическое строение и коммуникативная целенаправленность диктуют выбор того репертуара

языковых средств, который реально используется при порождении текста [Красных 2001: 225].

Обратимся к основным тактикам воздействия семантической (когнитивной) стратегии и концептам, которые были употреблены в рамках этих тактик. В качестве материала использовались выступления и заявления госсекретаря США Х. Клинтон за январь-май 2012 г. В ходе исследования были проанализированы выступления, посвященные в основном международной тематике. Выбор материала продиктован тем соображением, что, несмотря на безусловную подготовленность данных выступлений, в них отчетливо прослеживается элемент спонтанности и «подстраивание» под определенную аудиторию. Наиболее ярко аутентичные тактики воздействия Государственного секретаря США прослеживаются в следующих выступлениях: выступление в ходе пресс-конференции по итогам встречи с Министром иностранных дел Индии С. Кришна (Нью-Дели, 8 мая 2012 г.), заявление госсекретаря по итогам выборов в Алжире (Вашингтон, 12 мая 2012 г.), интервью агентству Блумберг (Нью-Дели, 8 мая 2012 г.), заявление госсекретаря в связи с празднованием Дня Европы (Вашингтон, 8 мая 2012 г.), выступление перед сотрудниками американского посольства в Нью-Дели, Индия (8 мая 2012 г.), интервью агентству CNN (Нью-Дели, 8 мая 2012 г.), выступление на пресс-конференции по итогам совместной встречи министров иностранных дел и обороны США и Филиппин (Вашингтон, 30 апреля 2012 г.), выступление в университете г. Сиракьюс «Америка и мир» (штат Нью-Йорк, 23 апреля 2012 г.), выступление перед официальным завтраком в честь премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона (Вашингтон, 14 марта 2012 г.), выступление в СБ ООН (Нью-Йорк, 12 марта 2012 г.), выступление на ежегодной конференции, посвященной борьбе с торговлей людьми (Вашингтон, 15 марта 2012 г.), выступление в ООН по вопросам доступности прессы (Нью-Йорк, 15 марта 2012 г.), выступление в преддверии министерского заседания по Сирии (Париж, 19 апреля 2012 г.), заявление по случаю празднования Дня Конституции Польши (Вашингтон, 3 мая 2012 г.), выступление в Министерстве торговли США, посвященное сотрудничеству США и Бразилии в XXI в. (Вашингтон, 9 апреля 2012 г.), выступление в НАТО (Норфолк, 3 апреля 2012 г.), видеоприветствие участникам конференции молодых переводчиков в Пакистане (Исламабад, 27 марта 2012 г.), выступление на пресс-конференции, посвященное стратегическому и экономическому диалогу США и Китая (Пекин, 4 мая 2012 г.), выступление в военно-морском училище (Аннаполис, 10 апреля 2012 г.), выступление на открытии заседания стратегического и экономического диалога США и Китая (Пекин, 3 мая 2012 г.), выступление на закрытии министерского заседания Большой восьмерки

(Вашингтон, 12 апреля 2012 г.), выступление на пленарном заседании конференции «Диалог людей» (Пекин, 4 мая 2012 г.), выступление перед официальным завтраком с участием бизнес-элиты (Бразилия, 16 апреля 2012 г.).

В ходе изучения материала были выделены следующие тактики воздействия.

Тактика констатации проблемы: challenge — вызов (*We also discussed steps we are taking to ensure that our countries are fully capable of addressing both the **challenges** and the opportunities posed in the region in the 21st century [Clinton 2012p]*); concern — проблема (*We both share deep **concerns** about the developments on the Korean Peninsula and events in the South China Sea, including recent tensions surrounding the Scarborough Shoal [Там же]*); violation — нарушение (*This is an issue that the President understands the way that your agencies do — as a crime, as a **violation** of universal human rights — and it's a policy priority on both the domestic and international fronts [Clinton 2012 e]*), upheaval — потрясение (*Since we marked Europe Day last year, **upheavals** and democratic reforms have taken place throughout North Africa and the Middle East [Clinton 2012x]*); issue — проблема (*We've had, As you know, some difficult political **issues** [Clinton 2012y]*); evil — несчастье (*I mean, you're dealing with such **evil**, perverse human beings, who sit around plotting about ways for people to kill themselves and kill others at the same time [Там же]*); disruption — крушение (*Our goal is to prevent Iran from becoming a nuclear weapons nation, which we think would be greatly destabilizing of the region and the world, and in fact could lead to greater **disruptions** of oil supply*); terrorism — терроризм (*And we need stronger, more concerted efforts on behalf of governments and societies against the scourge of **terrorism** [Clinton 2012v]*); threat — угроза (*We are committed to going after those who pose direct **threats** to the United States [Там же]*); losses — потери (*that's obviously an incredibly important question that is on the minds of not only our government but, of course, the Indian Government, because we both know the tragedies and **losses** that come with terrorism on our soil [Там же]*); pressure — давление (*we believe that if the international community eases the **pressure** or wavers in our resolve, Iran will have less incentive to negotiate in good faith or to take the necessary actions to address the international community's concerns about its nuclear program [Там же]*).

Тактика указания на путь решения проблемы: support — поддерживать (*The unit's Victims' Resource Advocacy Program is also equipped to fully **support** the victims themselves that are discovered in the course of any of these investigations [Clinton 2012e]*); advance — продвигать вперед (*And by bringing federal investigative agencies and federal prosecutors together, they are allowing us to develop and to **advance***

high-impact human trafficking prosecutions [Там же]); embark — предпринять, enable — давать возможность (*And I want to thank Tina Brown and her entire team that worked so hard to **enable** everyone to see what I get to see all the time [Clinton 2012a]*); improve — улучшать (*We're **improving** the collection of medical evidence for the prosecution of gender-based violence in the Democratic Republic of the Congo [Там же]*); implement — выполнять (*But it's quite challenging to take what are heartfelt values that we care deeply about and **implement** them everywhere, every time that we possibly can, because there is a lot of challenges with explaining democracy to people [Clinton 2012n]*); launch — запускать (*In December, we **launched** a U.S. National Action Plan on Women, Peace, and Security, which is our roadmap for how we accelerate and institutionalize efforts across the United States Government to advance women's participation [Clinton 2012a]*); promote — продвигать (*She's a very young president, but already her life is a testament for what women can do to **promote** peace and security [Там же]*); democratic — демократический (*And how wonderful it is, here we are today and working together in so many important parts of the world: helping to bring peace and stability to Afghanistan; helping to promote successful transitions and **democratic** reforms in the Arab world [Clinton 2012d]*); reform — реформа (*When I met her late last year when I, on your behalf, on behalf of our country, went to Burma, I discussed with her and other activists what civil society would now be able to do to further the political and the economic **reforms** that the people so desperately need [Clinton 2012a]*); law — закон (*As new, elected legislatures abolish old **laws** intended to control civil liberties, we should continue our collective support for measures that will protect and nurture civil society, consistent with international human rights norms of free association, assembly, and expression [Clinton 2012 b]*); urge — побуждать (*Lastly, and perhaps most importantly, we would **urge** that on topics like our anti-trafficking work, we maintain laser-like focus on mainstreaming what we're doing in all our day-to-day operations [Clinton 2012e]*); settlement — решение (*In terms of U.S. commitment, I think the U.S. has been very clear that they do not get involved in territorial disputes, but that they are firm in terms of taking a position for a — towards a peaceful **settlement** of the disputes in the South China Sea towards a multilateral approach and towards the use of a rules-based regime in accordance with international law, specifically UNCLOS [Clinton 2012p]*); strengthen — усиливать (*The United States looks forward to working together with the newly elected National Popular Assembly and to continuing to **strengthen** our ties with the government and the people of Algeria [Clinton 2012z]*); intensive — интенсивный (*I will say that the **intensive** work that I have been doing along with our American team through the mechanism of*

the Strategic and Economic Dialogues, plus all of the interim meetings and consultations that we have established over the last three and a half years, created a level of personal relationships and understanding between individuals and our government institutions that is absolutely critical for us to be able to discuss the full range of challenges we both face); maintain — поддерживать (*You've also **maintained** over 20 of our ongoing dialogues between our two governments, involving every agency here at post [Clinton 2012w]*); solution — решение (*The best way to achieve this diplomatic **solution** that we all seek is for the international community to stay united and to keep the pressure that has brought Iran back to the negotiating table on Iran until we reach a peaceful diplomatic resolution [Clinton 2012v]*).

Тактика дискредитации оппонента на фоне позитивной самопрезентации: successful — удачный (*And we have been very **successful** at weakening al-Qaida as a result of that*); cooperation — сотрудничество (*We remain committed to solid **cooperation** with the government and people of Afghanistan as they strengthen their own security and improve their democratic institutions [Clinton 2012c]*); freedom — право, независимость (*We have a full agenda of many issues of great concern to us, including human rights and the **freedom** and free movement of people inside China who have a right to exercise those **freedoms** under the Universal Declaration of Human Rights [Clinton 2012p]*); democracy — демократия (*Where countries are making gradual reforms, we should offer our support and everywhere we must safeguard, in word and action, the basic principles of **democracy** and universal human rights [Clinton 2012b]*); security — безопасность (*Now the United States believes firmly in the sovereignty and territorial integrity of all member-states, but we do not believe that sovereignty demands that this council stand silent when governments massacre their own people, threatening regional peace and **security** in the process [Там же]*); partnership — партнерство (*With the growing security and economic importance of the Asia Pacific, the United States is actively working to strengthen our alliances, build new **partnerships**, and engage more systematically in the region's multilateral institutions [Clinton 2012p]*); stability — стабильность (*And how wonderful it is, here we are today and working together in so many important parts of the world: helping to bring peace and **stability** to Afghanistan; helping to promote successful transitions and democratic reforms in the Arab world [Clinton 2012d]*).

Концепты, используемые для дискредитации политического оппонента: crime — преступление (*And finally, we are working to establish an accountability clearinghouse in order to keep track of all of the terrible stories of abuses and **crimes** against humanity that are coming out of Syria [Clinton 2012m]*); violence — насилие (*First, we continue to support the monitoring mis-*

sion, even though we are aware that the increased **violence** could jeopardize the deployment of the monitors and put their lives at risk [Там же]; fail — потерпеть неудачу, provocation — подстрекательство, conflict — конфликт (All political parties — religious and secular alike — have a responsibility to their people to abide by the basic tenets upon which this body is founded: to reject violence; to uphold the rule of law; to respect the freedoms of speech, association, and assembly; to safeguard religious freedom and tolerance; to protect the rights of women and minorities; to establish independent judiciaries; to promote a free press; to give up power if defeated at the polls; and to avoid inciting **conflicts** that pull societies apart [Clinton 2012b]); risk — риск (We, as a community of nations, must help the people of the Middle East and North Africa make the most of the rights and freedoms for which they have **risked** so much [Там же]).

Тактика учета ценностных ориентиров:

right — право (I have a full agenda of many issues of great concern to us, including human **rights** and the freedom and free movement of people inside China who have a **right** to exercise those freedoms under the Universal Declaration of Human **Rights** [Clinton 2012p]); aspiration — устремление (These universal **aspirations** are enshrined in the Universal Declaration of Human Rights and in the UN Charter, and they are fundamental to my country's identity and history and to those of many countries [Clinton 2012b]); progress — успехи (We also met with Prime Minister al-Keib in Washington, where we discussed Libya's **progress** in paving the way for fair and free elections, as well as our work together on security, student exchanges, civil society, and medical care for Libya's war-wounded [Там же]); action — динамика (Beyond doubt, the combined **action** of the Philippines and the U.S. in promoting converging interests and shared objectives would propel our alliance and strategic partnership towards a higher trajectory at a faster velocity [Clinton 2012p]); constitution — конституция (As you celebrate **Constitution** Day, know that the United States continues to stand with you [Clinton 2012s]); choice — выбор (And we actually resolved it twice, but the second resolution was acceptable to Mr. Chen, who, as I said repeatedly, we were working hard to honor both his **choices** and our values [Clinton 2012y]); prosperity — благополучие (So how we manage this relationship is absolutely critical to peace, security, **prosperity**, individual freedoms — you name it [Там же]); strategic — стратегический (And therefore I have invested a lot and argued strongly for combining what were dialogues and meetings on the **strategic** side under an overarching umbrella [Там же]); dialogue — диалог (In democracies like ours, people should be in the marketplace of ideas, if they have views, they should put them to the test of the debate, the **dialogue**, and

the political process [Clinton 2012v]); partner — партнер (We also look to India as a **partner** in the broad international effort to prevent Iran from acquiring nuclear weapons [Там же]); work — работа (We've expanded our **work** on behalf of our joint fight against terrorism and violent extremism, and our navies are cooperating to combat piracy, patrol the sea lanes, and protect the freedom of navigation [Там же]); interest — сфера интересов (The United States and India are two great democracies with common values and increasingly convergent **interests** [Там же]); goal — цель (The United States and India share the same **goal** [Там же]).

Для позитивной репрезентации внешнеполитического курса США госсекретарь часто использует существительные и отглагольные существительные *improvement* (There's always a lot of room for **improvement** [Clinton 2012n]); *improving* (It is a means to **improving** the lives of the people of a country, and Brazil is a model for that [Clinton 2012i]); *enhancing* (We were talking about **enhancing** NATO's capabilities for dealing with cyber attacks earlier at the command headquarters [Clinton 2012h]); *development* (We both share deep concerns about the **developments** on the Korean Peninsula and events in the South China Sea [Clinton 2012p]); *defense* (We have integrated the three pillars of American foreign policy: diplomacy, development, and **defense** [Clinton 2012o]); *entrepreneurship* (It is an honor to help bring so many talented young people together in one place to talk about how **entrepreneurship** can promote economic growth, peace, and prosperity in Pakistan [Clinton 2012g]); *partnership* (Now, given all that we are doing together bilaterally, regionally, and globally, we need this kind of open, regular mechanism for strengthening our **partnership** and managing those areas where there are tensions and differences [Clinton 2012t]); *approval* (So with the **approval** of the superintendent and the commandant, I am pleased to grant an uncharged overnight for plebes and an uncharged weekend for upper class midshipmen [Clinton 2012j]); *aid* (So I think that we have to disabuse people of some of the myths about foreign **aid** [Clinton 2012n]); *support* (We are discussing how the talks are opening economic activity to advance prosperity, **support** innovation, and improve the lives of people [Clinton 2012f]); *supporting* (And we have to be always consistent in **supporting** what we think of as the underpinnings of democracy [Clinton 2012n]) и т. д. Употребление глаголов в форме 1-го лица множественного числа способствует созданию у слушателя ощущения сплоченности, пробуждению веры в возможность решить упомянутые проблемы и разобраться в сложившейся международной ситуации (We all affirmed our common commitment to confronting these challenges together and working in close consultation with one another [Clinton 2012k]. — Мы подтверждаем наше общее обязатель-

ство решать эти сложные вопросы вместе путем тесных консультаций. *We remain firmly resolved that the regime's war against its own people must end for good* [Там же]. — *Мы остаемся твердо убеждены, что война существующего режима против своего народа должна закончиться навсегда.*

Сказанное свидетельствует о том, что Х. Клинтон успешно использует тактику сильного лидера, которая реализуется путем констатации положительных результатов проводимого внешнеполитического курса. Средствами репрезентации тактики являются следующие глаголы в форме 1 лица множественного числа: *to succeed* (*No transition can succeed with half the population left behind* [Clinton 2012b]), *to manage* (*Now I know this has been a difficult issue, and the SEC is still working on the regulations, but we do think it will have a very profound effect on our ability to try to help manage some of the worst practices that we see in the extractive industry and in the relationships with governments at local and national levels around the world* [Clinton 2012f]), *to improve* (*We've held four dialogues between Chinese and American women leaders to talk about the ways to improve opportunities for women and girls around the world* [Clinton 2012u]). Используются также глаголы в Present Perfect (*I think democracy and human rights is who we are as Americans and also what we have stood for historically* [Clinton 2012n]) — в форме, которая означает успешное завершение действий. Частое употребление глаголов в настоящем времени в форме 1-го лица множественного числа формирует у слушателя ощущение силы и уверенности (*So we want to extend this kind of connection to as many people as we can* [Clinton 2012u]). Частое употребление притяжательных местоимений 1-го лица множественного числа указывает на то, что госсекретарь подчеркивает значимость американского общества, являющегося сильной неотъемлемой частью мирового сообщества (*I also believe we have to increase our support for the syrian opposition* [Clinton 2012m]).

В официальных высказываниях и заявлениях Х. Клинтон подчеркивается ведущая роль США в определении мировой политики (*The United States will be watching closely to see how things develop* [Clinton 2012k]. — *США будут пристально следить за развитием событий*).

Большую роль в выступлениях Х. Клинтон играет концепт *future* (будущее), например: *I think we can have our own case to date that our economic growth, rooted in democracy and our values, will certainly withstand whatever might come in the future* [Clinton 2012l]; *I am certainly committed to making sure that the private sector plays an important role in the future as we develop even greater ties* [Там же]. Будущее манифестируется и при помощи соответствующих временных форм глаголов (*The United States will be watching closely to see how things devel-*

op [Clinton 2012k]. — *США будут пристально следить за развитием событий*).

Таким образом, лингвистические концепты, используемые Государственным секретарем США в рамках рассмотренных тактиках дискурсного воздействия, в большинстве своем представляют существительные, отглагольные существительные, глаголы совершенного времени. Все они ассоциируются с силой, уверенностью и правильностью внешнеполитического курса США. Употребление рассматриваемых концептов в силу их ориентации на глубинные слои подсознания является эффективным средством воздействия на личность и общество. Осознанное использование концептов, связанных с силой, законом, порядком, достижением поставленных целей и успехом, придает высказываниям госсекретаря США уверенность и силу. Концепты, употребляемые Х. Клинтон в выступлениях, также формируют высокий стиль речи, что приближает ее к «мужской» речи и является сильным аргументом женщины-политика. Государственный секретарь США умело использует коммуникативные тактики, считающиеся характерными для мужского речевого поведения, для достижения максимального воздействия на аудиторию.

Как мы думаем, политические выступления женщин-политиков представляют собой интересный материал для изучения тактик воздействия с точки зрения лингвистики в гендерном аспекте. Актуальность данной тематики обусловлена ее практической направленностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов. 2006. № 1. С. 88—92.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М.: Флинта: Наука, 2008.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Красных В. В. Психолингвистика // В. В. Красных. Основы психолингвистики и теории коммуникации ДОС. — М.: Гнозис, 2001.
7. Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
8. Попова Т. Г. Гендерные стереотипы как отражение речевого поведения // Гендер и язык. — М.: Инион РАН, 2007. С. 43—59.
9. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). — М., 2003.
10. Седых А. П. Коммуникативный портрет Николая Саркози // Политическая лингвистика 2011. № 2 (36). С. 49—53.

11. *Седых А. П.* Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика 2011. № 1 (35). С. 24—26.

12. *Чудинов А. П.* Новые исследования по политической лингвистике (2002—2004) // Изв. УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. Вып. 15.

13. *Чудинов А. П.* Метафора в когнитивном аспекте // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. — Новосибирск, 2004.

14. *Чудинов А. П.* Национальная ментальность и соответствующие ей метафорические модели // Этногерменевтика и антропология. — Кемерово, 2004. Вып. 10.

15. *Шустрова Е. В.* Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика 2010. № 2.

ИСТОЧНИКИ

16. *Clinton H. R.* Remarks at the Women in the World Summit // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185604.htm>. (Clinton 2012a).

17. *Clinton H. R.* Remarks at the United Nations Security Council // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185623.htm>. (Clinton 2012b).

18. *Clinton H. R.* Press Availability at the United Nations // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185635.htm>. (Clinton 2012c).

19. *Clinton H. R.* Remarks at the Luncheon in Honor of U.K. Prime Minister David Cameron // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185812.htm>. (Clinton 2012d).

20. *Clinton H. R.* Annual Meeting of the President's Interagency Task Force To Monitor and Combat Trafficking in Persons // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185905.htm>. (Clinton 2012e).

21. *Clinton H. R.* Remarks at the Transparency International-USA's Annual Integrity Award Dinner // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/186703.htm>. (Clinton 2012f).

22. *Clinton H. R.* Video Remarks to the Young Entrepreneurs Conference // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/186903.htm>. (Clinton 2012g).

23. *Clinton H. R.* Remarks to the World Affairs Council 2012 NATO Conference // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/187392.htm>. (Clinton 2012h).

24. *Clinton H. R.* Remarks to the U.S.-Brazil Partnership for the 21st Century // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/187614.htm>. (Clinton 2012i).

25. *Clinton H. R.* Forrestal Lecture at the Naval Academy // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/187693.htm>. (Clinton 2012j).

26. *Clinton H. R.* Remarks at the Conclusion of the G8

Ministerial // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/187787.htm>. (Clinton 2012 k).

27. *Clinton H. R.* Remarks at the Business Leaders' Lunch // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/187956.htm>. (Clinton 2012l).

28. *Clinton H. R.* Remarks at the Ad Hoc Ministerial Meeting on Syria // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/188147.htm>. (Clinton 2012 m).

29. *Clinton H. R.* America and the World // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/188342.htm>. (Clinton 2012n).

30. *Clinton H. R.* Remarks at the TIME 100 Gala // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/188438.htm>. (Clinton 2012o).

31. *Clinton H. R.* Remarks With Secretary of Defense Leon Panetta, Philippines Foreign Secretary Albert del Rosario, and Philippines Defense Secretary Voltaire Gazmin After Their Meeting // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/04/188982.htm>. (Clinton 2012p).

32. *Clinton H. R.* Remarks at U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Opening Session // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189213.htm>. (Clinton 2012r).

33. *Clinton H. R.* On the Occasion of Poland's Constitution Day // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189246.htm>. (Clinton 2012s).

34. *Clinton H. R.* Remarks at the Strategic and Economic Dialogue U.S. Press Conference // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189315.htm>. (Clinton 2012t).

35. *Clinton H. R.* Remarks at the People-to-People Dialogue Plenary Session // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189330.htm>. (Clinton 2012u).

36. *Clinton H. R.* Remarks With Indian External Affairs Minister Somanahalli Mallaiiah Krishna // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189444.htm>. (Clinton 2012v).

37. *Clinton H. R.* Secretary Clinton Meets With Embassy Staff and Their Families // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189463.htm>. (Clinton 2012w).

38. *Clinton H. R.* On the Occasion of Europe Day // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189492.htm>. (Clinton 2012x).

39. *Clinton H. R.* Interview With Indira Lakshmanan of Bloomberg Radio // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189498.htm>. (Clinton 2012y).

40. *Clinton H. R.* Algerian Elections // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189811.htm>. (Clinton 2012z).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

Е. В. Шустрова Е. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ
АФРОАМЕРИКАНЦЕВ
В АМЕРИКАНСКОЙ ГРАФИКЕ**

**STEREOTYPICAL AFRICAN AMERICANS
IN AMERICAN GRAPHIC WORKS**

Аннотация. *Описаны основные стереотипы восприятия афроамериканцев в американском обществе. Эти стереотипы сопоставлены с теми образами, которыми действующий президент США наделяется в современной американской карикатуре. В статье представлен уникальный графический материал.*

Abstract. *The paper investigates basic stereotypical images of African American Diaspora that were introduced in American graphic works, literature and movies from the early XIX century up to this day. These models are compared with graphic metaphors found in modern American caricature of Barack Obama. The article includes unique graphic works.*

Ключевые слова: *стереотип; политический дискурс; политическая карикатура; метафора; образ; афроамериканская диаспора.*

Key words: *stereotype; political discourse; political caricature; metaphor; image; African American Diaspora.*

Сведения об авторе: *Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.*

About the author: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.*

Место работы: *Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).*

Place of employment: *Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.*

В этом обзоре мы проследим, как рождались стереотипные образы афроамериканцев, по сей день определяющие многое в культуре США, и как эти стереотипы преломляются и работают снова в политической карикатуре. Исследования Дж. Рикфорда показали, что более четверти американских сайтов характеризуют афроамериканцев как тупых, ленивых, склонных к криминалу, помешанных на сексе людей, которых не стоит принимать всерьез. В 2001 г. порядка 84 % пользователей Интернета в США составляли американцы европейского происхождения. Из них 45 % — школьники [Rickford 2001: 20—26]. Сейчас в Интернет выходит практически весь преподавательский состав США. Это значит, что такое отношение так или иначе сказывается на том, как принимают и будут принимать афроамериканцев в американском обществе в будущем. Откуда же появляются такие представления? Что за ними стоит? В этом мы и попытаемся разобраться.

Конечно, не стоит отрицать, что часть таких представлений основана на личном опыте совместного проживания потомков двух рас. Криминогенная обстановка в афроамериканских кварталах оставляет желать лучшего. Что касается запущенности и неухоженности этих районов, то нередко здесь повинно и белое население, не стесняющееся выбросить свой мусор вечером афроамериканцу-соседу под нос или выгулять там своих собак. Тем не менее главная причина не в этом. Одним из источников таких мнений, безусловно, становится «белая» американская карикатура и анекдот.

Если посмотреть на утрированные образы афроамериканца в американской карикатуре конца XVIII—начала XX столетий и сопоставить с тем, что обычно присутствовало в анекдотах, шуточных рассказах и рекламной продукции того времени, то можно легко выявить следующие основные стереотипы: Rufus, Sambo, Buckwheat, Jim, Leroy (LeRoy), Mammy, Aunt Jemima, Sapphire, Mandy, Kerchiefhead. Останемся на каждом из них.

Руфус — это агрессивный, неотесанный малый, очень часто имеющий провинциальное происхождение и стремящийся попасть в большой город. Там его уделом становится случайный промысел в виде грабежа. Он частый посетитель ночных баров, где находит развлечение по душе. Он намеренно противопоставляет себя любому обществу. Одним из проявлений его антисоциального поведения считаются его попытки сближения с белыми женщинами, но инициатором этого сближения часто выступает не он сам. Руфус при всей его угрюмости достаточно привлекателен физически, в том числе и для молодых белых искательниц приключений в тех же ночных барах. По контрасту с другими стереотипными афроамериканцами Руфус не только не боится такого внимания — он активно и агрессивно реагирует на него. Обычно Руфус темный или очень темный. Мулатом он не бывает никогда. В этом отношении показательны обложки двух американских изданий — «Newsweek» и «Time» (рис. 1 и 2). На них изображен О. Симпсон, который в 1994 г. был задержан

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Шустрова Е. В., 2012

полицией Лос-Анджелеса по подозрению в убийстве своей бывшей жены и ее друга. Обратите внимание на то, что на фотографии в «Time» лицо О. Симпсона гораздо темнее, чем на обложке «Newsweek». Позднее редакция журнала призналась, что намеренно сделала мужчину более темнокожим, чем на самом деле. Немного изменены и черты лица. Это продиктовано желанием найти в предполагаемом убийце стереотипного Руфуса. Если посмотреть на рис. 2, то перед нами предстанет Руфус.

У Руфуса много сходства с Самбо (рис. 3), но, в отличие от первого, Самбо не столь агрессивен. Самбо впадает в гнев только под влиянием определенных обстоятельств, у Руфуса агрессия — врожденное качество. Самбо обычно остается в провинции. Он гораздо более уживчив, но трудолюбив и особой опрятности от него ожидать не приходится, так же как и смекалки. В то же время он хорошо развит физически, высокий. Обычно он тоже темный или очень темный. Он плохо одет. Изначально Самбо воплощал потомка двух настоящих африканцев, позднее — африканца и мулата или африканца и индейца. В американском обществе Самбо часто становился олицетворением домашнего слуги или раба с маленькой плантации. И в том, и в другом случае

контакт с белым хозяином был постоянным и настолько тесным, что слуга был вынужден все время изображать готовность выполнить приказ. В то же время такие тесные узы нередко приводили к тому, что между хозяином и рабом появлялось подобие дружбы, и раб вел себя несколько свободнее, выглядел более довольным своим положением, чем другие рабы. Постоянный контакт с хозяином заставлял слугу, насколько это возможно, перенять привычки белого, стать его двойником, хотя проявлялось это в весьма пародийной форме.

И Руфус, и Самбо крайне несдержанны на язык и не стесняются самых вульгарных выражений, но у Самбо это ближе к способу психологической самореабилитации. Он может сыпать угрозами, но вряд ли нападет первым. Для этого его нужно спровоцировать. Угрозы Руфуса не пустые слова. Обоим мужчинам может быть от двадцати до тридцати лет. Дольше они не живут. Бак (Buck; рис. 5 и 6) — персонаж, который объединяет черты Руфуса и Самбо. Он не столь агрессивен, как Руфус, но, как и он, испытывает постоянную тягу к белым женщинам. Он гораздо опрятнее, чем Самбо и Руфус, даже щеголеват. Неглуп. Очень темный, с сильно выраженными негроидными чертами. Бак и по сей день присутствует в американской графике.

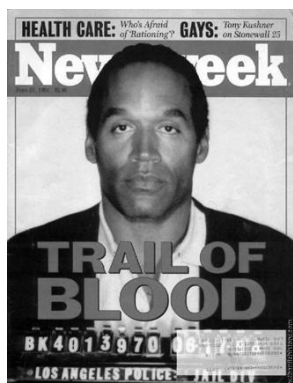

Рис. 1

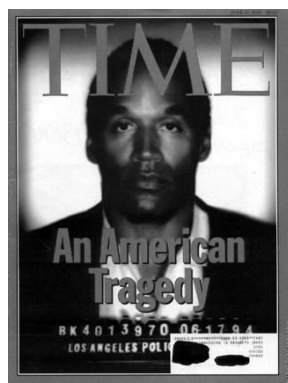

Рис. 2

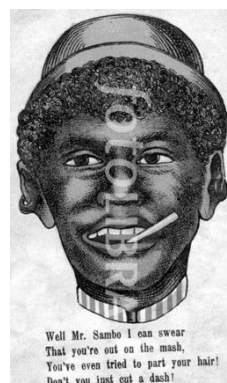

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

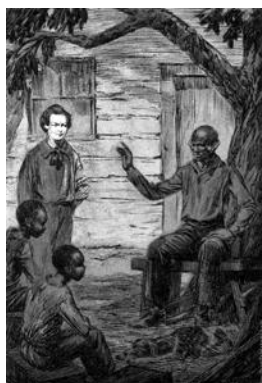

Рис. 12

Рис. 13

Бакуит и Джим — гораздо более миролюбивые типы афроамериканцев. Оба, как правило, очень молоды. Им не более двадцати. Бакуит (от *buckwheat* — 'гречиха, гречневая крупа или мука') — деревенский житель с темно-шоколадным оттенком кожи, отливающим лиловым. Его имя, по крайней мере в течение XX в., было прецедентным и обозначало любого мальчика-негра или афроамериканского подростка. Джим тоже темный, иногда угольно-черный. Другое его имя — Джим Вороненок. Кстати, это имя легло в основу обиходного названия закона о сегрегации в общественных местах (*Jim Crow Law*). В отличие от Бакуита, он часто попадает в город. Оба стараются не унывать и не поддаваться превратностям судьбы. Они улычивы, приветливы, готовы услужить, но не теряют собственного достоинства. Как правило, оба стараются заработать честным трудом, хотя им никогда не удается что-то скопить. Оба в душе гораздо лояльнее к белым, но не стараются перейти определенной социальной черты и покинуть круг диаспоры. Оба говорят на разновидности афроамериканского английского, но способны модифицировать ее, приблизив к стандартному английскому, если того требуют обстоятельства. Оба необразованны. Насмешки над ними гораздо мягче. Обычно утрируется негроидная внешность и неправильная речь. На рис. 7 и 8 изображены похожие типажи.

Лерой, напротив, предмет жестокого осмеяния. Он стремится щегольнуть своей мни-

мой образованностью. В его речи не редкость слова французского происхождения. Беда только в том, что он принимает за европейский французский креольские разновидности, возникшие на его основе. Лерой претендует не только на грамотную речь, но еще и на начитанность и изысканность оборотов. Его предложения изобилуют сложными синтаксическими конструкциями, но его выдает фонетика и подбор слов. Применяя причастные конструкции, Лерой забывает, что глагол *to be* надо спрягать (типичная особенность сниженного афроамериканского английского — это отсутствие глагола-связки или нужной формы). Лерой старается быть опрятно и даже щегольски одетым, но вкус подводит его и здесь. Он смешон в своем желании быть похожим на белого. Лерой иногда бывает с темным оттенком кожи. Чаще он мулат или квартерон, но с достаточно четко выраженными негроидными чертами. Он немолод, часто лыс или плешив, щуплый, невысокий. У него очень крупные, вывернутые губы, постоянно растянутые в дурацкой улыбке, сильно выдающийся бугристый лоб, приплюснутый нос, плохие, широко расставленные, крупные, выдающиеся вперед зубы. Он считает себя неотразимым для дам, но никогда не пытается приблизиться к белой женщине. Ему гораздо более по вкусу совершенно темные крупные вульгарные дамы. Подчеркнем, что это Лерой «белой» карикатуры и «белого» анекдота (рис. 9, 10 и 11). Это важно, потому что у афроамериканской диаспоры тоже есть

ряд стереотипов, согласно которым Лерой — умный, темный и агрессивный малый.

Помимо этих стереотипных образов, встречаются дядя Том (Uncle Tom), неуклюжий тип (обычно слуга), музыкант или танцор, ловелас, вор, добыча крокодила (Crocodile Bait). Верный дядя Том — это персонаж исключительно «белой» пропаганды. Его принято изображать в соответствии с описанием одноименного героя в романе Г. Б. Стоу «Хижина дяди Тома». Есть одно существенное расхождение: дядя Том в графике гораздо старше, чем в романе. В афроамериканской диаспоре к нему относятся крайне неприязненно. Его имя становится в афроамериканском английском синонимом предательства. Дядя Том «белой» графики — очень темный, высокий, мускулистый, нередко худощавый афроамериканец. Иногда он изображается в очках. Ниже приведены два рисунка: карикатура конца XIX в. (рис. 12) и одна из обложек романа Г. Б. Стоу (рис. 13). Обратите внимание на ангельский облик малютки Евы, призванный усилить контраст и акцентировать звероподобность дяди Тома. Нам с вами хорошо известен один из модифицированных образов дяди Тома из американской рекламы продуктов — Бен (Uncle Ben's — товарный знак полуфабрикатов производства компании «Марс»).

Неуклюжий или непонятливый тип очень часто появляется в анекдоте и карикатуре. На рис. 14 изображен недотепа-слуга, который удерживает важного гостя весьма оригинальным способом. На рис. 15 это уже музыкант, который в порыве вдохновения раздавил ценную скрипку. Играет он тоже весьма своеобразно. Обратите внимание на резко утрированные негроидные черты: форму черепа, рост, цвет кожи, губы, вытарщенные глаза.

Теперь немного подробнее об артистах. В американской культуре, в том числе и смеховой, любовь афроамериканца к музыке и танцу — притча во языцах. Такая любовь граничит с патологией. Этот прирожденный дар афроамериканцев начиная с середины XIX в. начали использовать в коммерческих целях. Так появились «Шоу менестрелей», в которых выступали не только и не столько афроамериканцы. Очень часто там появлялись загримированные под негров белые актеры. Основных персонажей было два: Джим Кроу (Jim Crow, рис. 16) и Зип Кун (Zip Coon, рис. 17). Джим Кроу должен был пародировать неотесанного сельского жителя (подробнее о нем см. выше), а Зип Кун выставлял в смешном виде утонченность и образованность мулатов. Некоторые его черты напоминают Лероя, но Лерой грубее. Имя Зипа Куна относится к нарицательным. Coon — это сокращение от существительного *raccoon* (*raccoon*) 'енот', которое еще в XVII в. стало применяться по отношению к афроамериканцам. Метафорический перенос основан на окрасе животного с чередующимися темными и белыми полосами. Это служило намеком на сочетание африканской и европейской крови, которая текла в жилах многих афроамериканцев.

Утрирование негроидных черт продолжается и позднее. На рис. 18 и 19 представлены две афиши «Шоу менестрелей» начала XX в. Обратите внимание на предполагаемую неуклюжесть, глупость, неотесанность и бедность изображенных персонажей. Напомним, что система рабства на тот момент уже давно отошла в прошлое. Афроамериканцы по закону стали равноправной частью американского общества. Но так было только на бумаге в Конгрессе, афишная бумага говорит лучше всяких слов.

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Другая стереотипная черта афроамериканца — это его почти патологическая любовь к женщинам. В соответствии с американским мифом, афроамериканец постоянно вожделеет белую женщину, и благородная миссия белого мужчины — защитить белых дам. На рис. 20 изображен один из мифических моментов, когда группа расфуфыренных афроамериканцев заинтересованно разглядывает белую даму.

На самом деле такие отношения в большинстве своем были только страшной сказкой (рис. 21). В реальности вплоть до конца 1960-х гг. во многих штатах Юга тяга к белой женщине заканчивалась для афроамериканца петлей. Можно было оказаться повешенным или сожженным просто за мимолетную улыбку или шутку. Эти противоречия особенно обострились после возвращения афроамериканцев с поля боя в Европе в XX в. Несмотря на то что афроамериканцы считались прекрасными солдатами, на военную службу их брали крайне неохотно. Американское правительство отлично понимало, что в полевых условиях соблюдение сегрегации просто невозможно. Другая причина состояла в том, что враг США был белым европейцем, и то, что белым людям будут противостоять афроамериканцы, воспринималось как святотатство, ведь потом это могло привести к подобной ситуации и в самих США. Еще одна причина — слишком тесный контакт с мирным населением, в первую очередь женщинами. Опасения оказались напрасными. Сегрегация была эфемерна. Отно-

шения с белыми сослуживцами часто переходили в товарищеские. В военной Европе были неоднократно зафиксированы случаи союза между афроамериканцем и европейской женщиной. То, что было невозможно дома, стало реальностью в Европе. Вернувшись в США, эти мужчины уже не могли жить по прежним правилам. И это очень часто приводило к кровопролитному концу. Нужно сказать и о другой стороне. Как правило, в США инициатором подобных, даже мимолетных отношений, выступала сама белая женщина. В афроамериканской литературе XX в. немало сцен, где белые женщины откровенно разглядывают афроамериканца, призывно улыбаются ему, всем видом давая понять, что они не против знакомства. Как только мужчина решает приблизиться или ответить на улыбку, они начинают звать на помощь и всячески выражать свое негодование.

Карикатурный афроамериканец очень охоч и до темных женщин. Тут он в своем праве и пользуется им совершенно беззастенчиво. Подпись к рис. 22 гласит: «Я тащусь от своего папы, а мой папа таскается за каждой юбкой». Это одно из возможных значений. Здесь используется игра слов. Фразовому глаголу *take after* присущ ряд значений: 1) походиться на (кого-л.); если речь идет о настоящем отце, девочка может быть на него похожа; 2) подражать; 3) погнаться за (кем-л.), преследовать (кого-л.), — это значение используется во второй части фразы. Словом *daddy* часто обозна-

чают любовника, который обычно значительно старше. Обратите внимание на позу, в которой изображена юная афроамериканка. В соответствии с карикатурой, она — сама доступность.

На следующей карикатуре (рис. 23) высмеивается влюбленная пара. Снова утрируются негроидные черты. Женщина на рисунке не отличается особой привлекательностью. Такие образы мы увидим ниже. Другим предметом насмешки становится неумение афроамериканца отличить настоящую белую кожу от смуглой кожи мулатки. Рекламный проспект угольной компании (рис. 24) называется «Джентльмены предпочитают блондинок». На рекламе трое негритят, изображающие своеобразный любовный треугольник. Победа за девочкой с чуть более светлым оттенком кожи. В этой карикатуре вновь сделан оскорбительный намек на тягу к белой крови. Одновременно высмеивается и грубый способ ухаживания. Кстати, это первая карикатура, где появляются дети. Запомним ее.

Карикатурные образы вора и добычи (из-за своей глупости) крокодила мы увидим ниже. Сейчас речь пойдет о стереотипных афроамериканках. Мы уже вспомнили произведение Г. Б. Стоу «Хижина дяди Тома». Те, кто закончил факультеты иностранных языков, наверняка сталкивались с романами «Квартеронка» и «Тропюю грома». Опираясь на такие фоновые знания, мы часто склонны рисовать себе романтизированный образ утонченной прекрасной мулатки, выросшей вместе с белыми, хорошо образованной, жестоко страдающей от расовой дискриминации, но в конце концов обретающей свою семью и счастье рядом с образованным, верным, хорошо зарабатывающим или уже обеспеченным мужем, который, для полноты иллюзии, или очень светлый мулат, квартерон, или, еще лучше, белый капитан дальнего плавания. Такие женские образы в изобилии появлялись в североамериканской литературе начиная с середины XIX в. (рис. 25). Как правило, создавались они по заказу издательства, у которых существовал перечень тех качеств, которым должны были со-

ответствовать герой и героиня. Если темнокожий женский тип и проникал на страницы «белого» романа, то либо в виде жестокой мстительной молодой особы, либо в виде верной служанки.

Американские историки [см., напр.: Genovese 1974; Nash, Shelton 1987 и др.], занимавшиеся описанием населения Юга США, отмечали, что в крупных городах действительно было много очень приятных, изысканно одетых, образованных светлокожих потомков смешанных браков, которые либо принадлежали к богатым семьям, либо были свободными родственниками. Есть подробные описания того, как эти люди ранним вечером стекались на свой бульвар, где протекала социальная и романтическая жизнь этой части американского общества. Здесь были не редкость шикарные парижские туалеты дам и элегантные, прекрасно сшитые мужские костюмы. Цилиндры, трости, зонтики, шляпки, перчатки — все, что только требовала мода того времени, было здесь, и все это великолепие резко контрастировало с запретом на ношение цветными определенных видов одежды. Например, цветным женщинам по правилам полагался только тюрбан в виде праздничного головного убора, — никаких шляпок, тем более перчаток. Также в хрониках нередко отмечался достаточно высокий процент свободных афроамериканцев в городах Юга, но при этом глубоким молчанием долго обходился тот факт, что свыше 90 % свободного населения составляли любовницы и дети белой знати [Stampert 1956: 195]. Ситуация в южном городе разительно отличалась от того, что происходило на плантациях, где проживало основное население Юга США, и в городах Севера. Там были единицы ухоженных афроамериканок, не говоря о том, что цвет кожи и текстура волос были далеки от того, что полагалось иметь героине романа. Скорее всего, это было одной из причин того, что в американской карикатуре не встречались жеманные, глупенькие хорошенькие мулаточки наподобие стереотипной блондинки, там можно увидеть либо Мамушку, либо тетя Джемиму (Джемайму), либо Сэпфайю.

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Собирательный образ Мамушки (Mammy рис. 26, 27) представляет или женщину средних лет, или пожилую, темную, очень крупную, полную, физически сильную, необразованную, суеверную и очень набожную. Ее голова покрыта ярким платком или тюрбаном, скрывающим курчавую шевелюру. Близко к ней стоит персонаж Мамушки из «Унесенных ветром» и тети Хлои, жены дяди Тома. В «белой» культуре она выступает как типаж, очень привязанный к своей госпоже. Образ мамушки лишен черт сексуальной привлекательности, хотя у нее могут быть дети. Такой персонаж был просто необходим для показа того, что супружеским узам белых хозяев ничто не угрожает. Предположительно ни один мужчина в здравом уме не захотел бы иметь дела с мамушкой. Это позволяло избежать щекотливого вопроса о том, откуда берутся дети-мулаты. Кстати, к своим детям мамушка равнодушна. Для нее гораздо важнее забота о белой семье. Мнимое равнодушие к своим детям тоже было очень на руку системе пропаганды. Оно свидетельствовало о том, что афроамериканки не испытывают никаких страданий при насильственном разделении семей и продаже детей. Еще один миф, который держится до сих пор: афроамериканки рожают без мук и испытывают материнские чувства, близкие к чувствам кошки. Мамушка нужна была в американской пропаганде еще и для того, чтобы показать, как беззаботны и счастливы были афроамериканцы во времена рабства и как они продолжают излучать радость и при новом положении дел, несмотря на восприятие афроамериканца второсортным в обществе США. Ряд историков [см., напр.: Clinton 1982; Genovese 1974; Fox-Genovese 1988; Nash, Shelton 1987; Pilgrim 2000 и др.] считает, что мамушка в ее утрированном виде никогда не встречалась на плантациях Юга. В хрониках есть упоминания о «правой руке» хозяйки, но эти женщины никогда не занимали того положения и не обладали той долей влияния на хозяев, которые приписываются им в фольклоре и романах. Такие упоминания пропадают непосредственно пе-

ред Гражданской войны между Севером и Югом.

П. Тернер пишет, что незадолго до начала Гражданской войны только очень богатые семьи могли позволить себе домашних слуг. Последние же, как правило, были мулатами, стройными и молодыми (до 50 лет доживало только 10 % афроамериканок) [Turner 1994]. Умалчивается об этом, чтобы обойти вопрос о сложных отношениях между хозяином и служанками. Когда я была аспиранткой и только начинала заниматься этим вопросом, помимо филологической литературы я старалась найти как можно больше материала по истории США. Я очень хорошо помню свое изумление, когда я не обнаружила ни в одном серьезном источнике рисунка или фотографии, где появился бы образ мамушки. А именно ее я и ожидала увидеть в первую очередь. С семейных портретов и фотографий времен «особого института», т. е. системы рабства, на меня смотрели смуглые молодые женщины, аккуратно причесанные, одетые в закрытые платья сдержанных тонов. Ни одну из них нельзя было назвать даже пухленькой. Ни на одной из них не было обмотанного вокруг головы платка. Тюрбан был редкостью. На изображениях других рабынь я нигде не видела пестрой или броской одежды, в которой принято представлять афроамериканок, хотя платки здесь уже присутствовали: они были необходимы на юге. Конечно, литография, гравюра или черно-белая фотография не дают возможности идентифицировать цвет, но если тон был ярким, а рисунок ткани пестрым, то это можно определить. Женщины и мужчины были нормального веса и достаточно молоды. Ниже представлены рисунок Томаса Наста 1863 г., на котором изображены беглые рабы (рис. 28), и фотография рабов (рис. 29).

А вот еще две фотографии бывших рабынь (рис. 30 и 31), которые дожили до весьма преклонного возраста. Систему рабства они застали еще совсем молоденькими девушками. Взгляните еще раз на рис. 26 и сопоставьте лицо мамушки с их обликом.

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Сказанное вовсе не означает, что в природе нет толстушек-афроамериканок. Если обратиться к африканской традиции, то значительный вес и формы женщины были и остаются одним из параметров красоты во многих племенах. У ряда африканских народностей существует обычай откармливать невесту накануне свадьбы. Ее физическая активность в этот период обратно пропорциональна тому количеству жирной пищи, которое она обязана съесть. Но не стоит путать жизнь африканки и жизнь рабыни на южной плантации. Действительно, в афроамериканской культуре большим уважением пользуются слово *fat* (*phat*) не со стандартным значением «жирный», а со значением «прекрасный, замечательный», и выражение *big, black and beautiful* — «крупная, темная, прекрасная», так же как и обозначение рослых женщин со значительным весом — *амазонки* (*Amazon*). Однако для многих афроамериканок в течение веков это была недостижимая мечта, идеал. Такие типы женщин не появляются в фотохронике и афроамериканской литературе до XX в. В афроамериканской художественной литературе, посвященной событиям XIX и начала XX вв., афроамериканки часто печалются из-за невозможности набрать нужный, с их точки зрения, вес и объем, особенно в области бедер, и, как следствие, стать желанными для мужей. То, что мы сейчас видим в Интернете и фильмах, — последствия фастфуда и приема различных гормональных препаратов.

Мамушка сослужила хорошую службу и после отмены рабства, потому что этот образ создавал иллюзию, что удел афроамериканки — это тяжелый физический труд по ведению домашнего хозяйства белых, и других забот для нее просто не существует. Если во времена рабства домашних слуг было не очень много, то после его отмены нанять темнокожую служанку могли позволить себе даже семьи с весьма средним достатком, причем нередко

платили не деньгами, а поношенной одеждой и остатками со стола. В отличие от мамушки, в реальности афроамериканки в своем большинстве были очень привязаны к своим близким и тяжело трудились, чтобы растить своих детей. В афроамериканских источниках легко найти описания стремления обрести ухоженный дом, насколько это позволяли обстоятельства.

В американской рекламе мамушка превратилась в тетю Джемиму (рис. 32). Начало этому было положено в 1889 г., когда издатель Чарльз Ратт и владелец мукомольной фабрики Чарльз Андервуд объединенными усилиями создали рецепт муки для блинчиков, которая не требовала дрожжей, и назвали его «рецептом тети Джемимы». Само имя было заимствовано из популярной песенки «Шоу менестрелей». Потом у компаньонов начались финансовые проблемы, и они продали рецепт и идею образа тети Джемимы мукомольной компании Р. Т. Дэвиса. Именно эта компания и нашла Нэнси Грин — бывшую рабыню, рожденную в Кентукки в 1834 г. Она выступила в роли первой тети Джемимы и пробыла ей до самой своей смерти в 1923 г. Она была невероятно популярна и постоянно появлялась на многочисленных ярмарках, выставках сельхозпродукции, в магазинах и магазинчиках. Хозяйки ей доверяли. К 1910 г. в США ежегодно подавалось 120 миллионов завтраков со блинчиками тети Джемимы [Pilgrim 2000]. Ее образ тиражировался в разнообразной рекламной продукции, включая посуду, полотенца, кукол, письменные принадлежности, календари и поваренные книги. В 1933 г. появилась вторая тетя Джемима. Ею стала 170-килограммовая Анна Робинсон. Она была значительно увесистой и темнее, чем Нэнси Грин. Третья тетя Джемима — Эдит Уилсон — обрела новую славу благодаря радио, а позднее и телевизионным передачам 1948—1966 гг. К концу 1960-х гг. тетя Джемима стала своеобразной иконой Америки.

Мамушку ждали изменения и в карикатуре. Она обретает сексуальные черты, причем весьма своеобразные. Тягу к ней испытывают только неразборчивые, уродливые мужчины, которые не имеют ничего против ее запаха (рис. 33). Второй объект осмеяния — ее собственное желание привлечь мужчину, в семье которого она трудится. Для этого она предстанет в нелепом белье (рис. 34).

Сэпфайя — это крайне агрессивная афроамериканка, обычно достаточно молодая, но

Рис. 34

Рис. 37

«Белой» Америке нужно было показать, что афроамериканка никогда не сможет соперничать с белой. Миф таков: афроамериканка всегда плохо или безвкусно одета и обута, ее позы смешны, вкусы низменны, от нее дурно пахнет, она уродлива из-за своих негроидных черт, она глупа, надо быть слепым и лишенным обоняния, чтобы вступить с ней в связь. Эта лож скрывала тягу белых американцев к мулаткам и огромную досаду белых женщин. Эта лож воплощена на рис. 37, 38 и 39. На двух первых женщины ярко одеты, цвета плохо сочетаются. Первая карикатура весьма двусмысленна. На ней есть надпись «Skin a coon», которая предполагает две основные трактовки. Дословный перевод — «Освежь енота». Про енота мы уже упоминали. Следует сказать о переносных значениях глагола *to skin*: это либо «воровать, красть», либо «вступать в связь». Второе значение усиливается тем, что в американском сленге существует выражение «Skin a cat» с тем же значением. Белый мужчина на карикатуре то ли

уродливая. Она почему зря бьет своего мужа или сожителя (рис. 35).

Мэнди служит продолжением образа Wench или Jezebel: эти слова, сначала обозначавшие молодых мулаток, потом приобрели значение «шлюха». Во времена «Шоу менестрелей» в роли Джезебель обычно выступал мужчина (чаще белый) в женском платье. Именно такой актер представлен на рис. 36. Посмотрите внимательно на его ноги. Ни одна молодая женщина, особенно притязаящая на красивую позу, так не встанет, как бы нелепа ни была ее обувь.

Рис. 35

Рис. 36

Рис. 38

кладет купюру в карман Мэнди, то ли украдкой достает деньги. Если совместить две трактовки, то получится что-то вроде «Переспи и обмани». На второй карикатуре — типичная вульгарная Уенч, Джезебель или Мэнди. Третья карикатура носит название «Роза между двумя шипами» и изображает трех непривлекательных мулаток. Молоденькая Джезебель (в данном случае Роза) — в центре между двумя гораздо более взрослыми женщинами. Ее косички настолько напоминают шипы и контрастируют с гладкими прическами двух других женщин, что ее трудно представить всерьез воплощением красоты.

Есть и ряд безымянных карикатурных женских образов. Обычно подчеркиваются негроидные черты, плотное телосложение, неумеренность в еде, неумение правильно одеться. Стереотипный образ Kerchiefhead (рис. 40) относится и к мужчинам, и к женщинам. Само название происходит от наголовной повязки, яркого платка, банданы, а переводить его лучше как «простофиля, деревенщина».

Рис. 39

Рис. 40

Рис. 41

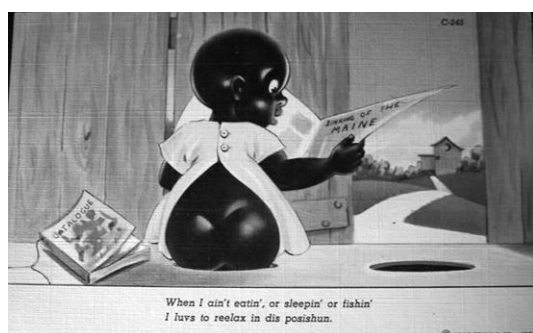

Рис. 42

Рис. 43

Интересно, что в культуре самой афроамериканской диаспоры тоже есть стереотипные образы тети Джемимы, дяди Тома, Повязки, Дездебелы и Сэпфайи, но их трактовка отличается от «белой». Так, первые три выступают синонимами предательства, прислуживания белым, Сэпфайя сохраняет свои агрессивные черты и становится именем нарицательным для афроамериканки, намеренно идущей на конфликт со всеми, кто попадается на ее пути. Ссора и ругань — это смысл ее жизни. Дездебелы переводится как «молодая, привлекательная мулатка или квартеронка, предполагаемая успешная соперница белой женщины» [Major 1994: 257].

Собирательный образ маленького афроамериканца в «белой» смеховой культуре тоже дает только отрицательные ассоциации. В первую очередь это глупость, лень, неухоженность, неловкость, прожорливость, склонность к воровству. Все это мы видим на карикатурах. Первая (рис. 41) называется «Nigger in a Pile» и пародирует неловкость мальчишки, провалившегося в поленницу. Обратите внимание, что на ребенке нет рубашки. Вторая карикатура (рис. 42) сопровождается подписью: «When I ain't eatin', or sleepin' or fishin' I luv's to relax in dis posishun» — «Когда не ем, не сплю и рыбу не ужу, я на гаршке расслабленно сижу». На третьей карикатуре (рис. 43) изображена вечерняя молитва. Толстая тетка в типичной бандане назидательно говорит своему полуго-

лому малышу: «It's "Amen", not "Yeah man!"» — «Нужно "аминь", а не "да, сэри!"». Четвертая карикатура (рис. 44) посвящена «арбузной» теме. На ней мальчишки крадут прямо из-под ног толстого, тупого мужчины большой арбуз и издеваются над незадачливым сторожем.

На втором месте — ассоциации с безобразным, с точки зрения белого, видом: глаза навывкате, куча маленьких грязных спутанных косичек, торчащих во все стороны, или лысая круглая голова с оттопыренными ушами, огромный красный рот, часто широко открытый для того, чтобы запихнуть туда ломоть арбуза, выпирающий вздутый живот, оттопыренный большой зад. Негритята редко бывают мулатами, обычно они темнокожие.

Как вы думаете, как получают чернила? Их делают, когда купают негрятят (рис. 47). Вода для купания моментально приобретает нужный цвет. Не выдергивайте пробку, а аккуратно разлейте содержимое по пузырькам. Для того, чтобы самому принять нужный цвет, негритенку нужно не молоко. Вы будете напрасно тратить время и силы, пытаясь накормить малыша. Предложите ему пузырек чернил, полученный от купания детей постарше, и дело пойдет на лад (рис. 48).

Тема гигиены может развиваться и несколько иначе. На рис. 49 мальчик и девочка предлагают желающим искупаться с ними в одном тазу, чтобы приобрести темный оттенок кожи. Кстати, здесь разнополые дети, уже да-

леко не малыши, купаются вместе. Еще один стандартный поворот — изображение грязного звероподобного негритенка рядом с ангельским, чистеньким блондинчиком. Белый ребенок либо выражает свое удивление тем, что другой малыш не моется или его не моет мама (особенно часто эта картинка появлялась в рекламе мыла), либо пытается отмыть черноту и снова удивляется, что ничего не выходит (открытки,

кариатура, реклама отбеливающих средств). Один из примеров — рис. 50. На открытке с тремя девочками (рис. 51) написано: «Hunting in Dixieland» — «Ловля в Диксиленде». Имеется в виду ловля вшей. При этом совершенно забывается о том, что многие белые фермерские дети вплоть до 1940-х гг. на зиму просто зашивались в свое нижнее шерстяное белье и к концу зимы пахли весьма впечатляюще.

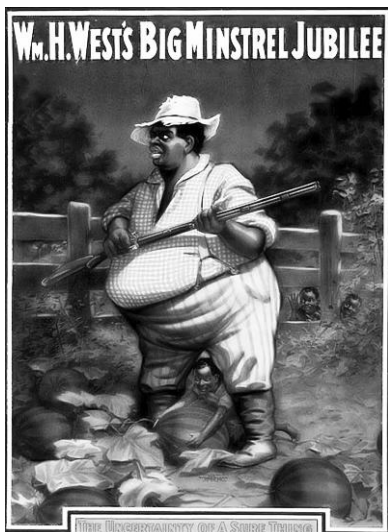

Рис. 44

Рис. 45

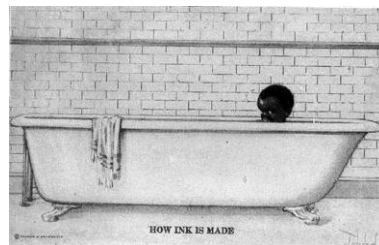

Рис. 47

Рис. 46

Рис. 48

Рис. 49

Рис. 50

Рис. 51

Рис. 52

Рис. 53

Рис. 54

Рис. 55

Рис. 56

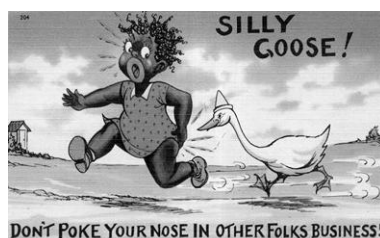

Рис. 57

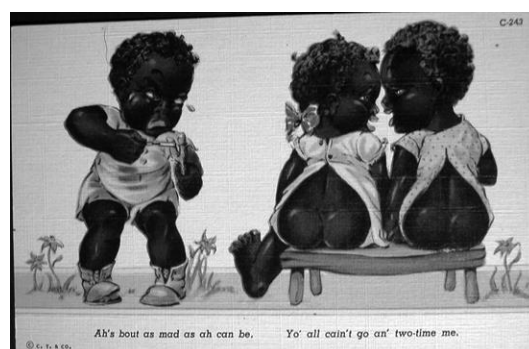

Рис. 58

Типичный негритенок либо занят поглощением еды, либо пытается спастись от крокодила. Рис. 52 представляет собой один из популярных образцов рекламы мыла. Моющее средство выполняет роль крокодила, который миглом уничтожит любые грязные пятна.

Кроме того, негритянские дети часто изображаются нагими или частично обнаженными, что может служить свидетельством двух вещей: о ребенке плохо заботятся родители и ребенок распушен в половом плане, доступен. Последнее станет очевидным, если посмотреть, какие части тела обнажены и как их размер отличается от детского [Pilgrim 2000]. Подобные примеры мы уже видели. Посмотрим еще на несколько. Открытка на рис. 53 сопровождается «веселой» игрой слов, построенной на омофонах *bear* — ‘медведь’ и *bare* — ‘голый, обнаженный’. «Three Little Bares» — обыгрывание названия сказки «Три медвежонка», которое в данном случае можно перевести как «Трое малышат-нагишат». Дальше фраза «A “Hearty” Hello» — «„Сердечный“ привет». На следующей открытке (рис. 54) мальчик играет «в войнушку». Все бы ничего, многие мальчики любят такое занятие, но вот потеря шорт и надпись «Air raid and blackout» сразу расставляют все по своим местам. Во-первых, фраза близка к русской «герой кверху дырой». Во-вторых, используется очень грубая игра слов: *air raid* может переводиться как «воздушный налет, налет авиации» и как «освобождение кишечника от скопившихся газов»; *blackout* — это военный термин «затемнение, светомаски-

ровка» и медицинский «временная потеря сознания» (в данном случае из-за нестерпимой вони). Не менее «веселый» образец представляет открытка с девочкой в туалете (рис. 55). Ребенок весь сжался и уже больше не в силах сдерживаться. Рядом надпись: «I can't hold back any longer (Sure do miss you)» — «Я больше не могу терпеть (буду сохнуть по тебе)». Еще один привет домой посылает голый малыш, весь наряд которого состоит из дырявой бочки (рис. 56). Надел он ее, кстати, вверх тормашками, о чем свидетельствует надпись на боку «наряда». Значит, ребенок глуп и не умеет читать. Символично и то, где расположены дыры. Следующая открытка с девочкой и белым гусем (рис. 57) называется «Silly Goose» — «глупый гусь, болван» и содержит приказ «Don't poke your nose in other folks business!» — «Не суй свой нос в чужой вопрос!». Что это за вопрос, видно вполне отчетливо. В связи с гусем не надо думать, что это белый американец. Здесь содержится оскорбительный намек на высокопочитаемый в афроамериканском фольклоре образ белых гусей. По легенде, рабы, изможденные тяготами непосильного труда на одной из плантаций Юга, однажды пали на колени и попросили Господа перенести их в любое другое место. Внезапно один за другим люди стали превращаться в белых гусей и поплыли над плантациями, окликаая других рабов, призывая присоединиться к ним. Улетели они в Африку и там начали новую жизнь в человеческом образе. Здесь эта легенда высмеяна, чистейший

образ страдальца связан с педофилией. Попробуйте изобразить так белого ребенка.

В соответствии с мифом афроамериканские дети рано взрослеют в половом отношении, поэтому не будет большого греха, если они будут изображены во время своих ухаживаний. Белые дети тоже нередко предстают в графике как смешная пара влюбленных малышей, которые держатся за руки или нежно целуют друг друга. Но все это выглядит мило, забавно и невинно. Эти образы резко контрастируют с изображением юных афроамериканцев (рис. 58, 59, 60, 61). На рис. 58 — типичный любовный треугольник. На открытке, датированной 1898 г., мальчик и девочка делят жвачку, разные концы которой одновременно находятся во рту обоих детей (рис. 59). Тему наготы и отсутствия чувства стыдливости продолжают рис. 60, 61, 62, 63. Ирония приглашения

на вечеринку (рис. 60) построена на разных трактовках фразы «You're invited here for the big blow out!», т. е. «Приходи громыхнуть!». Нагими на открытках предстают не только дети, но и взрослые афроамериканцы, причем это тоже должно подчеркнуть отсутствие чувства стыда и постоянное довольство государственной политикой. На открытке (рис. 62) написано: «Before everything goes to pot you'll be hearing from me» — «Ты услышишь обо мне, прежде чем я вылечу в трубу». На карикатуре, посвященной теме уменьшения продовольственного пайка, пара нагих афроамериканцев просто светится от счастья (рис. 63). Мужчина извещает, что «I ain't worried about no sugar I'se got my sweets!» — «Мне плевать на сахар, мой сахарок всегда при мне!». Обратите внимание на солнечный диск, в котором изображена эта пара. О его значении мы расскажем ниже.

Рис. 59

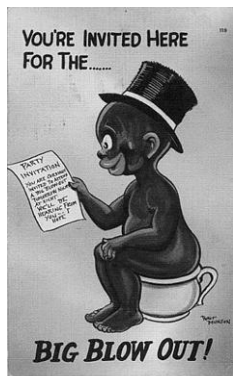

Рис. 60

Рис. 61

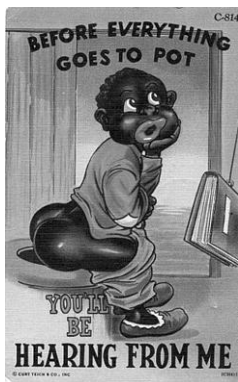

Рис. 62

Рис. 63

Рис. 64

Мнимая распущенность негроидных детей и женщин должна была оправдать сексуальное насилие, жертвами которого они часто становились, по принципу «сам напросился». Неплохо бы дать возможность и другой стороне высказаться на эту тему. Историки [Blassingame 1972; Genovese 1974 и др.] пишут, что отношение рабов к половой жизни было построено на смеси африканских и европейских традиций. Кроме того, представители разных африканских племен, попадая в Америку, приносили разное отношение к добрачной половой жизни. Где-то это приветствовалось, было частью ритуала инициализации. Где-то было

под большим запретом. В большинстве племен, несмотря на разрешение добрачной половой жизни, тяжело каралась измена, особенно женская. В отличие от европейской традиции, беременность до брака не считалась чем-то постыдным. Эти настроения постепенно меняются под влиянием догматов белого американского общества и принятия многими рабами христианства. Рабы, исповедовавшие христианство, как правило, учили своих детей, что половые отношения до брака греховны. Дети мало что знали об этой стороне жизни, пока не вступали в брак. В 1863 г. один из южнокаролинских рабов оставил следующее свидетельство-

ство: «Многие рабыни были вынуждены вступать в половые отношения вне брака. Но они считали это позором и грехом. Если незамужняя женщина беременела, то к ней относились с презрением, пока она не выходила замуж. Лучше до рождения ребенка. Если ребенок рождался, а замуж она так и не выходила, ее позор только увеличивался. Так было до тех пор, пока не находился супруг» [Цит. по: Blassingame 1977: 163]. Настоящая привязанность и любовь к своему супругу не были редкостью даже на плантациях. У многих рабов был только один супруг. В источниках, которым можно доверять [см., напр.: Blassingame 1977; Rawick 1972—1979; Wright 2001], есть многочисленные свидетельства отказа жениться снова или выйти замуж после того, как супруга или супругу продавали на другую плантацию. Одной из причин было вовсе не желание насолить хозяину, а следование догмам церкви, где брак считается священным институтом. Хозяева тоже об этом знали и старались продавать рабов на соседние плантации, чтобы супруги не разлучались совсем. По словам Дж. Блассингейма, «никто в Америке так не стремился к стабильной семейной жизни, как бывшие рабы» [Blassingame 1972: 172].

Вернемся к стереотипным образам. Дети чаще, чем взрослые афроамериканцы, изображаются рядом с животными. Прадедушка современных комиксов «Por Lil Mose» (от *poor little Moses* — ‘бедный кроха Моисей’) пестрит картинками, изображающими маленьких афроамериканцев рядом с поросятами, обезьянами, осликами, медвежатами, крысами, мышами, енотами, скунсами, кроликами (Buckeye Rabbit — стандартное прозвище афроамериканца), черными кошками. Д. Вайс в статье, посвященной зооморфным образам в советской пропаганде, отмечает, что образ домашних животных служил для дегуманизации человека, на которого он переносился, и одновременно должен был вызвать презрение [Вайс 2008]. То же самое легко обнаружить в американской карикатуре на афроамериканца (рис. 64, 65).

Рис. 65

Такое же презрение должны были воспитать и игрушки в виде негритят. У них присут-

ствовали все стереотипные черты внешности. Такие игрушки предназначались для того, чтобы их кидали, пинали, мучили. Это могли быть копилки в виде взрослого или маленького афроамериканца, улыбающегося глупой улыбкой толстых губ и униженно протягивающего руку за монеткой. Как только монетка попадала в ладонь, человечек ее быстро проглатывал, кланялся и шаркал ножкой. Это были марионетки под названием «Мумбо-Юмбо» со всеми чертами подхалима, пепельницы в виде негритенка в пасти крокодила и другая унижительная продукция. Воспитывать, лелеять, одевать и кормить маленькие американцы, в том числе и афро-, могли только белокурых розовощеких кукол с голубыми глазами. В романе современной афроамериканской писательницы Т. Моррисон «The Bluest Eye» в основу сюжета ложится непреодолимое и недостижимое желание маленькой негритянки приблизиться к этому идеалу красоты, навязанному стереотипом. Подобно тому, как одуванчик не может быть красивым, потому что он сорняк, так и маленькой негритянке отказано в чувстве собственной привлекательности и достоинства. Кому, как не женщине-афроамериканке, знать об этом.

Outside, Pecola feels the inexplicable shame ebb. Dandelions. A dart of affection leaps out from her to them. But they do not look at her and do not send love back. She thinks, "They are ugly. They are weeds." ... What to do before the tears come. She remembers Mary Janes. Each pale yellow wrapper has a picture of little Mar Jane, for whom the candy is named. Smiling white face. Blond hair in gentle disarray, blue eyes looking at her out of a world of clean comfort. The eyes are petulant, mischievous. To Pecola they are simply pretty. She eats the candy, and its sweetness is good. To eat the candy is somehow to eat the eyes, to eat Marry Jane. Love Mary Jane. Be Mary Jane [Morrison 1996: 50]. — Выйдя из магазина, Пекола почувствовала, что необъяснимый стыд ее покинул. Одуванчики. Прилив нежности рвался из ее груди. Но они не смотрят на нее и не излучают взаимной любви к ней. Она думает: «Они уродливы. Они сорняки». Как справляется со слезами. Она вспоминает о своих конфетках. На каждом светло-желтом фантике нарисована маленькая Мэри Джейн. В честь нее-то и названы конфеты. Улыбающееся белое лицо. Светлые слегка растрепанные волосы, голубые глаза, глядящие на нее из мира чистого комфорта. Глаза дерзкие и озорные. Для Пеколы они просто красивые. Она съедает конфетку, ее сладость приятна. Съесть такую конфетку все равно что съесть эти глаза, съесть Мэри Джейн. Любить Мэри Джейн. Статья Мэри Джейн.

В этом же романе описывается, как безуспешно сопротивляются этому стереотипу красоты другие маленькие афроамериканки.

The big, the special, the loving gift was always a big, blue-eyed Baby Doll. From the cluck-

ing sounds of adults I knew that the doll represented what they thought was my fondest wish.... Adults, other girls, shops, magazines, newspapers, window signs — all the world had agreed that a blue-eyed, yellow-haired, pink-skinned doll was that every girl child treasured. "Here," they said, "this is beautiful, and if you are on this day 'worthy' you may have it." I fingered the face, wondering at the single-stroke eyebrows; picked at the pearly teeth stuck like two piano keys between red bowline lips. Traced the turned-up nose, poked the glassy blue eyeballs, twisted the yellow hair. I could not love it. But I could examine it to see what it was that all the world said was lovable. Break off the tiny fingers, bend the flat feet, loosen the hair, twist the head around, and the thing made one sound — a sound they said was the sweet and plaintive cry "Mamma," but which sounded to me like a bleat of a dying lamb, or, more precisely, our icebox door opening on rusty hinges in July. Remove the cold and stupid eyeball, it would bleat still, "Ahhhhhh," take off the head, shake out the sawdust, crack the back against the brass bed rail, it would bleat still. The gauze back would split, and I would see the disk with six holes, the secret of the sound. A mere metal roundness. Grown people frowned and fussed: "You-don't-know-how-to-take-care-of-nothing. I-never-had-a-baby-doll-in-my-whole-life-and-used-to-cry-my-eyes-out-for-them. Now-you-got-one-a-beautiful-one-and-you-tear-it-up-what's-the-matter-with-you?" How strong was their outrage.... But the dismembering of dolls was not the true horror. The truly horrifying thing was the transference of the same impulses to little white girls. ... [my desire was to discover] the secret of the magic they weaved on others. What made people look at them and say, "Awwwww", but not for me? ...Dolls we could destroy but we could not destroy the honey voices of parents and aunts, the obedience in the eyes of our peers, the slippery light in the eyes of our teachers... [Morrison 1996: 20—23, 74]. — Большой, особенный, с любовью выбранный подарок всегда оказывался малышкой-куклой с большими голубыми глазами. Из кукольных взрослых я усвоила, что кукла воплощала в себе мою заветную мечту с точки зрения взрослого. Взрослые, другие девочки, магазины, журналы, газеты, вывески, весь мир сошелся на том, что голубоглазая, златокудрая, розовенькая кукла — это сокровище любой девочки. Они говорили: „Смотри, какая прелесть, и если ты была сегодня умницей, то вот, получай“. Я проводила по ее лицу, дивясь на брови, нарисованные одним движением кисти, ковыряла жемчужные зубы, похожие на клавиши фортепьяно между алыми луками губ. Вела по курносому носу, тыкала в стеклянные голубые глаза, крутила желтые волосы. Я не могла ее любить. Но я могла ее разглядывать, чтобы понять, что же в ней было такого, что по представлениям всего мира заслуживало

любви. Отломить ей крохотные пальчики, согнуть плоские ступни, расстелить волосы, повернуть голову назад, и она будет издавать только один звук — звук, который по представлениям всех остальных был милым и жалобным криком „мама“. Для меня он звучал как бляевье умирающего ягненка, или, еще точнее, как скрип заржавевших петель двери нашего ледника в июле. Выцарапать холодные, тупые глаза. Она все блеет „Аааа“. Оторвать ей голову, вытрясти опилки, разбить спину о медную перекладину кровати. Она по-прежнему блеет. Марля у нее на спине порвется, и я увижу диск с шестью дырками — секрет ее звука. Просто металлический круг. Взрослые хмурились и поднимали панику: „Ты-ни-с-чем-не-умеешь-обращаться. У-меня-в-жизни-не-было-малютки-куклы-я-все-глаза-себе-выплакала-из-за-них. Тебе-подарили-куклу-такую-красивую-куклу-а-ты-ее-испортила-что-с-тобой?“ Как велико было их негодование... Но расправа с куклой не была настоящим кошмаром. Подлинным ужасом было перенесение тех же чувств на маленьких белых девочек.... Мне очень хотелось узнать секрет того волшебства, в сети которого попадали другие. Что заставляло людей смотреть на них и говорить „АААх!“? На мою долю аханья почему-то не выпадало... Кукол мы могли уничтожить, но мы не могли уничтожить медовые голоса наших родителей и теток, подчинение в глазах наших сверстников, скользкий свет в глазах наших учителей...

В американской литературе особенно хорошо известны два негритенка, обе девочки. Знакомы они и нам с вами. Это Топси из романа «Хижина дяди Тома» (рис. 66) и Присси из «Унесенных ветром». Топси описывается так: *She was one of the blackest of her race; and her round, shining eyes, glittering as glass beads, moved with quick and restless glances over everything in the room. Her mouth half open with astonishment at the wonders of the new Mas'r's parlor, displayed a white and brilliant set of teeth. Her woolly hair was braided in sundry little tails, which stuck out in every direction. The expression of her face was an odd mixture of shrewdness and cunning, over which was oddly drawn, like a veil, an expression of the most doleful gravity and solemnity. She was dressed in a single filthy, ragged garment, made of bagging; and stood with her hands demurely folded in front of her. Altogether, there was something odd and goblin-like about her appearance — something as Miss Ophelia afterwards said, "so heathenish..."* [Stowe 1966: 258]. — Оттенок ее кожи был одним из самых черных, который только может быть у негра. Ее круглые, блестящие, как бусины, глаза быстро и беспокойно оглядывали все, что было в комнате. Ее рот, полуоткрытый в удивлении от всех чудес гостиной нового хозяина, был полон белых блестящих зубов.

Ее курчавые волосы были заплетены в кучу маленьких косичек, торчащих во все стороны. Выражение ее лица являло странную смесь пронизательности и хитрости, которую странным образом, как вуалью, покрывало выражение самой страдальческой серьезности и торжественности. Она была одета в грязный, истрепанный наряд из мешковины и стояла, сложив с притворной скромностью руки. В общем, в ее виде было что-то странное, напоминающее гоблина, что-то, что Мисс Офелия потом назвала „таким языческим“.

Если вспомнить события романа М. Митчелл, от Присси никогда не было никакого толка. Она была страшной лентяйкой, трусихой и паникершей, полной самых нелепых суеверий. Присси *was a brown little creature, with skinny legs like a bird and a myriad of pigtails carefully wrapped with twine sticking stiffly from her head.*

She had sharp, knowing eyes that missed nothing and a studiedly stupid look on her face [Mitchell 1951: 52]. — Она была маленьким черным созданием с тоненькими, как у птички, ногами и тьмой тоненьких, торчащих во все стороны косичек, аккуратно перекрученных веревочками. Ее внимательные, хитрые глаза не пропускали ничего, а на лице была хорошо заученная маска тупости.

Я намеренно сохранила оригинал, чтобы вы могли найти совпадения в лексическом подборе при описании этих девочек и сопоставить контексты с описанием белого идеала красоты.

Итак, в соответствии с традицией американской карикатуры и анекдота, афроамериканец ленив, любит развлечения, драку, склонен к обжорству и криминалу, распущен в половом плане (рис. 67, 68, 69, 70).

Рис. 66

Рис. 67

Рис. 68

Рис. 69

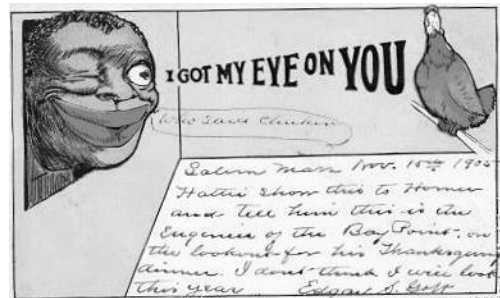

Рис. 70

Справедливости ради отметим, что некоторые из этих стереотипных черт нередко становились объектом осмеяния и в афроамериканских шутках [см., напр.: Dance 1978]. Так, есть шутки, построенные на высмеивании лени, сексуальных наклонностей, пристрастий в еде. Но афроамериканская шутка чаще вводит образ ловкача, умело пользующегося даром слова и смекалкой. Что касается излюбленных блюд, то в «белой» смеховой культуре афроамериканец без ума от курятины и арбуза. В афроамериканской традиции это немного не так. Там упор делается на ямс, свиные рубцы, горох, бобы и разнообразную выпечку. Ямс и рубцы очень часто ассоциируются с ниггеризмом, провинциальной жизнью и вкусами. В аф-

роамериканской литературе это нередко символы или аллегории той части жизни, от которой нужно отойти, изжить ее в себе. В то же время ямс может передавать и суть жизни, истинные ценности, которые несомнимы с реалиями города Севера США. Выпечка — это, как правило, разнообразные торты (наиболее популярны шоколадный, кокосовый и лимонный), которые в афроамериканской литературной традиции связаны с красотой женщины, детством, защищенностью, ухоженным домом, минутами беззаботной радости. В афроамериканских анекдотах выпечка почти не появляется. Повторим, что там чаще встречается либо ямс, либо свинина разных типов, либо вообще очистки, корки и самое разнооб-

разное зверье вроде скунсов, енотов, белок, драных собак и тощих кошек. Арбуз — это слишком значимый символ для диаспоры, чтобы стать объектом осмеяния. Арбуз часто ассоциируется с миром, процессом его создания, вселенной, мужской силой.

На основе «белых» стереотипов создаются мифы о стандартном поведении, привычках, наклонностях афроамериканца. Эти мифы поддерживаются в американском обществе и находят продолжение, получают новую жизнь, в том числе в кино и графике.

От актеров-афроамериканцев требовали исполнения ролей в духе Джима Кроу, Зипа Куна, Руфуса, дяди Тома, тупого слуги, лентяя, Мамушки, Бакуита, Топси. В стиле «Шоу менестрелей» пришлось работать одаренным комикам Эдди Андерсону (рис. 71), Тиму Муру (рис. 72), Берту Уильямсу (рис. 73), Спенсеру Уильямсу-мл. (рис. 74). В голливудских фильмах «Руфуса Джонса в президенты» и «Открой дверь, Ричард» блистал неподражаемый Дасти Флетчер (рис. 75). Билл Робинсон (рис. 76) прославился как «самый-самый дядя Том», хотя в реальности это был суровый человек, который не стеснялся отстаивать свои права. Трагедией Уилли Беста (рис. 77), выступавшего под псевдонимом «Sleep 'n' Eat» — «Спи и ешь», стала невозможность проявить свой талант комика иным образом, кроме ролей носильщика и дворника. Линкольн Перри (рис. 78) сделал целое состояние, изображая «самое ленивое создание в целом мире». Его сценический псевдоним «Stepin Fetchit — Иди,

принеси» стал синонимом Самбо, дяди Тома, раба. В этом же амплу снимались Мантан Морленд (рис. 79) и Ник Стюарт (рис. 80). Самые известные Мамушки, тети Джемимы американского кинематографа, — это Луиза Биверс, Хэтти МакДэниел, Руби Дандридж (рис. 81, 82, 83). Одним из самых популярных детских сериалов (1934—1943) был «Our Gang» — «Наша банда». Маленькими актерами были и белые, и афроамериканцы. Смысл в том, что все дети попадают в разные нелепые ситуации и выглядят смешно. Умников там нет вообще. Но отличие роли белых детей от ролей Билли Томаса (Бакуит, рис. 84) и Аллена Клейтона Хоскинса (Фарина, рис. 85) состояло в том, что последние должны были соответствовать стереотипному представлению о негритенке. Они тоннами поглощают огромные куски арбуза, боятся привидений, причесаны определенным образом, носят какое-то драное, грязное тряпье, которое не позволяет сказать, мальчик перед нами или девочка. Фарина — это преобразованная Топси. Сравните все эти фотографии с графическим материалом, и вы сразу увидите совпадения. Кроме того, вышеописанные рисунки содержат новые черты и помогают лучше понять, как выглядит тот или иной стереотипный персонаж. Если говорить о современном кинематографе, то продолжает эти традиции Эдди Мэрфи. Посмотрите фильмы с его участием (например, «Crazy Professor») не с точки зрения трюкачества и поразительной пластики, а с точки зрения того, о чем говорится в этой статье.

Рис. 71

Рис. 72

Рис. 73

Рис. 74

Рис. 75

Рис. 76

Рис. 77

Рис. 78

Рис. 79

Рис. 80

Рис. 81

Рис. 82

Рис. 83

Рис. 84

Рис. 85

Рис. 86

Рис. 87

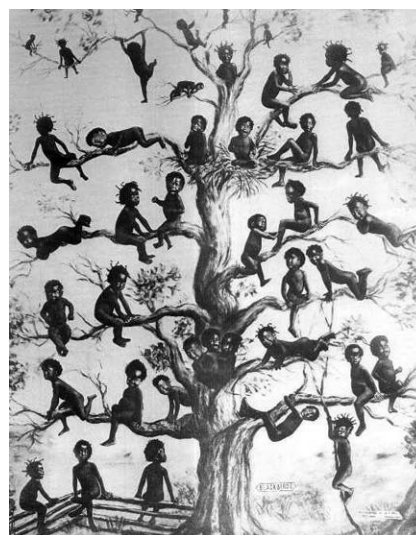

Рис. 88

В детстве мы не очень склонны анализировать то, что нам показывают. Мы просто смотрим мультфильмы и смеемся. Одним из признанных мастеров американской мультипликации по праву считается У. Дисней. Излишне говорить, как часто показывается его мультфильмы и фильмы в США. Давайте взглянем на пару кадров из его работа. Знакомьтесь. Это Подсолнушек — кентаврик-полуослик афроамериканского происхождения, который прислуживает прекрасному белому кентавру (рис. 86). Проанализируйте ассоциативный потенциал слов *donkey* и *ass* — осел, который очень похож на русский, и все станет понятно.

На следующем кадре (рис. 87) вороны, которые «be done seen about everything — чиго только ни повядали». Сравните этот рисунок с карикатурой XIX в. (рис. 88), изображающей негрятят. На память приходит персонаж *Jim Crow* — Джим Вороненок и *Jim Crow Law* — закон о сегрегации. Вороны в мультфильме ленивы, бедны, болтливы. В то же время они — единственные персонажи, которые сочувствуют слону и пытаются помочь ему советом и шуткой. Показательна и песенка, которую они поют.

Hike! Ugh! Hike! Ugh! Hike! Ugh! Hike!
We work all day, we work all night

We never learned to read or write

Were happy-hearted roustabouts

(Мы работаем весь день, мы работаем всю ночь,

Мы никогда не учились читать и писать,

Были веселыми надоедалами)

Давайте сопоставим эту диснеевскую песенку с типичными, так называемыми рабочими песнями негров Юга США. Параллели найдутся сразу:

Pick a Bale of Cotton

Jump down, turn around to pick a bale of cotton.

Jump down, turn around, pick a bale of cotton.

Jump down, turn around to pick a bale of cotton.

Jump down, turn around, pick a bale of cotton.

Oh, Lordy, pick a bale of cotton.

Oh, Lordy, pick a bale a day!

Me and my gal can pick a bale of cotton,

Me and my gal can pick a bale a day...

Go Down, Old Hannah

Oh, did you hear,

What the captain said?

Oh, did you hear,

What the captain said?

That if you work

He'll treat you well,

And if you don't

He'll give you hell.

Can't You Line it?

Tell what the hobo told the bum,

If you get any corn-bread save me some.

A nickel's worth of bacon, and a dime's worth of lard

I would buy more but the time's too hard.

Wonder what's the matter with the walking boss,

It's done five-thirty and he won't knock off.

I ast my Cap'n what's the time of day,

He got mad and throwed his watch away.

[Gates 1997: 52—55].

Один из самых известных персонажей, принесших У. Диснею мировую славу, Микки Маус. Вспомните изображения маленьких афроамериканцев, их смешные подгузники и штанишки, вспомните плохо сшитые фраки менестрелей. Вы правильно догадались. Кстати, и сам У. Дисней несколько не скрывал, что первые изображения Микки Мауса — пародия на актеров «Шоу менестрелей». В детстве я никак не могла понять, почему у мышки Минни такие смешные, безвкусные наряды. Наши мышки в мультфильмах обычно были одеты в уютные халатики или платица, часто с передничком. Обувь на них появлялась редко. Образ Минни поразил меня тем, какого вульгарно-броского цвета были ее платья, какими смешными были ее шарообразные, огромные панталоны. Но совсем я не могла стерпеть ее неуклюжие лаковые туфли с плохой колодкой, зато с претензией на каблук. Мне было совершенно непонятно, зачем она их надела, если они ее толь-

ко уродуют. Я хорошо осознавала, что это мультфильм и здесь свои законы, но мне не было смешно. Непонятно мне было и то, почему Минни принимает такие жеманные позы, смотрит исподлобья и так противно хихикает. Теперь я точно знаю причину этого.

Обратимся снова к американской карикатуре и графике, только уже современной и направленной на действующего президента США Б. Обаму. Многие из комментаторов отмечали, что в карикатуре на Б. Обаму авторы часто подчеркивают негроидные черты, которые у Б. Обамы на самом деле не так ярко выражены, например губы. На фотографиях Б. Обамы видно, что губы у него некрупные, плоские. Когда он не улыбается во весь рот, овал его лица — точная копия его белого деда. Так часто случается при смешении белых с неграми. Это отмечалось и в описаниях детей южных плантаций США. Тем не менее карикатуристы упорно рисуют Б. Обаму более курчавым, губастым, широконосом, темнокожим и скуластым, чем это есть на самом деле.

Посмотрим на рисунки и сопоставим их с тем, что хорошо известно в американском обществе. На первом рисунке (рис. 89) изображена супружеская пара — Мишель и Барак Обама — за семейным ужином. Мишель сообщает мужу, что она усилила свои попытки по контролю над гастрономическими привычками американцев. По ее инициативе рестораны должны будут уменьшить порции и снизить калорийность блюд. При этом сама она с аппетитом поглощает гору гамбургеров. Обама, жующий жалкий стручок гороха или бобов, возражает, что это может плохо сказаться на его рейтинге. Супруга гневно предлагает ему заткнуться и передать ей бекон. Мишель Обама на карикатуре выглядит гораздо полнее и неухоженнее, чем в действительности. Характерен и тот продукт, который она просит ей передать. На втором коллаже (рис. 90) уже сам Обама изображен с полным афроамериканским гастрономическим набором, соответствующим представлениям белых: куриные окорочка и огромный арбуз. Следующий рисунок (рис. 91) изображает инициативы и политику президента как «вафли Обамы» — «перемены, которые вы можете вкусить». Рядом для сравнения размещена фотография президента, которая дает возможность оценить степень утрирования негроидных черт в карикатуре.

Стереотипная патологическая любовь афроамериканцев к музыке ложится в основу следующей карикатуры, где политические шаги президента подаются как игра на традиционном африканском барабане (рис. 92). Сразу возникает вопрос, приемлемо ли это для политической традиции Америки. Обратите внимание на целый ряд утрированных негроидных черт: очертания черепа, нос, губы, зубы и особенно кисти рук.

Рис. 89

Рис. 90

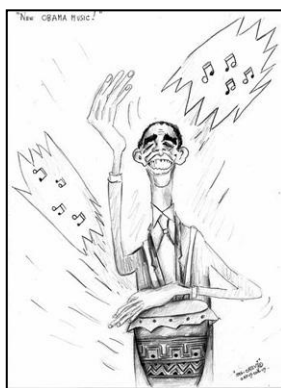

Рис. 92

Рис. 91

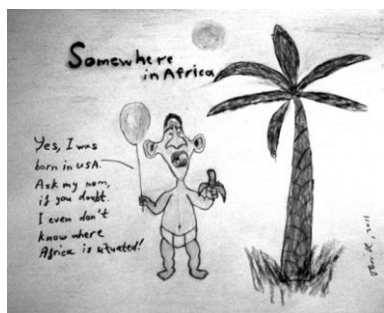

Рис. 93

Рис. 94

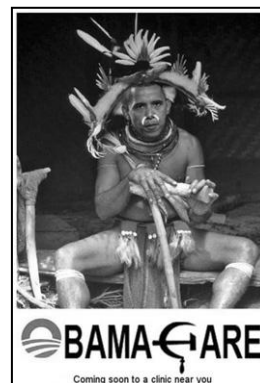

Рис. 95

Рис. 96

Тема дикаря, неоправданно претендующего на американское гражданство и американские культурные ценности, четко прослеживается в следующем рисунке. Маленький Обама расхаживает с бананом под пальмой и палящим солнцем Африки и уверяет, что он родился в США, а если кто-то не верит, то может спросить его маму. Сам он даже понятия не имеет, где находится Африка (рис. 93). Сопоставьте эту карикатуру с рисунком XIX в. (рис. 94), где изображен маленький объевшийся, очень довольный африканец с тем же стандартным набором: пальмы, бананы и полное

светило (на многих карикатурах неясно, какое — полуденное солнце или полная луна). Влияние стереотипов и мифов налицо.

На следующем коллаже (рис. 95) лицо президента практически не изменено, но сам образ — либо лекаря из африканского племени, либо колдуна-афроамериканца, практикующего магию Вуду или Худу (т. е. белую или черную), — заставляет задуматься о разумности реформ в сфере здравоохранения США, на которых так настаивает Б. Обама.

Образ дикаря часто связывается в «белой» культуре с образом обезьяны. Целый ряд

синонимов с этим значением применяется в американском обществе по отношению к афроамериканцам. Не избежал этой участи и президент. Надпись на одной из карикатур (рис. 96) гласит, что перед нами «банановая мать Обамы». Обратим внимание на орфографию слова «mother», которое написано как «mutta» и пародирует афроамериканский английский. Посмотрите на лоб, уши, волосы, нос и кисти изображенного животного и сопоставьте с уже увиденным, особенно на карикатуре с барабаном.

На другом рисунке (рис. 97) изображена растяжка с обезьяньим образом самого Б. Обамы. Далее следует карикатура с убитой гориллой (рис. 98). Чтобы мы могли легко понять, кто перед нами, надпись гласит: «Им придется найти кого-то другого, чтобы написать следующий законопроект для стимулирования нашей экономики».

Дегуманизирующий образ чужого, врага, монстра, не несущего для США ничего хорошего, продолжается на следующей карикатуре, где Б. Обама предстает в образе огромной гориллы-монстра (рис. 99). Полная луна на заднем плане дает возможность связать этот образ с фильмами ужасов и заключить, что перед нами вампир.

Образ солнца или полной луны вообще никогда не несет ничего хорошего в сочетании с образом афроамериканца. Не дает он положительных прагматических смыслов и применительно к Б. Обаме. Взгляните на карикатуру (рис. 100), где три основных плана. На первом плане — фрагмент Белого дома и государственный флаг США, на втором — Б. Обама, у него за спиной — встающее солнце и месяц. Исходя из добрых побуждений, можно было бы воспринять этот рисунок как надежду на Б. Обаму, восходящее солнце его политиче-

ского успеха. К сожалению, это не так. Карикатура крайне оскорбительна. Во-первых, месяц — это намек на мусульманское прошлое президента. Напомним, что во время избирательной кампании это часто ставилось ему в вину и приводило к попыткам связать политическую карьеру Б. Обамы с деятельностью радикальных исламистов. Во-вторых, изображенное лицо можно только с большой натяжкой связать с реальной внешностью Б. Обамы. Перед нами вновь стереотипный набор негроидных черт. В-третьих, обращает на себя внимание образ солнца. Светило расположено так, чтобы служить фоном, на котором четко видны голова и плечи изображенного человека. Это автоматически, на подсознательном уровне, вызывает ассоциативный ряд со старыми американскими карикатурами, где афроамериканец изображался на фоне дневного или ночного светила (главное, чтобы был диск) во время неприглядных занятий. Обычно это мошенничество или кража съестного и его жадное поедание. Типичными образцами могут служить рисунки 101, 102, 103.

Таким образом, Б. Обама предстает в образе мошенника, алчно взирающего на свою добычу, а совсем не восходящего солнца на политическом небосводе.

Из других зооморфных образов упомянем образ Микки Мауса (рис. 104). Помимо ассоциаций, описанных выше, нужно сказать о вторичных значениях, которые появились в современном английском у этого имени: *Mickey Mouse* — 1) несерьезный; маловажный, ненужный; 2) пошлый, сентиментальный (о поп-музыке); 3) чересчур подробный, мелочный; 4) муровый, дурацкий (сл.). Весь этот комплекс значений с успехом переносится на президента, который не говорит, а пищит (на карикатуре надпись: «Yes, we squeak!»).

Рис. 97

Рис. 98

Рис. 99

Рис. 100

Рис. 101

Рис. 102

Рис. 103

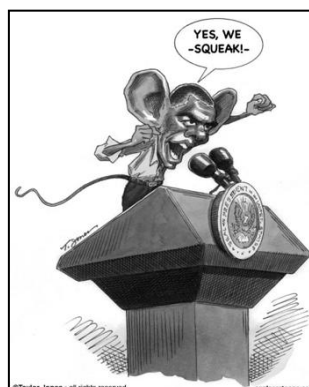

Рис. 104

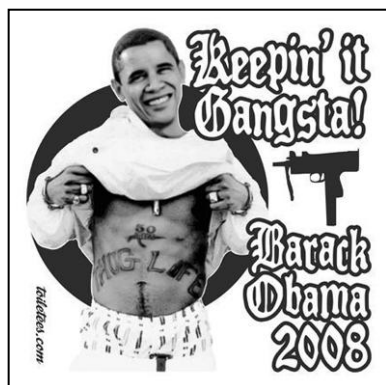

Рис. 105

Рис. 106

Рис. 107

Рис. 108

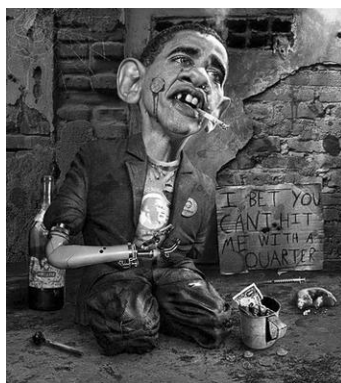

Рис. 109

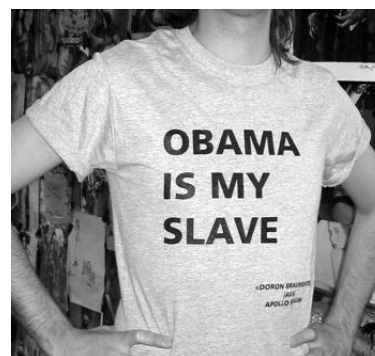

Рис. 110

Теперь обратимся к стереотипным социальным ролям афроамериканца. Изначально это раб. После отмены рабства на протяжении очень долгого времени большинство афроамериканцев было вынуждено заниматься тяжелым физическим трудом. Часть населения уходила в криминальную сферу, часть работала в кафе и ресторанах, наиболее удачливые держали маленькие магазинчики. Это действительно так. Но одновременно с этим стереотипом и мифом были и есть успехи в спорте, музыке, театральной сфере, литературе (начиная

с XVIII в.), покупке и сдаче собственности в наем, парикмахерском деле, образовании и здравоохранении. Тем не менее миф не исчезает и проявляется в карикатурах. На одном из коллажей (рис. 105) антураж Обамы напоминает о Руффусе. На рис. 106 он вынужден разгребать то, что ему досталось в наследство от прежних хозяев Белого дома.

На одной карикатура с едой изображен Б. Обама в роли повара, рекламирующего свое фирменное блюдо под названием «Ерунда Обамы» (рис. 107).

Два других рисунка заставляют вспомнить о лавках афроамериканцев (рис. 108), где можно было по дешевке купить еду и хозяйствы (нередко краденые), и уделе калеки-подростка, выросшего в гетто (рис. 109).

Характерна и надпись на футболке молодого белого американца (рис. 110).

Еще одна карикатура изображает оборванца Обаму, лучезарно улыбающегося своим избирателям, с подписью «Empty Suit» (рис. 111). Это игра слов. Переводить можно так: «пустой костюм» (т. е. пустое место), «пустые хлопоты», «пропащее дело», «напрасные просьбы». Карикатура интересна тем, что, с одной стороны, имеет самостоятельное значение, привязана к конкретному лицу, с другой — вновь напоминает о стереотипном образе афроамериканца. Можно сравнить это изображение со старой открыткой с темным подростком в обносках и, конечно, с двумя арбузами (рис. 112). Подпись под рисунком гласит: «Jes Niggar Luck» — «прАстое негритянокое счастье». Новая карикатура явно навеяна этим и подобными образами.

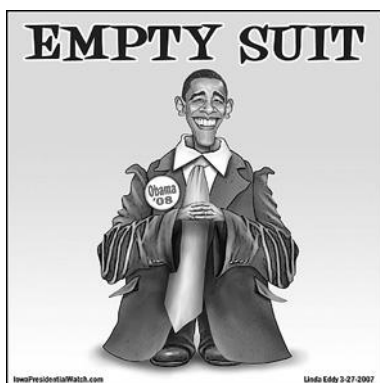

Рис. 111

Рис. 112

Что касается политкорректности, в конце 1990-х гг. ее стало заметно меньше по отношению к афроамериканцам, что проявляется в шутках явно расистского содержания в прессе, Интернете, на телевидении. С одной стороны,

это можно расценить как возврат к тем представлениям о юморе, которые задавали тон в XIX и начале XX в. Успешный комедийный актер-афроамериканец Сэмми Дэвис вспоминал, что «комедию в то время делали великие мастера диалекта. Были комики-евреи в мешковатых штанах, комики-датчане с тяжеленным акцентом, комики-ирландцы. Вся комедия тех дней была национально окрашена» [Цит. по: Rickford, Rickford 2000: 58]. С другой стороны, это наводит на грустные аналогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваїс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 2 (25). С. 19—35.
2. Вукмедия — Свободная энциклопедия : сайт. [2011]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
3. ABBYY Lingvo : электр. программа.
4. *African-American English*. Structure, history and use. — L. ; N. Y., 1998. P. 203—225.
5. Appiah K. A., Gates H. L., jr. (ed.) *Africana: the encyclopedia of the African and African American experience*. — N. Y. : Basic Civitas Books, 1999.
6. *Blassingame J. W.* Black New Orleans, 1860—1880. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1973.
7. *Blassingame J. W.* The Slave Community. Plantation Life in the Antebellum South. — N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1979.
8. *Blassingame J. W.* (ed.) *Slave Testimony*. — Baton Rouge : Louisiana St. Univ. Pr., 1977.
9. *Botkin B. A.* Lay My Burden Down: A Folk History of Slavery. — Chicago : Aldine Publ., 1944. P. 652—675.
10. *Bogle D.* Toms, Coons, Mulattoes, Mammies, & Bucks: An Interpretive History of Blacks in American Films. — N. Y. : Continuum, 1994.
11. *Brundage W. F.* (ed.) *Under sentence of death: lynching in the South*. — Chapel Hill : Univ. of North Carolina Pr., 1997.
12. *Cheng A.* The melancholy of race. — Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2000.
13. *Clinton C.* The Plantation Mistress: Woman's World in the Old South. — N. Y. : Pantheon Books, 1982.
14. *Dance D. C.* Shuckin' and Jivin': folklore from contemporary Black Americans. — Bloomington : Indiana Univ. Pr., 1978.
15. *Edwards J. L.* Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // INKS. Cartoon and Comic Arts Studies. 1995. Vol. 2. № 2.
16. *Estes S.* I am a man!: race, manhood, and the civil rights movement. — Chapel Hill ; L. : Univ. of North Carolina Pr., 2005.
17. *Fox-Genovese E.* Within the Plantation Household. Black & White Women of the Old South. — Chapel Hill, L. : North Carolina Pr., 1988.
18. *Gates H. L., jr.* Figures in Black. Words, Signs and the "Racial" Self — N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1987.
19. *Gates H. L., jr.* (ed.) *The Norton Anthology of African American Literature* — N. Y. ; L. : WW Norton & Company, 1997.
20. *Genovese E. D.* Roll, Jordan, Roll: the world the slaves made. — Random House, Inc., 1974.
21. *Glaude E. S.* Exodus!: religion, race, and nation in early nineteenth-century Black America. — Chicago ; L. : Univ. of Chicago Pr., 2000.

22. *Govenar A. B.* African American frontiers: slave narratives and oral histories. — Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, 2000.
23. *Gutman H.* The Black Family in Slavery and Freedom 1750—1925. — N. Y. : Pantheon Books, 1976.
24. *Harris T.* From mammies to militants: domestics in Black American literature. — Philadelphia : Temple Univ. Pr., 1982.
25. *Holt T. C., Brown E.* (ed.) Major problems in African-American history: documents and essays: 2 v. — Boston : Houghton Mifflin, 2000.
26. *Johnson L. B., Staples R.* Black families at the crossroads: challenges and prospects. — San Francisco : Jossey-Bass, 2005.
27. *Major C.* Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang. — N. Y. : Penguin Books, 1994.
28. *McLoyd V. C., Hill N. E., Dodge K. A.* (ed.) African American family life: ecological and cultural diversity. — N. Y. : Guilford Press, 2005.
29. *Mitchell M.* Gone with the Wind. — L. : the Reprint Society Ltd., 1951.
30. *Nash G. B., Shelton C. J.* The Private Side of American History. Reading in Everyday Life: 2 v. — N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1987.
31. *Newkirk P.* (ed.) A love no less: more than two centuries of African American love letters. — N. Y. ; L. : Doubleday, 2003.
32. *Pilgrim D.* The Mammy Caricature // Site of Ferris State University. [2010] URL: <http://www.authentichistory.com/>.
33. *Pitt W.* Old Ship of Zion: The Afro-Baptist Ritual in the African Diaspora. — N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1993.
34. *Rawick G. P.* (ed.) The American Slave: a composite autobiography: 19 v. — Westport, CT : Greenwood Pr., 1972—1979.
35. *Regosin E. A.* Freedom's promise: ex-slave families and citizenship in the Age of Emancipation. — Charlottesville [Va.] ; L. : Univ. Pr. of Virginia, 2002.
36. *Reid-Pharr R.* Conjugal union: the body, the house, and the Black American. — N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1999.
37. *Rickford J. R., Rickford R. J.* Spoken Soul. The Story of Black English. — U. S. A: John Wiley & Sons, Inc., 2000.
38. *Rickford J. R., Rickford R. J.* The Ubiquity Of Ebonics // American Language Review. 2001. March/April. P. 20—26.
39. *Rosenblatt P. C., Wallace B. R.* African American Grief: series in death, dying, and bereavement. — N. Y. : Routledge, 2005.
40. *Sacharow S.* Symbols of Trade: Your Favorite Trademarks and the Companies They Represent. — N. Y. : Art Direction Book Company, 1982.
41. *Sampson H. T.* Blacks in blackface: a source book on early Black musical shows. — Metuchen, N. J. : Scarecrow Pr., 1980.
42. *Smitherman G.* Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner. — N. Y. : Houghton Mifflin Company, 1994.
43. *Smitherman G.* Talkin and Testifyin. The Language of Black America. — Detroit : Wayne St. Univ. Pr., 2001.
44. *Sniderman P. M.* Black pride and black prejudice. — Princeton, N. J. ; Oxford : Princeton Univ. Pr., 2002.
45. *Stampp K. M.* The Peculiar Institution: slavery in the ante-bellum South — N. Y. : Knopf, 1956.
46. *Stowe H. B.* Uncle Tom's Cabin. — N. Y. : New American Library, 1966.
47. *Talty S.* Mulatto America: at the crossroads of black and white culture: a social history. — N. Y. : HarperCollins, 2003.
48. *Tatum B. D.* Assimilation blues: Black families in a white community. — N. Y. : Basic Books, 1999.
49. *Thompson Ch. L.* (ed.) New Orleans in 1805: a directory and a census. — New Orleans, LA. : The Pelican Gallery, Inc., 1936.
50. *Thompson R. F.* African Influences on the Art of the United States // Black Studies in the University / ed. by A. L. Robinson. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1970. P. 122—170.
51. *Turner P.* Ceramic Uncles & Celluloid Mammies: Black Images and Their Influence on Culture — N. Y. : Anchor Books, 1994.
52. *Wallace M.* Constructing the Black masculine: identity and ideality in African American men's literature and culture, 1775—1995. — Durham [N. C.] ; L. : Duke Univ. Pr., 2002.
53. *Washington R.* (ed.) Black family research: records of post-Civil War federal agencies at the National Archives. — Washington, D. C. : National Archives and Records Administration, 2001.
54. *Wilcots K. D.* The relationship between racial identity, ethnic identity and African-American acculturation and their contribution to psychological well-being. — Denton, Tex. : Univ. of North Texas, 2000.
55. *Willis D.* Family history memory: recording African American life. — N. Y. : Hylas Publ., 2005.
56. *Wright K.* (ed.) The African-American archive : the history of the Black experience in documents. — N. Y. : Black Dog & Leventhal Publ. : Distributed by Workman Publishing Co., 2001.

ИСТОЧНИКИ

57. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>
58. URL: <http://www.authentichistory.com>
59. URL: <http://www.badcartoonist.wordpress.com>
60. URL: <http://www.black-face.com>
61. URL: <http://www.blackmissouri.com>
62. URL: <http://www.caricatureman.typepad.com>
63. URL: <http://www.CartoonStock.com>
64. URL: <http://www.courtjones.com>
65. URL: <http://www.flickr.com/erudite>
66. URL: <http://www.kaltoons.com>
67. URL: <http://www.newbreen.com>
68. URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>
69. URL: <http://www.shutterstock.com>
70. URL: <http://www.sonofthesouth.net>

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.581
ББК Ш13

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.22

Ю. А. Антонова Ю. А. Antonova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

СИМВОЛИКА КИТАЙСКИХ ЧИСЕЛ В РАМКАХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

SYMBOLISM OF CHINESE NUMBERS IN THE FRAMES OF THEORY AND PRACTICE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Аннотация. Рассмотрены символика и роль чисел в китайском бытовом и интернет-дискурсах.

Abstract. The article describes symbolism and role of numbers in Chinese everyday and Internet discourses.

Ключевые слова: символика чисел; омонимия; коннотация; интернет-коммуникация; межкультурная коммуникация.

Key words: symbolism of numbers; homonymy; connotation; Internet discourse; intercultural communication.

Сведения об авторе: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Antonova Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: jonktau@gmail.com.

Отношения между Китаем и Россией переходят на новый уровень, все чаще напоминая полноценный деловой диалог. Однако большая культурная разница (иные традиции, ритуалы, верования) нередко приводят к непониманию поведения партнеров, а иногда и культурному шоку. Восток по-прежнему остается загадкой для русской души. Так, например, недоумение у русских вызывает отношение китайцев к числам, которые окружают их в быту. Именно поэтому в данной статье мы обратились к символике чисел в Китае. Работ по данному аспекту межкультурной коммуникации до сих пор немного из-за трудностей получения языкового материала. Однако ученые все чаще говорят о том, что «универсальное понятие числа обретает в различных языковых культурах специфические фоновые смыслы» [Цуй 2003: 5]. Мы предприняли попытку не только описать значения чисел, но и объяснить причину своеобразного отношения китайцев к тому или иному числу. Материал для статьи собирался методом непосредственной живой беседы с китайцами, а также методом извлечения со страниц международных интернет-форумов.

Символическое использование и понимание чисел (и их сочетаний) в Китае обусловлено двумя факторами. Первый из них — это восточная философия, согласно которой весь мир разделен на два противоположных полюса: «инь» и «ян». Это свет и тьма, небо и земля, живое и неживое, мужское и женское. Второй фактор — явление омонимии, которое придает числам дополнительную коннотацию. Именно омофония в основном и определяет отношение современных китайцев к числам (хотя стоит отметить, что молодежь, по сравнению со старшим поколением, менее трепетно относится к числам). Китайский ученый-

лингвист высказывает аналогичную мысль: «Источником переосмысления наименований чисел оказывается их сходство в звучании с эмоционально-оценочными словами» [Там же: 8]. Символика чисел в их омонимическом значении зачастую играет определяющую роль в выборе даты для важного семейного или делового события (свадьбы, переговоров). Как отмечается в некоторых источниках, в ожидании даты, благоприятствующей погребению усопшего, проведение церемонии погребения иногда откладывалось на несколько недель. Любопытно, что в современной интернет-коммуникации (чаще в программах мгновенного обмена сообщениями — ICQ, QQ) числа под воздействием тенденции экономии речевых усилий используются вместо частотных слов, но об этом чуть ниже.

Обратимся к числам первого десятка.

Древние китайцы, как и древние греки, считали, что 1 — это основа всех чисел. Именно из единицы рождаются четные и нечетные числа. Китайский философ Лао-Цзы писал: «Одно рождает два, два рождает три...». Единица соединяет в себе четное и нечетное, мужское с женским, а потому она является основой мира. 1 — это и дух, и свет, и слава, но в то же время это материя, тьма и позор. Единица символизировала целостность и неразделенность мира. Ей соответствовали такие категории китайской философии, как 太一 ‘Великое Единое’, 太极 ‘Великий Предел’. Омоним этого числа — *честь, выигрыш*.

2 — это начало неравенства и противоречия, причина деления всего на Земле. Два — это инь, женское, земное, неблагоприятное начало. В некоторых источниках 2 называли числом конфликта. Несмотря на это, в совре-

менной интернет-коммуникации «2» заменяет иероглиф 爱 ‘любовь’, ‘люблю’, поскольку проще набрать на клавиатуре ноутбука или сотового телефона «2», чем писать пхинином (китайской транскрипцией) иероглиф «любовь». Это слово достаточно часто используется коммуникантами в интернет-общении, что и породило числовую замену. Интересно, что в Китае (в отличие от России) можно дарить два цветка. Омоним числа два — *легко*.

3 для китайцев дает следующий ряд ассоциаций: три основных сокровища буддизма, триада «Небо — земля — человек», число силы Ян, Триратна (Будды Сакья-муни, Амитабу и Майтрейя), 3 мира по представлениям буддистов (Мир пожеланий, Мир цвета, Мир бесцветий), три сокровища кабинета (кисточка, тушница, бумага). Даосские тексты и духовная традиция, по мнению многих китаеведов и по представлениям самих мастеров и мыслителей, гораздо чаще связаны с числом **три**. Интересно, что в древнекитайской культурной традиции именно 3 считалось первым числом, оно открывало числовой ряд. В различных мифологиях Вселенная состоит из трех компонентов: Неба, Земли и Воды. Омоним числа три — *рост*.

4 — это для китайцев, пожалуй, самое противоречивое число. С одной стороны, оно символизирует четыре стороны света (四大), четыре сезона года (四时, 四期), четыре символа (四象). С другой стороны, омофон числа четыре — *смерть*. Именно поэтому в Китае четверку стараются не использовать. Так часто делают в жилых домах и особенно в больницах, так как четвертый этаж ([сы лоу]) — это «этаж смерти». В лифтах часто нет кнопки четвертого этажа, а просто пишется: 1, 2, 3, 5A, 5B. Никто не хочет номер телефона с этой цифрой в середине или на конце. Любопытно, что нередко четверку заменяют буквой «F», начинающей название ноты «фа» — четвертой в гамме (до, ре, ми, фа). А [фа цай], в свою очередь, — омоним слова *разбогатеть*. По сходным причинам в здании, рассчитанном на иностранцев, отсутствуют этажи 13 («чертова дюжина») и 14 (омоним — «верная смерть»), вместо них используются обозначения 12A и 12B. Однако самое страшное для китайцев сочетание — 42, означающее 死儿 ‘мертвый сын’. Обратное сочетание цифр, 24, имеет омоним *легкая смерть*. 174 — *Все умирают вместе*. Число «48», хотя и включает четверку, интерпретируется как *большое богатство*: сочетание переводится не как «смертельные деньги», а как «деньги, добытые тяжелым, изнурительным трудом».

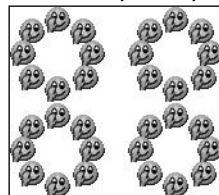
5 у китайцев является самым важным из чисел, представляющим естественный жизненный ритм, космический миропорядок. Это самое благоприятное число, оно имеет такое

же значение, как семерка в европейской культуре. Ассоциативный ряд для числа 5 — это 五行 ‘пять стихий’, 五气 ‘пять пневм’, 五声 ‘пять звуков’, четыре стороны света плюс центр и т. п. В интернет-коммуникации «5» — замена иероглифа 我 (местоимение «я»). Омоним числа — *ничто*.

6 для жителей Поднебесной — это *везение, везучий*. Иногда 6 [liu] трактуют как 乐 [le] — *радоваться*. Число 66 в Китае не ассоциируется с «числом дьявола», а означает высшую инстанцию — *небо*. Омоним 66 — *всегда везет*. Омоним 6 — *богатство*.

7. Так как название числа созвучно со словом 起 [qi] — ‘подниматься, получить, поднять(ся)’, номера автомобилей и телефонов, оканчивающиеся на 17 и 517, означают *要起, 我要起* ‘продвижение по карьерной лестнице’. Омоним числа — *наверняка*.

8 — любимейшее число в Китае, символ совершенства, полноты в природе и государстве. Ассоциативный ряд таков: восемь направлений, восемь сезонов и восемь ветров, диктующих погоду. Это 8 годовых праздников, 8 богов: бог неба, бог земли, бог войны, бог тьмы, бог света, бог луны, бог солнца, бог четырех времен года. 8 духов, 8 драгоценностей: сердолик, коралл, черепаховая кость, перламутр, рубин, лунный камень, горный хрусталь. 8 классов, приближенных императору. 8 по-китайски звучит как [ba], однако на юге Китая читается как [fa] = [фацхай] = *разбогатеть*, именно поэтому китайцы любят номера, в которых одна из составляющих — восьмерка. Особенно престижно иметь несколько восьмерок в номерах машин и телефонов. Три восьмерки [ба-ба-ба] значат то же, что и [фа-фа-фа] — *процветание*. Не случайно Олимпийские игры 2008 г. в Пекине открывались 8 августа в 8 часов вечера. Интересно, что из-за веры китайцев в силу числа «восемь» выдача автомобильных номеров в Китае — это один из самых прибыльных видов бизнеса: с 1988 г. в Транспортном управлении Гонконга регулярно проводятся аукционы автомобильных номеров; продажа номера «8» за 650 тыс.

долларов, которая состоялась на первом же аукционе, до сих пор остается рекордом Книги Гиннеса. Нравится китайцам и число «28»: оно является омонимом *легких денег*.

В интернет-коммуникации «88» из-за созвучия является заменой прощального заимствования [бай-бай].

9 в китайской традиции символизирует понятие *все, долго, навсегда*. Омоним числа — *долголетие*.

Теперь немного о некоторых числах второго десятка.

11 считается хорошим сочетанием. Есть выражение: *一心一意的*, — т. е. *всей душой и всем сердцем*. Букет из 11 цветов означает, что дарящий любит адресата всей душой и всем сердцем.

Омоним числа 12 — *выигрыш, рост, легко*.

К цифре 13 китайцы относятся без предубеждения (для них это не «чертова дюжина»). Однако, учитывая суеверия европейцев, китайцы стараются не использовать эту цифру в местах, рассчитанных на иностранцев. Интересно, что сочетание *十三点* (буквально '13 точек') обозначает ругательство.

Приведем омонимические истолкования **двузначных или больших чисел**. «58» имеет омоним *нет денег*. По шанхайскому произношению *75 = 七五 = 吃污*, что можно приблизительно перевести как ругательство *есть экскременты*.

150 у «челноков» — *вешать лапшу на уши*.

168 — *желаю много денег*. Это популярное сочетание цифр в Китае. На юге читается как [и лу фа], т. е. *богатство по всему пути*.

Число 250 стараются не произносить. Этому есть следующее объяснение: согласно притче, «в далекой древности один из чиновников выделялся своей грамотностью и деловитостью. Завистники не могли ему это простить и подослали наемного убийцу. Умирая, чиновник сказал своему императору: „Я научу тебя, как найти моих убийц. Ты объяви, что я был очень плохим чиновником и что убийца сделал доброе дело, избавив страну от меня. А затем объяви ему награду в 1000 ляннов серебра“. Император так и сделал, после чего за

наградой пришло 4 разных человека, каждый из которых назвал себя убийцей. Император повелел каждому дать по четверти награды, по 250 ляннов, и казнить всех четверых».

В некоторых провинциях Китая 250, *二百五*, означает *дурак*.

518 — омофон *я хочу разбогатеть*; 5918 *我就要发* 'я скоро разбогатею'.

521 — омофон *я тебя люблю*.

575 по-шанхайски *我吃污* 'я ем грязь'.

Устанавливая цены на товары и услуги, даря деньги, китайцы стараются использовать красивые сочетания цифр: 999, 99, 888 юаней. Интересно, что при торге с продавцами жители Поднебесной также апеллируют к омофонии цифр и сбивают цену, например со 144 до 130 юаней.

В заключение отметим, что символика чисел, приобретаемая за счет омонимии, играет большую роль в быту китайцев, определяет их поведение. Необычайно востребованы числа в настоящее время и в интернет-коммуникации: они используются как «числовые синонимы» частотных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Восточное полушарие* : форумы о Китае, Японии, Корее и других странах Азии. URL: <http://polusharie.com/> (дата обращения: 18.03.2012).

2. *Цуй Х. Е.* Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Краснодар, 2003.

3. *Шевченко В. В.* Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах : автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 821.161.1.09(Сологуб В. А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГЧНТИ 17.07.51

Код ВАК 10.01.01

С. И. Ермоленко S. I. Ermolenko

Н. А. Валек N. A. Valek

Екатеринбург, Россия

Ekaterinburg, Russia

**ДИАЛОГ В СИТУАЦИИ
«ВСЕОБЩЕГО ОБОСОБЛЕНИЯ», ИЛИ
«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» «НА RENDEZ-VOUS»
(роман В. А. Соллогуба «Через край»)**

Аннотация. Анализируются особенности диалога в романе В. А. Соллогуба «Через край». Интерес к проблеме диалога в сюжетной ситуации «русский человек на rendez-vous» объясняется «переворотившейся» эпохой 1870-х годов, изображенной в романе, в которую актуальным становится выяснение нравственных возможностей личности к единению и взаимопониманию.

Ключевые слова: В. А. Соллогуб; роман «Через край»; тип героя; диалог; сюжетная ситуация «русский человек на rendez-vous».

Сведения об авторе: Ермоленко Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 277.
e-mail: ermolenko-1@mail.ru.

Сведения об авторе: Валек Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук.

Место работы: Российский научно-исследовательский институт комплексного использования и охраны водных ресурсов (Екатеринбург).

Контактная информация: 620049, г. Екатеринбург, ул. Мира, 23.
e-mail: natfil22@mail.ru.

**DIALOGUE IN SITUATION
OF «GENERAL ISOLATION»,
OR «A SUPERFLUOUS MAN» «AT RENDEZ-VOUS»
(novel by V.A. Sollogub «Beyond Measure»)**

Abstract. The peculiarities of dialogues in the novel by A.V. Sollogub «Beyond Measure» are analyzed. Interest to the problem of dialogue in the situation «a Russian at rendez-vous» can be explained by «overthrown» epoch of the 1870s depicted in the novel. In that period it was urgent to find out moral possibilities of a person to unity and mutual understanding.

Key words: V. A. Sollogub; novel «Beyond Measure»; type of a character; dialogue; situation « a Russian at rendez-vous».

About the author: Ermolenko Svetlana Ivanovna Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: Valek Natalia Anatolievna, Candidate of Philology.

Place of employment: Russian Scientific Research Institute of Complex Use and Protection of Water Resources (Ekaterinburg).

Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) вошел в русскую литературу 40-х гг. XIX в. как создатель повестей, близких натуральной школе. Его имя становится широко известным благодаря авторитетной для современников высокой оценке В. Г. Белинского, назвавшего автора «Тарантаса» «первым» («после Гоголя») писателем «в современной русской литературе» [Белинский 1955: 536]. Однако уже в середине 50-х гг. в отношении к творчеству В. А. Соллогуба со всей очевидностью обозначился резкий перелом. Отсутствие четкой общественно-политической позиции писателя в эпоху усиливающихся идейных размежеваний вызвало целый ряд негативных откликов современников [см. об этом: Немзер 1982]. Общественное мнение о Соллогубе как светском дилетанте укрепилось прочно и надолго. И уже более никого не интересовало творчество некогда популярного прозаика.

Между тем в самом конце жизни В. А. Соллогуб приступил к реализации своего давнего и, может быть, главного замысла — романа «Через край», который был закончен в 1881 (за год до смерти писателя) и опубликован в 1885 г. в нескольких номерах не самого популярного тогда в России журнала «Новь» [Соллогуб 1885]. Это последнее произведение писателя

(кстати, единственное в его творчестве сочинение большой жанровой формы) было встречено всеобщим молчанием или, если сказать точнее, с полным равнодушием. Не замеченный современниками, воспринятый, вероятно, как запоздалая вариация на традиционную для русской литературы тему «лишнего человека», роман, будучи опубликованным, так и не стал «литературным фактом» (термин Ю. Н. Тынянова), т. е. не оказал какое-либо влияние на литературную жизнь своего времени. Соллогуб как будто предчувствовал реакцию современников, критиков и читателей, и не спешил с публикацией романа, в автобиографичности которого сомневаться не приходится. В нем писатель предпринял попытку подвести некий итог прожитой жизни, ответить на вопросы, мучительно волновавшие его, от решения которых зависела не только его личная судьба, но и судьба всей России.

Вопреки распространенному мнению современников, Соллогуб не был человеком, равнодушным к происходящему в стране. Об этом свидетельствует роман «из современной жизни» «Через край» (время действия романа относится к 50—70-м гг. XIX в.), главный герой которого — человек, ищущий свое место в большом русском мире. Писатель обращается

к типу героя, который является центральным в его творчестве: «светскому человеку» — «доброму, но безвольному малому». Многие черты в нем оказываются уже знакомыми. Психологический облик героя романа, Петра Ардарова, «человека не от века сего», вызывает в памяти «лишних людей» 30-х гг. XIX в. — Онегина, Печорина, не угадавших свое «назначенье высокое». Ардаров напоминает и Рудина (главного героя одноименного романа 1856 г. И. С. Тургенева), душевная неуспокоенность которого делает его «бесприютным скитальцем» («Мне остается теперь тащиться по знойной и пыльной дороге, со станции до станции в тряской телеге...»). Вместе с тем центральному персонажу романа «Через край», в отличие от предыдущих героев писателя, присущ и комплекс «кающегося дворянина» (Н. К. Михайловский) 70-х гг. — человека, возлагающего на себя нравственную ответственность за происходящее вокруг, как в жизни близких ему людей, так и в стране в целом, и в то же самое время осознающего личную неспособность что-либо изменить в общем российском неустройстве.

Проблема нравственной ответственности личности, напрямую связанная с проблемой поисков смысла жизни, выдвигается на первый в переломную пореформенную эпоху 70-х гг. XIX в. «Переворотившаяся», по определению Л. Н. Толстого, эпоха 70-х гг., когда создавался роман «Через край», характеризовалась острым разладом внутри русского общества, разрывом связей и отношений между людьми. Это актуализировало этическую проблематику: было необходимо выяснить нравственные возможности личности, ведущие к единению и взаимопониманию в условиях «всеобщего обособления» (Ф. М. Достоевский), «существования в одиночку» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Соллогуб, как и другие современные ему писатели, занят в своем романе поисками путей преодоления разобщенности и замкнутости человеческого существования. Для этого автор, испытывая способность героя к контакту, единению с другими людьми, выводит его на «большую дорогу». Герой оказывается то на Кавказе, то в снова в Петербурге, откуда начался его путь и куда он периодически возвращается, то едет во Флоренцию, то попадает в помещичью усадьбу Сумбуровку... Затем, как в калейдоскопе, мелькают Германия, Швейцария, Италия, Париж... И так до тех пор, пока это беспокойное движение не пресекается смертью героя где-то в Оренбурге, на пути в действующую армию.

Образ дороги является ключевыми в художественной структуре романа. Размышляя о хронотопе дороги, М. М. Бахтин писал: «„Дорога“ — преимущественное место случайных встреч. На дороге („большой дороге“) пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей — представителей

всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь *социальными дистанциями*, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место совершения событий» [Бахтин 2000: 177] (курсив автора. — С. Е., Н. В.).

Выходя из замкнутого, узкого кастового мирка высшего петербургского «светика», «через» его «край», на «большую дорогу», Ардаров «случайно» попадает в миры самых разных людей. Дорога становится, таким образом, нитью, связующей не только разные пространственные топоры романа, но и его частные социальные миры. В то же время дорога — это тот вектор, который задает направление разрывания образа мира в романе как мира «Земли Русской».

Внешний сюжет, обусловленный передвижениями главного героя в пространстве, осложняется внутренним — духовной эволюцией Ардарова: так мотив дороги оказывается в романе и мотивом жизненного пути, испытания, которое ждет героя на этом пути. Испытанием для героя оказываются его встречи на «большой дороге» с другими людьми, контакты с ними, которые получают свое художественное воплощение на диалогическом уровне повествовательной структуры романа.

Роман Соллогуба насыщен диалогами. Как правило, диалоги, сменяя повествование «от автора», появляются в тот момент развития сюжета, когда происходит остановка в пространственном перемещении Ардарова. Однако развитие действия при этом не останавливается: неожиданные встречи, новые знакомства и отношения определяют дальнейшие события и судьбы героев романа. В этом смысле можно говорить о сюжетобразующей (сюжетопредваряющей) функции диалога в романе.

Соллогуб использует ставшую уже традиционной в русской литературе сюжетную ситуацию испытания героя любовью — «русский человек на rendez-vous». Первым таким испытанием станет для героя встреча с Дарьей Андреевной — женой эскадронного штаб-лекаря, с которой судьба сведет его во время военной службы на Кавказе. В эпизодах знакомств с новыми людьми важная роль в раскрытии образов героев романа принадлежит первому диалогу, который возникает между ними. В этих диалогах психологически точно очерчиваются характеры персонажей, обусловленные их принадлежностью к определенному социальному кругу. В случае с Дарьей Андреевной, Дарико, имеет значение и ее национальная принадлежность, ибо по матери, «княжне Гого-

ридке, из Сигнаха», она «настоящая грузинка». Отсюда ее пылкость и страстность, и одновременно гордое достоинство, с которым умеют себя держать восточные женщины. Поэтому можно говорить о характерологической функции диалога у Соллогуба. До того момента, пока Ардаров наблюдал издали, как соседка «суетилась на своем дворике, кормила кур своих и цыплят, возвращалась с рынка и вязала чулок на крыльчке» («а я все по хозяйству...»), она казалась ему каким-то «безжизненным» существом. Но первый же разговор с ней заставляет Ардарова убедиться в обратном. Таким новым и неожиданным для героя, воспитанного в петербургском «большом светике», привыкшего общаться со светскими «куклами», было живое проявление естественных человеческих чувств, без тени какого-либо притворства, жеманства, что «ему стало отрадно и как бы светло, спокойно». Да и Дарику, вероятно, впервые ощутила потребность диалога («мы с ним <мужем> редко разговариваем — времени нет»), желание открыть свой внутренний мир другому человеку.

— Как вы прекрасны!.. — невольно вырвалось у него.

— Я-то прекрасна?.. Что вы, что вы? — непритворно удивилась она. — Вот хозяйка я, в самом деле, хорошая — **могу похвастать!**.. Не поверите, как мне со стороны было досадно видеть, как вас обкрадывают!.. Давно уж я думала: как бы познакомиться с ним, чтобы ему всю правду открыть: точно младенец, — даже смеются над вами!.. Теперь познакомилась, — и давайте потолкуем о вашем хозяйстве. Белье у вас такое, что я и во сне ничего подобного не видала; но стирают его ужасно, **просто срам посмотреть: сорочки в дырках; все только водою сплеснуто;** белье только скомкано, но не выглажено. **Ну уж стирка!** могу сказать; а **цену ломят страшную...** <...>... **зачем же деньгами-то сорить?**.. Разве вам не стыдно?..

— Очень стыдно... <...> Что же мне делать?..

— Это уж теперь мое дело. Прачку я вам дам свою; она стирает отлично. Правда она **прикрадывает немножко**, но самую бездельницу и не пьет. <...>

— Да ведь это беспокойство же для вас!.. <...>

— **Добрая вы, сердечная, прелестная женщина!**.. [Соллогуб 1885, гл. 4: 536—537]. (Здесь и далее выделения в цитатах наши. — С. Е., Н. В.)

В диалоге сталкиваются две разные речевые стихии — литературная и народно-просторечная, носителями которых являются люди разного социального положения и культурного уровня. На фоне восторженных реплик Ардарова (*Как вы прекрасны!..; Добрая вы, сердечная, прелестная женщина!..*) «непритворный», разговорный характер речи Дарьи

Андреевны выступает особенно выразительно (*могу похвастать!..; просто срам посмотреть: сорочки в дырках; все только водою сплеснуто; Ну уж стирка!; цену ломят страшную; зачем же деньгами-то сорить; прикрадывает немножко*). Героиня близко к сердцу принимает «житейскую неопытность» Ардарова, который, словно «младенец», не замечает обмана (**досадно видеть, как вас обкрадывают!..**), почти по-матерински жалеет его. Она, «в полном чистосердечии полудетского неведения», еще не осознает вполне, что это желание окружить заботой человека, которого она, по существу, совсем не знает, есть выражение любви, высказывающейся с такой наивной непосредственностью. Оттого-то Ардаров, никогда прежде не знавший такой сердечности и искренности, сразу будет очарован женой простого штаб-лекаря: *Ардаров, растроганный, благодарный, задетый за живое, смотрит на нее с нежностью. <...> ... душе его стало как-то уютнее...* И хотя внутренний голос (*Вдруг его словно кольнуло что-то...*) попытается вразумить Ардарова (*Остановись!.. не отравляй чужого спокойствия!.. Не пользуйся неосторожностью молодого чувства!..* [Там же, гл. 4: 536]), он предпочтет заглушить его: герой примет любовь Дарьи Андреевны, не будучи способным ответить ей таким же сильным и искренним чувством, не находя в самом себе его «источника»: *Душа его не была воспитана к нежности. <...> У него не было даже и потребности любить* [Там же, гл. 4: 535].

Через шесть лет Петр Ардаров с грустью вспомнит о своем «первом увлечении молодости»: *Странная моя судьба, — думал Ардаров, — на Кавказе я был близок к любви, но полноты любви испытать не мог... Поэзии мешала проза; упоению мешала совесть... Да и наши уровни взглядов, потребностей, привычек были совершенно различными* [Там же, гл. 8: 79].

Разность, о которой говорит повзрослевший Ардаров, была задана с самого начала. «Проза» жизни (куры и цыплята, вязанные чулки, стирка белья, мытье посуды) никак не совмещалась с привычками светского существования, «поэзия» которого все-таки имела над героем (до самого конца его жизни) власть. Выражением этой разности и были разные речевые стихии, так явно обнаружившиеся в первом диалоге героев, которые, столкнувшись, так и не смогли слиться в едином стилевом потоке. Несмотря на это, Дарья Андреевна, уже обремененная многочисленным семейством, будет продолжать любить Ардарова, печалиться и тревожиться о нем. А ее немногословный муж, Кондратий Филиппович, у которого прежде не было времени, чтобы разговаривать со своей молодой женой, но который «знал все» и знал также, что «таких болезней лекарством не лечат», окажется «нравствен-

ным силачом» (так охарактеризует его сам Ардаров), человеком глубоко порядочным и деликатным, способным понять чувства горячо любимой им женщины и поддержать ее. В финале романа они оба, вместе — муж и жена — горестно плачут по «новопреставленному рабу Божьему» во время панихиды, заказанной по случаю кончины Ардарова, человека, который так много значил в их жизни.

Вторым испытанием для героя станет его встреча с Натальей Львовной, молодой, красивой, богатой помещицей. Кажется, ничто не мешает теперь их взаимопониманию: они люди одного социального и культурного круга. Правда, препятствие, через которое герой не в силах будет перешагнуть, все-таки есть: Ардаров к моменту встречи с Натальей Львовной будет уже женат, и ставший ему ненавистным «светик» будет цепко удерживать его в своих сетях, разорвать же их у него не хватит сил.

Как и в предыдущем случае, важен первый разговор Ардарова и Натальи Львовны, хозяйки Сумбуровки, в которую волею случая попадает главный герой, на фоне «роскошной украинской ночи» (глава 12 «Барышня»). Начинается диалог с серьезной темы — обсуждения ситуации в стране. Герои горячо и взволнованно говорят о «безурядице», которая стала нормой жизни «Руси необъятной», горькой и беспросветной нужде простого люда («Плач голодных детей, отчаянье и стоны беспомощных матерей...», — **оживленно** говорит Ардаров. — *Это ужасно, — с чувством* подхватывает Наталья Львовна). Герои с пафосом, почти в унисон произносят очень правильные слова: *„Любите народ — идите поучите его словом и примером всему, что ему нужно знать, помогите ему в беде, поддержите его советом“*, — **воодушевленно ораторствует** Наталья Львовна, **выпрямившись в весь рост и величественно жестикулируя**. — *Ардаров глядел на нее с восторгом...* [Там же, гл. 12: 193].

Однако одними словами все и исчерпывается: ни Ардаров, ни тем более «барышня» Наталья Львовна, «знающая», по ее мнению, «крестьянство», так ничего и не сделают для облегчения участи даже собственных крестьян. К слову сказать, тут же, после правильных горячих слов в защиту «крестьянства», Наталья Львовна несправедливо обидит свою преданную старую няньку-«мужичку», которая так некстати вмешается в разговор героев, обеспокоенная тем, что ее «голубка» до сих пор не ложилась спать (а уж «скоро светать будет»): *Как вы смели позволить себе войти ко мне без зова, да еще и наставление мне читать!.. Уходите отсюда, говорю вам!.. Вы надоели мне, слышите... На-до-ели!..* [Там же: 195]. Хотя чуть позже «барышня» прибежит к старой няньке и плача будет просить у нее прощение, и от этого у Ардарова, невольно подслушавшего разговор в соседней комнате, *на душе...*

разом просветлеет, неприятный осадок у читателя остается.

В понимании причины «всех... напастей и бед» в стране («беспечность, лень, рознь, невежество» самого общества) герои обнаруживают полное единодушие и взаимопонимание, что подчеркивается взволнованными повторами-подхватами в их ответных репликах:

— **Да, вы правы, князь, правы!** — **с жаром поддержала его Наталья Львовна**. — *Я так же думала, — и чем более всматривалась в жизнь и людей, тем более убеждалась в справедливости такого взгляда...*

— **Верно, верно!** — *ответил Ардаров...* — *об этом именно я и говорю* [Там же, гл. 12: 192].

Однако когда речь заходит о любви и супружестве, что на самом деле гораздо больше волнует героев, чем крестьянский вопрос, неожиданно обнаруживаются расхождения в их представлениях, на первый взгляд, впрочем, объяснимые разным жизненным опытом. Однако в действительности у них разные жизненные позиции. Поэтому, достигнув своей кульминации в патетически-приподнятой реплике Ардарова, произнесенной «тихо и задумчиво», но с затаенной внутренней силой и страстью, что выражается сплошными восклицательными конструкциями (*...и тьма и свет зависят от существа любимого! Им держится вселенная! В нем восторг и отчаяние... в нем жизнь и смерть!*), разговор неожиданно обрывается: *Собеседники почувствовали себя как-то неловко. Каждый из них боялся прервать молчание, чтобы не сказать лишнего...* [Там же, гл. 12: 195].

Зарождающееся чувство, которое еще не осознают герои, сулит им не только радость, но и беду. Предзнаменованием чего-то недоброго станет «заревое пожара», резко контрастирующее с картиной «тихой, теплой, светлой, упоительной» ночи. На это зарево обратит внимание Наталья Львовна Ардаров:

Далеко-далеко на горизонте виднелось зарево пожара. То разом ярко вспыхнет оно, как вспыхивает солома, то померкнет, как бы давая этим знать, что соломе недолго сгореть...

— *Вот, — прервал, наконец, молчание Ардаров, указывая вдаль, — ... Видите вы это зарево? Знаете, какая первая мысль является при взгляде на этот пожар? <...> Тем местом прошел какой-нибудь беглый бродяга; он украл на заднем дворе лошадь и, чтобы избежать погони, поджег деревню, которая и сгорит вся, до последней избенки, до последнего сарая, бани, овина... А беглец, при свете зарева, мчит без оглядки. <...> Завтра там будет голое пепелище с обгорелыми головнями и — самая горькая, беспомощная нужда...* [Там же, гл. 12: 191—192].

«Первая» и, как окажется, пророческая мысль, возникшая у Петра Ардарова при

взгляде на «заревое пожара», воплотится в реальность. Реальность тем более страшную, что «бродягой», спалившим целую деревню, окажется некогда спасенный Ардаровым от холодной смерти крестьянин Савелий Фокин, несправедливо сосланный на верную гибель после двухлетнего пребывания в тюрьме со всем семейством в Сибирь за то, что он вступился за честь жены. Вот оно — выражение самого острого разлада пореформенной эпохи: *Да, разошелся помещик с крестьянином, и в этом — первое зло... <...> ... этот развод губит их, губит и губит!..* [Там же, гл. 10: 177]. «Деревней» же, сгоревшей дотла, станет село и прилегающая к нему Сумбуровка. Та самая Сумбуровка, в которой Петр Ардаров и Наталья Львовна в знаменательную для них ночь, решительно изменившую их жизни, впервые испытают предчувствие счастья, еще не зная, какие испытания ждут их впереди. В финале романа возникает образ дворянского гнезда — «голового пепелища»: *а как здесь когда-то хорошо жилось и думалось, и как все это горько кончилось!..* [Там же, гл. 21: 566].

Символические образы бури (из-за которой Ардаров, ехавший к одной женщине — Дарье Андреевне, попал совсем к другой), «зарева пожара» выступают грозными предзнаменованиями той трагедии, которая развернется впоследствии. Ардаров, призывая любимую женщину «не бить стекол», «не идти против общественного мнения» (вспомним печально знаменитое рудинское «покориться» в ответ на вопрос героини: «...что нам надобно теперь делать?»), тем самым оскорбит ее, ждавшую от мужчины, ради которого она пошла на разрыв со своей средой, «крепкой опоры», а не «вечно ослабевающей руки», решительного действия, которое разом бы разрубило мучительный для них узел противоречий. Ардаров, также оскорбленный женщиной (*На что мне ваша любовь? Вы... вы даже не богаты!*), которую он, тем не менее, продолжает горестно и «беззаветно» любить, будет искать смерти (*Я где-нибудь покончу и, вероятно, скоро*) и найдет ее. А Наталья Львовна, опустошенная, «сгоревшая» в «пожаре» своей любви, будет вести внешне «блистательное» безлюбное существование супруги «породистого» лорда Дарлингтона, но при этом безуспешными будут ее попытки отогнать от себя «другие образы, другие воспоминания», «дорогие ее сердцу мечты». Жизнь разведет героев, которые так и не сумеют понять друг друга.

Однако это непонимание, как и в ситуации с Дарьей Андреевной, также было предопределено. Уже в первом диалоге героев обнаруживаются такие качества характера Натальи Львовны, как категоричность, безапелляционность (*И я уверена, я убедилась из опыта...; Я с детства знаю крестьянство... и с убеждением, положила руку на сердце, говорю...*), гордость, точнее гордыня (*... я горда до бо-*

лезненности), эгоистичность, привычка считаться только с собственными желаниями и интересами (*Я не хочу зависеть от чужих капризов, — с меня довольно и своих собственных... Я хочу быть независимою и начальника, господина над собою не ищу, не желаю и никогда не пожелаю!..; здесь моя воля — другой нет; я здесь барыня, я здесь царица!*), подчеркнутые императивным, каким-то наступательным характером интонации, — словом, все то, что при первой встрече было воспринято Ардаровым как проявление сильного, независимого характера «барышни», заставило его восторгаться, восхищаться ею. Героиня судит обо всем уверенно, решительно и строго, не зная жизни, не испытав еще ни сильных чувств, ни сильных потрясений. В противоположность манере говорить Натальи Львовны интонация реплик Ардарова, подчеркнутая как авторскими ремарками, так и особым строением фразы, выражающей сомнение, неуверенность, иная: *тихо и задумчиво* сказал Ардаров; *я мог бы ответить, что я не знаю...; Мне кажется, что любовь ваша наружная, повелительная... Мне кажется, что воображение ваше пламенное, но сердце ваше еще не отыскалось.* Дело не только в том, что Наталья Львовна главным образом высказывается (она интересна самой себе, она сама — в центре своего внимания), а Ардарову важно услышать ответ, понять свою собеседницу (*Ардаров внимательно слушал Наталью Львовну...; А любовь? — спросил Ардаров, более и более интересуясь оборотом разговора*). Уже в первом диалоге с очевидностью проявится несовместимость характеров героев, предопределившая печальный финал их «беззаконного» романа: «повелительная любовь» «рассудительной» Натальи Львовны потребует от интеллигентного, но «безвольного», все время сомневающегося Ардарова таких жертв, которых он не в состоянии будет принести.

Лишенный теплового родительского участия, не знавший материнской ласки и заботы, Ардаров жаждет любви, но откликаясь на любовь женщины, будь то Дарья Андреевна или Наталья Львовна, герой оказывается неспособным оправдать ее ожидания. Не оправдал Ардаров и ожидания Низы Сухановой, ставшей его женой. Однако Низа — совсем другой тип женщины. Ардаров встретил ее не на «большой дороге», а в привычном узком кругу «большого светика», когда он еще не перешагнул «через» его «край». Это тип женщины «беспощадной, бессердечной», преследующей только меркантильные цели, рассчитывавшей с помощью замужества занять более высокое положение в обществе. Не разгадав поначалу характер Низы, Ардаров даже испытывает к ней «признаки симпатии, могущей развиться в любовь», однако Низа быстро их «парализует». Их заключенный по всем правилам «светика» союз (*партия прекрасная во всех отношениях...*

древнее имя, состояние, связи, положение, чего лучше?) с самого начала не предполагал любовь (*Что амуров нет — это не беда! Напротив...* [Там же, гл. 18: 76]). Низи, разочаровавшаяся в муже (*Вы загубили мою жизнь; вы искрошили свою карьеру; своими глупыми выходками вы сделали посмешищем всего Петербурга...* [Там же, гл. 18: 552]), воспринимает свой одиннадцатилетний брак как «каторгу». Герой же несчастлив в браке, потому что в нем не было самого главного — любви. Не случайной окажется и смерть рожденного в безлюбовном браке младенца-сына, оплакивать которую герой будет в горьком одиночестве.

Ни разу в романе между героями — мужем и женой — не возникает тот диалог, который свидетельствовал бы о семейном согласии и взаимном понимании: *Когда они оставались вдвоем, они не знали о чем говорить, — общего у них ничего не было: им было скучно вместе!* [Там же, гл. 18: 79]. Ардаров и Низи способны лишь обмениваться колкими раздраженными репликами, не испытывая ни малейшего желания услышать друг друга.

И все-таки судьба пошлет Ардарову женщину, которая могла бы составить счастье его жизни. В романе о ней сначала говорит мудрая «тетка-карлица» Ардарова — княгиня Горицына: *... Таня — как есть ангел!.. Так и навсегда останется, — точно на нее Бог улыбнулся!..*, — обсуждая с племянником его предполагаемую женитьбу. *Только молоденька, милый, для тебя — всего 15 лет: дожидаться бы пришлось еще года два, три...* [Там же, гл. 18: 75]. И вот эта «худенькая девочка, полуробеноч, полудевушка», во время «неприличной сцены» истерики, которую устроила «исступленная» мать невесты, только одна смогла понять состояние героя (*В то время, как невеста Ардарова отворачивалась от него, одна Таня отгадала чувства, удручающие Ардарова...*) и нашла для него нужные «слова утешения». «Поцеловав его в щеку», она шепнула: *Простите ее... И вас мы все любим здесь будем, — вы теперь родной наш...* [Там же, гл. 18: 77].

Погруженный в свои переживания, заботы и дела, Ардаров не то чтобы не обращал внимания на свою свояченицу, но как-то не думал о ней. Но с ее приходом в комнату всякий раз (Ардаров чувствовал это) проникал «как бы луч весеннего света», и становилось легче дышать, «долго... веяло чем-то светлым и успокоительным». В последний раз образ Тани возникает уже в финале романа. Жизненные пути героев окажутся разными. Но «большая дорога» все-таки сведет их вместе. Выяснится, что они оба едут в одно и то же место: Ардаров вступает в отряд, который должен участвовать в ташкентской экспедиции; туда же направляется Таня в качестве сестры милосердия. Как ангел-хранитель, появится она у постели умирающего Ардарова: *Это Бог послал вас сюда, чтобы я не умер совсем одно-*

ким! — с трудом сказал Ардаров. И между ними состоится диалог — первый и единственный в романе настоящий диалог, при всем немногословии и даже недоговоренности, основанный на полном сердечном и глубоком взаимопонимании: *„Тата... вы не знаете... в моей жизни...“. И больной остановился. По лицу его пробежало судорожное движение. „Я все знаю“, — ответила она... Только перед лицом смерти поймет Ардаров: Ты — чистая, добрая, любящая... С тобой, только с тобой могло быть счастье!..* [Там же, гл. 20: 560]. «А счастье было так возможно, так близко!...». Но Ардаров упустил свое счастье, не угадал его в той «худенькой девочке», что послана была ему судьбой (не дождался «года два, три»), не смог сделать себя и ее счастливой.

Таким образом, получается, что главный герой романа Соллогуба «Через край» не выдержал испытания любовью? Следуя логике Н. Г. Чернышевского, автора известной статьи «Русский человек на rendez-vous», посвященной повести И. С. Тургенева о несостоявшейся любви «Ася», на этот вопрос, казалось бы, следует ответить утвердительно. По Чернышевскому, человек, не выдержавший испытание любовью, т. е. не способный сделать единственно правильный выбор и совершить в соответствии с ним поступок, не может состояться и на общественном, гражданском поприще. А «без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних лет, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится...» [Чернышевский 1974: 414—415].

Запутавшись в сумбуре «переворотившейся» эпохи, Петр Ардаров не смог разобраться в собственной жизни, как не смог он и добиться видимых результатов в общественной деятельности, пробуя себя в разных жизненных сферах: на военном поприще, затем на гражданской службе. Несмотря на благородные порывы и устремления, Петр Ардаров все-таки остается в глазах света, с которым он так и не смог окончательно порвать, «идеалистом» («тогда как нужны люди практические»), с точки зрения автора, сочувствующего своему герою, — рефлектирующим «человеком не от века сего» с «недостатком душевной энергии», не сумевшим в своих духовных исканиях обрести надежную опору в ситуации «всеобщего обесчелования» («для своих — чужой, для соотечественников — бесполезный»).

И все же, несмотря на то что Петр Ардаров приходит к горькому выводу о никчемности собственного существования («ничего не сделал»), жизненная установка, внушенная ему в молодости отцом, — «послужить России», которой он стремился, как мог, следовать, — гражданская в своей основе. Идея служения Отечеству, русскому народу лейтмотивом про-

ходит через весь роман. Само желание героя Соллогуба быть нужным «Земле Русской», мучительные размышления о причинах своей «лишности», в чем он обвиняет исключительно и только себя, свидетельствуют о значительности его духовных запросов, высоте требований, предъявляемых к себе.

Такова, по Соллогубу, судьба «кающегося дворянина», человека из коренной русской аристократии, рожденного в эпоху 40-х гг. и оказавшегося «лишним», по его собственному признанию, в новых исторических условиях 70-х, когда «все... перевернулось и только укладывается». Подобно своим великим современникам — Ф. М. Достоевскому («Братья Карамазовы»), Л. Н. Толстому («Анна Каренина»), Соллогуб, а вслед за ним и его герой, видит выход из создавшейся социально-политической ситуации в стране в нравственном единении людей, в преемственной связи-диалоге поколений, основанной на единой великой цели — служении своему Отечеству, «Земле Русской». Не случайно роман Соллогуба имеет открытый финал. В нем на первый план выходит образ Петруши Колпина, сына Дарьи Андреевны (получившего некогда благословение

Петра Ардарова), который возвращается из заграничного путешествия домой, *молодой, здоровый, веселый, честный, готовый служить этой необъятной земле*. Так передается духовная эстафета от отца (и, скорее всего, реального — а значит, не прервался все-таки род Ардаровых) к сыну, что символизирует надежду стареющего писателя на молодое поколение — «русских мальчишков», которым по силам будет то, что не смогли сделать их «отцы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. — СПб. : Азбука, 2000.
2. Белинский В. Г. Русская литература в 1842 году // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 512—546.
3. Немзер А. С. Владимир Соллогуб и его главная книга // Соллогуб В. А. Тарангас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. Факс-изд. СПб., 1845. — М. : Книга, 1982. С. 1—21.
4. Соллогуб В. А. Через край : посмертный роман графа В. А. Соллогуба // Новь. 1885. Т. 2. № 7—8. Т. 3. № 9—12.
5. Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. — М. : Правда, 1974. Т. 3. С. 398—421.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

Э. А. Лазарева
Е. В. Горина

E. A. Lazareva
E. V. Gorina
Ekaterinburg, Russia

Екатеринбург, Россия

**ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ
КАК ТЕКСТОВОЙ ФЕНОМЕН**

**AN INTERNET PUBLICATION
AS A TEXT PHENOMENON**

Аннотация. Определяются текстовые характеристики СМИ в Интернете, характеристики индивидуальных и общих свойств интернет-СМИ и печатного издания как варианта и инварианта. Работа основана на теории текста, гипертекста и интертекстуальности.

Abstract. This article focuses on determination of mass media text characteristics in the Internet, characteristics of individual and general properties of an Internet medium and a press publication as a variant and invariant. The authors' argument refers to theories of text, hypertext and intertextuality.

Ключевые слова: гипертекст; интертекст; текст; текстовые категории; интернет-СМИ; структура издания; компрессия текста; контекст; коммуникативная ситуация; новые функции заголовка; дискурс интернет-СМИ; вариант; инвариант.

Key words: hypertext; intertext; text; text categories; Internet-media; edition structure; text compression; context; communicative situation; new functions of headline; Internet-media discourse; variant; invariant.

Сведения об авторе: Лазарева Элла Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций.

About the author: Lazareva Ella Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory of Architecture and Professional Communication.

Место работы: Уральская государственная архитектурно-художественная академия (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Academy of Architecture and Arts (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Толмачева, 24, к. 409.
e-mail: elazareva@r66.ru.

Сведения об авторе: Горина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств.

About the author: Gorina Evguenia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Russian Language and Stylistics, Department of Journalism, Institute of the Humanities and Arts.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620000, пр-т Ленина, 51
e-mail: gorina9@yandex.ru.

Слову «Интернет» можно дать следующее определение: «Интернет (Internet, Interconnected Networks — соединенные сети) — всемирная система добровольно объединенных компьютерных сетей, построенная на использовании протокола IP и маршрутизации пакетов данных. Интернет образует всемирную (единую) информационную среду — обитель оцифрованной информации. Служит физической основой для Всемирной паутины» [Википедия]. Само слово «Интернет» чаще используется для обозначения гигантского объема информации, расположенной в нем, нежели для обозначения физической оболочки Сети. Наиболее распространенные жаргонные наименования — «Инет», «Нэт», «Паутина», «Сеть». Интернет — это большое количество разнообразных ресурсов, предоставляющих разные возможности. Глобальная сеть — огромное хранилище информации, можно сказать, что это гигантский сервер (жесткий диск). Вся эта информация для удобства пользования определенным образом систематизирована. Для этого существуют отдельные папки — сайты (ресурсы), называемые программистами

«урлы» (от URL — Uniform Resource Locator). Чтобы в этих папках-сайтах можно было ориентироваться, созданы поисковые системы, которые занимаются анализом совпадений запроса с содержимым этих папок (например, Яндекс, Рамблер, Гугл).

В Интернете располагается огромное количество разнообразных сообщений. Интернет давно перестал быть просто каналом передачи информации, став особым миром, поэтому Интернет привлек внимание огромного числа исследователей. Представители самых разных научных направлений обращаются к изучению особенностей Сети и отдельных ее элементов. Интернет интересует и лингвистов. Отдельному изучению подвергаются разнообразные тексты Интернета [Лазарева 2008; Лазарева, Тельминов 2008], язык Интернета [Горошко 2006; Трофимова 2004], дискурс Интернета [Галичкина 2001; Кондрашов 2004; Леонтович 2000], интернет-коммуникация [Горошко 2006], параграфемика в Интернете [Донскова 2004] и множество других аспектов. Появляется новая область знаний, которую исследователи называют «лингвистикой Интернета» [Горошко

2006]. На наш взгляд, отдельного изучения заслуживают тексты представленных в Интернете СМИ и рекламных сообщений. Передовые технологии, развитие Интернета и увеличение числа его пользователей приводит к тому, что знакомые формы произведений, размещенных в Интернете, приобретают новые свойства, становятся особым типом сообщений. Таким образом, Интернет накладывает отпечатки на известные и изученные лингвистические факты, передовые технологии определяют новые явления в существующих текстах. Тексты СМИ Интернета также приобрели множество новых черт, которые нуждаются в описании. Обратимся к характеристике интернет-изданий.

Использование новых технологий приводит к тому, что сложившиеся теории получают новый импульс к развитию. Теория текста, например, рассматривается в новом аспекте, если текст оказывается в новых условиях существования, создается по новым принципам и по-новому воспринимается адресатом. Именно технические возможности позволяют создать непривычные ситуации взаимодействия в рамках системы «автор — текст — адресат» и показать новые свойства сообщений. Интернет позволяет по-новому оценить знакомые вещи, по-новому подать их. Интернет как средство массовой коммуникации создает такие условия для существования текстов (особенно текстов интернет-СМИ), которые не вписываются в рамки традиционных представлений о тексте. Интернет-издание предлагает новый, особый тип текстов, изучение которого, как нам представляется, необходимо проводить на основе классических положений трех теорий: теории текста, интертекстуальности и гипертекста. Обратимся к их краткому изложению.

Существующая в лингвистике теория текста зародилась во второй половине XX в., на основе теории И. А. Мельчука «Смысл — текст», представляющей язык как сложный канал преобразования смысла в текст и обратно. Текст в данной теории рассматривался как некое построение, передающее смысл, а язык — как специальное устройство для передачи смысла через текст. Текст стал сложным и неоднозначным объектом исследования для специалистов разных областей. Развитие книговедения, издательского дела, психологии и психолингвистики, коммуникативистики, лексикографии, социологии, текстологии, поэтики, семиотики, герменевтики и других наук привело к становлению теории текста и возникновению разных подходов к описанию объекта исследований.

Текст сегодня понимается как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации [Валгина 2003]. Хотя многие ученые сходятся в том, что единого, устраивающего всех определения текста нет [Бабенко 2000; Кубрякова 2001; Чувакин 2004], самым распространенным определением слу-

жит наиболее емкая характеристика, данная И. Р. Гальпериным: «...текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Теория текста в первую очередь дает наиболее полное описание признаков текста, его свойств и функций. Ю. М. Лотман среди основных характеристик текста выделял выраженность (зафиксированность в определенных знаках), ограниченность (противостояние другим материально выраженным знакам, не входящим в состав текста), структурность (иерархичная внутренняя организация) [Лотман 1996]. Среди обязательных свойств текста сегодня выделяются связность, отдельность, целостность, завершенность, модальность [Валгина 2003; ЛЭС 1990; Лазарева 1993; Майданова 1987].

Особое внимание уделяется процессу восприятия текста [Валгина 2003; Лотман 1992; Зимняя 1961; Зорькина 2003]. Взаимодействие в системе «автор — текст — читатель» представляет большой интерес для теории текста. Выделяется коммуникативная функция текста, которая, по мнению А. А. Чувакина [Чувакин 2004], является основой для всех остальных функций текста (социальной, системной, регулятивной, когнитивной, эмоциональной, референциальной; способа хранения и передачи информации, отражения психической жизни индивида, продукта определенной исторической эпохи, формы существования культуры и др.). Говоря о сложности восприятия текста адресатом, ученые сходятся в том, что «текст существует как источник излучения, как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур (от простых фреймов до гораздо более сложных ментальных пространств и возможных миров). Текст в силу этого свойства показателен именно в том, что из него можно вывести, заключить, извлечь. Он являет собой поэтому образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания — к такого рода когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира, служащего сотворению новых ступеней познания этого мира» [Кубрякова 2001: 81]. Как необходимый компонент для развития и вообще возникновения мышления текст рассматривался М. М. Бахтиным [Бахтин 1975].

Порождение текста, проблемы, связанные с текстовосприятием, — также один из отдель-

но разрабатываемых вопросов в теории текста [Бахтин 1975; Сорокин 1985]. Текстопорождение является процессом речемыслительным и связано с коммуникативной задачей автора.

В теории текста, таким образом, текст рассматривается с различных сторон: с точки зрения 1) передаваемой информации, информационной значимости, 2) процесса текстопорождения и текстовосприятия, 3) интерпретации текста. Отдельно описываются текстовые категории, разные типы текстов и их функции. Обобщенно можно сказать, что текст сегодня воспринимается как материально выраженное (выраженное при помощи конкретных знаков), связанное, законченное, отдельное, оценочное, структурное построение, несущее коммуникативный замысел говорящего, призывающее адресата к мыслительной деятельности и включенное в дискурс.

Интерес ученых к тексту и его восприятию, функционированию и роли в жизни человека, объему разнообразных текстов привел к созданию новой теории — интертекстуальности. На наш взгляд, в этом аспекте актуальны работы Р. Барта. Предложенное им понимание текста (интертекста) плодотворно для описания нового типа сообщений, «живущих» в Интернете. При рассмотрении газет, представленных в Интернете, сложный текст интернет-издания, постоянно меняющийся, обновляющийся, дополняющийся новыми сообщениями, мы считаем интертекстом, а совокупный текст Интернета, сам Интернет, — гипертекстом.

Приведем классическое определение интертекстуальности и интертекста, данное Р. Бартом: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [цит. по: Википедия]. Таким образом, жизнь человека, окружающий мир — это огромный сложный текст, в котором все новое образуется на базе уже сказанного, в результате сопоставления отдельных частей, т. е. мир — это сложный текст, состоящий из великого множества комбинаций уже давно существующих высказываний. По Р. Барту, любой текст — это своеобразная эхо-камера, в которой отражается вся история множества произведений, си-

туация, мнений, эмоций и т. д. Адресат может находить каждый раз новое и непредвиденное, наблюдая, как «играет текст», «играя сам» и «играя этот текст» [Барт 1992]. Основываясь на идеях Р. Барта, теоретик постструктурализма Ю. Кристева ввела термин «интертекстуальность» в анализ художественного произведения постмодернизма: «...для познающего субъекта интертекстуальность — это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Kristeva 1974: 443].

Особенно важны размышления Р. Барта относительно разведения двух терминов — текст и произведение. Р. Барт рассматривал текст как сложное и абстрактное понятие (интертекст), а произведение — как нечто материально выраженное. Ученый называл семь принципиальных различий текста и произведения. Текст — неисчислимый (двигается сквозь другие тексты, существует в процессе работы); безграничен (парадоксален); символичен, уклончив, познается через отношение к знаку (похож на язык, систематичен, но не имеет центра и грани); амбивалентен (множественен, изменяем); не принадлежит автору (расходится на метафоры, дробится множеством авторов); не может быть потреблен, а только «исполнен» каждый раз новым интерпретатором по-новому; связан с удовольствием постижения без чувства отторгнутости, поскольку исключает потребление. Произведение трактуется как явление, противоположное тексту: оно конкретно, ограничено, материально выражено, сводится к означаемому; едино, его восприятие есть потребление четко выраженной информации; произведение имеет конкретного автора и может вызывать чувство удовольствия при восприятии, но не исключает и отторжения. Таким образом, Р. Барт понимает текст как интертекст, как нечто абстрактное, существующее в мире человека и образующее этот мир, а произведение, по мнению ученого, сопоставимо с текстом как объект лингвистических исследований, избранный теорией текста.

Под гипертекстом понимается набор множества сообщений, соединенных друг с другом разного рода ссылками; это такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. В основе гипертекста лежит ассоциативная связь между разными сообщениями. Термин «гипертекст» был предложен в 1965 г. Тедом Нельсоном для обозначения ветвящегося текста. Гипертекстом можно считать не только Интернет, но и, например, энциклопедию, в которой статьи размещены в определенном порядке, но взаимодействуют друг с другом. Гипертекст — это и любая книга с предметным указателем, любой справочник и вообще текст, чьи фрагменты взаимодействуют друг с другом

[Субботин 1991]. Существует анекдот, поясняющий суть гипертекста: *Москва 40-х годов. Мальчишки играют в футбол. Мяч попадает в стекло. Из дома выбегает мужик и гонится за мальчиком. Мальчик убегает и думает: „Что я делаю в этом грязном дворе? Гостил бы я сейчас на Кубе у Эрнеста Хемингуэя...“.* В это время Хемингуэй на Кубе думает: *„Гостил бы я сейчас в Париже у Жана-Поля Сартра...“.* Сартр в Париже думает о Москве и Андрее Платонове. А в Москве Платонов бежит по грязному двору и думает о мальчике: *„Догоню — убью“.*

Говоря об интернет-издании, мы исходим из того, что само сложное пространство Интернета — это гипертекст, внутри которого представлено огромное количество самых разнообразных сообщений (текстов в классическом понимании теории текста). Сейчас наиболее популярные услуги Интернета — это веб-форумы, блоги, вики-проекты (например, Википедия), интернет-магазины, интернет-аукционы, социальные сети, электронная почта, группы новостей, файлообменные сети, электронные платежные системы, интернет-радио, интернет-телевидение, интернет-реклама, поисковые системы.

В настоящей работе мы рассматриваем интернет-издания (газеты) и считаем, что совокупность сообщений интернет-газеты является интертекстом, состоящим из отдельных произведений (по Р. Барту), или текстов (согласно теории текста). Предметом нашего изучения становятся особенности сообщений газет, представленных в Интернете. Интертекстуальность интернет-СМИ предопределяет некоторые свойства сообщений газеты в Интернете.

1. Адресат не может увидеть газетный текст в целостности, в его широком понимании, как «текст текстов», поскольку перед адресатом — только список названий разделов и рубрик, далее — список привлекательных заголовков и первые строки публикации или лид, СМИ материалы скрыты дальше и существуют отдельно друг от друга, каждый на своей странице, в своем окне (информационном поле). Невозможно удержать в голове и сопоставить даже заголовки.

2. Сложно читать отдельный текст и соотносить его с другими публикациями, поскольку объем сведений в электронном издании больше, чем в печатном аналоге. Следовательно, в данном случае видоизменяется понятие контекста целостного издания. Контекст сложнее понять и увидеть. Адресату требуется больше времени, сил, чтобы удержать в памяти прочитанные или просмотренные материалы, сравнить их мысленно. В печатном инварианте перед глазами адресата сразу несколько сообщений, можно сравнивать между собой не только мысленно, но и зрительно материалы с разных полос. В электронном варианте это сделать сложнее из-за технических и структур-

ных особенностей газеты. Тексты в печатном инварианте взаимодействуют друг с другом: видно их смысловое сочетание по рубрикам, видны иллюстрации, их сочетание, видны разные опубликованные мнения по поводу того или иного факта. В электронном варианте тексты взаимодействуют друг с другом иначе. В первую очередь взаимодействие идет через ссылки, указывающие выход с одного информационного поля, с одного текста на иные поля, тексты. И уже во вторую очередь адресат мысленно может начать сопоставление предложенных сведений. То есть тексты в варианном СМИ взаимодействуют в первую очередь не в смысловом ключе, а в техническом, структурном. Тексты для адресата связаны друг с другом не столько по смыслу, сколько системой своего расположения и способа проникновения с одной страницы, с одного информационного поля в другое. Здесь информационное поле позволяет разместить невероятное количество сведений: все, какие смогут дать журналисты, все, какие будут отвечать концепции издания. Тогда как в печатном СМИ есть совершенно определенные границы, ограничения по объему для каждого материала и для всего издания в целом, и номер издания планируется заранее, а все, что не попадает в один выпуск, оказывается в следующем. Интернет-издание, напротив, — это постоянно действующее СМИ, характеризующееся оперативностью, которую нельзя реализовать в рамках печатного издания и даже в телевизионной передаче: телевизионное производство ограничено временем эфира, интернет-издания не ограничены ничем. Сразу после появления новость оказывается в электронной версии СМИ, образуя одно из информационных полей на общем информационном пространстве. Обновление происходит постоянно, непрерывно, возле каждого материала указано время его выставления на сайт.

3. Адресат, даже используя технические средства, не может распечатать страницу из электронной версии СМИ, поскольку страница постоянно меняется. Прежде всего, обновляется и изменяется содержательная сторона: появляются новые сообщения, меняется расположение сведений, на место центральной публикации ставится новая, меняются иллюстрации. Невозможно распечатать страницу и потому, что рекламное сообщение, представленное на странице, меняется каждые 2—3 секунды, т. е. в распечатанном виде отобразится только один вариант рекламного сообщения. Таких рекламных строк на одном информационном поле может быть и несколько. Текст в интернет-издании имеет зыбкую структуру, более подвижную и меняющуюся, нежели текст вариантного издания. Зыбкость текста проявляется в том, что он постоянно меняется, дополняется, обогащается новыми сообщениями. Следовательно, оказывается зыбким и дискурс элек-

тронного СМИ. Каждый адресат видит «свой» вариант издания, сам «собирает» по отдельным текстам целый выпуск газеты. Это свойство восприятия газетного текста известно как «коммуникативная модифицируемость». В печатных СМИ она проявляется в меньшей степени, чем в электронной версии газеты.

4. Заголовок теряет привычную структуру и приобретает новые функции. Заголовочный комплекс в интернет-издании отличается от заголовочного ансамбля печатного текста. Это не столько заголовок, сколько отсылка к будущему тексту, к содержанию публикации, к новой волне рекламы, к внутреннему информационному полю, к новой странице. Заголовок — это название будущего, неизвестного, скрытого за заголовком информационного поля. Заголовок в данном случае самостоятельный компонент, который существует отдельно от текста. Если в печатном СМИ адресат может прочитать заголовок и просмотреть публикацию хотя бы «по диагонали», прояснив суть заголовка и материала, то в интернет-СМИ заголовок — это единственное, что видит адресат. Заголовок не с чем сравнить, кроме других заголовков, чтобы выбрать наиболее интересный.

5. Большее значение приобретают иллюстрации. Печатный вариант СМИ не может предоставлять иллюстрации к каждому материалу. В электронной версии иллюстрация сопровождает практически каждый материал. Следовательно, адресат составляет впечатление о сообщаемом исходя не только из вербальных, но и невербальных средств.

6. Технические средства позволяют адресату не только выбирать из предоставленных материалов наиболее интересные, но и вести собственную работу в СМИ. Он может голосовать, повышать рейтинг понравившемуся материалу: можно просто оценить материал, поставив ему определенный балл; можно также обсудить прочитанное на форуме. Адресат может в любой момент увидеть «самые читаемые материалы за неделю, месяц, год», что невозможно в обычном СМИ. Интернет-издание дает возможность просмотреть видеосюжеты. Следовательно, это уже не обычное печатное издание, а текст особого рода, в котором переплетаются признаки разных знаковых систем. У адресата есть возможность просмотреть архив, прочитать тексты за любое число любого года, любого автора. Кроме того, у адресата появляется возможность участвовать в конкурсах, онлайн-конференциях, проектах, подписываться на издание, быть активным потребителем рекламы, т. е. через СМИ в Интернете можно выйти на сайт рекламируемого товара, услуги и заказать необходимое.

Электронное издание по сути является версией печатного СМИ, только версией более динамичной, живущей в режиме постоянного, оперативного обновления. У изданий, имеющих электронную версию, есть свой интернет-

департамент, который занимается обновлением сайта — выставлением появляющихся новостей. Разумеется, такая оперативность невозможна в условиях печатного издания. Однако печатное издание в данном случае является инвариантным [Лазарева 1993], т. е. считается прототипом электронного, первичным сложным произведением, СМИ, которое усложняется и развивается в электронном варианте.

Несмотря на особые черты интернет-СМИ, на огромные различия между сложным гипертекстом интернет-издания и макротекстом печатной газеты, между вариантом и инвариантом СМИ в Интернете есть много общего.

Во-первых, поскольку интернет-СМИ — это аналог, электронная версия печатного издания, то в нем соблюдаются принципы концепции СМИ: методы отбора предоставляемой информации, язык и стиль повествования, жанровая палитра, рубрики, разделы и т. д. Сохраняется «ментальное пространство» [Там же], отражение определенных точек зрения, подача сведений в определенном ракурсе в соответствии со статусом, положением, ролью издания в обществе. Электронная версия издания создается теми же журналистами, что и печатный аналог. Сохраняется название издания, так называемая «шапка», которая изображается так же, как в печатном варианте. Используется похожая терминология (первая полоса, последняя полоса, заголовок, «шапка», выходные данные).

Во-вторых, структурно интернет-издание старается повторить свою печатную модель. Например, на первом месте стоит основная, главная новость, иногда с большой иллюстрацией. Эта новость также располагается в инварианте — печатном СМИ — на первой полосе. Однако в электронной версии главная новость может меняться. Крупный шрифт заголовков оформляет важные сообщения, которые, по мнению авторов, должны привлекать интерес адресата. В электронном виде газеты активно используется анонсная система оповещения. Адресату предлагаются только заголовки и лиды текстов. В печатном варианте также присутствует анонсная часть на первой полосе, где с помощью заголовка и двух-трех строк из текста рассказывается о сути материала. Однако в печатном варианте газеты главная новость не может измениться, а в электронной версии обновление издания происходит несколько раз в сутки. Количество анонсов и их расположение тоже меняется.

В-третьих, содержательно интернет-издание отчасти повторяет печатный вариант, хотя в электронном виде, кроме напечатанных на бумажном носителе текстов, присутствует множество дополнительных сообщений и возможностей для адресата, вдобавок к чему электронный вариант много раз обновляется в течение дня. Примером может служить газета «Известия» за 22, 23, 24 августа 2008 г. (вы-

ходной выпуск — один номер за три дня сразу, включающий в себя телепрограмму и региональную вкладку): 22 августа материал первой полосы был первым и в электронной версии, а 23 и 24 числа центральный материал менялся дважды. При этом сохраняется основной набор актуальных новостей в рубриках: политика, культура, финансы, экономика, а также в именных рубриках: Петровская, Соколов, Лившиц. Добавляются новости часа, меняется реклама. Например, сразу, как только появляются новости с идущей в Пекине Олимпиады, на сайте появляется новое сообщение. Таким образом, электронный вариант СМИ во многом совпадает с печатным инвариантом. Хотя, конечно, в печатном варианте меньше сообщается уже потому, что в электронной версии присутствуют тексты, касающиеся только Москвы: новости о московских средних школах, рынках, требованиях по устройству на работу и т. п. Эта информация отсутствует в печатном инварианте центральных «Известий».

В-четвертых, отдельные материалы СМИ в Интернете, как и сообщения в обычных СМИ, начинаются с заголовка. Заголовок как средство не только номинации, но и привлечения внимания остается важной частью журналистского сообщения.

В-пятых, любое произведение в Интернете характеризуется общими категориями текста: целостностью, связностью, отдельностью, системностью, модальностью, завершенностью. Формально, несмотря на свой огромный объем, сложную структуру и разветвленность, Интернет-издание имеет свое «начало» и «конец» в том смысле, что у него, как и у печатного варианта, отображены название издания (как начало) и выходные данные, которые можно воспринимать как логичное завершение сложного текста. То есть СМИ в Интернете отвечает представлениям о свойствах текста вообще и газетного текста в частности. Целостность, связность, отдельность, системность — эти текстовые категории характеризуют информационное пространство СМИ в Интернете так же, как газетный текст печатной версии СМИ.

Категория целостности выступает не просто как признак отдельного произведения, но и как единство авторского замысла при освещении окружающей действительности: «Целостный характер номера газеты определяется и концептуальными установками всего редакционного коллектива, в соответствии с которыми осуществляется создание отдельных публикаций, отбор агентских материалов и материалов нештатных авторов» [Лазарева 1993: 8]. Целостность газетного текста является специфичной еще и потому, что газетный номер не создается для раскрытия одной главной мысли. Текст номера газеты (инварианта или электронного варианта) отражает разные темы, состоит из множества самостоятельных цело-

стных текстов: «...содержательная целостность газетного номера, отражающая определенные авторские позиции, складывается из тематически разнородных текстов, посвященных разным фактам и проблемам» [Лазарева 1993: 9]. Из этого вытекает возможность заменять одну публикацию на другую. Однако обилие разносторонних материалов не должно противоречить концепции газеты, мнению редакционного коллектива. Тексты, противоречащие редакционным взглядам, публикуются отдельно и специально оговариваются. Пример этому — колонка обозревателя в газете «Известия»: под каждой публикацией в колонке стоит оговорка: «мнение обозревателя может не совпадать с точкой зрения редакции». Таким образом сохраняется единство СМИ.

Связность газетного текста проявляется в свободе границ предложений и размещения информации в предложениях разных структур, в создании номинационной цепи, в тематическом развертывании газетного текста (плавном и скачкообразном) [Майданова 1987].

Отдельность проявляется в оформлении начала и конца газеты [Лазарева 1993]. Начало газетного текста, «шапка», — название издания, характеристика издания, тираж, номер, дата выхода, цена, сопровождающая информация, рисунки. Конец текста — сообщение о сотрудниках газеты, адрес и телефоны редакции, время подписания в печать, сообщения коммерческого характера (значки, под которыми печатаются рекламные материалы, условия перепечатывания авторских материалов и т. п.). Начало и конец газеты дают читателю ощущение завершенности текста.

Системность газеты проявляется в том, что многообразие информации должно быть упорядочено и систематизировано. СМИ содержит все системные части (элементы и компоненты). К элементам системы относятся отдельные первичные тексты и части заголовочного комплекса (заголовки, подзаголовки, рубрики, вкладки). Компоненты системы представлены в виде элементов заголовочного комплекса, «выдвинутых элементов», стоящих вне текста (графически выделенных), но взаимодействующих с ним [Лазарева 1993, 2004]. Таким образом, газета — это система, состоящая из отдельных публикаций и заголовочного комплекса, части которого могут входить или не входить в текст публикации.

В-шестых, сходством электронного и печатного СМИ является то, что каждый материал или реклама — это компонент общего огромного, неуловимого, меняющегося и сложного по структуре «текста». Однако в электронном виде это целостность иного рода. Адресат понимает, что читает газету, но это не то чтение газеты, к которому он привык. Есть ощущение некоего единства журналистских материалов, но это не зримое в прямом смысле единство. Это восприятие потока сведений в

огромном пространстве, названном так же, как печатный вариант СМИ. Однако одно лишь название не может перенести все характеристики СМИ из обычной формы в электронную. Привычная ситуация «я читаю газету» изменена у квалифицированных пользователей Интернета. Человек, умеющий пользоваться компьютером и ориентирующийся в Интернете, легко «управляет» газетой, свободно ориентируется в количестве предлагаемых сообщений и возможностей. В данном случае можно говорить об изменениях, происходящих в коммуникативной ситуации: происходит обогащение роли адресата, читатель становится соавтором журналиста — сам выбирает нужный объем сообщений, как бы сам строит себе газету. Тем самым в некоторой степени меняется структура коммуникативной модели, появляются новые роли коммуникантов, новые условия их существования, новые компоненты в самой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. — Екатеринбург, 2000.
2. *Барт Р.* Избранные работы: семиотика. Поэтика. — М., 1994.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
4. *Валгина Н. С.* Теория текста. — Москва : Логос, 2003.
5. *Википедия* : интернет-энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.10.2008).
6. *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Астрахань, 2001.
7. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
8. *Горошко Е. И.* Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестн. Перм. ун-та. 2006. Вып. 3 : Язык — культура — цивилизация.
9. *Донскова О. А.* Тенденции становления паравербальной графемки в системе Интернет. 2004. URL: <http://pn.pglu.ru> (дата обращения: 23.10.2008).
10. *Зимняя И. А.* К вопросу о восприятии речи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1961.
11. *Зорькина О. С.* О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. — Новосибирск, 2003.
12. *Кондрашов П. Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2004.
13. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1.
14. *Лазарева Э. А.* Газета как текст: коммуникативно-речевой комплекс издания. — Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
15. *Лазарева Э. А.* Построение дискурса массовых коммуникаций // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 23—25 апр. 2006 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
16. *Лазарева Э. А., Тельминов Г. Н.* Реклама в Интернете как проявление интертекстуальности. 2008 (в печати).
17. *Леонтович О. А.* Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000.
18. *Лингвистический энциклопедический словарь* = ЛЭС / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энцикл., 1990.
19. *Лотман Ю. М.* Избр. статьи. — Таллинн, 1992. Т. 1.
20. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996.
21. *Майданова Л. М.* Структура и композиция газетного текста. — Красноярск, 1987.
22. *Сорокин Ю. А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985.
23. *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. — М. : Изд-во РУДН, 2004. Топоров В. Н. Текст: семантика и структура. — М., 1983.
24. *Чувакин А. А.* Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика / Алтайский гос. ун-т. 2004. Вып. 7.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 821.161.1.09(Капович К.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Л. Д. Гутрина
Екатеринбург, Россия
**НОСТАЛЬГИЯ ПО «РОДНОМУ СОВЕТСКОМУ»
В ПОЭЗИИ КАТИ КАПОВИЧ**
(«Весёлый дисциплинарный» (2005),
«Свободные мили»(2007))

Аннотация. Исследуется динамика отношения к «родному советскому» в поэтических книгах Кати Капович «Весёлый дисциплинарный» и «Свободные мили». Образ лирической героини К. Капович рассматривается в связи с категорией маргинальности. Устанавливаются связи творчества К. Капович с русской поэзией XX века (В. Ходасевич, М. Цветаева, О. Мандельштам, И. Бродский).

Ключевые слова: ностальгия; практики ностальгирования; советский мир; советский мир в творчестве эмигрантов; литература эмиграции; «родное советское»; маргинальность; поэзия русской диаспоры.

Сведения об авторе: Гутрина Лилия Дмитриевна, доцент кафедры современной русской литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 279.
e-mail: gutrina@bk.ru.

L. D. Gutrina
Ekaterinburg, Russia
**NOSTALGIA FOR «SOVIET, SO DEAR»
IN POEMS BY KATIA KAPOVICH**
(«Funny Disciplinary» (2005),
«Free Miles»(2007))

Abstract. The article examines the dynamics of the attitude to native Soviet in poetic works by Katia Kapovich «Funny Disciplinary» and «Free Mile». The image of poetic female character, created by K. Kapovich, is discussed in connection with the category of marginality. The author of the article analyzes connections between K. Kapovich's creative works and Russian poetry of the XX century (V. Khodasevich, M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, I. Brodsky)

Key words: nostalgia; practices of nostalgia; Soviet world; Soviet world in the works by immigrants; literature of immigration; «Soviet, so dear»; marginality; poetry of Russian diaspora.

About the author: Gutrina Liliya Dmitrievna, Associate Professor of the Chair of Modern Russian Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

«Ностальгия как движущее начало» — так назвала свою статью о серии книг «Поэзия русской диаспоры» М. Галина [Галина 2005]. Это определение подходит и к книге Кати Капович «Весёлый дисциплинарный». В связи с покинутой страной поэтесса вспоминает избыток света (мечутся блики, не сгорают костер золотой, много-много света из окна, горел листы прощальный фейерверк, светло горела голова, я шла по двору в чистом утреннем свете и др.) и много музыки (А включишь приёмник — из прожитых лет / там песенку крутят одну / про детство, про город, которого нет, / про где-то большую войну [Капович 2005: 22]; Глупый „Прощанье славянки“ играл в радиоточке оркестр... [Там же: 33]; И, разучен на уроке пенья, западает в памяти куплет. Где-то там он, в солнечном сплетенье, / навсегда, и песенника нет [Там же: 66] и т. д.). Дело здесь, конечно, не только в «золотом веке» детства, проведенном в СССР. «В поэзии 2000-х гг. звучит (как стиливая тенденция) своеобразное легато „парижской ноты“, что обусловлено новой эмиграцией — и в прямом, и в психологическом смысле», — пишет Н. В. Барковская [Барковская 2011: 199].

Катя Капович эмигрировала из России в 1990 г., сначала в Израиль, затем, в 1992 г., в США. Сегодня она активно печатающийся автор (пишет на русском и английском языках), редактирует англоязычный поэтический журнал «Фулкрум» вместе со своим мужем, поэтом Ф. Николаевым. Родилась К. Капович в 1960 г. в Молдавии, закончила факультет инос-

транных языков в Нижнетагильском педагогическом институте, затем вернулась в Кишинев, где совместно с поэтами В. Панэ и Е. Хорватом вошла в состав литобъединения «Орбита» при газете «Молодежь Молдавии». Юность автора, таким образом, пришлась на конец 1970-х гг., так называемых застойных лет, а молодость — на 1980-е, перестроечные годы. По словам самой Капович, жизнь в Кишиневе «была пустой, может быть, пустоватой расплывчатой, но не было вот этой жесткости российской и холода, не было... Просто, мне кажется, коммунизм, социализм пришел гораздо позднее, чем в столице. Люди боялись меньше» [Интервью Л. Костюкова]. Впечатления о Тагиле куда более мрачны: «Нижний Тагил рифмуется с могил... Очень холодно. Это был Урал, и причем в самом страшном виде. Урал тяжелый, испитой. Я не понимала, почему люди так много пользуются одеколоном, особенно мужчины. Там начали пить одеколон гораздо раньше, чем во всех других местах. Ну вот. Про поэзию я там не думала про русскую, там не с кем было думать, там надо было выжить. Но одновременно там я увлеклась английской поэзией. У меня была преподавательница, которая мне приносила книжки, — и я читала тогда. Я училась на инязе и, соответственно, читала английские книжки. Ну и сбежала оттуда вовремя тоже... около двух лет прожила. Но очень много воспоминаний осталось, может быть, потому что как раз такой возраст, когда пробуждается совесть. У меня она поздно пробудилась. Уже лет в 17. И особенно при виде этих людей, из-

нуренных совершенно. Большое количество альбиносов сосланных. Зона тюрем, лагерей... Генетическое вырождение. Полный матриархат, что хорошо, потому что кто-то держал все это на себе. Держали женщины. Хорошо, потому что как-то люди выживали, потому что женщины были сильнее, выкармливали детей, работали» [Там же].

Связь К. Капович с двумя советскими провинциальными топосами сформировала неоднозначный опыт с контрастирующими родным миром детства и юности (Кишинев) и мрачным и холодным Тагилом.

Отъезд за рубеж совпал с началом формирования в России новой, «постсоветской» идентичности, однако К. Капович не идентифицировала себя с этим периодом российской жизни, в ее творчестве он не отражен. В связи с этим фигура Капович интересна именно в плане рефлексии по поводу «родного» советского. Сегодня о ностальгии по советскому пишут много и в разных аспектах [Сам.: Советское прошлое...]. В частности, утверждается, что «коллективная травма, образовавшаяся вследствие распада советского пространства, преодолевается практиками ностальгирования» [Смолина 2009: 47]. В чем же специфика «ностальгии» Кати Капович?

В рецензии на роман К. Капович «Суфлер» К. Паскаль пишет: «...герои — из „поколения дворников и сторожей“, любовно воспетого БГ. То есть интеллектуально продвинутая молодежь 80-х, заставшая апофеоз развала Империи и сама приложившая к этому руку. Они красивы, благородны и несчастны» [Паскаль 1999: 213].

Лирическая героиня Кати Капович — из того же поколения, она подчеркнута маргинальна. Эта черта характеризуется следующим образом: «Маргинальность — периферийность, „пограничность“ какого-либо явления социальной жизнедеятельности человека по отношению к доминирующей тенденции своего времени или общепринятой философской или этической традиции» [Ильин 1996: 225].

К. Капович подчеркивает в своей героине принадлежность к молодежной субкультуре 1980-х, скорее рок-культуре и субкультуре панков: *С цитатой из Ницше на майке, острижен под ноль, сиди в облетающем парке, Оттягивай боль* [Капович 2005: 19]. Круг ее общения — *бестолковых отбросов тусовка* [Там же: 35], *камчатка (Гуляй, камчатка, по сырому лету, кради в ларьках вино и сигареты* [Там же: 49]). Лирическая героиня «Веселого дисциплинария» предстает как друг и единомышленник таких же, как и она сама, маргиналов. Позиция лирической героини как оппозиционная официозу явлена со всей очевидностью в стихотворении «Говорил мне один в пиджаке цвета пыли...»:

Говорил мне один в пиджаке цвета пыли,
Назидательно щурясь в худое досье

Под мигающей лампочкой в Нижнем Тагиле:
„Почему же ты, сволочь, не хочешь, как все?“

Потому, отвечала, в лицо ему глядя,
Что не нравится мне этой лампочки блеск,
Эти тени, которые стелятся сзади,
Эти стены казенные с краской, но без.

Узнаваемая в стихотворении ситуация допроса в сочетании с повторяющимся в книге образом обритой головы (*брей уж наголо, родная* [Там же: 17]; *тогда-то запевал он, от разлива души мотая бритой головой* [Там же: 36]; *а когда вернули на поправку, на обритой голове твоей старая соскальзывала шапка...* [Там же: 108] и др.) позволяют провести аналогию между героиней Капович и кем-то, содержащимся в «казенном доме» — тюрьме, вытрезвителе, приюте. «Маргинальность» речи героини (обилие приклатенной, грубой лексики) поддерживает эту аналогию: *наш кореш пианист* [Там же: 12], *марафет наведем* [Там же: 35], *шмалим на корточках окурки* [Там же: 36], *этот старый хрен, отставной сапер* [Там же: 54] и т. д.

Очень часто героиня Капович показана среди пациентов психушки (*Хорошо поработали днём тунейдцы и психи...* [Там же: 35]; *Теперь уже не вспомнить эту песню, Которую тянул знакомый псих...* [Там же: 36]; *Заикаливший луч в неумытом окне...* [Там же: 34]), неоднократно она наблюдает за прогулкой обитателей дома инвалидов (*По выходным в глухом местечке* [Там же: 82]) и стариков из приюта (*Я тоже ела без ножа и вилки...* [Там же: 25]). Героиня Капович тянется к этим «неблагополучным» топосам, ощущая собственное родство с теми, кто оказался за пределами социума. Среди друзей героини — геи (*Поэт, гитарюга басовый, дружок голубой, поймали мы в жизни дешёвой наш кайф угловой*), и это делает абсолютно незначимой для героини Капович принятую систему общественных норм, а точнее, характер отношений героини с другими людьми не окрашивается сексуально: этот тип взаимоотношений преодолевает принятую в обществе традицию разделения людей по параметру «сексуальности». Заметим попутно, что в 2005 г. Елена Фанайлова выпустила книгу «Русская версия», один из циклов которой назывался «Подруга пидора»: это может свидетельствовать о некоей тенденции в поэзии, созданной женщинами [Фанайлова 2005]. Во внешнем облике героини нет ничего традиционно женского: *Я на лестничной клетке курю, обхватив башку...* [Там же: 95]; *Кто это заспанный, хмурый, лохматый / утром на кухне сидит без еды...* [Там же: 105]; *Я шла. Я стрельнула окурком в ручей* [Там же: 126].

Итак, в книге «Веселый дисциплинарий» героиня Капович явно выламывается из системы социальных отношений советского времени, причем сценарий «выламывания» из советской системы, описанный К. Капович, хоро-

шо знаком по прозе 1980—90-х гг. — повестям С. Довлатова, роману В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Маргинальность, избранная стратегией жизненного поведения, позволяет взглянуть на жизнь в советском социуме как на «веселый дисциплинарий» (по аналогии с «санаторий», «профилакторий»), рассмотреть тотальный контроль, предоставляющий поле для неконвенционального поведения, «культурного идиотизма» [Ильин 1996: 524]. В стихотворении «В местах недосыгаемости птичьей...» К. Капович прямо говорит, за что она благодарна советскому времени:

Спасибо тебе, праздная эпоха,
За поднятый шлагбаум и КП,
За хлябь и неуют, за рифму „плохо“,
За обратное, пустое „э“ [Капович 2005: 63].

Лирическая героиня предстает в книге в разных возрастах. Юность связана для нее с СССР — Кишиневом и Тагилом, зрелость — с Соединенными Штатами, и в этом смысле лирика Капович автобиографична. Именно зрелая, сорокалетняя героиня вспоминает годы, проведенные в СССР. Устремленность ее внутреннего взгляда в советское прошлое связана, как нам кажется, с ностальгией именно по собственной социально окрашенной маргинальности. Ощущение счастья вызвано включенностью героини в прошлом в некую общность — ту самую «камчатку», живущую литературой (Мандельштам), музыкой (Стравинский, Рахманинов, Глинка), философией (упомянуты «Никомахова этика» Аристотеля, Ницше, Бергсон, Шестов).

Теперь же, в возрасте 40 лет, героиня осознает собственное экзистенциальное одиночество:

Речь человека понемногу,
Годам примерно к сорока,
Принявши форму монолога,
исходит в адрес потолка.
[Капович 2005: 46]

К сорока годам неопрятен быт, не оплачен свет,

И в пустой голове, как в свинье-копилке,
нет новых слов.

Я на лестничной клетке живу, как большой поэт,

Наломавший в той, прежней жизни немало дров...

Я на лестничной клетке курю, обхватив башку,

Жду попутной рифмы, чтоб въехать в забытый рай

Тунеядцев и психов, таких же, как я. Ау?
Кто там есть, в натуре? Аукайся, отвечай.
[Там же: 95]

Одиночество героини актуализирует в ее сознании ситуацию мандельштамовского героя («Я вернулся в мой город...»), понявшего по возвращении Ленинград — Петербург, что любимый город стал городом мертвых («Ленин-

град, у меня еще есть адреса, По которым найду мертвецов голоса»). Героиня Капович в нескольких стихотворениях также попадает в мир мертвых — своих друзей:

Надо снова на перекладных
Поездах доехать до Урала,
Побродить по городу в живых
И, устав, присесть на шпалы...
[Там же: 74]

Одно из стихотворений называется «В шесть часов вечера после жизни»: ушедшее прошлое и есть жизнь, настоящее — жалкое существование. Всё чаще к концу книги звучат мотивы старости (*и полузаметная первая проседь по рыжей башке растеклась в седину* [Там же: 57]), болезни (*Когда мозгами растекусь в склерозе...* [Там же: 94]), смерти (*Если буду жива — не помру...* [Там же: 99]; *Я приду после смерти...* [Там же: 112]), тьмы (*Теперь в том полушарии темно, / да и в другом не то чтоб свет горел* [Там же: 90]; *Возьми на память черные брикеты / прессованного южного мазута. / Возьми из рук моих всё это / В обмен на темноту оттуда* [Там же: 94]).

Однако традиционная на первый взгляд романтическая коллизия (противопоставление мира настоящего миру идеального прошлого) у Капович осложняется. Американская действительность в книге «Веселый дисциплинарий» похожа на советскую: по-прежнему лирическую героиню окружают душевнобольные («Канавы» [Там же: 15]), бездомные, самоубийцы («С неизменным орлом на берете...» [Там же: 37], «Квартира номер 7-А»). К. Капович в пределах одного стихотворения объединяет советский и американский топосы: так, в первой строфе стихотворения «Я возвращаюсь в город областной...» нарисован советский «город областной, где пахнет прачечной и палюю листвою», во второй — при сохранении «осеннего кругозора» — появляется «кирпичный тротуар» и такая небывалая для русской/советской провинции деталь: *Собачий кал / В газете аккумуляторная старушка / бросает в урну* [Там же: 51]. Этот принцип организации художественного пространства-времени сохранится и в книге 2007 г. «Свободные мили»: в стихотворении «В жидком свете фиолетовом...» поэтическое повествование о пьяном, который *летом бомжевал в Нью-Хемпшире, / мотоцикл угрожал в Кентоне*, завершается строками: *Мент в лицо светил фонариком, / Шёл дежурство подытоживать* [Капович 2005: 57]. Попутно отметим, что сквозь призму «Петербургского текста» воспринимал Берлин В. Ходасевич в книге «Европейская ночь» [Асоян 2002].

И в мире советском, и в мире американском героиня оказывается рядом с маргиналами. Это своего рода двойники, «зеркала» героини, провоцирующие процесс самопознания: их присутствие подталкивает лирическую героиню к стихам, творчеству и рефлексии о

нем. Так, стихотворение «Я тоже ела без ножа и вилки...» [Капович 2005: 25] начинается с описания прогулки приютских стариков (*вылинявшие, как после стирки, старушки; с бумажною летающей тарелкой / шел человек к столу, просить добавки...*), а завершается метатекстуально — описанием процесса творчества: *А дальше в ручке кончились чернила*. В стихотворении «По выходным в глухом местечке...» [Там же: 82] вывезенные к «пыльной речке» инвалиды «сидят в безлиственном лесу, / как редкий ряд глухих согласных»: с одной стороны, подчеркнута безвольность и обреченность героев, с другой — возникает яркий зримый образ беззубых ртов («редкий ряд»), наконец — образ инвалидов переводится в метатекстуальный план (герои тихи, безмолвны, словно глухие звуки речи). Подобные выходы в метатекстуальность в конце стихотворения часты в книге К. Капович [Там же: 21, 27, 113, 121].

Приметы провинциальной действительности — советской и американской — сочетаются в книге с мотивами театральных декораций (*живу в арендованных стенах бумажных* [Там же: 57]; *Ты пройдешь в намокшей куртке мимо / сквозь названья улиц навсегда, / и в гармошку сложатся незримо / эти декорации тогда* [Там же: 73]) и выводят размышления Капович в план экзистенциальный: маргинален любой человек, ибо он находится в ситуации между бытием и небытием, и однажды — раньше или позже — декорации сложатся. Об этом писала, в частности, А. Газизова, первой переведшая разговор о маргинальности как категории социальной в план размышлений о литературе: в «социальной и духовной маргинальности лишь своеобразно проявляется изначальная пограничность человеческого бытия и духа» [Газизова 1990: 6—7].

Такое решение темы маргинальности, безусловно, роднит К. Капович с И. Бродским. Капович не называет Бродского среди тех, кто на нее повлиял (в интервью, данном Л. Костюкову, К. Капович называет лишь Высоцкого), однако, полагаем, это можно принять априори. И. Романов, исследовавший категорию маргинальности в поэзии Бродского, пишет: «В СССР И. Бродский стал одной из знаковых фигур подполья, пройдя все стадии „андеграундного“ мифа» [Романов 2004: 12]. Далее И. Романов, проследившая сюжет маргинальности в лирике Бродского, отмечает: «Советский „центр“ и сам Бродский, и его лирический герой отвергли. Однако и в текстах, созданных после эмиграции в 1972 году, появляется тот же образ изгнанника и чужака: „я, прячущий во рту // развалины почище Парфенона // шпион, лазутчик, пятая колонна...“ („В озерном краю“ (1972)); „Ты и сам сирота // отщепенец, стервец, вне закона“ („Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве“ (1980)). Данный факт указывает на то, что западный мир не стал для лирического ге-

роя сакральным центром. В „Колыбельной Трескового мыса“ (1975) отъезд из СССР трезво оценивается им всего лишь как смена империи, *практически не повлиявшая на отношение к миру*» [Там же: 12].

Разница заключается в развитии сюжета маргинальности героя. По словам Романова, «удел его (Бродского — Л. Г.) лирического героя — искать опору там, где ее невозможно найти с точки зрения здравого смысла: в Пустоте и Ничто. ... Отношение с Пустотой и Ничто, выступившими в поэзии Бродского синонимами инобытия ... можно обозначить как диалог, в процессе которого сознание лирического героя, даже без надежды на ответное слово, восходит к трансцендентному. В качестве посредника между трансцендентным и действительностью выступает Язык, — материал для творчества, который позволяет сознанию лирического героя одновременно охватывать и земную реальность, и потустороннее... Пограничное положение позволяет обживать пространство грядущего небытия еще в земной жизни...» [Там же: 15—16].

В поэзии К. Капович, на наш взгляд, такого «сакрального» центра, внешнего для героини, просто нет. Пространственно мир книги Капович — это мир без ценностного центра, состоящий из «зон маргинальности», к которым, по Капович, относится и то, что существует за рамками земного бытия. Смерть в книге Капович вызывает тюремные ассоциации:

Смерть придет с сенокосилкой,
закатавши рукава...

Одуванчиком тогда я
тоже голову склоню:
брей уж наголо, родная,
только дай мне простыню.
Надо руку занавесить,
поле, небо в облаках.
А башка моя не весит
ничего в твоих руках.

[Там же: 17]

Мой грустный, мой небритый, мой ку-
рящий,

Невыспавшийся друг,
Когда по этой лестнице нас втащат
Архаровцы на самый верхний круг,
мы притворимся мертвыми, а сами...
[Там же: 12]

Смерть не несет успокоения, она воспринимается как очередное заключение и наказание.

Миропереживание, выраженное в книге Капович «Веселый дисциплинарий», напоминает эмоциональный комплекс стихотворения М. И. Цветаевой «Тоска по родине! Давно...»:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной

В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в одиноличье чувств... [Цветаева 1994: 135—136].

В «Веселом дисциплинарии», таким образом, К. Капович создает образ лирической героини, всегда чуждой всем и всему, всегда отторгнутой и отторгающей, и — парадоксально — этим Капович как бы нивелирует, сводит на нет сам факт эмиграции: что Россия, что Америка — «И все — равно, и все — едино». Природа этой чуждости, как мы попытались показать, и в остро пережитой когда-то социальной маргинальности в СССР, и в осознании себя одновременно и частью советского мира, и эмигранткой, и в понимании маргинальности как онтологического закона.

Жесткость взгляда поэтессы на мир в «Веселом дисциплинарии» соседствует с элегическим миропереживанием. Наряду с мрачными пейзажными зарисовками (слякоть, грязь, холод) в книге множество описаний прекрасной и щедрой осени (*Разлетаются красные, желтые листья по свету, / на осеннем ветру не сгорают костер золотой* [Капович 2005: 35]; *в предпраздничном осеннем мире* [Там же: 67]; *хорошо в октябре, когда кружатся жёлтые листья и молочную просеку чертит вверху самолет* [Там же: 80]), особенно яркой на фоне подчеркнуто синего неба (*а он стоит в дзоре / в синем небе посреди участка* [Там же: 40]; *...и небо просветлело / над колокольней городской* [Там же: 42]; *...проводов цикады / трещат под синим небом высоко* [Там же: 61]; *подкатывает к окнам синева, / заканчивается тысячелетье* [Там же: 65] и др.).

Сама ритмико-мелодическая организация «Веселого дисциплинария» глубоко классична: здесь и трехсложники, и хорей, но больше всего ямбов — и четырех-, и пяти-, и шести-, и разностопных; стихотворения К. Капович организованы по законам классической ритмической гармонии.

Наконец, ощущение сердечного тепла в книге создается за счет постоянных «диалогов» с любимыми поэтами, — имею в виду отсылки к фактам их судьбы и творчества. В художественной структуре книги особенно выделяется пласт переключек с Осипом Мандельштамом (предположим, что именно он в «Веселом дисциплинарии» дважды назван «учителем» [Там же: 43, 108]). Вот лишь некоторые из них: *Люди, которых не вижу годами, / стали бессмысленными номерами* [Там же: 115] (*Петербург! у меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса* [Мандельштам

1995: 194]); *В Петербурге мы сольемся. Даром, / что ли, там при жизни жил учитель* [Капович 2005: 108]; *(В Петербурге мы сойдемся снова... [Мандельштам 1995: 153]); Я на лестничной клетке живу, как большой поэт (Я на лестнице черной живу... [Мандельштам 1995: 194]); А не то я в колодец этот нырну нырком, / и погаснет свет, не оплаченный в том году, закричит телефон перепуганным петухом, / только я к телефону не подойду снова... [Капович 2005: 95] (На этом диком страшном свете / Ты, друг полных похорон, / В высоком строгом кабинете / Самубийцы телефон [Мандельштам 1995: 349]); Возьми на память черные брикеты/ прессованного южного мазута. / Возьми из рук моих всё это... [Капович 2005: 94] (Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда... [Мандельштам 1995: 157]); Живу в арендованных стенах бумажных... [Капович 2005: 57] (Квартира тиха, как бумага...; А стены проклятые тонки... [Мандельштам 1995: 225]); Не учи, учитель раставанья, / как брести листве наперерез... [Капович 2005: 43] (Я изучил науку расставанья... [Мандельштам 1995: 146]).*

О. Мандельштам для К. Капович, скорее всего, не только учитель в поэзии, но и тот, кто более других ощутил на себе советский «дисциплинарный-бестиарий», создав при этом поэтические шедевры.

Позиция лирического Я Капович существенно меняется в книге 2007 г. «Свободные мили» [Капович 2007]. Контраст подчеркнут в названии книги: вместо «дисциплинария» — «свободные мили».

В открывающем книгу стихотворении «Между домами и дворами...», в центре которого — описание одного из дней детства героини, так же, как и в «Веселом дисциплинарии», есть образ маргинального героя:

А это, сдвинутый по фазе.
Спиною к нам, лицом к трубе
Сидит на крыше некто Вася
С контузией в голове...

В финале стихотворения лирическая героиня отмечает, что видит «всё это» «посторонне и легко», и это радикально отличается от ее отношения к жизни в книге 2005 г. с ее элегической грустью.

Отказ от ностальгии, освобождение от нее К. Капович тематизирует в стихотворении «Из юности N»: *А где же поэзия? Где же мотив ностальгии, / отъезда, разлуки с отечеством? Право, не знаю. / Я вязну в деталях, детали меня обступили. Мне жестом отца футуризма не смазать палитры* [Капович 2007: 14]. Аллюзия на строчку Маяковского «Я сразу смазал карту будня...» подчеркивает трезвость взгляда на окружающее. Взгляд К. Капович в этой книге куда более жесток, чем в «Веселом дисциплинарии», и в этом, конечно же, она вновь близка поэтическим традициям

В. Ходасевича. Так же, как у Ходасевича, у Капович много жесткой самоиронии:

Кто там эти до боли знакомые свиньи?
Это твои друзья.

Это люди, с которыми, как со своими,
за столом ты сидела, свой хрящик грызя,
те, кому ты поддакивала от прилива
чувств, чьим песням любила внимать.

Шторм затих, из дверей казино вышла
блядь,
как судьба, некрасива.

[Там же: 56]

В краю владельцев частных иномарок
Ты стал, мой друг, опасным пешеходом.
На дне твоих х.б. слегка непарных
Число заплат круглее с каждым годом.

Ты спутал красный свет и желтый от-
свет

Неповторимой телефонной будки,
откуда ты смотрел, как в дверь выносят
твой в розах свежий труп. Плохие шутки.

[Там же:21]

Память героини «Свободных миль» заполнена мелочами, в *памяти тесно*, / как в *капустном ряду* [Там же: 37]. В поэтический мир Капович в «Свободных милях» входят трагические события современности: Афганистан («Парад» [Там же: 39]) и теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. («Девять одиннадцать» [Там же: 11]). Лирическая героиня Капович становится к себе жестче. В стихотворении «В информации четко зиял пробел...» [Там же: 43] повествуется о неблагоприятном *черном соседе-подростке*, который *стучал в эту дверь тук-тук*, / *чтоб с уроками муж подсобил*, а героиня *смотрела в глазок и молчала вслух*. Героиня отмечает в себе неприятие «Другого», безразличность по отношению к другому, заключая, что такое отношение к человеку — продукт советского прошлого: *Истрепалось прощенье моё в советских / канцеляриях, воля моя ушла / в никуда, как стальная игла сквозь пальцы*. По-иному лирическая героиня относится и к собственному месту в эпохе: оно оценивается не как героическое, изображается с иронической подсветкой:

В прошлом времени несовершенного вида,
Ошиваясь от скуки при литклубе „Орбита“,
я гремела стихами против тех и за это
У других заработала славу поэта...

До свидания, зло с полосатой дубинкой
И добро с чемоданом стихов под копирку.

Как пустая каретка над печатной машинкой,
В двадцать лет я гремела. Давай помолчим-ка.

[Там же: 66]

Чем вызваны жесткость и ирония по отношению к себе и миру? В чем причина такого изменения миропереживания? *До чего ж кругозор свободен — / Вот что действует так на нервы*, — пишет Капович в одном из стихотворений [Там же: 36]. Эти строки вступают в диалог с известными мандельштамовскими

К ноге моей привязан / Сосновый синий бор, / Как вестник, без указа, / Распахнут кругозор, написанными в январе 1937 г. в Воронеже. Однако Мандельштам, переживающий наиболее тяжелый период Воронежской ссылки, испытывает восторг от дарованного взору пространства; К. Капович, осознавая «свободу кругозора», понимает, что свобода не помогает, а скорее препятствует творчеству. Бонус, получаемый поэтом, оказавшимся в ситуации политических свобод, равен нулю, поскольку дает обратный эффект. В примечании к одноименному стихотворению «Свободные мили» Капович пишет: *Свободные мили (free miles) — накапливаемый бонус у тех, кто часто летает самолетами: в конце концов набирается на бесплатный билет* [Там же: 63]. Само стихотворение выражает осознание поэтом собственной ненужности и не востребуемости:

В дорожных туфлях, с речью за щекой,
Я села на поребрик мостовой
И площадь Красную глазами обвела,
И ножик перочинный достала,
И нацарапала на камне: „Здесь была...“

[Там же: 63]

Единственное, что остается поэту — позиция собирателя впечатлений, деталей и хранителя воспоминаний:

Уходя, оглянуться
На морковь и картофель,
Кликнуть мышь, и спасутся
Эти грузчики в профиль
И старуха с железной
Коронкой во рту —
Там, где в памяти тесно,
Как в капустном ряду.

[Там же: 37]

И это в какой-то мере по-мандельштамовски (*Не разбирайся, щелкай, милый кодак!* [Мандельштам 1995: 207]), но в данном случае Капович с любимым поэтом не соглашается, что выражается в отборе воспоминаний и деталей, намеренно подчеркивающих убогость вспоминаемого быта (*на домоводстве шили мы трусы...* [Капович 2007: 30]; *Крутые, что ли, оказались всмятку / в буфете яйца? А ведь как крутилось / проверочное там, в одной котлетной, / где сроду не было и нет салфетки...* [Там же: 21] и др.). Поэтесса стремится к позиции стоической, романтической, и это ярко воплощено в последнем стихотворении книги, в котором героиня возводит свою генеалогию к мужчинам своего рода — дерзким, интеллигентным, насмешливым:

Когда идет по улице пехота,
вернувшаяся с маленькой войны,
и теплятся глаза у патриота
слезою умиления без вины,
тогда стою с закушенной губою
и долго не могу согнать с лица
усмешку, по наследственной кривую,
подсмотренную в детстве у отца.
Так до него, разумный обыватель,

мой дед высокомерно морщил нос,
когда его по среднерусской карте
тащил тифозный паровоз <...>
Высокий лоб, холодный взгляд эстета.
Я чётко знаю, как он умирал:
зевнул, протёр очки куском газеты
и долго на нос надевал.

[Там же: 68]

Ключевой мотив сборника «Свободные мили» — мотив зеркала, отражения. Он варьируется в образах реки, озера, лужи, «второй реальности» живописного полотна или театрального действия. Выявление семантики данного мотива — предмет отдельного разговора, однако можно предположить, что ситуация удвоения реальности необходима Капович, во-первых, для того чтобы подчеркнуть родство разных пространств и миров и при этом собственную неизменную позицию маргинала, во-вторых, мотив зеркального отражения акцентирует жестокую правду, беспристрастность взгляда поэта, поскольку «зеркало не врет», в-третьих, этот мотив ставит вопрос о статусе искусства и поэзии.

Ностальгия в поэзии Кати Капович — это и настроение, и тема. В ранней книге Капович это настроение: явственно звучит ностальгия по детству в советском Кишиневе (*Раньше было не лучше, а как-то иначе, / вечно башню чинил рыжий слесарь Резо, / а молочник хоть крал себе гривенник сдачи, но прощала его тётя Шура за всё* [Капович 2005: 18]) и параллельно ей — ностальгия по «родному советскому», которое давало возможность быть частью коллектива, общности, противопоставляющей себя официальной культуре, возможность ощущения себя маргиналом, «другим», чужаком. Именно советская система норм и запретов, по Капович, являлась условием творческой активности.

В книге «Свободные мили» отказ от ностальгии и элегичности оказывается для Капович принципиальным. Ностальгия становится предметом рефлексии. Нужно ли вздыхать о рамках и ограничениях, если жизнь всегда — и в особенности сегодня — протекает в жестких рамках неизбежности смерти — часто внезапной, страшной, уносящей жизни многих? Острое ощущение личной несвободы и уязвимости жизни любого человека в условиях политических свобод (стихотворение о теракте в сентябре 2011 г. названо «девять одиннадцать», в чем прочитывается еще и телефон спасения — 911) приводит Капович к снижению образа советского мира и усложнению эмоциональной палитры лирики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян А. А. Достоевский и Вл. Ходасевич: идеологемы «Европейской ночи» // Материалы к Словарию сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 5 : Сюжеты и мотивы русской литературы / отв. ред. Т. И. Печерская ; НГУ. — Новосибирск, 2002. С. 172—183.
2. Барковская Н. В. Звучание «парижской ноты» в русской поэзии 2000-х гг. // Русская литература XX—XXI вв.: направления и течения : сб. науч. тр. / УрГПУ. — Екатеринбург, 2011. Вып. 12. С. 193—204.
3. Газизова А. А. Обыкновенный человек в меняющемся мире: опыт типологического анализа советской философской прозы 60—80-х годов / МПГУ. — М.: Прогресс, 1990.
4. Гандельсман В. Крестик мига // Капович К. Веселый дисциплинарный. — М.: НЛЮ, 2005. С. 5—7.
5. Галина М. Ностальгия как движущее начало: [рец.] // Знамя. 2005. № 7. С. 212—217.
6. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: Академический проект : Трикста, 2010.
7. Ильин И. П. Маргинальность // Современное зарубежное литературоведение. — М.: Интрада. 1996. С. 225—229.
8. Интервью Л. Костюкова с К. Капович 16.02.2010. URL: http://www.polit.ru/article/2010/02/16/nt201_kapovich/.
9. Капович К. Веселый дисциплинарный / предисл. В. Гандельсмана и Л. Костюкова. — М.: НЛЮ, 2005.
10. Капович К. Свободные мили : кн. стихов. — М.: АРГО-РИСК : Книжное обозрение, 2007.
11. Костюков Л. Поэт в пейзаже // Капович К. Веселый дисциплинарный. — М.: НЛЮ, 2005. С. 8—9.
12. Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений. — СПб.: Академический проект, 1995.
13. Паскаль К. Катя Капович. Суфлер. Роман в стихах (Обзоры и рецензии) // Новый мир. 1999. № 8. С. 212—217.
14. Романов И. А. Лирический герой поэзии И. Бродского (Преодоление маргинальности) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — М., 2004.
15. Смолина Н. С. Советская эпоха в современном интернет-пространстве: проблематизация коллективной идентичности поколения тридцатилетних // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. : в 2 т. / отв. Ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1.
16. Советское прошлое и культура настоящего : моногр. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.
17. Фанайлова Е. Русская версия. — М.: Запасный выход, 2005.
18. Ходасевич В. Стихотворения / вст. ст. Н. А. Богомолова. — Л.: Сов. писатель, 1989. (Б-ка поэта. Большая сер.).
19. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 2 : Стихотворения. Переводы / сост. А. Саакянц, Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

И. Г. Добродомов I. G. Dobrodomov
Москва, Россия Moscow, Russia

**ИЗ ИСТОРИИ ДВУХ ЖАРГОНИЗМОВ:
ПАЦАН И ШКЕТ
НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ФОНЕ**

Аннотация. История двух жаргонных наименований 'мальчика / молодого человека' рассматривается на основе словарей и художественных текстов в меняющемся социальном контексте XX в.

Ключевые слова: жаргонизм; лексикография; история слова; источники.

Сведения об авторе: Добродомов Игорь Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания.

Место работы: Московский педагогический госуниверситет.

Контактная информация: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

e-mail: filfac@mpgu.edu.

**FROM THE HISTORY
OF TWO JARGONISMS (PACAN & ŠKET)
ON THE LEXICOGRAPHICAL BACKGROUND**

Abstract. The history of two slangy names for 'boy / young male person' is analyzed on the basis of dictionaries and fiction texts in the changing social context of the XXth century.

Key words: jargonism; lexicography; word history; sources.

About the author: Dobrodomov Igor Georgievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

Слово *пацан*, имеющее в современном языке ярко выраженную сниженную окраску и обычно в русских текстах без особых целей не употребляющееся, в словарях и текстах XIX в. не отмечено и появляется только в 20-х гг. XX в., что продемонстрировано в недавней статье новосибирского языковеда М. Т. Дьячка [Дьячок 2007: 110—116]: «Первым письменным свидетельством его существования является, видимо, отрывок из „Тихого Дона“ М. А. Шолохова: „Пацан, неси сюда!“ (среди реплик на привокзальной площади в Ростове; кто говорит, непонятно, возможно, один из упомануемых чуть выше матросов-черноморцев) (Шолохов. Тихий Дон. Книга 2, 1928 г.). Чуть позже слово *пацанёнок* в нейтральном значении использовано у Н. А. Островского в речи кочегара Андрея Птахи: „Василёк, братишка! Пацаненок... Васька, стервец!“ (Островский. Рожденные бурей, 1936 г.). Эти два примера по-своему показательны. Во-первых, они явно указывают на южное (причерноморско-южноукраинское) происхождение слова. Во-вторых, и в том, и в другом случае слово *пацан* использовано для характеристики представителей люмпенизированной среды» [Дьячок 2007: 111].

Однако относительно слабое распространение этого слова в текстах (особенно ранних) советского времени автор ошибочно объясняет идеологическими причинами, как бы забывая о верно им установленном происхождении лексемы *пацан* из «люмпенизированной среды», которая высоким престижем в обществе не пользовалась, как и слова, вышедшие из этой среды: «В сталинскую эпоху с ее жестким контролем над литературной и литературным языком слово *пацан* не часто появляется в произведениях печатной словесности. Ср., однако, следующие примеры: Я, пацаном когда был, в Америку совсем уже бежать собрался, золото в Клондайке искать. Стащил двуствол-

ку у отца, сухарей набрал. Даже на норвежскую шхуну забрался. Мы во Владивостоке тогда жили (Некрасов В. В окопах Сталинграда, 1946); — Не ходи с ними, пацан, — ввязался вдруг Борька. — Давай, лучше врасшибалочку постукаем (Рыбаков А. Кортик, 1948)» [Там же].

Следует обратить внимание на то, что в этих примерах слово *пацан* употреблено в прямой речи персонажей, выступает их речевой характеристикой. Голословному тезису об идеологическом давлении противоречит также далее приводимый в рассматриваемой статье пример употребления слова в авторской речи с многозначительными кавычками, которые говорят о чуждости слова литературному языку, о принадлежности его к местному колориту: «Для понимания семантики слова показателен следующий, чуть более поздний, пример: Он [Эдуард Багрицкий] напоминал то ленивого матроса с херсонского дубка, то одесского «пацана»-птицелова, то забубенного бойца из отряда Котовского, то Тиля Уленшпигеля (Паустовский К. Золотая роза, 1955)» [Дьячок 2007: 111—112].

Естественны кавычки и при употреблении этого слова в авторском тексте в более раннее время: Ни одна из артелей каменщиков не хотела взять к себе „голоштаных пацанов“, как называли пожилые сезонники комсомольцев [Кандыба 1931]. В некоторых случаях это слово подается не только в кавычках, но и с разъяснением и даже с обозначением уже несколько странного для нашего времени ударения: ...Чтоб скрыть детскую нежность своего голоса, он говорил с хрипотцой и подозрительно косился на Фильку, опасаясь, как бы тот не принял его за „пацана“, т. е. за маленького мальчика [Шишков 1931: 26]. Далее в прямой речи персонажа без кавычек, но с ударением: Я по-твоему пацан?! То же в издании

1932 г. [Шишков 1932: 19, 20]; позже знаки ударения сняты [Шишков 1961: 24, 25].

Употреблялось это слово и без кавычек, чаще всего в произведениях о беспризорных, в стилизованных сказовых контекстах для создания языкового колорита и в прямой речи персонажей, например у Л. Пантелеева (А. И. Еремеева), причем часто вместе с синонимичными словами в ближнем контексте; правда, в некоторых случаях слово *пацан* в первых изданиях произведения отсутствовало и было введено лишь в переизданиях, как это произошло в рассказах Л. Пантелеева (А. И. Еремеева): *Вскочил чернявенький хлопчик, кисточку бросил, руки вытер. — Идем, — говорит, — пацан* [Пантелеев 1928б]; *Выдался как-то очень хороший зимний денек. Снегу насыпало — не пройти. Это было в субботу. На следующий день ребята с утра достраивали свою крепость, когда над их головами в безоблачном зимнем небе появился старый новодеревенский знакомый „Хеншель-126“. На этот раз он прилетел очень кстати. Играть стало еще интереснее. — Воздух! — закричал Коська Мухин, маленький, веснушчатый пацан по прозвищу „Муха“* [Пантелеев 1944]; *Мамочка подошел ближе и с ужасом увидел, что в ящичке, скорчившись, в неудобном положении, сидит маленький белобрысый паренек в изодранной белой рубаше и взбитом на сторону красном галстуке. В этом пацане Мамочка без труда узнал одного из тех, кто приходил в Шкиду брать над нами шефство* [Пантелеев 1962]; *Ленька не выдержал и кинулся к малышам. — Эй вы, бужане! — закричал он. — Цыц по местам! Ну, что я вам сказал? Живо! — Ленька взял за плечи и толкнул к дверям двух-трех пацанов* [Пантелеев 1970, 2: 447] (в первом издании [Пантелеев, Белых 1927: 7]: *толкнул к дверям двух-трех парнишек*); *Наконец осмелел — пощупал плетеночку, потрогал: тяжелая. Перетянута корзинка сырмятным ремешком, чтобы нести было за что. На лучинных петельках замочек висит. Маленький. Его пятилетний пацан сковырнет* [Пантелеев 1970, 1: 398]. В отдельном издании [Пантелеев 1928а] соответствующий контекст отсутствовал.

Уже в середине 20-х гг. XX в. социологи обратили внимание на употребление этого слова в юношеском жаргоне в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) киевских кожевенных заводов и предприняли неудачную попытку этимологизации при опоре на несуществующий украинский материал, что отражено в книге К. Езерского [Езерский 1926: 101—102]: «Украинский, русский, еврейский элементы перемешиваются, и узор юношеской речи в лингвистическом отношении оказывается весьма пестрым. Нужно, однако, отметить еще одно явление, характерное для юношеского жаргона: очень часто слова получают в нем значение, отличное от того, какое они имели в

языке, откуда они были заимствованы. Так, например, известно, что в нашем крае фабзавучники сплошь называют друг друга „пацанами“. Слово это получило всеобщее признание и по смыслу равносильно слову: *подросток, мальчик, молокосос*. Очень часто ученики старших групп фабзавуча называют „пацанами“ младших своих сотоварищей и обижаются, если к ним прилагают это название. Между тем, „пацан“ — слово украинское и означает: *подсвинок, молодой кабан*». В главе «Фабзавучники и язык» помещен краткий тематический словарь юношеского жаргона, где фигурируют слова *пацан* и *пацанка* с синонимами: «**Подросток, мальчишка** — пацан (украинское подсвинок), шкет. **Девушка** — пацанка, симаха (девушка, за которой ухаживают). Это его подруга — это его симаха» [Там же: 108].

К тому же десятилетию относится и фиксация слов: «**Пацан** — мальчишка; **Пацанка** — девчонка; **Паценок** — молодой парень», — в милицейском словаре [Потапов 1927: 113—114], в котором, к сожалению, много опечаток и отсутствуют ударения, поэтому за написанием *паценок* может скрываться как нормальное уменьшительное *пацанóк*, так и *пацанёнок* с ненормативной суффиксацией: в русском языке суффикс *-ёнок* обычно используется для образования названий молодых существ от названий взрослых.

В связи со сказанным надо внести небольшую поправку в сведения М. Т. Дьячка о первой фиксации слова *пацан* (и *пацанка*) в русских словарях: «В конце 1920-х гг. слово получает и свою первую словарную фиксацию. А. В. Миртов включает его в словарь „Из лексикона ростовских беспризорников и босяков“, определяя значение слова очень лаконично: *пацан* — „мальчуган“ [Миртов 1929: 412]» [Дьячок 2007: 111]. К сказанному стоит добавить, что в этом же словаре А. В. Миртов поместил синонимы из лексикона ростовских босяков и беспризорников: *валёт* — ‘мальчик’ [Миртов 1929: 409]; *гáврик* — ‘чудак, хитрец, иногда — малыш’ [Там же: 410]; *шкет* — ‘1) человек маленького роста. 2) мальчик. 3) проходимец’ [Там же: 414]. А. В. Миртовым отмечено и проникновение слова за пределы среды деклассированных элементов, в народные говоры: «**Пацáн** — уличный мальчик. Новое городское слово <со ссылкой на запись в Ростове и Новочеркасске — *И. Д.*>, проникающее уже в станицу. Вариант *бацан*» [Там же: 224].

Однако распространение слова не было стремительным: «Очень интересны свидетельства современников той эпохи. Так, по словам писателя и филолога Г. П. Помазкова (род. 1922), уроженца станицы Тацинской Ростовской обл., слово *пацан* не использовалось в речи жителей казачьих станиц в 30-е гг., но его можно было услышать в Ростове, Таганроге и других крупных городах юга России. При этом слово *пацан* обозначало мальчиш-

ку 12–13 лет — сорванца и хулигана» [Дьячок 2007: 111].

В кратком трехтомном «Словаре русских донских говоров» [Словарь русских донских говоров] ни *пацан*, ни *бацан* не зафиксированы, но это вызвано не отсутствием слова в этих говорах, а наличием лексемы в академической лексикографии, куда слово неожиданно попало в середине 50-х гг. XX в.

Одновременно в 20-е гг. XX столетия слово *пацан* проникло и на Север России, как это было отмечено А. М. Селищевым в книге «Язык революционной эпохи» на фоне общего явления: «За последние годы получили широкое распространение слова из „жаргона преступников“. Эти слова переняты были сперва лицами низших, а затем средних слоев городского населения и лицами фабрично-заводской среды» [Селищев 1928: 75].

Особо интенсивно подобные слова распространялись среди молодежи: «Слова воровского жаргона „блатной музыки“ в особенности сильно распространяются в молодом поколении фабрично-заводской среды ... и среди учащихся в школах I и II ступени. Учащиеся воспринимают эти слова от окружающей среды дома и вне его. За стенами дома в значительной степени воздействуют на отдельных учащихся *беспризорные* <выделено А. М. Селищевым — *И. Д.*>. Некоторые школьники младшего возраста дружат с ними и перенимают их речевую манеру, жаргонные слова, которые воспринимаются ими (школьниками) как слова особой эмоциональной значимости» [Селищев 1928: 78–79]. В процитированной книге приводятся следующие слова такого рода, обозначающие малолеток (лексемы собраны в 1925–1926 гг. в школах Ярославля ассистентом Ярославского педагогического института С. А. Копорским и, по наблюдениям самого А. М. Селищева, употребляются также в Москве и Казани): *валёт* (мальчик); *оголёц* — *агалёц* — *пацан* (мальчишка); *шкет* — *оголёц* [Селищев 1928: 79].

В материалах С. А. Копорского кратко описывается характер употребления жаргонизма в речи ярославских школьников («„Шпана, агалец, пацан“ — просто шуточные клички» [Копорский 1928: 47]), в приложенном к статье словарику приводятся синонимические ряды: «*Агалёц*, *агальчик* — мальчишка. Слово с оттенком презрительным. См. *шпингалет*, *пацан*. В воровском жаргоне заменяется теперь словом „пацан“. Даль: *Голёц* — голыш, нагиш, бедный. Трахт.: *Оголёц* — несовершеннолетний преступник; *Потапов* [Копорский 1928: 49]; «*Оголёцъ*. См. *галець*»; «*Голёць*. „Блатной“ мальчишка; несовершеннолетний преступник. Называется также „огольцом“, „гольчиком“, а въ тюрьмахъ южныхъ губерний — „лощомъ“. „Голёць“, надъ которымъ практикуется одна изъ отвратительнейшихъ формъ тюремного разврата, носить кличку „плашкета“ или „мар-

гаритки“» [Трахтенберг 1908: 42, 18]. Фактически С. А. Копорский приводит выписку из словарика С. М. Потапова («*Оголец* — несовершеннолетний преступник, дачный вор»; «*Оталец* — начинающий вор, подросток» (явная описка. — *И. Д.*) [Потапов 1927: 106, 107]. Приведем еще синонимы: «*валёт* — см. *агалёц*, *пацан*. Д.: *холоп*, *хлап*, *холуй*, *хам*. Потап. „валет червонный“» [Копорский 1928: 50]. «*Пацан* — агалец, шпингалет. „Эх, ты, пацененок!“ Завезено из Харькова. У шпаны: *тут пацаны, не наши были*. Трахт.: **Пацан** — мальчишка» (У В. Ф. Трахтенберга этого слова нет. — *И. Д.*). ФЗ. Пот.» [Копорский 1928: 55]. «*Шкет* — тонкий, худой человек, агалец, шпингалет. „Шкет — карманное брюхо!“ (дразнят). У шпаны теперь заменено словом „пацан“. Трахт.: „Подросток, арестант, исполняющий пассивную роль в педерастии“. Теперь слово, как будто устарело. З» [Копорский 1928: 56]. Ср.: «*Шкетъ*. То же что и „плашкетъ“; «**Плашкетъ**. См. *голец*» [Трахтенберг 1908: 67, 46]. «**Шкет** — подросток, мальчик; молодой, маленький»; «**Плашкет** — подросток, арестант, исполняющий пассивную роль в педерастии; мальчик, дитя» [Потапов 1927: 189, 118].

В 20–30-х гг. XX в. жаргонизм *пацан* и его производные отмечались в разных местах, и не только на юге России: в Киеве (К. Езерский), Ростове, Новочеркасске (А. В. Миртов), Таганроге (Г. П. Помазков), Ярославле (С. А. Копорский), Москве, Казани (А. М. Селищев). С. А. Копорский, к сожалению, не сообщает источник информации о «завозе» в Ярославль жаргонизма *пацан* из Харькова. Можно предполагать, что это мнение возникло у него под влиянием книжечки К. Езерского «Фабзайцы», изданной в Харькове, хотя в самой книжке речь идет о Киеве.

Отсутствие слова *пацан* в статьях 1927 г. о языке школьников Перми и Москвы не может служить абсолютным указанием на неупотребительность его в этих городах, поскольку списки слов в этих статьях не носят исчерпывающий характер. В Перми отмечены слова *шкет* и *плашкет* (по В. Ф. Трахтенбергу) [Богословский 1927: 23, 24], у М. А. Рыбниковой — следующие: *шкет* — маленький, мальчишка; *шпингалет*, *шпинарет*, *шпендрик* — презрительно о мальчишке [Рыбникова 1927: 245]. В связи с этим нельзя полностью согласиться с мнением об узком распространении жаргонизма *пацан* в первые два десятилетия советского периода, высказанном М. Т. Дьячком: «Однако в 20–30-е гг. XX в. слово *пацан*, судя по всему, воспринималось как региональный экзотизм. Характерно, что оно не встречается в произведениях таких писателей, как М. Горький, А. Платонов, М. Зощенко, М. Булгаков, С. Есенин, Ю. Олеша, А. Мариенгоф, О. Мандельштам, Л. Сейфуллина, И. Бабель, В. Катаев, А. Пантелеев и многих других» [Дьячок 2007: 111]. Перечень писателей, не употреблявших

слова *пацан*, требует проверки и уточнения; упомянутый в нем Л. Пантелеев (А. И. Еремеев) в своих автобиографических произведениях «Республика Шкид» (1927, в соавторстве с Г. Белых) и «Ленька Пантелеев» (1939) действительно не пользуется этим словом, активно употребляя синоним последнего *шкет*, но слово *пацан*, как уже было показано, не было ему чуждо. (Действие упомянутых произведений связано с Петроградом — Ленинградом, куда южное слово тогда еще, возможно, не дошло.) Любопытно, что слово *шкет* было зафиксировано в городском языке Петербурга, еще до эпохи Петрограда — Ленинграда: «Шкетъ, а, м. — молодець, удалецъ на языке воровъ. Петербург» [Водарский 1912: 405].

Любопытно, что родившийся в Петербурге и живший в нем до революции М. Р. Фасмер поместил в своем этимологическом словаре слово *шкет* на основании его фиксации В. А. Водарским, но дал отклоняющееся от первоисточника толкование (по-немецки: *junger Frechling* ‘молодой нахал’ и *frecher junger Mann* ‘нахальный молодой человек’): «Шкет ‘junger Frechling, frecher junger Mann’, gaunerspr., Peterburg (RFV 68, 405). Vgl. ital. *schietto* ‘oferherzig’, das auf germ. **slichts* ‘slicht’ zurückgeführt wird, s. Meyer-Lübke Rom. Wb. 663» [Vasmer 1958, 3: 406]. В русском переводе толкование слова дается по В. А. Водарскому: «шкет: „молодец, удалец — на языке воров“, арготич. петерб.» [Фасмер 1973, 4: 448]. Отклонение от толкования, предложенного В. А. Водарским (*молодец, удалец*), в немецком тексте нельзя объяснить неточностью перевода: вероятно, М. Р. Фасмер опирался на собственное восприятие петербургского жаргонизма начала XX в. *шкет*, о котором ему напомнила публикация В. А. Водарского.

Жаргонное слово *пацан* не попало в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, несмотря на то что данный лексикографический источник хорошо отражал новации литературного языка начала советской эпохи, зато этот словарь зафиксировал два синонима-конкурента интересующего нас слова, которые, по меткому наблюдению С. А. Копорского, в разговорной бранной сфере уже вытеснились в 30-е гг. словом *пацан*: «ОГОЛÉЦ, *льца, м.* (простореч., бран.). Мальчишка-озорник» [Ушаков 1938, 2: стб. 750]; «ШКЕТ, а, м. (простореч. бран. из воровск. арго.). Мальчишка, подросток» [Ушаков 1940, 4: стб. 1348].

Все эти жаргонизмы не были включены С. И. Ожеговым в его строго нормативный однотомный «Словарь русского языка», первое издание которого было выпущено в 1949 г. При этом жаргонное слово *пацан* почему-то попало в большой академический «Орфографический словарь русского языка» [Орфографический словарь... 1956: 665], где оно без специальных помет дается общим списком рядом с совсем не жаргонными словами.

Кто, когда и на каких основаниях включил это далеко не литературное слово в общий список, остается неясным. Подготовка словаря началась на базе словарей и академической словарной картотеки в Ленинграде под общим руководством академика С. П. Обнорского при участии научных сотрудников Академии наук СССР И. К. Зборовского, М. А. Соколовой, Л. С. Ляпуновой, Б. В. Лаврова и др. и была завершена в Москве при активном участии С. Е. Крючкова, С. Г. Бархударова, Н. И. Тарабасовой, Л. В. Усачевой, Б. З. Букчиной и М. В. Найденовой. Этот большой словарь получился не без досадных, неожиданных промахов, которые впоследствии частично были исправлены, а частично сохранились до сих пор.

Так, традиционное название польского солдата *жолнёр* (также с другим ударением: *жёлнер*) дано в словаре в ошибочной форме *жолнёр*. См. об этом: [Добродомов 2003: 70—72; Добродомов 2004: 91—93]. Из двух сходных слов *капут* и *каюк* первое получило характеристику несклоняемого существительного мужского рода: «капút, нескл., м.» [Орфографический словарь... 1956: 361], а второму была приписана неизменяемость вместе с ограничением употребления его только «в значении сказуемого и междометия» без указания грамматического рода: «каюк, неизм., в знач. сказ. и межд.», — хотя отмечался склоняемый омоним: «каюк₂, а (лодка)». Существительные *лафа* и *трын-трава* почему-то были ошибочно квалифицированы как соответственно несклоняемое и неизменяемое без объяснения различия в содержании этих терминов: «лафа́, нескл., ж.» [Там же: 424]; «трын-трава́, неизм.» [Там же: 1082]. При явном междометий-звукоподражании стоит зачем-то излишняя помета о его неизменяемости: «трюх-трюх, неизм.» [Там же: 1082].

К промахам словаря относится и безоговорочно необоснованное включение в него жаргонного слова *пацан*.

Любопытно, что в подготавливавшийся параллельно с «Орфографическим словарем русского языка» тем же самым Институтом языкознания АН СССР другой аналогичный словарь «Русское литературное произношение и ударение» [Русское литературное произношение и ударение 1959] слово *пацан* не попало. К сожалению, в более поздний орфоэпический словарь по неосмотрительности было включено не вызывающее проблем с точки зрения орфоэпии жаргонное слово без каких-либо стилистических помет: *Паца́н, паца́на́* [Орфоэпический словарь... 1985: 369]. Обращает на себя внимание новое, по сравнению с произведениями В. Я. Шишкова, ударение в косвенных падежах.

Зафиксированное в академическом орфографическом словаре [Орфографический словарь... 1956], вскоре существительное *пацан*,

снабженное стилистическими пометами, оправдывающими его введение цитатами из источников 30—40-х гг. XX в. и кратким синонимическим толкованием, безосновательно и совершенно неожиданно было включено в Малый академический словарь: «**ПАЦАН**, а, м. Груб, прост. мальчишка. Пришел ко мне пацан. Лет ему, вероятно, двенадцать, а может, и меньше. Макаренко, Книга для родителей. — Дядя, это Кочубей, — не отставая, убеждал Володька. — Не ори, пацан! — прикрикнул на него раздраженный машинист. Первенцев, Кочубей» [МАС₁, 3: 45]. Стремление к полноте лексического материала побудило нормативность справочника.

В вышедшем чуть позже [См.: Сводный словарь..., 1: 4] в том же 1959 г. Большом академическом словаре [БАС 1959, 9: стб. 326—327] в статье на слово *пацан* указание на грубую окрашенность почему-то было снято, а в иллюстративную часть была добавлена цитата из повести А. Н. Толстого 1937 г. «Хлеб» (*Возвращается Аникей Борисович в Калач, а у него там жена и сын Ванька — пацан лет пятнадцати — здоровый, в отца*); также в этом словаре приводятся два производных — *пацанёнок* и прилагательное *пацаний*, взятые из художественной литературы 1930—1940-х гг., где они употребляются преимущественно в прямой речи персонажей, но не в авторской речи:

«**ПАЦАНЁНОК**, нка, мн. пацанята, м. Простореч. Уменьш.-ласк. к пацан. Сквозь сон... Игорь слышал, как Максим с сожалением и грубоватой нежностью говорил: „И сладко же дрыхнет пацанёнок, даже будить жалко!“ Карав. Разбег. — Что ж ты раньше не явился!.. Он тебя ежеминутно вспоминал, русский ты пацаненок. Львова, Настойч. характер».

«**ПАЦАНИЙ**, ья, ье. Простореч. Относящийся к пацану, пацанам, принадлежащий им; состоящий из пацанов. Сводные отряды колонистов, то большие, то малые, то состоящие из взрослых, то нарочито пацаны, ... с четкостью расписания скорого поезда проходили в поле и обратно. Макаренко, Педагог. поэма» [БАС, 9: 326—327].

Во втором издании Малого академического словаря увеличиваются колебания в оформлении прилагательных, соотносимых не только с существительным *пацан*, но и *пацанка*, причем приводится также сомнительная форма *пацанийчий*, не подкрепленная иллюстративной цитатой: «**ПАЦАНИЧИЙ** и **ПАЦАНИЯЧИЙ**, -ья, -ье. Прост. Прил. к пацан, к пацанка. *Пацанийчий голосок. Тут он сразу терял всю свою солидность и лицо его становилось пацаньячьим*. Зверев. Она и он. **ПАЦАНКА**, -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. Прост. Девчонка. — В армию меня взяли, а у бабы осталось двое детишек. Да. *Пацан и пацанка. Горышин. Около океана*» [МАС₂, 3: 35].

В гнездовой словообразовательный словарь попала лишь половина материала академической лексикографии:

ПАЦАН

пацан — ёнок

пацан — ий [Тихонов 1985, 1: 730].

К сожалению, мы располагаем весьма скудными сведениями об употреблении слова *пацан* в русских народных говорах, поскольку составители диалектных словарей руководствуются не вполне разумным принципом: фиксировать только те слова, которые отсутствуют в нормативных словарях. Соответственно интересующая нас лексема не отмечается в сводном академическом «Словаре русских народных говоров».

До того, как слово *пацанка* вошло в академическую толковую лексикографию, на него обратили внимание дальневосточные диалектологи, зафиксировав в 1983 г. как местное слово; во втором издании их словаря данную лексему сопроводили стилистической пометой пренебрежительности: «**ПАЦАНКА**, и, ж. Пренебр. Девочка. *Когда я ешшо пацанкой была, с отцом ездила в поле*. (Алб. Скв.). *Я-то тогда пацанкой была, девчонкой, не помню ничё* (Пашк. Облuch.). *Чёртова пацанка. Уничтожила всех белок* (Калин. Мих.). Амур. (Мих. Скв.). Хаб. (Облuch.)» [СРГП₁ 1983: 179; СРГП₂ 2007: 316].

Фиксация этого слова в диалектном словаре чрезвычайно важна потому, что в говорах оно приобретает весьма специфические значения. В форме множественного числа в говорах Приамурья оно семантически сближается с другим, тоже диалектным: «**ПАЦАНКИ**, -ков, мн. То же, что пасенки. *Пацанки — это отростки у помидор. Я их все время сламываю. Пацанки лишние, они тянут соки...*» СРГП₂ 2007: 316]; «**ПАСЕНКИ**, -нок, мн. Боковые побеги растения; пасынки. *Пасенки надо обязательно обламывать, чтобы растение лучше росло*. (Благовещ.)...» СРГП₂ 2007: 314].

В «Новгородском областном словаре» зафиксирована представляющаяся более естественной по сравнению с экстрагантным новообразованием *пацанёнок* уменьшительно-ласкательная форма «пацанок»: «**ПАЦАНОК**, -а, м. Ласк. Мальчик. Такой пацанок! Молв.» [Новгородский областной словарь 1994: 107]. Модель, по которой создано слово *пацанёнок*, служит для образования названий детей, детенышей, птенцов от названий родителей, что свидетельствует о внелитературном, жаргонном происхождении этой производной лексемы.

Не руководствовался принципами дифференциальности и В. С. Елистратов, отметивший со смутным толкованием лишь одну уменьшительную форму с другим суффиксом: «**ПАЦАНИК**, -а, м. Шутл. (чаще пренебр.) о любом человеке. *Не трясси конечностями, ~! а то ~и на розовых „тавриях“ приедут*. — фраза, употребляемая в качестве шутл. аргу-

мента-„устрашения“ против каких-либо действительных собеседника, напр.: *Ты, брат, этого не делай, а то ~и на розовых „тавриях“ приедут*» [Елистратов 2000: 321].

Надо заметить, что слово *пацан* и производные *пацанка*, *пацанва*, *пацаньё* гораздо активнее, чем в обиходном просторечии, употребляются в разных значениях за пределами литературного языка и даже просторечия, о чем свидетельствуют пометы *угол<овное>*, *арест<антское>*, *мол<одежное>*, *шк<ольное>*, *гом<осексуалистское>* и др. в словарях блатной лексики [Быков 1994: 148; Мокиенко, Никитина 2000: 424].

Весьма представительный материал по употреблению арготических слов *пацан*, *пацанёнок*, *пацанка*, *пацанство*, *пацанва*, *пацаньё*, *пацанский* с общей разговорно-сниженной окраской и дополнительными характеристиками (иронические, жаргонные, криминальные, фамильярные, пренебрежительные и т. д.) в публицистических и литературных текстах, собранный В. В. Химиком [Химик 2004: 426—427], показывает, что и сейчас эти слова не вписываются в нормальный русский литературный язык. Кстати сказать, труд В. В. Химика подтверждает наблюдения С. А. Копорского о том, что в городском жаргоне словом *пацан* вытесняются слова *оголец* (*агалец*) и *шкет* [Копорский 1928: 49—56]: в словаре В. В. Химика последние слова не имеют производных и проиллюстрированы лишь «составительскими» (?) предложениями [Химик 2004: 391, 734], а слово *пацан* и его производные, как правило, иллюстрируются цитатами из литературы и прессы низкого пошиба [Химик 2004: 426—427].

Академическая лексикография или уклоняется от стилистической характеристики слова *пацан*, или почему-то считает его просторечным (первоначально — грубо-просторечным!), что едва ли справедливо: указанная лексема принадлежит к сниженной жаргонизованной речи.

Еще меньше оснований имеется для провозглашения слова *пацан* и его производных разговорными, как это сделано в академическом «Большом толковом словаре русского языка» и повторено в странно названном «Новом словаре» Т. Ф. Ефремовой:

«**ПАЦАН**, -а, м. Разг. Мальчишка. *Пацан лет двенадцати* || Сын-мальчик. *Поздравьте, у меня родился п. Пацаненок*, -нка, мн. -нята, -нят; м. Уменьш.-ласк. *Пацанка*, -и; мн. ч., род -нок, дат. -нкам; ж. *Пацаничий, пацанячий*, -ья, -ье. *П-ий голос. П-ье поведение* (как у пацана).

ПАЦАНВА, -ы; ж. Собир. Разг. Дети подросткового возраста. *Детдомовская п. Ватага пацанвы*.

ПАЦАНЁНОК; ПАЦАНИЧИЙ; ПАЦАНКА см. **ПАЦАН**.

ПАЦАНСТВО, -а, ср. Разг. = Мальчишество. *П. в чьих-л. поступках*.

ПАЦАНЬЁ, -я, ср. собир. Разг.-сниж. = **ПАЦАНВА**.

ПАЦАНЯЧИЙ см. **ПАЦАН**» [БТС 1998: 788].

Не столь богато словообразовательные возможности слова *пацан* продемонстрированы в «Толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой, которая ограничилась материалами первого издания большого академического «Словаря современного русского литературного языка», так же, как А. Н. Тихонов в гнездовом «Словообразовательном словаре»:

«**ПАЦАН**, м. разг. 1. То же, что: мальчишка.

ПАЦЕНЁНОК, м. разг. 1. Уменьш. к сущ.: пацан. 2. Ласк. сущ.: пацан.

ПАЦАНИЙ прил. разг. 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: пацан, связанный с ним. 2. Свойственный пацану, характерный для него. 3. Принадлежащий пацану. 4. Состоящий из пацанов» [Ефремова 2000, 2: 29].

Вероятно, для слова *пацан* в современных словарях лучше всего подходят пометы, которые в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова сопровождают слово *шкет*: «(простореч. бран, из воровского арготического)», — за исключением *бран*. Дело в том, что указание на происхождение этого слова «из воровского арготического» нужно рассматривать не как историко-этимологическую, а как стилистическую характеристику, поскольку была принадлежность к сниженной по стилистической окраске лексике накладывает на слово неизгладимый отпечаток сниженности.

Н. Ю. Шведова, редактор толкового словаря С. И. Ожегова, перенеся в его 9-е издание из академических словарей жаргонизм *пацан* с некоторыми производными, грубо нарушила нормативный характер словаря известного, к тому времени покойного лексикографа: «**ПАЦАН**, -а, м. (прост). Мальчишка || уменьш. **пацанёнок**, -нка, мн. **пацанята**, -ят; прил. **пацанячий**, -ья, -ья || прил. **пацаний**, -ья, -ье» [Ожегов 1972: 454].

Такое неоправданное решение редактора вызвало справедливые нарекания со стороны чутких к стилистическим оттенкам русской лексики читателей. Недавно было опубликовано одно из писем возмущенных читателей с лукавым ответом редактора:

«14.11.84 г.

Уважаемый профессор Н. Ю. Шведова!

Прошу Вас объяснить мне, почему в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, 1978 г. изд., включено слово *пацан*!

В этом же словаре, но в 1953 г. издания, этого слова нет. И правильно, что его нет. Если бы был жив Сергей Иванович Ожегов, он не допустил бы этого так называемого „слова“ в русский словарь. Потому что это не русское.

А какова этимология этого „слова“? Оно происходит от ругательства в еврейском языке, — не буду вдаваться в детали, так как Вы

располагаете большими возможностями для уточнения этимологии этого жаргона. И в Ваших силах было не допустить засорения русского языка бранью различного происхождения.

Вред от такой неразборчивости налицо: бранное это „слово“ печатают в газетах и журналах (в „Комсомольской правде“ за 14.11.84 г. — оно процитировано 4 раза — спец. корр. Н. Моржиной), им назван фильм, оно на устах безнадзорных мальчишеских компаний в подворотнях и прочих антисоциальных элементов. Неужели явилась необходимость издать словарь нецензурных слов и выражений воровского жаргона? Издайте. Но в „Словаре русского языка“, на котором стоит имя: С. И. Ожегов — напечатать такое, с позволения сказать, слово — просто кощунство.

С легкой руки таких неразборчивых редакторов и издателей погибнет русский язык.

В последующих изданиях словарей русского языка необходимо более строго подходить к включению новых слов и не допускать подобных нововведений.

Л. Родионенко» [Словарь и культура... 2001: 298].

Правоту рядового читателя, используя несколько иные, терминологические выражения, подтверждают и современные специалисты по лексике русского литературного языка, углубленно занимавшиеся изучением оценки слова *пацан* носителями современного русского литературного языка: «Судя по проведенным опросам и беседам, слово *пацан* по-прежнему остается чуждым носителям литературного стандарта, которые воспринимают его как характерную черту русского просторечия и не используют его в разговорах на нейтральные темы, хотя в принципе могут употреблять его, говоря о носителях просторечия или имитируя просторечие» [Дьячок 2007: 113].

Лукавые оправдания редактора с передергиванием фактов звучат весьма неубедительно и, конечно, неискренно, поскольку впоследствии все свои аргументы Н. Ю. Шведова негласно дезавуировала:

«01.12.1984

Уважаемый товарищ Л. И. Родионенко!

Как свидетельствует само Ваше письмо, слово *пацан* в значении „маленький мальчик“ широко вошло в русское разговорное и просторечное употребление, находит отражение в печати. В этом употреблении оно не имеет оттенка неодобрительности, а напротив, несет в себе элемент положительного отношения. Краткий толковый словарь современного русского языка не занимается этимологией и не может исходить из этимологии слов в отражении их современного употребления. Не могу согласиться с Вами в том, что широкое распространение слов в обиходной речи (а слово *пацан* сейчас принадлежит и обиходной речи именно в том смысле, как ее понимал С. И. Ожегов) связано с влиянием словарей. Дело обстоит как

раз наоборот: словари отражают такое употребление <не всегда правильно. — И. Д. >.

Таким образом, слово *пацан*, как и многие другие слова, далеко отошедшие от первоначальных сфер употребления и от своих первоначальных значений, имеет все основания для того, чтобы найти свое место в толковом словаре; оно (так же, как и все от него производные) нашло свое место не только в „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова, но также и в академических словарях: в семнадцатитомном „Словаре современного русского литературного языка“ (Т. IX, 1959) и в четырехтомном „Словаре русского языка“ (Т. III, М., 1983).

Ответственный редактор „Словаря русского языка“ С. И. Ожегова доктор филологических наук, профессор Н. Ю. Шведова» [Словарь и культура... 2001: 299].

Весьма симптоматична по части дезинформации заключительная часть ответа: говорится, что академическая лексикография **также** фиксирует, хотя, как уже было показано, выделенное разрядкой слово **также** прикрывало явно вторичный характер работы Н. Ю. Шведовой, позаимствовавшей слово из академических словарей большего объема, в которых его наличие можно оправдать стремлением к полноте, излишней для однотомного нормативного словаря.

Весьма характерно, что зафиксированное в 1972 г. в словаре С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой значение «мальчишка» подменяется в ответе читателю совсем другим — «маленький мальчик» с плеонастической уменьшительностью-ласкательностью (эта «уменьшительность-ласкательность» позже — в 1992 г. — была внесена в словарную статью *пацан* путем добавления в дефиницию не очень подходящего сюда слова *мальчик* (*пацан* «мальчик, мальчишка» [Ожегов, Шведова 1992: 510]), что было сделано уже в новом издании словаря С. И. Ожегова, в котором ответственный редактор Н. Ю. Шведова неожиданно выступила соавтором), отсутствующей у слова *мальчишка* в словарной синонимической дефиниции, как и у слова *пацан*.

Отказываясь признавать свою неправоту, в 1992 г. в очередное переиздание словаря С. И. Ожегова Н. Ю. Шведова включила и слово *пацанка*: «**паца́нка**, -и, ж. (прост). Девочка, девчонка» [Ожегов, Шведова 1992: 510]. Между тем стилистическая окраска этого слова в еще большей степени выдает происхождение из воровской речи.

Не будем подробно останавливаться на других грубейших просчетах бывшего ответственного редактора: о внесении в словарь С. И. Ожегова 1992 г. издания энциклопедических сведений и включении туда относимых современной лингвистикой к именам собственным названий народов (этнонимов) и названий жителей (катоиконимов) с производными.

Весьма удивительным явился в дальнейшем и совершенно неожиданный отказ от

вполне обоснованного принципа невключения в однотомный нормативный словарь этимологических сведений, на котором Н. Ю. Шведова ранее твердо настаивала, как, например, в письме читателю А. Я. Иванову от 12.01.1981 г.: «В ряде случаев Вы предлагаете дать сведения о происхождении слова (*коснеть, окаянный, поздравить, суд да дело*), включить имена собственные (*Пегас*) или внести в толкование слова те или иные сведения энциклопедического характера (*светляк*); однотомник не может ставить перед собой такие задачи» [Словарь и культура... 2001: 296—297].

Этимологические сведения в кратком нормативном толковом словаре, действительно, выглядят совершенно неуместно. Краткое представление этимологии для широкого круга читателей невозможно: в таком виде оно будет создавать ложное представление о научной этимологии как о науке, имеющей характер произвольной вкусовщины. Специфичность этимологических сведений о слове делает невозможным их включение во все лексикографические справочники иного рода, кроме этимологических словарей.

О. Н. Трубачев считал, что своеобразие источников и методов этимологических исследований не позволяет привносить этимологические сведения даже в исторические словари, хотя этимология и историческая лексикография преследуют единую цель — показать эволюцию слова во времени: «Насыщение исторического словаря сравнением с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой и поэтому нежелательно» [Трубачев 1984: 35]. Это тем более справедливо по отношению к избирательному нормативному словарю.

Весьма характерно, что С. И. Ожегов, сокращая этимологические справки «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и давая в первом издании (1949 г.) своего словаря лаконичные присловные указания на язык, из которого пришли в русский язык заимствованные слова, из последующих изданий эти невнятные пометы устранил как ненужные, что некоторое время было свойственно и ответственному редактору.

В вышедшем в 2007 г. весьма странном издании словаря С. И. Ожегова (без указания авторства последнего) под названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов», где Н. Ю. Шведова выступает ответственным редактором и неубедительно заявляет о своих авторских правах на «весь корпус словаря (за исключением разделов статей, посвященных происхождению слов, т. е. этимологических зон словарных статей, отмеченных знаком *, а также за исключением около 300 статей <статьи эти нигде не названы — *И. Д.*>, перенесенных из 4-го издания книги С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведо-

вой „Толковый словарь русского языка“ и в свою очередь содержащихся в 9—23-м изданиях „Словаря русского языка“ С. И. Ожегова)», все ограничения на перечисленные сведения, излишние для однотомного нормативного словаря, оказались снятыми, хотя реализовались эти новшества непоследовательно.

Этимологические справки (называемые почему-то зонами, т. е. поясами) даются случайно, лишь при некоторых словах, и вызывают недоумение непрофессиональным характером, ненадежностью предлагаемых этимологий. Не приводятся этимологические справки даже для слов, чье происхождение достаточно хорошо известно. Это касается, например, едва ли уместного в современном кратком нормативном словаре устаревшего экспрессивного заимствования, перекочевавшего в 1992 г. из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова в новый «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1992]: «**ХОДЯ**, -и, м. (устар. прост.). Прозвище китайца, китайцев» [Ожегов, Шведова 1992: 897]. Ср. новую этимологию: [Младенцова 2010: 183—191].

Устаревшим это слово значилось уже в словаре 1940 г. [Ушаков 1940, 4: стб. 1166], и С. И. Ожегов вполне закономерно не включил его в свой малый нормативный словарь. В рассматриваемом словаре 2007 г., в котором авторство С. И. Ожегова уже не указано, нет этимологии, как и в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова, откуда слово заимствовано: «**ХОДЯ**, -и, м. (разг. фам. устар.) Пренебрежительное название китайца». Происхождение слова объясняется в Большом академическом словаре: «**ХОДЯ**, -и, ж. Устар. простореч. Уничижительное название китайца. — *Как это ты, ходя, сюда в деревню пробрался? — спросил фельдшер. — У нас всех китайцев выселили.* Верес. На япон. войне, 4. — Ушак. Толк. слов. 1940: ходя. — От кит. huoji — приказчик (продавец)» [БАС, 16: 302].

В некоторых случаях вместо этимологии назойливо повторяются сведения то о неясности происхождения слова, то о неясности источника, что нельзя считать ни этимологической справкой, ни даже загадочной этимологической зоной (или поясом?), например: «**КУТЕРЬМА**, -ы, ок. (разг.). Суматоха, беспорядок. *Поднялась к.* • Происх. неясно; возм. заимств. из тюрк., источник неясен» [Толковый словарь... 2007: 392].

В отдельных случаях прежнему «соавтору» С. И. Ожегова неизвестны установленные этимологии, примером чему служит следующее неправильно истолкованное слово: «**ФИФА**, -ы, ж. (прост, неодобр.). Женщина, девушка <,> обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением. || *уменьш. фифочка*, -и, ж. • Происх. неясно» [Там же: 1052].

На самом деле это слово этимологизировано, правда, на основе более правильно опи-

санной семантики: «**ФИФА**, -ы, ж. *Прост.* (с оттенком пренебрежения). Пустая, легкомысленная девушка, думающая только о развлечениях, нарядах и т. п. *Она боялась, как бы Андрея не окрутила какая-нибудь „фифа“* Гранин. *Искатели*» [МАС₁, 4: 779]. Опираясь на синонимичное этому слову просторечное *свистушка*, О. Н. Трубочев рассматривал лексему *фифа* «как заимствование относительно недавнего времени, восходящее в конечном счете к ср.-в.-нем. *pfife* при современном нем. *Pfeife* 'дудка, свисток'. В семантическом отношении ср. тоже просторечное *свистушка* 'фифа'» [Трубочев 1965: 133—134].

Правда, существует и другая (менее вероятная) этимология слова *фифа*, согласно которой оно является производной формой «от полного женского имени *Ефимия*, разг. *Ефимья*, прост. *Афимья*, стар. *Евфимия*» [Отин 1996: 120]. Однако такие производные формы весьма редкого сейчас женского имени *Ефимия*, как *Ефима*, *Фима*, *Хима* [Петровский 1966: 114], явно преобладают над еще более редкой формой *Фифа*, что делает соображения о происхождении нарицательного имени *фифа* от личного имени *Фифа* сомнительными.

В некоторых случаях этимологические справки содержат совсем недостоверный материал, который требует корректировки: «**НОРМАТИВ**, -а, м. (спец.). Экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа, какие-н. специальные действия. *Технические нормативы. Спортивный н.* || прил. *нормативный*, -ая, -ое. • Из нем. *Normativ*, восх. к лат. — см. *норма*» [Толковый словарь... 2007: 528] (неясно, к чему относится *спортивный норматив*, фигурирующий в словарной статье: к экономике или технике?). На самом деле в немецком языке нет существительного *Normativ*, хотя есть прилагательное *normativ*, вошедшее в русский язык с присоединением адъективного суффикса *-н(ый)*. Происхождение этого прилагательного почему-то не указано: «**НОРМАТИВНЫЙ**, -ая, -ое; -вен, -вна. 1. См *норматив*. 2. Устанавливающая норму, правила. *Нормативная грамматика* || сущ. *нормативность*, и., ж.» [Там же: 528]. Уже из этого прилагательного в результате обратного словообразования (редеривации) получилось русское существительное *норматив*.

Аналогичным образом (в результате обратного словообразования) от прилагательного *конduitный* (в сочетании *конduitный список*) было образовано существительное *конduit*, этимологическая «зона» для которого в словаре носит дезориентирующий характер: «**КОНДИТ**, -а, м. (устар.). В царской России: журнал с записями о поведении, поступках учащихся (преимущественно в духовных учебных заведениях и кадетских корпусах). *Записать в к.* || прил. *конduitный*, -ая, -ое. *К. список* (в военном ведомстве до 1862 г.: сведения о поведе-

нии и способностях офицеров). • Восх. к франц. *conduite* 'поведение'» [Там же: 357]. Кроме того, заимствованные из «Большой советской энциклопедии» сведения о преимущественном распространении *кондуитов* в духовных учебных заведениях и кадетских корпусах оказываются ложными: это слово было преимущественно гимназическое (подробнее см.: [Добродомов 2001]).

В словаре дается устаревшее выведение слова *водка* «из польск. *wódka*, производ. от *woda* (см. *вода*)» [Толковый словарь... 2007: 100]. Такая этимология фонетически ущербна, поскольку не учитывает реальное звучание *вутка*, которое скрывается за дезориентирующим написанием *wódka*. Данная этимология оспорена в специальной статье в пользу трактовки слова *водка* как суффиксального образования с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к(а)*; аналогичный процесс происходил параллельно и в польском языке при образовании *wódka* от *woda* [Дерягин 1979]. П. Я. Черных считает, что русское слово *водка* происходит от глагола *водить/вести* и лишь вторично сближается с существительным *вода* [Черных 1993, 1: 159—160].

Ошибочны и следующие сведения о происхождении слова: «**КУТУЗКА**, -и, ж. (разг.). Место заключения, тюрьма. • Возм. от фам. *Кутузов*, ср. аналогично *архаровец*» [Толковый словарь... 2007: 393]. Образованное «аналогично» лексеме *архаровец* от созвучной фамилии *Кутузов* существительное должно было бы выглядеть так: **кутузовка*. Кроме того, прославленных тюремных начальниках с такой фамилией нет. Более правдоподобна в словообразовательном отношении другая этимология, оставшаяся неизвестной сотрудникам Н. Ю. Шведовой: «*Кутузка* <...>. Происходит, очевидно, от тюркского корня *qutuz-* // *kutuz-* 'бешеный', 'взбесившийся'. Встречается, начиная с Махмуда Кашгарского, в чагатайском, татарском, турецком и других языках. Таким образом, *кутузка* значит: 'дом для взбесившихся', 'сумасшедший дом'» [Дмитриев 1958].

Однако эта тюркская этимология тоже ущербна, поскольку компонент бешенства, сумасшествия в содержании слова *кутузка* не просматривается. Можно предложить еще одну тюркскую этимологию: от притяжательной формы 3 лица **кутусы* тюркского названия для разного рода мелких контейнеров (ящик, коробка, шкатулка и т. п.) *куту*, *куты* [ЭСТЯ 2000: 179—180], но и она не окончательна и требует доработки. Созвучное слово *kodeş* 'тюрьма' (из новогреч. *κοτός* 'куратник') имеется в турецком арго [Ужинин 2007: 210], но пути его движения в русский язык остаются неясными. Таким образом, для слова *кутузка* нет надежной этимологии, и в популярном словаре его происхождение следовало бы признать темным.

Никак нельзя считать ни этимологией, ни даже этимологической зоной стилистическую (прагматическую) характеристику слова в следующем примере: «**СОЛДАФОН**, -а, м. (разг. неодобр.). Грубый, некультурный человек из военных начальников || *прил.* **солдафонский**, -ая, -ое. *Солдафонские замашки.* „Экспрессивное образование от слова *солдат*“» [Толковый словарь... 2007: 915]. Составителю этимологического пояса (зоны?) остались неизвестными этимолого-словообразовательная статья В. В. Виноградова [Виноградов 1968], в которой речь шла о выделении в этом слове суффикса *-фон*, а также наша работа [Добродомов 1997], в которой появление звука *ф* на месте *т* объясняется семинарской подгонкой произнесения под нормы рейхлинова чтения: *ф* (*θ*) соответствует эразмову чтению *т*, а конечный элемент *-он* является амплификационным экспрессивным суффиксом.

Во многих словарных статьях рассматриваемой книги повторяются ходячие фантастические этимологии, зачастую придуманные юмористами-каламбуристами, как это произошло с устаревшим словом *шаромыга*, которое юморист В. В. Билибин в 80-е гг. XIX в. вывел из французского языка: «**ШАРОМЫГА**, -и, м. и ж. и **ШАРОМЫЖНИК**, -а, м. (прост. презр.). Человек, который любит пожить на чужой счет; жулик || уменьш. **шаромыжка**, -и, м. и ж. • Восх. к франц. *cher ami* ‘дорогой друг’ — обращение солдат наполеоновской армии к русским: по народной этимологии связано с *шарить* и *мыкать* и с именем на *-ыга*; менее вероятно сближение с рус. диал. *шарма́* ‘дешево’, далее с *шарить*» [Толковый словарь... 2007: 1192]. На самом деле перед нами образование с суффиксом *-ыга* от офенского наречия *шáром* (вариации: *шарма́*, *шармо́й*) ‘даром’ [Бондалетов 2004: 341], получившегося из общерусского слова *даром* путем замены начального слога *да-* маскировочным слогом *ша-*, распространенным в русских условных языках ремесленников и торговцев.

Столь же ошибочна «этимологическая зона» в следующем примере: «**БУРБО́Н**, -а, м. (устар. презр.). Грубый, невежественный и властный человек || *прил.* **бурбо́нский**, -ая, -ое. о Из франц. *Bourbon* — от названия французской королевской династии Бурбонов (*Bourbons*)» [Толковый словарь... 2007: 67]. Это слово не имеет никакого отношения ни к французским, ни к испанским, ни к итальянским *Бурбонам*, а представляет собой фонетическое и контаминационное преобразование французского слова *barbon* (*барбон*) ‘старикашка’: так в XIX в. офицеры-дворяне русской армии называли офицеров, выслужившихся из низших чинов и не имевших хороших манер [Добродомов 2003: 103—110].

Из множества имеющихся этимологических версий часто выбирается не самая убедительная, примером чему являются слова *филон*,

филонить, которым Н. Ю. Шведова дала неправильное толкование, подталкивающее к этимологическим поискам в неверном направлении: «**ФИЛОН**, -а, м. (прост.). Лентяй, лодырь. • Происх. неясно: возм., от франц. *pilon* ‘нищий’, ‘попрошайка’. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, -нишь; несов. (прост.). Бездельничать, лодырничать» [Толковый словарь... 2007: 1050]. «Этимологическая зона» ущербна географически (как французское слово могло попасть в русскую жаргонную речь?) и фонетически (что вызвало переход начального *л-* в *ф-*?).

Существует и другая этимология, в которой фонетическая приемлемость сочетается с географической и семантической проблематичностью (неясно, как произошел переход от исходной семантики к новой) — имеем в виду абсолютно невероятную версию происхождения слов *филон*, *филонить* от французского арготизма *filon* ‘безделье’, высказанную О. Горбачом [Горбач 1963: 152] и категорически отвергнутую Е. С. Отиным [Отин 2006: 274].

В качестве осторожного предположения было высказано соображение о связи слов *филон*, *филонить* с французским жаргонизмом *filon* ‘выгодное дельце’, якобы семантически преобразовавшимся в русском военном жаргоне в обозначение ‘нестроевой должности’ [Коровушкин 2000: 303]. Данная этимология, по сути дела, является разновидностью предыдущей и также не может быть принята.

Шутливо-каламбурная «расшифровка» специфически условного арготизма *филон* (‘лентяй, уваливающий от работы’), из лагерной среды проникшего в народное употребление, интересна лишь тем, что в ней присутствует опора не на значение ‘лениться’, а ‘отлынивать от работы’: «В середине 20-х гг. на Соловках заключенными была выдумана такая расшифровка: Фиктивный Инвалид Лагерей Особого Назначения» [Росси 1987: 433]. Ср. там же: *филонить* — ‘уваливать от работы’.

Все приведенные здесь этимологические соображения не учитывали истинную семантику слов *филонить*, *филон*, которые значат в современной речи совсем не ‘лодырничать’ и ‘лодырь’, а соответственно ‘отлынивать от работы’ и ‘тот, кто уклоняется от работы; в жаргоне *сачок*’.

Опираясь на эту уточненную семантику глагола *филонить*, я связал его с отыменным глаголом *филонить* ‘отлынивать от работы, лениться, бездельничать’, зафиксированным в условном жгонском языке костромских шерстобитов [Громов 2000: 75] и восходящим к жгонскому и офенскому названиям полатей (досчатого настила в избе для спанья под потолком) *филон*, *филоны*, *филонские*, *хилоны*, *филуны*, *пилоны* [Добродомов 2004б: 30—37] (о географии этого названия полатей см.: [Бондалетов 2008: 43, 61]. Глагол *филонить* у офеней В. Д. Бондалетым не отмечается). Это вызвало законный вопрос Е. С. Отина: откуда жгоны и офени взя-

ли такое название полатей? Сам Е. С. Отин при решении этого вопроса предложил фонетически удачное, но семантически не очень убедительное выведение жаргонного слова *фи́лон* из редкого сейчас личного мужского имени *Филон* [Отин 1996: 118; Отин 2006: 112—124], которое в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. употреблялось как условное поэтическое имя (см. автобиографическую повесть-путешествие «Филон» И. И. Мартынова, описывающую в стернианско-карамзинской традиции поездку автора из Полтавы в Москву в 1788 г. и напечатанную в журнале «Муза» в 1796 г.).

Однако условное имя *Филон* не зафиксировано в русской литературе в четком значении 'изнеженный человек, презирающий физический труд' и далее 'бездельник, лентяй', что весьма важно для концепции Е. С. Отина, хотя возможность такого развития значения существует.

Отстаивая свою версию о происхождении жаргонных единиц *фи́лон*, *фи́лонить* от неупотребительного *сейчас* личного имени *Филон* (из греч. Φίλων, ὄνος), Е. С. Отин допускает возможность переноса личного имени на неодушевленный предмет: «...коннотативным антропонимом *Филон* или его смысловым продолжением — отконнотативным апеллятивом *фи́лон* 'бездельник, лодырь, симулянт' могло быть мотивировано именование настила для спанья под потолком в крестьянской избе: это место, где спят, отдыхают, а не работают, т. е. бездельничают поневоле или необходимости. С учетом всего сказанного можно допустить, что лексема *фи́лон* изначально в русском языке была собственным именем, а жаргонизм *фи́лон* — следствие его смысловой эволюции, в которой в качестве связующего звена принял участие эмоционально окрашенный коннотативный оним» [Отин 2006: 275]. Ср. возражения: [Соколова 2012: 144—150].

К сожалению, предполагаемая цепочка от личного имени *Филон* через название полатей до глагола *фи́лонить* от существительного *фи́лон* промежуточными опорными фактами не подтверждается.

Сейчас имеется возможность объяснить появление слова *фи́лоны* 'полати' в офенском языке замещением первого слога общерусского *полати* маскировочным слогом-префиксом *фи-* [Бондалетов 1980: 44]. Отсюда название полатей *фи́лати*, записанное в арго пучежских ремесленников Ивановской области в 1961 г., имеющееся также в записях офенских слов А. Успенского 1822 г. Есть такая форма и в «Словаре офенского языка» В. И. Даля [Успенский 1822; Бондалетов 2004: 335].

В группу слов *полати* — *фи́лати* была вовлечена лексема *фи́лони* (отмечено в «Словаре офенского языка» В. И. Даля — см.: [Бондалетов 2004: 335]) с более распространенной формой *фи́лоны* (географическое распростра-

нение форм *фи́лони* — *фи́лоны* описано здесь: [Бондалетов 2008: 43]), действительно восходящая к собственному имени *Филон*, созвучному с народным именем *Филат*. В литературе контаминационные связи отмечаются между офенскими словами *фи́лоны* 'полати' и *фи́латы*, *хвилаты* в том же значении [Арапов 1965: 125].

Именно на этом этапе трансформации слова «полати» (*полати* → *фи́лати* → *фи́лони* → *фи́лоны*) возникла вторичная связь с не очень популярным созвучным личным именем *Филон*, которой столь большое значение придал Е. С. Отин.

По той же модели с маскировочным префиксальным комплексом *фи-* от слова *пол* было образовано слово офенское *фил* 'пол', похожее по звучанию как на *фи́латы*, *фи́лати*, так и на *фи́лоны* [Бондалетов 1980: 44]. У единицы *фил* образовалась словообразовательная связь со словом *фи́лоны* за счет общего семантического компонента — 'досчатый настил', — позволившего воспринимать слово *фи́лоны* 'полати' как производное от *фил* 'пол'.

С этими словами связано и своеобразное название доски профессионально-арготического характера — *фи́лат*, — замеченное Е. С. Отиным в литературе:

— *Ладно, фи́лат углом уперся, а то бы хана!* <...>.

— *По-моему, он упомянул какого-то Фи́лата.*

— *Фи́лат — это доска. Ясно? (С. Антонов. Васька)* [Отин 1996: 118; Отин 2006: 206; Антонов 1988: 354—255].

В определенных семантических отношениях с названиями досок, полатей и палат может находиться название тонких досок или фанеры, вставляемых в раму — *фи́ленка* (из нем. *Füllung*), но эта связь неочевидна.

На базе офенско-жгонского существительного *фи́лони/фи́лоны* 'полати' был образован глагол *фи́лонить* с предполагаемым первоначальным значением 'лежать на полатах' и дальнейшим 'отлынивать от работы, бездельничать', зафиксированным в жгонском языке Костромской области [Громов 2000: 75]. Именно этот глагол вышел за пределы жгонско-офенского социолекта и получил широкое распространение в русской жаргонизированной речи, породив два существительных аналогичной семантики: суффиксальное *фи́лонщик* и редериват (обратное образование) *фи́лон*.

Не вполне удачно и включение в 9-е издание словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1972] редактором Н. Ю. Шведовой заимствованного из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова жаргонного слова *шкет* (в предыдущих изданиях С. И. Ожегов «забраковал» эту лексическую единицу): «ШКЕТ, -а, м. (простореч. бран. из воровск. арг.). Мальчишка, подросток» [Ушаков 1940: стб. 1348]. Кроме того, Н. Ю. Шведова ориентировалась на едва ли

правильную краткую помету академической лексикографии: «ШКЕТ, -а, м. Прост. Мальчик, подросток» [МАС₁, 4: 984], — и ошибочно заменила в толковании нейтральное слово *подросток* не подходящим сюда экспрессивным *паренёк*: «ШКЕТ, -а, м. (прост.). Мальчишка, паренек» [Ожегов 1972: 823]. Впоследствии было добавлено едва ли нужное уточнение о шутовском характере слова: «ШКЕТ, -а, м. (прост. шутол.). Мальчишка, паренек» [Ожегов 1989: 894].

В упомянутом словаре 2007 г., фактически основанном на трудах С. И. Ожегова без указания его авторства, заголовочная единица *шкет* сопровождается «этимологической зоной»: «ШКЕТ, -а, м. (прост. шутол.). Мальчишка, паренек» • От чеш. *šketa* 'болван, изверг' [Толковый словарь... 2007: 1109]. Неизвестно, на каком основании отбирались данные из словаря Фасмера — Трубачева: не приводится вариант чешского слова *šketa* (*čketa*) и более ранняя альтернативная попытка поисков этимологии — из итальянского *schietto* 'откровенный, чистосердечный', которое производят от германского **slihts* 'простой' [Фасмер, 4: 448].

Отрицательно сказалось на этимологических разысканиях устранение при слове *шкет* пометы толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова «из *воровск<ого> аргю*», которая указывает также на стилистически сниженную характеристику слова, сохраняющего память о социальной среде первоначального бытования.

Сопоставление русского жаргонного *шкет* с редким чешским *šketa*, *čketa* (см. об этих словах: [Štrekelj 1905: 41—44]) имеет один существенный недостаток, отмеченный самим автором этимологического сближения: остается «открытым вопрос о конкретных путях проникновения данного заимствования» [Трубачев 1965: 134].

Проникновение итальянского слова можно связывать с посредничеством музыкальной терминологии, в которой существует соответствующий итальянский термин: «*Schietto*, <*schietto*>amente *um.* — безъ вычуръ, просто — муз. терминъ» [Гавкин 1903: 601]. Однако детальная разработка этой этимологии — дело будущего.

Наряду с приведенными, существовала и более ранняя этимология слова *шкет*, предложенная Е. Д. Поливановым: «Роль такого крупного портового центра, каким является Одесса, в формации блатного словаря мне вообще представляется значительной. В частности мы находим в числе блатных слов, наряду с многими еврейско-немецкими, даже английские слова. Напр., *шкет* (*scout*) („Отсюда уже производное — *шкица* (жен. род)“ — *примечание Е. Д. Поливанова*), *пашкет* (*play-scout*), *шопошник* (вероятно, *shop* — магазин, значит, „вор по магазинам“, т. е. является синонимом „городушнику“) [Поливанов 1931: 52—53].

Именно этимологии Е. Д. Поливанова в последнее время дается преимущество перед итальянской и чешской версиями, которые воспринимаются ошибочными, причем обходился вопрос о слабом фонетическом сходстве английского *scout* и русского арготизма *шкет*: «Однако, думается, что эти мнения ошибочны по следующим причинам:

а) во-первых, лексическое значение английского слова 'член организации скаутов' гораздо ближе <?> к значению русского арготизма, чем итальянское *schietto* — 'откровенный, чистосердечный', или чешское слово *šketa*, *čketa* — 'болван, зверь, изверг'. Кроме того, чешские слова столь редко употребительны как в литературном языке, так и в диалектной речи и жаргоне, что они вряд ли могли стать источником заимствования;

б) во-вторых, в русском дореволюционном аргю имелось похожее слово — *пашкет* — 'подросток-арестант, выполняющий роль пассивного гомосексуалиста', а в английском языке имелось родственная слову *scout* лексема *play-scout* 'член организации скаутов', тогда как в словарных статьях М. Фасмера и О. Н. Трубачева, посвященных слову *шкет*, о лексеме *пашкет* даже не упоминается» [Грачев, Мокиенко 2000: 188—189].

Однако английская этимология фонетически несостоятельна: английское *scout* в русском языке отражено как *скаут* и не могло преобразоваться в *шкет*. К тому же английскому языку неизвестно сложение *play-scout*, оно является результатом контаминации *boy-scout* и *play-boy*. Против английской этимологии арготизма *шкет* говорит и неожиданно высказанный «исторический» аргумент: «В общенародный русский язык лексему *скаут* ввел офицер русской армии О. Пантюхов (в 1909 г. в Царском Селе он организовал скаутский патруль из семи мальчиков; члены первых таких отрядов первоначально назывались и разведчиками — буквальный перевод слова *scout*)» [Грачев, Мокиенко 2000: 189]. Дело в том, что лексема *шкет* зафиксирована в «блатной музыке» (жаргоне тюрьмы) еще до появления скаутов в России — в 1908 г. [Трахтенберг 1908: 18, 46, 67].

Слабость всех предлагавшихся до сих пор этимологий заключается в том, что источник искался за пределами русского языка, а не в условных жаргонах самого русского языка. Между тем фонетически похожие в корневой части слова обнаруживаются, например, у жгонов (пимокатов-шерстобитов Костромской области), хотя фиксации таких лексем немногочисленны.

В. Д. Бондалетов записал в 1957—1968 гг. наречия жгонского языка костромских шерстобитов Мантуровского и Ветлужского районов *шкетнее* 'быстрее' и *шкетно* 'быстро', которые в том же источнике находятся в не вполне ясных отношениях со словами с начальным *ба*:

башкѣтитъ 'торопить', *башкѣтнее* 'быстрее', *башкѣтно* 'быстро', *башкѣтный* 'скорый'; и далее *башкѣвее* 'быстрее', *башкѣво* 'быстро', *башкѣвый* 'быстрый' [Бондалетов 1980: 98, 77].

Вероятно, данные слова, которые встречаются и в других фиксациях жгонской лексики, начиная с первого словарика Даля — Лури (*башкѣвый* 'аккуратный, сметливый', *башкѣво* 'скоро' [Громов 2000]), являются производными от *башка* 'голова, ум'. Впоследствии они были контаминированы с загадочным словом *шкет* и утратили начальный слог *ба-*, о котором писал А. И. Соболевский [Соболевский 1911: 345]; ср. также о приставке *ба-*: [Шанский, Боброва 2006: 57].

Поскольку в жгонском языке имеется большое количество слов из марийского языка, то встает вопрос о сопоставлении загадочного русского жаргона *шкет* с марийским созвучным *шкет* 'один; одинокий, одиноко' (соотносится с местоимением *шке* 'сам, сама, само'). Стоит обратить внимание и на марийское слово *вашке* 'скоро, спешно' с гнездом производных, и на слова *вашкѣтно* 'быстро', *вашкѣтней* 'быстрее', *вашкѣво* 'быстро, скоро', отмеченные В. Д. Бондалетовым у ветлужских жгонов в Костромской области [Бондалетов 1980: 78].

Есть еще одно возможное объяснение появления слова *шкет*: оно могло быть образовано из названия вида огнестрельного ручного оружия *мушкет* путем удаления начального слога *му-*, принятого за экспрессивный префикс, который О. Н. Трубочев выделял в слове *мусор* [ЭССЯ, 20: 199] (примеры с приставкой *му-* и ее вариантами см. здесь: [ЭСРЯ, 10: 365—366]), но это фонетически убедительное объяснение нуждается в дополнительном обосновании с точки зрения семантики.

Что касается нормативного словаря, то для слов с множеством неубедительных этимологии было бы логичней не приводить ни одной, чтобы не вводить массового читателя в заблуждение.

Естественно, для слова *пацан* этимологические сведения в рассматриваемом лексикографическом источнике тоже недостоверны: «Вероятно, производн. с суф. *-ан* от диал. юж. *пацюк* 'поросенок, крыса', ср. укр. 'поросенок, кастрированный кабан', *паця* 'поросенок', словен. *расе*, *расек* 'свинья' с межд. возгласами, служащими для подзывания свиней, ср. укр. *паць*» [Толковый словарь... 2007: 618]. Здесь почему-то проигнорировано белорусское *пацук* 'крыса' — слово, отраженное в смоленских говорах и русских говорах Прибалтики: «**ПАЦУК**, -а, м. 1. Серая крыса. Смол. Смол. 1919—1934. *Кошка осенью сдохла, так теперь не только мышей, а и пацуков всюду полно*. Ионав. Лит. ССР. 2. Располневший человек Смол. Смол., 1919—1934» [СРНГ, 25: 298].

Не задействован и загадочный, требующий проверки материал, зафиксированный В. И. Далем: «**ПАЦЪ**, м. *пацюкъ, пасюкъ, юж. зап.*

Большая домовая крыса, *Mus decumanus*» [Даль 1865, 3: 21]. Надо учесть, что пометы *юж.* и *зап.* у В. И. Даля часто указывают на малорусский (украинский) и белорусский материал, отсутствующий в великорусском.

Во втором издании своего «Толкового словаря» В. И. Даль дал параллельную статью с отсылкой: «**ПАСЮКЪ** юж. крыса (см. это сл.) || *чрнм.* рыба пухась, *Rhodens amarus*» [Даль 1955, 3: 24]. Семантика конкретизируется в отсылочной статье: «**КРЫСА** ж. докучливое въ домахъ животное, домовая крыса двухъ видовъ: *малая* или *черная*, *Mus rattus*, ныне б. ч. вытесняемая *большою, рыжею, бурою, юж. пасюкъ, зап. шуръ, M. decumanus*; обе в народе: *гадь, гадина, гнусь, пасть, пакостница, поганка*» [Даль 1955, 2: 205].

Основным недостатком выведения слова *пацан* из южных диалектов является игнорирование источника его распространения в русском языке — криминальных жаргонов.

Нет слова *пацюк* и в надежных записях русской диалектной лексики: сводно-академический словарь приводит эту лексему со ссылкой на М. Р. Фасмера, упоминающего неизвестный курский источник: «**ПАЦЮК**, а, ж 1. Поросенок. Южн., Фасмер. 2. Серая крыса. Южн., Фасмер. Курск. 3. Рыба *Rhodens amarus*; пукас (горчак). Южн., Даль» [СРНГ, 25: 298—299]. Любопытно, что в русский язык украинское слово *пацюк* вошло с субституцией среднего согласного: чуждый русскому мягкий согласный *ц'* заменен мягким же *с'*, отсюда научный термин *пасюк*, энциклопедические сведения о котором как виде животных «из отряда грызунов (*Glired*) сем. мышинных (*Murida*), рода крыс (*Mus*)» приводят уже справочники XIX в. [Настольный словарь... 1864: 40].

Маловероятность данной этимологии, использованной Н. Ю. Шведовой, обусловлена сомнительностью существования южного русского диалектизма *пацюк*: он не отмечен в авторитетных источниках и, скорее всего, представляет собой украинское слово, неосторожно привлеченное для этимологии русского (существуют также словообразовательные и семантические возражения, о которых здесь не будем упоминать).

П. Я. Черных в своем опирается только на украинский материал, который считает исходным для русского *пацан*, но последнего слова в украинском языке не находит: «Надо полагать, из украинского языка. Ср. укр. **паця**, род. **пацяти** — „поросенок“, **пацюк** — тж (знач. „крыса“, „откормленная жирная крыса“ — не первоначальное). Ср. также **пацитися** — (о свинье) „пороситься“. Отсюда **пацна** — „поросая“, „супоросая“ (Гринченко <Б. Д. Словар української мови. Київ, 1909. Т. > III, 103). Корень в этих словах, вероятно, междометно-звукоподражательного характера. Ср. укр. **паць** и **пацик-пацик** — межд., возглас, которым называют свиней (Гринченко, III, 103)» [Черных, 2: 15].

На самом деле в основу слова *пацан* лег встречающийся в различных жаргонах, в том числе криминальном, корневой элемент *потс / потц / поц* со следующими значениями: 'еврей' (угол.); 'глупец, дурак' (угол., жарг. *речь, пренебр.*); 'неопытный, начинающий вор' (угол, *пренебр.*); 'мужской половой член' (жарг. *речь, шутл.*), 'солдат срочной службы в период от 0,5 до 1 года' (арм.) и др. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 190; Мокиенко, Никитина 2000: 468]. Слово образовано с помощью экспрессивного ударного амплификационного суффикса *-ан*, фигурирующего в названиях лиц: *старикан, критикан, политикан, друган, братан* и т. д. — и особенно в жаргонных формах личных имен: *Колян, Толян, Вован* и т. п. Суффикс этот не приводится в экспериментально-академической «Русской грамматике» 1980 г.

Распространение получила акающая форма *пацан*, которая недавно попала и в украинскую фамильярную лексику, правда, производными (пока?) не обросла:

«**ПАЦАН**, -а́, ч., фам. Те саме, що **хлопчак**. Не було для нього тяжчої муки, як муки от того коли йому давали відчутти, що він ще пацан (Смолич, Світанок, 1953, 36); *Горять веселі оченята, не в ногу ще й під барабан на площу, прямо до міськради, за пацаном іде пацан* (Сос., 1, 1957. 177)».

ПАЦАНЯ́, -я́ти, с. фам. Зменш.-пестл. до **паца́н** — Ну, горазд, не гнівайтеся, я так, побатьківському... — Кий, до лиха, ви батько? Що маєте двох пацанят трьох і п'яти років, сурово одказала йому Жабі. — Що ви мене маєте за дівчинку, чи що? (Досв., Вибр., 1959, 38) [Словник української мови].

В заключение следует напомнить, что у слова *пацан* сохраняется жаргонный характер: «Слово *пацан* — одно из самых распространенных не только в лексиконе уголовников, но у носителей жаргонизированной разговорной речи. Оно имеет значения 'молодой вор', 'криминальный авторитет', 'неформальный лидер в исправительно-трудовых учреждениях, не подчиняющийся внутреннему распорядку' <...>, 'неформальный лидер в классе, школе' <...> 'крутой парень, мужчина'» [Отин 2006: 208]. Таким образом, включать это слово в однотомный нормативный словарь, являющийся продолжением труда С. И. Ожегова, преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов М. В. К этимологии слова *офеня* // Этимология. 1964. — М., 1965. С. 125.
2. Богословский П. С. К вопросу о составе лексики современного школьного языка (из материалов изучения языка учащихся пермских школ) // Уральский учитель. — Свердловск, 1927. № 1—2. С. 20—25.
3. Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России. — М., 2004.
4. Бондалетов В. Д. Офенский язык в Ульяновской области // Лексикология и лексикография : сб. науч. тр. — Орел, 2008. Вып. 19.
5. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. — Рязань, 1980.

6. Виноградов В. В. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 9—11.

7. Горбач О. Арго українських вояків // Наукові записки Україн. вільного ун-ту. Ч. 7. Філософічний факультет. — Мюнхен, 1963.

8. Дерягин В. Я. Русское *водка* и польское *vódka* // Диалектная лексика. 1977. — Л., 1979. С. 242—250.

9. Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. — М., 1958. Вып. 3.

10. Добродомов И. Г. По следам разысканий В. В. Виноградова о слове *солдафон* // Opuscula polonica et russica. 5. — Warszawa, 1997. S. 105—114.

11. Добродомов И. Г. Об ошибках орфографического словаря // Лексическая и грамматическая семантика. Памяти проф. М. И. Задорожного. — Орехово-Зуево, 2004а. С. 91—93.

12. Добродомов И. Г. Дмитрий Николаевич Ушаков // Отечественные лингвисты XX в. — М., 2003. Ч. 3. С. 70—72.

13. Добродомов И. Г. Как барбон породнился с Бурбонами // Русская речь. 2003. № 1. С. 103—110.

14. Добродомов И. Г. Кондуит: история слова по текстам и словарям // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 4. С. 189—195.

15. Добродомов И. Г. О Филонах и филонах // Вестник Казах. нац. ун-та. Сер. филологическая. 2004б. № 6 (78). С. 30—37.

16. Дьячок М. Т. Пацан: слово и понятие // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 110—116.

17. Езерский К. Фабзайцы. Новая культура. Новый быт. — Харьков : Пролетарий, 1926.

18. Копорский С. А. Воровской жаргон в речи ярославских школьников // Ярославский край. Сб. 1. — Ярославль, 1928 [на обл. — 1929].

19. Младенова О. М. Русское *ходя* // Этимология 2006—2008. — М., 2010. С. 183—191.

20. Отин Е. С. «Все менты — мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). — М., 2006.

21. Отин Е. С. Из коннотативного словаря русских омонимов (буква Ф) // Восточноукраинский лингвистический сб. Вып. 2. — Донецк, 1996.

22. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. — М., 1931.

23. Рыбникова М. А. Об искажении и огрубении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. № 1. С. 243—255.

24. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. — М., 1928.

25. Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — М., 2001.

26. Соболевский А. И. Мелочи // Русский филолог. вестн. — Варшава, 1911. Т. 66.

27. Соколова Т. П. Филонил ли Филон? // Негнепумата [= Вестн. Литерат. ин-та им. А. М. Горького. 2012. № 1]. С. 144—150.

28. Трубочев О. Н. Этимологические мелочи // Этимология. 1964. — М., 1965. С. 133—134.

29. Трубочев О. Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М., 1984.

30. Ужинин Е. Заимствования из балканских языков в турецком арго // Аспекты алтайского языкознания. — М., 2007.

31. Успенский А. Продолжение офенского наречия // Труды О-ва любителей рос. словесности. — М., 1822. Кн. 1. Ч. 1. 24.

32. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова. — М., 2006.

СЛОВАРИ

33. *Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

34. *Большой* толковый словарь русского языка = БТС / авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. и ред.-лексикограф, канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.

35. *Быков В. Б.* Русская фея. — Смоленск, 1994.

36. *Водарский Вяч. А.* Список некоторых областных слов // Русский филологический вестник. 1912. Т. 68. № 4.

37. *Гавкин Н. Я.* Карманный словарь иностранных слов. Изд. 20-е. — Киев : Харьков : СПб., 1903.

38. *Грачев М. А., Мокиенко В. М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. — СПб., 2000.

39. *Громов А. В.* Жгонский язык : словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского р-ов Костром. обл. — М., 2000.

40. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Изд. О-ва Любителей Рос. Словесности, учрежд. при Императорском Моск. Ун-те. Печатано на счетъ всемиловившее пожертвованныхъ средствъ. — М., 1865. Ч. 3.

41. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1—4. СПб. ; М., 1880—1882. Переизд. — М., 1955.

42. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. — М., 2000.

43. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. Т. 2 : П—Я.

44. *Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX вв. — Екатеринбург, 2000.

45. *Миртов А. В.* Донской словарь : материалы к изучению лексики донских говоров. — Ростов н/Д, 1929.

46. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.

47. *Настольный словарь* для справокъ по всемъ отраслямъ знания въ III томахъ / сост. под ред. В. Ф. Зотова и Ф. Толля. — СПб. : Изд. Ф. Толля, 1864. Т. 3.

48. *Новгородский областной словарь.* — Новгород, 1994. Вып. 7 : Опометь — побережья.

49. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Изд. 21-е. — М., 1989.

50. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 57000 сл. Изд. 9-е. — М., 1972.

51. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1992.

52. *Орфографический словарь русского языка* / под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. — М., 1956.

53. *Орфоэпический словарь русского языка.* Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1985.

54. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. — М., 1966.

55. *Потапов С. М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). — М., 1927.

56. *Росси Жак.* Справочник по ГУЛагу : исторический слов. сов. пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. — Л., 1987.

57. *Русское* литературное произношение и ударение : словарь-справочник / под ред. Р. И. Аванесова и

С. И. Ожегова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.

58. *Сводный* словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. — М., 1991.

59. *Словарь русских говоров Приамурья* = СРГП₁. — М., 1983.

60. *Словарь русских говоров Приамурья* = СРГП₂, 2-е изд. — Благовещенск, 2007.

61. *Словарь русских донских говоров* : в 3 т. — Ростов н/Д, 1975—1976.

62. *Словарь русских народных говоров* = СРНГ. — М. ; Л., 1966—2006. Вып. 1—40.

63. *Словарь русского языка* = МАС₁ : в 4 т. — М., 1957—1961.

64. *Словарь русского языка* = МАС₂ : в 4 т. 2-е изд. — М., 1981—1984.

65. *Словарь современного русского литературного языка* = БАС : в 17 т. — М. — Л., 1948—1965.

66. *Словник української мови.* — Київ, 1975. Т. 6: П — Поїти.

67. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. — М., 1985.

68. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. (Ушаков).

69. *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов. — М., 2007.

70. *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — СПб., 1908.

71. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — М., 1973. Т. 4.

72. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб., 2004.

73. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М., 1993.

74. *Этимологический словарь русского языка* = ЭСРЯ. — М., 2007. Вып. 10.

75. *Этимологический словарь славянских языков* = ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20.

76. *Этимологический словарь тюркских языков:* общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «к» = ЭСТЯ. — М., 2000. С. 179—180.

77. *Štekelyj K.* Slavische Wortdeutungen. 1 // Archiv für slavische Philologie. Bd. 27. Hf. 1. — Berlin, 1905. S. 41—44.

78. *Vasmer M.* Russisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1958. Bd. 3.

ИСТОЧНИКИ

79. *Антонов С.* Овраги. Васька : повести. — М., 1988.

80. *Кандыба Ф.* Каменщики // Наши достижения. 1931. № 10/11. С. 35.

81. *Пантелеев Л.* Главный инженер // Дружные ребята. 1944. № 2—3. С. 5.

82. *Пантелеев Л.* Зеленые береты // Костер. 1962. № 1. С. 46.

83. *Пантелеев Л.* Магнолии // Собр. соч. : в 4 т. — Л., 1970. Т. 2.

84. *Пантелеев Л.* Портрет // Собр. соч. : в 4 т. — Л., 1970. Т. 1.

85. *Пантелеев Л.* Портрет. — Л. ; М., 1928а.

86. *Пантелеев Л.* Часы // Пионер. 1928б. № 5. С. 6.

87. *Пантелеев Л., Белых Г. Г.* Кляузная слама // Пионер. 1927. № 9.

88. *Шишков В. Я.* Собрание соч. : в 8 т. — М., 1961. Т. 3.

89. *Шишков В. Я.* Странники. — Л., [1931].

90. *Шишков В. Я.* Странники. — Л., 1932.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 811.112.2:91(470+571)
ББК 143.24-0

ГСНТИ 17.82.40

Kod BAK 10.01.03

Е. А. Чувильская
Н. В. Дубив
Тюмень, Россия

E. A. Chuvilskaya
N. V. Dubiv
Tyumen, Russia

**ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ Х. ШЮЛЕ И В. БЮШЕРА**

**CH. SCHUELE & W. BUESCHER'S TRAVEL
AROUND POST-SOVIET RUSSIA**

Аннотация. Рассматриваются результаты познания России постсоветского периода немецкими писателями-путешественниками. В 90-е гг. XX в. в сознании немцев сформировался негативный образ России, связанный с мафией, нищетой, отсутствием демократии. В рассматриваемых книгах немецких путешественников утверждается, что в России сохранилось ценное ядро — православие, русская душа, великодушие — которое позволит ей возродиться.

Abstract. The following article describes the research of the Post-Soviet Russia by German travelers-writers. In the 90-s of the XX century in the minds of the Germans there was a negative image of Russia, connected with mafia, poverty, absence of democracy. In the books by the German travellers it is stated that there is a valuable nucleus in Russia – orthodoxy, Russian soul, generosity – which will let the country revive.

Ключевые слова: образ; постсоветская Россия; русская душа; путевой очерк; асоциальность.

Key words: image; Post-Soviet Russia; Russian soul; travel essays, asociality.

Сведения об авторе: Чувильская Елена Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт гуманитарных наук.

About the author: Chuvilskaya Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of the Humanities.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: Etschuwilskaja@yandex.ru.

Сведения об авторе: Дубив Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук, старший доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт гуманитарных наук.

About the author: Nadezda Viktorovna Dubiv, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of the Humanities.

Place of employment: Tyumen State University.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: nadjamich@mail.ru.

Гуманитарное знание ставит в последнее время в центр исследования проблему понимания «другого» — иных народов, социальных групп, государств. Употребляя словосочетания «образ страны», «образ народа», мы вступаем в область научной дисциплины, которая изучает образ «другого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи, — имагологии. Понятие «образ» выступает в качестве одного из механизмов и инструментов рецепции и репрезентации других/чужих. По словам А. Р. Ощепкова, в мировом общественном сознании сегодня очень остро стоит вопрос об имидже России. Поэтому важнейшая задача современных гуманитарных исследований — понять механизмы формирования имиджа, роль литературы в этом процессе, факторы, влияющие на него [Ощепков 2010: 3—4]. Следует отметить, что восприятие России на Западе рассматривается прежде всего

сквозь призму исторических реалий, политико-дипломатических отношений, культурных связей и стереотипов, но очень редко в фокусе оказываются литературные модели и эстетические принципы, которые влияют на репрезентацию России. В историко-культурологических исследованиях литературные произведения являются лишь одним из источников информации для воссоздания панорамы культурных связей России и Запада. Изучение образа России, создаваемого в немецкой литературе, позволит понять многогранный и противоречивый процесс взаимодействия литературного и общественного сознания и выявить их взаимопроецирование.

В данной статье основное внимание уделено представлениям о постсоветской России. Распад Советского Союза является переломным моментом в истории России: коренным образом меняется государственное устройство, зарождается новое, свободное общество,

Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ по государственному заказу Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы (мероприятие 1.2.2 — IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

© Чувильская Е. А., Дубив Н. В., 2012

представляющее собой мозаику из оставшихся советских убеждений, привычек, норм и российских новообразований, чувства относительной свободы и вседоступности. С переходом России в иную историческую эпоху происходит и смена представлений о ней в Германии. В сознание немецкого общества наряду с традиционным классическим образом русских (Россия с ее культурой, с Толстым, Достоевским, Горьким и др., с классическим балетом, экзистенциальным искусством, Россия как европейская культурная нация) постепенно входит с первым потоком «новых русских» за границу, миграцией русских немцев в Германию и политическими конфликтами негативный имидж (образ мафиозного богатого «нового русского», русской женщины-соблазнительницы, роскошной жизни, коррупции, вседозволенности; антигуманная политика Москвы в Чечне). Сформировавшиеся в это время представления о России еще долгое время будут занимать в немецком сознании доминирующую позицию. Возможно, что знакомство немцев со средним культурным классом российского общества постепенно вытеснит стереотип 1990-х гг.

Какие компоненты образуют сложившийся образ постсоветской России?

Образ России традиционно присутствует в художественном сознании немецких писателей как результат освоения чужого этнического пространства на основе общественно-политических, межгосударственных, культурных, в том числе литературных взаимосвязей, пересечений и переплетений [Кудрявцева 2007]. После открытия железного занавеса у современных немецких авторов появляются новые возможности познания «чужой» российской действительности. Палитра представлений о России становится более дифференцированной. По словам социолога А. Г. Здравомыслова, понятие «Россия» «включает в себя сложную совокупность образов, эмоций и определений» [Здравомыслов 2003: 529]. В данную систему входит географическое пространство как место сосредоточения русского этноса, государственное образование определенного типа, культурное пространство (литература, музыка, живопись, архитектура), вмещающее определенные общественные отношения и нравственные ценности, русские люди с русским характером как совокупность индивидов, говорящих на русском языке, их быт, обычаи и привычки [Koslatschkow 1998].

В качестве одного из путей познания постсоветской России и построения ее образа немецкие авторы выбирают «погружение» в российскую действительность, отправляясь в путешествие по русским городам и деревням.

Документально-художественные жанры — путевые записки, дневники и мемуары — дают наиболее развернутое, подробное повествование о России. Вместе с тем, как отмечает А. Р. Ощепков, жанр путевых записок диктует

определенный угол зрения на объект, обуславливает некоторую поверхностность наблюдений, поспешность выводов, акцентирование непохожего, странного, экзотического и субъективности, а подчас и пристрастность взгляда [Ощепков 2010: 9].

Какой образ России создают немецкие писатели-путешественники постсоветского времени?

Многоликий портрет постсоветской России рисует Христиан Шюле. Автор отправляется в путешествие по Уральскому региону и лицом к лицу встречается с далекой ему, чужой и необъяснимой российской действительностью. В своих путевых заметках «*Kleine Erkundung der russischen Seele*» Х. Шюле не только описывает жизнь русского народа в настоящей России, которая начинается там, где заканчивается асфальт *Russland beginnt dort, wo der Asphalt aufhört* [Schüle 2003], но и пытается раскрыть причины появления сложившихся реалий.

Сквозь все произведение проходит нить пессимизма, негативных «черных» представлений о России и мотив смерти. Русская душа — *Relikt des 19. Jahrhunderts ... die russische Seele sei krank, entstellt und heillos, das gebrochene Volk, die Russen... / пережиток романтизма XIX в. Русская душа больна, обезображена и неизлечима, а русский народ сломан* [Schüle 2003]. Нищета, разочарование, унижение, алкоголизм, падение человека и исчезновение ценностей, пустота, страдание и боль — вот что находит *открыватель русских деревень, приговоренных к смерти (zum Sterben verurteilt)*. В деревнях царит бедность, *люди живут, чтобы выжить (wir leben, um zu überleben)*. Только тот, у кого есть деньги или связи, сможет выжить. Россия погрязла в коррупции, воровстве и мошенничестве, в постперестроечное время деньги сделали русских злыми, так как почти каждый стремился заполучить их во все большем размере (*Die Russen seien böse, seit der Perestrojka...*). Жажда денег и власти способствовали появлению мафии, которая спонсируется со сталинской тайной полицией (*...sie erinnern an die „schwarzen Raben“, die Wagen von Stalins Geheimpolizei*). Россия превратилась в *преисподнюю коррупции (Korruptionshölle)*. Жители не верят правительству и правящей партии «Единая Россия» и называют демократию *Scheißokratie* (от *Scheiße* — 'грязь, дерьмо'). Горбачев и Ельцин, пришедшая на смену советской власти демократия украли Россию (*Gorbatschow und Jelzin haben uns unser Russland geklaut*). *Каждый в России боится за жизнь, боится заболеть, а тот, кто болен, тот умирает*. Это еще раз доказывает неверие русского человека в настоящее и будущее, жизнь воспоминаниями о прошлом (*den Kommunismus, den wünsche ich mir so sehr zurück*), безнадежность. *Унижение человека жизнью — это будни в умирающей деревне*, — резюмирует Х. Шюле. Люди становятся раба-

ми, мусором. Снова пришло время естественного права: выживет сильнейший. Русский человек заглушает свое разочарование и безвыходность алкоголем, «мертвыми» становятся целые деревни, жители которых «тонут», пьют днем и ночью все, что содержит спирт (водку, чистый спирт, одеколон, жидкость для снятия лака и т. д.): *Sascha will ein totes Dorf zeigen... In diesem Dorf leben die, die untergegangen sind.* Алкоголь становится атрибутом современной молодежи, своеобразным гламуром, как замечает автор, проезжая по Челябинску: *An jenem Abend hält fast jede sichtbare Frau in Tscheljabinsk eine Dose oder eine Plastikflasche Bier in der Hand, und fast jeder junger Mann tut es prinzipiell, das ist normal, es ist doch Wochenende.* Вычурно и вызывающе одетые девушки заинтересованы прежде всего в том, чтобы привлечь мужчин. Молодые люди плюются, не обращая ни на что внимание. Может, такое падение человека и ценностей — вызов государственному устройству, действиям чиновников и всеобщему депрессивному состоянию, а может, его следствие? Весь город кажется охваченным темнотой и депрессией, асоциальностью, неприязнью по отношению к другим: *Wer in den überfüllten Trambahnen sitzt, weicht allen Blicken aus, stiert durchs beschlagene Fenster oder auf den Rücken des Vordermanns... keiner spricht und lacht...* Автор представляет взгляд со стороны, сам русский народ настолько охвачен угнетенным и мрачным состоянием, что не замечает этого.

Однако в столь пессимистическом и темном образе России отмечаются позитивные черты. В поисках «потерянной» русской души и в надежде на возрождение русский человек с 1990-х гг. обращается к православному наследию, так как вера образует фундамент русской души: *Der Glaube sei das Wichtigste, er sei das Fundament der russischen Seele...* Русский народ ищет начала своей культуры, духовную страну, влюбленную до безумия в искусство, литературу и Бога. Это своеобразное размышление над досоветским прошлым и возвращение к дореволюционной царской России. Воспоминания о прошлом и надежды на будущее в настоящем висят над пропастью. Х. Шюле формулирует данную ситуацию в лице одного из героев: *Wir Russen leben eben immer in Traum, im Gestern und im Morgen, in der Erinnerung und in der Hoffnung.* Истинно русским является всецелая убежденность в чем-либо, передает автор в словах персонажа-драматурга, постигая русскую душу: *Wahrhaft russisch ist doch das Überzeugtsein von etwas, ganz und gar.* Герой произведения продолжает: *Die Russen geben ihr Herz für etwas hin, einen Glauben, einen Menschen, eine Hoffnung / Русские отдают свое сердце чему-либо — вере, человеку, надежде.*

В завершение путешествия Х. Шюле посещает шамана в Ямальском округе. Именно он

раскрывает писателю секрет устройства, спасения и возрождения русской души: *...die Russen wieder zu lieben lernen müssen, nachdem die bolschewistische Propaganda das Licht unterdrückt habe und die Menschen entmenschlicht. Die Energie der Liebe soll fließen wie das Wasser des Katun ... denn Liebe und Hingabe... seien die Juwelen der russischen Seele. / Русские люди должны снова научиться любить после того, как большевистская пропаганда подавила свет и обезчеловечила людей. Энергия любви должна струиться как вода в Катуну ... так как любовь и самоотверженность... являются сокровищами русской души.*

Итак, Х. Шюле, создавая образ постсоветской России, использует палитру негативных и пессимистических жизненных реалий русских деревень и городов. Вывести русский народ из состояния упадка, безысходности и разочарования сможет только вера, любовь, самоотверженность и жизнь настоящим.

Рассмотрим еще один портрет России, нарисованный немецким автором, представшим в образе путника.

«Берлин — Москва. Пешее путешествие» — уже название звучит странно. Люди XXI в. не преодолевают дальние расстояния пешком. Так передвигаются только искатели приключений, к которым принадлежит Вольфганг Бюшер. За восемьдесят два дня преуспевающий журналист, вполне устроенный житель благополучной Германии, прошел пешком более двух с половиной тысяч километров от одной столицы до другой, начав путешествие в разгар лета 2001 г. и завершив его уже дождливой осенью, пройдя путь Наполеона и солдат вермахта из группы армий «Центр» через Одер, Вислу, Неман (*Über die Oder, Weichsel, die Memel*) [Büscher 2003: 11]. Потому его личное восприятие России постоянно перекликается с историческими оценками.

Во время путешествия Бюшер начинает понимать, как мало он сам и другие люди на Западе знают о Восточной Европе: «О многих городах, в которых я побывал, ничего не говорилось в путеводителях», — пишет Вольфганг Бюшер.

Россия открывается ему постепенно, он идет по русским дорогам, которые *похожи на восточные реки: длинные и широкие... Все время прямо: не видно ни конца, ни края (Russlands Chaussees sind wie die östlichen Ströme, weit und breit. ...Immer geradeaus, und kein Ende)* [Там же: 75]. Автор проходит через неизменные русские (восточные) деревни с одной улицей и двумя рядами деревянных изб и деревянной скамьей перед избой; через русские города, прекрасные в прошлом, что еще заметно по развалинам, и уродливые сегодня. Писатель встречается с русскими, которые пьют водку и любят пофилософствовать, верят в чудеса и *не показывают ни малейших признаков униженности или покорности* и, конеч-

но, имеют золотые зубы (*Alle Russen haben Goldzähne*) [Büscher: 75]. В молодых людях, в их внешности и привычках уже отчетливо видно влияние Запада: *Die jungen Männer auf dem Platz hatten etwas, das ich aus Berlin kannte. Die jungen Frauen Lucky Strike im Mund, Coca-Cola in der Hand.* / Юноши на площади похожи на своих берлинских сверстников... Девушки — в зубах „Лаки страйк“, кока-кола в руке [Там же: 89].

Путешествие В. Бюшера, человека с Запада, — путь познания Востока. То, что Бюшер видит по пути, постепенно перемещаясь из европейского пейзажа в славянский, страшно: в каждом месте возвышаются статуи, бедность, разруха в душах, на дорогах, на улицах. *Бескрайние объемы дряни оставило после себя военное время. Дрянь в домах. Дрянь в государстве. Дрянное питание. Дрянные автомобили... Дрянь на полях и в реках. Дрянь в поведении. Дрянь в разрушенных церквях. Дрянь в душах людей... (Ungeheure Mengen Schrott...)* [Там же: 203]. И это не результат войны с немцами, это война русских против самих себя: *Что Вы сделали с вашей страной? С вашими городами? С самими собой, живущими в темноте?* [Там же: 203].

Но надежда есть. Это добрые люди, помогавшие В. Бюшеру по пути, это русские женщины, которые кормили его, устраивали ночевать, дарили человеческое тепло. Благодаря этому Россия не полностью ушла в болото, она

проходима, она позволяет человеку поставить перед собой цель и дойти до ее завершения, в ней есть проходимость добра.

В России, несмотря на всесторонний упадок, таится ценное ядро (ее тепло, великодушие и доброта), требующее возрождения.

Представленные немецкими писателями-путешественниками кусочки российской действительности укрепились в сознании немцев и создали имидж постсоветской России и русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслов А. Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. — М., 2003.
2. *Кудрявцева Т. В.* Вековые контрапункты: образ России в коллективном сознании германского этноса // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. №2. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/notices.php?binn_rubrik_pl_articles=253 (дата обращения: 15.01.2012).
3. *Оценков А. П.* Образ России во французских путевых записках XIX века : науч. моногр. — М. : Изд-во Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2010.
4. *Büscher W.* Berlin-Moskau Eine Reise zu Fuß. — Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 2003.
5. *Koslatschkow A.* Von Datschen und Kleingärten // Wostok. Informationen aus dem Osten. 1998. № 6.
6. *Schüle C. K.* Erkundung der russischen Seele. Über Elend und Hoffnung, Musik, Liebe, Suff die Rückkehr zum Glauben und die Sehnsucht nach dem Zaren. URL: http://www.zeit.de/2003/42/russland_neu. 2003. №.42 (дата обращения: 09.01.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. С. В. Кондратьев

УДК 791.43(44)
ББК ЦЗ73.3(4Фра)

ГСНТИ 13.01.11

Код ВАК 24.00.01

Е. А. Никитина

Екатеринбург, Россия

E. A. Nikitina

Ekaterinburg, Russia

**ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ
ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА
(на примере фильма Э. Сколы «Бал»)**

Аннотация. На примере фильма «Бал» (1983 г.) рассматриваются особенности творческой манеры Э. Сколы. Анализируется взаимодействие танца и кино: синтез двух видов искусства становится художественным средством раскрытия специфики социокультурной атмосферы и событий, происходящих во Франции с 1932 по 1983 г. Смена танцевальных и музыкальных стилей отражает ключевые даты французской истории XX в.

Ключевые слова: визуальный образ; текст культуры; синтез искусств; танец; творческая манера Э. Сколы; кинообраз эпохи.

Сведения об авторе: Никитина Екатерина Александровна, студентка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26.
e-mail: katerina_nikitina@list.ru.

**THE VISUAL IMAGE OF THE FRENCH HISTORY
OF THE XX CENTURY**

(on the basis of E. Scola film “Le Bal”)

Abstract. This article discusses features of the creative manner of E. Scola film “Le Bal” (1983). The analysis of the interaction of dance and film: a synthesis of the two kinds of art is an artistic means of revealing the specific socio-cultural atmosphere, and the events taking place in France from 1932 to 1983. Change of dance and musical styles reflects the key dates in French history of the XX century.

Key words: visual image; text of culture; synthesis of the arts; dance; creative manner of the E. Scola; the film image of the time.

About the author: Nikitina Ekaterina Aleksandrovna, Student of the Institute of Philology, Cultural and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Этторе Скола — известный итальянский режиссер и сценарист второй половины XX в., написавший почти 90 киносценариев снявший 39 картин. Среди них такие шедевры кинематографа прошлого столетия, как «Мы так любили друг друга», «Отвратительные, грязные, злые», «Особый день», «Терраса», «Ночь Варенны», «Марио, Мария и Марио».

Дебют Э. Сколы состоялся в 1964 г. с комедией «Если позволите, поговорим о женщинах», и комедия осталась любимым жанром режиссера. Тем не менее жанровый диапазон фильмов Э. Сколы необычайно широк: от комедий и «итальянских» трагикомедий он шел к серьезным картинам, психологическим драмам, фильмам, поднимающим социальные проблемы. В своих работах Э. Скола поднимал злободневные вопросы, затрагивал темы фашизма, расизма, гомосексуализма, классового неравенства, политической диктатуры, краха социалистических иллюзий и т. п. На частных примерах, будь то история одной семьи или судьба отдельного человека, режиссер пытается показать и проанализировать явления общественно значимого порядка. Например, в фильме «Семья» (1986 г.) зритель наблюдает историю одной итальянской семьи на протяжении 80 лет. Через призму сложных внутрисемейных отношений режиссеру удалось показать и историю Италии XX в. (Вторую мировую войну и режим Муссолини, экономический кризис, безработицу и голод и т. д.).

Однако Э. Скола раскрывает в своих фильмах не только социальные проблемы. Его

интересуют и общечеловеческие ценности, темы дружбы, одиночества, любви, такой разной и неповторимой, милосердия и взаимопонимания, поиска жизненного пути и т. д. Об этом свидетельствуют такие кинокартины, как «Мы так любили друг друга» (1974 г.), «Необычный день» (1977 г.), «Любовная страсть» (1981 г.), «Макарони» (1985 г.), «Нечестная конкуренция» (2001 г.). Президент Ассоциации кинообразования и медиапедагогике А. В. Федоров отмечает: «В фильмах Э. Сколы драматическое и комедийное сплетались в тугой клубок дружбы, любви, обид, обещаний, правды и лжи, веры и отчаяния» [Федоров]. Герои работ итальянского режиссера — это обычные люди со своими проблемами и нуждами, разочарованиями, радостями, мечтаниями и жизненными целями.

Для большинства фильмов Э. Сколы характерна мрачная ирония, едкий сарказм. Каким бы серьезным и напряженным ни была кинокартина, неизменной оставалась ироничная или меланхоличная улыбка режиссера. Однако язвительный юмор, подчас довольно злой, направлен не на героев фильмов, а на ту действительность, которая калечит людей и рушит их жизни. Творчество Э. Сколы отличается социально-сатирической направленностью и иносказательностью. Однако горькое повествование часто пронизывается чрезвычайно эмоциональными, феерическими комедийными сценами. Так называемая «темпераментная легкость» вообще является отличительной чертой всего итальянского кинематографа.

Статья написана в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.1117.

© Никитина Е. А., 2012

Даже типичные бытовые и трагические мотивы в итальянском кино получают оптимистическое звучание, пронизаны жизнеутверждающим пафосом, который сочетается с сатирическим разоблачением пороков итальянского общества [См.: Смирнова 2001].

Особенности творческой манеры Э. Сколы в полной мере сказались в его картине «Бал» (1983 г.), которая считается одним из великолепнейших творений режиссера. Этот фильм снят по спектаклю-мюзиклу Жан-Клода Паншена, поставленному в театре «Ле Компаньоль». «Бал» признают одним из шедевров мирового кинематографа, восхищаясь эпичностью, лиричностью и музыкальностью изображения образов, их психологической проработанностью. Критики называют «Бал» Э. Сколы сказочной феерией, наполненной легкостью, изяществом и очарованием. Однако за яркой, наполненной весельем и красками картинкой звучат печальные ноты, связанные с ностальгией по ушедшему прошлому.

Фильм, передающий атмосферу радости, грусти, страстей, разочарований и надежд, любви, воплощает все творческие принципы автора. Мы видим на экране настоящий бал, утверждающий счастье, радость, сопровождающийся ощущением праздника, чуда, волшебства. Но «Бал» Э. Сколы отличается от всех известных (от бала дебютантки в высшем обществе, королевского, школьного, выпускного и т. д.). В представлении Э. Сколы бал — это бесконечный танец истории, в котором кружатся все люди, где есть счастье и беды, любовь и одиночество, где у каждого своя судьба и своя партия.

Э. Скола не раз использовал такой драматургический прием, как раскрытие истории страны через показ жизни людей («Необычный день», «Любовная страсть», «Семья»). Вот и фильм «Бал» показывает 50 лет французской истории как зарисовки из жизни людей, посещающих маленький парижский клуб. На его танцполе под нестареющие шлягеры разворачивается судьба народа и страны.

«Бал» — фееричный, праздничный, яркий фильм без единого слова, в котором «средствами музыки и танца, цвета и света рассказывалась история Франции и французского кино за последние полвека» [Федоров]. Режиссер воссоздал необыкновенный бал истории, сменяющих друг друга эпох, языком танца и музыки осмыслил политические и культурные перемены во Франции в период с 1932 по 1983 г. Перед зрителями проходит история поколений 30-х, 40-х, 50-х, 60-х, 70-х, 80-х гг. с их важнейшими событиями, в результате чего создается визуальный образ эпохи. (Под визуальным образом мы понимаем «результат деятельности нормативного и ценностного аппарата человека или коллектива, „видение“, пропущенное сквозь культуру» [Порозов 2011: 220].)

Композиционно фильм состоит из шести эпизодов, отражающих ключевые даты фран-

цузской истории прошлого столетия: 1936, 1940, 1944, 1946, 1956, 1968 и 1983 г. Каждый последующий эпизод менее продолжителен, чем предыдущий. Это режиссерское решение помогает почувствовать ход времени, убаюкивающий темп жизни.

В каждом эпизоде параллельно разыгрывается несколько драматических миниатюр из жизни посетителей танцзала; это «большая история страны, разбитая на мозаику мини-историй, коротких блестящих штрихов» [Семеркин]. Несмотря на дробную структуру, раздробленности восприятия не возникает, все эпизоды представляют собой единое композиционное целое. Связующим звеном в картине выступают в том числе фотографии на стенах зала. Эти фотографии — окна, через которые мы можем дотронуться до прошлого; они отражают историю, движение времени, смену эпох и одновременно их связь. Той же цели служит место, где происходит действие — камерное пространство одного танцевального зала. Сквозные персонажи, переходящие из эпизода в эпизод (бармен, музыканты, скромная блондинка), — вневременные образы, которых узнает любой человек, ведь в каждой стране и в любое время живут «трудяги», дельцы, чиновники, представители элиты и т. д. Люди по сути своей не меняются, изменения претерпевает лишь внешняя сторона жизни (одежда, машины, дома), ее оболочка, но именно это делает все эпизоды фильма уникальными, неповторимыми.

Самой продолжительной и содержательной частью является 1936 г. — время активности во Франции Народного фронта. На экране — танцзал, стены которого украшены красными коммунистическими флагами и агитационными плакатами, играет радостная, заводная французская национальная музыка. Посетители, заполнившие зал, — обыватели, «трудяги»: они одеты в серую, коричневую, ничем не примечательную, однотипную рабочую форму, халаты и плащи, кепки и береты. Все эти люди пришли сюда, чтобы вместе провести свободное время, повеселиться. Их единство выражается в бурном хороводе. Лишь появление аристократов, которых выдают богатые наряды (смокинг и белоснежное платье, меховое манто и драгоценности) и манеры, столь нетипичные для этого клуба, несколько притупляет всеобщее веселье, вызывает презрительные, осуждающие взгляды окружающих. Однако даже это неприятное обстоятельство не может помешать всеобщему бунту жизни и веселью.

Начинается Вторая мировая война, а следом и немецкая оккупация — 1940 г. На сцене-экране уже не танцпол, а бомбоубежище, слышны звуки сирены. Изображен страх, ужас людей от происходящего, чувствуется безнадежность их положения. Герои в темных, старых, поношенных шерстяных костюмах, с рас-

трепанными волосами; от былого остались лишь тщательно укрытые скрипка и граммофон. Женщины танцуют друг с другом, плача и вспоминая своих возлюбленных. Французские мелодии больше не слышны — их сменили немецкие песни. Зрители видят новых персонажей — немецких солдат, которые даже в этом клубе ведут себя, как хозяева жизни. И вот наступает освобождение от фашистской оккупации: включается свет в зале, кругом цветы, герои (даже калека, вернувшийся с войны без ноги) кружатся в хороводе, опять играет французская музыка.

И снова война... 1956 г. — в Алжире идет война за независимость от Франции. В зале оживленно обсуждают новости, почерпнутые из газет; главным местом становится не паркет, а барная стойка, где можно выпить и поговорить. Во Франции начинается «американская» эпоха, звучат американские ритмы, в зале играет «Blue boys band», завсегда таи клуба танцуют рок-н-ролл и пьют кока-колу, главные герои теперь — американские военные. Новое потрясение происходит в мае 1968 г. — Студенческая революция. Бунтари врываются в заброшенный танцзал, разбивают стекла, раскрашивают в стиле граффити зеркала и стены. Один из лозунгов восставших — «L'art est mort», «Искусство умерло».

Проходит время, наступает спокойный 1983 г., открывавший картину в прологе. В танцзал приходят одинокие, уже не молодые люди, чтобы найти пару и провести время.

Так в «Бале» время отображается в виде смены танцевальных и музыкальных стилей, великолепного завораживающего калейдоскопа звуков танго, рок-н-ролла, латиноамериканских мелодий, диско, «Beatles» и т. д. Фильм состоит из музыкально-танцевальных эпизодов с множеством знаковых деталей определенной эпохи (одежды, интерьера, самой музыки и танцев), которые передают представления и впечатления от прошлого.

Визуальный образ эпохи (Франция XX в.) прочитывается как текст культуры, который создан человеком и проживается им как «информационное поле, подвергающееся каждодневной, ежечасной рефлексии в зависимости от установок личности, <...> выстраивания определенных пространственных моделей и создания языков» [Симбирцева 2011: 73]. Текст культуры при этом наделяется характером открытой системы и обладает особым коммуникативным качеством — способностью вступать в диалог не только со зрителем, но и с персонажами фильма.

Внимательный просмотр фильма пробуждает у зрителей воображение: им необходимо взгляды в детали; сопоставлять свои знания и/или воспоминания с художественными образами на экране; додумывать художественные образы, созданные актерами; проявлять свое образное мышление. Тем самым зрители, становятся соавторами фильма.

Помимо исторической памяти, режиссер обращается к киновоспоминаниям зрителей о конкретных актерах, кумирах поколений, экранных символах определенной эпохи (таких, как Ж. Марэ, Ж. Габен, Ф. Астер), к музыкальной памяти (Э. Пресли, «Beatles»). За счет этого «судьбы героев фильма воспринимаются не только в контексте ... истории, но искусства» [Федоров]. Это способствует визуализации художественного образа Франции прошлого столетия, т. е. «материализации субъективного визуального образа, реализации идеи и образов в физическом мире» [Герасимова 2008: 11], в данном случае — на экране.

Конечно, визуальным образам свойственна некоторая обобщенность и условность, однако, по словам киноведа и кинокритика С. Кудрявцева, «схематизм и упрощенность подхода к событиям XX века компенсируется за счет ярких образных решений, точно найденных штрихов и деталей, максимально выражающих время» [Кудрявцев 2008: 68], знаков ушедшей поры. Дотошность при создании образов персонажей и интерьера танцевального зала создает реалистичность и позволяет зрителям почувствовать свою сопричастность к происходящему на экране.

Облик зала меняется по ходу фильма, поэтому не возникает ощущения застоя и отсутствия динамики: то стены украшены красными флагами и призывными плакатами, то зал превращается в погруженное в полумрак бомбоубежище с наваленными мешками, занавешенными окнами и т. д. Такое умелое переплетение художественного повествования и исторического материала характерно для работ Э. Сколы.

Кинокритики неоднократно отмечали, что «Этторе Скола — один из немногих режиссеров, умеющих рассказывать истории изобретательно и метафорично, используя магическую власть образа» [Тризно]. Это в полной мере подтверждает фильм «Бал», получивший Оскара в 1984 г. как «лучший фильм на иностранном языке». За весь фильм герои не произносят ни одного слова: средством человеческого общения выступает танец. Все эмоции и чувства, неповторимые характеры 140 персонажей, взаимоотношения героев передаются движениями, мимикой и жестами, взглядами, молчаливыми приглашениями на танец и отказами — составляющими визуальный контекст коммуникативного акта [См.: Кривых 2008], представленного в танцах.

При этом перед нами не танцы, мастерски срежиссированные и поставленные профессионалами, как в мюзиклах и современных музыкальных фильмах. Публика, посещающая танцзал, — это обычные люди: женщина-вамп, «синий чулок», томная аристократка, интеллигент, хулиган, «рабочие, мелкие буржуа, чиновники и даже аристократы, презирающие чернь» [Тризно]. Еще десятки типичных мужчин

и женщин своего времени проходят перед зрителями и «рассказывают» свои истории. Зрители без труда распознают образы на экране благодаря их стереотипности, ведь «визуальный образ человека, включающий манеру одеваться, вести себя, двигаться, говорить жестиковать, выбирать те или иные позы, сохранять ту или иную осанку и т. п.» [Бескова 2008: 165] мы отождествляем с индивидуальными качествами личности, характером человека или типичными особенностями целого класса общества. Именно поэтому, «как бы возвращаясь к истокам итальянского неореализма, Этторе Скола не только не задействует в фильме суперзвезд кино, но и не показывает суперзвезд эстрады» [Гордеев], а работает с актерами театра «Ле Компаньоль», создавшими экранизированный спектакль. Актеры изобразили архетипы своей эпохи, реально существовавших персонажей, исторически сложившихся героев-масок, таких, как буржуа, коммунисты, гангстеры, хиппи, фашисты, американские солдаты. Благодаря этому визуальный образ XX в. еще более реалистичен.

Время течет, меняется мода на одежду и прически, приходят новые кумиры, сменяют друг друга поколения, музыка, песни, танцы, а люди продолжают жить под музыку в танце в сменяющихся ритмах времени, и одинокие посетители клуба по-прежнему приходят в танцзал, разбиваются на пары, меняют партнеров и танцуют, знакомятся, влюбляются, расстаются и снова встречаются. Актеры только с помощью пантомимы и пластики блестяще разыгрывают истории, умудряются передать драматизм каждой из них, нравы людей соответствующей эпохи, общественные настроения, социальные проблемы и т. д. Каждый танец — это не только мелодия, отождествленная с конкретными историческими событиями, но и яркая характеристика конкретного кинообраза. Стилистика танцев, изящество движений и пластики, выразительная мимика актеров — всё это создает художественный образ.

Организуя началом всего действия выступает музыка: музыкальное сопровождение помогает художественному описанию образов; дополняет сюжет танца, предопределяет общее развитие действия; иллюстрирует психическое состояние героев фильма, их переживания и эмоции, тем самым придает особую выразительность танцу, соединяясь с движениями, мимикой и жестами, а значит, помогает понять замысел режиссера. Следовательно, музыка используется в трех аспектах: иллюстративном (как средство, усиливающие драматическое содержание действия), программном (как характеристика персонажа с помощью костюма, грима, и т. д.) и драматическом (как дополнительный стержень действия, являющийся отражением всех этапов танца) [Андреева 2003: 20—22].

Музыка, ритмы, танец выполняют в данном кинофильме одновременно и сюжетную, и ин-

формативную функцию, а также оказывают эмоциональное воздействие. Через целостную танцевально-музыкальную структуру в фильме «Бал» зрители постигают облик культуры, общества, пытаются понять образ мыслей и нравы людей определенной эпохи, их характер и психологические особенности.

Помимо музыки и танца содействуют реализации художественной идеи фильма (непрерывающийся бал истории) выразительные средства кинематографа. Крупный план в фильме помогает зрителям расставить нужные акценты в образах, направляя взгляд на лица, руки, ноги персонажей, детали внешнего вида героев и элементы интерьера. Взгляды призывные и смущенные, улыбки и ужимки, поглаживание волос и одергивание одежды — всё это так своевременно показывает камера крупным планом, что и слова не нужны. Жесты говорят сами за себя, каждый персонаж как будто раскрывается перед нами, и мы тут же узнаем его. Не меньшее значение имеет меняющийся во время танца ракурс. Весь фильм наполнен постоянными переходами от крупного плана к общему и наоборот: эти переходы плавны и органично вписаны в общую картину действия. Монтаж оформляет в единое целое картину и отражает замысел автора. Ведь «как только идеи материализуются, зафиксировавшись на пленке, они должны быть удачно соединены между собой» [Арижон 1993: 10]. В «Бале» функцию такой «сцепки» выполняет фотовспышка, органично вошедшая в общее повествование.

Кинокартина Э. Сколы «Бал» создана органичным сочетанием языков музыки, танца (пластики, жестов, выразительных движений тела) и кинематографа (с такими средствами, как крупный план, меняющийся ракурс, монтаж, кадр). Режиссер дает зрителям возможность проникнуть сквозь символическую оболочку художественных образов и попытаться понять специфику времени и эпохи XX в. В результате слияния искусств (музыки, танца и кинематографа) Э. Скола достиг «яркого, эмоционально насыщенного, поэтически проникновенного, глубоко одухотворенного, драматически напряженного воспроизведения жизни человека, его деятельности и борьбы, радостей и поражений, поисков и надежд» [Философский энциклопедический словарь 1998: 205], а значит, режиссеру удалось показать непрекращающийся танец жизни и бал истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Музыка в синтетических видах искусства // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 2. С. 19—23.
2. Арижон Д. Грамматика киноязыка — М.: Искусство, 1993.
3. Бескова И. А. Индивидуальная реальность и курс самоопределения человека // Визуальный образ: (Междисциплинарные исследования). — М.: ИНФРАН, 2008. С. 158—173.

4. Герасимова И. А. Визуализация, творчество и культурные практики // Визуальный образ : (Междисциплинарные исследования). — М. : ИНФРАН, 2008. С. 10—21.
5. Гордеев В. Рецензия на фильм «Бал» // Ежедневный интернет-журн. о кино : сайт. URL: <http://www.ekranka.ru/film/176/> (дата обращения: 06.04.2012).
6. Кривых Л. В. Роль визуального образа в коммуникативном акте // Визуальный образ : (Междисциплинарные исследования). — М. : ИНФРАН, 2008. С. 174—189.
7. Кудрявцев С. 3500 : кн. кинокритик : в 2 т. — М. : Печатный двор, 2008.
8. Порозов Р. Ю. Визуальное как доминанта современной культуры // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 219—221.
9. Семеркин Л. Рецензия на фильм «Бал». 2008. 28 авг. URL: http://recensent.ru/lev_semerkin/684/ (дата обращения: 30.03.2012).
10. Симбирцева Н. А. «Текст культуры»: обозначение дискурса // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2011. № 3. С. 66—74.
11. Смирнова В. Итальянская кинематография. История. Краткий очерк. 2001, июль. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Cinema/cinesto1.htm> (дата обращения: 17.04.2012).
12. Тризно В. «Бал» Этторе Скола — история в лицах и танцах // Информационно-справочный портал Белоруссии. 2010. 3 янв. URL: <http://www.interfax.by/article/55969> (дата обращения: 13.03.2012).
13. Федоров А. Бал : информация о фильме // Кино-Театр.ru : портал про кино и театр : сайт. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/25034/annot> (дата обращения: 16.04.2012).
14. *Философский энцикл. слов.* / ред. Е. Ф. Губский — М. : Инфра-М, 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р культурологии И. Я. Мурзина

М. Н. Овчинникова M. N. Ovchinnikova
Верхняя Пышма, Россия Verhnyaa Pyshma, Russia

ПЬЕСЫ-МИСТЕРИИ

Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ
30—40-Х ГОДОВ КАК ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Рассматриваются причины обращения к жанру мистерии Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в творчестве 30—40-х гг., который становится способом выражения активного сопротивления злу, вызовом лирической героини тоталитаризму и фашизму.

Ключевые слова: пьесы-мистерии; монашество; трансформация жанра; авторская позиция.

Сведения об авторе: Овчинникова Марина Николаевна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 22» г. Верхняя Пышма, соискатель кафедры современной русской литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 624096, Верхняя Пышма, ул. Ленина, 49.
e-mail: ovmn@list.ru

E. JU. KUZMINA-KARAVAEVA'S
PLAYS-MYSTERYES OF THE 30-40TH
AS A CHALLENGE OF THE TIME

Abstract. In the article the reasons of the reference to a mystery genre in E. Ju. Kuzmina-Karavaeva's creativity of the 30-40th are considered. Her plays become a way of expression of the active resistance to harm, a challenge to totalitarianism and fascism.

Key words: plays-mysteryes; a monkhood; genre transformation; the author's position.

About the author: Ovchinnikova Marina Nikolaevna, Teacher of the Russian Language and Literature at School № 22, Verhnyaa Pyshma, Competitor for a Degree of the Chair of Modern Russian Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В начале XX в. в России и в среде русской эмиграции получает распространение особое духовно-церковное движение, известное под такими названиями, как «монастырь в миру», «мирской монастырь». Целью этого движения была выработка форм и путей спасения человека в условиях новой духовно-исторической реальности.

Разновидностью «монастыря в миру» можно считать появившееся в начале XX в. «творческое монашество в миру». Инициатором и сторонником такого типа христианского подвижничества для интеллигенции стал о. Сергей Булгаков, считавший последним заданием культуры «очеловечивание мира» и «обожение человека». Представители такого монашества должны были соединить в себе «первохристианскую любовь к Богу и ближнему» с общественным (или иконописным, или научно-культурным) творческим трудом. На такой путь служения встали монахиня Елена (в миру Е. И. Казимирчак-Полонская), астроном, доктор физико-математических наук, доктор философии Варшавского университета; сестра Иоанна (в миру Ю. Н. Рейтлингер), художник-иконописец; Е. Ю. Кузьмина-Караваева, вышивавшая некоторые из своих икон по эскизам сестры Иоанны.

Среди эмигрантов первой волны в Европу оказалось много представителей русского богословия. В большинстве своем это были профессора, от которых вызов времени требовал особого напряжения сил. Углубляясь в специальные исследования по коренным вопросам религиозной догматики, многие богословы давали им новое оригинальное освещение.

Так, на страницах журнала «Вера и разум» Г. Флоровский вел спор о смысле церковной истории с В. Соловьевым, свт. Игнатий Брян-

чанинов и свт. Феофан Затворник рассуждали о природе духов и ангелов. Человек глубоко религиозный, Е. Ю. Кузьмина-Караваева не могла оказаться вне общения с такими богословами, как В. Зеньковский, Н. Бердяев, П. Флоровский, о. Сергей Булгаков (последний стал ее духовным отцом), и также подключилась к разговору о спасении души.

В 30—40-е гг. в творчестве матери Марии актуализируются «забытые» церковные жанры, в том числе литургическая драма, или мистерия, и насыщаются новым содержанием, отражающим чаяния времени.

Серебряный век понимал мистику как драму, для которой характерна сакральная заданность сюжета («Голгофа»), жертва в качестве ситуативного центра, мотив искупления/спасения. Идею искупительной жертвы и крестного страдания можно увидеть в произведениях Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Б. Ю. Поппавского, М. Кузьмина, З. Гиппиус, А. Ремизова.

«Личность определяется не степенью культуры, даже не талантами, — степень определяется тем, как она вкладывается в свое жизненное дело, в свой жизненный подвиг... Если она может своим прикосновением оживить и одухотворить любую мертвую материю, к которой ... прикасается... то она есть подлинная и живая творческая личность», — так писала в статье «Размышления о судьбах Европы и Азии» в 1941 г. Е. Ю. Кузьмина-Караваева [Кузьмина-Караваева 2004: 517]. Оказавшись в эмиграции, все свои таланты она направила на поддержку своих соотечественников, которым, по словам Г. Флоровского, открылась «бесмысленность и призрачность мира, и в нем жуткая заброшенность и одиночество человека» [Флоровский 1991: 455]; ср.: *В любой стране, в любой тюрьме опять / На дар Твой ку-*

нущь, плача и зывая [Кузьмина-Караваева 2001: 186].

Каковы причины актуализации мистериального жанра в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в 30—40-е гг.?

Поэтике и хронотопу мистериального жанра посвящены работы современных исследователей Н. В. Барковской, Т. Викторовой, Т. В. Емельяновой, М. И. Ибрагимова. Появление мистерий в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой обусловлено структурой сознания автора, которое формировалось под влиянием христианского мировоззрения. По мнению Т. В. Емельяновой, «творчество матери Марии восходит к парадигме мистериального творчества, — что соответствует пониманию творчества как преображения души... и, одновременно, пониманию творчества как преобразования мира... веру в возможность Царствия Божия на земле» [Емельянова: 149—151].

Г. И. Беневич считает важной особенностью творчества матери Марии «точное и яркое» воспроизведение «пройденного ею духовного пути» [Беневич 2003: 82]. По мнению М. В. Юрьевой, «жанр мистерий в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой» развивается «в связи с „общим духом“ русского религиозного возрождения, для которого «мистериальность» являлась «категорией мышления» [Юрьева 2004: 128].

Известны три стихотворные мистерии Е. Ю. Кузьминой-Караваевой: «Анна», «Семь чаш» и «Солдаты», — которые, по мнению Т. В. Емельяновой, «представляют своего рода синтез современной драмы и средневековой мистерии...» [Емельянова 1999: 149—150]. А. Н. Шустов, автор многочисленных статей о матери Марии, считает эти произведения «продолжением ее публицистики» [Кузьмина-Караваева 2001: 22] и религиозно-философских размышлений.

Мистерия «Анна» является наиболее значительным произведением из трех названных пьес, продолжающим спор матери Марии с представителями русской Церкви за рубежом о роли монашества, который она начала в философских статьях «О монашестве», «Типы религиозной жизни», «Аскетизм», и, таким образом, является программным произведением поэта.

Изначально мистерия, состоящая из ряда последовательных драматургических действий, иллюстрировала мифы, связанные с божествами — объектами культа. Начиная с XII—XIII вв. «литургическая драма» «отделяется от обряда и вытесняется сначала на паперть, затем на улицу перед церковью, наконец, на городскую площадь...» [Алексеев, Жирмунский 1999: 141]. К концу XIV в. литургическая драма еще более секуляризируется, «постоянно теряя связь с обрядом, наполняясь светскими литературно-театральными элементами» [Там же]. Появляется диалог как попытка создания драматических характеров и индивидуализа-

ции действующих лиц. В итоге религиозная тематика мистерий «становится лишь поводом для создания ... занимательных зрелищ... партий с диалогом, которые более развлекают зрителей, чем поучают их в морально-религиозном отношении» [Там же: 142]. В этом смысле мистерия «Анна» — поворот к традиции, которая связана с наставлением на путь истинный людей, потерявших веру, с возвращением их к ценностным смыслам, утерянным вдали от Родины. В «Анне» преобладают нравственно-религиозные интенции: проводя героиню через ряд искушений к искупительной жертве, автор оправдывает «мятежную монахиню». Как говорилось выше, свою пьесу Е. Ю. Кузьмина-Караваева строит на материале, связанном с вопросом монашеского служения. Для матери Марии любовь к Богу и любовь к людям были неотделимы. Не признавая голого аскетизма, она отстаивала право принявшего постриг быть в гуще жизни: «Сейчас для монаха один монастырь — мир весь» [Кузьмина-Караваева 2004: 113]. Если Иоанн Листвничник называет монастырь духовною врачевницей, где человек ищет спасения от страстей и духовного воскресения, то мать Мария видела Христа, который «выходит на паперть и смешивается с толпой нищих, прокаженных, отчаявшихся, озлобленных, юродивых. Христос идет на площади, в тюрьмы, в больницы, в притоны. Христос заново и заново полагает душу за други Своя» [Там же: 145].

Противостояние сторонников аскетического монашества и монашества в миру является сюжетообразующим в мистерии «Анна». Сторонницей созерцательного монашества является Павла, которая живет для ...спасенья ... многогрешной души, / Для послушанья, смиренья, / Для жизни в уставной тиши [Кузьмина-Караваева 2001: 283]; ср.: *Инок — от слова: иное. / За монастырской стеной / Нету ни стужи, ни зноя, — / Есть лишь безмолвный покой* [Там же: 283].

Субъектом сознания автора является Монахиня Анна — носительница иного понимания иночества: *Мир населенный — вот монастырь*.

Павла убеждена, что «сторож суровый, устав» должен ограждать монахинь от мира. Анна же отвечает, что христианство обязывает к участию в судьбах мира: *Коль Божий Сын людьми не погнушался / И снизошел до перстной нашей плоти, / То нам ли чистотой своей гордиться?* [Там же: 287].

Чтобы разрешить спор, игуменя просит Архимандрита восстановить мир в монастыре. Тот признает, что «различные пути дает Владыка», и отпускает Анну «с миром». В отличие от Павлы, дело Анны — «заботиться о всех больных», у Анны много дел в селе соседнем, / И в городе она бывает часто [Там же: 286]. Главная героиня мистерии по существу выступает резонером автора драмы, по-своему по-

нимающей монашеское служение: она не просто ходит в народ, а спускается в ад русской эмиграции.

Для усиления авторской позиции мать Мария включает в мистерию житие Виталия-монаха, которое произносит чтица во время трапезы.

В статье «Под знаком гибели» мать Мария пишет: *Монах отдаёт себя без остатка на... жертву, отрекается от себя, от стяжания своего, от своего куска, крова, благополучия, от устройства собственной души... Как ни трудно поднять руку на благолепную... идею монашеской отгороженности от мира семьи на светлый монастырь, — всё же рука поднимается... Пустите за ваши стены беспризорных воришек, разбейте ваш прекрасный уставной уклад вихрями внешней жизни, унижьтесь, опустошитесь, умалитесь...* [Кузьмина-Караваева 2004: 438].

В основном мать Мария следует в мистере традиции: пьесы открывают развернутые экспозиционные ремарки, указывающие на место действия. Они стилизуют мифологическое пространство монастыря и представляют реальное историческое время. Ср., например: *Монастырь. Трапезная рядом с церковью. Очень чисто и бедно. Столы, около них скамьи. Из церкви доносится пение. Потом пение смолкает («Анна»). Арестное помещение при комендантуре. Сводь. По стенам скамьи. Ночь («Солдаты»).*

Ремарки традиционно передают психологическое состояние героя: «молча», «уходит молча», «молчанье», — а также являются средством формирования подтекста — в душе героини происходит что-то, не выразимое словами. В то же время в текст драмы включены ремарки, которые, с одной стороны, отсылают к мифологии античности, с другой — выражают метафорические смыслы, присущие поэзии символистов: ночь, свет, рассвет. Мать Мария наполняет мистериальное действие бытовыми деталями, включает комичные, игровые элементы — снижено-просторечный стиль рассказа Архимандрита об архиерее, песенка слепого Василия Блаженного: *Васенька, Василёк, / Костяной костылёк! / Для людей дурачок! / На скамеечку прилёг! / Ой да на скамеечку! / Засветил огонёк, / Свечечку в копеечку! / Побасёнка-басенка! / Василёчек, Васенька! / Васенька, Василёк! / Перед людьми дурачок! / Перед Богом свечечка, / Свечечку в копеечку! / Василий Блаженный, — / Мощи нетленны...* [Кузьмина-Караваева 2001: 300].

Таким образом, мать Мария полемизирует со святыми отцами по поводу «церковного эстетизма и аскетизма», монашеского быта и монашеского служения. В мистере оспаривается разработанный до мельчайших подробностей быт монаха, который блюдет посты... *зажигает лампы, когда это положено, он правильно творит крестное знамение... он*

до тонкости изучил богослужебный устав, он сердится и негодует, если что-нибудь в церковной службе пропущено, потому что это не полагается [Кузьмина-Караваева 2004: 137]:

Архимандрит

Как полагается нам по уставу.

Молитвою решенье предворяем. Пора нам приступить.

Игуменья

Благословите чайком попотчевать <...>

Во время трапезы благословите,

Отец честной, читать Четы-Минеи,

Очередная чтица ждёт.

Архимандрит

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Но чтение жития о Виталии-монахе грубо, на полуслове обрывается словами Архимандрита: *Кончай читать, сестра. Уже мы сыты, / И правило вечернее пора нам / С сердечным умилением совершать* [Кузьмина-Караваева 2001: 288].

Так выражает мать Мария свое несогласие со *страшным идолопоклонством в Церкви, когда оно подменяет любовь Христову...* [Кузьмина-Караваева 2004: 140], *когда уставщик знает, что он должен подать нищему...* (выделено автором — М. О.), *но основной мотив для такой деятельности — это то, что она предписана* [Кузьмина-Караваева 2004: 138]. По мнению матери Марии, *монашество нужно... главным образом на дорогах жизни, в самой гуще ее* [Там же: 113], поэтому Анна уходит из монастыря, помогая словом или делом тем, кто в этом нуждается.

Свойственная мистериальному хронотопу дихотомия сакрального и несакрального пространства подчеркивается в пьесе матери Марии символами-мифологемами: монастырь, Церковь, Господен рай, неопалимая купина. Сама героиня занимает «пограничное» пространство, что также свойственно мистериальной картине мира: Анна одновременно и монахиня, и монахиня, не принимающая устава монастыря, требующая от него «живой активности» [Эткинд 2001: 435]. Сохраненное трехчастное пространство (Земля — будни монастыря, ад — жизнь странников, скитальцев, блудниц, рай — «небесный престол», куда подымается душа Анны, отданная «за други своя») также восходит к традиции.

Главная жанропорождающая мифологема мистере, мотив умирания-воскресения, воспринимается как рождение в вечность, преобразование. В эстетике мистериального жанра всегда рядом с героем, потерявшим веру, согрешившим, появляется обретший истину или путь к ней. Анна успела пройти свой путь познания истины, и физическая смерть уже не может стать ей препятствием на этом пути. Жертва становится ситуативным центром пьесы. Повстречавшись с грешным скитальцем, Анна сознательно принимает его грехи на себя: *Но заплачу я за тебя, / За душу душу дам в обмен, / Приму навеки вражий плен, / Спасу тебя, себя губя* [Кузьмина-Караваева 2001: 298]. Це-

ною ее вечного осуждения спасается скиталец: он мирно умирает, а Анна готовится к мукам.

В 3-м действии автор мистерии приводит Анну к пониманию того, что зло над ней не властно: в аду нет места любви и самопожертвованию. Из любви она приняла на себя бремя зла. Этой же любовью она его победила.

На биографическом материале строится еще одна пьеса-мистерия, «Семь чаш». В ней мать Мария проводит мысль о том, что необходимо активно сопротивляться злой силе, а не смиренно принимать все беды и несчастья, которые ниспосланы человеку. В пьесе 1942 г. мать Мария клеймит не только фашистский режим, но и тоталитаризм вообще:

1-й голос

Эй ты, философ, выбился из строя!

На ласточек небесных загляделся? <...>

Твоя задача — строй держать и в ногу

В назначенном тебе ряду шагать [Там же: 311].

Пьесе «Семь чаш» также свойственна темпоральная бинарность. Структурное пространство мистерии главами разделено на профанное (земное) и сакральное (вечное). Действие пьесы переносит читателя с пустынного острова (где Иоанн Богослов, которому Господь дал знания о конечной судьбе мира, беседует с отроком Прохором) в толпу пленных, которых солдаты грузят в товарные вагоны для отправки в Германию. Автор сравнивает это действие с Исходом евреев из Израиля: *Толпа стремится / Неисчислимая. Куда — не знаю. / Тут старики, и женщины, и дети, / Больных несут за ними на носилках / Иль под руки ведут. И молодые, / И старые согнули низко спины. / Идут, как обреченные на казнь* [Там же: 318].

«Мятежная монахиня», как звали мать Марию, передает позицию не смирившегося перед страшным испытанием человека, не принимает рабскую покорность:

1-й пленный

Поля пахать мы будем.

Чтоб было чем кормиться их солдатам,

И добывать руду им для снарядов.

2-й пленный

На наших братьев нашими руками

Мы создадим смертельное оружие.

1-й пленный

Нет выбора у нас... [Там же: 316].

Мать Мария не только считала, что у человека всегда есть выбор (не случайно пленная девушка до последнего защищает свою честь и человеческое достоинство, бросая стражнику, обнимавшему ее: «Не смей касаться!»), но и доказывала это своей жизнью. В образе Старухи-пленницы, которая утешает девушек, знатоки биографии матери Марии узнают саму Е. Ю. Кузьмину-Караваеву, которая в Равенсбрюке, едва держась на ногах от истощения и болезни, находила силы утешать обреченных:

Старуха

Святые мученицы, сохраните

Лишь душу чистую. Пусть тело будет

Лишь оболочкой недостойной вашей... [Там же: 317].

Богоборческие мотивы, которые были особенно сильны в ранний период творчества Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, вновь проявляются в словах героя пьесы Прохора: *Довольно, Боже. Мир не может больше / Существовать среди этой тьмы крошечной, / И сердце истекает состраданьем* [Там же: 318].

В этой пьесе более, чем в других, сильно влияние символизма, которое проявляется в использовании матерью Марией цветовой символики, метафорических образов.

Особенно частотным является синий цвет (включая всевозможные его оттенки). Иоанн и Прохор следят «за облаками в небе синем», видят, как корабли «плывут среди лазури бледной». В символике православия голубой (синий) цвет — цвет откровения, пророчества, он является воплощением неба, Святого Духа. Именно этот цвет выбирает автор пьесы для воспеания Творца. Голубой в лирике поэтов Серебряного века — знак «той сферы пространства или времени, в которой становятся возможными виденья, сны... и вообще интенсивные душевные переживания» [Ханзен-Лёве 2004: 444]. Одновременно голубой символизирует соприкосновение разных миров (сакрального и несакрального пространства). Не менее часто встречается в пьесе золотой цвет. Перед собой Прохор видит, как «над морем золотятся облака». От взора героя не ускользает ангел, «огнем и золотом ... пронизан», «влага золотая» низвергается с высоты. В исследованиях по символике и философии цвета нередко подчеркивается свойственная золотому цвету связь с Богом. Так, например, у Е. Н. Трубецкого читаем: «Но изо всех цветов один только золотой, солнечный обозначает центр божественной жизни, а все прочие — его окружение» [Трубецкой 1991: 11]. Дар особо выделить этот цвет подчеркивает религиозность, набожность человека-художника. Так заявляется в мистерии сакральное пространство «престола Божьей Славы».

Символичен и образ священной лестницы, которую «до волн зеленых ангелы спускают». Лестница в православной традиции — символ совершенствования души, ее пути к Богу, и эта устремленность соединяется с пространственным перемещением. После обозначения мира как чуда в вертикальное пространство мистерии (горний и дольний мир: море — облака, остров — небо, земля — высота) вторгается inferнальная область через рассказ Старика из главы девятой «Откровенья Иоанна Богослова» о мучениях, возглашаемых Ангелами грешникам по Божьей воле: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» [Библия 1992: 1333]. Адское пространство, обозначенное в мистерии, является прямой аллюзией к газовым камерам и печам концентрационных лагерей:

2-й еврей

Всех в солеварни будут отсылать.

3-й еврей

И газами травить, коль не способны
К тяжелому труду.

2-й еврей

Всех уничтожат.<...>

2-й еврей

Смотри, смотри, — передние ряды
В нежданном ужасе теснятся. Что там?

3-й еврей

Там видятся мне ангельские крылья,
Серебряные трубы там гремят,
Господь мой, Страшного суда преддверье... [Кузьмина-
Караваева 2001: 321].

Иоанн

Жнецы придут от Господина жатвы
И плевелы отделят от пшеницы,
В костры их кинут. Доброе зерно
Всё уберется в закрома Господни.
В этой мистерии получает продолжение традиционный
мотив испугительной жертвы:

2-й старик

Ты помнишь, как многострадальный ИОВ,
На гноище, проказою покрытый,
Не согласился Бога похулить [Там же: 320].
Народ израильский уже предчувствует страшные пытки,
что всех будут отсылать в «солеварни», и настанет «бес-
смыслица, страшнейшая из пыток».

Старуха

Молитесь, девушки. Не грех, а подвиг,
Не наказанье, а венец нетленный
На страшном ожидает вас пути.

Заканчивается пьеса описанием чувств и переживаний Прохора, восходящего к жизни вечной: *Отец, отец, в крылатый мир вступаем, / В мир царственной, священной белизны, / И в солнце мы горим и не сгораем, / Неопалимой Купине причастны, / Крещаемы Огнем Святого Духа* [Там же: 322].

«Горим и не сгораем» — это мать Мария о себе сказала. Вера крепила ее силы, помогала нести тяжкий крест. Равенсбрюк и «огнепалый конец», о котором она еще в 1930-е гг. провидчески писала в своих «огненных» стихах, стали ее судьбой, ее Голгофой. Как это страшно и какой силой духа надо обладать, чтобы открыто заявить, что душа готова принять последний час! Крещение огненное — это, вероятно, крещение Святым Духом, который, как сказано в «Деяниях святых апостолов», сошел на апостолов в виде огненных языков: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать» [Библия 1992: 1162]. Еще в одном месте Священного Писания есть упоминание об огненном крещении. О нем проповедует людям Иоанн Креститель: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очи-

стит гумно Свое и соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» [Там же: 1013].

Мистерия «Солдаты» осталась незаконченной. Она так же, как мистерия «Семь чаш», поднимает еврейский вопрос, которому мать Мария посвятила не одну философскую статью: «Размышления о судьбах Европы и Азии», «Под знаком нашего времени».

Рассмотренные мистерии демонстрируют укрепленные в художественном слове религиозно-философские взгляды Е. Ю. Кузьминой-Караваевой: особое понимание монашества, деятельной помощи ближнему и активного сопротивления злу, что противоречит традиционному, созерцательному типу монашества. Бытие, превращенное в художественный текст, в страшную драму жизни, подчеркивает индивидуальность героини, позволяет угадывать автобиографические черты Е. Ю. Кузьминой-Караваевой.

В основном сохраняя канон жанра, мать Мария наполняет его символистской эстетикой. Сакральное пространство подчеркивается образами-символами, цветотписью, метафорами, позволяющими глубже познать сущность мира.

Таким образом, пьесы-мистерии матери Марии — это акт жизнотворчества, прикрепленные к определенному историческому (биографическому) моменту размышления религиозного философа, бросающего вызов времени и отражающего поведенческие реакции, образующие целостный персональный мир монахини в миру, поэтический дар которой постоянно требовал творческой реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П., Жирмунский В. М. История западно-европейской литературы. Средние века и Возрождение. Изд. 5, испр. и доп. — М.: Академия, 1999.
2. Беневиц Г. Мать Мария. — СПб., 2003.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / Изд. Моск. Патриархии. — М., 1992.
4. Емельянова Т. В. Типология жанра мистерий в английской и русской драматургии первой половины XX века (Ч. Уильямс, Дороти Сойрес, К. Фрай, Е. Ю. Кузьмина-Караваева) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 — М., 1999.
5. Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская : стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. — СПб.: Искусство — СПб, 2001.
6. Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария). Жатва духа : религиозно-философские сочинения. — СПб.: Искусство — СПб, 2004.
7. Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Умозрение в красках. — Новосибирск : Сибирь XX век, 1991.
8. Флоровский Г. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991.
9. Ханзен-Лёве А. Мифопоэтический символизм. — 2004.
10. Эткнд Е. Г. Звание человека. Проза о стихах. — СПб., 2001.
11. Юрьева М. В. Поэтическое творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Краснодар, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 811.133.1'27
ББК Ш147.11-3

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

М. В. Плотникова М. V. Plotnikova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ПОЛИТИКА»
В «БАЛЛАДЕ ПРОКЛЯТИЙ
ВРАГАМ ФРАНЦИИ» Ф. ВИЙОНА**

Аннотация. Рассматривается проблематика прецедентных имен в поэзии на примере анализа прецедентных имен со сферой-источником «Политика» в балладе французского автора XV в. Франсуа Вийона методами когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: поэзия; прецедентное имя; сфера-источник; образ.

Сведения об авторе: Плотникова Мария Вячеславовна, ассистент кафедры романских языков, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464.
e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

**PRECEDENT NAMES
WITH THE SOURCE DOMAIN “POLITICS”
IN “BALLAD AGAINST THE ENEMIES
OF FRANCE” BY F. VILLON**

Abstract. The article deals with the problem of precedent names in poetry. We study precedent names with the source domain “Politics” in a ballad by the French author of the 15th century François Villon using the methods of cognitive linguistics.

Key words: poetry; precedent name; source domain; image.

About the author: Plotnikova Maria Vjacheslavovna, Assistant Lecturer of the Chair of Roman Languages, Post-graduate Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

С точки зрения теории прецедентности, которая стала бурно развиваться в отечественной лингвистике последних десятилетий после выхода монографии Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», текст — своеобразный синтез различных областей человеческой деятельности, в него, помимо основного словесного содержания, включены многочисленные контексты из литературы и искусства, архитектуры, музыки, истории и политики [Караулов 1987: 216—236]. Феномен прецедентности активно изучается в рамках когнитивного направления в лингвистике (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Е. А. Нахимова и др.). Рассматриваются и сферы-источники прецедентности [Ворожцова 2007; Илюшкина 2002; Кушнерук 2004; Нахимова 2007].

Одно из ключевых понятий теории прецедентности — прецедентные имена. Под ними мы, вслед за Е. А. Нахимовой, понимаем широко известные имена собственные, которые используются в тексте «не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова 2007: 4].

Французский поэт XV в. Франсуа Вийон (1431 — ок. 1463) в своем творчестве часто прибегал к использованию прецедентных имен. Многие произведения полностью построены на прецедентных именах. Так, например, в «Балладе о дамах былых времен» («Ballade des dames du temps jadis») Вийон тоскует о реальных и мифических красавицах прошлого, называя имя каждой и сокрушаясь о ее печальной судьбе. Он ищет их черты в современных дамах и, не находя, задает вопрос, ставший всемирно известным афоризмом: *Но*

где же прошлогодний снег? (Mais ou sont les neiges d'antan?). В «Балладе о сеньорах былых времен» («Ballade des seigneurs du temps jadis») Ф. Вийон, называя великих царей и воинов прошлого, говорит о том, что каковы бы ни были их слава и величие, всех ждет один конец, никто из них не смог противостоять смерти и обмануть судьбу (*Il n'est qui contre mort resiste ne qui treuve provision*).

В произведениях Вийона доминируют две сферы-источника прецедентных имен: искусство и религия. Это не удивительно, ведь Вийон, будучи приемным сыном священника, воспитывавшимся в монастырских стенах и позднее получившим классическое университетское образование в Сорбонне, часто обращался к персонажам античной истории и Священного Писания. Для определения критериев выделения прецедентных имен мы будем руководствоваться фактором связанности соответствующих имен с классическими произведениями, предложенным Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987: 264].

Историческим контекстом, послужившим фоном для написания «Баллады проклятий врагам Франции» («Ballade contre les ennemis de la France»), была Столетняя война (1337—1453), закончившаяся при жизни Вийона. Таким образом, основными врагами Франции на тот момент были проигравшие англичане, свергнутые сумасшествием своего короля в полосу междоусобиц, анархию и гражданскую войну. Бедствия, обрушившиеся на Англию после войны, воспринимались средневековым сознанием как кара небесная. Французы, напротив, под влиянием победы и подвигов героев войны (таких, как легендарная Жанна д'Арк (1412—1431)), переживали всплеск патриотизма и, возможно, впервые со времен феодальной

раздробленности ощутили себя единой великой нацией. Вийон, подхвативший этот всплеск, выступил рупором своей эпохи и выразил царящие в обществе настроения в «Балладе проклятий врагам Франции».

Как и многие другие произведения Вийона, «Баллада проклятий врагам Франции» построена на использовании прецедентных имен. Автор на примере известных царей и героев античности показывает, что может случиться с врагами Франции, если они еще раз попытаются ступить на французские земли.

Как мы уже отмечали ранее, основные сферы-источники прецедентности в произведениях Вийона — это религия и искусство. Главным образом автор апеллирует к так называемым общечеловеческим прецедентным текстам, т. е. к античным мифам и Священному Писанию. Однако в исследуемой балладе Вийон делает акцент на социальный аспект прецедентных текстов, выделяя политических деятелей как основных героев и в то же время адресатов своего произведения, что позволяет нам отнести исследуемые прецедентные имена к сфере-источнику «Политика», а не «Религия» или «Искусство», поскольку основной целью автора является именно политическое воздействие на «врагов Франции».

Актуальным для данного исследования является вопрос о метафоричности используемых прецедентных имен. Мы расцениваем все прецедентные имена, встречающиеся в исследуемом тексте, метафоричными, — не только по функциональным, но и по формальным признакам. Конструкция с сослагательным наклоном в оригинале баллады является синонимом сравнительной конструкции с союзом «как», что учел переводчик Ф. Мендельсоном, использовавший сравнительные обороты в тексте перевода. Наличие сравнительной конструкции, в составе которой присутствует прецедентное имя, позволяет сделать вывод о метафоричности последнего [Нахимова 2007: 56].

Выделенные метафорические образы мы будем интерпретировать, опираясь на методику описания метафорической модели, предложенную А. П. Чудиновым [Чудинов 2001].

Обратимся к оригиналу баллады и переводу, сделанному Ф. Мендельсоном:

Rencontré soit de bêtes feu jetant
Que **Jason** vit, quérant la Toison d'or;
Ou transmué d'homme en bête sept ans
Ainsi que fut **Nabugodonosor**;
Ou perte il ait et guerre aussi vilaine
Que les Troyens pour la prise d'Hélène;
Ou avalé soit avec **Tantalus**
Et Proserpine aux infernaux palus;
Ou plus que Job soit en grieve souffrance,
Tenant prison en la tour Dedalus,
Qui mal voudroit au royaume de France!

Да встретит огнедышащих зверей,
Как аргонавты у Колхидских гор,

Иль десять лет жрет на лугу пырей,
Как грешный царь Навуходоносор,
Пускай бесславно канет в царство тлена,
Как Илион из-за красы Елены,
И вслед за Прозерпиною уйдет
В страну теней; за гранью адских вод
Пусть, как Дедал, томится в башне, в узах
Иль, как Тантал, безмерно жаждет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Jason (греч. миф.), царь Ээт, упоминается в связи с таким сюжетом: «Царь страны Эа (позднее отождествленной с Колхидой), сын Гелиоса и Персеиды, брат Кирки, Пасифаи и Перса, отец Медеи, Халкионы и Апсирта. Когда Фрикс на золоторунном баране прибыл к Э., тот приютил его и дал ему в жены Халкиопу. Фрикс принес своего барана в жертву, а золотое руно повесил на дереве в роще, охраняемой драконом. Когда в Колхиду приплыли аргонавты, Э. обещал отдать руно Ясону, если тот запряжет в плуг огнедышащих быков и засеет землю зубами дракона (вариант: Э. потребовал, чтобы Ясон помог ему вести войну против брата Перса). Ясон выполнил все требования, но Э. нарушил обещание, решив сжечь корабль „Арго“ и перебить аргонавтов. С помощью Медеи аргонавтам удалось похитить руно и бежать. После отъезда аргонавтов Э. был свергнут своим братом Персом, но вернувшаяся Медея и ее сын Мед убили Перса и восстановили власть Э. (вариант: после свержения Перса правителем Колхиды стал не Э., а Мед)» [Мифологический словарь 2006].

Враги Франции, решившись посягнуть на ее величие и богатства, встретят лишь ужасающие бедствия и будут повергнуты. В данном случае автор апеллирует сразу к нескольким метафорическим моделям, однако основную картину создает зооморфная метафора. Образ огнедышащих быков, которых встретил на своем пути к золотому руно царь Ээт, олицетворяет ужасные препятствия на пути к обогащению за счет Франции.

Nabugodonosor — Навуходоносор (князь или повелитель Нево) — «царь Вавилонский (604—562), сын и преемник Набополассара. Первая война Навуходоносора была с Египетским царем Фараоном Нехао, который незадолго пред тем разбил Иудейского царя Иосию при Мегиддо и, воспользовавшись своей победой, овладел всею страной от Евфрата до Египта. Навуходоносор встретил его войска и разбил их при Кирхаресете и тем положил конец египетскому могуществу в Азии. Шествуя далее, он занял Иерусалим в третий год царствования Иоакима и взял отсюда Даниила с прочими пленными и частью церковных судов как трофеи своей победы. Тир также пал после тринадцатилетней осады. Почти одновременно одержаны были победы в Египте, и все народы Ассирии, Финикии, Палестины и Египта преклонились перед победоносными знаменами. Навуходоносора. Впрочем, славе его царство-

вания равнялась и чрезмерная его гордость. „Расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, — говорится в кн. пр. Даниила, — царь сказал: это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия“. Еще речь сия была в устах его, как с неба раздался голос: „Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя!“ (Дан. 4: 27—28). Так и исполнилось: „Он был отлучен от людей, ел траву как вол и орошалось тело его росой небесной, волосы у него выросли, как у льва, и ногти, как у птицы“ (ст. 30)» [Библейская энциклопедия 2005].

Если врагам Франции и удастся одержать победу, они, возгордившись своей славой, покажут себя лишь животными и будут влачить жалкое существование, поскольку Божья кара неотвратима для всех, кто покусится на французские земли. Здесь автор снова обращается к зооморфной метафоре. В рамках фрейма «Состав царства животных» в данном контексте можно выделить два слота: собственно животные (бык, лев) и птицы.

Tantalus (греч. миф.) — Тантал, «фригийский царь, сын Зевса. Будучи любимцем богов, Т. посещал их пиры на Олимпе, однако повел себя недостойно: по разным версиям, он или рассказал людям о тайнах богов, или похитил с Олимпа амбросию и нектар. Затем Т. устроил пир для богов, на котором в качестве блюда подал мясо своего сына Пелопа — так он якобы хотел испытать, насколько всеведущи боги. За это Т. был низвергнут Зевсом в Аид на вечные мучения жаждой и голодом: стоя по горло в воде, он не мог напиться, так как вода, когда он наклонялся, тотчас отступала от его губ; ветви же деревьев, на которых были плоды, поднимались вверх, как только он протягивал к ним руку. Выражение „танталовы муки“ в переносном смысле означает нестерпимые мучения от сознания близости желанной цели и невозможности ее достигнуть» [Лисовый, Ревяко 2001].

Те, кто решится испытать на себе мощь и величие Франции или обманом проникнуть на французскую территорию, встретят на своем пути нестерпимые муки и погибнут от голода и жажды, так и не дойдя до желаемой цели. Здесь можно наблюдать несколько метафорических моделей: театральная метафора, — образ притворства, обмана Тантала, — фитоморфная метафора, представленная образом дерева со спелыми плодами, которое уклонялось от Тантала, как только он к нему приближался, а также физиологическая метафора — описание мук Тантала от голода и жажды.

Quatre mois soit en un vivier chantant,
La tête au fond, ainsi que le butor;
Ou au grand Turc vendu deniers comptants,
Pour être mis au harnais comme un tor;
Ou trente ans soit, comme la Magdelaine,
Sans drap vêtir de linge ne de laine;

Ou soit noyé comme fut Narcissus,
Ou aux cheveux, comme **Absalon**, pendus,
Ou, comme fut Judas, par Désespérance;
Ou puist périr comme Simon Magus,
Qui mal voudroit au royaume de France!

Пускай торчит сто двадцать долгих дней
Вниз головой, как выпь среди озер,
Иль сгинет между мельничных камней,
Живьем размолот, как святой Виктор,
Или сгниет, как Иов, постепенно,
Как Симон Маг низвергнется в геенну,
Иль, как Иуда, сам себя убьет,
Пусть, как Иону, кит его сожрет,
Пусть в камень превратит его Медуза,
Иль, как Нарцисс, пускай утонет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Absalon — Авессалом («евр. Авшалом — отец мира) (II Цар. III, 3) — третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая, царя гессурского, славившийся своею красотой, особенно своими длинными, густыми волосами, которые, когда он стриг, что делал ежегодно, весили 200 сиклей по весу царскому (II Цар. XIV, 25—26). Вкравшись в народную любовь, он поднял в Хевроне открытое восстание. Огорченный отец с небольшим числом преданных лиц бежал из Иерусалима. Овладев столицей, Авессалом восшел на ложе отца своего (II Цар. XVI, 22), имея в виду утвердить этим, по восточному обычаю, притязания свои на престол, и с войском пошел против изгнанного царя. Мятежник и кровосмеситель принял достойную казнь. Разбитый близ Иордана, спасаясь бегством на муле через теревинфовый лес, он повис своими густыми волосами на сучьях большого дуба, и Иоав пронзил его тремя стрелами, хотя Давид строго наказывал своему военачальнику щадить жизнь своего сына (II Цар. гл. XVIII)» [Библейская энциклопедия 2005].

Те, кто рискнет напасть на Французское королевство, погибнут от своего же оружия, поскольку любой мятеж против Франции обречен на поражение. Образ представлен двумя метафорическими моделями: физиологическая метафора — волосы Авессалома — и фитоморфная метафора, выраженная образом дуба, в котором запутался мятежный Авессалом.

D' **Octovien** puist revenir le temps:
C'est qu'on lui coule au ventre son trésor;
Ou qu'il soit mis entre meules flottant
En un moulin, comme fut saint Victor;
Ou transglouti en la mer, sans haleine,
Pis que Jonas ou corps de la baleine;
Ou soit banni de la clarté Phébus,
Des biens Juno et du soulas Vénus,
Et du dieu Mars soit pugni à outrance,
Ainsi que fut roi **Sardanapalus**,
Qui mal voudroit au royaume de France!

Пусть, Магдалины-грешницы голей,
Влачит везде и всюду свой позор,

Пусть обратится в столп среди полей,
Пусть Феб затмит ему навеки зор,
Пусть не вкусит Венеры дар бесценный,
Пусть золото, добытое изменой,
Расплавят и вольют ему же в рот,
Пусть, туркам проданный, познает рабства
гнет,

Бесчестье, кнут и бремя тяжких грузов,
Иль, как Сарданапал, погибнет тот,
Кто посягнет на родину французов!

Octovien — император Октавиан, мифический персонаж, герой «Романа о семи римских мудрецах», созданной в XII в. французской стихотворной версии индийской «Книги о семи мудрецах». Октавиан, славившийся своей жадностью, был наказан своими же слугами, которые влили ему в рот сосуд расплавленного золота (в тексте перевода данный персонаж отсутствует).

Те, кто из жадности пойдут на Францию войной, получают французское золото, однако это же золото в итоге их погубит. Образ представлен морбиальной и артефактной метафорической моделью. Октавиан принял смерть из-за жадности от рук собственных слуг, что соответствует метафоре дома.

Sardanapalus (греч. миф.) — Сарданапал. Мифический царь Ассирии. Тридцать третий потомок Нина. Построил Анхиал и Тарс, отождествляется с Синахерибом. Гробница у Анхиала в Киликии, там надпись. Правил за 64 года до основания Рима. Славился своей распутной жизнью и склонностью к извращениям. Мидиец Арбак составил против него заговор. В женском облике сучил пурпурную нить среди наложниц. Не успев подавить заговор мидян и вавилонян, сжег себя во дворце вместе со своими многочисленными женами и слугами.

Враги Франции сгорят в ими же разожженном пламени войны, а вместе с ними сгорят их союзники и приближенные. В данном контексте морбиальная метафора вновь тесно связана с артефактной, точнее с метафорой дома, а также с метафорой родства.

Рассмотрев прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в «Балладе проклятий врагам Франции», мы пришли к следующим выводам:

1) сфера-источник прецедентности «Политика» в рассматриваемом произведении в определенном смысле одновременно является и

сферой-мишенью, поскольку политики являются не только героями, но и адресатами баллады;

2) абсолютное большинство прецедентных имен в балладе принадлежит к общечеловеческим прецедентным текстам;

3) все прецедентные имена, использованные в тексте баллады, метафоричны;

4) наиболее частотными метафорическими моделями, связанными с прецедентными именами, являются зооморфная, фитоморфная, физиологическая, морбиальная и артефактная;

5) не было выявлено ни одного случая использования милитарной метафорической модели, при том что произведение носит явно выраженный агрессивный характер и приурочено к окончанию войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

2. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2007.

3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

4. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003—2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

5. Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002.

6. Кушнерук С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13.

СЛОВАРИ

7. Библийская энциклопедия. 3-е изд. — М. : ЛОКИД-ПРЕСС, 2005.

8. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. — Минск : Беларусь, 2001.

9. Мифологический словарь / Г. В. Щеглов, В. Арчер — М. : АСТ : Астрель : Граниткнига, 2006.

ИСТОЧНИКИ

10. Вийон Франсуа. Стихи. — М. : Радуга, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

УДК 821.161.1+82-94
ББК Ш5(2Рос=Рус)5-34

ГСНТИ 17.07.21

Код ВАК 10.01.01

Ю. М. Проскурина
Екатеринбург, Россия

Yu. M. Proskurina
Ekaterinburg, Russia

**ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ В ОСМЫСЛЕНИИ
СОБЫТИЯ 1812 ГОДА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ**

**THE MAIN STAGES IN UNDERSTANDING
OF THE EVENTS OF 1812 IN RUSSIAN
LITERATURE AND LITERARY CRITICISM**

Аннотация. Рассматривается динамика художественного воспроизведения и восприятия событий 1812 г. в русской литературе и литературной критике XIX в. Вершинными этапами осмысления Отечественной войны называются 30-е (А. С. Пушкин и В. Г. Белинский) и 60-е гг. (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов), в которые формируется понятие «истинный патриотизм».

Abstract. Dynamics of the literary reproduction and perception of the events of 1812 in Russian literature and literary criticism of the XIX century are discussed in the article. The key stages of understanding of the Patriotic war are dated 1930-s (A. S. Pushkin, V. G. Belinsky) and 1960-s (L. N. Tolstoy, N. N. Strakhov), in this period the concept «patriotism» came into being.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; художественное воспроизведение; читательское восприятие; переакцентуация; интерпретация; А. С. Пушкин; Л. Н. Толстой; В. Г. Белинский; Н. Н. Страхов; патриотизм.

Key words: Patriotic war of 1812; literary reproduction; reader's perception; reaccentuation; interpretation; A. S. Pushkin; L. N. Tolstoy; V. G. Belinsky; N. N. Strakhov; patriotism.

Сведения об авторе: Проскурина Юлия Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

About the author: Proskurina Yulia Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: cafruszarlit@yandex.ru.

Современные новации в методологии науки не уменьшают интерес к традиционному историко-типологическому, сравнительно-историческому, историко-функциональному изучению литературы. Названные методы исследования связаны между собой, их взаимодействие основано на признании исторической обусловленности художественного сознания, на «*переакцентуации*», по выражению М. М. Бахтина, авторского и читательского восприятия во времени [Бахтин 1975: 232]. В силу этого постоянно *актуализируется внимание к новым «пикам» интереса писателей и реципиентов к изображению, в частности, Отечественной войны 1812 г. в литературе XIX в. Собственно, «переакцентуация», новые «пики» художественного воспроизведения и восприятия данного исторического события особенно заметны при сопоставлении 30-х и 60-х гг. названного столетия как в художественной словесности, так и в литературной критике.*

В 1830-е гг. литература откликнулась на очередную годовщину освободительной войны прежде всего *поэзией и мемуарной прозой*, что было отмечено В. Г. Белинским, назвавшим этот период не только пушкинским, но и периодом *массового стихотворства*, а также возросшего внимания к *запискам и мемуарам* («*memoires*») [Белинский 1953: 159]. Предпочтение названным жанрам диктовалось еще *незабытым эмоциональным состоянием* русского общества.

В «Бородинской годовщине» В. А. Жуковского (1839) и А. С. Пушкина (1831), в лермон-

товском «Бородино» (1837), в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки (1839), в автобиографической повести Н. А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» (1831) воскрешались картины героической борьбы народа за независимость своей страны.

Попытки в художественной прозе, например в романе участника Отечественной войны М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) изобразить национальное сопротивление французскому нашествию не увенчались успехом. В. Г. Белинский, хотя и выражал уважение к автору этого романа за удачно схваченные отдельные эпизоды из простонародной жизни, тем не менее не находил в нем подлинной «художественности» [Белинский 1953: 399].

А. С. Пушкин в своем этюде «Рославлев» (1831) его названием и тем, что предоставлял слово как читательнице, так и героине романа М. Загоскина, акцентировал свою *полемику* с писателем-романтиком, предлагая свое понимание истинного патриотизма, межнациональных отношений, всеобщих гражданских обязанностей. В этом этюде, частично опубликованном в «Современнике» за 1836 г., А. С. Пушкин фактически предложил свою *модель исторического романа*: через сознание, судьбу обыкновенного, но умного человека показал общенациональное осмысление масштабных событий в жизни страны. Так, Полина, подруга читательницы Загоскина, под влиянием Отечественной войны превращается из скучающей посетительницы светских салонов в настоящую пат-

риотку своей страны. Она с возмущением заявляет: «Разве женщины не имеют отечества?.. Разве кровь русская для нас чужда?». Полина мучительно переживает падение Москвы, но когда узнает, что ее «пожар ... наших рук дело», восторженно заявляет: «...мне можно гордиться именем россиянки» [Пушкин 1969: 79].

В связи с подобными суждениями героини пушкинского этюда естественно воспринимается доброжелательное отношение самого писателя к повести Н. А. Дуровой, часть которой он публиковал в своем «Современнике». При этом А. С. Пушкин рекомендовал автору данного сочинения изменить его название: записки не «амазонки» (это звучит «слишком изысканно, манерно»), а просто «Записки Н. А. Дуровой», что выглядит «искренне и благородно».

И все же эмоциональный накал патриотических чувств в 30-е гг. выражался больше в стихотворных, а не прозаических жанрах. В стихах, особенно принадлежащих А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову, героическое прошлое воспринималось в свете настоящего, но по-разному. Еще А. Веселовский заметил, что А. С. Пушкина «тянет к русской старине по связи с настоящим» [Веселовский 1939: 504. В пушкинских стихотворениях («Бородинская годовщина», «Клеветникам России», «Перед гробницею святой») символом былого и сегодняшнего величия страны является «великий день Бородина». По мнению поэта, слава предков рождает гордость потомков, их уверенность в гибели врагов земли русской «среди нечуждых им гробов». В патриотическом цикле стихотворений, посвященных двенадцатому году, А. С. Пушкин мыслит глобально, не в круге только вчерашнего или сегодняшнего дня.

М. Ю. Лермонтов отозвался на героико-трагические события Отечественной войны балладным жанром аллегорического («Два великана»), историко-романтического («Поле Бородина») и философско-исторического («Бородино») содержания. По мнению С. И. Ермоленко, автора интересной монографии «Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы», поэт полагал, что «баллада еще не исчерпала свои возможности», поэтому не расставался с нею, но трансформировал данный традиционный жанр в соответствии с новыми эстетическими запросами времени [Ермоленко 1996: 343, 345]. А они диктовали ему контрастное сопряжение восхищения героическим прошлым с осуждением тусклого настоящего: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри — не вы» [Лермонтов 1988: 156]. Однако, думается, для начала и середины 1830-х гг., когда еще были свежи воспоминания о Бородинском сражении, о сожженной Москве, о вступлении наших войск в Париж, выразителем общенациональных патриотических настроений был прежде всего А. С. Пушкин. Это понял и об этом писал тогда В. Г. Бе-

линский: «Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского» [Белинский 1955: 72]. Поэтому А. С. Пушкин и В. Г. Белинский в сфере художественного воспроизведения и его читательского восприятия олицетворяют в 30-х гг. первый «пик» интереса к осмыслению исторических событий двенадцатого года.

Им на смену в 60-е гг. приходит тандем в лице Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова. Этих двух корифеев русской словесности и литературной критики сближает очень многое, не только тесная дружба, но и внимание к философии, психологии, истории, в частности к войне 1812 г. Они оба рассматривают ее в свете современных судьбоносных преобразований в стране, необходимость которых была осознана и на правительственном уровне. Не случайно Н. Н. Страхов, посвятивший «Войне и миру» серию статей, названную им критической поэмой в четырех песнях, акцентирует поставленную в эпопее проблему нравственного обновления России. На примере событий полувековой давности писатель помогает своим читателям понять, по мнению критика, «каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляется в действительной жизни» [Страхов 1984: 272]. Вопрос очень важный, актуальный для 60-х годов. Путь внедрения, претворения этих «идеальных стремлений», по мысли Л. Н. Толстого, один: движение человечества, народа, личности к обретению «простоты, добра и правды». В этой триаде писатель, а вместе с ним и критик, видит проявление величия как целого народа, так и отдельного человека. Оно обнаруживается, по мнению Н. Н. Страхова, в одной из самых ярких страниц толстовской эпопеи — в описании Бородинской битвы. «При Бородине, — замечает критик, — друг против друга стояли два народа — один нападающий, другой защищающийся» [Страхов 1984: 235]. Читательское восприятие главного события двенадцатого года опирается не только на авторские суждения, но и на непосредственные наблюдения за ходом сражения со стороны любимого героя Л. Н. Толстого. Созерцая со стороны Кургана приготовления к предстоящему бою, Пьер Безухов убеждается в правоте, справедливости мнения солдата, с которым он встретился на Можайской дороге: «Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва» [Толстой 1980: 198]. Само Бородинское сражение, которое Пьер наблюдает с позиции батареи Раевского, помогает ему понять «скрытую (latente) теплоту патриотизма» русских людей, их «нравственную победу» над коварным врагом. В патриотизме, как и в историзме, в изображении простых людей защитниками своей родины, «в соприкосновении частной жизни с государственною» видит Страхов преемственную связь Л. Н. Толстого с А. С. Пушкиным. Поэтому кри-

тик советует своим современникам: «Именно у А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого следует учиться истинному патриотизму» [Страхов 1984: 165].

Однако время создания эпопеи Л. Н. Толстого и «критической поэмы» Н. Н. Стрехова дополнилось новыми социальными проблемами, и на них откликнулись оба литературных деятеля. И писатель, и критик понимают, что патриотизм не исчерпывается только защитой отечества, а предполагает еще и *заботу о его развитии*. В связи с этим Л. Н. Толстой привносит в сознание Пьера отзвуки идей 1860-х гг., а Н. Н. Стрехов его обновление называет олицетворением обновления всей России [Страхов 1984: 327]. Заглавие эпопеи Л. Н. Толстого, как известно, контрастно и полифонично. Один из художественных смыслов наименования этой книги содержит напоминание тогдашним любителям *всяческих потрясений* о том, что война, раздор ослабляет общество, а мир, согласие укрепляет его и тем самым обеспечивает неузависимость отечества, невозможность иностранного порабощения. Философско-исторический смысл некоторых воззрений Л. Н. Толстого довольно часто вызывал и вызывает возражения у критиков, бывали замечания и у Н. Н. Стрехова к гениальному писателю. Но он, не отрицая, например, что «философия» Л. Н. Толстого подчас мешает жанру его «хроники», сосредоточивает свое внимание на эстетических преимуществах художника в изображении «вечных интересов души человеческой».

К ним, к этим вечным интересам критик прежде всего относит любовь к отечеству, к своему народу, стремление к простоте, добру и правде. Названные «непреходящие интересы», по мнению Н. Н. Стрехова, сближают Л. Н. Толстого с А. С. Пушкиным, дополняя его новыми историческими веяниями и заботами второй половины XIX в.

После 60-х годов, после *второго «пика» осмысления* Отечественной войны 1812 г., ознаменовавшегося выходом в свет гениальной эпопеи Л. Н. Толстого и ее глубокой интерпретацией в статьях Н. Н. Стрехова, эпизодически появлялись исторические романы, в частности Д. Мордовцева («Двенадцатый год», 1879), Г. Данилевского («Сожженная Москва», 1885) о судьбоносном событии минувших лет. Но в них после «Войны и мира» «переакцентуация» героико-трагической темы Отечественной войны сказалась на понижении идейно-художественного уровня ее воспроизведения и осмысления. Поэтому современный читатель воспринимает незабвенную освободительную борьбу 1812—1814 гг. опираясь прежде всего на ее изображение в произведениях А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы поэтики и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. Т. 1. С. 20—104.
3. Белинский В. Г. Недовольные. Оригинальная комедия, соч. М. Н. Загоскина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. С. 398—404.
4. Белинский В. Г. Записки о походах 1812 и 1813 годов <А. С. Норова> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. Т. 1. С. 159—160.
5. Веселовский А. Н. Избранные статьи. — Л.: Худож. лит., 1939.
6. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. — Екатеринбург, 1996.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2 т. — М.: Правда, 1988. Т. 1.
8. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 6 т. — М.: Правда, 1969. Т. 5.
9. Стрехов Н. Н. Литературная критика. — М.: Современник, 1984.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. — М.: Худож. лит., 1980. Т. 6.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко

Н. А. Симбирцева

Екатеринбург, Россия

**УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ И ТРАНСЛЯЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА:
ПОИСК СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА**

N. A. Simbirtseva

Ekaterinburg, Russia

**UNIVERSAL PHENOMENA OF CULTURE
AND EXPRESSION OF SOCIAL HISTORICAL
EXPERIENCE: SEARCH OF THE STRATEGY
FOR ANALYSIS**

Аннотация. В контексте современной науки рассматриваются базовые ценности культуры. Текст понимается как информация, закреплённая в знаке, звуке, образе, передающаяся от адресата к адресанту. В современном мире доминируют визуальные и экранные образы. Обозначается проблема трансляции и трансформации универсалий на уровне сохранения и изменения смысловой структуры текста культуры в социально-культурном и антропологическом измерениях. Специфика культурологического анализа и интерпретации текстов постписьменной культуры заключается в определении механизмов и способов трансформации культурных универсалий.

Ключевые слова: универсалии культуры; текст культуры; смысловое ядро текста культуры; культурологическая интерпретация; механизмы трансляции культуры.

Сведения об авторе: Симбирцева Наталья Алексеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
e-mail: Simbirtseva.nat@yandex.ru.

Abstract. This article discusses the basic values of culture in the context of modern science. The text refers to the information laid down in the sign, sound, image, transmitted by addresser to the addressee. The modern world is a world dominated by visual and screen images. The author has indicated the problem of translation and transformation of the universal phenomena at the level of conservation and change the semantic structure of the cultural text in socio-cultural and anthropological dimensions. Specificity of cultural analysis and interpretation of post-written culture texts is to determine the mechanisms and methods of transformation of cultural universals.

Key words: universals of culture; the text of culture; the core meaning of the text of culture; cultural interpretation; the mechanisms of transmission of culture.

About the author: Simbirtseva Natalia Alekseevna, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Chair of Culturology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

В эпоху постписьменной культуры актуальными инструментами передачи информации выступают экранные образы и аудиовизуальные средства. Восприятие мира в ходе получения впечатлений от постоянно сменяющихся друг друга картинок зависит не столько от интеллектуального труда человека, сколько от их эмоционального потенциала. Визуализированные тексты культуры, понимаемые как обозначение информации предметного («вещного») мира, исходящей от объекта и отражающей его смысловую структуру, являются значимыми, когда речь идет об определении объекта и предмета культурологии как науки, занимающейся исследованием социокультурного материала конца XX—начала XXI в.

В условиях актуальной культуры важным является не только систематизация и классификация знаний, полученных человечеством на протяжении всей истории, в культурологическом ракурсе. Важным становится и тот опыт, который складывается из крупниц современных культурологических (фундаментальных, феноменологических и системных и др.) исследований: раскрытие контекстуальных связей и взаимодействий смыслов и ценностей культуры настоящего времени требует от ис-

следователя особой методологической подготовки и обозначения критериев анализа дискурсивных практик.

Традиционно смыслы культуры усваиваются индивидом в процессе межличностного взаимодействия, получении практического опыта и в результате обучения. При этом происходит освоение смыслов культуры как неких универсалий, которые «являются вечными онтологическими и экзистенциальными константами человеческого бытования, фундаментальными категориями картины мира, суммарной аксиоматикой внутреннего опыта. Универсалии культуры есть априорное наследие культурной памяти, проективно определяющей работу механизмов духовного преемства, новаторства и палингенеза» [Исупов 1998: 384].

Универсалии культуры предполагают репрезентацию культурного опыта человечества, закреплённую в символах и отражённую в эйдетической (зрительной) памяти, образно-мировоззренческих конструкциях, в этимологических особенностях языка, образах искусства и словесности. Универсалия культуры — это категория, аккумулирующая социально-исторический опыт. Приобщение к доминирующим, базовым ценностям культуры — это процесс

оценки, осмысления и переживания мира человеком, что способствует целостному формированию образа мира, представлений о характере социальных отношений, об особенностях отношений «Я — Другой», о самосознании личности.

Понимание мира человеком и осознание своего места в мире формируется в процессе социализации, в ходе которой ценности и смыслы конкретной эпохи становятся для человека мыслительным инструментарием. Именно таким образом задается система координат, осваиваются доминанты историко-культурного периода, что впоследствии позволяет человеку воспринимать явления действительности и сводить их в своем сознании воедино.

Собственно интерпретация универсалий культуры на уровне научной рефлексии — давно сложившаяся традиция. Поиск универсальных черт культуры начинается в XVIII в. с историософских трудов Вольтера и Гердера, мифологических штудий немецких романтиков и продолжается по настоящее время уже далеко за пределами философии истории, в рамках лингвистики, антропологии, этнографии, психоанализа и проч. Структурно-типологический, семиотический методы, попытки моделировать коллективное поведение и ментальные процессы демонстрируют актуализацию проблемы универсалий культуры в постклассических исследованиях.

Сегодня речь, скорее, идет не о самом понятии «универсалий культуры», а о существующем содержательном и методологическом потенциале гуманитарных наук и гуманитаристики в целом (о терминологическом разграничении «гуманитарных наук» и «гуманитаристика» см.: [Демидова 2009]). Выявление ценностной и функциональной значимости универсалий культуры в конкретном пространственно-временном континууме происходит в соответствии с целью и задачами исследовательского интереса.

Например, С. Н. Амельченко рассматривает роль универсалий «бытие», «сущее» и «должное» в концептуальном моделировании культуры [Амельченко 2008]. Автор через обозначенные категории раскрывает структуру культуры как суперсложную систему, которая «в интегральном единстве *сущего* во всем бесконечном многообразии его *бытия* и *должного*, сопряженного с реализацией высших нравственных ценностей и общечеловеческих идеалов, ... способна сохранить свой онтологический статус, обогатить и развить свое пространство в мировом универсуме» [Амельченко 2008: 415].

Стремление представить базовые универсалии культуры не как единичные явления философской рефлексии, а как сущности взаимосвязанные, соотносимые друг с другом и охватывающие все сферы человеческой жизнедеятельности

(материальную, духовную, социальную), выводит автора на высший обобщающий уровень. Это позволяет интерпретировать универсалии «бытие», «сущее» и «должное» с позиций герменевтики и в их поливариантном содержании обнаруживать «различные смысловые аспекты, дающие возможность использовать каскад открывающихся в них ключевых значений в гносеологии культуры» [Там же: 398]. В данном случае метод философского анализа органично сочетается с герменевтическими принципами познания текстов культуры. Категории обобщающего порядка раскрываются через детали и частности.

И. Левяш констатирует, что «культурфилософская рефлексия универсалий должна быть единством логического, исторического и *прогностического*» [Левяш]. Автор данного исследования рассматривает универсалии культуры в «горизонтальном» и «вертикальном» измерениях сквозь призму многообразия человеческих ценностей. Смыслы как вершина интеграции ценностей культуры генерируются в универсалии, «которые в символических формах выражают невидимые и неосязаемые, но реальные и фундаментальные связи и приоритетные ценности прошлого, настоящего и будущего» [Там же].

И. Левяш описывает процесс освоения жизненного пространства человеком через овладение системообразующим ядром смыслов (добра и зла) и ценностей (норм, идеалов). Универсальные смыслы и ценности культуры играют «роль архетипов — прообразов, образов, первичных моделей мышления и поведения, в терминах психоанализа — структурных комплексов „коллективного бессознательного“. С их помощью сознание осваивает устойчивые связи реальности и ориентируется в ней» [Там же].

Рассмотрение универсалий в культурфилософском ключе — это попытка представить культурные универсалии еще и в контексте цивилизационного развития, «на витке времени». Теоретическое осмысление универсалий «требует движения мысли *от абстрактного к конкретному* — от структуры и динамики деятельности их субъектов вообще к ее развитию в „обстоятельствах“ конкретно-исторических эпох. Автор и актер собственной драмы, человек всегда был и остается в том или ином конкретно-историческом состоянии противоречивого единства гуманизации и дегуманизации, освобождения и отчуждения. Не случайно Гамлет восклицает: „Что за мастерское создание — человек! // Как благороден разумом! // Как беспределен в своих способностях! // Как точен и чудесен в действии! //...Венец всего живущего!“ — и вместе с тем: „Век расшатался — и скверней всего, // что я рожден восстановить его!“. Примечательна мысль о решимости восстановить „расшатанный век“. Гамлеты не только всегда верили в нее, но и — от века к веку — осуществляли на практике. Но

всякий раз это был уже другой век, иная эпоха» [Там же].

Это утверждение справедливо: при сохранении смыслового ядра ценности, смыслы и универсалии способны испытывать воздействия пространственно-временного контекста, а следовательно, они открыты для интерпретации.

В соответствии с поднимаемой проблемой Н. М. Мамедовой рассматривается содержание и развитие культуры, обусловленное истолкованием ценностей и смыслов. Намеченные автором контуры теоретико-методологического курса, посвященного универсалиям, — обозначение основных подходов: феноменологического («всеобщности, универсалии — результат проецирования интенций самосознания на реальность» [Мамедова 2008: 48]), структуралистского (универсалии представляют собой способы упорядочивания культурной реальности), лингвистического (языковые универсалии являются врожденными по своему характеру и находят свое отражение в ментальных структурах), социологического («культурные универсалии являются носителями общественного смысла, которые, как всякое знание, постоянно воспроизводятся» [Там же: 49]). Собственно герменевтический метод в рассмотрении культурных универсалий ориентирован на стойкость традиции, которая предполагает понимание, удержание и передачу ценностного смысла культуры на рефлексивном уровне.

Культурные универсалии для Н. М. Мамедовой — «системообразующие основания каждого типа культуры, они придают культуре целостность. <...> Универсалии культуры образуют целостную систему и выполняют следующие функции в жизнедеятельности людей: являются формами трансляции культурного опыта; определяют категориальный строй сознания исторической эпохи, являясь категориями сознания; задают целостный образ мира, мировоззрение эпохи. Они определяют отношение человека к миру, структуру осмысления, понимания и переживания мира» [Там же: 49—50].

В силу интерпретационной деятельности и временных условий объективно существующие ценности и смыслы — открытая система для порождения новых значений в культурно-антропологическом измерении. И нельзя не согласиться с Н. М. Мамедовой в том, что культурные универсалии, в зависимости от историко-культурного контекста и пространственно-временных координат, выступают в том значении, в каком в них «нуждается» эпоха. Культурные универсалии выступают в роли идеально-объективной данности, сформированной человеком. К примеру, вопрос «что есть красота?» — вопрос вневременного характера, но ответы и времена, и эпохи, и отдельно взятый человек дадут свои, отнюдь не универсальные с точки зрения всеобщности.

Однако если ответ приобретет некую системность и закономерность, то он уже будет восприниматься как *относительно общая* универсалия.

Теоретическое освещение механизмов трансляции культурных универсалий актуально лишь в том случае, когда они получают практическое выражение. Смыслы и ценности культуры уже давно стали объектом изучения и рассмотрения многих гуманитарных наук (философии, социологии, антропологии, лингвистики и т. д.). Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что каждое из направлений освещает универсалии в том ключе, в котором это необходимо для исследовательского курса. И в этом случае культурные универсалии описаны лишь как факт культурного бытия.

Любые изменения, которые происходили и происходят в культуре, влияют и на самого человека: меняется этический статус, трансформируются основные жизненные смыслы и ценности. Человек — это главный и основной «проводник» базовых ценностей культуры. Человек XXI в. — человек, от которого современный мир требует мобильности, интеллектуальной активности, открытости для новых технологий, стремления к самореализации и самосовершенствованию.

Л. Паутова, руководитель проекта «Покорение XXI», так описывает современного человека: «...это люди, которые первыми осваивают какие-либо современные инновационные технологии. Инновационный передовой стиль жизни, будь то мобильный телефон, будь то Интернет, будь то кредитные пластиковые карточки. В то же время, люди-XXI — это передовые потребители в смысле стиля жизни» [Дмитриева]. Основным критерием, определяющим стиль жизни современного человека, становится стремление использовать передовые технологии, научные достижения и новые возможности в актуальных практиках повседневной жизни. Таким предстает образ потребителя, человека XXI в., в глазах социологов.

В то же время, как отмечает Л. Паутова, ценности самореализации, творчества, карьеры отражают активную жизненную позицию людей XXI в., представляющих собой «локомотив общества, который пытается двигать и себя вперед ... и пытается двигать за собой общество. Несмотря на то, что они (люди XXI века — Н. С.) ценят карьеру, они ценят самореализацию, творчество, они очень внимательно относятся к семье. И они консерваторы в семье. Скорее они предпочитают стабильность брака, нежели какие-то романы на стороне» [Там же].

Если вести речь о способах трансляции базовых ценностей культуры, то текстовые источники, текстовая информация все больше и больше утрачивает свою значимость. На первый план выходит визуальная, образная и экранная трансляция: реклама, дизайн, визуаль-

ные коммуникации в сети Интернет (Skype), «смайлики» в электронных переписках. Коммуникация приобретает визуализированный характер. Культура чтения трансформируется в культуру «смотрения» и «видения» применительно к экранизациям литературно-художественных текстов. Осмысление ценностей, актуальных для классической и современной литературы, происходит сегодня на качественно новом уровне — уровне визуального восприятия.

Механизмы и способы интерпретации культурных универсалий находятся в прямой зависимости от ценностно-смысловых установок социокультурного контекста. Они — и способ бытия человека в мире, и результат. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, роль визуальных и визуализированных текстов культуры существенно возрастает. Поэтому как нельзя актуальным для культурологии становится не только анализ и интерпретация разнокачественных и разноуровневых практик культуры, но и анализ и интерпретация глубинных механизмов трансляции и бытия универсальных ценностей культуры, в результате которых сохраняется, изменяется, трансформируется, подвергается трансмедийности смысловое (генерирующее) ядро текста культуры.

Специфика метода комплексного анализа, отличного от культурологического, заключается в том, что последний предполагает обращение к культуре как к *системе* и ее рассмотрение во всем многообразии проявлений. На первый взгляд, подобная позиция таит в себе опасность — «объять необъятное», «обо всем слегка и понемногу» — и влечет опасность погружения в бесконечную описательность. Но памятуя о принципах и канонах интерпретационной деятельности и анализа, культуролог интерпретирует контекст (и контексты) в соответствии со смысловым ядром текста культуры.

Каждый текст культуры обладает диалектическим характером. С одной стороны, он уникален в силу своей неповторимости и контекстуально-личностной значимости, с другой — несет в себе творчески активное начало, по природе своей не является закрытой, самодостаточной системой. Текст прочитывается человеком, осмысливается и транслируется в социально-культурной среде. Смысловая структура предполагает соотнесение текста культуры, явленного в актуальном поле культуры, с глобальным целым, т. е. с максимально широким спектром контекстуальных связей и значений. Связь между составляющими единое целое (текста культуры как единицей научного знания) и отдельными элементами (контекстуальными связями этого текста культуры на разных уровнях, выявляемыми в процессе интерпретации) — прямая и естественная.

Следует иметь в виду как способность одного и того же текста культуры быть частью разных парадигм, так и его универсальный ха-

рактир с точки зрения сущностного содержания и социокультурной значимости. Раскрытие культурологического потенциала явлений реальности, творимой человеком, и формирование целостного представления о них дает возможность предлагать исследователю типологию продуктов человеческой деятельности с опорой на приоритетные свойства объектов, их функциональную значимость и эффективность в бытийном и прагматическом аспектах.

Умение «читать» тексты культуры (вербальные, невербальные, аудиальные, визуальные, пластические и проч.) — это умение «считывать» информацию в любом виде, подвергать ее критическому осмыслению и анализу и транслировать с сохранением исходного смысла. Компетентное прочтение текстов культуры специалистами-культурологами — одна из ключевых задач культурологии, так как именно культурологический подход становится ведущим при анализе и интерпретации артефактов. Сложившиеся методы научного исследования (феноменологический, системный, структурно-функциональный, аксиологический, герменевтический и др.) в совокупности позволяют интегрировать знания и совершать собственно культурологическую интерпретацию.

Обоснованным, на наш взгляд, является замечание И. М. Быховской о роли культуролога как ученого, умеющего интегрировать знания различных областей гуманитарного знания (философии, истории, филологии, антропологии и др.), а затем и интерпретировать в соответствии с их совокупностью в контексте «социальных явлений и процессов, в том числе и тех, что относятся к явлениям культуры» [Быховская 2010: 26].

Говоря о перспективе и задачах культурологии, А. Я. Флиер поднимает ряд проблем, касающихся самоидентификации этой науки [см.: Флиер]. Во-первых, это необходимость в рефлексии и систематизации представлений об эволюции потребности людей в коллективном существовании, ее социальных, утилитарных и ценностных основаниях, ее векторной направленности, принципах осуществления и формах выражения. Во-вторых, умение исследователей конструктивно соотносить заявленные выше представления со взглядами на современное развитие, включая современность в систему историософских суждений, и умение концептуально описать, что происходит с обществом на протяжении исторического развития, основываясь на динамике его культурных характеристик. Как утверждает А. Я. Флиер, только в этом случае культурология «по праву займет достойное место среди общественно-научных парадигм как особая модель осмысления общественного бытия и ракурсов его исследования» [Флиер].

Если речь идет о «возрасте» культурологии как науки, то необходимо обозначить еще и

опыт, имеющийся в арсенале научного знания, в частности гуманитарного. Теоретическое осмысление ценностей далекого прошлого и выявление их интерпретационного потенциала происходило как в контексте античности, так и Средневековья, Нового и Новейшего времени. Вопрос об универсалиях культуры предшествующих эпох не теряет своей актуальности и в контексте современности в свете происходящих в смысловой структуре самих ценностей изменений, что сказывается и на способах и механизмах передачи информационной составляющей.

Стратегия культурологического анализа и интерпретации визуальных текстов как способов трансляции базовых универсалий культуры еще только складывается и оформляется. Если на практическом (жизненном) уровне рефлексия настолько высока, что вне зрительных и зримых образов современный человек себя не мыслит, то на уровне научной рефлексии, как это обычно и происходит, осмысление, обобщение, систематизация и структурирование (в совокупности) становятся одной из актуальных дискурсивных практик. И это — плодородная почва для культурологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амельченко С. Н.* Универсалии «бытие», «сущее» и «должное» в концептуальном моделировании культуры. // Проблемы истории, филологии, культуры. — МагГУ. — Магнитогорск, 2008. № 19. С. 398—415.
2. *Быховская И. М.* Прикладная культурология: знание в действии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. М.: Смысл, 2010.
3. *Демидова О. Р.* Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки. // Вестник Герценовского университета. — РГПУ. — СПб., 2009. — № 11(73). — С.7—11.
4. *Дмитриева А.* Каков он — человек 21 века? / [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rus.ruvr.ru/2009/09/10/1568753.html> Дата обращения 22.02.2012.
5. *Исупов К. Г.* Универсалии культуры. // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х т. — М., 1998.
6. *Левяи И.* Базовые универсалии культуры: сущность, структура, динамика // Голоса Сибири. Вып. 7. / [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_7/046_013_lev.html. Дата обращения 22.02.2012.
7. *Мамедова Н. М.* Проблема универсалий в культуре. // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История философия, социология. — М., 2008. № 129. С. 48.
8. *Флиер А. Я.* Современная культурология: проблемы, возможности, задачи. // URL: [Режим доступа] : hischool.ru/userfiles/flier33.doc (дата обращения: 02.02.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

А. Л. Джордж А. L. George
Калифорния, США California, the USA

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ПРОПАГАНДЫ

Перевод с английского Н. В. Макаровой

Аннотация. Перевод статьи, подготовленной для журнала «Public Opinion Quarterly» в 1954 г.

Ключевые слова: контент-анализ; научное исследование; научное объяснение; исследования пропаганды; политическая лингвистика.

PREDICTION OF POLITICAL ACTION BY MEANS OF PROPAGANDA ANALYSIS

Translated by N. V. Makarova

Abstract. This is a translation of the article published in the magazine «Public Opinion Quarterly» in 1954.

Key words: content analysis; scientific inquiry; scientific explanation; propaganda analysis; political linguistics.

Сведения об авторе: Александр Л. Джордж.
Место работы: Стэнфордский университет.

About the author: Alexander L. George.
Place of employment: Stanford University.

Сведения о переводчике: Макарова Наталья Владимировна, аспирант.

About the translator: Makarova Natalya Vladimirovna, Post-graduate Student.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: naty_m@rambler.ru.

ВВЕДЕНИЕ. Во время Второй мировой войны группа исследователей в составе ныне не существующего подразделения Федеральной комиссии связи (ФКС) попыталась изучить стратегию пропаганды нацистов и лежащие в ее основе расчеты на материале информации, сообщавшейся в немецкой прессе и радиоэфире. После войны работа ФКС была тщательно изучена автором в целях обобщения полученной информации, воспроизведения и формулировки методики, которая в дальнейшем успешно применялась на практике.

Наравне с проблемой контент-анализа в то время остро стоял вопрос прогнозирования действий противника посредством анализа его пропаганды. Выбор этой проблемы в данной работе обусловлен двумя причинами. Во-первых, во время войны методологический подход к изучению данной тематики подвергся ряду довольно любопытных изменений. Во-вторых, кроме очевидного с практической точки зрения интереса к данной проблеме, в то время наблюдался и определенный теоретический интерес, так как затрагивалась природа взаимоотношений коммуникации и действия в контексте отношений между странами.

РАННИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. В ранних работах возможность прогнозирования действий противника была связана с установлением закономерности или взаимосвязи действий противника на ранней стадии, которая впоследствии возводилась в ранг правила и служила образцом для анализа новых примеров. (Ни одного соответствующего обоснования ранних методов не было опубликовано. Краткое логическое объяснение рассматри-

ваемых методов представлено в неопубликованном докладе Гарольда Д. Лас-велла «Specimen Hypotheses about the Focus of Attention in World Politics», февраль 1942 г., Экспериментальное подразделение для изучения коммуникации военного времени, Библиотека Конгресса США, стр. 4.)

Ученые пытались найти устойчивую взаимосвязь между намерением противника инициировать определенные действия и (1) **характеристикой содержания** пропаганды или (2) особым видом **пропагандистской стратегии**, проводимой перед началом активных действий.

Ни один из ранних подходов не был применен на практике. В ходе исследования информационной политики нацистов, предшествующей активным действиям, не удалось установить устойчивых взаимосвязей. Изучение пропаганды, предвещающей активные военные инициативы нацистов, не дало ожидаемых результатов. Исследователям не удалось сформулировать общую характеристику содержания пропаганды или описать общую «модель». В свою очередь, нацисты на начальном этапе при подготовке каждого действия применяли разную пропагандистскую стратегию^[1]. Попытки изучения инициатив нацистов продолжались на протяжении всей войны, но, вероятно, из-за того, что два последних исследования оказались неудачными, в дальнейшем ученые не пытались систематизировать используемые методы. После войны практическую значимость контент-анализа для прогнозирования действий противника оценивали довольно сдержанно. (См. работу Бернарда Берельсона

© Джордж А. Л., 1954

© Макарова Н. В., перевод на русский язык, 2012

«Контент-анализ в исследовании коммуникации». Гленко, Иллинойс: Фри пресс, 1952. С. 84, 85—86. Менее сдержаны в своих оценках Эрнст Крис и Ханс Спейер в книге «Немецкая радиовещательная пропаганда». Оксфорд юниверсити пресс, 1944. С 289—291, 292—325. Во второй работе проводится мысль, что необходимо было вносить изменения при первом появлении возможности предугадать действия нацистов, основанные на единственной, постоянно возникающей взаимосвязи между планирующимся действием и пропагандистской стратегией.)

НЕПРЯМОЙ МЕТОД. В ходе войны на смену двум ранним подходам, полный критический разбор которых невозможно представить в данной работе, пришел отличный от них метод, разработанный исследователями контент-анализа Иностранной вещательной разведывательной службы для ФКС. Косвенные признаки применения нового подхода присутствовали в исследованиях ФКС. В данной работе автор путем детального анализа формулирует методы и доказательства, которые применяла ФКС в своих исследованиях. Новый подход в данной работе носит название «непрямого» метода, так как включает в себя набор взаимосвязанных повседневных оценочных значений или выводов. Пока что ограничимся лишь краткой характеристикой непрямого метода (краткое упоминание о непрямом методе можно встретить в *Public Option Quarterly. Vol 15. № 4. P. 782—784*, а также в работе Б. Берелсона).

Новый метод учитывал крайне важную характеристику пропаганды — тот факт, что пропаганду можно использовать различным образом для планирующихся действий. Поэтому метод не ставит целью найти устойчивую взаимосвязь между намерениями политического руководства и видом пропаганды, которая это намерение сопровождает^[2]. Новый метод основывается на допущении, что пропагандистская стратегия может меняться в зависимости от желаний и намерений руководства; соответственно он ставит своей целью идентифицировать пропагандистскую стратегию, которую противник использует для дальнейших действий.

Как будет показано в данной работе, не прямой метод применим только к намеренным действиям противника, которые включают параметры обоснования и планирования политики. Обязательным условием данного метода является использование противником **предварительной** пропаганды как средства усиления и развития своих дальнейших действий. Такая пропаганда не позволяет делать окончательные выводы, поскольку является «спонтанной» и подвержена влиянию со стороны действий руководства, которые проводятся без привычного согласования политики и действий с пропагандой.

Тем не менее перечень действий политической элиты, для которых может применяться

непрямой метод, не ограничивается прогнозированием военных действий, а охватывает также сферу политики, дипломатии и экономики. Возможность применения непрямого метода только в случае предварительной пропагандистской работы не столь значительно сужает его практическую пользу, как могло бы изначально показаться. Современная политическая элита часто считает необходимым заранее «подготовить» аудиторию, на которую впоследствии будут направлены ее действия. Основной целью подготовки является получение максимальной выгоды и минимизация нежелательных последствий дальнейших действий. Подготовительный процесс коммуникации может быть направлен на аудиторию внутри своей страны, на группу людей из лагеря противника или на нейтральные государства. При изучении содержания исследователь принимает во внимание то, что подготовительная коммуникация может быть направлена на несколько аудиторий, что цели или намерения подготовительной работы могут меняться в зависимости от того, какой аудитории она адресована, и что цель может достигаться умело и вероломно.

Возможность оценки подготовительных действий руководства на основании предварительной подготовки зависит, очевидно, от канала коммуникации, доступного для исследования. Если пропаганда направлена на сравнительно широкую аудиторию, то можно с уверенностью утверждать, что для предварительной пропаганды будут использованы средства массовой информации. Специализированная открытая печать применяется при подготовке меньшей аудитории. При этом нет уверенности, что обязательно будут использованы общие каналы. Например, подготовка может идти с помощью реализации секретных приказов, передачи конфиденциальных сообщений в непосредственном общении и других каналов коммуникации, не всегда доступных для исследования средствами контент-анализа.

Другим лимитирующим фактором использования метода прогнозирования действий противника является то, что руководство может отказаться от подготовки и применить пропаганду для обеспечения своих действий **только в момент совершения данных действий или сразу после этого**. В таких случаях не прямой метод может помочь определить природу и объект самого масштабного действия, когда оно уже случилось, и рассказать о том, как противник оценивает данное действие и дальнейшие перспективы его развития.

Выводы относительно типа политического интереса. На данном этапе необходимо подчеркнуть, что некоторые аспекты будущих действий противника или его инициативы могут соответствовать интересам политического деятеля. Во-первых, возникает вопрос, было ли определенное действие заранее

запланировано противником (вопрос относительно целей данного действия). Так же интересны, а иногда даже более значимы, вопросы, связанные с **синхронизацией** действия, с его точной **природой и значимостью, локализацией, целью**, которую оно преследует, **надеждами**, связанными с успехом данного действия, степенью и природой противостояния данной инициативе внутри политической элиты. Значимость данных вопросов будет меняться от случая к случаю. В некоторых случаях не остается сомнений, что определенные действия (например, военная инициатива) планируются противником, поэтому важным аспектом является синхронизация и локализация действия или его значимость и цели. В других случаях важным можно считать ожидания противника, связанные с успехом или провалом рассматриваемой инициативы, или интерес противника к влиянию, которое действия оказывают на определенную группу людей. Конкретные примеры из опыта работы ФКС, приведенные ниже, иллюстрируют проблемы данного рода, которые можно исследовать посредством контент-анализа.

АРГУМЕНТАЦИЯ. При реализации описанного ранее метода вмешательства контент-анализ прибегает к генерализации ситуации и обстоятельств, в которых политическая элита пытается применить предварительную пропаганду для обеспечения поддержки своих действий. Подобная генерализация должна охватывать следующие темы:

А. Для каких **действий** политическая элита применяет подготовительную пропаганду?

В. Для какой **аудитории** необходима предварительная подготовка (для каждого типа действий)?

С. Преследуя какие **цели**, политическая элита прибегает к предварительной пропаганде (для различных групп аудиторий при различных действиях)?

Д. Какие **каналы или виды коммуникации** чаще всего применяет политическая элита и какова вероятность их использования в попытке достигнуть определенных целей в предварительной пропаганде (на разной аудитории при различных действиях)?

Контент-анализ является не единственным доступным методом для генерализации, служащим поиску ответов на поставленные в исследовании вопросы. Помимо генерализации, используется оценка логичности ситуации. (Понятие «логика ситуации» вводится в работе Карла Раймунда Поппера «Открытое общество и его враги». 2-е изд. Лондон, 1952. Т. 2. С. 96—97, 265.)

Контент-анализ исходит из того, что руководящая элита при решении вопроса, нужно ли проводить пропаганду перед проведением определенных действий, в большей степени опирается на имеющийся опыт и действует в соответствии с принципами жесткой военной

диктатурой. Правящей верхушке приходится оценивать факторы, от которых, вероятнее всего, зависит успех конкретного действия, и в соответствии с этим формулировать требования к предварительной пропаганде.

Таким образом, можно предположить, что на выбор стратегии предварительной пропаганды также влияет оценка возможности применения и вероятная эффективность доступных стратегий и методов.

Предварительная пропаганда в данном случае может состоять исключительно из попыток скрыть планирующееся действие. Например, при осуществлении определенного действия политическая элита может прибегать к некоторым уловкам, пропаганде, которая попутно сопровождается обманом и угрозами; в подобных случаях маскировка не является основной целью, применяется стратегия психологического давления.

Так как некоторые дедуктивные ходы соответствуют стандартным обоснованным характеристикам непрямого метода, сложно охарактеризовать процесс обоснования анализа в целом. Каждая такая попытка рискует показать слишком упрощенную либо стандартизированную картину. Тем не менее важно попытаться понять общую схему аргументации или представить ее в виде такой формулировки проблемы, чтобы ученый, который пытается понять намерения противника, мог заниматься исследованием. Схематично аргументацию анализа можно представить следующим образом: «Противник не выберет данные цели пропаганды для реализации посредством данного медиаканала в данный период и в данной ситуации в случае, если предпринятые действия подобного рода были запланированы или предполагались». Таким образом, выводы исследователя относительно того, запланированы главные действия или нет, и выводы относительно его характера и границ, ожиданий политической элиты являются последним шагом в последовательной цепочке выводов. Выводы ученого могут быть связаны с попыткой реконструкции недостающих элементов в причинно-следственной цепочке. Некоторая часть последовательности действий представлена или предполагается, другие элементы отсутствуют, поэтому исследователь перечисляет возможные версии относительно недостающих элементов, пытается понять, какая версия наиболее вероятна, оценивая те элементы, которые ему уже известны^[3].

ВОЗМОЖНЫЕ ЦЕЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ. Решающим шагом в попытке прийти к каким-либо выводам является определение того, преследовала ли данная дискуссия какую-либо цель, является ли частью подготовительной работы, предвещающей главное действие. Помочь исследователям в этой работе может общее обоснование анализа, отвечающее на вопрос, отражены ли в исследовании

дуемой коммуникации возможные цели предварительной пропаганды.

В данной работе мы попытаемся дополнить перечень возможных целей пропаганды, к которым прибегает политическая элита в процессе подготовки той или иной аудитории к дальнейшим действиям. Чтобы им нашлось практическое применение для описания различных действий, аудиторий и каналов, цели изложены кратко, в общем виде. При этом важно помнить, что некоторые цели предварительной подготовки, изложенные в данной работе четко и просто, будут умело применяться пропагандистами на практике для усиления эффективности коммуникации.

Вполне вероятно, что приведенный список целей не полон. Он, без всякого сомнения, отражает вовлеченность данного исследования в изучение действий нацистской политической элиты и пропаганды военного времени. В то же время маловероятно, что данный список общих целей абсолютно непригоден для анализа попыток предварительной пропаганды лишь потому, что в данный процесс вовлечена другая политическая элита.

Список целей подразделяется в соответствии с предполагаемой аудиторией предварительной пропаганды (местная или часть лагеря противника). Список также подразделяется в зависимости от ожиданий правящей элиты, которая может оказывать основное влияние на выбор целей предварительной пропаганды, а именно: ожидается ли (правящей элитой), что последующее действие будет иметь **поражающий** эффект или будет **снисходительным** по отношению к аудитории (дополнительное деление (например, по отношению к типу действия и медиаканалу) может отражать не менее значимые параметры и сделать список еще более пригодным для применения. Но на данный момент расширение схемы было признано нецелесообразным).

ВОЗМОЖНЫЕ ЦЕЛИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ПРОВЕДЕНИИ ОСНОВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

I. Пропаганда нацелена на местную или дружественную нейтральную аудиторию.

A. Основные действия будут иметь **поражающий** эффект на **местную** аудиторию (например, объявление войны, которое потрясет собственное население; использование нетрадиционного оружия против врага, что противоречит моральным ценностям домашней аудитории; арест и судебное преследование членов местной элиты за государственные преступления; провозглашение жестких мер в отношении части собственного населения и т. д.).

Цели:

1. Снизить возможность поражающего эффекта (постепенные намеки на природу планирующегося действия в более ясной форме, подкрепленные должной уверенностью).

2. Манипулировать понятием «вина — ответственность» для ухудшения положения.
3. Идентифицировать и усиливать реакцию, которую, в соответствии с желанием политической элиты, должно выразить население, когда будет проведено подготовленное действие.
4. Усилить готовность аудитории пойти на жертвы ради достижения цели, поставленной политической элитой в соответствии с планирующимся действием.
5. Заложить основу нравственного обоснования планирующегося действия.
6. Подготовить к лучшему пониманию необходимости планирующегося действия путем предварительного разглашения прогнозов и ожиданий, на которых это действие основывается. Прогнозы и ожидания могут быть подлинными либо создаваться специально с пропагандистской целью для достижения желаемой реакции.

B. Основные действия будут **снисходительны** по отношению к **местной** аудитории (например, объявление о военном или дипломатическом наступлении, использовании нового мощного оружия, использование которого не противоречит моральным ценностям местного населения, о побе-доносной битве, о дипломатических уступках противника, о пополнении продовольственных запасов и т. д.).

Цели:

1. Контролировать степень и манеру выражения ожидаемого ликования публики с целью предотвращения бесчинств, которые пагубно повлияют на эффективность действий (например, предотвращать неудержимое выражение радости, срыва графика планируемой работы и нарушение трудовой дисциплины и т. д.).
2. Контролировать ожидания общества, связанные с хорошими новостями, с целью предупреждения появления нереальных надежд, которые в дальнейшем могут не оправдаться.
3. Отслеживать ожидания населения относительно снисходительности предстоящего действия с целью превзойти ожидания населения после того, как оно свершится.
4. Повысить авторитет и престиж правящей элиты при помощи уместных заявлений о силе и дальновидности своих замыслов, которые будут подтверждены предстоящим действием.
5. Повысить моральный дух аудитории обещаниями ожидаемых снисхождений.
6. Влиять в политически важном смысле на желание и удовлетворение аудитории, которые появятся вследствие дальнейшего снисхождения.

7. Спекулировать на желании общества оказать большую поддержку политике правящего режима.
8. Подготовить публику к возможности, что дальнейшие действия политической элиты будут сопровождаться жесткой и успешной нейтрализацией политической элиты противника.

С. Основные действия, ожидаемый успех которых **не определен** или его трудно предугадать (например, если правящая элита не уверена в успешном завершении действия, как в случае с военным наступлением на противника или программой улучшения благосостояния местного населения).

Цели:

1. Удостовериться, что понимание целей проводимых действий со стороны местного населения остается в умеренных рамках (иначе пропагандистские попытки противника заставят вас ставить невыполнимые цели).

II. Пропаганда нацелена на аудиторию противника.

А. Относится к крупным операциям, которые должны иметь поражающий эффект на аудиторию из лагеря противника (см. выше примеры I-B).

Цели:

1. «Неожиданность» для достижения значимого поражающего эффекта: замаскировать планирующееся действие или скрыть его время, место, характер и масштаб.
2. Когда предварительная деморализация аудитории из лагеря противника будет способствовать успеху планирующегося действия и снижению затрат, эффект «неожиданности» не играет ключевой роли: нужно выборочно оповещать о планирующемся действии в деталях, которые подчеркивают слабость противника и бесполезность сопротивления.
3. Ослаблять уверенность аудитории в успехе ответных мер, применяемых лидерами противника для борьбы с планирующимся действием.
4. Усилить свою позицию, что в дальнейшем приведет к еще более сильному деморализующему эффекту.
5. Прогнозировать вероятность того, что планирующееся поражение может дать толчок к движению внутри лагеря противника, укрепить чувство «вины» и «ответственности» за неудачу, с расчетом на что необходимо начать планирование дальнейших действий и подготовку почвы (а) для достижения максимального разрушительного эффекта на членов противостоящей элиты, отношения элиты и толпы и членов оппозиционной коалиции; (б) для минимизации

возможности того, что действие сплотит лагерь противника и усилит его решимость.

6. Для предотвращения нарастания ненависти в отношении себя со стороны противника и нейтральных государств при необходимости нужно дать предварительное моральное оправдание планируемому действию.

В. Относится к крупным действиям, которые должны быть снисходительны по отношению к аудитории из лагеря противника (см. выше примеры I-A).

Цели:

1. Воодушевлять группы людей из лагеря противника на формирование нереалистичных и неправильных суждений в отношении преимуществ, которые они получают от ваших действий («нереалистичные» суждения касаются потенциала исследуемого действия, сложившегося в новой ситуации, который может быть серьезно недооценен или переоценен; «неправильные» суждения отвлекают внимание противника от вероятных и маловероятных путей использования сложившейся ситуации с военной, политической или психологической точек зрения).
2. Вселять надежду в событие, первоначальная реакция на которое излишне оптимистична и которое рано или поздно приведет к последующему разочарованию.

В аспекте теории или набора утверждений, которые являются связующим звеном между пропагандой и действием, вышеприведенная структура играет незначительную роль^[4]. В ней лишь систематически перечисляются возможные цели предварительной пропаганды, которые способствуют подкреплению дальнейших действий; не предпринимается попыток найти условия, при которых будет преследоваться та или иная цель предварительной пропаганды. Однако систематическое и относительно абстрактное изложение целей в данном перечне поспособствует установлению истинных намерений пропаганды. Вне всякого сомнения, такое систематическое изложение должно служить инструментом для исследователей, позволяющим ориентироваться в многообразии действий, которые политическая элита может использовать для предварительной пропаганды, помогающим определять наиболее вероятные примеры.

ПРЕДМЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. В данном разделе мы рассмотрим несколько примеров анализа пропаганды военных лет, чтобы продемонстрировать, каким образом применялся непрямой метод для анализа действий противника (случаи выбирались таким образом, чтобы было возможно сделать выводы на основании исторического материала).

1. В одном из наиболее известных из опубликованных исследований пропаганды британским ученым с помощью контент-анализа удалось установить, что нацистская пропаганда заявляла о намерении использовать секретное оружие, а впоследствии оказалось, что возможность использования нетрадиционного оружия при воздушной бомбардировке действительно была. Этот вывод был сделан в ноябре 1943 г., за восемь месяцев до того, как начали использовать при атаке с воздуха самолет-снаряд «Фау-1».

Обещания, что у Германии будет оружие для нанесения ответного удара, начали звучать в немецкой пропаганде еще в июне 1943 г.; по видимости, они были направлены на поддержание морального духа, пошатнувшегося в связи с наступлением объединенных войск, которым Германия, казалось, не могла дать достойный ответ. Хотя цель пропаганды подобных обещаний была довольно очевидна, оставалось ответить на вопрос, были ли они лишь пропагандой, либо действительно планировалось использовать данный вид оружия в ближайшем будущем. Британский исследователь был уверен, что такая возможность существует. Его выводы строились на предположении, подтвержденном большим количеством примеров из прошлого, что немецкая пропаганда **никогда специально не вводила в заблуждение немецкий народ в отношении усилении могущества Германии**. Ввиду этого исследователь пришел к выводу о необходимости принять номинальную ценность повторяющихся утверждений в немецкой пропаганде для домашней аудитории, считать их следствием того, что Германия готовила и планировала применить новый вид оружия для ударов с воздуха.

Ученый также прогнозировал, что задержка появления нового оружия для нанесения ответного удара — после того, как о появлении этого оружия постоянно говорили и решительно заявляли немецкому народу — обусловлена тем, что объяснение о пропагандистских обязательствах не соответствовало графику производства. Этот вывод подкрепляли данные, согласно которым Геббельс лично следил за тем, чтобы о важных пропагандистских обязательствах подобного рода объявлялось незадолго до времени предполагаемой реализации. Тем самым удавалось избежать падения морального духа местного населения. Еще более пагубное влияние на него могло оказать негодование по поводу ложных пропагандистских обещаний. Ученый даже оценивает максимальный промах времени (около трех месяцев), который Геббельс допускал между пропагандой и реализацией обещаний. Следовательно, когда обещание о появлении нового оружия не реализовалось согласно изначально заявленному плану, исследователь сделал верное заключение, что задержка в заплани-

рованном использовании нового боевого оружия возникла вследствие неких обстоятельств. К тому же были установлены примерные даты возникновения обстоятельств, повлекших за собой задержку.

Британский ученый заметил, что ссылки на воздушный удар с применением нового оружия внезапно появляются в немецкой пропаганде за десять дней до 19 августа, и затем — за семь дней до 11 сентября. Затем ему сообщили о британском воздушном налете 17 августа на авиабазу Пенемюнде, где находилось секретное оружие, и о воздушных налетах союзников 7—8 сентября на военные базы в районе Булонь-Кале, на которых, как предполагалось, строили площадки для производства нового вида немецкого оружия. Поэтому перед исследователем стояла задача найти другое объяснение «несовпадению», имеющемуся в немецкой пропаганде, ставящей возмездие основной своей целью. В процессе исследования он изучал (а) **неожиданность**, вызванную несопадением; (б) любое **изменение в качестве** пропаганды возмездия и новых видов оружия, после использования которых вновь появлялось «несовпадение»; (с) возможное **сочетание** «несовпадения» и **других событий** или изменения военной обстановки, которая могла свести на нет пропаганду операции возмездия; (d) возможное **сочетание** начала «несовпадения» и действий, которые **были связаны** с новым оружием.

Ученый обнаружил, что «несовпадение» не перекликалось с «другими событиями», и в значительной степени намерения пропаганды, связанные с возмездием и использованием нового оружия, становились более «гуманными» всякий раз, как пропаганда возобновлялась после перерыва. Объяснение тогда сводилось к следующему: какие-то события происходили непосредственно перед каждым «несовпадением», и это было связано с подготовкой нового оружия для нанесения ответного удара (данный вывод подтверждался предположением о причинах перемены в сторону **оявления неопределенности** относительно времени пропаганды: дата возмездия — перемена, которая фактически происходила после каждого «несовпадения» — отражала официальную оценку нацистами дальнейшей задержки начала операции с применением нового оружия). Так как исследователь был осведомлен о налетах союзников 17 августа и 7—8 сентября, его выводы были подтверждены **важностью** целей (не всегда определенных в тот момент) ^[5] и **эффективностью** налетов с целью разрушения планов нацистов по ответным действиям ^[6].

2. 21 апреля 1943 г. Вашингтону стало известно о том, что по приказу правительства Японии были казнены американские летчики, самолеты которых были сбиты в ходе воздушно-го налета сил США на Токио 18 апреля 1942 г.

Эта новость появилась в то время, когда при подготовке воздушного налета на Германию коалиционные войска создали серьезную проблему для системы обороны Германии. Немецкая пропаганда ярко освещала казнь американских летчиков в Японии. На первый взгляд, эта новость подавалась так же, как и сообщение о любом другом событии, которое немецкая пропаганда доносила до населения. Однако было одно отличие: эта новость сопровождалась косвенными намеками, которые можно было интерпретировать как угрозу пилотам коалиционных сил со стороны Германии.

Нужно ли было воспринимать данные угрозы всерьез? Исследователь из ФКС прогнозировал, что немцы в этом отношении не планировали превзойти японцев. Такие выводы были сделаны на основе знаний, полученных при изучении технологий немецкой пропаганды. Приводились следующие аргументы: если нацисты намеревались предпринять такие экстраординарные действия, имеющие сомнительную законную силу, от них будут ожидать тщательно разработанной пропагандистской кампании для достижения предварительного морального оправдания. Однако, несмотря на несколько намеков на подобные действия в немецкой пропаганде, эта цель не была выявлена, ее нельзя было рассматривать как основу пропагандистской кампании. По этой причине исследователь вынес обоснованное заключение, что на тот момент немцы не планировали подобных действий. (Некоторые подтверждения данных заявлений можно найти во вступительной части дневника Геббельса (10 мая 1943 г.): «У фюрера нет намерения следовать примеру Японии и предавать летчиков, сбитых над территорией Германии, военному суду, а впоследствии казнить... Я должен проследить за этим, так как мы позволяем прессе оглашать резкие заявления японцев, и недавно та же практика была применена к итальянцам; мы не предлагаем внедрение подобной потворственной практики относительно немецкой аудитории» (стр. 367).)

3. Летом 1941 и 1942 гг. немецкая армия проводила мощную наступательную операцию против Советской армии на Восточном фронте. После катастрофы в Сталинграде в январе 1943 г. не было известно, появится ли у немецкого командования в 1943 г. возможность для крупномасштабного наступления на Восточном фронте, попытается ли командование собрать для этого силы. В последующие месяцы после Сталинграда исследователи из ФКС внимательно изучали немецкую пропаганду, пытаясь найти указания на дальнейшие действия немецких войск.

Спустя несколько недель после Сталинграда в нацистской пропаганде появились обещания о проведении другой наступательной операции против русских. Эти угрозы прозвучали в контексте широко растиражирован-

ных мер по «всеобщей мобилизации», начатой одновременно с объявлением поражения при Сталинграде. Нацисты открыто признавали, что целью мобилизации было возрождение «боевой готовности» немецких военнослужащих и вооружения. Тем не менее в начале марта 1943 г. появились упоминания об отказе от предстоящего наступления немецких войск на восток. Ученый обратил внимание на такое внезапное изменение, но понял, что четкое объяснение данному действию дать невозможно. Неожиданное затишье пропаганды относительно грядущего наступления могло свидетельствовать либо (а) о том, что наступление не планируется, или (б) о том, что про наступление молчали по другим причинам (например, с целью скрыть намерение атаковать с востока, или с целью не чинить препятствий для заключения соглашения о прекращении огня или о заключении сепаратного мира с русскими).

Для того чтобы сделать выбор между альтернативными объяснениями, ученому нужно было предложить дополнительные критерии оценки аргументации. Только спустя несколько месяцев, в начале июня, исследователь смог с достаточной уверенностью заявить, что наступление немцев маловероятно. К такому выводу он пришел исходя из того, что ему удалось объяснить принцип ведения пропаганды относительно возможного наступления немецких войск **в контексте морального удовлетворения немцев**. Его выводы можно кратко сформулировать следующим образом:

А. В прошлом нацистская пропаганда характерно превозносила эффективность своих **проектов** и утверждала, что немцы реализовывали проекты и будут продолжать реализовывать их в дальнейшем.

В. На фоне падения морального духа в Германии традиционное утверждение немецких проектов было практически обязательным среди немецких пропагандистов как средство моральной поддержки.

С. Общие, неопределенные прогнозы относительно планирующегося наступления немцев на восток вряд ли являлись предупреждением для русских, так как в любых действиях подобного рода единственными элементами проявления агрессии, которые можно было скрыть, являлись время и место.

Д. В последнее время пропаганда начала превозносить достоинства «обороны».

Е. Если недостаточные прогнозы относительно наступления немцев стали результатом принятых мер предосторожности или были связаны с желанием замаскировать намерение повторной атаки, то было невозможно предположить, что немецкая пропаганда одновременно вела работу по подготовке домашней аудитории к принятию непопулярного плана, согласно которому Германия впредь будет занимать **оборонительную** позицию. Осуществ-

ление подобной пропаганды, допускающей слабую позицию Германии и признание того, что война подходит к завершению, усугубляло моральное состояние местного населения.

Ф. Поэтому развитие немецкой пропаганды, вероятней всего, объяснялось знанием того, что масштабное наступление немецкой армии не планировалось. Если бы данные действия предполагались, то немецкая пропаганда перестала бы угнетать немецкий народ и попыталась бы провозгласить преимущества оборонительной тактики.

Этот прогноз, основанный на анализе пропаганды, был довольно правильным. Доступные впоследствии для изучения документальные свидетельства указывали на то, что Гитлер, не послушав совета полностью перейти к оборонительной стратегии на востоке, планировал только «губительную» контратаку^[7].

4. В июне 1942 г. возник вопрос о смене курса официальной дипломатической политики правительства Германии по отношению к Бразилии. Отношения двух стран на протяжении некоторого времени были очень напряженными, что в середине 1942 г. привело к состоянию необъявленной войны. Тем не менее в трансляциях из Берлина в Бразилию преобладал тон «обиженного друга». В конце июня трансляции стали носить более агрессивный характер. Все это сопровождалось прямыми нападениями и явными угрозами.

Была ли эта угроза в большей степени обманом, или правительство Германии действительно готовило мощный ответ? Исследователь из ФКС предположил, что подобные угрозы и официальные объявления если и были не более чем обманом, служили примером чрезвычайно плохой пропаганды: «Закулисное давление и демонстрация силы могли произвести глубокое впечатление на руководство некоторых стран в Латинской Америке. Но публичный призыв к нации и поступающие угрозы не являются достаточными аргументами для населения Латинской Америки, под тяжестью которых оно сломается в стремлении избежать самого худшего сценария». Поэтому ученый предполагал, что немцам не удалось повлиять на психологию населения Латинской Америки. Он говорил о том, что эти открытые угрозы не являлись примером неумелой пропаганды, а скорее показывали, что Берлин был готов отказаться от роли «обиженного друга»^[8].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Авторитетное мнение относительно того, как некоторые операции нацистов были подготовлены с точки зрения пропаганды, можно найти в письменных показаниях ведущего немецкого пропагандиста Ханса Фритша, которые он давал под присягой для Нюрнбергского процесса: документ 3469-PS — Конспирация нацистов и агрессия, том VI, стр. 184—190.

[2]. Последний из двух ранних подходов изучал лишь цели пропаганды, которую руководство

поменяет в соответствии со своими намерениями, т. е. пропаганда рассматривалась как маскировка *планирующегося* действия. Считалось, что если пропагандистские приемы маскировки действия расшифровать, то с большой вероятностью можно сделать точный прогноз. Это утверждение само по себе бесспорно. Однако когда пытались установить закономерность в системе маскировки, оказывалось, что такой подход излишне упрощает проблему прогнозирования действий в конфликтной ситуации, во время которой действующее лицо хорошо знает, что его действия (речевые и иные) тщательно изучаются в попытке раскрыть его намерения и расчеты. Ожидания, что *подобные* открытия будут случаться регулярно, не соответствовали действительности. В данном подходе не учитывался тот факт, что противник будет специально применять разные модели для маскировки своих действий, чтобы еще больше запутать исследователей.

[3]. Таким образом, в некоторых случаях аргументация, применяющаяся в непрямом методе, является специальным средством временной оценки. Позднее исследователи пытались понять логику эксперимента при помощи повторения предположительных выводов. Изменение значения одного или нескольких показателей было одним из условий исследования, необходимых для оценки последствий пропаганды (если они были) и дальнейшего применения метода. Посредством такого образного повторения можно определить возможную структуру или сделать определенные выводы. Для изучения данной процедуры с точки зрения исторического объяснения см. комментарий Толкотта Парсонса к работе Макса Вебера «*Структура социального действия*». 2-е изд. 1949. С. 610.

[4]. Для изучения структурной основы опытного анализа действия см. работу Толкотта Парсонса «*Структура социального действия*». Гленкое, Иллинойс, 1949. Предварительные попытки систематизации методологии исследований, нацеленных на объяснение конкретных действий, были сделаны в работе Пауля Феликса Лазарсфельда и Морриса Розенберга «*Язык социального исследования*». Гленкое, Иллинойс, 1955. Часть 5: «*Эмпирический анализ действия*».

[5]. По данным Министерства авиации Великобритании, при помощи установок, находящихся в северной части Франции, было запущено производство нового вида оружия. «Но ракеты появились нескоро, — пишет Уолтер Беделл Смит, — один из наших высокопоставленных офицеров даже выдвинул теорию о том, что площадки — это муляжи, которые нацисты специально построили, задумав отвести наши бомбардировщики от важных целей» (*Шесть великих решений Эйзенхауэра* — I. *The Invasion Gamble // Saturday Evening Post*. 1946. 18 June. Vol. 218, № 49. P. 106; см. также: *Дуайт Дэвид Эйзенхауэр. Крестовый поход в Европу*. N. Y.: Garden City, 1948. P. 229—230, 259—260; *Г. Бутчер. Три года с Эйзенхауэром*. Нью-Йорк, 1946. С. 468, 492, 513; *Р.В. Джонс. Разведка в области науки: некоторые особенности ее развития*

с 1939 по 1945 г. // Журнал Королевского института объединенных служб).

[6]. Элементы анализа слишком сложны для более полного освещения в данной статье. Частичное исследование этих выводов осуществлялось в докладе Геббельса, информацию для которого ему передал лично Гитлер. Согласно данным этого доклада, воздушные налеты англичан на Пенемюнде и на другие базы, где выпускалась «Фау-1» 17 августа и 7—8 сентября 1943 г., замедлили подготовку на 4—8 недель (Луис П. Лохнер, изд. Дневник Геббельса. Нью-Йорк, 1948 г., статья за 10 сентября 1943 г. С. 435—436).

[7]. В боевом приказе №5, изданном Гитлером 13 марта 1943 г., обращенном к немецкой армии в России, говорилось лишь о проявлении инициативы на определенных участках фронта, по возможности до того, как это сделают русские, отдавался приказ действовать по крайней мере на одном участке фронта. См. также: Б. Г. Лиддел Гарт. Что рассказывают немецкие генералы. Нью-Йорк, 1948. С. 212; Джон Фредерик Чарльз Фуллер. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1949. С. 276—277. В дневнике Геббельса в мае 1943 г. было записано: «На востоке фюрер скоро начнет выборочно атаковать в направлении Курска. Но, возможно, он решит подождать, так как хочет проверить, не опередят ли нас большевики на данном направлении. Такой

расклад сил принесет нам гораздо больше пользы, чем если бы мы стали проявлять инициативу первыми...» (с. 352; см. также сс. 391—392.) Гитлер, очевидно, устал ждать того, когда русские начнут операцию, поэтому 5 июля он начал наступление в направлении Курска. Но наступление немецких войск на восток в 1943 г. не были таким масштабным, как атаки двух предыдущих лет.

[8]. Связь между изменениями в немецком вещании на территории Бразилии, о которых говорилось выше, и планами немцев относительно начала боевых действий против Бразилии не имеет прямого подтверждения. Однако есть косвенные свидетельства тому, что смена тона в пропаганде и ее содержании могла соответствовать планам военных действий. Так, например, во время конференции, на которой присутствовал фюрер, 14 мая 1942 г. обсуждался меморандум под названием «Начало военных действий против Бразилии» и планы военно-морского флота по нанесению «мощного удара». Гитлер инициировал участие немецкой подводной лодки в атаке на Бразилию, которая была намечена на начало августа. «Мощный удар» был нанесен не в мае, как планировалось, а 15 августа 1942 г., когда пять бразильских судов, включая транспортное судно, были уничтожены с берега. Другое бразильское судно затонуло 19 августа. После этого 22 августа Бразилия объявила войну Германии и Италии.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.163.2'27
ББК Ш141

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.03

А. П. Чудинов **A. P. Chudinov**

Е. А. Нахимова **E. A. Nakhimova**

Екатеринбург, Россия
Ekaterinburg, Russia

БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

Аннотация. Рецензия на монографию Лиляны Цоневой «Болгарската политическа метафора» (Велико Търново, изд-во «Ивис», 2012) — 258 стр.

Ключевые слова: политическая метафора; когнитивистика; концептуальная метафора; языковая картина мира; языковая игра.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

BULGARIAN POLITICAL METAPHOR

Abstract. This is a review of a book by Lilyana Tsoneva «Bulgarian Political Metaphor (Veliko Tynovo, Ivis Publ., 2012)» — 258 p.

Key words: political metaphor; cognitive linguistics; conceptual metaphor; language world picture; language-game.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Исследование болгарской политической метафоры, предпринятое Лиляной Цоневой, представляет значительный интерес не только для болгарской лингвистики. Поэтому имеет смысл рассмотреть место рецензируемой монографии в общем контексте теории и практики политической метафорологии.

Интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу, яркой приметой которого в последние десятилетия стала все возрастающая метафоричность. В связи с этим стремительно растет количество публикаций, посвященных политической метафоре, которая еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом. Исследование метафорического арсенала позволяет выявить подсознательные установки и стремления политического лидера, является ярким показателем особенностей национального самосознания и уровня политического развития общества. Показательно, что учение о метафоре, которое еще недавно относили к периферии лингвистики, попало в центр интересов таких наук, как социальная и политическая психология,

философия, логика, теория коммуникации, культурология и этнология. Теория метафоры в последние десятилетия стала едва ли не ведущим направлением когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

В современной теории и практике когнитивного изучения политической метафоры важную роль играет классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980] (в русском переводе: [Лакофф, Джонсон 2004]). Как справедливо отмечает А. Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре — своеобразным аналогом сосюрковского „Курса общей лингвистики“ в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7].

Другое знаменательное событие в истории изучения политической метафоры — это появление знаменитой интернет-публикации Дж. Лакоффа «Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf» [Lakoff 1991], в которой автор не только с необычной для филолога страстностью разоблачал способы метафорического оправдания готовящейся войны Соединенных Штатов и их союзников против Ирака, но и в полной мере продемонстрировал свою методологию изучения концептуальной политической метафоры, одним из этапов которой является сопоставление метафорического представления одного и того

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Чудинов А. П., Нахимова Е. А., 2012

же феномена в политических дискурсах разных народов. Думается, что именно названные публикации обозначили рубеж, с которого начинается современный этап в изучении политической метафорике, а возможно, и новый этап в развитии всей политической лингвистики.

Как показывает специальный обзор [Будаев, Чудинов 2008], уже в конце прошлого века рассматриваемая теория и соответствующая ей практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание в мировой науке [Bachem, Battke 1991; Borkowski 2003; Chilton 1996; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1991; 1996; Lakoff, Johnson 1980; Milliken 1996; Musolf 1995; Rohrer 1995; Semino, Masci 1996; Schäffner 1995, 1996; Straehle et al. 1999; Thornborrow 1993 и др.]. За четверть века в самых разных странах мира были созданы сотни публикаций, авторы которых обосновывают свой подход ссылками на теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Вместе с тем вполне закономерно, что отдельные положения теории концептуальной метафоры со временем уточнялись и развивались. В настоящее время исследования политической метафорике ведутся во всех мегарегионах земного шара.

В новой монографии Лиляны Цоневой развиваются (в некоторых случаях — и переосмысляются) некоторые идеи, отраженные в более ранних работах автора, посвященных болгарской политической метафоре и ее сопоставлению с русской метафорой.

В книге представлено исследование болгарской политической метафоры начала нашего века. Автор подчеркивает, что начало XXI века — очень важный период в новейшей истории Болгарии, отмеченный важными событиями, нашедшими свое метафорическое отражение в СМИ. К ним бесспорно относятся вступление страны в НАТО в 2004 г. и в Европейский союз в 2007 г., несколько избирательных кампаний, мировой экономической кризис и т. д. Опыт самых различных стран (США, Германия, Нидерланды, Франция, Китай) показывает, что „метафорические бури“ часто являются отражением осложнения политической обстановки, а „метафорическое затишье“ часто отражает период стабилизации. Похоже эта закономерность проявляется в Болгарии.

Первая глава носит теоретический характер: исследователь рассматривает общие проблемы политической метафоры, теорию дискурса, функции метафор и их источников, соотношение метафоры и языковой игры.

Вторая глава посвящена детальному описанию конкретных метафорических моделей. Взяв за основу для своей классификации сферы-источники метафоризации, Лиляна Цонева последовательно описывает модели антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной метафоры. Автор убедительно показывает, что в болгарском политическом

дискурсе особенно активны медицинская, театральная, военная, спортивная, зооморфная и кулинарная метафоры. Значительный интерес представляют также образы, связанные с метафорическим использованием прецедентных имен. Например, на стр. 189—191 в рамках анализа метафоры пути проанализированы случаи метафорического употребления имени «Титаник» как символа катастрофы.

Как известно, в современном мире все активнее формируется глобальное метафорическое пространство: удачные образы, возникающие в одном языке, нередко приобретают глобальную популярность. Так получается, что метафорическое мировосприятие различных народов все больше сближается. Для русского читателя особый интерес представляют болгаро-российские метафорические параллели. Разумеется, речь не идет о полном сходстве, но эти параллели — еще одно свидетельство традиционной близости наших языков и языковых картин мира.

Особый интерес для русского читателя представляет анализ некоторых метафорических моделей, в которых можно увидеть единицы, характерные прежде всего для болгарского медиадискурса. К таким моделям можно отнести в первую очередь модель “Кулинария”, в которой особое место занимает метафора *баница* как символ власти, модель “Животный мир” и т. д. Наличие подобных метафор позволяет говорить о том, что болгарское восприятие мира обуславливается множеством факторов с вековой историей, к которым можно отнести геоклиматические условия жизни, традиции, особенности национальной ментальности и т. д.

Анализ основных метафорических моделей позволяет автору прийти к выводу, что болгарская метафорическая картина мира, представленная в дискурсе СМИ — явление сложное, сочетающее в себе элементы славянские, балканские и общечеловеческие.

Исследование Л. Цоневой может стать базой для сопоставления болгарских метафор с метафорами в других славянских и неславянских языках, которое может выявить важные особенности восприятия и оценки мира людьми в различных лингвокультурных сообществах — особенности универсальные, общие для всего мира или для определенного региона, а также специфические, характерные для национального общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2008.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
4. Цонева Л. Болгарската политическа метафора. — Велико Търново : ИВИС, 2012.

5. *Bachem R., Battke K.* Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik* Opladen / ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. — Opladen : Westdeutscher Verl., 1991.
6. *Borkowski I.* Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981-1995. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
7. *Chilton P. A., Ilyin M. V.* Metaphor in Political Discourse: the Case of "Common European House" // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1.
8. *Chilton P.* Secutity Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — N. Y. ; Bern ; Frankfurt/M. : Peter Lang, 1996.
9. *Chilton P., Lakoff G.* Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. — Aldershot : Dartmouth, 1995.
10. *Lakoff G.* Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.
11. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.
12. *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. ULR: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm (1991).
13. *Milliken J. L.* Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. — East Lansing : Michigan St. Univ. Pr., 1996.
14. *Musolff A.* Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / ed. C. Schäffner, A. L. Wenden. — Aldershot : Dartmouth, 1995.
15. *Rohrer T.* The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.
16. *Schäffner C.* Building a European House? Or a Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. — Aldershot : Dartmouth Publ., 1996.
17. *Schäffner C.* The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A. L. Wenden (eds.) — Aldershot : Dartmouth, 1995.
18. *Semino E., Masci M.* Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. 1996. Vol. 7. № 2.
19. *Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M.* Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 4.
20. *Thornborrow J.* Metaphors of Security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

Дискуссии. Раздел предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

С 2012 г. все присылаемые материалы проверяются в системе «Антиплагиат». В случае заимствования чужих идей без указания источника цитирования в соответствии с принятыми в научном сообществе нормами статьи возвращаются авторам.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).